

АЗИАТСКИЙ
МУЗЕЙ-
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Редакционная коллегия:

*А. П. БАЗИЯНЦ, Д. Е. БЕРТЕЛЬС (отв. секретарь),
акад. Б. Г. ГАФУРОВ, А. Н. КОНОНОВ (председатель),
Е. И. КЫЧАНОВ, И. М. ОРАНСКИЙ, Ю. А. ПЕТРОСЯН,
Э. Н. ТЕМКИН, О. Л. ФИШМАН, А. Б. ХАЛИДОВ, И. Ш. ШИФМАН*

Коллективный труд посвящен развитию востоковедных дисциплин за 150 лет в Азиатском музее — Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Книга содержит обобщающий очерк развития востоковедения в Азиатском музее — ЛО ИВАН, а также изложение истории развития отдельных дисциплин: китаеведения, индологии, арабистики, кавказоведения и т. п.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исполнилось 150 лет со дня основания Института востоковедения Академии наук СССР (б. Азиатского музея) — крупнейшего центра научного востоковедения в нашей стране. В связи с этой датой группой сотрудников Ленинградского отделения Института подготовлена предлагаемая вниманию читателей книга, посвященная истории развития академического востоковедения в Ленинграде начиная с основания Азиатского музея.

Эту книгу следует рассматривать как часть истории Института востоковедения АН СССР. Всю историю отечественного востоковедения в Академии наук СССР невозможно уложить в рамки одной, хотя и большой книги. Поэтому естественно начинать изложение его истории с истоков, с периода становления востоковедных дисциплин, с истории превращения востоковедения в марксистскую общественную науку, с истории становления традиций в исследовании древнего и средневекового Востока в отечественном востоковедении и их развитии в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Развитие истории исследования современного Востока в Институте востоковедения в Москве — это история превращения небольшого академического института в крупнейший востоковедный центр мирового значения, и она должна явиться предметом отдельного коллективного труда.

Как уже говорилось, настоящий том посвящен истории Азиатского музея — Института востоковедения, однако авторский коллектив не мог, естественно, рассматривать историю развития востоковедных дисциплин только в стенах нашего учреждения, в отрыве от истории востоковедения в России и СССР. Это обстоятельство породило ряд трудностей, связанных с необычайной сложностью и многообразием научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности отечественных востоковедов. Следует поэтому иметь в виду, что деятельность многих ученых, особенно старшего поколения, — представителей той эпохи развития востоковедения, когда круг занятий одного ученого охватывал ряд близких отраслей, — освещается в разделах, посвященных разным дисциплинам. Особенно тесными и плодотворными были связи между востоковедами Азиатского музея — Института востоковедения и востоковедами Петербургского —

Ленинградского университета. Подавляющее большинство сотрудников Азиатского музея — Института востоковедения составляли питомцы Факультета восточных языков (впоследствии Восточного факультета) Петербургского—Ленинградского университета многие из них совмещали работу в нашем учреждении с активной научно-педагогической деятельностью в университете. Многие исследования и целые научные направления, зародившись в стенах университета, продолжали разрабатываться затем в нашем учреждении, и, наоборот, многие начатые в стенах Азиатского музея — Института востоковедения завершались затем на востоковедных кафедрах университета.

Книга включает в себя помимо настоящего предисловия вводную статью по истории организации востоковедения в Ленинграде и двадцать четыре специальные статьи, в которых показано развитие отдельных востоковедных дисциплин.

Некоторые из дисциплин, развитие которых рассматривается в данной книге, представлены в Институте с самого его основания (например, арабистика, иранистика) и имеют уже полуторавекую традицию; другие возникли позже, наконец, третьи — совсем недавно. Понятно поэтому, что отдельные статьи существенно отличаются и по своему объему и по характеру изложения.

Авторы не стремились дать исчерпывающую историю академического востоковедения в Ленинграде. Они ставили перед собой задачу более или менее подробно охарактеризовать деятельность научных сотрудников Института в той или иной востоковедной дисциплине.

Редколлегия старалась сохранить по возможности стиль изложения, избранный авторами отдельных статей.

Представляя настоящий том на суд читателей, авторский коллектив надеется, что в нем нашли свое отражение важнейшие вехи в развитии нашего учреждения и представленных в нем востоковедных дисциплин. И если этот труд послужит в какой-то мере делу подготовки исчерпывающей истории востоковедения в нашей стране, авторский коллектив будет считать свою задачу выполненной.

Редакционная коллегия

Д. Е. БЕРТЕЛЬС

Введение

I

(1818—1917)

Полтора века минуло с того дня, когда в стенах Академии наук появилось учреждение, которое положило начало новому периоду в академическом востоковедении нашей страны. Однако как научное востоковедение, так и это учреждение возникли не внезапно, а их появлению предшествовал длительный подготовительный период. Как и в развитии других отраслей наук, этому предшествовали знания, порожденные требованиями практической деятельности. Географическое положение России, бесконечно длинная линия ее границ со странами Востока, наличие восточных народов в ее составе, торговые и дипломатические связи требовали людей, знающих Восток. И такие люди были еще на Московской Руси.

До учреждения Посольской избы (1549 г., позднее — Посольский приказ) делами всех внешних сношений Московского государства ведал Казенный двор в Москве, в штате которого уже были сведущие в восточных языках «переводники» и толмачи¹. Когда же сложился Посольский приказ², в нем были утверждены должности переводчиков и толмачей. Свое дело переводчики знали основательно, о чем свидетельствует широко известное мнение Петра I, считавшего их слог образцом русского литературного языка той эпохи.

Специальных школ для подготовки переводчиков в ту пору не было. Их подыскивали среди татар г. Романова, иногда, правда, посылали учить «татарский» язык в Астрахань (например, в 1650 г.).

Русские послы в восточные страны, как правило, восточ-

---

¹ С. А. Белокуров, О Посольском приказе, М., 1906, стр. 34, где упоминаются переводчики на восточные языки в 1489—1492 гг.

² О «повытьях» приказа, своего рода департаментах, и распределении между ними восточных стран см. там же, стр. 51—53; 167; списки переводчиков в 1689 г., стр. 131—132; толмачей, стр. 135.

ных языков не знали, и поэтому в состав посольства всегда включались толмачи и переводчики. Потребность в переводчиках, знакомых с восточными языками, была велика не только для посольства и миссий, но и для успешной торговли, пограничной службы и т. п.

Наряду с практическим изучением восточных языков в России довольно рано появилась литература, которую условно можно назвать «востоковедной». В работе И. Ю. Крачковского говорится об участии «переводников» Посольского приказа в переводах «исламоведной литературы»³. Писались также рассуждения о словах различных восточных языков, попавших в русский; сочинения на историко-культурные, религиозные, философские и бытовые темы, делались переводы литературных памятников народов Востока. Однако вся эта литература почти не привлекала восточные источники — монеты и рукописи еще не стали объектом внимания востоковедов той поры.

Резко изменилось изучение Востока в петровской Руси. Сейчас еще нет возможности перечислить все распоряжения Петра I, направленные на развитие отечественного востоковедения, ибо никто еще не исследовал с этой точки зрения его эпоху. Однако целый ряд фактов хорошо известен⁴.

Первым государственным распоряжением принято считать указ от 18 июня 1700 г. о двух-трех человеках «не престарелых иноков», которые бы «могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться»⁵. Обучению восточным языкам посвящен указ Петра от 16 октября 1705 г., которым японцу Денбею повелевалось «учить японскому языку и грамоте ребят человек четырех или пяти»⁶. 18 января 1716 г. был издан сенатский указ «О выборе в Москве из Латинских школ пяти человек молодых для посылки в Персию обучаться восточным языкам»⁷.

В указах Петра, касавшихся созданной им Кунсткамеры и пополнения ее коллекций, следует видеть документы, имеющие непосредственное отношение к коллекциям будущего Азиатского музея⁸.

³ Крачковский, Очерки (раздел «Предыстория русской арабистики»). Работы, часто упоминаемые в данной книге, указываются в скобках в сокращенном виде. Полное их название и выходные данные см. в списке сокращений в конце книги.

⁴ О них писали: Бартольд, — МИФВЯ, т. IV, СПб., 1909, стр. 1—10; Крачковский, Очерки, стр. 31—35; Кононов, К истории русской тюркологии (до XIX в.), — ИКНВ, стр. 202—214.

⁵ ПСЗРИ, IV, № 1800.

⁶ ЖМНП, ч. XXIX, 1853; ч. VII, стр. 86—89; Бартольд, — МИФВЯ, т. IV, стр. 2—3; О. П. Петрова, Японский язык в России в первой половине XVIII в., — НАА, 1965, № 1, стр. 163—177.

⁷ ПСЗРИ, V, № 2978; молодые люди должны были быть отправлены в Персию с посольством Артемия Волынского.

⁸ См., например: Дорн, Аз. Муз., Приложение А.

Наконец, еще одно распоряжение Петра, касающееся востоковедных дел, но, пожалуй, самое важное, так как его можно считать началом официального научного востоковедения в России. 15 мая 1722 г. царь отправился из Москвы в Персидский поход. Во время месячного плавания по Волге он осмотрел развалины города Булгар. По прибытии в Астрахань он написал 2 июля губернатору Казани и велел немедленно послать в Булгар несколько каменщиков для починки разваливающихся башен, а также описать находящиеся там татарские и армянские надгробные надписи, копии которых хранились позднее в Казанской губернской канцелярии⁹.

Последний указ, данный Сенатом по указу Петра, датирован 23 августа 1724 г. и касается обучения турецкому языку «из шляхетства несколько молодых людей», для чего предполагалось послать этих людей на несколько лет в Царь-город¹⁰.

Во время плавания по Волге Петра сопровождал Дмитрий Кантемир (1673—1723), который вошел в историю востоковедения как создатель первой в России типографии с арабским шрифтом¹¹, как автор объемистого труда о Турции и исламе.

С эпохой Петра связаны восточная «гимназия» И. Глюка и И. Паузе в Москве (1703), научная экспедиция д-ра Д. Г. Мессершмидта для изучения Сибири (1719—1727) и многое другое.

Главным стимулом всех этих распоряжений Петра безусловно была его восточная политика.

Перед самой кончиной Петр издает именной указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии...». С созданием Кунсткамеры и Академической библиотеки неразрывно связана история будущего Азиатского музея.

В открытой в 1725 г. Петербургской академии наук среди

---

⁹ Ф. И. Соймонов, Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, СПб., 1763, стр. 57. См. также: А. А. Гольденберг, Федор Иванович Соймонов (1692—1780), М., 1966, стр. 223—224. Отрывки немецкого перевода книги Соймонова были напечатаны в 1762—1763 гг. На них ссылается Френ (F r ä h n, Das Muhammed, Münzkabinet, стр. 7, прим.). О дальнейшей судьбе этих копий см.: МИФВЯ, т. IV, стр. 8—9; Материалы, т. VI, стр. 283; Крачковский, Очерки, стр. 32—33.

¹⁰ ЖМНП, ч. XXX, 1853, отд. VII, стр. 28—29 — по материалам книги Сенатского производства.

¹¹ На борту шнявы «Св. Александр» находилась «малая типография арапских литер», где Д. Кантемир печатал им же переведенные прокламации на персидском и турецком языках, — Соймонов, Описание..., стр. 58; Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 187; Гольденберг, Федор... Соймонов, стр. 39.

академиков «первого призыва»¹² был ученый-востоковед Г.-З.-Т. Байер (1694—1738)¹³.

Если до сих пор шла речь об отдельных фактах в истории востоковедения, даже о предприятиях в государственном масштабе, но опять-таки изолированных, то со времени учреждения АН мы имеем, пожалуй, возможность говорить о развитии академического востоковедения. Правда, с момента вступления в ряды академиков первого востоковеда до появления в АН самостоятельного востоковедного учреждения пройдет еще почти целый век.

Шли годы, расширялась и крепла АН. «Крепкая связь академии со страной,— писал в 1925 г. акад. С. Ф. Ольденбург,— даже в те старые годы, когда академики почти все были иностранцы, образовалась особенно благодаря тому, что академия с самого основания, по мысли своего учредителя Петра Великого, уделяла очень большую часть своей работы исследованию страны во всех отношениях»¹⁴.

Пополнялись книжные собрания библиотеки АН и коллекции Кунсткамеры, быстро росло число восточных монет. Например, в одном только 1728 г. в Кунсткамеру поступили нумизматические коллекции, и в их числе «татарские монеты»¹⁵, «рукописные книги на восточных языках писанные»¹⁶.

Научные коллекции по мере их накопления начинают требовать систематизации, описания, использования в научных исследованиях. Было ли то чистой случайностью или вызвано потребностью научно описать монеты Кунсткамеры, но вице-канцлер А. И. Остерман пригласил в Россию Георга Яковлевича Керу¹⁷. Г. Я. Кер (1692—1740) прибыл в Петербург в 1731 г. и был назначен переводчиком восточных языков при Коллегии иностранных дел, ему же вменялось в обязанность обучать этим языкам шесть учеников из Московской славяно-греко-латинской школы. Вскоре он приступил к описанию восточных монет Кунсткамеры¹⁸. В историю отечест-

¹² Крачковский, Очерки, стр. 35.

¹³ Там же, стр. 35—36. Литературу о нем см.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 2—21, 37, 1315; Гульбин, Словарь, т. I, лл. 46—49; F. Babinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien in 18 Jahrhundert, Leipzig, 1915.

¹⁴ Ольденбург, Итоги академического юбилея, — НР, кн. 3, 1925, стр. 3.

¹⁵ «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на русский язык переведенный В. Костыговым» (СПб.), 1779, стр. 118.

¹⁶ Там же, стр. 86—97; «История АН СССР», I, стр. 58—59.

¹⁷ Наиболее полно литература о Керу собрана в кн.: Гульбин, Словарь, I, лл. 288—293.

¹⁸ В сентябре 1735 г. главный командир академии бар. И. Корф распорядился выдать Керу 100 руб. за описание «ориентальных медалей» («Материалы», т. 2, стр. 790).

венного востоковедения Г. Я. Кер вошел как автор первого проекта учреждения Восточной академии (1733). Свой проект он обосновал не только нуждами дипломатической службы в странах Востока, но и просветительной миссией России в Азии, важностью изучения восточных источников для истории России¹⁹.

Проект Кера не вызвал откликов в научном мире²⁰, более того — он был оставлен без внимания и руководством АН.

По мнению И. Ю. Крачковского, идея проекта Кера была известна Михайле Ломоносову, и, вероятно, не случайно в его черновых записях упоминается «Ориентальная академия»²¹.

И действительно, в 1758—1759 гг. в своей записке по поводу необходимости реорганизации АН Ломоносов писал: «...5) В европейских государствах, которые ради отдаления от Азии меньшее сообщение с ориентальными народами имеют, нежели Россия по соседству, всегда бывают при университетах профессора ориентальных языков. В академическом статье о том не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству не токмо профессору, но и целой Ориентальной академии быть бы полезно»²².

Ломоносов прекрасно понимал важность создания в высшем научном учреждении такой страны, как Россия, центра по изучению Востока. К сожалению, не удалось установить, как было воспринято это мнение руководством академии, но прошло несколько лет, и Ломоносов вновь возвращается к этому вопросу.

В 1764—1765 гг. в проекте регламента академии, определяя «должность и труд» отдельных академиков, он упоминает и востоковедение: «§ 36. Знающий восточные языки академик, во-первых, должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными по тамошнему состоянию людьми и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, а особливо соседственных народов в рас-

---

¹⁹ В 1821 г. Х. Френ нашел проект в бумагах академической библиотеки и опубликовал в виде приложения к своей книге: F r ä h n, Das Muhammed, Münzkabinet, стр. 101, прим. Затем проект был затерян и недавно вновь обнаружен при описании личного фонда Г. Кера, хранящегося в АВ (ф. 26).

²⁰ Много лет спустя о нем писал П. С. Савельев, — ЖМНП, 1855, ч. 39, отд. 3, стр. 27—36; М. П. Шувалов, Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера, — сб. МГА МИДа, вып. 5, М., 1893, стр. 89—110; МИФВЯ, т. IV, стр. 12—13; Крачковский, Очерки, стр. 37.

²¹ Там же. Эта мысль И. Ю. Крачковского, о чем, правда, писал еще В. В. Бартольд (МИФВЯ, IV, стр. 20), заставила обратиться к архиву и сочинениям М. В. Ломоносова.

²² ЛО ААН, ф. 20, оп. 1, л. 172 (автограф). Записка эта опубликована: М. В. Ломоносов, Собрание сочинений, т. X, стр. 50, документ № 400.

суждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства, в чем вспоможение подавать могут ему историограф и древностей профессор, также и от него получать напротив того изъяснения»²³.

В этом лаконичном параграфе целая программа развития востоковедения в академии.

Ломоносовский проект регламента скорее всего разделил судьбу «Проекта» Г. Я. Кера. В последующих проектах новых регламентов академии, например в 1774 г., нет и следов мнений Ломоносова.

Заботы Ломоносова о востоковедении этим не ограничились. В штате Академического университета, готовившего кадры для академии, он предусматривал должность «профессора древностей и ориентальных языков»²⁴.

С легкой руки Петра I, сначала чтобы угодить царю, позднее это стало хорошим обычаем, вельможи, ученые, да и просто частные лица дарили, жертвовали и завещали Кунсткамере разные достопримечательности²⁵. Ее коллекции быстро росли, увеличивалось количество восточных монет и рукописей. Еще Петр предписывал «в библиотеке книгам, в куншт-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить». Но прошло еще много лет, прежде чем стали печататься каталоги. Для истории востоковедения представляет интерес второй том каталога коллекций Кунсткамеры²⁶. В него вошли описания нумизматических собраний, восточная часть которых была сделана по описаниям Г. Я. Кера. К концу XVIII в. относятся и первые описания востоковедных коллекций Кунсткамеры и библиотеки в журналах, предназначенных для широкой публики²⁷.

Проявляя особый интерес к пополнению коллекций, АН еще в январе 1759 г. установила «класс академических корреспондентов»²⁸. Звание это было почетным, присваивалось ученым и путешественникам, в ряде случаев они получали от АН ежегодное содержание²⁹. В то же время появляются и зарубежные корреспонденты АН, которые сообщали о заслуживающих внимание коллекциях и способствовали их приобретению. Среди отечественных корреспондентов важную роль в истории востоковедения сыграл переводчик И. Изриг, при-

²³ Там же, стр. 150, документ № 140. Подлинника этих строк не сохранилось.

²⁴ Там же, стр. 256—257.

²⁵ См., например: Пекарский, Наука и литература, т. I, стр. 56; Дорн, Аз. Муз., стр. 27 (отд. отт.).

²⁶ «Musei Imperialis Petropolitani», vol. II, pars prima, 1741.

²⁷ «Journ. für Rußland, hrsg. v. J. H. Busset, Bd 2, Jan. bis Jun 1794, St.-Pbg., 1794, стр. 128—134, 216—221, 277—280 каталог А. Леонтьева.

²⁸ ТААН, вып. 3, стр. 328.

²⁹ Станюкович, Кунсткамера, стр. 168.

славший в АН «знатнейшее» количество предметов из Китая, Тибета и Индии. Собранные им рукописи и ксилографы хранятся в наши дни в Рукописном отделе ЛО ИВАН СССР³⁰.

К концу XVIII— началу XIX в. в Академии наук имелась солидная база для создания научного востоковедения, не было только ученых-востоковедов.

В первой четверти XIX в. Россия вступила в полосу заметного хозяйственного подъема, что не замедлило сказаться на всех сторонах жизни общества. Большие изменения произошли и в области науки. В 1803 г. АН приняла новый «Регламент»³¹, в 1804 г. был издан первый общий устав русских университетов, по которому в программу обучения было введено востоковедение.

Новый регламент АН дал возможность пригласить востоковеда, хотя в самом регламенте о востоковедении не было ни слова. Этим востоковедом был Г.-Ю. Клапрот (1783—1835), сначала адъюнкт по восточным языкам и словесности (1804), затем экстраординарный академик (1807). В 1810 г. он издал первый в истории АН востоковедный сборник³².

Клапрот был несомненно незаурядным знатоком восточных языков, автором огромного количества печатных исследований, переводов, в основном с китайского языка. И тем не менее, как об этом писал П. С. Савельев более 100 лет назад³³, а в наши дни — А. Н. Кононов³⁴, заметного следа в русском востоковедении он не оставил. Осторожно относились к его необычайно плодотворной деятельности и за рубежом³⁵.

Когда в сентябре 1812 г. армия Наполеона подошла к Москве, в Петербурге было принято решение о частичной эвакуации ценностей. Эвакуирована была и часть предметов Кунсткамеры. Однако уже в декабре 1812 г. все эвакуированные материалы вернулись в Петербург. Предстояло заново устраивать экспозиции Кунсткамеры, и, как это обычно бывает в таких случаях, решено было произвести ряд перемещений, коснувшихся, в частности, коллекций восточных монет, рукописей, книг, предметов из Египта. Работа эта велась не один год, и к концу 1815 г. в Кунсткамере (или Академическом музее, как в то время называли ее) был создан ряд кабинетов, и в их числе — Азиатский. Но юридического

³⁰ В АВ хранится его небольшой личный фонд (ф. 21).

³¹ «История АН СССР», т. 2, стр. 663—686.

³² «Archiv für asiatische Literatur, Geschichte und Sprachwissenschaft, Bd I, St.-Pbg., 1810, а также: «История АН СССР», т. 2, стр. 219, 249.

³³ П. Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855, стр. 46, 51.

³⁴ «История АН СССР», т. 2, стр. 219.

³⁵ См.: «Meyers Großes Konversations-Lexikon», 6-te Aufl., Bd 11, Leipzig und Wien, 1905, стр. 93.

оформления это деление тогда не получило. Прошло еще несколько лет, прежде чем он был официально учрежден.

С первых лет XIX в. во внешней политике России вновь сособо остро встал восточный вопрос, который с годами приобретал все больший вес, особенно после Отечественной войны 1812 г., когда русская дипломатия все более стала склоняться к отказу от активного вмешательства в европейские дела и повороту к Востоку. Этот поворот во внешней политике вызвал новую волну интереса к Востоку в русском обществе.

В эти годы родился еще один «Проект Восточной академии»³⁶, автором которого был С. С. Уваров³⁷. Проект этот пользовался довольно громкой известностью как в России, так и на Западе. Экземпляр проекта Ю. Клапрот³⁸ по просьбе автора дал на отзыв Гёте³⁹. В Париже проект привлек внимание Наполеона, который велел французскому востоковеду Л. Лангле (1763—1824) доложить ему об этом проекте⁴⁰.

В России о проекте писал П. Савельев⁴¹; много позже В. Бартольд отмечал, что проект Уварова отличается такой же неопределенностью, как и проект Кера⁴². Суровой критике подверг его И. Ю. Крачковский⁴³.

Не имея возможности даже кратко изложить содержание проекта Уварова, заметим, что в нем были смешаны два вопроса — преподавание востоковедных дисциплин и исследовательская работа. Но, пожалуй, основным недостатком про-

---

³⁶ «Projet d'une Académie Asiatique», St.-Pbg., 1810. Без указания автора. Немецкий перевод: «Ideen zu einer Asiatischen Academie», St.-Pbg., 1811. Перевод имеет ряд дополнительных примечаний. В библиотеке ЛО ИВАН СССР хранится экземпляр с дарственной надписью, отправленный автором в Казань Х. Френу в 1815 г. Русский перевод: «Мысли о заведении в России Академии Азиатской»,—ВЕ, ч. IV, 1811, стр. 27—52, 96—120.

³⁷ С. С. Уваров (1786—1855), в то время попечитель Петербургского учебного округа, с 12 января 1818 г.—президент АН, в 1838—1849 гг.—министр народного просвещения, с 1811 г.—почетный член АН.

³⁸ См. письмо Уварова Клапроту от 20 марта 1811 г. ЛО ААН, ф. 783, оп. 2, № 93. О переписке Уварова с Гёте по другим вопросам см.: «История АН СССР», т. 2, стр. 32—33.

³⁹ Об этом писали биографы Гёте, см.: Э. Людвиг, Гёте, М., 1965, стр. 435, 577.

⁴⁰ «Etudes de philologie et de critique par M. Ouvaroff», St.-Pbg., 1843, стр. 51—52. Эта книга — собрание ученых трудов С. С. Уварова, в котором помещен и его «Проект Восточной академии» (на франц. яз., стр. 1—39). К нему приложено большое письмо Ж. де-Местра с критическими замечаниями (там же, стр. 49—65). См. также: «Азиатская академия. Заметки Хаханова о проекте Кера и проекте гр. Уварова с критическими замечаниями Де-Местра»,—«Кавказский вестник», 1902, № 8—9, стр. 44—59.

⁴¹ П. С. Савельев, Предположения.

⁴² МИФВЯ, т. IV, стр. 35—36.

⁴³ Крачковский, Очерки, стр. 70.

екта является неосуществимая в то время грандиозность замыслов.

С именем автора «Проекта» связана дальнейшая история востоковедения, ибо его стараниями были открыты в Главном педагогическом институте в Петербурге в 1818 г. кафедры арабского и персидского языков, основан был в том же году Азиатский музей Академии наук.

* * *

Изучение архивного наследия Х. Френа позволило установить, что приглашению его в Петербург предшествовала переписка, длившаяся несколько лет. Еще в феврале 1814 г. историк акад. Ф. И. Круг (1764—1844) писал Френу в Казань, предлагая ему приехать в Петербург посмотреть интересные его восточные монеты⁴⁴. В письме особо подчеркивалось, что в АН нет людей, сведущих в восточных языках.

Таким было положение востоковедения в Академии наук по свидетельству ее члена.

Два с лишним года спустя Ф. И. Круг предлагал Х. Френу составить каталог восточных монет, ввести его в состав академии⁴⁵, упоминая при этом письмо С. С. Уварова Френу.

Упоминание письма Уварова заставило обратиться к его письмам Френу. Переписка началась в январе 1815 г., когда Уваров уведомил Френа об отправке ему в Казань немецкого перевода «Проекта Восточной академии». В письме высказывалось также пожелание ближе познакомиться с Френом⁴⁶.

Из дальнейшей переписки видно, что Уваров видел в Френе того человека, который сможет возглавить академическое востоковедение. Френ увлекся идеями Уварова и обстоятельно отвечал на его письма, развивая в них свои мысли об изучении Востока в России⁴⁷. С каждым письмом Уваров все настойчивее приглашал Френа приехать в Петербург и заняться лежащими втуне в АН научными сокровищами⁴⁸. Когда же Френ решил ехать в родной Росток, где ему предложили занять освободившуюся кафедру в университе-

---

⁴⁴ ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 160; см. также: ф. 88, оп. 1, № 138—отпуск письма Ф. И. Круга от 4 февраля 1814 г.

⁴⁵ Параграф 24 «Регламента» АН 1803 г. давал право сделать академиком ученого, занимающегося науками, не означенными в § 3.—«История АН СССР», т. 2, стр. 668.

⁴⁶ ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315.

⁴⁷ Личный фонд С. С. Уварова хранится в Государственном историческом музее в Москве. В нем имеется большое письмо Френа, в котором тот затрагивает вопросы критического изучения арабских рукописей и восточных монет и т. п.

⁴⁸ Например, письма от 7 апреля и 3 июня 1816 г. (ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315).

те⁴⁹, Уваров был огорчен его выбором: «Я уже привык видеть в Вашем либеральном образе мышления будущий цвет востоковедных исследований».

В мае 1817 г. Френ выехал из Казани и прибыл в начале июня в Москву, где встретился с канцлером гр. Н. П. Румянцевым⁵⁰. Ревностный собиратель русских древностей, летописей и всего касавшегося русской истории, Н. П. Румянцев основал исторический кружок. К работе в кружке он привлек Х. Френа еще в годы его жизни и работы в Казани⁵¹.

В июне же 1817 г. Френ приехал в Петербург и уже 10 июня приступил к работе над восточными монетами и древностями Академического музея⁵². Вскоре он с головой ушел в работу, разбирая, отбирая и описывая монеты. К осени он, должно быть, решил задержаться в Петербурге до окончания работы над монетами.

24 сентября 1817 г. на заседании Конференции АН проф. Христиан Данилович Френ был избран ординарным академиком по разряду восточных словесностей. Был пущен в ход упоминавшийся § 24 регламента 1803 г.

12 января 1818 г. президентом АН стал С. С. Уваров. 22 марта 1818 г. Уваров выступил с речью на торжественном собрании Главного педагогического института⁵³ по случаю введения в заведование кафедрами восточных языков профессоров Ж.-Ф. Деманжа и Ф.-Б. Шармуа⁵⁴. Эта речь⁵⁵ — важная веха в истории нашего востоковедения и в значительной мере связана с учреждением Азиатского музея. Произносил ее 36-летний С. С. Уваров, впоследствии снискавший столь печальную славу в истории отечественного просвещения и науки. А в ту пору он был автором проекта Восточной академии, член литературного общества «Арзамас»⁵⁶, на собраниях которого он встречался с Пушкиным и Вяземским,

⁴⁹ В апреле 1816 г. Френ получил приглашение Ростовского университета занять место его учителя — покойного профессора восточной словесности О. Г. Тихсена (1734—1815) (там же, ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 11).

⁵⁰ Там же, ф. 778, оп. 2, № 273, л. 16. Переписка Френа с Румянцевым охватывает период с 1815 по 1825 г. и насчитывает 110 листов.

⁵¹ Об историческом кружке Н. П. Румянцева см.: Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, М., 1941, стр. 215—217.

⁵² ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818 г.), № 52, л. 11 об.

⁵³ Главный педагогический институт в Петербурге был учрежден 23 декабря 1816 г., и в нем сразу же предполагалось открыть кафедры арабского и персидского языков. 8 февраля 1819 г. институт был преобразован в университет (МИФВЯ, IV, стр. 36—37).

⁵⁴ Деманж (кафедра арабского языка) и Шармуа (персидский язык) — ученики известного востоковеда Сильвестра де Саси.

⁵⁵ «Речь президента имп. Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г.», СПб., 1818; МИФВЯ, IV, стр. 36—37 — краткое изложение речи Уварова.

⁵⁶ Кличка Уварова в «Арзамасе» — «Старушка».

Жуковским и Батюшковым и другими передовыми умами эпохи.

Тем временем руководство АН делало все, чтобы удержать Френа. Его определили почетным библиотекарем Публичной библиотеки с жалованьем 1200 руб. в год, с сохранением жалованья академика⁵⁷, Комитет министров постановил засчитать прежнюю службу его в Казанском университете в счет службы в АН, что также давало прибавку к жалованью⁵⁸. Должно быть, к этому времени Френ и решил навсегда остаться на столь хлебосольно принявших его берегах Невы. Перед ним стояли в то время сложные задачи: разобрать и описать собрание в 20 тыс. монет, представлявшее из себя «неорганизованный хаос», собрать и упорядочить другие восточные материалы, чтобы на первых порах хотя бы иметь представление об имеющихся.

* * *

11 (23) ноября 1818 г. президент Академии наук С. С. Уваров направил письмо в Комитет правления АН об учреждении при академии Восточного кабинета и определении его хранителем акад. Х. Д. Френа⁵⁹. Так был создан Восточный кабинет, который впоследствии стал широко известен в востоковедных кругах как Азиатский музей⁶⁰ Академии наук.

28 ноября 1818 г. Френ получил выписку из журнала Комитета правления, в которой ему предлагалось принять у Ф. И. Шуберта «восточные рукописи, монеты и медали, кои и устроить вам в Восточном кабинете, когда означенная на сей предмет в Кунсткамере комната совершенно будет отделана»⁶¹.

Так в истории академического востоковедения начался новый период — начало работать первое в системе АН востоковедное учреждение. С первых же месяцев своего существования Азиатский музей приковывает к себе внимание знатоков и любителей Востока, которые чуть ли не ежедневно

---

⁵⁷ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 1. Дело было заведено 26 марта 1818 г., таким образом решение о создании Восточного кабинета было принято за несколько месяцев до известного письма Уварова.

⁵⁸ Там же, л. 6.

⁵⁹ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1818), № 52 лл. 12—13; *Doгп, As. Mus.*, стр. 196—198. Копия была направлена Френу (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 1).

⁶⁰ Азиатским музеем он стал именоваться с декабря того же 1818 г., когда Х. Френ в ответ на отношение Уварова написал письмо в Комитет правления АН, в котором кратко сообщал о составе Восточного кабинета Азиатского музея (*Doгп, As. Mus.*, стр. 200).

⁶¹ ЛО ААН, ф. 4, оп. 1, № 16, § 862.2, а также § 862.3, 939.7; ф. 4, оп. 2(1818), № 52, л. 17; *Doгп, As. Mus.*, стр. 198—199, с небольшой поправкой: не за № 2134, а 2133.

подносили в дар музею разные предметы, книги и рукописи. Правда, и директор с первых же дней начал энергично действовать для пополнения собраний вверенного ему учреждения. Помимо того что он сам пожертвовал музею, следуя примеру Уварова⁶², ряд книг из личной библиотеки, добился покупки других, он также решил получить право поискать в академии материалы, касающиеся Востока и его изучения. В июне 1819 г. он обратился с запиской по этому вопросу в Конференцию АН и уже в августе представил список обнаруженных и принятых в АМ из архива Конференции документов. А несколько месяцев спустя Френ опубликовал первый отчет о работе АМ, в котором изложил также основные принципы формирования музея, стоящие перед ним задачи. Отчет этот, позволяющий, кстати, установить, когда АМ был открыт для посетителей, представляет значительный интерес⁶³. Начав донесение с сообщения о приобретении арабских, персидских и тюркских рукописей у бывшего французского консула в Алеппо Ж.-Л. Руссо⁶⁴, Френ довольно подробно описал рукописи. Затем счел нужным изложить основные принципы будущего каталога рукописей АМ, указав, по каким пунктам следует их описывать. Составление этого каталога необходимо, писал он, «дабы тогда сия часть Азиатского Музеума в одно время с прочими собраниями оного довести до большого сведения Отечества и иностранных земель»⁶⁵. «Таковые сокровища, — продолжал он, — не должны оставаться без употребления. Они должны быть употреблены в пользу наук и в пользу Отечества».

Далее он сообщал о своей работе над извлечением «исторических и географических известий о славянах, русских, козарах, булгарах и других соседственных для древней истории России важных народов» из арабских и тюркских

---

⁶² О пожертвованиях Уварова см. протоколы Конференции АН, 1820, § 349; 1823, § 13, 175; 1824, § 201, 379, 385 и др.

⁶³ Fraehn, Vorläufiger Bericht über eine bedeutende Bereicherung an Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften, die das Asiatische Museum der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Pbg. in diesem Jahre erhalten hat, nebst einigen Andeutungen von der Einrichtung und den sonstigen Schätzen desselben, — Beilage zu № 91 der St. Petersburg. Zeitung, 1819: *Dorn, As. Mus.*, стр. 201—216; русский перевод: Френ, Предварительное донесение, — «Санкт-Петербургские ведомости», № 93, 21.XI.1819 г. (Прибавление, 18 стр.).

⁶⁴ О коллекции: (J. L. Rousseau), *Catalogue d'une collection de cinquante manuscrits orientaux*, Paris, 1817; о продаже ее в Россию за 36 тыс. франков: «Note inconvenante sur l'achat des ses manuscrits orientaux par l'empereur de Russie», — JA, 1-re sér., t. VI, 1819, стр. 137; о владельце коллекции: H. Deherain, *Le consul orientaliste Joseph Rousseau*, — «Journal des savants», 1935, novembre-décembre, стр. 268—274; 1936, janvier-fevrier, стр. 26—35, mars-avril, стр. 72—82. Неопубликованная рецензия И. Ю. Крачковского на эту работу — АВ, Р. I, оп. 8, № 86.

⁶⁵ Френ, Предварительное донесение, стр. 11. По русскому переводу цитируется впервые.

источников, о том, что уже сделано и что еще предстоит сделать, прежде чем плоды его труда будут «изданы в печать»⁶⁶.

В АМ, извещал Френ читателей, все, кто интересуется восточными народами и их литературой, «найдут удобства, которые потребны для употребления с пользою рукописей», более того — востоковед «может пользоваться желаемою рукописью во всякое время года». Это было первое печатное приглашение ученым посещать АМ и пользоваться его научными сокровищами. Следовательно, Френ с самого начала ставил перед АМ задачи научного центра, а не только хранилища рукописей, монет и книг. Однако и этим роль АМ не должна ограничиваться. «Но желать должно, — писал Френ, — чтобы между нашими вельможами более нашлось Румянцевых⁶⁷, дабы многие главные сочинения сего собрания предварительно на оригинальном тексте могли быть издаваемы в свет теми, которые, кроме знаний, никаких к тому средств не имеют...» Нужно издавать только самые важные рукописи и только один текст, а переводы, комментарии и исследования надо предоставить будущим поколениям ученых. Значит, не хранить рукописи в шкафах музея, а делать их достоянием возможно более широкого круга ученых, использовать их для развития востоковедных знаний. А типографские возможности для таких изданий есть, подчеркивал Френ, называя типографии Казанского университета и Академии наук, «как то недавно доказал один небольшой опыт»⁶⁸.

Последние страницы этого отчета говорят о том, что уже в первые дни существования АМ⁶⁹ были заложены основы библиотеки по востоковедению (более 400 томов) и Азиатско-

---

⁶⁶ Выборку и перевод сведений по истории России из рукописей коллекции Руссо предложил Френу сделать Н. П. Румянцев: [А. Ивановский], Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев. Биографический очерк, СПб., 1871, стр. 46—47.

⁶⁷ В примечании 3 к стр. 13 донесения Френ сообщал, что по печатанию Н. П. Румянцева печатается «История монголов и татар, сочиненная Абулгазим». Книга эта печаталась с трудом и увидела свет лишь в 1825 г. (см. ЛО ААН, ф. 88, оп. 1, № 100; ф. 2, оп. 1 (1811), № 2).

⁶⁸ Речь шла о пробном оттиске «Ueber die Russen und Chazaren. Ein Bruchstück aus einem unedierten und bis dahin unbenutzten Arabischen Manuscripte des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Sr. Excellenz dem Herrn Präsidenten S. v. Ouwaroff, als Probe Arabischen Schrift der Akadem. Buchdruckerei vorgelegt». Оттиск сделан был по рукописи ад-Димишки, хранящейся в РО ЛО ИВ, шифр В 781. Описана была лишь в 1961 г. См. каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР, вып. 2, А. И. Михайлова, Географические сочинения, М., 1961, стр. 30—31, № 19.

⁶⁹ АМ был открыт для посетителей во второй половине июля 1819 г. 12 июля Уваров писал Френу, что Азиатский кабинет уже совсем готов: «Я самолично проверил замок, и теперь все в порядке» (ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 315).

го архива (ныне Архив востоковедов). Следовательно, в первый год работы в АМ был заложен фундамент трех отделов нынешнего ЛО ИВ — Рукописного, Библиотеки и Архива востоковедов — и сделано это было для удобства работы ученых в музее, о чем красноречиво говорится в последнем абзаце: «Таким образом, Азиатский Музей Академии, при таком сколь великом, столь разнообразном и драгоценном собрании, как зрелому знатоку восточной литературы, так и стремящемуся к оной молодому человеку не преминет доставить преизбыточную пользу, принесет достойный плод». И действительно, вся последующая деятельность этого востоковедного научного центра Академии наук блестяще подтвердила предположения Френа.

Опубликование «Предварительного донзения» в 1819 г. вызвало новый приток поступлений, особенно урожайным был 1821 год, значительно обогативший коллекцию восточных монет АМ.

В 1821 г. появляется второй отчет Френа о работе АМ (только на нем. яз.)⁷⁰. За эти годы Френу удалось упорядочить коллекцию восточных монет, систематизировать их. Завершена была отделка помещения, и коллекции были выставлены для всеобщего обозрения⁷¹.

Обогащению коллекции АМ, подчеркивал Френ, способствовало правительственное распоряжение о препровождении в Петербург всех найденных восточных монет, следить за чем поручалось губернаторам, городским головам и сельским старостам. Так АМ стал центром сбора восточных древностей. Была выпущена специальная листовка-обращение ко всем нумизматам, обладавшим коллекциями восточных монет.

Давая обзор того, что было сделано в области изучения Востока за последние годы, Френ отметил, что восточные кафедры университета и АМ стали плодотворно сотрудничать. Воспитанники кафедр постучались в двери АМ, и Френ с удовольствием и радостью распахнул их перед ними. Создание этих двух заведений, полагал Френ, «подарит России со временем солидное число дельных востоковедов — не только толмачей и переводчиков, не только знатоков языка, но и специалистов своего дела, научно образованных востоковедов. С помощью университетских кафедр и АМ, а равно через общение с народами Востока русские востоковеды обре-

⁷⁰ «Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiatischen Museums C. M. Frähn», St.-Pbg., 1821. В Библиотеке ЛО ИВ хранится личный интерфолированный экземпляр Х. Френа с дополнениями, исправлениями и вклейками (вырезки из газет и т. п.) — шифр XVI $\frac{4}{1}$.

⁷¹ Некоторые монеты имели от 50 до 300 дублетов, что крайне затрудняло работу над упорядочением коллекции, так как надо было выбрать самый лучший экземпляр (там же, стр. 73, прим.).

тут известность на Западе, и тогда те народы Европы, которые ранее ехали учиться в Париж, направятся в Россию, где смогут вдоволь утолить свою жажду из щедрого родника знаний Востока». Так представлял себе Х. Д. Френ будущее русского востоковедения в 1821 г.

С раннего утра до глубокой ночи просиживал директор — и он же единственный сотрудник музея, — регистрируя новые поступления, описывая их и обслуживая посетителей. Коллекции неудержимо росли, и справиться со всеми своими обязанностями Френ был уже не в состоянии. По распоряжению президента АН в помощники ему был определен «скромный ученый, положивший начало замечательному типу хранителей Азиатского музея»⁷², — Михаил Григорьевич Волков (1800—1846)⁷³. Работу в АМ он сочетал с преподавательской деятельностью в университете как помощник О. И. Сенковского.

В ноябре 1828 г. исполнилось 10 лет работы АМ, и Френ посвятил этому событию статьи, в которых рассказал о составе музея⁷⁴.

Деятельная натура директора АМ не позволяла ему ожидать сложа руки пополнения коллекций. В 1831 г. он обращается ко всем держателям восточных монет через «Санкт-Петербургские ведомости». Решил он также использовать торговые связи России со странами Востока для пополнения числа восточных рукописей. Действуя через министерство финансов, Френ издал в 1834 г. своего рода инструкцию, в которой перечислялись рукописи, представлявшие особо большую ценность для науки⁷⁵.

С момента основания АМ был резервуаром, в который стекалось все, что имело отношение к изучению Востока, включая и предметы материальной культуры. После обогащения коллекций в 30-е годы XIX в. стало очевидным, что дальнейшее сосуществование рукописей, книг, монет и предметов материальной культуры вряд ли научно оправдано. Исходя из этого, созданная в 1835 г. Конференцией АН особая комиссия решила: «...уборы и разную утварь азиатских народов новейшего времени» передать из АМ во вновь создаваемый Этнографический музей⁷⁶.

Новый академический устав 1836 г. впервые ввел востоковедение в число наук, «усовершенствованием коих академия

⁷² Крачковский, Очерки, стр. 72.

⁷³ Наиболее полно о нем см.: Гульбин, Словарь, т. I, лл. 152—157.

⁷⁴ Fraehn, Gedrängte Übersicht des Asiatischen Museums der kais. Akademie der Wissenschaften, — «St.-Petersb. Zeitung», 1829, № 71; Leipziger Litteratur-Zeitung, 1829, № 129, стр. 1026.

⁷⁵ В 1845 г. по просьбе министра финансов Ф. П. Вронченко Френ подготовил новый расширенный перечень-руководство для сбора рукописей, который был в том же году напечатан.

⁷⁶ ЛО ААН, ф. 4, оп. 2(1836), № 306, лл. 1—9.

должна заниматься», — в § 4 указывалась «восточная словесность и древность»⁷⁷. В приложенном к уставу штате АМ разрешалось из сумм, ассигнуемых на обогащение коллекций, выплачивать временные оклады путешественникам или собирателям, которые усердно способствуют пополнению коллекций. Это разрешение дало впоследствии АМ возможность привлекать так называемых приглашенных сотрудников. В том же, 1836 г. в АН появилось новое научное периодическое издание, в котором печатались статьи востоковедов⁷⁸.

В 1839 г. в АМ впервые поступили книги, напечатанные в странах Востока: 75 из Египта, 10 из Персии. Эти книги, украшающие в наши дни Библиотеку ЛО ИВАН СССР, убедительно доказывают, сколь плодотворным оказались усилия Френа и в этой области⁷⁹.

В декабре 1839 г. на торжественном годичном собрании АН выступил с большой речью о востоковедении в России Б. А. Дорн («О высоком значении и существенном преуспевании востоковедных штудий в России»⁸⁰). Безусловно важная для истории востоковедения речь Дорна особенно ценна приложенными к ней обширными примечаниями.

Двадцать четыре года, не покладая рук и не щадя здоровья, трудился Х. Френ в АМ. Но подорванное здоровье, слабеющее зрение, да и возраст — 60 лет заставили его отказаться от поста директора. Его преемником стал Б. А. Дорн. Закончив передачу дел новому директору, Френ написал в ОИФ докладную записку (5 августа 1842 г.), которая является и отчетом о проделанной работе и наказом новому директору, кратким историческим обзором и обращением к ОИФ и Конференции АН⁸¹. Устранившись от административных хлопот, Френ до самой смерти внимательно следил

---

⁷⁷ «История АН СССР», т. 2, стр. 687, а также стр. 221. Устав этот с незначительными изменениями и дополнениями просуществовал вплоть до 1927 г.

⁷⁸ «Bulletin scientifique publié par l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg et rédigé par son secrétaire perpétuel». Об этом издании см.: там же, стр. 254—255. С 1849 г. стали публиковаться связанные с «Bull. scient.» «Mélanges Asiatiques» (там же, стр. 255).

⁷⁹ В январе 1838 г. Азиатский департамент МИДа сообщил директору АМ, что по его просьбе департамент носился с миссиями на Востоке о возможности приобретения книг, отпечатанных там за последние годы (ЛО ААН, ф. 778, оп. I, № 41, л. 622).

⁸⁰ Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der Asiatischen Studien in Rußland. Rede gehalten am 29 December 1839 von B. Dorn, St.-Pbg., 1840 (Aus dem «Recueil des actes de la séance publique de l'Académie imp. des sciences tenue le 29 décembre 1839, стр. 55—114). На русский язык не переводилась. Б. Дорн выступил с этой речью, вероятно, в связи с избранием его 1 февраля 1839 г. адъюнктом по восточным языкам.

⁸¹ Dorn, As. Mus., стр. 655—657, а также выписки из Протокола ОИФ от 5 августа 1842 г., § 106 (там же, стр. 657—658).

за деятельностью выпестованного им учреждения, за развитием востоковедения в России. Примеров тому можно привести много (например, безвозмездная передача дублетов книг по востоковедению в Петербургский и Казанский университеты)⁸².

К концу первого 25-летия своего существования в АМ окончательно определилась его структура:

- I отделение — Книги или собственно библиотека.
- II „ — Восточные рукописи, а также китайские, японские и другие ксилографы.
- III „ — Рукописные сочинения или статьи на европейских языках, надписи, планы и т. п.
- IV „ — Минцкабинет.
- V „ — Древности, талисманы, печати и другие достопримечательности и редкости⁸³.

Русские востоковеды, как отмечали зарубежные ученые⁸⁴, не только сами используют материалы АМ, но и разрешают пользоваться ими иностранцам, пересылая им во временное пользование рукописи. Добиться разрешения пересылать рукописи за границу стоило Френу немалых усилий⁸⁵. Первый раз рукопись АМ была отправлена проф. И. Козегартену, когда он начал издавать арабское сочинение «Китаб ал-агани». В дальнейшем ими пользовались И. Хаммер-Пургсталь, Ст. Жюльен⁸⁶, Ф. Вюстенфельд, К. Захау, М. Амари, С. Лен-Пуль, М. ван Бершем и многие другие⁸⁷.

Эта научная традиция, зародившаяся более 130 лет назад, соблюдается и в наши дни. Изменилась только форма предоставления материалов. Рукописный отдел ЛО ИВАН СССР, его библиотека и Архив востоковедов ежегодно отправляют зарубежным востоковедным учреждениям и отдельным ученым тысячи кадров микрофильмов, получая взамен аналогичные материалы.

Первому 25-летию работы АМ — востоковедного учреждения АН — необходимо было уделить больше внимания, ибо в те годы заложена была материальная база дальнейшего развития академического востоковедения.

---

⁸² Там же, стр. 105—106, 718—720.

⁸³ Там же, стр. 108—109. На последующих страницах (109—141) Дорн привел подробный состав всех отделений и количество предметов.

⁸⁴ Например, в рецензии на книгу Дорна см.: «Allgemeine Literatur-Zeitung», Halle, 1848, № 278, Monat December, стр. 1065—1069. E. Rödiger.

⁸⁵ Дорн, As. Mus., стр. 79—81.

⁸⁶ С 1839 по 1843 г. С. Жюльен обменивался с АМ дублетами книг, ксилографов и рукописей (ЛО ААН, ф. 2, оп. 1839, № 3; ф. 778, оп. 1, № 41; АВ, ф. 56, оп. 2).

⁸⁷ Документы о предоставлении материалов зарубежным ученым сохранились (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1).

На протяжении всей своей истории АМ использовал все возможности для пополнения своих собраний. Здесь в первую очередь следует назвать экспедиции и поездки востоковедов по Востоку. Когда, например, Н. В. Ханыков готовился к своей Хорасанской экспедиции (1856), Дорн обратился в ОИФ с просьбой выдать ему 1000 руб. на приобретение рукописей для АМ. Н. Ф. Катанов получил из АМ книги для обмена, когда отправлялся в путешествие по Западному Китаю. Доцент С. Ф. Ольденбург получил от АМ деньги на приобретение рукописей, когда поехал в Кашгар. В. А. Жуковский приобрел в Иране персидские и индийские литографии на средства АМ.

Для обработки коллекций и новых поступлений АМ нужны были востоковеды разных специальностей. Так, в 1848 г. Дорн обратился в ОИФ с предложением привлечь к работе в АМ Дорджи Банзарова. Просьба его была удовлетворена, деньги были отпущены, и деятельность этого ученого-бурята вошла в историю АМ⁸⁸.

В 1857 г. Дорн представил руководству академии обширную докладную записку о научной деятельности Н. В. Ханыкова и В. В. Вельяминова-Зернова и о необходимости приглашения последнего на работу в АМ⁸⁹. Еще раз Дорн вернулся к этому вопросу много лет спустя в своей докладной в ОИФ, в которой изложил свое мнение о дальнейшем развитии востоковедения, сообщил об уходе из академии В. Вельяминова-Зернова и просил направить в АМ В. Р. Розена⁹⁰. Однако все попытки увеличить штат сотрудников АМ для нужд научно-исследовательской работы не встречали отклика у руководства АН. Лишь в 1894 г. непреременный секретарь АН акад. Н. Ф. Дубровин внес проект о введении должности сотрудника музея⁹¹. Но прошло еще много лет, прежде чем этот проект был осуществлен.

В конце 50-х годов остро встал вопрос о коренном изменении устава АН. В 1857 г. проект нового устава был составлен, но утвержден так и не был. В начале 60-х годов к этому вопросу вернулись вновь. Общее подорожание жизни после Крымской войны привело к такому положению, что академики вынуждены были искать дополнительный заработок вне АН, что не могло не отвлекать их от научной работы. Руководство АН обратилось к министру народного просвещения, а последний вынужден был ходатайствовать перед царем

---

⁸⁸ О его работе в АМ см. раздел «Тибетология».

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 4, лл. 117—122. См. также разделы «Тюркология» и «Изучение истории Среднего и Ближнего Востока».

⁹⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 15, лл. 16—25, (28 ноября 1878 г.).

⁹¹ Там же, № 29, л. 8.

(24 декабря 1863 г.) о выработке нового устава АН⁹². Для этого была составлена комиссия, в которую вошел востоковед О. Бётлингк, к работе комиссии были привлечены также М. Броссе, Вельяминов-Зернов, Видеман, Шифнер. На одном из заседаний комиссии (3 февраля 1864 г.) слушалась записка директора АМ акад. Дорна «Об усилении числа лиц, служащих при вышеозначенном музее»⁹³. В записке говорилось, что с 1826 г., когда АМ был вполовину меньше нынешнего, штат его состоял из директора, одного хранителя⁹⁴ и двух солдат (служителей). «Одного директора достаточно и на будущее,— писал Дорн,— но его нужно поставить в такое положение, чтобы ему не нужно было еще где-то работать на стороне (Дорн, например, был еще и библиотекарем Публичной библиотеки.— Д. Б.). Директор должен больше работать для музея. Может он быть любой востоковедной специальностью. Работы у него всегда будет очень много: составление списков книг и рукописей, которые надо приобрести для музея, текущая научная корреспонденция, описание поступающих материалов. Все это оставляет очень мало времени для научной работы. Восемнадцать лет тому назад,— писал с горечью Дорн,— директор начал составлять подробный каталог мусульманских рукописей, и он теперь уже был бы напечатан, если бы он не вынужден был для своего скудного существования исправлять еще и третью должность (т. е. библиотекаря).

Один хранитель уже и сейчас едва может содержать в порядке все увеличивающийся объем музея. В музее должно быть три хранителя — два постоянных и один по усмотрению директора определенной специальности. При выборе хранителей директор будет отдавать предпочтение молодым востоковедам, которые сейчас вынуждены порой менять свои востоковедные штудии на другие занятия, ибо с самого начала не имеют перспективу найти работу по специальности. В таком случае АМ мог бы стать питомником молодых специалистов в самом высоком значении слова, а академия обрела бы еще более высокую заслугу в развитии востоковедения».

В ходе работы комиссии, когда разрабатывался особый

---

⁹² ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1861), № 15 — «Дело Архива Конференции № 196. О прибавке жалованья академиком и составлении нового Устава и штата академии».

⁹³ Там же, лл. 86—88 (на нем. яз., перевод мой.— Д. Б.).

⁹⁴ 14 мая 1846 г. скончался хранитель М. Г. Волков. На вакантную должность был назначен сын Х. Френа — Роберт Христианович Френ. См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 2, лл. 352, 356, 361, 378; его личное дело (там же, ф. 4, оп. 4, № 604); Аз. Муз. Памятка, стр. 114.

Отзывы о Р. Х. Френе противоречивы. В. Г. Тизенгаузен охарактеризовал его крайне отрицательно (В. Тизенгаузен, Наш Азиатский музей,— «Новое время», 1883, 29 декабря). И. Ю. Крачковский назвал его «скромным работником» (см.: Крачковский, Очерки, стр. 73).

устав для музеев АН, предложено было АМ переименовать в Восточное отделение библиотеки, так как в АМ хранятся преимущественно книги и рукописи. Это предложение, естественно, вызвало резкие возражения Дорна, и в своей записке от 24 ноября 1864 г.⁹⁵ он доказывал необходимость сохранения названия Азиатский музей. К последующей записке приложены были мнения академиков Броссе и Вельяминова-Зернова. Последний писал, что АМ «должен составлять учреждение совершенно независимое от остальной библиотеки и взведенное ближайшему надзору лица, вполне знакомого с историей и литературой Востока». Изменение названия учреждения, широко известного среди отечественных и зарубежных ученых, «произведет на них неприятное впечатление» и таит в себе угрозу слияния АМ в будущем с библиотекой АН. Жалованье же директору должно быть повышено, ибо вмененное ему в обязанность описание рукописей и монет при непрестанном обогащении музея «обращается в дело многосложное, трудное, требующее кроме обширных знаний много усидчивой работы и времени».

Возражения эти возымели действие, и на заседании общего собрания АН 4 декабря 1864 г. решено было сохранить за музеем его прежнее название⁹⁶.

В объяснительной записке к проектам устава и штата АН и ее музеев⁹⁷ доказывалась необходимость увеличения числа хранителей, а также что эта мера поможет развыванию музейной работы и подготовке ученых по разным отраслям наук. Перед окончившим университетский курс и поступившим хранителем в музей будет открыта возможность разработкой материалов и пользованием богатой специальной библиотекой основательно ознакомиться со своим предметом, приобрести опыт и самостоятельность в науке. Это мнение отражало исторически сложившиеся судьбы академических музеев, со временем постепенно превращавшихся из пассивных хранилищ в научно-исследовательские учреждения. В полной мере это касалось и судьбы Азиатского музея⁹⁸.

Проект нового устава АН был разослан для обсуждения во все университеты страны, где вызвал целый ряд откликов, порой резко критических, а итогам всего этого было то, что

---

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1861), № 15, лл. 271—275 — здесь же записка от 30 ноября.

⁹⁶ Там же, лл. 292—293об.

⁹⁷ Там же, № 16, лл. 1—28.

⁹⁸ Об этом писал, например, президент АН Ф. П. Литке: «...Музеи в настоящее время перешли за пределы, при которых они необходимы лишь как пособие для трудов академиков, и достигли такого развития, при котором они более и более приближаются к значению отдельных самостоятельных заведений, имеющих свои особые цели и задачи». Новый устав АН и призван облегчить неизбежный со временем переход музеев в «особое государственное учреждение» (там же, лл. 142—143).

дела комиссии... были сданы в архив и сам вопрос отложен был на многие годы⁹⁹.

Во второй половине XIX в. в петербургском востоковедении произошли значительные перемены. После открытия в 1855 г. Факультета восточных языков Петербургского университета пополнились ряды молодых востоковедов. Коллекции восточных рукописей и книг по востоковедению в АМ, достигшие к этому времени внушительных размеров, дополнялись собраниями Публичной библиотеки, библиотек Факультета восточных языков, Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа (впоследствии переданы были в АМ). Заметно оживилось востоковедение в Русском географическом обществе.

Со временем между востоковедением академическим и университетским установились прочные связи — востоковеды АН становились преподавателями университета, а студенты и выпускники ФВЯ пополняли ряды востоковедов АН.

После избрания в 1885 г. акад. В. Р. Розена управляющим Восточного отделения Русского археологического общества отделение становится первым научным объединением русских востоковедов, а его «Записки» — первым научным востоковедным журналом на русском языке¹⁰⁰.

Произошли и некоторые перемены в характере пополнения коллекций АМ — уменьшился приток монет и рукописей, но резко увеличилось поступление книг, напечатанных на Востоке. Азиатский департамент МИДа подарил АМ большую коллекцию китайских сочинений, 111 книг поступило из Египта; заботами русского посланника в Тегеране М. Гирса было получено 64 книги, изданные в Персии; из Константинополя прибыло 77 книг. К концу 1865 г. этот раздел библиотеки АМ насчитывал уже более 400 томов¹⁰¹.

С 20 по 31 августа (1—12 сентября) 1876 г. в Петербурге работал III Международный конгресс ориенталистов (по решению II Съезда, Лондон, 1874 г.). В состав организационного комитета (председатель В. В. Григорьев) от АН были приглашены академики Б. А. Дорн и В. В. Вельяминов-Зернов. Однако оба они с докладами на съезде не выступали.

Съезд поставил перед собой цель подвести итоги изучения Востока в России и определить, что надо сделать настоящим

---

⁹⁹ Единственная польза для истории востоковедения — статья Дорна «Азиатский музей» (ЗИАН, т. V, 1864, стр. 163—174), в которой приведен состав АМ в 1864 г.

¹⁰⁰ Подробнее см.: А. Н. Кононов, Востоковедение, — «История АН СССР», т. II, стр. 621—634.

¹⁰¹ В. Dorn, Das Asiatische Museum im Jahre 1865, — *Mél. As.*, V стр. 453—464; его же, *Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs publiés à Constantinople en Egypte et en Perse, qui se trouvent au Musée Asiatique de l'Académie* (Lu le 1 mars 1866), там же, стр. 465—528.

и будущим востоковедам в важнейших отраслях востоковедения.

Часть книг, поднесенных съезду, была передана в библиотеку АМ¹⁰².

Частая смена директоров АМ после смерти Б. Дорна (1881) не могла не сказаться на деятельности музея¹⁰³.

Почти 70 лет просуществовал АМ, не имея официального документа, регламентирующего его положение, структуру и функции¹⁰⁴. Только в марте 1886 г. ОИФ утвердило «Положение о заведовании Азиатским музеем»¹⁰⁵.

В 1890 г. вновь была предпринята попытка пересмотреть устав и штаты АН. Президент направил всем академикам текст устава 1836 г. с просьбой написать свои соображения по его изменению. Вскоре академики подали президенту записки, среди них востоковеды — директор АМ В. В. Радлов, В. П. Васильев и К. Г. Залеман. Однако далее этого дело не сдвинулось.

После этой еще одной неудачной попытки выработать новый устав пошли по пути удовлетворения ходатайств отдельных учреждений АН. В 1893—1899 гг. были утверждены штаты и сметы ряда учреждений, в их числе и АМ. Этому предшествовала большая работа, завершившаяся запиской нового директора АМ, К. Г. Залемана, от 28 октября (9 ноября) 1898 г.¹⁰⁶

Несмотря на частичные улучшения, интересы науки настоятельно требовали полного пересмотра устава, штата и бюджета АН. В 1901 г. группа академиков (в их числе Залеман и Радлов) выступила перед ОС АН с ходатайством о необходимости переработки устава. В январе 1902 г. вновь была создана очередная комиссия, в которую вошел директор Азиатского музея акад. Залеман. Однако труды ее опять пропали даром.

Революционные события 1905—1907 гг., потрясшие основы

---

¹⁰² Подробный отчет о работе съезда см.: «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876», т. I, СПб., 1879—1880, стр. I—CLXIII.

¹⁰³ В 1882 г. умер хранитель Р. Х. Френ. На его место был приглашен молодой синолог В. И. Грубе (1855—1908). О нем см.: «In Memoriam Wilhelm Grube ein Gedenken der Art, des Lebens und des Schaffens dieses hervorragenden Menschen und Gelehrten für seine treuen Freunde und Schüler», Berlin, 1908.

¹⁰⁴ «Новое время», 1883, 29 декабря; 1884, 31 декабря. Крачковский ошибочно отнес их к 70-м годам.

¹⁰⁵ «Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 года», СПб., 1907, стр. 124—129.

¹⁰⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 34, лл. 31 об.—проект штата, л. 32—утвержденный штат АМ. Вместо двух ученых хранителей вновь оставлен был один.

царизма, нашли отклик и в академии. 20 января 1905 г. в газете «Наша жизнь» появилась «Записка о нуждах просвещения в России», подписанная 342 учеными. Поставили свои подписи под ней и востоковеды К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург и В. В. Радлов. В дальнейшем политическая линия названных ученых была более или менее общей для значительной части русской буржуазной интеллигенции,— Ольденбург стал кадетом, а Залеман и Розен — октябристами.

Росли научные коллекции академических музеев, увеличился объем научно-исследовательской работы в них, росли и предъявляемые к ним требования, а их финансирование оставалось неизменным. Росла дороговизна жизни, вызванная русско-японской войной 1904—1907 гг. Поэтому вновь остро встал вопрос о пересмотре штатов и бюджета АН. В 1907 г. ОС АН образовало для этого комиссию под председательством НС С. Ф. Ольденбурга и члена комиссии К. Г. Залемана. Представленный ею в мае 1908 г. доклад ОС не удовлетворил правительственные органы, и в сентябре того же года была создана новая комиссия, в которую вошли Ольденбург и Радлов. Разработанный этой комиссией проект рассматривался правительством более трех лет. В начале 1912 г. была составлена объяснительная записка к проекту¹⁰⁷, и 5 июня 1912 г. законопроект о новых штатах АН наконец был утвержден царем.

Введение новых штатов дало право АМ увеличить число сотрудников (вместо одного хранителя трое)¹⁰⁸. Увеличен был и бюджет музея.

Ученые хранители АМ представляли собой в ту пору единственную научную силу, на которой лежала вся работа. С начала века запросы в АМ значительно выросли, о чем свидетельствует сохранившийся архив¹⁰⁹. Хотя к этому времени было уже несколько востоковедных учреждений, АМ оставался важным научным центром востоковедения в России¹¹⁰.

Еще одним свидетельством широкого признания среди востоковедов Запада научных заслуг АМ и ценности его кол-

---

¹⁰⁷ Там же, № 53, лл. 117—153. Два раздела посвящены академическому востоковедению: «М. Азиатский музей», л. 136, и в разделе о расходах ОИФ, лл. 144 об.— 145.

¹⁰⁸ 12 сентября 1912 г. был избран на должность ст. ученого хранителя Ф. А. Розенберг, проработавший до этого «сверх штата» более 10 лет (там же, ф. 4, оп. 4, № 1736, личное дело).

¹⁰⁹ Там же, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 35—61, а также № 40 — «Рассыльная книга Азиатского музея имп. Академии наук. 1902—1918», 195 л., в которую О. Лемм подробно записывал все отправления.

¹¹⁰ АМ в то время, писал Крачковский, «был основным центром информации обо всем, связанном с нашим востоковедением и нашими коллекциями»,— И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. V, 1958, стр. 374.

лекций являлись участвовавшие визиты зарубежных ученых. Так, например, в 1913 г., за несколько месяцев до полного прекращения научных связей с Европой, над материалами АМ работали иранист-согдолог Р. Готье и индолог С. Леви из Парижа, арабист Ф. Зарре и индолог А. Грюнведель из Берлина ¹¹¹.

Продолжая неустанно заботиться о пополнении своих коллекций, АМ в начале XX в. поддерживал деловые связи с десятками книготорговых фирм, антиквариатов и книгоиздательств многих стран мира ¹¹². Продолжался интенсивный обмен дублетами книг и рукописей с научными учреждениями, библиотеками и учеными буквально всего мира. До 1914 г. преобладал обмен с Западом. Война изменила географию обмена в сторону стран Востока.

В первые же месяцы войны 1914 г. АН была серьезно обеспокоена судьбой ценных для науки памятников. В ноябре 1914 г. была создана специальная комиссия для охраны и спасения научных ценностей на Юго-Западном и Кавказском фронтах. Активное участие в работе комиссии приняли востоковеды акад. Н. Я. Марр и И. А. Орбели, командированные АН на Кавказский фронт ¹¹³. Вскоре в АМ начали поступать армянские и мусульманские рукописи, положившие начало Ванской коллекции.

В отчете АМ за 1915 г. особо отмечена деятельность В. А. Иванова ¹¹⁴. Благодаря ему мусульманский фонд рукописей пополнился за один год большим количеством рукописей, чем за последние 25 лет. «Столь блестящие результаты собирательной деятельности г. Иванова,— говорилось в отчете,— обуславливаются его неутомимым усердием и опыtnостью в сношениях с восточными книготорговцами, приобретенной во время его путешествий по Персии и Индии». Собранная им Ивановская или Бухарская коллекция рукописей является ценной составной частью Рукописного отдела ЛО ИВАН СССР.

Пополнились собрания АМ книгами из Китая и Японии (Н. А. Невский), Индии, исмаилитскими рукописями с Памира (И. И. Зарубин), комплектами журналов из Персии (В. Ф. Минорский), материалами РКСА ¹¹⁵ и многими другими источниками.

---

¹¹¹ Отчет АМ за 1913 г., стр. 3. Все отсылки на отчеты АМ (1910—1919) сделаны по подшивке отчетов, хранящейся в Библиотеке ЛО ИВ (шифр Р 393).

¹¹² Переписка с этими учреждениями сохранилась в делах АМ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929).

¹¹³ «История АН СССР», т. 2, стр. 468.

¹¹⁴ В. А. Иванов с 1915 г. работал мл. ученым хранителем АМ по найму, т. е. вне штата.

¹¹⁵ С момента создания РКСА в АМ была заведена «Книга для за-

На 1 марта 1916 г. в АМ работало семь сотрудников: К. Г. Залеман — директор; старшие ученые хранители О. Э. Лемм и Ф. А. Розенберг; младшие ученые хранители С. Е. Винер, В. М. Алексеев и А. А. Лорис-Мелик-Калантаров, а также откомандированный МНП в АМ Н. Д. Миранов¹¹⁶.

После смерти директора Азиатского музея акад. К. Г. Залемана (30 ноября 1916 г.) на заседании ОИФ директором музея был избран акад. С. Ф. Ольденбург (с октября 1904 г. — НС АН).

Наступил 1917 г. — Азиатский музей вступил в 99-й год своего существования, и надо было подумать о приближающемся 100-летию. В январе 1917 г. решено было подготовиться к этой знаменательной дате «хотя бы краткие описи главнейших рукописных собраний музея»¹¹⁷. Однако в мае 1917 г. директор АМ просил Отделение исторических наук и филологии снять вопрос «о способах ознаменования 100-летнего юбилея АМ... ввиду сокращения средств государства и по несвоевременности»¹¹⁸.

Впереди был октябрь 1917 г.!

II

(1917—1968)

История востоковедения в Азиатском музее Академии наук делится на два периода: вековой — до 1917 г. и полувековой — после Великой Октябрьской социалистической революции.

К началу XX в. научное востоковедение окончательно сложилось как комплекс гуманитарных наук¹: история, лингвистика, литературоведение, философия, а также археология,

---

писывания пожертвований от Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии... 1903—1906» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 42). Ольденбург постоянно заботился о передаче в АМ материалов, собранных сотрудниками комитета (например, Ц. Жамцарано, Б. Бардинным и др.).

¹¹⁶ Список личного состава имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений на 1916 г. Исправлен на 1 марта 1916 г., Пг., 1916, стр. 58—59.

¹¹⁷ Протоколы ОИФ, 11 января 1917 г., § 31.

¹¹⁸ Там же, 17 мая 1917 г., § 271.

¹ Н. И. Конрад, Старое востоковедение и его новые задачи, — Н. И. Конрад, Запад и Восток. Статьи, М., 1966, стр. 7.

эпиграфика и этнография. А ученые были в значительной мере востоковедами-универсалами.

Само собой разумеется, что после Октября 1917 г. перед востоковедением, как и вообще перед всей русской наукой, встали совершенно новые задачи — задачи, поставленные перед ней новым советским государственным строем. Сразу же перевести науку на новые рельсы было невозможно. Ведущие ее представители, среди которых были и ученые передового направления, и приверженцы «аполитичности» науки, и откровенные реакционеры, по своей социальной принадлежности были в основном представителями свергнутого класса.

25 октября 1917 г. над Невой прогремел исторический выстрел крейсера «Аврора», известивший мир о начале новой эры. Гулким эхом раскатился он по просторному двору Академии наук на Университетской набережной, дрогнули стекла здания Азиатского музея в Таможенном переулке, но внутри все осталось прежним. Судить об этом можно как по отчету о деятельности АН за 1917 г., так и по сохранившимся, к сожалению довольно скудным, архивным документам.

В отчете АМ за 1917 г. есть такие строки, характеризующие работу музея в целом: «Политические события минувшей весны не могли, конечно, не отразиться на работах по музею. С внешней стороны нормальный ход занятий не был нарушен, и музей не переставал быть доступным для занимающихся. Замечалась, однако, значительная убыль посторонней, так сказать более или менее случайной публики... Взамен того посещаемость со стороны ученых-востоковедов с января до наступления обычного летнего затишья² если не усилилась, то, во всяком случае, не понизилась, выражаясь в цифре 471»³. Нельзя не обратить внимания, что в отчете упоминаются лишь «политические события» весны 1917 г.

В первой половине 1917 г. сотрудники АМ обсуждали на заседаниях вопросы расширения деятельности музея, изменения в штатах и предстоящий в 1918 г. 100-летний юбилей. Однако, как сказано в отчете, «события не дали осуществиться этим проектам в течение отчетного года».

Продолжалось в 1917 г. вызванное войной уменьшение поступлений (1914 г.—2716 единиц, 1917 г.—511). Работали

---

² Летом жизнь в АМ обычно замирала. Часть сотрудников уходила в отпуск, другие уезжали в экспедиции и научные командировки. А в начале сентября 1917 г. музей для посторонней публики был вообще закрыт в связи с подготовкой к частичной эвакуации рукописей, состоявшейся 12 октября.

³ Отчеты АМ цитируются по подшивке отчетов, хранящейся в Библиотеке ЛО ИВ (шифр Р 393).

приглашенные сотрудники В. А. Иванов и Б. Б. Барадийн. Для разбора арабских рукописей Ванской коллекции был приглашен доцент университета И. Ю. Крачковский. В работе АМ принимал участие и акад. В. В. Бартольд, под наблюдением которого А. А. Ромаскевич описывал персидские рукописи Ванской коллекции, а П. А. Фалев — турецкие.

Так протекала работа АМ в 1917 г., т. е. все шло по старому.

В начале 1918 г. директор представил на рассмотрение Совета АМ проект частичной реорганизации структуры. После тщательного рассмотрения с участием академиков-востоковедов и внесения частичных изменений ОИФ разрешило новое деление АМ:

- I отделение — Книги на европейских языках.
- II   "   — Азиатский архив.
- III   "   — Восточные рукописи и книги, напечатанные на Востоке.
- IV   "   — Нумизматика, эпиграфика, археология⁴.

Значительные изменения произошли в 1918 г. в штате АМ: после смерти ст. ученого хранителя О. Э. Лемма ОИФ 18 сентября 1918 г. избрало доцента Петроградского университета В. М. Алексева вторым ст. ученым хранителем, и он был назначен заведующим отделом Дальнего Востока. Появились в штате и первые научные сотрудники⁵.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин сосредоточил все силы партии и освобожденного народа на построении социалистического общества. Осуществление этой задачи было невозможно без использования всех достижений науки. «От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах»⁶.

Надо было привлечь к социалистическому строительству старых специалистов, привлечь Академию наук. Уже 9(22) ноября 1917 г. в Комиссии по народному просвещению был создан специальный отдел, в ведение которого была

---

⁴ В связи с новой структурой АМ отчет за 1918 г. впервые был составлен по отделениям.

⁵ Должность «научный сотрудник» впервые встречается в отчете АМ за 1918 г.

⁶ В. И. Ленин, Успехи и трудности Советской власти,— Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 55.

передана и Академия наук. А в самом начале 1918 г. отдел обратился к АН с предложением о совместной работе с Советской властью.

24 января 1918 г. состоялось экстраординарное Общее собрание АН, на котором С. Ф. Ольденбург информировал ученых о предложении отдела. Академия ответила, что в принципе у нее не возникало сомнений относительно возможности работы под руководством Советской власти. А 20 февраля 1918 г. Общее собрание АН приняло знаменитое решение: «Академия наук полагает, что значительная часть задач ставится самой жизнью, и академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»⁷. Это был ответ АН на предложение Советской власти, известное под названием «Положение к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства» от 26 января 1918 г.⁸.

Столь быстрый переход ученых к выполнению задач Советской власти В. И. Ленин предсказал еще в декабре 1917 г.: «...образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитализма»⁹.

По-иному прозвучала и речь неперменного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга на годичном собрании 29 декабря 1918 г. «В непрестанном стремлении своем к свободе,— обращался он к Общему собранию АН,— сознательной и сознаваемой, человечество рвет одну за другой все цепи, которые сковывали его, но одну цепь оно никогда не рвет, а кует ее все крепче и крепче — это якорную цепь преемственности развития человеческой мысли, и каждый честный научный работник может и должен чувствовать себя звеном этой великой цепи»¹⁰.

Были в этой речи и такие слова: «В наши трудные и сложные дни многие склонны падать духом и не понимать тех величайших переворотов, которые совершаются во всех странах, у всех народов, переворотов глубоко болезненных и мучительных, но тем не менее великих и замечательных»¹¹.

В связи с поворотом, происшедшим в АН, нельзя не упомянуть о встречах неперменного секретаря АН и директора

⁷ Протоколы РАН, 1918, § 47, стр. 31—32.

⁸ См.: «Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1923). Сборник документов», Л., 1968.

⁹ В. И. Ленин, Как организовать соревнование? — Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 198.

¹⁰ Отчет РАН за 1918 г., стр. 1.

¹¹ Там же, стр. 16.

АМ С. Ф. Ольденбурга с главой Советского государства В. И. Лениным¹².

Первая встреча после Октябрьской революции произошла, видимо, незадолго до переезда В. И. Ленина в Москву, в Смольном. Часа два беседовал Ленин с Ольденбургом о нуждах академии. Во время беседы В. И. Ленин говорил и о важности изучения Востока, о необходимости приблизить востоковедение к трудящимся массам России. Присутствовавший на беседе Бонч-Бруевич вспоминал позднее: «Вот ваш предмет,— говорил В. И. Ленин, обращаясь к Ольденбургу,— как будто бы он далек от нас, но он и близок к нам... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных поработанных и угнетенных англичанами масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые исследования, на новые работы огромной научной важности»¹³.

В начале апреля 1918 г. В. И. Ленин принял С. Ф. Ольденбурга вместе с приехавшей из Петрограда группой академиков и беседовал с ними о постановлении Академии наук, в котором предлагалось широко развернуть работу по исследованию естественных богатств Советской России. В ходе беседы затронуты были также различные научные проблемы¹⁴.

Встреча и беседа группы академиков в апреле 1918 г. с В. И. Лениным, несомненно, имели огромное значение в жизни всей Академии наук. Об этом можно, например, судить по отчету о деятельности АН за 1919 г., в котором Ольденбург писал: «...у научных работников есть ясное сознание их долга перед страной и народом не давать прекращаться ни

---

¹² Встречи и беседы В. И. Ленина с С. Ф. Ольденбургом — еще мало исследованная тема самостоятельной работы. Мы остановимся лишь на трех встречах.

¹³ В. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин в Петрограде и в Москве, М., 1956, стр. 32. Это была не первая встреча С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным. Первый раз приват-доцент Петербургского университета С. Ольденбург встретился с Владимиром Ульяновым еще в 1891 г. Сдававший в ту пору весной и осенью государственные экзамены Владимир Ильич хотел встретиться с человеком, хорошо знавшим его безвременного погибшего брата Александра. Он хотел узнать некоторые подробности о жизни и научной деятельности своего брата и сестры О. И. Ульяновой, слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов (умерла в мае 1891 г.), с которой также встречался Ольденбург. Ольденбург многое мог рассказать Владимиру Ильичу о его брате Александре, с которым он не раз встречался на заседаниях студенческого Научно-литературного общества в 1886—1887 гг. А. И. Ульянов был одним из секретарей общества. И беседа с Владимиром Ульяновым состоялась. Об этой встрече см.: С. Ольденбург, Несколько воспоминаний об А. И. и В. И. Ульяновых, — «Красная летопись», М., 1924, № 2, стр. 18.

¹⁴ Об этой встрече см.: «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина», — В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 690.

на минуту этой научной работе, без которой не мыслима никакая культура, никакая разумная человеческая жизнь»¹⁵.

Оживилась и деятельность АМ, о чем свидетельствует отчет за 1919 г. Хотя, как писалось в нем, связей с зарубежными научными учреждениями все еще не было, печатное дело в стране было расстроено, собрания АМ продолжали пополняться.

Сложной и полной лишений была жизнь в Петрограде в 1917—1919 гг., и все же учреждения АН продолжали работать. Подводя итог деятельности РАН за эти годы, Ольденбург писал о библиотеках и музеях: «Несмотря на все испытываемые трудности, эти академические учреждения обогатились первоклассными собраниями и научными сокровищами исключительного значения, причём благодаря энергии академических работников спасен от гибели громадный материал»¹⁶.

Новая политика Советского государства по отношению к странам Востока требовала совершенно иной постановки востоковедения. Уже в первые годы Советской власти произошли коренные изменения в востоковедных учебных заведениях, в которых востоковеды АН сыграли, пожалуй, решающую роль. В 1918 г. началась реформа старых высших учебных заведений РСФСР, создавались новые вузы. Группа востоковедов АН во главе с акад. Н. Я. Марром осенью 1918 г. организовала вместо бывшего Лазаревского института восточных языков в Москве Переднеазиатский институт. Позднее он был переименован в Армянский и просуществовал до учреждения Московского института живых восточных языков (позднее Московский институт востоковедения)¹⁷. Востоковеды АН и ФВЯ приняли также участие в создании Восточного отдела Академии Генерального штаба в Москве, Восточной академии в Ташкенте и востоковедных кафедр на Филологическом факультете Ташкентского университета¹⁸.

Одновременно с созданием институтов живых восточных языков в Петрограде и Москве учрежден был Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

На торжественном заседании по случаю 5-летия МИВ им. Нариманова 21 ноября 1925 г. бывший заместитель наркомнаца Диманштейн напомнил, что «идея создания инсти-

---

¹⁵ Отчет РАН за 1919 г., стр. 21—22.

¹⁶ С. Ф. Ольденбург, Работа РАН за последние три года 1917—1919, — «Наука и ее работники», Пг., 1920, № 1, стр. 11.

¹⁷ НВ, 1922, № 1, стр. 456—457; М. Благовещенский и П. Фесенко, Двадцать лет Московского института востоковедения, — «Труды Московского института востоковедения», сб. № 2, М., 1940, стр. 3—19.

¹⁸ НВ, 1922, № 1, стр. 458.

туда впервые была выдвинута Максимом Горьким, подавшим тов. Ленину соответствующую записку, на которой тов. Ленин положил обширную резолюцию с заданием Наркомнауке немедленно приступить к созданию института»¹⁹.

В 1920 г. Коллегия востоковедов Факультета восточных языков Петроградского университета составила «Записку об учреждении Института живых восточных языков»²⁰. 7 сентября 1920 г. было издано постановление СНК о создании Центрального института живых восточных языков, подписанное В. И. Ульяновым (Лениным)²¹, 25 ноября того же года — «Положение о Центральном институте живых восточных языков»²². Еще до опубликования «Положения», 20 октября 1920 г., Институт живых восточных языков был открыт в Петрограде. Первым директором его был избран научный сотрудник АМ проф. В. Л. Котвич.

«Присутствие в преподавательском составе института не только университетских профессоров-востоковедов, но и членов Российской академии наук,— писал А. Н. Самойлович,— естественно ставит институт в исключительно благоприятное положение, закрепляя за институтом по существу дела первенствующее место среди российских практических востоковедных школ»²³. С первых дней существования ПИЖВЯ в нем работали многие сотрудники АМ: Алексеев, Владимирцов, Крачковский, Ольденбург, Ромаскевич, Самойлович, Фрейман, позднее — Баранников, Бертельс, Конрад, Ю. Марр, Тубянский, Щербатской и др.

В 1921 г. ученые Петрограда обратились к Председателю Совнаркома В. И. Ленину с историческим документом — «Запиской русских ученых о мероприятиях для сохранения и поддержания научной работы»²⁴. Составлена она была А. Е. Ферсманом, а поправки в нее были внесены В. А. Стекловым и М. Горьким. В ней говорилось и о музеях, их новой роли в новом государстве.

Для вручения этой «Записки» в Москву поехали А. М. Горький и делегация Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда в составе неперменного секретаря РАН и директора АМ акад. С. Ф. Ольденбурга, вице-президента РАН акад. В. А. Стеклова и президента Военно-медицинской академии проф.

---

¹⁹ НВ, 1925, № 10—11, стр. 368.

²⁰ Справочные сведения по ПИЖВЯ (1920—1923 гг.), Л., 1924, стр. 51—57; см. также НВ, 1922, № 1, стр. 458.

²¹ Справочные сведения..., стр. 58—59.

²² Там же, стр. 60—62, Весной 1922 г. ЦИЖВЯ был переименован в ПИЖВЯ, в 1924 г. — в ЛИЖВЯ, позднее — в ЛВИ.

²³ НВ, 1922, № 1, стр. 458.

²⁴ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1920), № 7.

В. Н. Тонкова²⁵. В. И. Ленин принял делегацию 27 января 1921 г., и тогда же состоялась еще одна встреча Ольденбурга с человеком, который произвел на него столь огромное впечатление.

Вспоминая через несколько лет об этой встрече, Ольденбург писал, что во время беседы с делегацией В. И. Ленин изложил свои взгляды на науку и ее роль в Советском государстве: «Ленин, со свойственной ему ясностью и определенностью, свое отношение к науке выявил в двух направлениях: что ждет и вправе ждать от науки жизнь и государство и чего, с другой стороны, может ждать и требовать от государства наука... Имейте в виду, говорил Владимир Ильич, что теперь широкие массы, стяхнув с себя старую власть, взяли свою жизнь в собственные руки, они являются вершителями жизни, в которой и вам, представителям науки, принадлежит соответствующее место. Но место это и вообще возможность надлежащим образом работать научно будет зависеть от того, насколько значение науки будет понято массами, насколько они смогут на нее смотреть не как на праздное, ненужное для жизни времяпрепровождение, а как на тяжелый по своей сложности, необходимый и производительный труд. Мы, я и другие, конечно, понимаем значение науки, но сейчас не в нашем понимании дело, а в понимании масс.

Чего же вправе ждать и требовать со своей стороны наука от государства? На это Владимир Ильич ответил опять очень ясно: «Несомненно очень многого, и если сейчас (надо помнить, что это говорилось в труднейшие для страны годы) возможности страны и в этом отношении еще недостаточно велики, то все-таки удовлетворение нужд науки должно быть поставлено на одно из первых мест теперь же»²⁶.

«Я лично,— закончил Владимир Ильич беседу с делегацией,— глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что нужно будет, обращайтесь прямо ко мне»²⁷.

В Архиве АМ сохранился черновик отчета о работе музея за 1921 г.²⁸, писанный рукой ст. ученого хранителя Ф. А. Ро-

---

²⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 52, стр. 362, прим. 86; см. также: М. Горький, В. И. Ленин,— «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», М., 1958, стр. 244.

²⁶ Уже 1 февраля 1921 г. Совнарком обсуждал проект декрета о средствах, необходимых для нормальной работы научно-учебных и научно-технических учреждений РСФСР (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 52, стр. 362, прим. 86).

²⁷ ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 242, лл. 3—4 — набросок доклада «Ленин», прочитанного С. Ф. Ольденбургом 22 января 1927 г. на сессии АН СССР.

²⁸ На протяжении трех лет (1920—1922) академия в силу материальных затруднений не имела возможности печатать свои годовые отчеты, не

зенберга²⁹. Хотя это и чисто официальный документ, изложенный скупо и сухо, он дает прекрасное представление о сложной жизни АМ в годы гражданской войны. Недостаток топлива, полное отсутствие освещения крайне затрудняли работу АМ, но тем не менее ученые-востоковеды усилили свою работу. К концу года число посещений достигло 598, значительно увеличилась выдача и обмен книг. Все это говорило о возникновении у востоковедов потребности включиться в общий созидательный труд в стране.

Отрадным было возвращение в сентябре 1921 г. эвакуированных еще в 1917 г. восточных рукописей и золотых монет³⁰. И в этом важном для академии событии мы вновь видим заботу В. И. Ленина, подписавшего распоряжение СНК о реэвакуации³¹.

Отчет сообщал о состоявшемся в 1921 г. учредительном собрании вновь основанной при АМ Коллегии востоковедов (КВ). Этому факту придавалось большое значение: «Отныне Аз. Музей является осведомительной централью по всем вопросам научного востоковедения».

Создание КВ было важным событием в истории советского востоковедения. 24 апреля 1921 г. на частном собрании, на котором присутствовали Ольденбург и Бартольд, была высказана мысль об образовании при АМ координирующего востоковедного органа. Докладывая об этом на очередном заседании ОИФ 27 апреля, Бартольд сказал, что от коллегии «органы правительственной власти могли бы получать ответы на вопросы, связанные с востоковедением», а коллегия «со своей стороны могла бы вступать в сношения с правительственными властями по тем же вопросам». Для организации КВ ОИФ избрало комиссию в составе пяти человек — Котвич, Крачковский, Ольденбург, И. Орбели и председатель В. Бартольд. 15 мая 1921 г. КВ собралась первый раз, и присутствовавшие на этом заседании подписали ее «Положение»³². Девять лет длилась плодотворная деятельность КВ вплоть до организации в 1930 г. Института востоковедения АН.

Организация КВ была первым шагом на пути к объединению востоковедных кадров, завершившемуся в 1930 г. созданием ИВ.

печатались, следовательно, и отчеты о деятельности АМ. Краткие сведения о работе АМ за 1918—1923 гг. см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 70, лл. 4—6.

²⁹ Там же, № 67, лл. 5—9.

³⁰ Там же, ф. 2(1918), № 9, л. 197.

³¹ Распоряжение Совнаркома 1920 г. о реэвакуации рукописей и книг БАН из Саратова, — «Библиотека АН СССР. 1728—1929, Краткий очерк и путеводитель», Л., 1929, стр. 93.

³² «Положение» о КВ было недавно обнаружено в личном фонде акад. В. В. Бартольда (ЛО ААН, ф. 68, оп. 1, № 432, л. 186).

История каждой науки находит много ценного материала в отчетах о деятельности АН за первые годы Советской власти. Большой интерес представляют они и для востоковедения, так как написаны они были выдающимся востоковедом и одним из крупнейших организаторов молодой советской науки — акад. С. Ф. Ольденбургом. «Общие отчеты о деятельности РАН», т. е. вступительные речи неперменного секретаря, произносимые на годовых заседаниях АН,— это своего рода летопись становления науки Страны Советов.

Отчет о работе РАН за 1923 г. занимает с этой точки зрения исключительное место.

«Отчет этот был кончен,— обратился Ольденбург 2 февраля 1924 г. к ОС РАН,— когда до нас дошла весть, что скончался большой человек, которому и научная работа в России и академия многим обязаны,— Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Еще три года тому назад, когда Академия наук обратилась к правительству с запиской о тяжелом положении русской науки и русских ученых, Владимир Ильич, с присущей ему энергией и отзывчивостью, принял личное участие в тех мерах, которые были срочно намечены правительством, и постоянно, с неослабным вниманием среди громадных своих работ он сознательно уделял время заботам о науке, твердо веря в ее громадное значение для жизни. Заботы эти были и о науке вообще и об отдельных научных учреждениях. Так, академия будет всегда помнить, что лишь благодаря энергичному личному участию Владимира Ильича ей было возвращено столь необходимое для нее здание библиотеки.

Мы твердо уверены, что то глубокое понимание значения науки для культуры страны и для всего ее будущего, которое отличало Владимира Ильича, разделяется всеми теми, кому пришлось принять его громадное наследство, и что Академия наук при вступлении своем в третье столетие своего существования встретит в правительстве ту же всемерную поддержку в своей работе, которую ей оказывал Владимир Ильич»³³.

Эти слова без преувеличения можно назвать пророческими. И в наши дни—46 лет спустя после того, как они были произнесены, и через полвека с момента создания Советского государства — они наполняют нас чувством гордости за нашу советскую науку, благодарностью нашей партии и правительству за постоянную о ней заботу, завещанную В. И. Лениным.

В тот день, когда Ольденбург произносил речь, исполнилось 200 лет со дня основания Академии наук.

Несмотря на тяжелое положение в стране, государство

---

³³ Отчет РАН за 1923 г., стр. 1.

находило средства для развития востоковедной науки. Ярким примером заботы Советского правительства о востоковедении являются слова из отчета о работе АМ за 1923 г.: «В АМ продолжали поступать *большие партии* (курсив мой.— Д. Б.) заграничных изданий, приобретенные на местах при посредстве и по заказу находившихся в заграничных командировках академиков Ф. И. Щербатского, В. В. Бартольда и с июля месяца — С. Ф. Ольденбурга. Средства на эти приобретения были отпущены Наркомпросом».

В 1924 г. АМ переехал в здание Библиотеки АН, что позволило постепенно развернуть собрания и приступить к более подробному их описанию. После многих лет перерыва в 1924 г. начали поступать в АМ зарубежные востоковедные издания, а также газеты, журналы и брошюры на доселе бесписьменных языках народностей Кавказа.

В 1925 г. АН СССР торжественно праздновала свое 200-летие. Это был праздник молодой науки Советского Союза, в котором приняло участие до тысячи гостей из всех республик СССР и 22 зарубежных стран. АН СССР получила более 2000 приветственных адресов. В помещениях АМ были развернуты три выставки: 1) Персидские миниатюры, 2) Развитие китайской книги и 3) Среднеазиатская и индийская письменность. Приезд значительного числа зарубежных ученых способствовал восстановлению международных научных связей.

Личный состав АМ распределялся в 1925 г. следующим образом:

По отделам			
Директор	1	I отделение	5
ст. ученых хранителей	2	Мусульманский мир	3
мл. " "	2	Дальний Восток	6
научных сотрудников		Кавказ	1
I разряда	7	Семиты	2
II разряда	5	Средняя Азия и Индия	1
научно-техн. сотрудник	1		
Всего		Всего	
18		18	

Как и во многих других науках, остро чувствовалась в эти годы нехватка квалифицированных кадров в востоковедении. Так, С. Ф. Ольденбург был директором АМ, возглавлял КИПС, КЭ, Тихоокеанскую комиссию, занимал пост НС и временно исполнял обязанности вице-президента, был редактором ряда изданий АН, а в самом АМ заведовал Азиатским архивом; акад. Н. Я. Марр — директор ЯИ, руководитель КИАИ, председатель ГАИМК, директор ГПБ, директор Института этнических и национальных культур народов Востока СССР (в Москве), председатель Центрального совета

СНР, член Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; В. В. Бартольд — председатель КВ при АМ, Радловского кружка при МАЭ, исполнял обязанности директора АМ (сентябрь — ноябрь), председатель Ленинградского отделения Общества изучения Азербайджана и т. д.³⁴. Кроме того, все академики-востоковеды вели преподавательскую деятельность в ЛИЖВЯ и ЛГУ. Такое положение остро ставило вопрос о подготовке новых научных кадров, и готовить их должна была сама АН соответственно своим потребностям. В 1926 г. в АН был учрежден институт «практикантов»³⁵. Появились практиканты и в АМ³⁶.

На 26 мая 1926 г. в хранилищах АМ было книг:

Каталогизированных	131 250	томов
Некаталогизированных, дублетов и пр.	ок.	35 000
Периодических изданий (1539 названий)	ок.	20 000
Рукописей		15 500

Если к этому добавить, что на конец 1926 г. количество поступлений насчитывало 5410 названий (без газет), что посетили АМ 1839 человек, то можно сказать, что музей начал жить полнокровной новой жизнью. Именно новой жизнью, ибо АМ все более приближался к научно-исследовательскому учреждению. Время кунсткамер давно прошло, и если на Западе сотрудники ряда музеев скорее коллекционеры, чем исследователи, то в Советском Союзе «такая поставка дела изжита».

На состоявшийся в феврале — марте 1926 г. I Туркологический съезд в Баку выезжала с докладами группа ленинградских востоковедов во главе с директором АМ (подробнее о съезде см. в разделе «Туркология»).

В таком состоянии Азиатский музей вступил в 1927 год — завершающий год первого десятилетия Советского государства.

Несмотря на все происки врагов Страны Советов, все трудности восстановительного периода, молодое государство рабочих и крестьян крепло с каждым годом и в 1927 г. торжественно отметило первое десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. По установившейся традиции вся страна подводила итоги своего труда за минувшее десятилетие³⁷.

³⁴ Подробнее см.: Отчет АН СССР за 1926 г., стр. II, 29—39.

³⁵ П. П. Сушкин, Подготовка новых работников академии, — «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 226—235; «Правила о приеме практикантов», стр. 230—231.

³⁶ О работе практикантов АМ см.: Отчет АН СССР за 1926 г., ч. I, стр. 226—227, 219.

³⁷ 2 июля 1927 г. СНК СССР утвердил первый советский Устав АН СССР, сменивший окончательно обветшавший и обросший бесчислен-

Развитию востоковедения за 10 лет был посвящен ряд статей, среди которых особое место занимают статьи С. Ф. Ольденбурга³⁸, так как в них был дан подробный обзор и анализ работы востоковедных учреждений страны, говорилось о задачах востоковедения.

Много места отведено в статьях роли АМ и КВ в советском востоковедении, а также работе за 1917—1927 гг. буквально всех востоковедных учреждений Советского Союза.

Помимо этих ныне забытых работ С. Ф. Ольденбурга можно назвать и статьи других авторов, посвященные той же теме³⁹.

«Несколько особое место в конструкции академии занимает Азиатский музей,— читаем мы в отчете АН за 1927 г.,— который лишь частично, своими временными выставками, может быть приравнен к музеям, в действительности же является *научно-исследовательским институтом* (курсив мой.— Д. Б.) с обширной библиотекой и собранием восточных рукописей»⁴⁰. На протяжении всей истории АМ подобная мысль проскальзывала не раз, то глухо, то более отчетливо, но столь определенно и перед лицом всей академии она прозвучала впервые. АМ добился наконец признания своих заслуг в науке, и можно сказать что с этого времени вскоре последовавшая реорганизация музея в научно-исследовательский институт была в какой-то степени чисто внешней мерой, юридическим оформлением уже достигнутого.

В 1927 г. начался период организационных мероприятий в советском востоковедении — создание двух новых востоковедных учреждений в системе АН СССР. Поскольку оба они — ИНБУК и ТУРК — позднее объединились с АМ и КВ в единый Институт востоковедения, надо сказать несколько слов об истории их создания.

ИНБУК. Хронологически первым документом в истории этого учреждения можно, пожалуй, считать письмо С. Ф. Ольденбурга заместителю народного комиссара по иностранным

ными поправками и дополнениями, но все еще действовавший академический устав 1836 г. По новому Уставу АН разделялась на два отделения — Отделение физико-математических наук (ОФМ) и Отделение гуманитарных наук (ОГН), в ведение которого отныне отходил АМ. О новой структуре АН см. «Устав Академии наук Союза Советских Социалистических республик», Л., 1927; Б. Н. Мо л а с, Структура Академии наук СССР,— «АН СССР за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 1—7.

³⁸ С. О л ь д е н б у р г, Востоковедение,— сб. «Общественные науки СССР. 1917—1927», М., 1928, стр. 309—340; его же, Востоковедение,— «АН СССР за 10 лет», стр. 140—154.

³⁹ Например: М. П а в л о в и ч, Задачи и достижения советского востоковедения,— НВ, 1927, № 16—17, стр. III—XIII. Весь номер был посвящен 5-летию НАВ.

⁴⁰ Отчет АН СССР за 1927 г., I, стр. XI. О новой роли академических музеев в СССР см. также: А. Е. Ф е р с м а н, Музейное, выставочное и лекционное дело,— «АН СССР за десять лет. 1917—1927», стр. 178—187.

делам М. М. Литвинову (17.II.1927), в котором обращалось внимание НКВД на важность создания ИНБУК.

13 апреля 1927 г. акад. Ф. И. Щербатской представил на заседание ОИФ АН СССР составленную совместно с С. Ф. Ольденбургом и М. И. Тубянским объяснительную записку об учреждении в составе АН «Института для изучения буддийской культуры». В записке говорилось о значении буддийской культуры, дающей обширный материал для изучения общественной истории народов огромного региона. Указывая на недостатки западной буддологии, ее ограниченность, составители записки подчеркивали передовую роль русской буддологии. Отмечалось и развитие в XX в. изучения буддизма в странах Востока. Завершалась записка следующим заявлением: «Это повсеместное развитие исследовательской работы на Востоке ставит перед нашей буддологией новые обширные задачи обозрения, учета и использования нового материала наряду со старым и требует пристального внимания к актуальной работе на многоязычном Востоке и усиления живой связи с его научными деятелями и учреждениями. Для сохранения, укрепления и расширения достигнутых позиций, для сохранения за советской буддологией руководящей роли необходимо объединение ее сил и ресурсов в виде научного учреждения, имеющего целью более строгую, систематическую организацию ее работы и установление и развитие связи с современной буддологической работой на Востоке».

13 мая 1928 г. постановлением СНК СССР «О составе научных учреждений АН СССР» был утвержден ИНБУК и составлен его устав. В нем определялись цели и задачи института и его структура — секции Индии, Тибета, Монголии и секция Китая и Японии. В качестве совещательного органа при директоре предполагался Ученый совет в количестве 24 человек, из которых 12 — европейские и восточные ученые. Главной библиотекой стал фонд Азиатского музея ⁴¹.

5 мая 1928 г. ОС АН СССР утвердило директором ИНБУК акад. Ф. И. Щербатского. Открытие Института состоялось 1 октября 1928 г.

ТУРК. 5 апреля 1927 г. неперменный секретарь АН СССР пригласил В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, А. Н. Самойловича и Ф. И. Щербатского на заседание Комиссии по организации Туркологического института ⁴². Затем в Комиссию по содействию работам АН СССР была направлена составленная по поручению АН В. В. Бартоль-

⁴¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 1, лл. 22—25. В этой описи собраны все материалы, накопившиеся в ходе деятельности ИНБУК.

⁴² Там же, ф. 2, оп. 1(1927), № 79, л. 1. В те годы термин «туркологический» был равнозначен современному понятию «тюркологический». О ТУРК см. также раздел «Туркология».

дом записка об учреждении при АН Туркологического института⁴³. В записке кратко говорилось об особо важном значении тюркологии для Советского Союза, в состав которого входит 11 республик и автономных областей с преобладающим тюркским населением; о первенстве, приобретенном до-революционной тюркологией и не утраченном при советском строе, о необходимости сохранить его и упрочить. Перед кабинетом ставилась задача объединить и организовать наличные силы в области тюркологии.

Одновременно был составлен «Проект положения Туркологического кабинета»⁴⁴.

7 мая 1927 г. Общее собрание утвердило проект, а открыт был кабинет 11 апреля 1928 г. 5 мая 1928 г. ОС АН СССР утвердило директором ТУРК академ. В. В. Бартольда.

Директора обоих вновь созданных востоковедных учреждений положили начало их научным библиотекам, пожертвовав им часть своих личных библиотек⁴⁵.

1927 год — 10-й год существования Советского государства — был насыщен, как мы видели, важнейшими событиями в жизни академического востоковедения.

Собирательская деятельность АМ росла с каждым годом, и в 1928 г. союзной и иностранной востоковедной литературы поступило 6088 названий (9349 томов)⁴⁶. Рост поступлений естественно вызвал увеличение выдачи книг в читальный зал — 8532, соответственно возросло и число посетителей — 5233.

В 1928 г. АМ впервые за свою историю приступил к словарной работе — составлению калмыцкого словаря.

Комиссия АН СССР «Наука и научные работники» составила для АМ список востоковедов СССР (без Москвы и Ленинграда). АМ решил составить общую картотеку востоковедов Союза, их специальности, тем исследований и т. п., чтобы избежать ненужного параллелизма в работе⁴⁷.

Планирование научной работы постепенно становится законом для АМ: в 1928 г. был составлен план на 1928/29 бюджетный год⁴⁸. Однако эти планы носили еще ограниченный характер, так как не отражали задач востоковедения в новых условиях.

---

⁴³ Записку см. там же, оп. 1(1928), № 77, лл. 6—7 — машинопись с правкой Бартольда, л. 8 — автограф Бартольда от 13 апреля 1927 г.

⁴⁴ Там же, л. 5 — автограф Бартольда, л. 4 — машинопись с правкой В. Бартольда.

⁴⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 3; ф. 68, оп. 1, № 432, л. 481.

⁴⁶ Дело о поступлениях в одну только Библиотеку АМ за 1928 г. имеет 135 л. Там же, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 135; лл. 43—47об. — список союзных учреждений, с которыми АМ обменивался изданиями.

⁴⁷ Список см. там же, № 126.

⁴⁸ Там же, № 125, лл. 1—3 (аналогичен плану на 1927/28 г.) (там же, № 106, лл. 2—3 об.).

1929 год был переломным в истории АН, «исключительной эпохой», как назвал его акад. В. Л. Комаров в отчетном докладе: АН получила новый устав, пополнила свой состав⁴⁹, в АН были избраны академики-марксисты, была проведена проверка аппарата и деятельности АН, что дало возможность освободиться от некоторой доли того наследия царского строя, которое связывало АН в развитии ее творческой деятельности. И наконец, в 1929 г. в системе АН был организован институт аспирантуры⁵⁰, шла подготовка к организации и реорганизации ряда учреждений АН и т. п.

Все это было продиктовано новыми требованиями, поставленными перед АН самой историей. «...Эпоха бурного и напряженного социалистического строительства в СССР не может довольствоваться прежними темпами и методами работы», — писал акад. Комаров⁵¹.

Переломным был 1929 год и для АМ, который несомненно играл ведущую и признанную роль во всех преобразованиях советского академического востоковедения, а вся работа сотрудников музея по переустройству «имела целью приблизить его деятельность к социалистическому строительству Союза», — как отметил акад. Комаров⁵².

В августе 1929 г. Комиссия по проверке аппарата АН СССР слушала доклад о работе АМ⁵³. В нем кратко излагались история АМ с 1818 г., его структура на 1929 г., описание всех отделений и отделов с оценкой их значения. «Из изложенного как будто явствует, — говорилось в докладе, — что Аз. Музей в сущности не Музей, а скорее специальная научная библиотека, которая собирает, обрабатывает, изучает и исследует свои рукописные книжные богатства. Но это не совсем так: до последнего времени, когда в составе Академии наук образовались Туркологический кабинет, Институт буддийской культуры и в проекте находятся Кабинет арабской филологии⁵⁴, иранистики⁵⁵ и Синологическая лаборатория, Аз. Муз. фактически являлся и продолжает являться на практике единственным востоковедным центром Академии наук, куда направляются на заключение... все запросы и дела

---

⁴⁹ В действительные члены АН были избраны из АМ — В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, из ТУРК — А. Н. Самойлович.

⁵⁰ Комиссия по аспирантам (КАСП) была создана в октябре 1929 г. К концу года в аспирантуру было принято 58 человек, в том числе по востоковедению — четверо (Отчет АН СССР за 1929 г., ч. I, стр. 238—239). Материалы об аспирантах АМ см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 161, 162.

⁵¹ Отчет АН СССР за 1929 г., ч. I, стр. V.

⁵² Там же, стр. XII—XIII.

⁵³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1817—1929), № 144, лл. 4—23 (черновик).

⁵⁴ Там же, № 141, лл. 1—2.

⁵⁵ Там же, лл. 11—4; пятилетняя смета расходов кабинета иранистики (там же, № 143, лл. 34—38).

востоковедного характера, и научному персоналу Музея приходится работать не только над восточной книгой и особенно рукописью, но и по целому ряду других самых разнообразных, вызываемых самой жизнью вопросов». Далее в докладе говорилось о все расширяющихся связях АМ с восточными республиками Союза и Дальним Востоком, о составлении алфавитов для бесписьменных языков народов восточных республик и т. п.

Лишь высокая квалификация сотрудников АМ, разносторонность их знаний давали возможность справляться со ставившимися перед АМ задачами. Однако работе АМ серьезно мешал тот факт, что большинство его сотрудников были совместителями в других учреждениях, а следовательно, не могли отдавать музею все свое время и силы. Иными словами, речь шла о нехватке востоковедных кадров.

Другим крупным недостатком была невозможность провести четкую дифференциацию работы АМ. Разнообразие представленных в АМ культур и языков требовало большого числа соответствующих специалистов.

Завершался доклад такими словами: «Сильный рост как советского востоковедения вообще, так и академического в частности естественно должен отразиться на структуре Азиатского музея. Необходимые изменения ее служат в настоящее время предметом обсуждения в востоковедной среде Академии в целях концентрации всей востоковедной работы Академии наук вокруг Азиатского музея».

Несколько строк уделялось и КВ, причем отмечалось, что коллегия — это лишь то место, где можно читать научные доклады, что построена она по принципу научного общества. КВ не имеет своего аппарата, и потому все запросы, поступающие в нее из вышестоящих инстанций, ложатся на Азиатский музей.

Этот доклад достаточно убедительно характеризовал положение дел в АМ, в академическом востоковедении накануне полной его перестройки.

7 марта 1929 г. состоялось заседание Организационной комиссии (образована была ОС АН СССР), рассмотревшей вопросы реорганизации АН и ряда ее учреждений.

16 марта 1929 г. заседала Востоковедная секция комиссии (председатель В. В. Бартольд). После оглашения соответствующих пунктов постановления Организационной комиссии от 7 марта С. Ф. Ольденбург возбудил вопрос об объединении всех востоковедных учреждений АН — АМ с КВ, ИНБУКом, ТУРК и КИАИ, что вызвало оживленные прения. В результате Востоковедная секция пришла к решению:

1) административно-финансовое объединение или укрупнение отдельных востоковедных учреждений АН является нежелательным;

2) для делового объединения и согласования деятельности отдельных академических учреждений по востоковедению желательное создание в общей структуре АН востоковедной группы, комиссии или разряда;

3) для чисто научного объединения всех работающих в области научного востоковедения научных работников, равно для научной проработки некоторых более общих и широких вопросов, которые группа (комиссия или разряд) по востоковедению нашла бы нужным поставить на ее обсуждение, желательное сохранение КВ в ее настоящем виде, но с подчинением ее не АМ, а АН в целом.

15 апреля того же года состоялось очередное заседание Организационной комиссии, на котором В. В. Бартольд сделал доклад о работе Востоковедной секции. Решение секции он мотивировал тем, что большинство востоковедных учреждений АН, как уже существующих (ИНБУК, ТУРК), так и намечаемых (Кабинет арабской филологии), имеют строго определенные задачи и только что приступают к их выполнению, почему и желательно сохранить их в настоящем виде, без административно-финансового объединения, приняв меры лишь к согласованию их деятельности в отделении путем образования Востоковедной комиссии или группы. Организационная комиссия приняла это предложение, а 23 апреля ОГН обсудило решение Востоковедной секции и согласилось с постановлением Организационной комиссии.

Таким образом, в 1929 г. вопрос объединения востоковедных учреждений АН так и не был решен.

Однако уже в начале 1929 г. начала свою деятельность Группа востоковедения (ГВ)⁵⁶.

Первое заседание ГВ, обсудив состав группы, решило включить в ее ведение АМ, КВ при АМ, ИНБУКе и ТУРК, возбудить ходатайство об учреждении Кабинета арабской филологии. Ряд других вопросов непосредственно касался АМ: финансирование восполнения лакун в сериях и периодике, образовавшихся с начала мировой войны; финансирование издания накопленных АМ собраний памятников народной литературы на иранских, тунгусском и палеоазиатских языках; сосредоточение деятельности сотрудников АМ на составлении каталогов и библиографической работе и ограничение исследовательской работы потребностями музея как библиотечного учреждения; установление в типографии АН такого порядка, чтобы в первую очередь набирались труды по математике, востоковедению (с восточными шрифтами) и т. д.; созыв осенью 1930 г. в Ленинграде Всесоюзного востоковедного съезда.

---

⁵⁶ ГВ утверждена была Уставом АН СССР, 1930 г.

На последующих заседаниях ГВ в марте — апреле 1929 г. обсуждался пятилетний план изданий востоковедных работ, пятилетние планы как существующих востоковедных учреждений АН СССР, так и проектируемых. В октябре ГВ поставила вопрос о передаче в Государственный Эрмитаж нумизматических и археологических коллекций АМ.

Как видно из этих отдельных примеров деятельности ГВ, в 1929 г. образовался своего рода координационный академический востоковедный центр, стоявший структурно между ОГН и востоковедными учреждениями Академии наук СССР⁵⁷.

К началу 1930 г. стало окончательно ясно, что академическое востоковедение нуждается в коренной перестройке, так как не в состоянии выполнить поставленные перед ним задачи. За первые годы Советской власти достаточно четко определились три направления в востоковедении: 1) исследование древнего и средневекового Востока, а равно и современного в связи с общими задачами научного востоковедения, 2) исследование современного Востока главным образом по линии политики и экономики в связи с соответствующими государственными задачами и 3) всестороннее исследование материальной и духовной культуры восточных союзных и автономных республик, вопросы нового алфавита и терминологии. Первое направление довольно успешно продолжало свои традиции, второе было новым и чрезвычайно трудным, трудным потому, что если прежние востоковеды основательно знали язык, народ и страну, то совершенно не занимались вопросами экономики и политики, а среди экономистов и политиков не было еще людей, хорошо знающих языки Востока, могущих пользоваться источниками. Они вынуждены поэтому пользоваться сведениями из вторых рук. Для успешного развития этого направления нужна была совместная работа историков, лингвистов, этнографов, экономистов, социологов и политиков. Развивалось и третье направление благодаря объединенной работе специалистов на местах и в центре, однако явно в недостаточном объеме.

Основным же препятствием в развитии научного востоковедения было отсутствие кадров. Прекрасно отдавал себе в этом отчет директор АМ С. Ф. Ольденбург, который еще в 1927 г. писал, что «вместе с революцией должен был естественно появиться и новый востоковед». А этих новых востоковедов было очень мало.

Инициатором реорганизации была в 1930 г. вопреки своему прежнему решению Группа востоковедения. В марте

---

⁵⁷ Все материалы, касающиеся деятельности ГВ, см. ЛО ААН ф. 152, оп. 4.

1930 г. она вновь занялась вопросом учреждения новых кабинетов — арабской филологии и иранистики⁵⁸ — и приняла следующее постановление:

«Принимая во внимание, что вопрос о реорганизации всех востоковедных учреждений АН СССР стоит в порядке дня, и учитывая современное состояние научного востоковедения в СССР признать: I. Принципиально желательно учреждение в тех организационных формах, в которые выльется общая структура востоковедных учреждений АН СССР, кабинетов арабской филологии и иранистики. II. При выработке новой структуры группы востоковедных учреждений АН СССР желательно исходить из следующих положений: 1) при современном состоянии востоковедения в нашем Союзе наиболее жизненными основными рабочими ячейками представляются кабинеты, построенные по культурно-историческому принципу, 2) АМ со всеми своими книжными и рукописными фондами должен входить в новую структуру в качестве единой востоковедной библиотеки АН СССР и 3) необходимо предусмотреть такую организацию, которая давала бы возможность объединения всех работающих в области научного востоковедения, как в учреждениях АН СССР, так и вообще в Ленинграде».

В апреле на повестке дня заседания ГВ опять стоял вопрос о реорганизации. Члены группы еще раз подтвердили, что «кабинеты, построенные по культурно-историческому принципу», — наиболее жизненные основные рабочие ячейки при современном состоянии востоковедения. А 13 апреля ГВ собралась на внеочередное заседание. В повестке дня стоял только один вопрос: «О реорганизации востоковедных учреждений АН на основании постановления апрельской сессии»⁵⁹. С. Ф. Ольденбург предложил схему будущего ИВ в составе следующих кабинетов:

Китайско-японо-корейско-тангутский	5 человек
Монголо-маньчжуро-тунгусский	3 "
Туркологический	4 "
Индо-тибетский	4 "
Ирана с Сериндией	4 "
Арабский	3 "
Еврейско-сирийский	2 "
Кавказский	3 "

⁵⁸ Учреждение Кабинета арабистики было утверждено ОГН еще на мартовской сессии АН СССР в 1929 г., а Кабинета иранистики — на апрельской сессии.

⁵⁹ Решение о слиянии АМ с КВ, ИНБУК и ТУРК было принято в заседании Подкомиссии по реорганизации II отделения АН СССР 1 апреля 1930 г. 4 апреля ОС АН СССР утвердило Институт востоковедения в списке учреждений по ОГН (в ведении ГВ). 20 июня 1930 г. Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР утвердил ИВ в списке учреждений АН СССР.

Библиотека	7 человек
Административный аппарат	5 "
Технических сотрудников	6 "
<hr/>	
Всего	46

Во главе кабинетов стоят академики-востоковеды.

В штатах же востоковедных учреждений АН было лишь 34 сотрудника.

Предложение Ольденбурга было принято, М. М. Гирсу и А. И. Вострикову поручено было детально проработать схему.

На протяжении 1930 г. было разработано положение об ИВ⁶⁰, которое как бы подвело итог двухлетних трудов по созданию первого в истории АН СССР научно-исследовательского востоковедного института.

Так, на 112-м году со дня основания АМ, объединив вокруг себя ряд академических востоковедных учреждений, официально стал называться научно-исследовательским учреждением. С организацией ИВ произошел коренной перелом в истории академического востоковедения — вместо ученых-одиночек и малочисленных групп образован был единый отряд ученых-востоковедов. Впервые вводится планирование научно-исследовательской работы⁶¹, происходит постепенное обращение к новым темам, ранее никогда не привлекавшим внимание востоковедов АН: изучение новой и новейшей истории Востока и экономики, национально-освободительного движения на Востоке, гражданской истории ранних эпох на новой основе — на основе марксистско-ленинского учения.

Резкое изменение тематики научно-исследовательской работы остро поставило перед ИВ вопрос о подготовке кадров востоковедов новых специальностей. И такие кадры были подготовлены силами самого ИВ за 10 последующих лет — историки, лингвисты, литературоведы, экономисты и т. п. Так постепенно прекратил свое существование дореволюционный тип универсального востоковеда. После 1930 г. начался процесс выделения специалистов узкого востоковедного профиля: восточное языкознание, восточное литературоведение, история и экономика Востока.

23 мая 1930 г. Президиум ЦИК СССР утвердил новый устав АН СССР, подчеркивавший тесную связь работы академии с социалистическим строительством в СССР. Все гума-

⁶⁰ «Положение об ИВАН СССР, правила внутреннего распорядка и пользования библиотекой», — ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 3 (все дело). Проект положения был обсужден на ОС АН СССР и утвержден 2 октября 1930 г. В 1933 г. ИВ разработал новое положение, уточнявшее его структуру, цели и задачи (там же, оп. 1 (1933), № 2, лл. 1—5, 6—7).

⁶¹ Общие принципы планирования научной работы в АН СССР были утверждены по докладу Н. Я. Марра (председатель Организационно-плановой комиссии) 3 октября 1930 г.: а) общие теоретические проблемы, б) проблемы, связанные с социалистической реконструкцией, и в) проблемы, связанные с культурной революцией.

нительные учреждения АН отныне входили в состав Отделения общественных наук (ООН), состоявшего из групп. Группы создавались по принципу объединения родственных научных дисциплин и являлись промежуточной инстанцией между учреждениями и отделениями⁶². В составе ООН в 1930 г. были утверждены три группы: 1) историков, экономистов и социологов, 2) языков и литератур и 3) востоковедения, в ведении которой был только что созданный ИВ.

По новому уставу при АН был создан институт аспирантуры⁶³.

Отчету о работе ИВ за 1930 г.⁶⁴ предпослано краткое предисловие, в котором сообщалось о создании института, о стоящих перед ним задачах. В предисловии, в частности, говорилось: «Новое учреждение использует и богатейшие востоковедные материалы, накопленные рядом лет упорной работы, учет и весь громадный ее научный опыт, с тем чтобы поставить ряд новых задач, укрепить организацию работы, дать ей максимально возможную новую установку, вводя не только новые задачи, но и поставив первоочередным вопросом внедрение марксистского метода в востоковедении»⁶⁵.

Большую работу по подготовке новых кадров провел АМ—ИВ в 1930 г. Тут и занятия с аспирантами, с прикомандированными молодыми востоковедами, производственная практика студентов ЛГУ, занятия с выдвиженцами ЛВИ и ЛГУ. Продолжалась также и преподавательская деятельность сотрудников в ЛВИ, ЛГУ, Педагогическом институте им. Фрунзе (Симферополь), УзГПИИ (Самарканд). Устраивались выставки, читались публичные лекции и доклады.

В 1930 г. появилась статья С. Диманштейна⁶⁶. Он писал: «Востоковедные науки являются одной из наименее разработанных марксистами областью...». Вопрос этот, как мы уже видели, был крайне острым в те годы. В статье говорилось также о необходимости пересмотра методологии в изучении Востока, с тем чтобы отказаться от универсализма и перейти к подготовке востоковедов — историков, экономистов, финансистов, военноведов и т. п. Писал Диманштейн и об отсутствии плановости в востоковедении, увязки в работе отдельных

⁶² О задачах, поставленных перед группами, см.: «Устав АН СССР», Л., 1930, стр. 11—12.

⁶³ Там же, § 21; см. также: Отчет АН СССР за 1930 г., стр. XIV—XV, 277—278; список аспирантов ИВ и их индивидуальные планы см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 19 и № 5.

⁶⁴ Отчет АН СССР за 1930 г., стр. 232—243.

⁶⁵ В отчете приведена подробная структура ИВ (стр. 233). Перечислены секторы, востоковедная библиотека (Азиатский музей), кабинеты и Азиатский архив.

⁶⁶ «Поворотный пункт в советском востоковедении (к Всесоюзному съезду востоковедов)», — НВ, 1930, № 28, стр. X—XXIV (статья датирована 23 декабря 1929 г.).

учреждений их деятельности. Особо отмечалась необходимость знания восточных языков: «...знание восточных языков должно стать в СССР обычным явлением, как знание европейских языков». В заключение ставился вопрос о создании при Коммунистической академии марксистской ассоциации востоковедения.

В следующем номере журнала «Новый Восток» была напечатана «Декларация Всесоюзной ассоциации марксистов-востоковедов»⁶⁷. Ей предшествовала статья С. Диманштейна⁶⁸, в которой сообщалось о прекращении журнала «Новый Восток» и предполагаемом издании нового журнала — «боевого востоковедческого органа новой ассоциации».

В декларации вновь повторялось, что марксизм еще не завоевал господствующие позиции в востоковедении, и назывались две основные задачи марксистского востоковедения:

«1) Изучение экономики и политики восточных стран, новых путей развития национально-революционных движений и классовой борьбы в странах колониального Востока в третий период, изучение путей некапиталистического развития отсталых стран, реформизма и методов борьбы с ним на Востоке.

2) Изучение путей скорейшего изжития остатков экономической и культурной отсталости трудящихся национальных республик и национальных областей советского Востока на основе строительства на советском Востоке».

Для решения этих задач, провозглашала декларация, нужны размежевание сил на востоковедном фронте, активизация марксистско-ленинского востоковедения и решительная борьба с буржуазным востоковедением.

В Ленинграде были созданы Общество марксистов-востоковедов (ОМВ) при ЛОКА и в ИВ — ячейка содействия. Печатных материалов об этом обществе крайне мало, но зато мы располагаем довольно большим количеством архивных документов⁶⁹. В «Положении» о ячейке содействия ОМВ при

---

⁶⁷ НВ, 1930, № 29, стр. XXI—XXIV. Декларация была опубликована после XVI съезда ВКП(б).

⁶⁸ «К декларации Всесоюзной Ассоциации марксистов-востоковедов», — там же, стр. XVI—XX.

⁶⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1930), № 20; оп. 1(1931), № 21; оп. 1(1932), № 28, а также ф. 264, названный «Общество востоковедов-марксистов» (!). ОМВ было ликвидировано в 1933 г.

Много материалов по деятельности ОМВ отложилось в фонде А. А. Алимова (АВ, ф. 68), в частности проект декларации (№ 382), «Основные положения ОМВ» (№ 383), план работы на 1931 г. (№ 385), списки членов (№ 386), протоколы заседаний Совета ОМВ (№ 387), рукописи статей Алимова по вопросу о положении на востоковедном фронте (№№ 381, 398) и др. А. А. Алимов был ученым секретарем Ленинградского ОМВ, заседания которого проходили в ЛОКА — Набережная 9 января, д. 18 (ныне Дворцовая наб., 18), т. е. в том самом здании, в котором помещается в настоящее время ЛО ИВАН СССР.

ЛОКА (п. I «Цель организации ячейки содействия») сказано «В условиях обостренной классовой борьбы целью ячейки содействия Обществу марксистов-востоковедов является борьба за торжество марксистского метода в востоковедении против идеалистических направлений, современных искажений марксизма, оппортунизма справа и слева, являющихся формой проявления классовой борьбы на идеологическом фронте». Далее излагались вопросы организации и деятельности ячейки⁷⁰.

30 декабря 1930 г. был отпечатан на гектографе «Проект декларации Общества марксистов-востоковедов при ЛОКА»⁷¹, дополняющий и разъясняющий упомянутое «Положение».

«Придавая огромное значение делу использования наследия старого востоковедения,— говорилось в декларации,— отвергая леворезбаческие попытки совершенно отбросить в сторону это наследие, мы всем желающим с нами работать востоковедам выставляем единственное условие: востоковедение должно быть поставлено на службу колониальной революции, на службу социалистической реконструкции отсталых областей нашей собственной страны».

Завершалась декларация заявлением, что центр тяжести своей работы Ленинградское ОМВ переносит на разработку актуальных проблем современности, но наряду с этим должно помочь ИВАН СССР в разработке проблем хотя отходящих от современности, но имеющих важное методологическое значение. Своим участием в работе ИВ ОМВ окажет содействие в марксистском перевоспитании той части востоковедов, в особенности молодежи, которая идет навстречу марксистской теории.

* * *

В 1930 г. закончился организационный период советского академического востоковедения. В последующее десятилетие шел сложный процесс превращения востоковедной науки из чисто филологической в науку общественную при сохранении, однако, филологической основы. Сохранение этой основы было совершенно необходимым условием для такой комплексной науки, как востоковедение, ибо без изучения источников на восточных языках немислимо было подлинно научное изучение экономики, истории и культуры народов Востока с древности до наших дней.

Все задачи, стоящие перед ИВ, надлежало решить на основе марксистско-ленинской методологии. Это требовало

---

⁷⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 20, лл. 1—2.

⁷¹ Там же, лл. 18—19.

большого напряжения, так как «большая часть наших востоковедов еще чрезвычайно слаба в новой методологии», — откровенно признавал С. Ф. Ольденбург.

«Громадные и сложные перемены в нашей жизни со времени революции, — писал Ольденбург, — ярко отразились на науке вообще. Востоковедение особенно сильно испытывает эти новые установки научной работы. Мы чувствуем и понимаем теперь с большой ясностью важность комплексного элемента в научной работе»⁷². Высказанные в этой статье мысли перекликаются с докладом С. Ф. Ольденбурга на чрезвычайной сессии АН СССР в Москве 21—27 июня 1931 г.⁷³

Детально разработанный план ИВ на 1931 г.⁷⁴ намечал общее направление работы института, секторов истории, экономики и литературоведения, Азиатского архива, а также научных сотрудников. Отдельно выделен был «Производственный план Азиатского музея (АМ)», т. е. Библиотеки и отдела рукописей. «По Библиотеке АМ общей задачей ИВ являются реорганизация всей структуры АМ, составление систематического каталога печатных книг и по кабинетам — работа по описанию рукописей при унификации техники описания, а также расширение и правильная постановка книгообмена с Западом и Востоком».

С 1931 г. в ИВ начались семинарские занятия по диалектическому материализму и политэкономии, работал кружок текущей политики. Первое организационное совещание членов семинара по диамату (руководитель Карев), состоялось 23 марта 1931 г.⁷⁵. Активную роль в научной и общественной жизни ИВ играли аспиранты (в 1931 г. — 32 человека, в том числе 29 членов ВКП(б) и комсомольцев). Они вели самостоятельную научно-исследовательскую работу, организовали ячейки содействия ОМВ и ВАРНИТСО.

В феврале 1933 г. сотрудники ИВ приняли участие в работе первого пленума научного совета ВЦКНА, на котором

---

⁷² «Востоковедение в академии на новых путях», — ВАН, 1931, № 2, стлб. 9—16.

⁷³ С. Ф. Ольденбург, Восток и Запад в советских условиях, М.—Л., 1931.

⁷⁴ План был напечатан. См. «Производственный план АН СССР на 1931 г.», Л., 1931, стр. 87—92.

План работы ИВ обсуждался и был утвержден на всесоюзной конференции, созванной в ИВ 16—17 сентября 1931 г. Кроме сотрудников ИВ и других академических учреждений в работе конференции приняли участие представители Коммунистической академии, ЦК НА, ИКП, Института народов Востока, Эрмитажа, ЛВИ, ЛГИЛИ, от УССР, ТаджССР, БМ АССР, Адыгейского НИИ и др., — там же, стр. 372. Протоколы заседаний конференции и другие материалы см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1931), № 10

⁷⁵ Материалы об этом передал автору бывший сотрудник ИВ А. Г. Шпринцин.

были подведены итоги перевода восточных национальностей на свою национальную (латинизированную) письменность⁷⁶.

В 1933 г. ИВ деятельно участвовал в конференциях по изучению производительных сил республик Советского Востока, выполнял работы по предложениям национальных республик, консультировал их научные учреждения, направлял своих сотрудников для помощи на местах и т. д. Связь ИВ с восточными республиками Союза особенно окрепла после того, как акад. Ольденбург был назначен председателем Таджикской базы АН СССР, Е. Бертельс стал руководителем ее историко-лингвистического сектора, А. Самойлович возглавил сектор Казахской базы, а в работе дальневосточной базы принимал участие А. Драгунов.

Рукописный отдел — в 1934 г. до 40 тыс. рукописей — (зав. Е. Э. Бертельс) произвел полную реорганизацию и приступил к плановой обработке рукописей и архивных материалов. В отдел поступила коллекция рукописей, пожертвованная С. Г. Вахидовым (540 номеров), 1300 единиц привез из Татарской республики В. Забиров, 138 поступили из Дальневосточного филиала АН СССР и др.

Библиотека имела в 1934 г. до 200 тыс. томов (зав. П. Е. Скачков) и продолжала составлять систематические каталоги при участии кабинетов. Поступление в библиотеку 34 765 томов, почти в два раза больше, чем в 1933 г., — свидетельство хорошо налаженного обмена.

Показателен рост сотрудников ИВ за пять лет его работы сравнительно с последним годом существования АМ:

1929 г. АМ

Ст. ученых хранителей	2
Мл.	2
Научных сотрудников	14
Практикантов	3
	<hr/>
Всего	21

1934 г. ИВ

Ст. ученых специалистов	2
Ученых специалистов	10
Научных сотрудников	35
Аспирантов	20
	<hr/>
Всего	67

В марте 1936 г. директор ИВ направил НС АН СССР акад. Н. П. Горбунову докладную записку⁷⁷, сыгравшую огромную роль в дальнейшей истории ИВ.

⁷⁶ К. Алавердов, К итогам первого пленума научного совета ВЦКНА, — «Письменность и революция», сб. I, М.—Л., 1933, стр. 6—13.

⁷⁷ «О состоянии работы и основных нуждах Института востоковедения», — ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 9, лл. 115—132.

В записке А. Н. Самойловича сформулированы были основные задачи, стоявшие перед советским востоковедением в области истории советского и зарубежного Востока, философии, литературоведения и лингвистики. По всем этим разделам подробно перечислялись возможные темы и указывались потребности в кадрах для их выполнения. Все это требовало реорганизации всей системы востоковедного образования и в первую очередь восстановления Восточного факультета в ЛГУ. Для оперативного исправления положения дирекция ИВ ходатайствовала об организации в ИВ аспирантуры вузовского типа (была приведена таблица потребностей)⁷⁸.

Основной целью докладной записки было предложить АН ряд необходимых мероприятий, которые способствовали бы превращению ИВ в подлинный центр советского востоковедения. Острая нехватка востоковедных научных сил для решения огромных задач, выдвигаемых перед советским востоковедением, требовала превращения института также и в центр подготовки кадров высшей квалификации как для существующих вузов, так и для создания новых востоковедных ячеек в республиках⁷⁹. Осуществление всех указанных мероприятий, по глубокому убеждению дирекции ИВ, «уже в ближайшие годы обеспечит советской востоковедной науке приличествующее ей место в мировом востоковедении».

Комплексность задач востоковедения привела к постепенной перестройке кабинетов ИВ, которые к 1936 г. представляли собой «комплексные научно-исследовательские ячейки института», обнимавшие работу по всем аспектам изучения одной страны Востока или групп стран и народов, тесно связанных между собой⁸⁰.

Вокруг кабинетов ИВ с 1933 г. начали создаваться ассоциации, привлекавшие на первых порах всех научных работников Ленинграда по данной специальности. Организованы были ассоциации японистов и монголистов, шла подготовка к созданию ассоциации арабистов и китаистов.

⁷⁸ 15 мая 1936 г. Президиум АН СССР разрешил ИВ временно иметь аспирантуру вузовского типа (там же, № 1, лл. 66—69).

В июне 1936 г. Президиум АН СССР утвердил «Положение о специальной аспирантуре АН СССР», согласно которому основной задачей аспиранта АН являлась работа над докторской диссертацией. Комитет по подготовке кадров АН возложил в соответствии с «Положением» руководство и ответственность за изучение восточных языков непосредственно на ИВ, указав, что изучение восточных языков «является важнейшей частью работы аспирантов ИВ». Кафедра восточных языков при Ленинградском филиале спецаспирантуры АН была закрыта.

⁷⁹ Впервые в истории ИВ в 1933 г. была создана группа из восточных республик по подготовке к полному курсу академической аспирантуры — три узбека, таджик, бурят, монгол.

⁸⁰ Еще в 1931 г. Туркологический кабинет был разделен на Турецкий и Среднеазиатский; кабинет Ирана и Сериндии преобразован в Персидский, а все работы по Таджикской ССР были переданы в Среднеазиатский кабинет.

Само собой разумеется, что на протяжении последующих лет после организации ИВ не раз приходилось вносить изменения в организационную структуру института. Этого требовали ставившиеся перед ИВ задачи и реальные возможности учреждения (например, наличие тех или иных специалистов). Большие перемены произошли в составе Рукописного отдела — рукописные и архивные собрания были объединены, описание их было вменено в обязанность сотрудников всех кабинетов. В связи с тем что описание рукописей требовало много времени, решено было создать совещание для выработки типов описаний рукописей — полного и краткого.

Планы ИВ с самого начала его существования привлекли внимание широких кругов востоковедов как в центре, так и в восточных республиках страны. Заинтересовался работой ИВ и Совет Национальностей ЦИК СССР, предложивший директору ИВ сделать доклад о планах института⁸¹. Доклад С. Ф. Ольденбурга можно назвать программным для молодого советского востоковедения.

Руководство АН СССР уделяло много внимания ИВ и не раз слушало доклады его директоров. Так, в апреле 1936 г. Президиум заслушал доклад А. Н. Самойловича и принял решение о целесообразности сосредоточения научной работы ИВ на изучении и публикации документов по истории народов СССР, о продолжении работы по изданию материалов по истории туркмен, узбеков, казахов и др.⁸². В марте 1938 г. Президиум АН СССР принял постановление по докладу акад. В. В. Струве. Особое внимание в постановлении обращено было на работу Рукописного отдела ИВ — собрание коллекций восточных рукописей мирового значения⁸³.

29 сентября 1938 г. ОС АН СССР, руководствуясь постановлением СНК СССР от 26 июля 1938 г., постановило создать восемь отделений, причем ООИ разделилось на три: 1. Отделение истории. 2. Отделение экономики, права и философии и 3. Отделение языка и литературы. ИВ перешел в ведение ОЛЯ⁸⁴.

С 1938 г. в ИВ начал регулярно заседать Ученый совет, на котором утверждались отчеты о работе кабинетов, планы аспирантов, защищались диссертации⁸⁵.

---

⁸¹ Доклад был опубликован: С. Ольденбург, О деятельности Института востоковедения Академии наук, — «Рев. и нац.», 1932, № 6, стр. 20—25, 16 июля 1932 г. Президиум АН СССР принял специальное постановление по решению совещания в Совете Национальностей (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1932), № 1, л. 40).

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1936), № 1, лл. 23—23 об.

⁸³ Там же, оп. 1(1938), № 1, лл. 21—23.

⁸⁴ В 1939 г. Президиум АН СССР утвердил состав Ученого совета ИВ (там же, оп. 1(1939), № 1, лл. 29, 51).

⁸⁵ Там же, оп. 1(1939), № 3, лл. 1—3.

Успешно работали сектора ИВ. Например, в 1940 г. Сектор литературоведения провел две научные сессии: 1) «Горький и литературы советского и зарубежного Востока»; сессия подвела итог трехлетней работы коллектива востоковедов и горьковедов, подготовивших специальный сборник, рукопись которого предполагалось сдать в печать в марте 1941 г.⁸⁶; 2) сессию, посвященную проблеме построения истории восточных литератур, ставившую своей целью найти некоторые общие пути к решению проблемы и обсуждению принципиальных вопросов⁸⁷.

Значение института как центра советского академического востоковедения неуклонно росло. Коллектив сотрудников ИВ намечал обширные планы своей дальнейшей деятельности, о чем писал в 1940 г. акад. А. П. Баранников⁸⁸.

Ленинградский областной комитет Союза работников высшей школы и научных учреждений наградил ИВ грамотой за высокие показатели в научной и общественной работе в 1940 г.⁸⁹.

На 1 января 1941 г. в ИВ было: научного персонала 77 человек, административно-хозяйственного и обслуживающего — 10, аспирантов — 33, в том числе докторантов — 3, прикомандированных из ТуркМССР — 3.

Вероломное вторжение гитлеровских полчищ 22 июня 1941 г. заставило страну мобилизовать все свои силы на разгром врага.

Не мог остаться в стороне и коллектив сотрудников ИВ. Уже в июне целый ряд кабинетов перестроил свою работу для выполнения заданий ПУ РККА. Эта важная оборонная работа, выполняемая в крайне сжатые сроки, сочеталась с трудовыми работами и большой пропагандистской деятельностью в частях действующей Красной Армии⁹⁰.

Несмотря на все трудности военного времени, шла подготовка к научному заседанию, посвященному 500-летию юбилею великого узбекского поэта и основоположника узбекского литературного языка Алишера Навои. Заседание состоялось 29 декабря 1941 г. Е. Э. Бертельс писал об этом заседании: «Пишущему эти строки пришлось выступать в декабре 1941 г. на заседании, посвященном творчеству Навои и протекавшем под жестокой бомбежкой и артиллерийским

---

⁸⁶ Сборник так и не был напечатан — помешала война, но материалы сборника сохранились и хранятся в АВ ЛО ИВ. См. также: Крачковский И., Очерки, стр. 178.

⁸⁷ О работе секторов в 1939 г. см. ЛО ААН, ф. 152 оп. 1(1939), №№ 32—34; № 10, лл. 138—139; № 13, л. 83.

⁸⁸ А. П. Баранников, Очередные задачи советского востоковедения, — СВ, т. I, 1940, стр. 1—13.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1940), № 4.

⁹⁰ См. отчет ИВ за июль — декабрь 1941 г. (там же, оп. 1(1941), № 10, л. 51).

обстрелом. И хотя заседание шло в верхнем этаже здания, сотрясавшегося под тяжелыми ударами с воздуха, никто из участников не покинул зала и заседание было доведено до конца»⁹¹.

Вопрос о возможной эвакуации института из осажденного города встал еще в начале августа 1941 г. В записке в Президиум АН СССР и ОЛЯ акад. Струве писал, что институт связан своими работами с рядом учреждений и не может выехать из Ленинграда, что для выполнения ряда заданий требуется большое количество литературы, которую трудно будет взять с собой. Если же ИВ все же будет предложено эвакуироваться, то лучше всего разместить его в Казани — бывшем востоковедном центре, а при невозможности — в Ташкенте⁹².

Несмотря на тяжелые месяцы войны, блокаду города, ИВ наметил план работы на 1942 г., включив в него 20 тем⁹³. «В суровое время Великой Отечественной войны, — говорилось в объяснительной записке, — когда перед всем Советским Союзом встали новые грандиозные задачи, Академия наук СССР в лице своего Президиума дала указания своим институтам всемерно разворачивать научные работы, направленные к укреплению мощи нашей Родины, сохраняя за собой положение центров подлинной и передовой советской науки»⁹⁴. Исходя из этих указаний и был составлен план работы ИВ, предусматривавший как ряд работ специального оборонного характера, научно-популярных, так и продолжение многолетних углубленных исследований. 4 мая 1942 г. состоялось общее собрание сотрудников ИВ (председатель Н. В. Пигулевская, секретарь Д. В. Семенов), рассмотревшее и обсудившее план. План был одобрен, и было постановлено представить его на утверждение в недавно созданный в осажденном Ленинграде объединенный Ученый совет ИВ, ИИ, ИИМК и ИРЛИ⁹⁵.

Работа ИВ в первом полугодии 1942 г. в Ленинграде прошла три периода. I период — с 1 января по 15 апреля. Зимняя стужа и обстрелы города заставили сотрудников покинуть помещения в здании БАН и перейти в одну комнату главного здания АН с печным отоплением. Большинство со-

---

⁹¹ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 7 и 69. Все материалы, связанные с работой ИВ по подготовке юбилея Навои, большинство уникальных, объединены в двух томах (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1938), № 35; оп. 1 (1940), № 28).

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 10, л. 57.

⁹³ Подписали план директор ИВ акад. И. Ю. Крачковский и зам. директора Н. В. Пигулевская (там же, оп. 1 (1942), № 8, лл. 1—4, а также лл. 8—8об. — план на сентябрь — декабрь 1942 г.).

⁹⁴ Об этом периоде жизни АН СССР см.: Б. В. Левшин, Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), М., 1966.

⁹⁵ Протокол собрания см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 8, лл. 9—10.

грудников работали на дому, продолжая получать нужные им книги из библиотеки института. Огромны были потери в эти тяжкие месяцы — погибло и умерло от истощения 27 человек⁹⁶.

II период — с 15 апреля по 12 июля. С наступлением теплых дней стало возможным проводить больше времени в неотапливаемом здании БАН. Если на 1 января 1942 г. в ИВ числилось 60 сотрудников и аспирантов, то к 1 мая осталось всего 27 человек. Помещение ИВ в эти месяцы было, насколько позволяли силы, приведено в порядок, ликвидированы были последствия обстрелов — из-под обломков кирпичей извлечены, очищены и помещены в шкафы книги и ксилографы Тибетского фонда, убраны обвалившаяся штукатурка, горы битого стекла и т. п. Вновь стали созываться совещания, собрания и научные заседания⁹⁷. Огромную работу проделали сотрудники Библиотеки ИВ, собиравшие книги умерших и эвакуированных сотрудников в полуразрушенных домах, извлекая их зачастую из мусора, обломков и пыли. Были приобретены библиотеки А. Н. Самойловича, И. И. Гинцбурга, Г. Г. Гульбина и К. К. Флуга, поступили на хранение архивы погибших востоковедов.

В начале июля 1942 г. в соответствии с предложением Президиума АН СССР по ИВ был издан приказ о подготовке к эвакуации⁹⁸.

Согласно приказу за д-ром истор. наук Н. В. Пигулевской сохранялись обязанности зам. директора, утвержден список эвакуирующихся, назначена была группа по охране имущества ИВ в Ленинграде (А. Н. Болдырев, библиотекари В. Н. Евгенова и Т. В. Михновская и вахтер А. Ф. Елкина, возглавлял группу ученых секретарь ИВ Д. В. Семенов).

III период — с 12 июля по 7 августа — период в жизни ИВ, во время которого из квартир сотрудников силами группы по охране имущества были доставлены архивы и библиотеки акад. П. К. Коковцова и Ф. И. Щербатского, вывозились книги ИВ из квартир уехавших сотрудников, производилась проверка всего имущества ИВ и т. п.

Принципиальное решение Президиума АН СССР о создании в Ташкенте группы ИВ было принято еще в мае 1942 г., однако юридического оформления это решение тогда не получило. 24 июля 1942 г. вице-президент АН СССР В. П. Волгин разрешил акад. Струве организовать в Ташкенте группу ИВ. Дирекция ИВ тотчас же приступила к собиранию своих

⁹⁶ Список погибших и умерших сотрудников ИВ с 1 сентября 1941 г. по 3 марта 1942 г., а также некрологи см. там же, № 5.

⁹⁷ Более подробно об этом периоде см. там же, № 8, лл. 18—19.

⁹⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1942), № 2, лл. 29—30. Приказ подписал директор ИВ акад. Крачковский, утвержденный в этой должности 6 февраля (там же, № 1, л. 1).

сотрудников, эвакуированных в разные пункты страны, где они ожидали вызова на работу. 27 августа Президиум АН СССР на основании распоряжения СНК СССР разрешил создать в Ташкенте группу ИВ, руководство поручалось акад. В. В. Струве. Лишь в сентябре, однако, это решение было утверждено правительством и существование ИВ в Ташкенте получило юридическое и финансовое оформление⁹⁹. К этому времени в Ташкенте собралось 20 сотрудников. Из их числа, а также из привлеченных к работе в ИВ местных ученых были созданы кабинеты. Исходя из наличия специалистов при формировании кабинетов пришлось несколько нарушить существовавшую структуру. Институт делился на следующие кабинеты:

Дальневосточный — и. о. зав. А. А. Драгунов, сотрудники: А. Е. Глускина, Я. Б. Радуль-Затуловский, Т. И. Райнов.

Индийский — зав. нет; сотрудники: М. С. Андреев, Н. М. Гольдберг, Г. Г. Кочарянц, С. Р. Смирнов.

Среднеазиатский — зав. А. Ю. Якубовский, сотрудники: Е. А. Разумовская, А. А. Семенов, Д. И. Тихонов, К. В. Тревер.

Туркологический — зав. А. К. Боровков; сотрудники: А. М. Мугинов, А. Л. Троицкая.

Иранский — зав. И. И. Зарубин; сотрудники: А. В. Башкиров, Н. В. Дьяконова.

Семитический — зав. В. В. Струве; сотрудник И. Г. Лившиц.

В таком составе ИВ работал в августе — сентябре 1942 г. Несмотря на все предпринимаемые дирекцией ИВ усилия по сбору сотрудников, к декабрю 1942 г. в Ташкенте их было 36 человек, в разных городах страны — 11 и 5 человек — в Ленинграде. Полностью собрать всех сотрудников в Ташкенте было невозможно еще и из-за острой нехватки в городе жилой площади. Но связь со всеми сотрудниками была установлена, что давало возможность дирекции давать им поручения, получать отчеты о проделанной ими работе. Так, например, сохранился Отчет о заседаниях группы членов ИВ в Боровом, подписанный В. М. Алексеевым и А. А. Фрейманом¹⁰⁰.

К концу года сотрудники ИВ в Ташкенте ознакомились с составом местных книгохранилищ и архивов для выяснения возможностей работы и определения плана на 1943 г. Значительно лучше были обеспечены материалами специалисты по

---

⁹⁹ Там же, ф. 152, оп. 1 (1942), № 1, л. 7.

¹⁰⁰ Там же, № 8, лл. 36—36 об.

По решению правительства часть ученых преклонного возраста и больных была эвакуирована на курорт Боровое (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 15).

Среднему и Ближнему Востоку — в их распоряжении было богатое собрание восточных рукописей ГПБ Ташкента. Однако уже в 1942 г. сотрудники ИВ сумели применить свои знания к новым условиям, к научной жизни города. Часть научных сотрудников приняла участие в работе над историей Узбекистана (по плану УзФАН), другие — разрабатывали темы, связанные с историей народов Средней Азии, развитием научной мысли, с историей литературы и т. п.¹⁰¹.

Жизнь и работа в условиях эвакуации не прервала большую работу по подготовке востоковедных кадров¹⁰². В аспирантуру ИВ в 1942 г. было принято 10 человек, в том числе по истории Афганистана, Туркмении, Восточного Туркестана и Средней Азии, по узбекскому, арабскому, китайскому и туркменскому языкам. Много внимания уделялось повышению научной квалификации местных научных работников: научные заседания ИВ проводились в ИЯЛИ УзФАН и на них приглашались сотрудники института, на заседаниях Ученого совета ИВ присуждались ученые степени. Наконец, дирекция

ИВ и группа ученых-востоковедов обратились к секретарю ЦК КП(б) УзбССР с докладными записками «Об организации восточного отделения при Историко-филологическом факультете САГУ и востоковедной кафедры». ИВ предложил правительству Узбекистана привести в порядок дальневосточные фонды библиотеки САГУ, оказать помощь в описании арабских, персидских и тюркских рукописей ГПБ.

Исчерпывающее представление о работе ИВ за 1943 г. дает сохранившийся объемистый отчет — примечательный документ истории советского востоковедения¹⁰³.

В отчете есть оптимистическая фраза, убедительно характеризующая твердую уверенность коллектива ИВ в неизбежной победе советского народа: «...отдельные темы, законченные в течение 1943 г., должны будут пополняться и в известной мере потребуют изменения при возвращении института в Ленинград, где будет возможность пользоваться востоковедной литературой самых последних лет».

Институту необходим был печатный орган; в связи с резким недостатком бумаги решено было издавать небольшие рабочие хроники «на правах рукописи». В такого рода органе ИВ мог бы давать краткие резюме основных работ,

---

¹⁰¹ Все это подробно изложено в отчете ИВ за 1942 г. в разделе «По Ташкенту» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1942), № 8, лл. 25об.—27, 30—32).

¹⁰² Еще в мае 1942 г., выступая на ОС АН СССР, президент В. Л. Комаров поставил задачу восстановить академическую аспирантуру (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 161—163).

¹⁰³ «Отчет о работе института в Ташкенте в 1943 г., Ташкент, Пушкинская ул., 31» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1943), № 8, лл. 12—32 об.).

наиболее интересных докладов, характеристики диссертаций и т. д.¹⁰⁴.

Впечатление о работе ИВ в Ташкенте будет неполным, если не сказать несколько слов о хозяйственной работе его сотрудников. 18 января 1943 г. было объявлено днем топливного субботника, и всем сотрудникам предлагалось явиться к 9 часам утра на кожзавод (Бешагач). Для проведения заготовок для нужд ИВ с 27 февраля по 25 марта была командирована в Кашкадарьинскую область бригада в составе проф. Боровкова (бригадир), Иноятова и Радимова. Сотрудники ИВ работали на сельскохозяйственных работах в совхозе № 10 Янги-Юльского района.

5 января 1943 г. был издан приказ о подготовке к 125-летию со дня создания Азиатского музея. Однако обстоятельства военного времени не позволили отметить эту дату.

В Ленинградской группе ИВ в 1943 г. после скорострительной кончины Д. В. Семенова (7 мая 1943 г.) остались: уполномоченный ИВ А. Н. Болдырев, О. П. Соловьева-Петрова и В. И. Евгенова. Помимо охраны рукописных и книжных фондов ИВ группа занималась ликвидацией последствий бомбежек и артобстрелов, готовила здание к зиме, собирала по квартирам библиотеки погибших ученых, подбирала и отправляла в Москву, Ташкент и Боровое материалы, необходимые для работы эвакуированных сотрудников, и т. п. Много времени и физических сил требовала систематическая проверка состояния фондов, чтобы своевременно предотвратить их порчу. Члены Ленинградской группы вели также научную работу, читали лекции по линии военно-шефского сектора Дома ученых. А. Н. Болдырев вел «Журнал учета текущей работы и происшествий по ИВ»¹⁰⁵.

25—30 сентября 1943 г. в Москве проходили Общее собрание АН СССР — первое с начала войны¹⁰⁶ и сразу же после него — 1—2 октября — совещание ОИФ и ОЛЯ по вопросам востоковедения. Работа совещания завершилась принятием резолюции¹⁰⁷, наметившей перспективы дальнейшего развития востоковедения в АН СССР. Этот документ, составленный в дни Великой Отечественной войны и сейчас мало кому известный, — еще одно свидетельство непоколебимой веры советских ученых в неизбежность поражения фашистского рейха.

¹⁰⁴ Были напечатаны в 1944 г.: Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. I, Ташкент, 1944, (49 стр.); то же за I полугодие 1944 г. II, Ташкент, 1944 (52 стр., тираж 100 экз.). На этом единственное периодическое издание ИВ военных лет прекратило свое существование.

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(193), № 24.

¹⁰⁶ В 1941 г. ОС не собиралось, в 1942 г. два ОС проходили в Свердловске (см.: Левшин, АН СССР в годы Великой Отечественной войны, стр. 140, прим. 3).

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1943), № 1, лл. 20—21, 23—27.

В октябре 1943 г. в соответствии с решением совещания по вопросам востоковедения была организована Московская группа ИВ¹⁰⁸. Руководителем ее был назначен акад. И. Ю. Крачковский. Группе вменялось в обязанность объединить научную работу живущих в Москве сотрудников ИВ, а также содействовать объединению работы московских востоковедов системы АН и других ведомств.

Первое заседание Московской группы ИВ состоялось 15 ноября 1943 г. После оглашения информации об организации группы, Крачковский прочитал доклад о значении АМ в истории русского востоковедения в связи с исполнявшимся 23 ноября 125-летием со дня основания музея.

Так жил и трудился ИВ в 1943 г., разбросанный войной по трем городам.

В августе 1944 г. ИВ представил уполномоченному Президиума АН СССР по Узбекистану отчет за I полугодие о работах, связанных с историей, литературой, фольклором и языком УзССР. Отчет этот позволяет оценить вклад сотрудников ИВ в развитие науки в Узбекистане¹⁰⁹. Большинство сотрудников ИВ вели педагогическую работу в вузах Ташкента и научно-исследовательскую работу.

Московская группа ИВ провела в 1944 г. большую организационную работу, что дало основание Бюро ОЛЯ включить ее в структуру АН. Во второй половине 1944 г. группа приобрела «более выраженный московский характер», так как основатель ее и первый руководитель, акад. И. Ю. Крачковский, и один из активнейших членов, Н. В. Пигулевская, эвакуировались в Ленинград. Председателем группы был назначен Н. И. Конрад. Значительно пополнился состав группы сотрудниками и аспирантами.

Исполняя решение Государственного комитета обороны и Президиума АН СССР, 17 мая 1945 г. институт вернулся из Ташкента в Ленинград и приступил к работе¹¹⁰.

Годы пребывания ИВАН СССР в столице Узбекской ССР навсегда останутся в памяти как тех, кто работал тогда в институте, так и ташкентских коллег. Это были годы делового и плодотворного сотрудничества ученых братских народов Советского Союза. И свидетельством тому служит хранящаяся в архиве ЛО ИВ почетная грамота Президиума Верховного Совета УзССР от 7 мая 1945 г., которой институт был награжден за выдающиеся научные заслуги в период пребывания в Ташкенте¹¹¹.

---

¹⁰⁸ Там же, № 1, л. 36; оп. 1-М, № 1 и 7. Вся документация группы сохранилась — ф. 152, оп. 1-М (123 дела) и оп. 3-М (по личному составу).

¹⁰⁹ Там же, оп. 1 (1944), № 7, лл. 18—19 об.

¹¹⁰ Там же, оп. 1 (1945), № 3, приказ по ИВ № 20.

¹¹¹ Там же, № 5.

Мы сознательно уделили так много места и внимания деятельности ИВ в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Идут годы, и число сотрудников, для которых эти годы были частью их жизни, неумолимо сокращается. Трудности и лишения военных лет не давали возможности широко публиковать ни работы советских востоковедов, ни хотя бы информацию об их трудах. Наконец, страницы жизни ИВ в эти годы, о которых рассказывают многочисленные, но уже выцветшие документы, не могут не волновать всех, кому дорога история нашей советской науки, не могут не служить вдохновляющим примером молодому поколению наших востоковедов. Шла война, были голод и холод, не было порой крова и одежды, но ученые отдавали все свои силы служению науке и Родине, а наука и Родина вселили в них силы перенести бремя военных невзгод. Это были трудные, но героические годы!

Труд сотрудников ИВ в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен партией и правительством. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 10 июня 1945 г. была награждена орденами большая группа сотрудников АН СССР, среди них и ученые ИВ — орденом Ленина — 6 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 5, орденом «Знак Почета» — 3.

После эвакуации не все сотрудники ИВ тотчас же покинули Ташкент — часть их оставалась для выполнения начатых ранее работ. И. П. Петрушевский остался работать в рукописных хранилищах Ташкента и в САГУ до апреля 1946 г., Е. Э. Бертельс был временно прикомандирован к САГУ и АН УзбССР, в связи с чем был назначен заведующим Ташкентской группой ИВ.

Несмотря на то что возвращение в Ленинград отняло много сил и времени — почти все первое полугодие, когда здание БАН отапливалось лишь частично, а Рукописный фонд все еще находился в консервации, коллектив сотрудников ИВ работал не покладая рук и за год был закончен целый ряд работ, имевших большое научное значение.

Кроме того, на протяжении 1945 г. было проведено пять научных сессий, на которых было прочитано более тридцати докладов — в основном сотрудниками ИВ.

В 1945 г. вышел в свет т. III сборника «Советское востоковедение», сверстанный еще в 1941 г. Сдан в печать т. V в честь 60-летия акад. И. Ю. Крачковского и 40-летия его научной деятельности (издан в 1947 г.).

В апреле 1946 г. Президиум АН СССР уведомил дирекцию ИВ об упразднении кабинетов и создании вместо них четырех секторов. Это изменение структуры не отвечало традиционному профилю ИВ, о чем дирекция ИВ сочла нужным

сообщить Президиуму АН СССР¹¹². Президиум согласился с мнением дирекции ИВ, но тем не менее из финансовых соображений должен был 30 мая вынести постановление, утвердившее новую структуру отделений АН и входящих в их состав учреждений. Структура ИВ имела следующий вид:

Сектор арабской филологии (зав. И. Ю. Крачковский).
Сектор индийской филологии (зав. А. П. Баранников).
Сектор китайской филологии (зав. В. М. Алексеев).
Сектор Древнего Востока (зав. В. В. Струве).
Сектор иранской филологии (зав. А. А. Фрейман).
Сектор японо-корейской филологии (зав. Н. И. Конрад).
Туркологический сектор (зав. А. К. Боровков) состоял из двух кабинетов:
Среднеазиатского и Турецкого.
Сектор монгольской филологии (зав. С. А. Козин).
Рукописный отдел с Архивом востоковедов.
Научная библиотека¹¹³.

Всего сотрудников к концу 1946 г. было 97 человек, в том числе 11 — по Московской группе.

Объем выполненных ИВ в 1946 г. исследований значительно превысил плановые наметки, что было несомненно свидетельством искреннего желания ученых сделать все от них зависящее для дальнейшего развития советского востоковедения. К концу года ИВ выпустил в свет семь работ общим объемом в 88,5 печ. л.¹¹⁴

Велики были потери востоковедения в годы Великой Отечественной войны, и поэтому в послевоенные годы вновь остро встал вопрос о подготовке кадров.

Перед советскими востоковедами вставали принципиально новые задачи, возникали новые творческие замыслы и совершенно новые аспекты изучения Востока¹¹⁵.

Решение новых задач было невозможно без многих организационных и структурных преобразований, о которых уже шла речь и пойдет еще и дальше, — это были поиски новых путей в организации науки.

9 ноября дирекция ИВ направила в Президиум АН СССР обширную докладную записку «О работе ИВАН СССР». Записка эта, составленная деловито и откровенно, с большим количеством цифровых данных, делает ее важным источником по истории учреждения.

27 ноября 1948 г. Президиум АН СССР принял постанов-

---

¹¹² Там же, оп. 1 (1946), № 3, л. 8.

¹¹³ Там же, № 2, лл. 43—44; № 6, л. 30. Впервые после многолетнего перерыва в 1946 г. был напечатан отчет о работе АН СССР, где на стр. 475—478 помещен краткий обзор работы ИВ.

¹¹⁴ Перечень работ (там же, № 6, л. 38).

¹¹⁵ А. К. Боровков, Востоковедение в СССР за 30 лет, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 5, стр. 395—407.

ление по докладу акад. С. И. Вавилова «Об улучшении научной работы в области востоковедения».

Отметив неудовлетворительное состояние научно-исследовательской работы и подготовки научных кадров по востоковедению, Президиум постановил создать единый ИВ в Москве с отделением в Ленинграде. В штат ИВ должны были быть переведены востоковеды из других институтов АН СССР. Особое внимание уделялось необходимости изучения современного Востока¹¹⁶.

В ряде мер, направленных на дальнейшее развитие академического востоковедения 1 июля 1950 г. Президиум АН СССР принял постановление, непосредственно касающееся востоковедения в институтах АН СССР. Вызвано это было неудовлетворительным состоянием научной работы. Так, в частности, ИВ не издал крупных научных трудов по актуальным вопросам новой и новейшей истории, языку и литературе, экономике и политике стран современного Востока. В целях объединения научных кадров и обеспечения повседневного руководства ИВ со стороны Президиума АН СССР Президиум просил СМ СССР разрешить перевести ИВ в Москву, ликвидировать Тихоокеанский институт АН СССР и передать его кадры в ИВ¹¹⁷.

2 августа того же года после соответствующего постановления СМ СССР Президиум АН СССР реализовал постановление от 1 июля. В Ленинграде остался Сектор (музей) восточных рукописей¹¹⁸.

В секторе в Ленинграде на конец 1950 г. числилось 27 научных сотрудников и 16 научно-технических, библиотечных работников и обслуживающего персонала.

С 1951 г. в Ленинграде начал работать сравнительно небольшой коллектив, структурная часть ИВ в Москве — Сектор (музей) восточных рукописей. Этот коллектив ученых располагал бесценными богатствами, накопленными десятилетиями плодотворной деятельности академического востоковедения, — Рукописный отдел, Библиотека и Архив востоковедов. Наличие этих трех хранилищ во многом определило профиль научно-исследовательской работы сектора. Так, в его плане на 1951 г.¹¹⁹ предусматривались научные описания и алфавитные списки рукописей, описания материалов архива, издание восточных источников. Сектор готовил также и кадры — на конец 1951 г. было 35 аспирантов (в том числе 9 прикомандированных) и один докторант¹²⁰.

¹¹⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1948), № 1, лл. 29—32; структура ИВ и его ЛО, лл. 33—34.

¹¹⁷ Там же, оп. 1 (1950), № 1, лл. 50—51.

¹¹⁸ Там же, лл. 55—56. Одновременно была утверждена и структура ИВ.

¹¹⁹ Там же, оп. 1 (1951), № 8, лл. 50—55.

¹²⁰ Там же, № 3 (все дело).

В духе определившегося профиля сектора был составлен пятилетний план на 1951—1956 гг. «Описание рукописей,— отмечалось в плане,— позволит выявить новые источники и ввести их в научный обиход»¹²¹.

13 апреля 1951 г. Президиум АН СССР принял постановление о выполнении постановлений от 1 июля и 2 августа 1950 г. (см. выше), о плане научно-исследовательских работ ИВ на 1951 г. и в пятилетие (1951—1956)¹²². В постановлении констатировалось, что ИВ провел значительную работу по пересмотру структуры, укомплектованию кадрами и составлению планов. Наряду с этим отмечалось невыполнение плана на 1950 г. по подготовке восточных словарей. Дирекции ИВ вменялось в обязанность обратить внимание на учет и изучение архивных фондов по востоковедению, что непосредственно касалось сектора в Ленинграде.

Надо сказать, что положение сектора в Ленинграде нельзя было считать нормальным и вызывало у его сотрудников серьезное беспокойство за судьбу ценнейших собраний письменных памятников. Об этом свидетельствует, например, письмо в редакцию газеты «Правда»¹²³, в котором убедительно говорилось о неудовлетворительном состоянии хранения рукописных фондов, о необходимости увеличения штата сотрудников и создании реставрационной лаборатории и фотолaborатории, переплетной мастерской.

К 1953 г. сама жизнь убедила, что для расширения научной работы сектора над рукописями необходимо увеличить штат научных сотрудников. В первую очередь надо было обеспечить обработку Тибетского и Тангутского фондов, которые до сих пор были не разобраны или находились в стадии первичного упорядочения. Этого настоятельно требовала основная задача сектора — введение в научный обиход новых источников.

Несмотря на все усилия сотрудников сектора, положение его оставляло желать лучшего и не раз обсуждалось в руководящих органах АН СССР. Сама жизнь все настойчивее доказывала необходимость создания в Ленинграде отделения института.

Вопрос реорганизации сектора в отделение прошел целый ряд этапов. Инициатором создания отделения можно с полным правом считать партийную организацию сектора, которая после неоднократного обсуждения этого вопроса в июле 1954 г. поставила его перед дирекцией ИВ. Парторганизация мотивировала свои рекомендации следующими сооб-

¹²¹ Там же, № 9, лл. 174—176.

¹²² Там же, № 1, лл. 21—24.

¹²³ Там же, № 8, лл. 73—78; см. также заключение комиссии о научном значении и состоянии рукописных фондов сектора (там же, № 19, все дело).

ражениями: в секторе работает 61 сотрудник, и в их числе один академик, два члена-корреспондента, пять докторов, двадцать три кандидата наук, тринадцать аспирантов. Тематика научных исследований крайне разнообразна — история древнего и средневекового Востока, лингвистика, описание рукописей и т. п. Очень сложным стало в связи с этим научное руководство работой сотрудников, не всегда достаточно эффективное. И, наконец, пожалуй, самое главное — востоковедение в Ленинграде имеет исторически сложившиеся традиции, широко известные как у нас в стране, так и за рубежом.

Предложение это не вызвало возражений, и в декабре 1954 г. дирекция ИВ полностью согласилась с ним. Была намечена кандидатура акад. И. А. Орбели на должность заведующего отделением в Ленинграде. В марте 1955 г. директор ИВ А. А. Губер написал по этому вопросу письмо И. А. Орбели, который с энтузиазмом воспринял предложение об организации ЛО ИВ, так как это целиком совпадало с его точкой зрения. Еще в 1954 г. он сам обратился в руководящие инстанции с обстоятельной докладной запиской, в которой убедительно доказывал необходимость развертывания филологических, текстологических и историко-культурных исследований на материале ценнейших коллекций первоисточников, хранящихся ныне в ЛО ИВ.

10 марта 1955 г. на общем собрании сотрудников сектора в Ленинграде выступил директор ИВ А. А. Губер. Отметим положительные стороны в работе ИВ, он подробно остановился на главных недостатках: плохая подготовка молодых кадров востоковедов и недостаточное внимание развитию восточной филологии. В связи с этим, сообщил директор ИВ, в начале марта состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, на котором была подвергнута серьезной критике работа ИВ и ИЯ¹²⁴.

Прошли все намеченные сроки реорганизации сектора в Ленинграде, кончился 1955 год, а вопрос этот все еще не был решен.

В феврале 1956 г. в Москве собрался исторический XX съезд КПСС, сыгравший исключительную роль буквально во всех сторонах жизни нашего государства. Серьезной критике подвергся на съезде ИВ. 16 февраля выступил А. И. Микоян. Говоря об идеологической работе, он обратил внимание делегатов на значительное отставание в ряде вопросов. Отметив, в частности, что единственный в системе АН экономический институт не в состоянии справиться с поставленными

---

¹²⁴ Связана с этим редакционная статья «За дальнейший подъем советского востоковедения», — «Коммунист», 1955, № 8 (май), стр. 74—83. Статья эта обсуждалась на заседании УС ИВ (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1955), № 9, стенограмма).

ми перед ним задачами, А. И. Микоян сказал: «Есть в системе Академии наук еще институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день»¹²⁵.

Критика, прозвучавшая с трибуны съезда, оказала крайне благотворное влияние на дальнейшее развитие востоковедной науки. ЦК КПСС, Совет министров СССР и Президиум АН СССР предоставили широкие возможности для преодоления недостатков и всестороннего развития востоковедения в АН СССР. Это была важная веха в истории науки.

В июле 1956 г. директором Института был назначен известный историк-востоковед, видный общественный деятель, — Б. Г. Гафуров¹²⁶. С его приходом в институте вскоре произошли серьезные и важные перемены. Так, 7 сентября 1956 г. Президиум АН СССР издал постановление¹²⁷, в котором перечислялся ряд мер, направленных на коренное изменение всей работы института, предусматривалась организация при ИВ хозрасчетного издательства восточной литературы (ИВЛ), новая структура ИВ и преобразование Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВ АН СССР.

Уже осенью 1956 г. вопрос о создании ЛО ИВ решался практически¹²⁸. 26 октября 1956 г. академик И. А. Орбели был назначен заведующим ЛО ИВ. Эти изменения полностью отвечали поставленным перед учреждением партией и правительством задачам. В первую очередь это коснулось подготовки новых кадров — в ИВ были организованы аспирантура и докторантура, в которых за сравнительно короткий срок были подготовлены многочисленные востоковеды высокой квалификации и разных специальностей. Открыты были новые научные направления, никогда ранее не представленные и не развивавшиеся в ИВ. Научными исследованиями сравнительно скоро были практически охвачены все регионы современного Востока по всем аспектам: международные отношения, проблемы национально-освободительного движения, некапиталистического пути развития слаборазвитых и освободившихся от колониального ига стран Востока, внутривосточные отношения в них, современные языки, литература, история культуры. Были организованы новые научные востоковедные жур-

¹²⁵ «XX съезд КПСС, 14—25 февраля 1956 г. Стенографический отчет», т. I, М., 1956, стр. 324.

¹²⁶ Постановление Президиума АН СССР № 378 от 16 июля 1956 г. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1956), № 1, л. 81.

¹²⁷ «О задачах и структуре ИВАН СССР», там же, лл. 20—26. К постановлению была приложена структура ИВ.

¹²⁸ См. там же, лл. 7—14; № 11, лл. 13—16; «О мероприятиях по реализации постановлений Президиума АН СССР о реорганизации Сектора восточных рукописей в Ленинградское отделение ИВАН СССР», там же, № 43.

налы. По инициативе дирекции Института было создано специализированное Издательство восточной литературы, небывало возрос выпуск научной продукции. В широких масштабах стала осуществляться помощь востоковедов АН СССР практическим организациям, налажены были обширные международные научные связи со странами Востока и Запада. В течение буквально нескольких лет ИВ превратился в научно-исследовательский центр АН СССР мирового значения¹²⁹.

С 1956 г. в тесной связи с развитием Института востоковедения в Москве развивалось и его отделение в Ленинграде. Перед ЛО ИВ была поставлена задача ввести в науку большое количество первоисточников, содержащихся в восточных рукописях, хранящихся в ЛО ИВ, и продолжить традиционные исследования в области истории докапиталистических формаций. Это должно было обеспечить необходимую и непрерывную связь в исследовании современного Востока с его историческим прошлым. При этом учитывались имевшиеся в Ленинграде научные традиции в области исследования культуры народов Востока, наличие кадров старшего поколения востоковедов и, разумеется, богатейшие собрания первоисточников, хранящихся в Рукописном отделе и Архиве востоковедов ЛО ИВ.

Организатор и первый заведующий ЛО ИВ, акад. И. А. Орбели, в осуществлении поставленных перед отделением задач встречал неизменную поддержку дирекции Института, ОИИ и Президиума АН СССР. В формировании и развитии научного коллектива И. А. Орбели опирался на помощь партийных организаций Ленинграда.

Для создания научно-исследовательского учреждения нужны были прежде всего специалисты-востоковеды различных специальностей — лингвисты и литературоведы, текстологи и историки, тибетологи, корейцы, японисты, иранисты, тюркологи, арабисты и т. д. В секторе же целый ряд востоковедных направлений и дисциплин вообще не был представлен, а имеющихся специалистов было явно недостаточно.

Решить проблему кадров в Ленинграде в ту пору было нелегко. В силу определенных исторических обстоятельств представителей среднего поколения почти не осталось, а единицы старшего поколения уже работали в других учреждениях. Из-за трудностей распределения востоковедов к 1956 г. в Ленинграде скопилось значительное количество выпускников Восточного факультета ЛГУ. Они стремились к научной работе, но вынуждены были работать не по специальности.

¹²⁹ Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, Из истории советского востоковедения. 1917—1967, М., 1970; см. также А. Базилянц, Н. Кузнецова, Л. Кулагина, Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР. 1818—1968, М., 1969.

Представилось возможным заполнить штат ЛО ИВ этими молодыми людьми, заведомо зная, что у них нет ни опыта, ни достаточных знаний.

Некоторые коллеги акад. И. А. Орбели рекомендовали ему избрать более спокойный путь — пригласить в ЛО ИВ известных в науке специалистов старшего поколения, пусть даже единицы, и дать им возможность работать в тех областях, в которых они работали много лет. И. А. Орбели не согласился с ними. Он видел свою задачу в том, чтобы в кратчайший срок восполнить те лакуны, которые образовались в академическом востоковедении Ленинграда. Надо было наконец дать более или менее полную информацию о всей коллекции восточных рукописей, широко развернуть исследование древнего и средневекового Востока. Для этого же нужны были не единицы, а десятки разных специалистов. И. А. Орбели решил пойти на известный риск — брать в отделение молодежь. Пусть она будет неопытна, без ученых степеней и званий, но будет обладать ценными качествами — молодостью и энтузиазмом. И. А. Орбели рассчитывал, что под руководством старших коллег молодые востоковеды в короткий срок овладеют знаниями, обретут опыт научной работы. На протяжении 1956—1960 гг. он принял в ЛО ИВ более ста сотрудников, и подавляющее число их были молодые люди. Определенную роль в этом пополнении кадров сыграло удачное сочетание в одном лице заведующего научным востоковедным учреждением и декана Восточного факультета ЛГУ.

В процессе формирования коллектива ЛО ИВ решалась и его структура. И. А. Орбели, поддержанный дирекцией ИВ и общественными организациями, принял решение восстановить систему страноведческих кабинетов. Выступая 29 января 1957 г. на общем собрании сотрудников ЛО ИВ с докладом о плане работы на 1957 г., И. А. Орбели изложил свои соображения и по вопросу структуры отделения¹³⁰. Его предложение было горячо одобрено и поддержано. Ученый совет ЛО ИВ утвердил структуру в составе пяти кабинетов¹³¹.

Арабский	— 7 человек	(зав. В. И. Беляев)
Индийский	— 5	• (зав. В. М. Бескровный)
Иранский	— 14	• (зав. И. П. Петрушевский)
Дальнего Востока	— 20	• (зав. В. М. Штейн)
Тюрко-монгольский	— 14	• (зав. А. Н. Кононов)

¹³⁰ Там же, оп. 1 (1957), № 8, лл. 1—11.

¹³¹ В Секторе ЛО ИВ уже в 1956 г. были созданы группы по региональному принципу: арабистов (5 человек), иранистов (3), тюркологов (5), монголистов (4), индийская (4 человека), продолжала работать Киргизская группа (6 человек).

Кроме того, в составе ЛО ИВ было три группы: киргизская (рук. Д. И. Тихонов), ассириологии и смежных дисциплин (рук. И. М. Дьяконов), семитологии (сириологии и гебраистики) — рук. Н. В. Пигулевская.

Предполагалось создание Кавказского и Среднеазиатского кабинетов¹³².

В состав ЛО ИВ входили также три хранилища — Рукописный отдел, Библиотека и Архив востоковедов.

18 апреля 1958 г. производственное совещание сотрудников ЛО ИВ заслушало и обсудило доклад заведующего об итогах работы отделения за 1957 г. и перспективах на 1958 г. Академик И. А. Орбели обратил внимание сотрудников на то, что 1958—1960 годы будут особенно важными в жизни советского востоковедения в связи с предполагавшимся в 1960 г. XXV Международным конгрессом востоковедов¹³³. Подготовка к конгрессу потребовала внести некоторые изменения в планы ЛО ИВ на 1958—1960 гг.¹³⁴.

В 1958 г. коллектив ЛО ИВ вновь пополнился молодыми востоковедами, их было принято 10 человек.

Произошли и некоторые структурные изменения: был создан Кабинет Ближнего Востока (зав. Н. В. Пигулевская), в составе Иранского кабинета была образована Курдская группа (научный руководитель акад. И. А. Орбели), велась подготовка к воссозданию Кавказского кабинета и Кабинета древнего Востока (зав. акад. В. В. Струве). Рукописный отдел продолжал упорядочение своих фондов, резко возросло их использование. Архив востоковедов окончательно оформился как самостоятельная структурная часть ЛО ИВ. В библиотеке был определен профиль ее комплектования, производилась сверка каталогов с наличными фондами, организовывался централизованный обмен книгами и микрофильмами с зарубежными учреждениями.

В 1958 г. в ЛО ИВ началось широкое развитие международных научных связей (24 июля в ИВ была создана Комиссия по международным связям). Сотрудники ЛО ИВ активно участвовали в работах международных конгрессов, конференций и совещаний, избирались членами иностранных востоковедных обществ. Рукописный отдел вел обмен с учреждениями и отдельными лицами, свыше сорока делегаций и ученых посетили ЛО ИВ, научные работы сотрудников ЛО ИВ печатались в зарубежных изданиях.

Деятельность ЛО ИВ привлекала в 1958 г. внимание научных и общественных кругов города, чему особенно спо-

¹³² Докладные записки акад. И. А. Орбели и М. Н. Боголюбова о создании этих кабинетов см. там же, № 3.

¹³³ Протокол совещания см. там же, оп. 1(1958), № 10, лл. 12—17.

¹³⁴ Там же, лл. 9—11; подготовке XXV МКВ посвящены также дела № 19, 25 и 28.

собствовали организованные по инициативе партийной и профсоюзной организаций «Восточные чтения». На страницах ленинградских газет все чаще стали появляться материалы, освещающие научную работу отделения, в литературном альманахе «Нева» был напечатан большой очерк «Люди и рукописи» (1958 г., № 7).

В начале 1959 г. был составлен план работы ЛО ИВ на 1959—1965 гг., состоявший из трех разделов: а) план научно-исследовательской работы, б) проблемно-тематический и в) перспективный план¹³⁵. Основное внимание было уделено устранению многотемности, увеличению числа коллективных работ. В кабинетах были созданы проблемные группы и коллективы, объединявшие историков, литературоведов и лингвистов. Особенно широко коллективный метод использовался при описании рукописей. Описание восточных рукописей и подготовка к печати каталогов стали основной задачей ЛО ИВ в первые годы работы. В эту не всегда благодарную и трудоемкую работу включались и молодые специалисты. Это была для них прекрасная научная школа, значительно умножившая их знания. Учитывая исключительную важность этой работы для отделения, в целях координации и разработки методологических вопросов описания рукописей было создано Методологическое бюро по описанию рукописей во главе с членом-корр. А. Н. Кононовым¹³⁶. Для более успешной разработки общетеоретических проблем по решению Ученого совета ЛО ИВ структура отделения была дополнена тремя секциями: 1) Историческая (рук. В. В. Струве), 2) Литературоведческая (рук. И. А. Орбели) и 3) Лингвистическая (рук. М. Н. Боголюбов).

С 1959 г. начался заметный рост научной продукции ЛО ИВ. Так, в 1959 г. вышло в свет уже 12 работ объемом до 80 печ. л., причем 7 из них были изданы в ИВЛ. В том же году было подготовлено к печати и сдано в ИВЛ 32 работы общим объемом в 583 печ. л.

Таким образом, к 1960 г. коллектив сотрудников ЛО ИВ представлял собой удачное сочетание молодых востоковедов, полных сил и энергии, но не имеющих опыта, объединяемых в научные ячейки с учеными старшего поколения. Об этих особенностях коллектива ЛО ИВ неоднократно говорил его заведующий — акад. И. А. Орбели, вложивший немало труда в его создание.

Вся деятельность ЛО ИВ — ЛО ИНА в 1960 г. была связана с подготовкой к XXV Международному конгрессу востоковедов в Москве. В этой работе отделение являлось

¹³⁵ Там же, оп. 1 (1959), № 10.

¹³⁶ 20 апреля 1959 г. А. Н. Кононов был назначен зам. зав. ЛО ИВ (там же, № 1, л. 28).

организуящим центром ленинградских востоковедов. Сотрудники ЛО ИВ были членами Оргкомитета МКВ (5 человек), руководителями секций (8 человек), секретарями секций и т. п., всего в работе конгресса приняло участие почти 90 сотрудников отделения, ими было подготовлено 18 научных докладов.

22 июля 1960 г.¹³⁷ и 16 декабря 1960 г. Президиум АН СССР принял постановление «О задачах, структуре и руководстве Института народов Азии АН СССР»¹³⁸ (так назывался тогда ИВАН). В соответствии с этими постановлениями ЛО ИВ стало ЛО Института народов Азии.

Первый период работы ЛО ИВ (1956—1960) был периодом формирования коллектива с неизбежными первыми успехами и неудачами, а вместе с тем и первых, в большинстве успешных, шагов научной молодежи. Этот период во многом определил состав ЛО ИВ, его структуру, особенности коллектива и существующую и в наши дни творческую атмосферу. Не будет, пожалуй, лишним сказать, что личность акад. И. А. Орбели — его научная честность, нетерпимость ко всякому стремлению к монополии в науке, уважение к таланту, его вера в научную молодежь и поддержка ее — все это благотворно сказалось на деятельности ЛО ИВ на многие годы вперед.

Изменение наименования института и его Ленинградского отделения не вызвало изменений в научном профиле учреждений — основным направлением работы отделения было описание восточных рукописей, подготовка их к публикации, их исследование. Без этого важного, но лишь первого этапа научного освоения богатейших коллекций восточных памятников невозможно было перспективное планирование дальнейшей работы. Поэтому с 1961 г. этому направлению уделялось особое внимание как со стороны администрации, так и со стороны общественных организаций отделения. Исключительно большую роль в этой работе сыграла успешная деятельность Методологического бюро по описанию рукописей (рук. А. Н. Кононов).

В 1960—1961 гг. по инициативе Б. Г. Гафурова и И. А. Орбели было начато издание серии наиболее важных исторических и литературных памятников народов Востока. В числе первых изданий были уникальные рукописи из коллекции, хранящейся в Отделении.

Широко развернулась в эти годы работа в области научной и политической пропаганды. 21—22 марта 1961 г. ЛО ИНА совместно с Дзержинским РК КПСС Ленинграда провело районную научно-теоретическую конференцию по теме

---

¹³⁷ Там же, оп. 1 (1960), № 1, л. 43.

¹³⁸ Там же, лл. 79—81.

«Новый этап национально-освободительного движения и крушение колониальной системы империализма». В октябре 1962 г. была проведена конференция на тему «Роль народов Востока в формировании мировой культуры».

В поисках живой связи с жизнью и форм пропаганды научных знаний коллектив ЛО ИНА пришел к убеждению о необходимости в плановом порядке писать научно-популярные книги. Вскоре первые такие работы появились в книжных магазинах. В 1961 г. в отделении начала действовать лекторская группа, входившая в районное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1962 г. при ЛО ИНА начал работать лекторий — филиал Центрального лектория города, ставивший своей задачей пропаганду достижений науки в изучении прошлого и настоящего народов Востока. Эти лекции привлекают множество слушателей.

В 1961—1963 гг. под руководством преемника И. А. Орбели — члена-корр. АН СССР А. Н. Кононова Ученый совет ЛО ИНА превращается в важнейший орган руководства всей научной и организационной работой. В этот же период по инициативе А. Н. Кононова была начата большая работа по составлению перспективного плана исследовательских работ на 10 лет. Разработка этого плана имела огромное значение для развития ЛО ИНА и заставила тщательно взвесить имеющиеся силы, более четко осмыслить задачи и место ЛО ИНА в ряду востоковедных учреждений страны.

Решения июньского Пленума ЦК КПСС 1963 г., поставившие новые политические и научные задачи перед работниками гуманитарных учреждений, определили главное направление в деятельности ЛО ИНА на ближайшие годы. Впервые в истории востоковедения надо было разработать на строго научной основе программу исследований и публикации письменных памятников культуры народов Востока. Эта сложная и ответственная работа должна была явиться, во-первых, логическим и необходимым продолжением основного направления всей деятельности ЛО ИНА — научные описания восточных рукописей — и, во-вторых, и самое главное, заложить научный фундамент для создания капитальных обобщающих работ по истории, истории литературы и идеологии народов Востока. Написание такого рода работ на основе марксистско-ленинской теории будет в значительной мере способствовать развитию и укреплению научных, культурных и дружеских связей СССР со странами Азии. Работа над «Программой издания и исследования письменных памятников культуры народов Востока» была завершена в 1964 г. Но это был только первый этап.

С этой задачей была связана работа Методологического бюро по описанию восточных рукописей, которое продолжало

разработку методики описания рукописей, завершившуюся созданием унифицированной схемы для всех востоковедных научных коллективов страны. Схема была доложена на II Всесоюзном совещании по вопросам восточной текстологии. В 1964 г. была обсуждена и утверждена краткая схема описания рукописей, предназначенная заменить с 1965 г. полную схему, с тем чтобы в три-четыре года завершить описание коллекций ЛО ИНА.

В мае 1964 г. состоялось заседание Ученого совета ИНА с докладом заведующего ЛО ИНА Ю. А. Петросяна¹³⁹ об основных направлениях работы Отделения. Было принято решение, определяющее направление научно-исследовательской работы: описание восточных рукописей, исследование и публикация памятников в рамках упоминавшейся выше программы, история рабовладельческой и феодальной формаций на Востоке, истории языков и литератур Востока.

Дальнейшим в определении научного профиля ЛО ИНА явилось заседание Секции общественных наук Президиума АН СССР, состоявшееся в Ленинграде 30 октября 1964 г. и принявшее решение, разработанное при деятельном участии ЛО ИНА. Для претворения этого важного решения в жизнь в отделении была создана особая Группа по истории культуры народов Востока.

Со времени создания в Ленинграде отделения в ходе научно-организационной работы постепенно была выработана его структура, наиболее соответствовавшая решению поставленных перед ним задач. Эта структура, в основном, существует до настоящего времени:

НАУЧНАЯ ЧАСТЬ

1. Арабский кабинет	9. Тюрко-монгольский кабинет
2. Ближневосточный кабинет	10. Японский кабинет
3. Древневосточный кабинет	11. Бирманская группа
4. Индийский кабинет	12. Группа древневосточной филологии
5. Иранский кабинет	13. Группа корееведения
6. Кавказский кабинет	14. Группа описания и публикации рукописей и ксилографов дальневосточных фондов
7. Китайский кабинет	
8. Курдский кабинет	

НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

1. Рукописный отдел
2. Архив востоковедов
3. Библиотека (сети БАН)

---

¹³⁹ В июне 1963 г. А. Н. Кононов по состоянию здоровья оставил пост заведующего. Руководителем Отделения был назначен Ю. А. Петросян.

Это отнюдь не означает, что указанная структура, хотя и оправдавшая себя в процессе деятельности ЛО ИНА, является чем-то застывшим и непоколебимым. В эту основную структуру постоянно вносятся те или иные изменения, когда это становится необходимым для улучшения процесса научно-исследовательской работы.

В соответствии с упомянутым решением Секции общественных наук Президиума АН СССР от 30 октября 1964 г. одним из основных направлений в работе отделения должны были стать исследования в области культуры народов зарубежного Востока в древности, средневековье и новое время. Однако для этого надо было выполнить ряд следующих подготовительных заданий, что и было сделано в 1965 г.: была составлена докладная записка с предложениями по организации и развертыванию в СССР исследований в области истории культуры народов зарубежного Востока, эта записка была представлена в Секцию общественных наук в феврале 1965 г.; коллектив авторов подготовил и передал в секцию доклад на тему «Роль религии в современной жизни народов Востока»; шла работа над программой исследований по истории культуры народов Востока.

Все эти задания были выполнены членами Группы по истории культуры, в работе которой деятельно сотрудничали специалисты Государственного Эрмитажа, Восточного факультета ЛГУ и ЛО ИЭ.

Помимо этого основного направления следует также называть и другие, не менее важные работы ЛО ИНА — исследование особенностей развития и смены докапиталистических формаций на Востоке, зарождения классового общества, изучение малоисследованных и совсем неисследованных языков Востока, закономерности и специфика развития художественной литературы в странах Востока и др.

В 1965 г. была проведена первая годовичная научная конференция сотрудников ЛО ИНА, посвященная итогам исследовательской работы за 1964 г. С этого года годовичные сессии стали нормой научной жизни ЛО ИНА. Об их важной роли в формировании молодых ученых говорит, например, тот факт, что на пленарные заседания выносились доклады научных сотрудников, делающих еще первые шаги в науке.

В 1965 г. по решению профсоюзной и партийной организаций ЛО ИНА был организован сбор средств на сооружение мемориальной доски в память сотрудников института, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и умерших в дни блокады Ленинграда. Доска была установлена к 20-летию победы над фашистской Германией. На ней высечены золотом фамилии 37 сотрудников. Всякий, входящий сейчас в помещение ЛО ИНА, невольно замедляет шаг перед этой доской.

Разработка предложений, подготовка программы исследований, открытие новой издательской серии «Культура народов Востока» — все это были лишь первые шаги в сложном деле налаживания работы в области истории культуры народов Востока. Надо было серьезно обсудить задачи координации усилий всех востоковедов страны. Для этого летом 1966 г. Бюро ОИ создало оргкомитет по подготовке Всесоюзного координационного совещания по организации исследований в области культуры, а постановлением Президиума АН СССР определено было провести совещание в марте 1967 г. в ЛО ИНА.

Исключительно важную роль в научной жизни ЛО ИНА стала играть Ленинградская секция Ученого совета, которая в 1966—1967 гг. не только занималась организационными вопросами, но и рассматривала научные проблемы. Заседания Совета становились широкими научными собраниями, в которых читались специальные доклады и принимали участие ученые-востоковеды других учреждений и городов.

Свидетельством внимания руководящих органов АН СССР, а вместе с тем и неуклонного увеличения веса ЛО ИНА в научной жизни АН следует рассматривать доклад заведующего отделением Ю. А. Петросяна о работе по хранению, описанию и изданию письменных памятников культуры народов Востока на Бюро ОИ 1 ноября 1966 г. Бюро ОИ в специальном постановлении по докладу отметило важное научное и политическое значение работы ЛО ИНА и совместно с Секцией общественных наук Президиума АН СССР сочло необходимым заслушать на заседании Президиума в январе 1967 г. доклад о проблемах исследования письменных памятников культуры народов Востока.

Прошло 10 лет работы ЛО ИНА, и молодой — в прямом и переносном значении — коллектив востоковедов добился больших успехов в росте научной квалификации. Об этом убедительно говорят следующие цифры:

	1956 г.	1966 г.
Всего научных сотрудников	51	103
В том числе		
докторов наук	3	7
кандидатов наук	31	56
научных сотрудников без степени	17	40

1967 год — год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции — был знаменательным для нашего Советского государства, для всего трудящегося человечества. Год этот был насыщен важными событиями и в жизни ЛО ИНА.

14—17 марта в ЛО ИНА состоялось координационное совещание по организации исследований истории культуры народов Востока. Это крайне интересное совещание, прошедшее на высоком научном и деловом уровне, единодушно

признало исключительную актуальность проблемы истории культуры.

24 марта 1967 г. заведующий ЛО ИНА Ю. А. Петросян выступил на заседании Президиума АН СССР с докладом «Изучение культурного наследия Востока по письменным памятникам коллекции Института народов Азии АН СССР», в котором подвел итоги научного описания, дешифровки, исследования и публикации памятников восточной письменности¹⁴⁰. Эта работа отделения получила высокую оценку.

Нет возможности перечислить все сессии, конференции, симпозиумы и т. п., в которых принимали участие сотрудники ЛО ИНА. Хранящиеся в архиве материалы позволяют детально ознакомиться с этой стороной деятельности отделения.

Постановлению ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» было посвящено совещание историков, а также специальное заседание УС ЛО ИНА.

Много внимания уделяли администрация, УС и общественные организации отделению выполнению коллективом сотрудников юбилейных обязательств. Надо сказать, что сотрудники ЛО ИНА действительно приложили максимум усилий, и к концу 1967 г. были завершены капитальные коллективные труды по истории отечественного академического востоковедения. Одна из этих книг — та, в которой напечатаны эти строки, а вторая — «Справочник-путеводитель по рукописным, архивным и библиотечным фондам ЛО ИНА АН СССР». Из наиболее важных юбилейных обязательств назовем еще «Памятную книгу», посвященную сотрудникам института, погибшим в годы Великой Отечественной войны, — дополнение к упоминавшейся мемориальной доске; постоянную выставку научных изданий отделения за 1957—1967 гг. и др.¹⁴¹

В 150-й год своего существования отделение вступило как крупное востоковедное научное учреждение АН СССР, призванное вести исследования в области культуры народов Востока по следующим направлениям:

- а) научное описание и публикация рукописей — памятников культуры народов Востока;
- б) изучение особенностей развития и смены докапиталистических формаций и зарождения классового общества на Востоке;

---

¹⁴⁰ Доклад опубликован: ВАН, 1968, № 2, стр. 61—66.

¹⁴¹ См. тезисы докладов: Д. Е. Бертельс, Азиатский музей РАН — ИВАН СССР — Сектор (Музей) восточных рукописей ИВАН СССР, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 3—5; Э. Н. Темкин, ЛО ИНА АН СССР за 10 лет (1957—1967), — там же, стр. 5—6.

- в) история письменных языков Востока;
- г) изучение развития художественной литературы в странах Востока (закономерности и особенности);
- д) изучение истории культуры, особенно истории религий и идеологий Востока.

Учитывая сложившийся профиль научно-исследовательской работы ИНА и его Ленинградского отделения как традиционного востоковедного научного центра страны, Президиум АН СССР принял по представлению Секции общественных наук 14 июня 1968 г. постановление «О восстановлении наименования Института народов Азии АН СССР — Институт востоковедения АН СССР».

За 10 лет своего существования ЛО ИВ прошло значительный путь и стало известным в Советском Союзе и за рубежом крупным научным учреждением по исследованию истории культуры народов древнего и средневекового Востока. За эти годы сотрудниками было опубликовано около 3 тыс. работ. В ЛО ИВ в конце 1967 г. работали 2 члена-корреспондента АН СССР, 8 докторов наук и более 50 кандидатов.

В целом ряде отраслей востоковедения ЛО ИВ заняло ведущие позиции: история древнего Востока и древневосточная филология, раннее средневековье на Ближнем Востоке, среднеиранская филология и история, дуньхуановедение, кумранистика, тангутоведение, грамматика тюркских языков, история корейской литературы, курдоведение и др., а также научное описание восточных рукописей и издание письменных памятников культуры народов Востока.

Все достигнутые ЛО ИВ успехи в развитии советского востоковедения были бы невозможны без постоянного внимания к нуждам отделения и поддержки партийных органов Ленинграда, директора института академика Б. Г. Гафурова, Бюро Отделения истории АН СССР и ее Президиума.

Огромные изменения, происшедшие во всей нашей науке после Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом изменили и востоковедение. Востоковедение в АН СССР изменилось, как мы видели и увидим еще на последующих страницах этой книги, и количественно и качественно, оно принимало новые организационные формы и, разумеется, новую тематику и новое содержание.

Китаеведение

Изучение Китая в Академии наук до образования Азиатского музея (АМ) не носило систематического характера. Тем не менее уже в XVIII в. можно говорить если не об интенсивном его развитии, то во всяком случае о его начале¹.

Первым китаеведом в АН был акад. Т.-З. Байер (1694—1738), составивший первую в Европе грамматику китайского языка². 22 марта 1741 г. в АН был зачислен переводчиком и преподавателем китайского и маньчжурского языков вернувшийся из Китая И. К. Россохин³. Учредив при АН школу этих языков (1741—1751), И. К. Россохин в течение ряда лет работал также и над переводами с китайского языка, сначала по собственному выбору, а с 1747 г. под руководством Г. Ф. Миллера. Важнейшим трудом И. К. Россохина явился перевод описания маньчжурского народа, который он делал сначала один, а с конца 50-х годов вместе с А. Л. Леонтьевым. Этот труд был закончен в 1762 г. (уже после смерти его зачинателя), а опубликован в 1784 г. (17 томов). С И. К. Россохиным связано и образование китайского фонда библиотеки АН: в 1741 г. у него было приобретено 52 книги, а в 1761 г. его вдова продала АН еще

¹ В. Г. Щебенъков, Первые инструкции Российской академии наук об изучении культуры Китая, — «Сообщения ДВФАН», вып. 13, Владивосток, 1960, стр. 97—101; П. Е. Скачков, История изучения Китая в России в XVII—XVIII вв. (Краткий очерк), — сб. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 152—180.

² T. S. Bayer, *Museum Sinicum*, t. I, St.-Pbg., 1730; t. II, St.-Pbg., 1730. Подробно о деятельности Т.-З. Байера см. хранящуюся в АВ (ф. 102, оп. 1, № 2) неопубликованную работу: В. П. Таранович, Академик Т.-З. Байер и его труды по востоковедению. К 200-летию со дня смерти Байера, а также: Babinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), Leipzig, 1915.

³ В. П. Таранович, Иларнион Россохин и его труды по китаеведению, — СВ, III, 1945, стр. 225—241. Библиографию работ И. К. Россохина, как и трудов других русских китаеведов, опубликованных в АН до 1917 г., см.: Ливотова и Португаль, Востоковедение.

55 книг. Кроме того, И. К. Россохин посредничал в приобретении литературы у других лиц (23 книги в 1743 г., 15 книг в 1748 г.), а также при получении книг от иезуитской коллегии в Пекине в 1747 и 1756 гг.

После смерти И. К. Россохина китаеведение в АН было связано с именем А. Л. Леонтьева, который, хотя и служил в Коллегии иностранных дел, кроме упомянутого многолетнего труда опубликовал в изданиях АН в 1771—1784 гг. еще 12 переводов с китайского и китаеведческие статьи⁴. Им же был составлен первый каталог китайских, маньчжурских, монгольских и японских рукописей, хранящихся в АН⁵. После смерти А. Л. Леонтьева (1786) изучение Китая в АН, по существу, на время прекратилось, хотя в первой половине XIX в. членами-корреспондентами АН по разряду литературы и древностей Востока числились китаисты П. И. Каменский (с 1819 г.), Н. Я. Бичурин (с 1828 г.) и П. Л. Шиллинг (с 1829 г.)⁶.

Деятельность известных русских китаеведов XIX в. Н. Я. Бичурин, П. И. Каменского, З. Ф. Леонтьевского, В. П. Васильева, П. Я. Кафарова (Палладия) протекала, как правило, вне Академии наук и Азиатского музея: в Петербургском университете, в Коллегии иностранных дел, позднее в Азиатском департаменте МИДа, в Пекинской духовной миссии и т. п. В Азиатском же музее их работа была эпизодической.

Деятельность музея в области китаеведения ограничивалась в основном собиранием материалов, чаще приобретением частных коллекций и учетом их. Так, в 1829 г. П. Л. Шиллинг передал письма католических миссионеров в Пекине (Гобия, Паренина, Перейры и др.)⁷, в 1833 г. была приобретена китайская этнографическая коллекция М. В. Ладыженского⁸ (в 1837 г. передана в только что образованный Этнографический музей). Отдельные части коллекций Шиллинга поступали в 1835 и 1838 гг., а в 1841 г., после его смерти, в АМ была передана последняя часть его китайской коллекции

⁴ Там же, № 89—104.

⁵ «Ueber die bei der hiesigen Bibliothek angesammelten Bücher in Sinesischer, Mandschuischer, Mongolischer und Japanischer Sprache», — *Busse's Journal für Russland*, Th. II, 1794, стр. 128—134, 216—221, 277—280.

⁶ Литературу о Каменском см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960, № 18561—18565; Материалы к библиографии Бичурин, опубликованные до 1950 г., см. в работе: Б. А. Малькевич, Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III, М.—Л., 1953, стр. 87—101; поздние — «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография», М., 1965, № 10684—10701; о Шиллинге см.: А. В. Яроцкий, О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда, — ОИРВ, VI, 1963, стр. 218—253.

⁷ ЛО ААН, Протоколы Конференции АН от 12 августа 1829 г.

⁸ Там же, от 4 мая 1933 г., § 231.

(в нее входили книги, полученные им от П. И. Каменского, Ст. Жюльена, Абеля-Ремюза и др.). Тогда же французский синолог Ст. Жюльен (член-корр. АН с 1845 г.) передал в АМ каталог китайских и маньчжурских книг библиотеки АН, составленный Ю. Клапротом еще в 1812 г., в который вписал китайские названия. Ст. Жюльен неоднократно пользовался библиотекой АМ, пополнял ее китайскими материалами путем обмена дублетами. Он же консультировал П. Л. Шиллинга в приобретении им китайских книг⁹. Консультациями Ст. Жюльена пользовался и акад. Х. Д. Френ при покупке китайских «небесных карт»¹⁰.

Материалы поступали также от П. И. Каменского и С. В. Липовцова (1835), В. П. Васильева (1840), З. Ф. Леонтьевского (1844, 1851 и посмертно 1868 г.), М. В. Ладженского (1856), Н. Н. Кроткова (1898), Э. В. Бретшнейдера (1902), А. Н. Гудзенко (1902). Больше всего книг поступило из Библиотеки Азиатского департамента МИДа в 1864 г.

В 1818 г. при передаче в АМ китайских книг из Библиотеки АН для составления их описи были приглашены П. И. Каменский и С. В. Липовцов¹¹; они зарегистрировали 279 названий.

Позднее для составления описей и каталогов привлекались также и другие китаеведы: Н. Я. Бичурин (до 1843 г.), З. Ф. Леонтьевский (1843), К. А. Скачков (1856) — последний предлагал передать АМ и свою коллекцию китайских книг, но не сделал этого из-за разногласий среди академического начальства (его коллекция хранится сейчас в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).

В результате усилий собирателей к 1856 г. в АМ образовалась довольно обширная китайская библиотека в 1369 томов, которой пользовались не только русские, но и зарубежные ученые. Ее состав зафиксирован в известном каталоге М. И. Броссе¹².

Научно-исследовательская деятельность в области китаеведения в АМ в XIX в. была в зачаточном состоянии. Китаеведы служили и публиковали свои работы в других ведомствах. Так, В. П. Васильев, избранный в 1886 г. академиком, опубликовал в академических журналах с 1846 по 1900 г.

⁹ Там же, Протоколы ОИФ, 1844 г., § 31; 1845 г., § 29; 1847 г., § 118, 162; 1849, § 77, 179.

¹⁰ Там же, 1849, § 38.

¹¹ «Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке имп. Академии наук хранящимся, по препоручению господина президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный Государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими ассессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым», СПб., 1818.

¹² M. F. Brosset, Rapport à l'Académie Impériale des sciences, sur la Bibliothèque chinoise du Musée asiatique, — Bull. sc., 1841, t. VIII, № 15, стлб. 225—240.

всего три статьи на археологические и буддологические темы и несколько археологических и библиографических заметок¹³. Если добавить еще статью о китайской натурфилософии В. Грубе¹⁴, работавшего в 1882—1883 гг. хранителем АМ, то этим будут исчерпаны все академические публикации в XIX в. по китаеведению.

В начале XX в. китаеведения в АМ также не было, и изданные труды этого времени — почти одни статьи приглашенных зарубежных ученых: Ф. Хирта и К. Сиратори о китайских материалах по истории тюркских народов¹⁵, Отто Франке о китайских реформаторах конца XIX в.¹⁶.

В 1902 г. в Азиатский музей был приглашен китаевед В. М. Алексеев, только что окончивший тогда университет. На первых порах он занимался составлением каталогов и описей наравне с профессором университета китаеведом А. О. Ивановским¹⁷. Он же закончил и подготовил к печати индекс к китайской энциклопедии «Ту-шу цзичэн», начатый Э. В. Бретшнейдером¹⁸.

Новый период в развитии китаеведения в АМ наступает тогда, когда в 1910 г. В. М. Алексеев, возвратившись из командировки в европейские центры китаеведения¹⁹, а потом из экспедиции по Китаю в 1906—1909 гг.²⁰, начал системати-

¹³ Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 588—596. Литературу о В. П. Васильеве см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 18510—18530.

¹⁴ «Zur Naturphilosophie der Chinesen. Li Khi. Vernunft und Materie. Übers. und erläutert von Wilhelm Grube», — Bull. de l'Acad., 1879, t. XXV, стр. 554—570. О нем см.: «In Memoriam Wilhelm Grube ein Gedenken der Art, des Lebens und des Schaffens dieses hervorragenden Menschen u. Gelehrten für seine treuen Freunde und Schüler, 17 August 1855 bis 1 Juli 1908», Berlin, 1908.

¹⁵ Ливотова и Португаль Востоковедение, стр. 107, 110 (фамилия Сиратори в цитируемой библиографии обозначена как Ширатори).

¹⁶ О. Франке, Die wichtigsten chinesischen Reformschriften vom Ende des neunzehnten Jahrhunderts, — ИИАН, сер. V, 1902, т. XVII, № 3, стр. 047—059.

¹⁷ См.: Musei Asiatici Petropolitani notitiae, I—III, — ИИАН, сер. V, 1902, т. XVII, № 4, стр. 070—077. Здесь мы рассказываем о деятельности В. М. Алексеева в АМ — ИВ; об остальных сторонах его научной и педагогической работы, а также его биографию см. предисловие Л. З. Эйдлина в кн.: В. М. Алексеев, Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева, М., 1958, стр. 5—36.

¹⁸ E. Bretschneider and V. Алексеев, Index Encyclopaediae Sinicae... Tu Shu Tsih Ch'eng, denuo editae a 1880, — ИИАН, сер. V, 1904, т. XXI, № 1, стр. 08—012.

¹⁹ Об этой командировке см.: В. М. Алексеев, Заметки об изучении Китая в Англии, Франции, Германии, — ЖМНП, 1906, ч. V, сентябрь, стр. 101—109; октябрь, стр. 277—340.

²⁰ См. изданную посмертно книгу: В. М. Алексеев, В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г., М., 1958. О коллекциях, собранных Алексеевым в этой и последующих (1912 и 1926 гг.) экспедициях, см.: Л. Н. Меньшиков, О китайских коллекциях академика А. М. Алексеева (Лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт), — «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959, стр. 302—313.

ческую обработку и комплектование коллекций и библиотеки по китайской части, хотя он и не состоял еще штатным сотрудником музея. С этого времени китайские коллекции АМ стали пополняться весьма интенсивно. В значительной степени способствовали этому экспедиции в Центральную Азию, хотя и были они по своему составу некитаеведческими (экспедиция П. К. Козлова 1907—1909 гг., экспедиция С. Е. Малова 1909—1911 гг., экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1909—1910 и 1914—1915 гг.), но дали в руки исследователей в числе других материалов множество также весьма ценных китайских. Поступления шли в следующем порядке: в 1910 г. поступило собрание экспедиции Козлова, где кроме ныне всемирно известной Тангутской коллекции были материалы по истории китайского книгопечатания XI—XIII вв. в Китае и сопредельных государствах: чжурчжэньском Цзинь и тангутском Си Ся.

Первыми исследователями китайской части фонда П. К. Козлова были А. И. Иванов и французский синолог П. Пеллио (член-корр. РАН с 1922 г.)²¹, который при посещении в 1910 г. Петербурга обнаружил в фонде ряд ценных раннепечатных книг²².

В 1915 г. в Петроград прибыла коллекция древних китайских рукописей V—XI вв. из Дуньхуана, собранная С. Ф. Ольденбургом во время Русско-туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. Правда, в АМ эти материалы, как и коллекция первой экспедиции С. Ф. Ольденбурга 1908—1909 гг., поступили позже (в 1929 г.), но уже в 1916 г. японский ученый Ябуки Кэйки имел возможность ознакомиться с ней во время пребывания в Петрограде²³. Обе эти коллекции стали

²¹ ИРАН, сер. VI, [1924], т. XVI, стр. 28; «Записка об ученых трудах Поля Пеллио» (там же, стр. 56—57).

²² Об этой части коллекции Козлова см.: P. Pelliot, Les documents chinois trouves par la mission Kozlov à Khara-Khoto, — JA, mai — juin, 1914, Paris, стр. 1—20; К. К. Флуг, По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся, — БВ, вып. 2—4, 1934, стр. 158—163; его же, Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII вв.), — СВ, I, 1940, стр. 78—94; его же, История печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв., М.—Л., 1959, стр. 82—83; Л. Н. Меньшиков, Раннепечатные издания из Хара-Хото (китайская часть фонда П. К. Козлова Института народов Азии Академии наук СССР), — КСИНА, вып. VII, Памяти Ю. Н. Рериха, стр. 143—149. Об истории открытия и исследования фонда см.: Е. И. Кычанов, Звучат лишь письмена, М., 1965. А. И. Иванову принадлежит несколько публикаций найденных им в фонде текстов: А. И. Иванов, Страница из истории Си Ся, — ИИАН, сер. VI, 1911, № 11, стр. 831—836; его же, Документы из города Хара-Хото, — ИИАН, сер. VI, 1913, стр. 811—818.

²³ Об этой коллекции см.: С. Ф. Ольденбург, Пещеры тысячи будд, — «Восток», кн. II, 1922, стр. 57—66; К. К. Флуг, Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР, — БВ, вып. 8—9, 1936, стр. 96—115; М. И. Воробьева-Десятовская и др., Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии, вып. I, М., 1963; Fujieda Akira, The Tunhuang Manuscripts. A General Descrip-

впоследствии предметом специальных занятий многих ученых, советских и зарубежных.

Много внимания В. М. Алексеев уделял комплектованию научной китаеведческой библиотеки, особенно после того, как в 1912 г., возвратившись из поездки в южные районы Китая²⁴, он был принят в штат АМ на должность ученого хранителя.

Прежде всего В. М. Алексеев приступил к разбору и каталогизации китайских книг, накопившихся к этому времени в библиотеке. В то же время через русских дипломатических работников в Китае — А. Д. Романова, В. Ф. Гроссе, А. Т. Бельчикова, а также через Русскую пекинскую духовную миссию ему удается наладить связь с крупнейшими тогда издательствами «Саоэ шаньфан» и «Эрючжай» и получать все книги, которые они выпускали. Находившиеся в Японии Н. А. Невский, С. Г. Елисеев и О. О. Розэнберг присылали японскую литературу по китаеведению, в том числе многотомные серии по буддизму и китайской литературе. Все эти поступления сразу же заносились в каталог. В 1917—1922 гг. новая литература из Китая почти не поступала, но с 1922 г. китайские книги начали поступать бурным потоком.

При выписке книг В. М. Алексеев руководствовался разработанным им планом комплектования библиотеки. Целью этого плана было превращение Китайского отдела АМ в лабораторию специалиста-синолога. В первую очередь были выписаны китайские библиографические сочинения и каталоги, затем издания древних классиков, собрания китайской изящной литературы и поэзии, необходимые для анализа сложных текстов, и библиотеки-серии (цуншу), включавшие самые различные тексты по разным областям знания. Были предприняты энергичные меры для пополнения фонда китайских словарей. Все эти издания продолжали поступать в течение ряда лет и составили основу китайской библиотеки и фонда китайских ксилографов.

Главным образом В. М. Алексееву АМ был обязан также образованием коллекции эстампажей, пожертвованных им музею в 1913, 1915 и 1918 гг. Он же сам составил каталог эстампажей, который не был опубликован из-за начавшейся в 1914 г. первой мировой войны (хранится в Рукописном отделе ЛО ИВ). Из экспедиции 1912 г. В. М. Алексеев привез ряд книг и лубков, касающихся китайской народной религии, которые также подарил музею.

---

tion, — Zinbun, Kyoto, 1966, № 9, стр. 11—13; Л. Н. Меньшиков, Изучение древнекитайских письменных памятников, — ВАН СССР, 1967, № 5, стр. 59—62.

²⁴ Об этой экспедиции см.: В. М. Алексеев, Краткий отчет о командировке в Китай летом 1912 г.—ИРКА, 1913, сер. II, № 2, стр. 75—77.

В эти же годы началась деятельность Алексеева как историка китайской литературы и культуры. Опубликованная им магистерская диссертация, посвященная китайскому поэту Сыкун Ту²⁵, доныне остается образцом исследования сложного китайского текста. Наряду с этим В. М. Алексеев напечатал первое научное исследование фонетики китайского языка²⁶. Ему принадлежат работы по китайскому фольклору и этнографии²⁷. Им была также напечатана статья, в которой он определял задачи китаеведения при изучении китайской литературы и ее особенностей²⁸.

Тогда же началась деятельность В. М. Алексева как лектора — пропагандиста китайской культуры и как переводчика — прежде всего китайской поэзии и повествовательной прозы (новеллы Пу Сун-лина). Однако эта сторона его многогранной личности во всем блеске развернулась после Октябрьской революции, когда появился массовый слушатель и читатель.

После возвращения из Японии в 1916 г. О. О. Розенберга Алексеев вместе с ним составляет план изучения буддизма в Китае и Японии. За время пребывания в Японии и работы в АМ О. О. Розенберг успел опубликовать два тома большого труда по буддизму²⁹. Следует добавить, что и В. М. Алексеев и О. О. Розенберг сочетали работу в АМ с педагогической деятельностью на факультете восточных языков Петроградского университета, где были подготовлены и готовились после 1917 г. те кадры китаеведов, которые впоследствии вошли в штат АМ.

Однако, несмотря на значительные достижения китаеведения до 1917 г., особенно В. М. Алексева³⁰, весь дооктябрьский период можно рассматривать как подготовительный, как

---

²⁵ В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте Стансы Сыкун Ту (837—908). Перевод и исследование (с приложением китайских текстов), Пг., 1916.

²⁶ В. М. Алексеев, Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909), — ИИАН, 1910, сер. VI, т. 12, стр. 935—942.

²⁷ В. М. Алексеев, Бессмертные двойники и даос с золотой жабой в свите бога богатства, — СМАЭ, т. V, вып. I, стр. 253—318. Первая статья, использовавшая материалы этнографических коллекций, появилась ранее: В. М. Алексеев, О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам, — ЗВОРАО, 1910, XX, стр. 1—76.

²⁸ В. М. Алексеев, Об определении китайской литературы и об очередных задачах ее историка, — ЖМНП, 1917, ч. XIX, стр. 45—47.

²⁹ О. О. Розенберг, Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, ч. I. Свод лексикографического материала, Токио, 1916; ч. II. Проблемы буддийской философии, Пг., 1918.

³⁰ О дореволюционных работах Алексева см.: С. Ольденбург, Записка о трудах Василия Михайловича Алексева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913—1918, — ИРАН, 1918, № 16, стр. 1747—1751.

период сбора материалов, их учета. Правда, и после 1917 г. деятельность этого рода в АМ не прекращалась и была не менее интенсивной, но центр тяжести переместился на научные исследования.

После Великой Октябрьской социалистической революции китаеведение в АМ стало развиваться еще интенсивнее. Этому способствовал ряд причин: расширение штата музея, появление новой массовой аудитории, которая тянулась к знаниям, — отсюда многочисленные публичные лекции, организация выставок; постепенно — и чем дальше, тем больше и всестороннее, — стали применяться марксистские методы исследования; при АМ учреждается институт практикантов, потом аспирантура, музей превращается в научно-исследовательский институт; в числе сотрудников появляются новые специалисты по китайской истории, экономике, философии, языку, литературе.

В 1918 г. В. М. Алексеев избирается на должность старшего ученого хранителя, продолжая свою деятельность по комплектованию и каталогизации библиотеки (в этом году главным образом из Японии поступило около 880 томов китаеведческой литературы).

В. М. Алексеев и О. О. Розенберг разрабатывают, каждый в своей области, проекты составления японо-европейского и китайско-европейского словарей. В результате организовывается комиссия по составлению китайско-японско-русско-английского словаря, однако в 1919 г. работа этой комиссии прервалась из-за смерти О. О. Розенберга.

В эти годы в АМ широко развернулась деятельность по пропаганде востоковедных знаний. Только В. М. Алексеев в 1919 г. прочел в различных аудиториях серию лекций: «Культура Китая», «Китайская литература» и др.; О. О. Розенберг прочел лекцию «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке»; в Петрограде была организована первая буддийская выставка.

В 1919 г. по инициативе и под руководством А. М. Горького было создано издательство «Всемирная литература». В. М. Алексеев вошел в него в качестве члена редколлегии экспертов Восточного отдела³¹. Он предложил общий план переводов на русский язык китайской литературы³²; вскоре в этом издательстве выходят два сборника рассказов Пу Сун-лина (1630—1715), писателя, к изучению и переводу произведений которого В. М. Алексеев обращался неоднократно на протяжении всей своей жизни³³. Изучением творчества Пу

³¹ См.: С. Ф. Ольденбург, Восточная коллегия «Всемирной литературы», — «Восток», 1922, № 1, стр. 106—107.

³² В. М. Алексеев, Китайская литература, — «Литература Востока», вып. 2, Пг., 1920, стр. 5—37.

³³ «Лисьи чары». Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо

Сун-лина несколько позднее занялся также ученик Алексева — Б. А. Васильев³⁴. Однако печатная продукция издательства составила не более 20—30% всего того, что было подготовлено к 1925 г. китаеводами, прежде всего В. М. Алексеевым. Так, сборник Пу Сун-лина «Рассказы о людях необычайных» был готов еще в 1917 г., но вышел в свет лишь в 1937 г.

После смерти О. О. Розенберга Алексеев некоторое время один ведет всю работу по комплектованию и каталогизации библиотеки и коллекций музея, читает публичные лекции, переводит китайскую литературу и исследует ее. При этом продолжает преподавать в университете, Географическом институте, Институте истории искусства и работает во «Всемирной литературе».

Вскоре, однако, положение коренным образом изменилось. В АМ были приняты китаисты Ю. К. Щуцкий (1920), Б. А. Васильев (1921), К. К. Флуг (1925), А. А. Драгунов (1928), П. Е. Скачков (1930), А. Г. Шпринцин (1930). Б. А. Васильев обратился к исследованиям классической и современной китайской литературы, Ю. К. Щуцкий — даосизма, А. А. Драгунов и А. Г. Шпринцин — китайского языка и его диалектов, К. К. Флуг — китайской библиографии и рукописных коллекций, П. Е. Скачков (вскоре ставший заведующим Библиотекой ИВ) — русской библиографии по Китаю и истории русского и советского китаеведения. В 1930 г. поступили в аспирантуру института П. Х. Сергиенко (экономика Китая), Г. К. Папаян (история классово-борьбы в Китае).

В. М. Алексеев стал признанным главой советского китаеведения — в 1923 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1929 — действительным членом АН СССР.

С образованием в 1930 г. Института востоковедения был создан Китайско-тангутский кабинет во главе с акад. В. М. Алексеевым, секретарем стал Ю. К. Щуцкий (с 1934 г. — А. С. Поляков). В состав кабинета вошли Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, К. К. Флуг, П. Е. Скачков, А. Г. Шпринцин, П. Х. Сергиенко, Г. К. Папаян, А. С. Поляков и вернувшийся в 1929 г. из Японии Н. А. Невский. Хотя научные интересы последнего были направлены на изучение Тангутского фонда коллекции П. К. Козлова, он принимал

Чжай чжи-и), т. I, Пг., 1922; «Монахи-волшебники». Из сборника стран-ных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи-и), М.—Пг., 1923; «Странные истории», Л., 1928; «Рассказы о людях необычайных», М.—Л., 1937; «К истории демократизации китайской старинной литературы (о новеллах Ляо Чжая)», — сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1934, стр. 37—50, и «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая», — ИАН СССР, ООИ, 1934, сер. VII, № 6, стр. 437—454.

³⁴ Б. А. Васильев, Древние источники Ляо Чжая, — ИАН СССР, ООИ, 1932, сер. VII, № 1, стр. 23—52.

деятельное участие и в китаеведческих исследованиях. Точно так же К. К. Флуг, работавший в Рукописном отделе ИВ, кроме своих основных обязанностей постоянно выполнял различные задания кабинета. В 1931—1932 гг. техническим секретарем кабинета был В. М. Крайнов.

Впоследствии, в 30-е годы, штат Китайско-тангутского кабинета (с 1932 г. переименован в Китайско-маньчжурский, с 1934 г.— в Китайский; далее везде мы будем именовать его Китайским) неоднократно пополнялся. Бессменным его руководителем был В. М. Алексеев, если не считать краткого периода с апреля по октябрь 1934 г., когда должность заведующего кабинетом временно исполнял Н. И. Конрад. В 1933 г. были приняты в аспирантуру З. И. Горбачева и Л. В. Симонская (история народных восстаний в Китае). В том же году в штат был принят Н. А. Петров, который, однако, вскоре (в 1935 г.) перешел на работу в НКВД, а потом служил в Советской Армии и только в 1955 г. вновь вернулся в Институт востоковедения.

В 1935 г. состав Китайского кабинета дополнили успешно окончившие аспирантуру А. А. Петров и Л. И. Думан, а также В. М. Штейн, А. А. Штукин, П. И. Осипов (Чжу У-шан). З. И. Горбачева после аспирантуры была направлена в Наркомпрос, однако уже в 1936 г. была принята в ИВ для работы в Рукописном отделе. В том же, 1935 г. сотрудниками кабинета стали маньчжурист А. В. Гребенщиков, в 1937 г.— маньчжурист В. А. Жебровский, в конце того же года — Л. Н. Рудов.

В 1938 г. в кабинет пришли Г. Ф. Смыкалов, В. Н. Кривцов, Ю. В. Бунаков. Первый уже имел большой стаж научно-педагогической китаеведческой работы, последний, еще будучи студентом, делал на заседаниях кабинета доклады и зарекомендовал себя знатоком истории китайской письменности. В. Н. Кривцов в 1939 г. был призван в ряды Красной Армии и в работе ИВ больше участия почти не принимал. В этом же году к работе кабинета был привлечен китаист-японист Г. О. Монзелер. В 1939 г. в кабинет пришли искусствовед К. И. Разумовский и два аспиранта: Н. И. Любин и Е. Н. Медовая — оба они не успели окончить курса аспирантуры и погибли во время Великой Отечественной войны. В 1941 г. из Рукописного отдела в кабинет перешла также З. И. Горбачева.

Кроме указанных лиц в работе кабинета эпизодически принимали участие также сотрудники других кабинетов и учреждений — В. Н. Казин, Н. Н. Ветюков, В. С. Горелик, М. И. Тубянский, В. П. Таранович, С. А. Козин, Е. Н. Драгунова, Н. В. Кюннер. В эти же годы в работе кабинета принимал участие Эми Сяо (Сяо Сань).

На протяжении всего этого периода перед сотрудниками Китайского кабинета и его руководителем В. М. Алексеевым стояла задача, как уже говорилось, комплектования китаеведческой библиотеки как базы для научной работы. В этой связи очень важны были контакты с зарубежными учеными, научными учреждениями и издательствами. В 1925 и 1932 гг. в Ленинград приезжал крупнейший французский ученый П. Пеллио. Его визиты, равно как и командировка Алексеева в 1926 г. в Лондон, где им были прочитаны лекции в School of Oriental Studies о китайской религии и театре в народном изображении, а также чтение им в августе того же года в Париже лекций по китайской литературе³⁵ в Collège de France послужили основой тех постоянных связей, которые АМ — ИВ имел потом с европейской синологией. Путем переписки были установлены также связи с библиотекой Конгресса в Вашингтоне и многими синологическими учреждениями разных стран.

Растут и укрепляются связи с китаеводами Китая и Японии. В начале 20-х годов посредником между АМ и Китаем был А. И. Иванов, потом В. М. Алексеев, после экспедиции 1926 г. посетивший проездом Пекин и Шанхай, где он установил личные контакты с ведущими учеными, хранителями музеев и библиотек; впоследствии он поддерживал с ними постоянную переписку. В это же время руководитель экспедиции акад. Б. Я. Владимирцов от имени АН организовал обмен литературой с Пекинским государственным университетом, университетом Цинхуа и другими учреждениями. Пополнению библиотеки новейшей литературой весьма способствовало пребывание в Китае Б. А. Васильева в 1924—1925 и 1927—1930 гг.

С японскими учеными связь осуществлялась через Н. А. Невского. В 1928 г. в Японию был командирован также Ю. К. Щуцкий, которому были поручены приобретение японской синологической литературы и установление книгообмена, изучение постановки преподавания восточных языков, а также личные контакты с японскими синологами: Исихама Дзюнтаро, Тогано Сёуном, Кано Наоки и другими. В 1932 г., например, Ленинград посетили японские ученые Оно Гэммё, Умэхара Суэдзи и др., в 1934 г. Китайский кабинет принимал китайских ученых Юань Тун-ли, Цзян Тинфу, Дун Хуэя, в этом же году с выставкой китайской живописи

³⁵ Лекции эти частично опубликованы в кн.: Basil Alexeev, *The Chinese Gods of Wealth*, London, 1928; B. Alexéeff, *La littérature chinoise*, Paris, 1937.

си приезжал знаменитый художник Сюй Бэй-хун (Жю Пэон). В 1934 г. кабинет принимал Сильвена Леви, а в 1937 г. — Анри Масперо. И в это время и позднее (после начала в 1937 г. антияпонской войны в Китае) не прерывалась связь с Бэйпинской (Пекинской) библиотекой, переехавшей тогда временно в Чэнду. В 1941—1945 гг. все эти контакты прервались и возобновлены были лишь после окончания войны.

Кроме чисто научных результатов эти контакты дали толчок бурному росту синологических фондов библиотеки. Например, из Китая были получены такие многотомные издания, как даосский канон, словари, индексированные издания китайских классиков, собрания сочинений крупнейших ученых Ван Го-вэя и Ло Чжэнь-юя, серия «Сы бу цун-кань» и многое другое. Книги присылали Пекинский университет, университет Цинхуа, Экономическое бюро КВЖД, а также побывавшие в Китае В. М. Алексеев, Б. И. Панкратов, Б. А. Васильев; значительное количество литературы удалось получить через П. Пеллио в порядке обмена дублетами. Много синологической литературы приходило из Японии — словари, своды китайской классической литературы с японскими комментариями и переводами, альбомы китайской гравюры, многотомное издание китайской Трипитаки, 100-томный палеографический словарь и др. — как дар японского правительства, так и в обмен с издательством «Тоё бунко», Киотоским университетом, а также от Н. А. Невского и Ю. К. Щуцкого. От Университета им. Сунь Ят-сена в Москве поступали книги, изданные в СССР.

Кроме коллекций С. Ф. Ольденбурга в ИВ поступили в 1934 г. коллекции рукописей ликвидированного Дальневосточного университета.

Интенсивный рост библиотеки и рукописных фондов требовал постоянной текущей их обработки, которой занимались все без исключения сотрудники кабинета. Но этого мало. В. М. Алексеев добивался превращения кабинета в лабораторию китаевода.

В 20-х годах каталогизацией и инвентаризацией занимались Алексеев, Щуцкий, Флуг, позднее также А. А. Драгунов. В 30-е годы к ним присоединились А. А. Петров, А. А. Штукин — обязанностью последнего был также сбор газетных и журнальных материалов по Китаю. К. К. Флуг кроме текущей регистрации производил перерегистрацию старых фондов и отбор дублетов, которые составили обменный фонд китайской части Библиотеки ИВ. Драгунов составил каталог китайских, корейских и японских книг, изданных в СССР. Щуцкий кроме китайской обрабатывал также японскую литературу синологического профиля.

Одновременно приводились в порядок рукописные фонды.

Так, К. К. Флуг в 1925 г. начал разборку Тангутского фонда П. К. Козлова (материалы Хара-Хото), выделяя попутно китайские рукописи и ксилографы³⁶, с 1928 г. на этой работе сменил его А. А. Драгунов. В 30-х годах Флуг первый принял за систематическую разборку и инвентаризацию Дуньхуанского фонда и подготовил первые публикации по его рукописям с включением некоторых памятников из других фондов, прежде всего из Хара-Хото³⁷. Он же привел в порядок, снабдил шифрами и инвентарем новый фонд китайских рукописей XVII—XX вв. и опубликовал сообщения о некоторых из этих рукописей³⁸. Из других публикаций отметим работу японского профессора Кано Наоки, написанную по фотокопии одной из рукописей Дуньхуанского фонда, посланной ему Алексеевым через командированного в Японию Ю. К. Щуцкого. Работа была напечатана одновременно в Японии (в журн. «Синагаку», 1929, № 5—1) и в СССР в переводе Ю. К. Щуцкого³⁹. Большой удачей были первые расшифровки А. С. Поляковым китайских документов с горы Муг⁴⁰.

П. Е. Скачков выявил новые материалы к биографии Н. Я. Бичурина⁴¹ в архивах Ленинграда, а А. А. Петров был командирован на поиски его рукописей в Казань⁴². Из архивных материалов в 1936 г. Л. И. Думан начал готовить к печати выполненный Н. Я. Бичуриным перевод известного китайского исторического свода «Зерцало всеобщее, правительству помогающее» («Цзы чжи тун цзянь»), в 1938 г. в эту работу включились В. Н. Кривцов и З. И. Горбачева. Работа по изданию труда Н. Я. Бичурина, однако, не была доведена до конца, и он доныне не опубликован⁴³. Не сpub-

---

³⁶ К. К. Флуг начал подготовку к описанию китайской части коллекции из Хара-Хото, но не окончил ее, см. АВ, ф. 73, оп. 1, № 31, а также: К. К. Флуг, По поводу китайских текстов.

³⁷ К. К. Флуг, Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке; его же, Краткий обзор небуддийской части Китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР, — БВ, 1934, вып. 7, стр. 87—92.

³⁸ К. К. Флуг, Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения, — БВ, 1936, вып. 10, стр. 131—138.

³⁹ Н. Кано, О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук, — ИАН СССР, ОГН, 1930, сер. VII, № 2, стр. 135—144.

⁴⁰ А. С. Поляков, Китайские документы, найденные в 1933 г. в Таджикистане, — «Согд. сб.», Л., 1934, стр. 91—121.

⁴¹ П. Е. Скачков, Иакинф Бичурин (1773—1853). Архивные материалы к биографии, — БВ, 1933, вып. 2—4, стр. 79—90.

⁴² А. А. Петров, Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве ТАССР и в библиотеке Казанского университета, — БВ, 1937, вып. 10, стр. 139—155.

⁴³ Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в архиве Института востоковедения, — ПВ, 1959, № 5, стр. 136—147.

ликована до сих пор и дешифровка П. И. Кафаровым китайской транскрипции старомонгольского текста «Тайная история монгольской династии» («Юань-чао би ши») ⁴⁴, хотя рукопись Кафарова неоднократно использовалась монголоведами, в частности С. А. Козиным, П. Пеллио, при исследовании этого памятника ⁴⁵. Из других публикаций по архивным фондам, сделанных, правда, не членами Китайского кабинета, отметим работы С. А. Козина о рукописном наследии Н. Я. Бичурина и В. П. Васильева, а также публикацию В. П. Тарановича о И. К. Россохине ⁴⁶. Оба они докладывали на заседаниях кабинета о результатах своих изысканий.

С той же целью создания научной лаборатории китаевода в Китайском кабинете разрабатывались общие и тематические библиографии и указатели к важнейшим сочинениям китайской литературы, могущим быть использованными как справочники, и к наиболее значительным китаеведческим трудам.

Важнейшим библиографическим трудом этого времени была библиография работ по Китаю на русском языке, составленная П. Е. Скачковым ⁴⁷. Другие сотрудники кабинета также вели постоянную библиографическую работу. В. М. Алексеев еще в 1931 г. начал составление рекомендательного списка справочных пособий по китаеведению, который снабжал обширными аннотациями. К 1938 г., когда книга эта была в основном закончена, ее объем достиг 35 авт. л. К сожалению, это произведение доныне остается неопубликованным ⁴⁸. К. К. Флуг с 1927 г. специализировался по теории

⁴⁴ АВ, Р. I, оп. 3, № 2.

⁴⁵ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niġuġa tobġiyau*. Юань Чао Би ши, Монгольский обыденный изборник, т. I, М.—Л., 1941; «*Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I à VI par Paul Pelliot*», Paris, 1949.

⁴⁶ С. А. Козин, О неизданных работах Иакинфа Бичурина (по материалам архива Азиатского музея), — ИАН СССР, ОГН, 1929, № 5, стр. 399—402; его же, К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина, — ДАН-В, 1929, стр. 245—247; его же, Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР. К 30-летию со дня смерти В. П. Васильева: 27 апреля 1900 — 27 апреля 1930 г., — ИАН СССР, ООИ, 1931, стр. 759—774; Таранович, Иларнион Россохин.

О наследии В. П. Васильева делал еще в 1927 г. доклад М. И. Тубянский. См.: М. И. Тубянский, Предварительное сообщение о буддологическом наследии В. П. Васильева и В. В. Горского, — ДАН-В, 1927, 3, стр. 59—64; см. также: М. И. Тубянский, Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург, О рукописном наследии В. П. Васильева, — ИАН СССР, сер. VI, 1926, 18, стр. 1815—1818.

⁴⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930, М.—Л., 1932. В 1948 г. библиография была переиздана в США фототипическим способом.

⁴⁸ ЛО ААН, ф. 820, оп. 1, № 788—793; см. также: В. М. Алексеев, Рабочая библиография китаиста.

и истории китайской библиографии, результатом этой работы было несколько статей и фундаментальный труд по истории китайской книги, опубликованный посмертно ⁴⁹.

В течение ряда лет в Китайском кабинете проводились регулярные обзоры новой литературы по китаеведению, причем каждый из членов кабинета следил за определенной областью. Так, В. М. Алексеев вел библиографические сводки выписываемых книг, делал сообщения о сочинениях по теории китайской литературы, по лексикографии и китайской синологии, систематически информировал о китаеведении в зарубежных изданиях (Европа, Америка), Щуцкий составлял библиографию по алхимической части даосского канона и по изучению «Дао-дэ цзина», вел библиографию работ наиболее авторитетных японских китаеведов-историков (здесь его консультировал японский ученый Исихама Дзюнтаро), библиографию по изучению иероглифической письменности. Драгунов составлял справочный указатель китайской библиографической литературы и каталогов, вел библиографию китайской диалектологии, Б. А. Васильев следил за новой китайской художественной литературой, Г. К. Папаян реферировал китайские журналы, П. Е. Скачков представлял критические обзоры материалов по экономике Внутренней Монголии и т. д. Это помогало с наименьшей затратой сил держать членов кабинета в курсе всех доступных новинок по китаеведению. В последующие периоды существования Института востоковедения (ЛО ИНА) библиографическая работа возобновлялась, но никогда более не была она такой систематической и всеобъемлющей ⁵⁰.

В задачи кабинета входило также составление индексов и указателей к важнейшим сочинениям и исследованиям. Алексеев составил, например, указатель к книге о старых китайских издателях «Цзан шу цзи ши ши» и алфавитный список китайских библиотек-серий (цуншу) (1919), Флуг — указатели к китайским текстам работы Алексеева «Поэма о

---

⁴⁹ К. К. Флуг, Очерк истории даосского канона (Дао цзана), — ИАН СССР, 1930, 4, стр. 239—249; его же, Сы бу цун кань, Шанхай, «Commercial Press», 1928, 2100 бэней, — БВ, 1933, вып. 2—4, стр. 163—166; его же, Из истории книгопечатания в Китае в X—XIII вв.; его же, О каталогах и индексах к китайским библиотекам-сериям (Цун шу), — СВ, II, 1941, стр. 282—288; его же, Об изданиях Бо-чуань Сюэ-хай (Китайская библиотека-серия), — СВ, III, 1945, стр. 268—280. Многие материалы этих статей вошли в его книгу «История китайской печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв.», М.—Л., 1959.

⁵⁰ Значительная часть рецензий и библиографических сводов этого времени осталась в рукописи. Опубликованные работы и рецензии см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 18778—18782, 18797—18809, 18880—18892 (В. М. Алексеев), 18901, 18902 (Б. А. Васильев), 19151 (А. А. Петров), 19205 (П. Е. Скачков), 19229—19232 (К. К. Флуг), 19251 (А. Г. Шпринцин), 19255 (Ю. К. Щуцкий).

поэте» (1925), к трудам китайских ученых Лю Фу «История китайского национального языка» и Ху Ши «История китайской литературы за последние 50 лет» (1926), сводки синологических определений и номенклатуры (1927), библиографический указатель к сочинениям П. Пеллио (1928), Щуцкий сделал указатель к даосской энциклопедии «Юнь цзи ци цянь» (1928), индекс к «Дао-дэ цзину» (1936). Указатели эти не сохранились, но сыграли свою роль при работе над Большим китайско-русским словарем, начатым в 1938 г.

Научные исследования кабинета были в этот период организованы следующим образом: каждый из сотрудников обязан был делать предварительные доклады на заседаниях кабинета о направлении и результатах своих изысканий. Этим достигались две цели: во-первых, все члены кабинета знакомились с текущей работой каждого из сотрудников, во-вторых, путем научных дискуссий определялась правильность направления исследований (до 1930 г., когда был организован Китайский кабинет, доклады выносились на заседания Коллегии востоковедов)⁵¹.

При столь тщательно продуманной организации естественны те успехи китаеведения, которыми ознаменована деятельность кабинета в рассматриваемый период. Направления научной работы в это время были весьма разнообразны (в дальнейшем изложении опускаются библиографические труды, о которых было сказано выше)⁵².

Историки-китаеведы обратились прежде всего к истории развития производственных отношений и истории общественных движений в Китае⁵³.

Это, конечно, не значит, что традиционное изучение китайских исторических источников, начатое еще И. К. Россохиным и Н. Я. Бичуриным, прекратилось. Источниковедение в кабинете было представлено прежде всего трудами Ю. В. Буна-

---

⁵¹ Об этой стороне деятельности кабинета нет исчерпывающих сведений. Отсылаем читателя к соответствующим выпускам ЗКВ и сб. СВ, где, однако, также зафиксированы не все доклады. Тем не менее и по сохранившимся архивным документам можно судить о значении докладов для развития китаеведческих исследований.

⁵² Ниже мы используем кроме архивных и библиографических материалов также работы, посвященные истории китаеведения в СССР: В. М. Алексеев, 30 лет советской синологии (неопубликованная книга, объемом около 10 печ. л., хранящаяся в гранках, — АВ, Р. I, оп. 1, № 192); З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде за сорок лет, — УЗИВАН, т. XXV, М., 1960, стр. 82—101; В. Н. Никифоров, Конец «очеркового» этапа в изучении полукOLONиального периода истории Китая. (Историографические заметки). — НАА, 1961, № 6, стр. 160—165.

⁵³ З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде за сорок лет, стр. 82.

кова, который первый в СССР обратился к изучению древнейших надписей на гадательных костях (хранящихся ныне в Эрмитаже) конца II тысячелетия до н. э., являющихся почти единственным (наравне с надписями на древних бронзах) источником по истории этого периода⁵⁴. Несколько статей обзорного характера по источниковедению опубликовал также В. М. Алексеев⁵⁵. Историографические исследования мы находим также и в упоминавшихся работах А. С. Полякова и П. И. Осипова.

Изучение нарративных источников по истории Китая намечено было начать с перевода «Исторических записок» Сыма Цяня. Предполагалось, что в этой работе примут участие В. М. Алексеев, Ю. К. Щуцкий, Б. А. Васильев, Л. И. Думан, А. А. Петров, З. И. Горбачева, Л. В. Симоновская (начало перевода по плану 1934 г.), однако по ряду причин работа эта завершена не была, сохранились лишь отдельные переводы из Сыма Цяня, сделанные Алексеевым⁵⁶. Тем не менее в большинстве случаев знание источников послужило основой для изучения истории Китая, которое — и в этом главное отличие его от дореволюционных исторических исследований — в целом было направлено на выяснение характера производительных сил и производственных отношений на различных этапах китайской истории. Из этого вытекали также и другие направления работы историков-китаеведов — изучение общественных движений, народных восстаний и деятельности реформаторов в различные эпохи. Конечной целью историки считали выяснение того, какие формации сменялись в Китае на протяжении его многовековой истории.

Древней историей Китая занимался П. И. Осипов, впервые в СССР поставивший вопрос о древнекитайском обществе до VII в. до н. э. и рабстве в древнем Китае⁵⁷. Впоследствии эти же проблемы интересовали Л. И. Думана, опубликовавшего очерки по истории Китая до начала нашей эры и в I тысяче-

---

⁵⁴ Ю. Бунаков, Гадательные кости из Хэнани (Китай). Очерк истории и проблематики в связи с коллекцией ИКДП (Институт книги, документа и письма АН СССР), М.—Л., 1935 («Труды Института языка и мышления им. Н. Я. Марра», т. III); Ю. В. Бунаков, Аньянские памятники и американское китаеведение (К вопросу о методике издания гадательных надписей в связи с работами Бриттона), — БВ, 1937, вып. 10, стр. 53—74.

⁵⁵ В. М. Алексеев, Судьбы китайской археологии, — ИРАИМК, 1924, вып. 3, т. III, стр. 49—80; его же, Вид китайской древней книги, — ИРАИМК, т. IV, стр. 205—208; его же, Очередное опубликование текстов из Дуньхуанских коллекций, — БВ, вып. 5—6, 1934, стр. 91—93.

⁵⁶ См.: «Китайская классическая проза», стр. 98—155.

⁵⁷ П. И. Осипов, О рабстве в древнем обществе Китая; его же, Пути развития древнейшего общества Китая, — ПК, 1935, № 7—8, стр. 183—203, 134—159.

лети н. э.⁵⁸. В изучении экономических основ древнекитайского общества приняли участие Г. К. Папаян, а также некоторые другие сотрудники кабинета — особенно в связи с дискуссией в 1931 г. об азиатском способе производства⁵⁹. З. И. Горбачева обратилась к истории восстания «краснобровых», ставшей темой ее кандидатской диссертации⁶⁰. Л. И. Думан посвятил свое исследование реформам Ван Мана, правившего Китаем в 9—23 гг. н. э.⁶¹. Историю Китая конца I—начала II тысячелетия н. э. с 1933 г. изучал А. С. Поляков. Он выдвинул три темы по этому периоду: «Борьба уделов в Китае VIII—X вв. н. э. и влияние этой борьбы на развитие производительных сил», «Крестьянские войны в X в. и приход к власти сунской династии» и «Развитие классовый борьбы в период упадка династии Северная Сун и роль феодализма как препятствия развитию производительных сил». Тогда же он сделал доклад, которым открылась дискуссия о периодизации китайской истории. Деятельность А. С. Полякова оборвалась через два года после составления этой программы, и выполнить ее он не успел. Впоследствии периодом Сун занялись В. М. Штейн и Л. И. Думан. В. М. Штейн написал статью «Китай в X—XI вв.⁶²», Л. И. Думан подготовил главу для книги «История Китая в I—IX вв.».

Из более поздних общественных движений сотрудники ИВ изучали восстание Ли Цзы-чэна в 1644—1645 гг. (Л. В. Симоновская)⁶³. Истории Синьцзяна в XVIII—XIX вв. Л. И. Думан посвятил ряд докладов и статей в 1935—1939 гг. Работы эти охватывали как экономическое развитие провинции, так и крупнейшее народное движение XIX в. в Синьцзяне — восстание дунган. Его исследования находились в прямой зависимости от изучения истории дунган Советского Союза, переселившихся в XIX в. на территорию Казахстана и Киргизии.

---

⁵⁸ Л. И. Думан, Очерки по древней истории Китая (XII в. до н. э.—I в. н. э.), Л., 1938; см. также сообщение о докладе Л. И. Думана «Надельная система в Китае (III—VIII вв.) в хронике: С. Ростовский, В. Институте востоковедения Академии наук СССР, — «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 75—85.

⁵⁹ М. Кокин и Г. Папаян, Цзин-Тянь. Аграрный строй древнего Китая, Л., 1930; также: «Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса», М.—Л., 1931 (выступления А. Штукина, В. Штейна, А. Полякова, П. Осипова, Г. Папаяна).

⁶⁰ З. И. Горбачева, Крестьянское восстание краснобровых в Китае в I в. н. э. (18—28 гг.), Л. (Тезисы диссертации на степень кандидата наук).

⁶¹ Л. И. Думан, Реформы Ван Мана (Из социально-экономической истории древнего Китая), — ВДИ, 1940, № 1, стр. 82—98.

⁶² Статья опубликована позднее: В. М. Штейн, Китай в X—XI вв., — СВ, III, 1945, стр. 80—108.

⁶³ Л. В. Симоновская, Восстание Ли Цзы-чэна (Из истории крестьянской войны XVII столетия в Китае), [Л], 1935.

зии после подавления восстания⁶⁴. Л. И. Думан напечатал также цикл лекций по новой истории Китая, которые он читал в эти годы на Историческом факультете Ленинградского университета⁶⁵.

Наконец, объектом наблюдения и изучения было современное положение Китая, его экономика, изменения, происходившие в китайском обществе, и деятельность различных организаций и лиц. В. М. Алексееву принадлежат обзорные статьи по современному положению Китая, опубликованные в 20-х годах⁶⁶, им же совместно с Б. А. Васильевым и А. А. Драгуновым был написан в 1932 г. очерк по Китаю для сборника «Влияние Октября на Восток»⁶⁷, оставшегося в рукописи. Также не были опубликованы работы Г. К. Папаяна «Проблема аграрных кризисов в колониях и полуколониях» (1931), «Аграрные отношения на Формозе», «Крестьянские восстания в гоиньдановских районах» (1932), А. С. Полякова «Процесс отхода китайской буржуазии от единого фронта в революции 1925—1927 гг.» (1931), Б. А. Васильева «Захват Маньчжурии Японией и национально-освободительное движение в Маньчжурии» (доклад, 1933), В. М. Штейна «Экономические ресурсы Китая в национально-освободительной борьбе против Японии» (1939) и ряд других статей, докладов, сообщений⁶⁸.

В первой половине 30-х годов наиболее систематизированным изложением новой и новейшей истории Китая следует считать работу, в которой принял участие рано умерший (1933) аспирант П. Х. Сергиенко⁶⁹.

Другие авторы посвящали статьи и обзоры различным ча-

---

⁶⁴ Л. И. Думан, Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861—1878 гг. в Китае, — БВ, вып. 7, 1935, стр. 54—78; его же, Некоторые китайские источники по изучению Синьцзяна конца XVIII и начала XIX в., — БВ, вып. 8—9, 1935, стр. 15—40; его же, Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. (1760—1800). Тезисы диссертации на степень кандидата наук, М.—Л., [1935]; его же, Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в., М.—Л., 1936 (ТИВАН, т. XX); его же, Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг. (Историографический очерк по китайским и советским архивным материалам), — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 27—54.

⁶⁵ «Новая история Китая», Л., 1938.

⁶⁶ См., например: В. М. Алексеев, Китайская республика, — «Восток», I, 1922, стр. 92—97; его же, Печать в Китае, — там же, стр. 100—102; его же, Данные о китайской торговле, — там же, стр. 102—103; его же, Очерки современного Китая, — там же, II, 1923, стр. 105—117; его же, Золотая монета в Китае, — «Анналы», III, 1923, стр. 299—300.

⁶⁷ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 35, л. 16.

⁶⁸ См. отчеты кабинета за 1931—1938 гг. (там же, ф. 152, оп. 1).

⁶⁹ М. Кокин при участии П. Х. Сергиенко, Китай, — «Очерки по истории Востока в эпоху империализма», под ред. Аб. Алимова и М. Годеса, М.—Л., 1934, стр. 260—363.

ственным проблемам современной жизни Китая и его международных связей. Так, вопросы экономической жизни Китая освещали В. Гамберг⁷⁰ и Н. Н. Ветюков⁷¹. Позднее, во второй половине 30-х годов, по современной экономике Китая специализировался В. М. Штейн, хорошо знавший ее по личному опыту работы в миссии при правительстве Сунь Ят-сена (В. М. Штейн ведал в миссии финансовыми вопросами)⁷². Из всего сказанного видно, что по сравнению с дореволюционным китаеведением, направлявшим основные усилия на изучение официального Китая и в несколько меньшей степени народного быта, акценты послереволюционного китаеведения значительно изменились. Теперь китаеведов в современном им Китае интересуют в первую очередь два аспекта: социально-экономические процессы и классовая борьба.

Наконец, важно упомянуть, что историки Китая ИВ в 1938 г. приняли активное участие в подготавливавшейся тогда к изданию «Всемирной истории». Кроме того, на В. М. Штейна лег труд по редактированию глав по Дальнему Востоку, подготовленных для других изданий (1941). Работа эта подводила как бы своеобразный итог исследованиям историков-китаеведов в рассматриваемый период, но света она не увидела из-за войны.

Изучение этнографии Китая и китайского искусства первое время (в 20-х годах) проводилось В. М. Алексеевым. Он продолжал начатое еще до революции исследование китайского лубка (народной и новогодней картин). В 1925 г. Алексеев подготовил к изданию альбомы «Китайский театр на народной картине», «Ребус в китайской народной картине»; представил проекты публикаций «Китайские дети, китайские сказки» и «Китайская народная картина», а также связанного с народной картиной исследования «Поэзия привета на китайских посланиях». В том же году он читал до-

---

⁷⁰ Пребывание В. Гамберга в ИВ было кратковременным (1931—1932), здесь мы приводим статьи, опубликованные или написанные им только в эти годы: В. Гамберг, Наводнение в Китае (июль—октябрь 1931 г.), — ПК, № 8—9, 1931, стр. 84—102; его же, К вопросу об экономических позициях японского империализма в Китае, — ПК, № 10, 1931, стр. 65—103; его же, Банкротство гоминьдана, — «Революционный Восток», 1932, № 1—2, стр. 253—267.

⁷¹ Н. Ветюков, Путь к нищете и развалу (Экономика Китая и экономическая политика нанкинского правительства в период мирового кризиса. 1920—1932 гг.), — ПМ, 1932, № 7—8, стр. 135—160.

⁷² Приводим также только статьи, опубликованные им в период работы в ИВ, т. е. с 1935 г., опуская более ранние (с 1926 г.): В. М. Штейн, Обострение борьбы за рынки в бассейне Тихого океана, — «Тихий океан», 1935, № 3(5), стр. 42—62; его же, Денежная реформа в Китае и ее значение, — там же, 1936, № 1(7), стр. 45—58; его же, Экономическое положение гоминьдановского Китая, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 3, стр. 68—90; его же, Экономика Китая и война, — там же, 1939, № 4, стр. 175—178.

клады о китайской народной картине и связанных с нею китайских культах. Впоследствии доклады на эту тему неоднократно читались в различных аудиториях⁷³. В. М. Алексеев составил обширную программу исследований китайской народной картины, выполненную и донныне лишь частично⁷⁴.

Изучение китайского театра в ИВ велось несистематически, однако и здесь имеется несколько интересных публикаций Алексеева и Васильева; они посвящены главным образом специфике китайского классического театра⁷⁵ (что стало особенно важным в связи с приездом в СССР в 1935 г. труппы Мэй Лань-фана), отчасти — его истории⁷⁶.

Работы по китайской классической живописи, истории и теории китайского искусства также появлялись лишь изредка, тем не менее отдельные работы Алексеева имелись и здесь, в основном в связи с китайскими эстетическими теориями. Впервые Алексеев обратился к исследованию китайской эстетики в «Поэме о поэте», в рассматриваемый период к этому капитальному труду присоединились исследования трактатов китайских авторов о живописи, музыке, каллиграфии («Поэма о каллиграфе», как и «Поэма о художнике», составившие вместе с «Поэмой о поэте» своеобразную трилогию, опубликованы позднее — после войны)⁷⁷. О китайской теории живописи Алексеев писал также в связи с переводом трактата VIII в. «Тайны живописи» и выставкой китайского искусства⁷⁸.

⁷³ В 20—30-х годах были изданы лишь некоторые из названных работ Алексеева (о более ранних исследованиях говорилось выше): «Китайский культ бога Гуаня», Л., 1926; «Из области китайского храмового синкретизма» («Восточные записки», 1927, № 1, стр. 283—296); «Китайский фольклор и китайская народная картинка» (ВАН, 1935, № 4, стр. 63—68); см. также: В. Алексеев, *The Chinese Gods of Wealth*. Наиболее полно тематика докладов, лекций и исследований по народной картине представлена в последней посмертной публикации: В. М. Алексеев, *Китайская народная картина*, М., 1967.

⁷⁴ См.: В. М. Алексеев, Ботаник В. Л. Комаров и русская китанистика, — ИРГО, 1939, т. XXI, вып. 10, стр. 1422—1425.

⁷⁵ В. М. Алексеев, *Китайская сцена*, — «Жизнь искусства», 1923, № 5, стр. 6—7; его же, *Китай*, — «Театр народов Востока», Л., 1927, стр. 3—5; Б. А. Васильев, *Театр современного Китая*, — ВИЛ, 1930, № 1, стр. 155—164; его же, *Китайский классический театр*. На спектаклях Мэй Лань-фана, — «Рабочий театр», 1935, № 8, стр. 5—7; его же, *Искусство «Грушевого сада»*, — «Звезда», 1936, № 6, стр. 248—272.

⁷⁶ В. М. Алексеев, *Актеры-герои на страницах китайской истории*, — ВДФАН СССР, 1935, № 11, стр. 107—120; Б. А. Васильев, *Китайский театр*, — «Восточный театр», Л., 1929, стр. 196—267.

⁷⁷ В. М. Алексеев, *Китайский поэт-пейзажист (Китайская живопись в китайском синтезе XVIII века)*, — «Звезда», 1945, № 12, стр. 19—33; «Артист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма», — СВ, IV, 1947, стр. 19—33. Об этих работах см. также: «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.», № 1, 11.

⁷⁸ Ван Вэй, *Тайны живописи (Китайский катехизис)*, — «Восток», 1923, кн. 3, стр. 31—36; К выставке китайских картин в Эрмитаже, — «Выставка китайской живописи», Л., 1934, стр. 5—29.

Систематическое изучение истории китайского искусства началось в 1939 г., когда в ИВ был принят К. И. Разумовский. В 1940 г. он сделал на конференции в Музее восточных культур два доклада: «Древнейшее китайское искусство» и «Китайское искусство эпохи Хань», опубликовал обзорную статью по истории китайского искусства⁷⁹.

Публикация исследований К. И. Разумовского не состоялась из-за войны. В отделе Востока Государственного Эрмитажа сохранились две его работы: «Китайские теории портрета» и «Китайская бронза». Первая из них, получившая блестящий отзыв Алексеева⁸⁰, недавно подготовлена к печати и сдана в издательство⁸¹.

Большой размах приобрело в 20—30-х годах изучение китайской философии. В этой области кроме самого Алексеева работали также такие выдающиеся специалисты, как Ю. К. Щуцкий, А. А. Петров, В. М. Штейн. В. М. Алексеев проявлял особый интерес к проблемам конфуцианского мировоззрения в Китае, хотя и опубликовал только две работы на эту тему⁸².

Историю даосизма изучал Ю. К. Щуцкий. Ежегодные отчеты его дают картину всех этапов работы над даосизмом в течение двенадцати лет (1925—1937). Начав с китайских работ по даосизму (доклад о книге Сэ У-мэна), Щуцкий перешел затем к исследованию «Книги перемен» («И цзин»), которая легла в основу почти всей китайской философии. В связи с этой книгой Щуцкий обращается впоследствии к более поздним китайским конфуцианским и даосским философским сочинениям, так или иначе трактующим «Книгу перемен»; его интересуют: «Книга чистоты и покоя» и комментарии к ней (1927)⁸³, трактат «Ле цзы» (1928)⁸⁴, сунские конфуцианцы XI в. Чжоу Дунь-и и Чжан Цзай, философ

⁷⁹ К. И. Разумовский, Китайское искусство,— сб. «Китай», М.—Л., 1940, стр. 326—342.

⁸⁰ «Он был один из редких китаистов, получивших научную степень по предъявлению работы, но, несомненно, достойнейшим из всех, ибо его диссертация «Китайские теории портрета» по своей исследовательской фактуре, основательной продуманности, целостности, а главное, новизне могла бы быть достойной и докторской степени...» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1942), № 5, л. 11).

⁸¹ Еще одна его работа — «Китайское искусство в коллекциях Государственного Эрмитажа» — хранится в АВ, Р. I, оп. 1, № 158.

⁸² В. М. Алексеев, Учение Конфуция в китайском синтезе,— «Восток», 1923, кн. 3, стр. 126—149; Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня (XI в. н. э.),— СВ, III, 1945, стр. 146—182. Последняя работа есть результат исследований, начатых докладом на XVII МКВ 1928 г.: «Проблема совершенного человека в теории классицизма Су Сюня».

⁸³ См. также ст. Ю. К. Щуцкий, Даос в буддизме,— ЗКВ, 1927, т. I, стр. 235—250

⁸⁴ Ю. К. Щуцкий, Основные проблемы истории текста Лецзы,— ЗКВ, т. III, 1928, вып. 2, стр. 279—288.

XVII в. Ван Ян-мин (1929—1931). Параллельно в 1928—1929 гг. он изучает японских философов и комментаторов «Книги перемен», таких, как Накаэ Тодзю, Кумадзава Бандзан, Исихама Дзюнтаро. В 30-х годах основное внимание Щуцкого было обращено на даосские классические книги: «Дао-дэ цзин», «Ле цзы», «Чжуан цзы», начата была работа над книгой «Тай-сюань цзин» Ян Сюна и комментарием философа III в. Ван Би на «Книгу перемен». Все эти и иные изыскания завершились в 1937 г. обширным исследованием под названием «Китайская классическая „Книга перемен“»⁸⁵.

Ю. К. Щуцкий первый обратился к проблеме материалистической философии в древнем Китае. Это направление было позднее развито в исследованиях ученика Щуцкого — А. А. Петрова, который, начав с обзоров изучения китайской философии⁸⁶, вскоре представил первое самостоятельное исследование о философе-материалисте III в. н. э. Ван Би⁸⁷. Затем Петров занимался другими китайскими философами-материалистами: Ян Чжу, Ван Чуном, Фань Чжэнем⁸⁸. Ко всему этому нужно добавить, что Петров был одним из редакторов сборника «Китай», членом редколлегии журнала «Советское востоковедение», что ему принадлежит первый в русском китаеведении общий очерк истории китайской философии⁸⁹. Впоследствии А. А. Петров перешел на дипломатическую работу в Китае и больше не вернулся к научной деятельности. Дальнейшее изучение китайского материализ-

---

⁸⁵ Ю. К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен». Опыт филологического исследования и перевода (Тезисы диссертации), Л., 1937. С некоторыми сокращениями исследование опубликовано посмертно: Ю. К. Щуцкий, Китайская классическая «Книга перемен», М., 1967. История исследования подробно изложена в предисловии акад. Н. И. Конрада, библиографическая справка о работах Щуцкого составлена Н. А. Петровым.

⁸⁶ А. А. Петров, Философия Китая в русском буржуазном китаеведении (Критико-библиографический очерк), — БВ, 1935, вып. 7., стр. 5—28.

⁸⁷ А. А. Петров, Ван Би и основные проблемы его философского мировоззрения (226—249 гг. н. э.). Тезисы диссертации на степень кандидата наук, Л., 1935; его же, Ван Би [226—249]. Из истории китайской философии, М.—Л., 1936.

⁸⁸ А. А. Петров, Из истории китайской философии, — «Сборник научных работ комсомольцев», Л., 1936, стр. 434—488; его же, Из истории материалистических идей в древнем Китае (Ван Чун, I в. н. э.) — ВДИ, 1939, № 3(8), стр. 49—71; его же, Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая, — СВ, I, 1940, стр. 174—211. Книга о Ван Чуне полностью была опубликована посмертно: А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954. Перевод трактата Фань Чжэня, выполненный А. А. Петровым, см.: Ян Хин-шун, Трактат Фань Чжэня (V—VI вв. н. э.) «О смертности духа», — Вопросы философии, 1955, № 6, стр. 144.

⁸⁹ А. А. Петров, Очерк философии Китая, — сб. «Китай», стр. 248—272.

ма было развито в исследованиях Ян Хин-шуна, Л. Д. Позднеевой, Ф. С. Быкова и других, а также в трудах китайских ученых.

Широким охватом и разнообразием тематики отличались лингвистические исследования сотрудников Китайского кабинета: работы по фонетике, в том числе исторической, латинизации китайской письменности, диалектологии, грамматике. Наряду с этим впервые в СССР было начато изучение некоторых некитайских языков Дальнего Востока: аннамского (вьетнамского), киданьского и тангутского.

Фонетика китайского языка в дореволюционном китаеведении была представлена одной весьма важной работой В. М. Алексеева — «Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом» (1910). На основе этой работы Алексеев (в советское время, до 1938 г.) вел в ЛГУ и ЛВИ курсы китайской фонетики. Однако наиболее интенсивно в этой области работал А. А. Драгунов. В начале своей научной деятельности он опубликовал три работы по исторической фонетике китайского языка, вызвавшие живейшие отклики в мировой синологии⁹⁰. В этих работах Драгунов применил новый тогда метод реконструкции фонетики среднекитайского языка по некитайским записям — методика, продолженная в исследованиях Ло Чан-пэя, М. Левицкого и Б. Чонгора⁹¹.

Занятия фонетикой современного китайского языка во многом определили участие китаеведов АН в работе по так называемой латинизации — созданию алфавитов на основе латинской графики для вообще бесписьменных дунган Киргизии и Казахстана и для (в подавляющем числе иероглифически неграмотных) китайских эмигрантов в Дальневосточном крае и Восточной Сибири. В разработке дунганского алфавита принимали участие А. А. Драгунов (с 1928 г.) и ст. чл. Б. А. Васильев⁹².

Разработка китайского латинизированного алфавита началась в конце 1928 г. в московском НИИ по Китаю при

---

⁹⁰ A. Dragunov, Contribution to the Reconstruction of Ancient Chinese, — «T'oung Pao», 1928, № 1 (работа дважды переиздавалась в Китае — в 1931 и 1936 гг.); «hPHAGS-PA Script and Ancient Mandarin» (ИАН СССР, ОГН, 1930, № 9, стр. 627—674; № 10, стр. 775—797); «A Persian Translation of Ancient Mandarin», ИАН, ООН 1931, № 3, стр. 359—375. Об этой стороне его деятельности, а также о других его трудах см.: С. Яхонтов, А. А. Драгунов, — КСИВАН, XVIII, 1956, стр. 89—93.

⁹¹ Весьма любопытна в этом отношении работа: E. R. Hore, Karlgren's Glottal Stop Initial in Ancient Chinese. With Particular Reference to the hPhags-pa Alphabet and to Certain Points of Linguistic Psychology, Ottawa, 1935. Она построена целиком на материалах, впервые опубликованных Драгуновым.

⁹² Пользуемся случаем выразить благодарность А. Г. Шпринцину, оказавшему нам помощь в написании раздела о латинизации и диалектологии.

Коммунистической академии. В мае 1930 г. московская группа включила в свой состав А. А. Драгунова, а осенью 1930 г. в только что организованном тогда ИВ была создана комиссия по латинизации китайской письменности во главе с акад. В. М. Алексеевым. В комиссию вошли А. А. Драгунов (секретарь), Б. А. Васильев, Н. А. Невский, Г. К. Папаян, А. С. Поляков, П. Е. Скачков, Ю. К. Щуцкий⁹³ Однако активными сотрудниками комиссии были не все ее члены. Наиболее интенсивной была деятельность В. М. Алексеева, А. А. Драгунова, Б. А. Васильева и включившегося в работу комиссии в октябре 1930 г. А. Г. Шпринцина. Комиссия разработала алфавит, правила орфографии и провела экспериментальные занятия в специально организованной группе китайских рабочих Ленинграда.

В начале 1931 г. выработанный в ИВ алфавит был согласован с Московской группой по латинизации и утвержден ЦК НА, после чего осенью 1931 г. во Владивостоке состоялась 1-я конференция по латинизации китайской письменности, принявшая алфавит. Делегатами от ИВ на этой конференции были Драгунов и Шпринцин, выступившие с докладами, а затем избранные в состав ДВК НА.

В последующие годы Драгунов и прикомандированная к ИВ Е. Н. Драгунова принимали активное участие в практической деятельности по латинизации и неоднократно посещали Хабаровск и Владивосток. А. Г. Шпринцин был командирован ИВ туда же для работы в ДВК НА, где провел 1932—1935 гг. Активное участие в латинизации принял также и ученик Алексеева из ЛГУ Н. И. Любин. В течение ряда лет он был одним из руководителей ДВК НА, редактором китайских латинизированных изданий. В 1939 г. Н. И. Любин вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру ИВ, откуда ушел добровольцем на фронт и погиб в 1942 г.

Уже в 1931 г. появились первые публикации Алексеева и Драгунова, посвященные предварительному обобщению проведенных исследований по латинизации, а к 1-й конференции по латинизации во Владивостоке Шпринцин издал под редакцией Эми Сяо опытный букварь на китайском алфавите⁹⁴. В последующие годы в ДВК был издан ряд составленных

⁹³ Переписку о создании Временной комиссии по латинизации китайской письменности в Китайском кабинете ИВ (24 октября 1930 г.) и состав ее см.: ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1930), № 13, лл. 59—60; декларацию инициативной группы по латинизации и ее состав см. там же, лл. 61—62; протокол заседания группы, лл. 63—65; об организации Высших латинизационных курсов (там же, оп. 1 (1932), № 6, лл. 12, 15).

⁹⁴ В. М. Алексеев, Предпосылки к латинизации китайской письменности.— ВАН, 1931, № 4, стр. 1—6; А. Драгунов, Китайский латинизированный алфавит.— «Культура и письменность Востока», т. IX, 1931, стр. 80—92; А. Г. Шпринцин, Латинизированный китайский букварь; «Sh Ping cing, Latinxuadi zhungwen gungrhen duben», Далькрайиздат, 1931.

Драгуновым и Шпринциным совместно с китайскими товарищами учебных и методических пособий по обучению китайцев родному языку на новом алфавите⁹⁵.

И до настоящего времени единственной обобщающей работой, в которой иероглифическая и алфавитная письменность сопоставляются в широком историко-культурном аспекте, остается изданная в 1932 г. в серии научно-популярной литературы книга В. М. Алексева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация»⁹⁶.

Занятия А. А. Драгунова, Е. Н. Драгуновой, Б. А. Васильева и А. Г. Шпринцина диалектологией в значительной степени были связаны с их участием в движении за латинизацию. Открытие А. А. и Е. Н. Драгуновыми особой группы диалектов Сянтань и Сянсян в Хунани⁹⁷, исследование дунганского языка, являющегося обособившейся группой китайских диалектов провинций Ганьсу и Шэньси⁹⁸, — все это было результатом изучения диалектов сначала лишь в целях латинизации. То же можно сказать и о работе над дунганским языком Б. А. Васильева⁹⁹.

Участью А. Г. Шпринцина в латинизационной деятельности способствовало начатое им еще в 1928 г. изучение шаньдунских говоров и смешанного китайско-русского диалекта на Дальнем Востоке¹⁰⁰.

⁹⁵ А. Драгунов и С. Чжоу, Начальная грамматика китайского языка для школ малограмотных — A. Lung хо S. Zhou, Wenfa shubi giaokoshu, Хабаровск — Владивосток, 1934, книга дважды переиздана в 1936 г. в Китае: в Шанхае и в Тайюани, оба раза в иероглифическом виде; Шпринцин, Обучение взрослых грамоте на новом китайском алфавите, Хабаровск, 1933.

⁹⁶ Эта книга вызвала излишне резкий и во многом несправедливый отклик других участников латинизационной деятельности, см.: «За или против латинизации?» — ПМ, 1932, № 3, стр. 129—139.

⁹⁷ См.: Е. и А. Драгуновы, К латинизации диалектов Центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян (Хунань), — ИАН СССР, VII сер., ООН, 1932, № 3, стр. 240—269.

⁹⁸ А. и Е. Драгуновы, Дунганский язык, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 117—131; А. А. Драгунов, Исследования в области дунганской грамматики. I. Категория вида и времени в дунганском языке (диалект Ганьсу), М.—Л., 1940, ТИВАН, т. XXVII).

⁹⁹ Известно, что Б. А. Васильев докладывал об этих работах на заседаниях Китайского кабинета: в 1932 г. им были прочтены доклады «О дунганском языке» и «Вопросы дунганской терминологии», в 1934 г. — доклад «О дунганском синтаксисе». Тексты докладов, однако, не сохранились.

¹⁰⁰ Китайско-русский диалект был темой его дипломной работы в ЛГУ. В 1929 г. после окончания ЛГУ Шпринцин был по инициативе Алексева командирован АН на год в ДВК для диалектологических исследований по китайскому языку. Доклад о результатах экспедиционной работы Шпринцин делал в кабинете ИВ осенью 1930 г. В 1932 г. была опубликована его частная статья о китайско-русском диалекте. Обзорная статья предположена к изданию в 1968 г. в Тихоокеанском сборнике Географического общества СССР; в корректуре (с которой автор нас любезно ознакомил) осталась статья: А. Г. Шпринцин (1938), О так называемых китайских диалектах и общелитературном языке.

Диалектологией в связи с изучением аннамского (вьетнамского) языка занимался также Ю. К. Щуцкий. Так, в 1931 г. он составил указатель чтения по кантонскому диалекту к аннамским иероглифам и вместе с А. А. Драгуновым подготовил хрестоматию и глоссарий по кантонскому диалекту (обе эти работы не сохранились).

Исследования грамматики китайского языка связаны главным образом с именем Драгунова. Как уже говорилось, ему и Е. Н. Драгуновой, а также Б. А. Васильеву принадлежали первые грамматические очерки дунганского языка. Подлинным новатором Драгунов (часто также в соавторстве с Е. Н. Драгуновой) выступил в разработке вопроса о системе частей речи в китайском языке. Он высказал мнение, что система частей речи и их признаки в китайском и европейских языках различны. Части речи китайского языка Драгунов рассматривал как лексико-грамматические категории (первоначально он их именовал «семантико-грамматическими»), т. е. как группы слов, объединенные не столько по грамматическим признакам, сколько по выражаемым ими наиболее общим смысловым категориям. Для определения этих категорий важнейшим критерием является возможность для слова становиться тем или иным членом предложения. Впервые эта идея была высказана в начальной грамматике, написанной вместе с Чжоу Сун-юанем для дальневосточных школ¹⁰¹. Последующие грамматические работы Драгунова в значительной части посвящены исследованию, обоснованию и развитию этого положения¹⁰². В наиболее полной форме и наиболее всесторонне Драгунов представил свои взгляды и исследования в последующих своих работах, выполненных во время войны и после нее. Интересовал Драгунова и древнекитайский язык — в 1936 г. он начал работу «Проблема вида в древнекитайском языке», но завершить ее ему не удалось¹⁰³.

Аспирантка Е. Н. Медовая предполагала посвятить свое исследование китайским пословицам в лингвистическом аспекте, однако работа эта была прервана ее смертью в 1942 г. во время блокады Ленинграда.

Ряд исследований и докладов был связан с изучением китайского языка и письменности в свете яфетической теории

---

¹⁰¹ A. Lung хо S. Zhou, Wenfa chubu giaokoshu.

¹⁰² А. и Е. Драгуновы, Части речи в китайском языке, — СЯ, т. III, 1937, стр. 117—121; А. А. Драгунов, Грамматическая система современного китайского разговорного языка (работа окончена в 1941 г.), Л., 1962; эта же идея проводится в исследованиях дунганского языка: см. также: А. А. Драгунов, Китайский язык, — сб. «Китай», стр. 343—351; его же, Китайский язык и письменность, — БСЭ, изд. 1, т. 32, 1936, стр. 759—762.

¹⁰³ Архив А. А. Драгунова хранится сейчас в АВ (ф. 132).

Н. Я. Марра¹⁰⁴. Ю. К. Щуцкий делал доклады о выяснении стадиальности в китайской иероглифике¹⁰⁵, терминах родства и терминах торговли с точки зрения этой теории (1930), производил яфетическое обследование терминологии ездовых животных в Китае, терминов древнекитайской литературы и аннамского языка (1931). Ю. В. Бунаков пытался применить теорию стадиальности в исследованиях китайской письменности.

Работы Алексеева в области китайского языка в это время носят преимущественно прикладной характер: вопросы преподавания китайского языка и вопросы филологии и лингвистики применительно к исследованию древнекитайских текстов. Эта тематика находит отражение в серии его докладов, а также в отчетах о готовых работах и в опубликованных рефератах статей и книг. В 1928 г. Алексеев представил книгу «Китайский язык в изучении и преподавании», в 1930 г. прочел доклад «Филология и лингвистика в области исследования древнекитайских текстов», в 1935 г. начал работу над книгой «Опыт грамматики китайского языка как культурного целого», в 1934 г. читал доклад «Китайский язык как общий фактор филологической и лингвистической подготовки кадров». Эта работа продолжалась и далее, о чем свидетельствуют и рефераты¹⁰⁶.

Работа других сотрудников кабинета в области китайского языка ограничивалась созданием учебников для обучения Китаеведов. В составлении их принимали участие Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, сотрудник Монгольского кабинета Б. И. Панкратов¹⁰⁷ и др. Сейчас эти пособия в значительной части устарели, но в свое время они сыграли большую роль.

Добавим, что параллельно с изучением китайского языка

---

¹⁰⁴ Н. Я. Марр неоднократно обращался в своих работах к китайскому языку: Н. Я. Марр, Яфетическая теория и семантика китайского языка, — сб. «По этапам развития яфетической теории», М.—Л., 1926, стр. 284—285; его же, Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи, — ДАН-В, 1927, № 4, стр. 82—84. и др. Подробнее об этом см.: Ю. В. Бунаков, Н. Я. Марр и китайский язык, — ЯМ, т. VIII, 1937, стр. 289—320.

¹⁰⁵ Ю. К. Щуцкий, Следы стадиальности в китайской иероглифике, — ЯС, т. VII, Л., 1932, стр. 81—96.

¹⁰⁶ См., например, рефераты: В. М. Алексеев, Китайский тон и русская интонация, — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.», — ОЛЯ, М.—Л., 1947, стр. 36—37; его же, «О трудном китайском тексте», — там же, стр. 37; его же, «Китайский язык в систематическом описании и характеристике, ч. I, Устная речь», — там же, стр. 30, и др.

¹⁰⁷ Б. А. Васильев, Н. А. Петров и В. С. Пухов, Учебник китайского языка (для I курса), Л., 1934; Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, Учебник китайского языка. (Байхуа. Для II курса), Л., 1935; Б. А. Васильев, Ю. К. Щуцкий, Строй китайского языка, Л., 1936 (в серии «Строй языков», вып. 6); Б. И. Панкратов, Пособие для изучения китайского разговорного языка. Текст, Л., 1938.

некоторые сотрудники изучали языки, родственные китайскому или исторически с ним связанные. Ю. К. Щуцкий неоднократно обращался к аннамскому языку: «Яфетическое обследование аннамского языка» (1931), доклады «Об аннамском языке» и «Грамматика аннамского языка» (1932), им же была написана первая в СССР грамматика и учебник этого языка¹⁰⁸.

Наконец, Л. Н. Рудов изучал мертвые языки и недешифрованные письменности киданей и чжурчженей¹⁰⁹.

Историю китайской письменности изучал Ю. В. Бунаков, оставивший как оригинальные работы по древнейшему периоду, так и библиографические работы по этой теме¹¹⁰.

Исследования китайской письменности Алексева носили опять-таки прикладной характер (исключая книгу «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация», о которой говорилось выше) — ученый интересовался в наибольшей степени вопросом о том, как организовать на иероглифической основе китайский словарь с наибольшим удобством для пользующегося¹¹¹. Интерес Алексева к вопросу о построении китайского иероглифического словаря не случаен. Делом своей жизни он считал составление Большого китайско-русского словаря, который заменил бы все предыдущие. Уже упоминалось, что в 1919 г. он предполагал составить вместе с О. О. Розенбергом китайско-японско-английско-русский словарь. Словарь этот не был составлен, но Алексей долгое время подготавливал для него почву. Об этом свидетельствует ряд таких докладов, как, например, «Построение китайско-русского словаря» (1930), «Графическая система В. П. Васильева в двуязычном словаре китаиста», «О лекси-

---

¹⁰⁸ Ю. К. Щуцкий, *Строй аннамского языка*, Л., 1936 (в серии «Строй языков», вып. 5); его же, *Учебник аннамского языка* Л., 1934.

¹⁰⁹ Посмертно опубликованы две статьи: Л. Н. Рудов, *Кидани* (Очерк истории. Характеристика языка, письменности и литературы), — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 158—172; его же, *Проблемы киданьской письменности*, — СЭ, 1963, № 1, стр. 89—98. Другие, неопубликованные работы хранятся в АВ «Кидани», для 2 т. «Всемирной истории» (ф. 77, оп. 1, № 5); «Первый опыт изучения эпитафии Ляоского Даоцзуна и императрицы Сюань-и, написанных на киданьском письме» (там же, № 6). Имеются также упоминания о его киданьско-китайско-русском словаре, по-видимому утерянном (ЛЮ ААН, ф. 152, оп. 3, № 518). Изложение доклада Рудова «О киданьской письменности» см.: С. Ростовский, В Институте востоковедения Академии наук СССР.

¹¹⁰ См. прим. 54, а также: «Китайская письменность», — сб. «Китай», стр. 351—385; изложение его доклада «О китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике» см.: С. Ростовский, В Институте востоковедения Академии наук СССР.

¹¹¹ В. М. Алексеев, *Системы китайской иероглифики*, — ВАН, 1934, № 2, стр. 15—20; *Современные системы современных китайских иероглифов*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935, стр. 3—19.

кографе-теоретике Вань Го-дине и его словаре» (1931), «Роль презумпции в двуязычном словаре китаиста», «Словарь Палладия Кафарова как этап русской синологии»¹¹² (1931) и многие другие. В 1931 г. Алексеев задумал составление учебного словаря (издание его не состоялось), соавторами в котором должны были быть Б. А. Васильев, А. А. Драгунов, К. К. Флуг, Ю. К. Щуцкий.

Составление Большого китайского словаря было начато в 1938 г. большим коллективом в составе: В. М. Алексеев (редактор), Ю. В. Бунаков, А. А. Драгунов, Л. И. Думан, В. Н. Кривцов, Г. О. Монзелер, А. А. Петров, Л. Н. Рудов, Г. Ф. Смыкалов, К. К. Флуг, А. Г. Шпринцин, В. М. Штейн. Впоследствии к ним присоединились К. И. Разумовский, Н. И. Любин (с 1939 г.) и З. И. Горбачева (с 1941 г.). В составлении картотеки принимал участие также В. К. Юстов. Тексты для расписывания были распределены в соответствии с научными интересами участников. Так, Алексеев представил свою расписку произведений китайской классической поэзии и прозы, картотеку благожелательных и заклинательных формул на китайской народной картине, на почтовой бумаге и конверте, формул китайской эпиграфики, картотеку поэтологических и эстетологических формул и терминов; Драгунов — картотеку грамматических явлений китайского языка; Штейн — экономическую терминологию классического Китая; Разумовский — картотеку по истории китайского искусства; Флуг — по китайской книжной терминологии, библиографии и лексикографии; Рудов — по прессе и ряду специальных областей, например по банковскому делу; Петров — по философии и марксистской терминологии; Смыкалов — по официальному и деловому языку, корреспонденции и прессе; Бунаков — по китайской письменности и ее истории; Монзелер — по японизмам в китайском разговорном языке и прессе; Думан — по китайской истории и т. д. Состав авторов картотек позволил Алексееву с гордостью сказать: «Думаю, что вряд ли в Китае сейчас может образоваться коллектив, подобный нашему, для составления русско-китайского словаря»¹¹³. В 1941 г. картотека словаря вчерне была готова, однако война надолго отсрочила его окончательное завершение.

В области изучения китайской литературы работа Китайского кабинета проводилась в двух направлениях: переводы

---

¹¹² Опубликован посмертно в виде статьи: В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, — КСИНА, XVIII, 1956, стр. 79—83.

¹¹³ В. М. Алексеев, Тезисы о современном двуязычном словаре современного иностранного языка с приложением их к словарю китайско-русскому, — «Китайско-русский словарь под ред. акад. В. М. Алексеева. Пробный макет словаря», М.—Л., 1948, стр. 16.

лучших образцов и теоретическое осмысление истории литературы. Много внимания члены кабинета уделили переводам классической литературы. А. А. Штукин с 1935 г. работал над полным переводом древнейшего китайского поэтического памятника «Книги песен» («Ши цзин») — этот перевод, законченный в основном еще до войны, увидел свет только в 1957 г.¹¹⁴ «Книгой песен» занимался также Алексеев¹¹⁵. Китайская поэзия и ритмическая проза, более поздние, чем «Книга песен», появились в переводах Алексеева, Щуцкого, Васильева. В переводах и с истолкованиями Алексеева публиковались переводы из Ли Бо (701—762)¹¹⁶. Наиболее значительной поэтической книгой, изданной в это время, была «Антология китайской лирики», где переводы были выполнены Щуцким (соединившим в себе Китаиста и поэта-переводчика), а вводная статья и обобщающие заметки к тематическим группам стихотворений написал Алексеев¹¹⁷.

Кроме того, Щуцкий и Васильев опубликовали ряд поэтических переводов из произведений китайских поэтов периода Тан (618—907)¹¹⁸.

К переводам китайской поэзии примыкают переводы тех же лиц из мастеров классической ритмической прозы (гувэнь) Тао Юань-мина, Оуян Сю и др.¹¹⁹. Всем этим переводам были предпосланы пояснительные вступления с изложением принципов перевода, часто различных у разных переводчиков. Особняком стоят исследования Алексеевым эстетических, фи-

---

¹¹⁴ Было два издания: избранные песни и полный перевод памятника. См.: «Ши цзин». Избранные песни, М., 1957; «Ши цзин» (издание подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко), М., 1957.

¹¹⁵ См.: В. М. Алексеев, Классическая поэма древнего Китая, «Книжные новости», 1938, № 5, стр. 19, а также более поздний реферат: В. М. Алексеев, Предпосылки к русскому переводу китайской древней канонической книги «Ши-цзин» («Поэзия»), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1948; вып. 3, стр. 271—272.

¹¹⁶ Эти публикации начались еще до революции статьей: В. М. Алексеев, Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу, — ЗВРАО, т. XX, 1911, стр. 185—195. Продолжением этой работы стали публикации: В. М. Алексеев, «Древнее» (Из поэтической исповеди Ли Бо, — «Восток», 1923, кн. 2, стр. 35—40; В. М. Алексеев, Ли Бо. Из черверостиший, — там же, 1925, кн. 5, стр. 87—102.

¹¹⁷ Ю. К. Щуцкий, «Антология китайской лирики VII—IX вв. (по Р. Х.)». Перевод в стихах Ю. К. Щуцкого, редакция, вводные обобщения и предисловие В. М. Алексеева, М.—Пг., 1923 («Всемирная литература»). См. также рецензии на эту книгу Н. К. Гудзия (НВ, кн. 4, 1923, стр. 470) и Н. И. Конрада («Восток», кн. 4, 1924, стр. 174—178).

¹¹⁸ Ю. К. Щуцкий, Из китайских лириков, — «Восток», кн. 1, 1922, стр. 39—44; Б. А. Васильев, Бо Цзюй-и, Оборванные строки. Лирические стихотворения, — там же, стр. 127—138; Б. А. Васильев, Бо Цзюй-и, Песнь о бесконечной тоске (Поэма), — там же, стр. 113—125.

¹¹⁹ Оуян Сю, Образцы прозы. Перевод В. М. Алексеева и Б. А. Васильева, — «Восток», кн. 3, 1923, стр. 38—49.

лософских и социальных воззрений китайских поэтов и прозаиков, где переводы включаются в текст исследования ¹²⁰.

Изучением и переводами китайской классической повествовательной прозы (кроме Алексеева) занимался также Б. А. Васильев. Ему принадлежат переводы из танской новеллы и из сборника «Удивительные истории нашего времени и древности» («Цзинь гу ци гуань», XVII в.) ¹²¹. Эти работы Б. А. Васильева были первыми среди исследований и переводов новеллы, последовавших позднее, после 1945 г. (О. Л. Фишман, И. Э. Циперович, В. А. Вельгус, А. Тишков и др.).

Изучение литературы Китая XX в. впервые началось в стенах ИВ. Естественно, что главной фигурой, привлечшей внимание советских ученых, стал Лу Синь. В переводе его произведений и изучении его творчества приняли участие Васильев, Штукин, Рудов, Шпринцин ¹²². О творчестве Мао Дуня впервые написал Б. А. Васильев; ему и Н. А. Петрову принадлежат обзорные статьи по современной китайской литературе ¹²³. Алексеев писал о новой китайской поэзии и о влиянии Октябрьской революции на литературу Китая ¹²⁴.

Деятельность литературоведов кабинета нашла отражение в сделанных ими докладах ¹²⁵.

¹²⁰ См.: В. М. Алексеев, К выставке китайских картин в Эрмитаже; О принципах ритмического перевода «Поэмы о художнике» («Хуа пинь»), — Доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях кабинетов ИВ в 1940 г., — СВ, т. II, 1941, стр. 319—322; его же, «Китайский поэт о китайской музыке», — «Сб. статей к 40-летию учен. деят. акад. А. С. Орлова», Л., 1934, стр. 541—545. См. также публикации конца 40-х—50-х годов, подготовленные до войны: В. М. Алексеев, Китайский поэт-пейзажист о своем вдохновении и своем пейзаже; его же, Арист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма; его же, Утопический монизм и «китайские церемонии» в трактатах Су Сюня.

¹²¹ Б. А. Васильев, Повесть о прекрасной Ли. Китайская новелла IX века, перевод, вступ. статья и прим. Б. А. Васильева, — сб. «Восток», 1935, М.—Л., стр. 139—162; «О том, как Юй Бо-я, лютию разбив, простился с „понявшим звук“». Перевод, предисл. и прим. Б. А. Васильева, — «Восток», кн. 4, 1924, стр. 28—45.

¹²² Лу Синь, Правдивая история А-Кея. Переводы под ред. Б. А. Васильева, Л., 1929; «Лу Синь. 1881—1936. Сборник статей и переводов, посвященных памяти великого писателя современного Китая», М.—Л., 1938.

¹²³ Б. А. Васильев, Мао Дунь. Трилогия, — БВ, вып. 2—4, 1933, стр. 151—157; его же, Китайская литература. Театр современного Китая, — ВИЛ, 1930, № 1, стр. 149—164; его же, Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма, — ТИВАН, т. I, 1932, стр. 85—110; его же, Левый фронт в китайской литературе, — ЗИВАН, т. II, вып. 4, 1934, стр. 203—228; Н. А. Петров, Новая и новейшая литература Китая, — сб. «Китай», стр. 300—309.

¹²⁴ В. М. Алексеев, Изучаете ли Вы новую поэзию?, — «Восток», 1925, кн. 5, стр. 235—236; его же, Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в литературе Октября, — «Труды ноябрьской юбилейной сессии Академии наук СССР», Л., 1933, стр. 542—550.

¹²⁵ Из их числа мы упомянем лишь те, которые не нашли отражения

Наиболее значительным результатом деятельности кабинета до 1941 г. следует считать заверченный в 1939 г. сборник «Китай». Этот сборник был справочником общего типа по самым разным областям знаний о Китае — от географии и истории до здравоохранения и просвещения. Большинство авторов статей были членами Китайского кабинета, лишь по некоторым проблемам современности были привлечены сотрудники других учреждений. Сборник состоял из серии очерков, написанных специалистами¹²⁶.

Он был сдан уже в печать, но тираж его погиб во время немецкой оккупации Таллина, сохранились лишь 200 сигнальных экземпляров.

Исследования ученых АМ — ИВ послужили основой для популяризации научных знаний, выразившейся в организации выставок, лекций, в педагогической деятельности. Так, в

в печати. Например, Алексеев читал доклады: «История текста и изданий Ляо Чжаевых новелл», «Поэзия китайского ученого в тематически-антологическом отборе», «О переводе на разговорный язык Ляо Чжаевых новелл» (1928), «Ритмические переводы китайских ритмических композиций», «О методах преподавания китайских антологий» (1931), «Лунная поэма Се Чуанана», «Принципы художественного перевода с китайского», «Демонстрируемые на переводах китайской ритмической прозы», «Горький и китайская литература» (1939); Васильев выступал с докладами и сообщениями: «О китайском романе» (1927), «Пословицы и поговорки в одном китайском романе» (1928); «Новеллы Бо Син-цзяня», «Выявление основных течений в современной литературе стран Востока», «Литература протеста начала XX в. в Китае» и с рядом других, например доклады о дунганском эпосе (1930) и «Октябрь и дунганская литература» (1932), а также выдвинул совместно с Н. И. Конрадом тему «Проблема единства феодальной литературы Китая и Японии» (1933).

В 1935 г. Васильев начал изучение романа «Речные заводы», а Щуцкий — романа «Цзинь, Пин, Мэй», у Васильева тема была близка к завершению в 1937 г., но и ту и другую работу прервала трагическая гибель обоих ученых.

¹²⁶ Статью «Борьба китайского народа за национальную независимость» написал Г. Н. Войтинский, «Географический очерк Китая» — Г. Ф. Смыкалов, «Экономический очерк Китая» — В. М. Штейн, «Очерк истории Китая» (до эпохи империализма) и хронологические таблицы по истории Китая — Л. И. Думан, продолжение до конца 40-х годов XX в. — Г. В. Ефимов, ему же принадлежал словарь современных политических и общественных деятелей Китая; очерки «Борьба с оккупантами в Маньчжурии» — А. Г. Зюзин, «Аграрный вопрос в Китае» — А. Н. Островский, «Рабочий класс Китая в борьбе за национальную независимость» — М. К. Пашкова, «Государственное устройство Китая» — П. Е. Муравьев, «Очерк философии Китая» — А. А. Петров, «Религия в Китае» — Г. О. Монзелер, историко-библиографический очерк «Китайская литература» — В. М. Алексеев, очерки «Новая и новейшая литература» — Н. А. Петров, «Литература и искусство Китая в борьбе за национальную независимость» — Эми Сяо (Сяо Сань), «Китайское искусство» — К. И. Разумовский, «Китайский язык» — А. А. Драгунов, «Китайская письменность», «Книгопечатание и книгоиздательское дело в Китае», «Периодическая печать в Китае» и библиографию основных работ по Китаю на европейских языках — Ю. В. Бунаков, «Народное образование в Китае» — В. Н. Кривцов, «Здравоохранение в Китае» — Л. Н. Рудов.

1925 г. В. М. Алексеев организовал выставку материалов своих коллекций и научно-показательный музей при Китайском кабинете ЛИЖВЯ. В 1928 г. в АМ открылась постоянная выставка по истории китайского книгопечатания, объяснения на которой давал Ю. К. Щуцкий, в 1930 г. — выездные выставки по истории письменности при Коммунистической академии и на книжном базаре с участием К. К. Флуга и Ю. К. Щуцкого. В 1934 г. известный китайский художник Сюй Бэй-хун привез образцы новой китайской живописи. Картины были показаны в Эрмитаже при содействии и участии В. М. Алексеева.

Лекции о Китае читали все сотрудники Китайского кабинета. Наибольшее количество их прочел В. М. Алексеев. В последующие годы выступления его и других китайистов перед некитаеведческой аудиторией не прерывались. В 1927 г., например, Алексеев прочел цикл лекций о новом Китае в историко-этнографической характеристике в Географическом обществе и в Союзе преподавателей географии; Щуцкий выступил с лекциями о диалектике истории в китайской философии в Ташкентском университете. В 1935—1936 гг. в Ленинградском лектории был организован цикл лекций по Китаю и Японии, в котором участвовали П. И. Осипов (древнейшая история Китая), З. И. Горбачева (империалистические захваты в Китае), В. М. Штейн (экономика современного Китая), А. А. Петров (китайская философия), Б. А. Васильев (современная китайская литература), Л. И. Думан (история китайской революции и советские районы Китая)¹²⁷.

Таков был послереволюционный период развития китаеведения в АМ — ИВ. Он прервался в начале Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Многие китаеведы были оторваны от научной работы. На фронте погибли К. И. Разумовский и Н. И. Любин (1942), не выдержали тяжести блокады Ленинграда Л. Н. Рудов (1941), К. К. Флуг, Ю. В. Бунаков, Е. Н. Медовая (1942), ушли в армию или перешли на дипломатическую работу А. А. Петров, Л. И. Думан, Г. О. Монзелер, В. Н. Кривцов, В. К. Юстов, Н. А. Петров. Из них к научной деятельности после войны вернулись только Л. И. Думан, но уже не в Ленинграде, а в Московском отделении ИВ и Н. А. Петров — в Секторе восточных рукописей в Ленинграде. Другие сотрудники были эвакуированы из Ленинграда: В. М. Алексеев оказался в Боровом; В. М. Штейн, исполнявший некоторое время обязанности заместителя директора и ученого секретаря института, в феврале 1942 г. выбыл с Ленинградским университетом в Саратов, передав дела Н. В. Пигулевской; А. А. Драгунов и

¹²⁷ «Япония — Китай», Л., 1935.

Г. Ф. Смыкалов — в Ташкент, З. И. Горбачева — в Тетюши, куда она выехала с эвакуированными детьми сотрудников АН.

В августе 1942 г. в Ташкенте, куда был эвакуирован ИВ, был образован Дальневосточный кабинет, объединивший эвакуированных сотрудников Монгольского, Китайского и Японского кабинетов. Обязанности заведующего кабинетом временно исполнял А. А. Драгунов. В декабре того же года кабинет разделился на два: Китайско-монгольский и Корейско-японский. Заведующим первого был назначен В. М. Алексеев, замещал заведующего ученый секретарь А. А. Драгунов, позднее ученым секретарем стал Л. С. Пучковский. В состав кабинета кроме названных ученых входили также В. М. Штейн и С. А. Козин (оба были в Саратове и в работе кабинета фактически не участвовали), Т. А. Бурдукова (проживавшая в Алма-Ате) и аспиранты — китаевед Л. Д. Позднеева (жившая в Москве), маньчжурист М. К. Максимов. В работе кабинета принимали участие сотрудники других кабинетов и учреждений: тюрколог Д. И. Тихонов, научный сотрудник Центрального архива Гербер, аспирант Института этнографии Г. Г. Стратанович.

Во время пребывания в эвакуации члены Китайского кабинета продолжали научную работу и выполняли срочные поручения, связанные с условиями военного времени. Весьма интенсивно работал в Боровом акад. Алексеев. Оторванный от института и библиотеки, с трудом доставая бумагу (на картотеку, например, ему приходилось обрезать поля у роскошных иллюстрированных изданий), он не прекращал своих исследований. Ни в один период своей жизни он не создал такого количества переводов, статей, докладов, рефератов, как здесь. Имея под рукой лишь некоторые антологии китайской поэзии и прозы, он переводит эти антологии на русский язык, чтобы создать основу для написания впоследствии истории китайской классической литературы. Результатом этого труда явились «Антология китайской классической прозы II—XX вв.» и «Антология китайской классической поэзии II—X вв.». Обе книги мыслились как приложение к будущим томам истории китайской литературы и были в основном готовы к концу 1942 г.¹²⁸ В. М. Алексеев выработал новые принципы научно-художественного перевода — сочетание научной точности с ритмизацией, имитирующей ритм китайского подлинника. Принципы эти, а также некоторые результаты исследований литературы Китая были изложены в докладах, которые Алексеев читал на заседаниях для сотруд-

---

¹²⁸ Часть антологии прозы издана в кн. «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева». Антология стихов и остальная часть прозы еще не опубликованы.

ников ИВ, проживавших в Боровом. Лишь некоторые из этих докладов оформились потом в статьи и были опубликованы¹²⁹, часть увидела свет только в виде рефератов¹³⁰, но целиком они остались ненапечатанными.

Вторая серия работ Алексеева, выполненных в эвакуации, была посвящена китайскому языку, часто в научно-педагогическом аспекте. Эти исследования были оформлены в виде докладов, а потом статей и книг, но опубликованы были только рефераты о них. В Боровом Алексеев прочел доклады: «Синтаксис простого китайского предложения по данным палиндрома», «Китайский тон и русская интонация» (1942), серию лекций о роли в синологии русского, английского, немецкого, французского и японского языков, «Проект новой русской фонетической адаптации китайского языка», «Тезисы новой грамматики китайского языка» (1943).

Третья серия работ была посвящена проблемам китайской истории и философии (в том числе философии истории), а также истории русского китаеведения: доклады о погибших китаеоведах (Л. Н. Рудове, К. К. Флуге, В. Н. Казине, Ю. В. Бунакове, К. И. Разумовском), «Советская синология за XXV лет», «Проблема заимствования в китайской культуре», «Концепция Дао (опыт синтетической конструкции)», «Концепция идеального центра (Чжун юн) в китайской литературе и философии» (1942), «Вопросы китайской хронологии», «География и китаистика», «Китаист-историк в идеале и действительности» (1943).

Другие китаеведы, эвакуированные в Ташкент, также вели большую научную работу. А. А. Драгунов завершил там книгу «Грамматическая система современного китайского языка» (опубликованную в 1962 г.), которую предполагал сделать своей докторской диссертацией; начал исследование

---

¹²⁹ В. М. Алексеев, Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве,— ИАН СССР, ОЛЯ, т. 3, вып. 4, 1944, стр. 143—164; его же, «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XII в. Вэнь Тянь-сяна,— ТВИИЯ, т. 2, 1946, стр. 47—54; его же, Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая,— ИАН СССР, ОЛЯ, т. IV, 1945, стр. 187—199.

¹³⁰ См. рефераты: «Советский опыт решения задачи перевода китайских художественных литературных произведений с приложением образцов», «Китайская литературная глоссология и новые опыты русского перевода ее представителей среди шедевров китайской художественной прозы», «Француз Буало и его китайские современники о поэтическом мастерстве», «Мои работы в эвакуации над материалами по истории китайской литературы», «Роль антологий и монографий в составлении истории китайской литературы», «Китайский стих и его очарование в свидетельстве поэтов Китая», «О трудном китайском тексте» — в ст. «Работы академика Алексеева» (за 1945 г.); «Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании», «Новый метод и стиль переводов на европейские языки древних классиков», «Поэзия вина в Китае», — в ст. «Работы академика В. М. Алексеева» (за 1946 г.).

грамматики древнекитайского языка (по плану 1943 г.). Он выступил одним из организаторов, а потом был секретарем Ташкентского лингвистического объединения. Неоднократно отвлекался от научной работы для выполнения заданий оборонного значения. В ташкентский период прочитал несколько докладов, связанных с началом работы над большой грамматикой китайского языка и продолжением трудов по дунганской грамматике: «О некоторых особенностях местоимений в архаичном китайском языке» (1942), «О некоторых спорных вопросах структуры китайского слова», «Трансформация категории нарратива в современном китайском языке», «Числительное два в современном китайском языке» (1943), «Об одной грамматико-стилистической особенности романа Лю Сяо „Путешествие Лао Цяня“», «Иноязычные влияния в дунганском языке», «Китайские элементы в уйгурском языке» (1944)¹³¹. Многие из того, о чем докладывал Драгунов, вошло позднее в главный его труд — «Исследования по грамматике современного китайского языка»¹³².

Интересы Г. Ф. Смыкалова были сосредоточены на истории Китая и отчасти на истории китайской литературы. Им были сделаны следующие сообщения и доклады: «Официальная сторона сунской династии» (1943), «Географо-экономический обзор Восточного Туркестана», «Этапы развития новой китайской литературы», «Китайский ученый о периодизации истории своей страны», «Внутренняя структура исторических записок Сыма Цяня» (1944). Выступал Г. Ф. Смыкалов также в качестве консультанта и составителя китайско-русского и русско-китайского словарей.

Работы Д. И. Тихонова, хотя и не основывались на китайских материалах, касались в основном проблем Синьцзяна и вплотную примыкали к исследованиям китаеведов. Это были доклады: «Ленин и Восток», «Древний Хотан (древние города Восточного Туркестана)» (1943), «Национально-освободительное движение уйгуров в XIX в.» (1944).

В 1943 г. доклад «Подрывная работа германского империализма в Западном Китае против России и Англии в 1914—1918 гг.» сделал Гербер и доклад «Китайская монета, найденная при археологических раскопках на Фархадстрое» — Г. Г. Стратанович. Другие китайцы в работах кабинета практически не участвовали. 7 мая 1943 г. на Ученом совете ИВ Н. Т. Федоренко защитил докторскую диссертацию

---

¹³¹ См.: А. А. Драгунов, Некоторые проблемы китайской грамматики, — «Рабочая хроника ИВ», II, стр. 23—24.

¹³² А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I. Части речи, М.—Л., 1952.

на тему «Историческая достоверность Цюй Юаня и его творчества», подготовленную им во время пребывания на дипломатическом посту в Китае.

В 1943 г. Алексеев и Драгунов составили программу, определявшую очередные задачи китаеведения, где намечались следующие работы: возобновление составления Большого китайско-русского словаря; составление словаря китайской скорописи; создание труда по истории китайской литературы, основанного на серии переводов и частных монографических исследованиях; написание капитального труда по истории Китая, которому должны предшествовать переводы китайских исторических трудов, одних полностью, других в выдержках; подготовка к изданию труда Н. Я. Бичурина «Зерцало всеобщее, правительству помогающее»; продолжение и завершение перевода Сыма Цяня; всесторонняя разработка грамматического строя китайского языка с усиленным изучением архаичного периода; продолжение изучения языка, истории, фольклора, быта дунган СССР; научное описание рукописей, ксилографов, архивных фондов; развитие тибетологии и тангутоведения; подготовка кадров¹³³.

Нужно добавить, что популяризация знаний о Китае не прекращалась и в этот трудный период. Так, Алексеев и другие члены кабинета не раз читали лекции в дислоцированных в Средней Азии воинских подразделениях, Штейн за 1942—1943 гг. прочел более ста лекций в лекториях, госпиталях, воинских частях Саратова.

Во время эвакуации ИВ в 1943 г. в Москве образовалась Московская группа института, куда вошли китаеведы Л. З. Эйдлин (с начала 1944 г.), И. М. Ошанин (с мая 1945 г.), а с августа того же года С. Л. Тихвинский — все трое проходили в группе курс докторантуры — и Л. Д. Позднева.

Начиная с лета 1944 г. китаеведы ИВ один за другим возвращались в Ленинград. В 1944 г. вернулись Алексеев и Штейн. В октябре возобновляются регулярные заседания, на которых В. М. Алексеев читал свой доклад «Китайская поэма „Море“» и слушались авторефераты докладов сотрудников МГ ИВ. В 1945 г. в Ленинград вернулись А. А. Драгунов, Г. Ф. Смыкалов, З. И. Горбачева.

В 1945 г. в связи с 220-летием АН СССР Алексеев был награжден орденом Ленина, а В. М. Штейн — орденом «Знак Почета».

После возвращения китаеведов в Ленинград немедленно возобновилась работа над Большим китайско-русским словарем, которую все китаеведы считали основной. Оказалось, что словарь значительно отстал от новейшей китайской

¹³³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1943), № 23, лл. 1—2.

лексики: с 1937 г. поступление изданий из Китая прекратилось.

Работа с газетами, журналами, книгами, начавшими вновь поступать из Китая после войны, показала, что в китайском языке появился большой лексический слой, родившийся во время второй мировой войны. Было решено приступить к расписыванию всех новых материалов. Вновь создается коллектив составителей. Кроме его старых членов — редактора словаря В. М. Алексеева, секретаря З. И. Горбачевой, В. М. Штейна, А. А. Драгунова и Г. Ф. Смыкалова — в него входят три московских китаеведа в качестве помощников редактора: И. М. Ошанин, Л. З. Эйдлин и Чжоу Сун-юань. Ошанин готовил материал по официальному языку и переписке, грамматическим вопросам и разговорному языку; Л. З. Эйдлин — картотеку по китайским поэтическим текстам; Чжоу Сун-юань выступал в качестве коррективщика всей китайской части словарных статей. Пополнение картотек велось также китаистами, не входившими в кабинет, в том числе и теми, кто находился в Китае: Н. Т. Федоренко присылал материалы для картотеки современной китайской филологии; С. Л. Тихвинский расписывал военную терминологию и персоналии на китайских деятелей XX в. в сфере политики и культуры; Л. Д. Позднеева (Москва) — терминологию и лексику классического китайского романа и драмы; Б. И. Панкратов (всю войну и три года после нее работавший в Китае) предоставил свои материалы по разговорному языку, пословицам, фольклору, пекинскому быту и другим, часто неожиданным сторонам китайской культуры; В. В. Вишнякова (Москва) дополняла картотеки военной терминологии; И. Э. Циперович (Вост. фак-т ЛГУ) давала материалы по китайской библиографической науке.

В 1946 г. кабинет пополнился новыми членами: О. Л. Фишман, С. М. Кочетова, Т. А. Ваганова и С. В. Солтанов. Все они также приняли участие в составлении словаря. Т. А. Ваганова расписывала работы современных политических деятелей, О. Л. Фишман — поэтические тексты, прежде всего стихи Ли Юо, С. М. Кочетова — тексты по китайскому искусству и рассказы Пу Сун-лина, а С. В. Солтанов занимался вычиткой после машинки рукописей и оформлением дополнений к слогам Б-Бяо.

В 1947 г. Т. А. Ваганова и О. Л. Фишман ушли из ИВ в ЛГУ. В 1950 г. был отчислен С. В. Солтанов. Фишман и далее продолжала делать работу для словаря.

К 1948 г. основная работа по пополнению словаря была закончена, готовился к изданию макет слога Гу, однако отпечатанный макет¹³⁴ распространен не был, а в 1949 г.

¹³⁴ См. прим. 113.

работа над Большим словарем была фактически прекращена.

В 1948 г. было начато составление однотомного («среднего») китайско-русского словаря, порученного А. А. Драгунову (редактор), З. И. Горбачевой и Б. И. Панкратову, вернувшимся из Китая.

В следующем, 1949 г. руководство составлением словаря перешло к И. М. Ошанину, картотека Большого словаря была перевезена в Москву и в дальнейшем как над выпуском однотомного словаря, так и над Большим словарем работал новый коллектив, ленинградские же китаеведы (З. И. Горбачева, С. М. Кочетова) принимали в этом лишь некоторое участие¹³⁵.

Ученая деятельность двух членов кабинета — В. М. Алексеева и А. А. Драгунова — в этот период не ограничивается работой в словаре. Алексеев много сил отдает литературоведческим и лингвистическим исследованиям, а также написанию истории китаеведения в СССР. В области изучения китайской литературы он продолжает ту серию исследований, которые были им начаты частично до 1941 г., частично в эвакуации, а также выступает с докладами и готовит в печать ряд исследований: «Горький в Китае», «Песнь моему прямому духу» китайского патриота XIII в. Вэнь Тянь-сяна, «Рабочая библиография китаиста», «Китайский поэт-пейзажист о своем вдохновении и своем пейзаже», «Утопический монизм и „китайские церемонии“ в трактатах Су Сюня», «Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая», «Артист, каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма», «Советский опыт решения задачи перевода китайских художественных литературных произведений», «Француз Буало и его китайские современники», «Культура Китая», «О трудном китайском тексте», «Китайский палиндром в его научно-педагогическом использовании» и др. Напечатаны были, однако, лишь несколько статей и рецензий¹³⁶, остальные остались в рукописи либо в корректурах или же изданы только в виде рефератов.

Значительную часть своего времени В. М. Алексеев уделит истории советской синологии. И ранее он регулярно обращался к истории китаеведения, периодически подводя

¹³⁵ «Средний» словарь вскоре был издан (китайско-русский словарь под ред. проф. И. М. Ошанина, изд. I, М., 1952; изд. II, М., 1955; изд. III, М., 1959). Над «большим» словарем в настоящее время работает коллектив под руководством И. М. Ошанина в Москве, о нем см.: Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина (макет), М., 1960. В обоих словарях широко используются картотеки, составленные под руководством В. М. Алексеева.

¹³⁶ В. М. Алексеев, Римлянин Горацій и китаец Лу Цзи; его же, Отражение борьбы с завоевателями; его же, Китайский поэт-пейзажист; его же, Утопический монизм; его же, Песнь моему прямому духу; его же, Артист-каллиграф и поэт.

итоги деятельности советских синологов. Но основным его трудом в этой области стала подготовленная им в 1947 г. большая книга «Советская синология за 30 лет», оставшаяся в корректуре.

Труды В. М. Алексеева поставили его во главе советского китаеведения, получили широкое признание за рубежом. Он был избран членом ряда иностранных научных обществ: Пекинской (Бэйпинской) библиотеки (1926), Американской Академии политических и социальных наук (1931), Американского общества ориенталистов (1937) и Нью-Йоркского географического общества (1946).

Исследования А. А. Драгунова явились развитием и углублением тех идей, которые впервые были высказаны им и Е. Н. Драгуновой еще до Отечественной войны, прежде всего важнейшей идеи о различии систем частей речи в разных языках; для китайского, например, Драгунов уславливал иную систему частей речи, чем для индоевропейских. Продолжал он исследование и ряда конкретных грамматических явлений, в том числе фонетики¹³⁷. Наиболее полное выражение взгляды Драгунова нашли в подготовленной в послевоенные годы книге, которая подводила итоги его многолетним изысканиям в области китайского языка и стала этапным произведением, в известном смысле предопределившим все дальнейшие изыскания в области грамматики современного китайского языка¹³⁸. В 1950 г. Драгунов переехал в Москву и продолжал там исследования вплоть до своей смерти в 1955 г.

Из работ других членов кабинета отметим важные исследования В. М. Штейна в области древнекитайской экономической мысли. В 1946 г. он завершил работу над книгой «Гуань-цзы» (начало изысканий в этой области относится к довоенному периоду), а в 1947 г. приступил к истории китайско-индийских отношений¹³⁹. Г. Ф. Смыкалов разрабатывал

---

¹³⁷ См.: А. А. Драгунов, О зависимых членах предложения в современном китайском языке, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. 5, вып. 6, 1946, стр. 484—489; его же, Категории зависимой и независимой предметности в современном китайском языке (суффиксы-*(э)р* и *-цзы*), — СВ, (сб.), т. VI, 1949, стр. 102—119; А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова, Структура слога в китайском национальном языке, — СВ, 1955, № 1, стр. 57—74.

¹³⁸ А. А. Драгунов, Исследования по грамматике. См. также рецензию М. К. Румянцева (СВ, 1955, № 4, стр. 159—166).

¹³⁹ В. М. Штейн, Древнекитайская и древнеиндийская экономическая мысль, — «Тезисы докладов по секции востоковедения научной сессии Ленинградского гос. университета», Л., 1945, стр. 4—8; его же, Уровень экономического развития Китая в период династии Хань, — там же, 1946, стр. 10—14; его же, К истории дипломатии в древнем Китае и древней Индии, — ВЛУ, вып. 6, 1947, стр. 95—115. См. также краткое изложение его доклада 1948 г. «Место Гуань-цзы в истории китайской экономической мысли», — ВДИ, 1948, № 2, стр. 169.

тему «Параллельная композиция в китайском языке», которую, однако, так и не окончил. Б. И. Панкратов, занимая должность ученого секретаря РО ИВ, работал над «Секретной историей монголов» («Юань чао би ши»), руководил также работой реставрационной мастерской и фотолаборатории. З. И. Горбачева изучала восстание Фань Чуна (работа эта не была напечатана, хотя и числилась в 1946 г. завершенной).

В мае 1950 г. кабинет провел сессию, посвященную памяти акад. В. П. Васильева, в которой приняли участие В. М. Алексеев (доклад «В. П. Васильев как синолог»), Н. В. Кюннер («В. П. Васильев как историк»), Г. Ф. Смыкалов («В. П. Васильев как географ»), Л. З. Эйдлин («В. П. Васильев как историк китайской литературы»), С. М. Кочетова («В. П. Васильев как историк религий Востока»), З. И. Горбачева (доклад «Неопубликованные труды академика В. П. Васильева»).

Часть этих докладов была потом использована для сводной статьи о нем¹⁴⁰. В том же, 1950 г. Л. З. Эйдлин сделал сообщение о своих исследованиях китайской литературы 40-х годов («Тема труда в современной художественной литературе Китая»).

В 1951 г. возобновилась работа над неопубликованным наследием Н. Я. Бичурина. Г. Ф. Смыкалов (вернувшийся в ИВ), Б. И. Панкратов, З. И. Горбачева начали готовить к изданию его перевод китайской истории «Тун цзянь ган му»; в 1953 г. была закончена подготовка четырех томов, однако труд Н. Я. Бичурина из печати не вышел. С 1952 г. в этой работе принимал участие Д. И. Тихонов. Он же работал над историей Синьцзяна XIX—начала XX в. по уйгурским источникам.

В лексикографических работах в 1951 г. принимал также участие В. П. Илюшечкин (составление Малого китайско-русского словаря).

Начиная с 1950 г., когда ИВ был переведен в Москву, число китаистов в Секторе восточных рукописей сильно уменьшилось: остались лишь З. И. Горбачева, Б. И. Панкратов и Г. Ф. Смыкалов, снова уволившийся в 1952 г. по состоянию здоровья. Научная продукция этого времени невелика. Плановые темы в 1952—1955 гг. ограничиваются в основном подготовкой к изданию труда Н. Я. Бичурина (З. И. Горбачева и Б. И. Панкратов), работой Панкратова над комментариями к истории Рашид ад-дина в тех частях, которые по тематике и материалам смыкаются с китайскими

---

¹⁴⁰ З. И. Горбачева, Н. А. Петров, Г. Ф. Смыкалов, Б. И. Панкратов, Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900),— ОИРВ, 2, стр. 232—340.

источниками ¹⁴¹. Он же принимал участие в авторской работе по составлению однотомника «История МНР».

С 1953 г. состав Сектора восточных рукописей начинает расширяться за счет молодых китаеведов. В 1953 г. был принят в аспирантуру Л. Н. Меньшиков (окончил аспирантуру и зачислен в сектор в конце 1955 г.). В 1954 г. для изучения истории Киргизии по китайским источникам был принят А. А. Кондратьев, в том же году на временной работе в библиотеке была И. Т. Зограф (Бабиева), поступившая затем в аспирантуру. В 1955 г. вернулся из армии и вновь стал сотрудником ИВ Н. А. Петров; возвратился В. М. Штейн. В число сотрудников вошел С. А. Школяр, работавший сначала в библиотеке, а потом специализировавшийся по истории военного дела в Китае; на временную работу был принят Л. И. Чугуевский, обрабатывавший китайские ксилографы, архивные материалы и японскую часть библиотеки. В аспирантуру по истории тангутского государства поступил Е. И. Кычанов.

Таков был состав китаистов к 1956 г., когда Сектор восточных рукописей был преобразован в ЛО ИВ. Естественно, что при увеличении числа сотрудников несколько оживляются и китаеведческие исследования. И. Т. Зограф, С. А. Школяр ведут учет и каталогизацию поступающей китаеведческой литературы, З. И. Горбачева и Н. А. Петров начинают составление описания китайских ксилографов. Эта работа продолжалась до 1961 г., однако завершена не была, опубликованы были только несколько статей обзорного характера ¹⁴². Работу В. М. Алексева по описанию эстампажей в 1953 г. продолжал Е. И. Лубо-Лесниченко, завершивший составление картотеки фонда, доведя ее до 880 карточек. Б. И. Панк-

---

¹⁴¹ См.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, книга вторая, перев. с перс. О. И. Смирновой, прим. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова, М.—Л., 1952; то же, т. II, перев. с перс. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960.

¹⁴² З. И. Горбачева, Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания ИВАН СССР. (Общий обзор),—УЗИВАН, т. 16, 1958, стр. 309—351; е е же, Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959, стр. 286—294; З. И. Горбачева и Н. А. Петров, Письменные памятники китайской культуры (из коллекции Института востоковедения),—ВАН, 1959, № 9, стр. 90—92; З. И. Горбачева, Китайские медицинские труды в коллекции ЛО ИНА АН СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 243—250; Н. А. Петров, Некоторые издания китайского фольклора XIX в. в коллекции ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР,—«Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961, стр. 267—269. Некоторые сведения см. также: Д. И. Тихонов, Рукописные фонды Института востоковедения Академии наук СССР,—ВИ, 1957, № 7, стр. 144—151. Незавершенный вариант описания ксилографов см.: АВ, Р. I, оп. 1, № 245.

ратов занимался изучением «Секретной истории монголов». А. А. Кондратьев продолжал работать над историей Киргизии. Им был опубликован ряд материалов о киргизах, вошедших в различные сборники¹⁴³. Л. Н. Меньшиков работал над диссертационной темой, посвященной реформе китайской классической драмы¹⁴⁴. В области литературоведения работал также Н. А. Петров, специализировавшийся на творчестве китайского поэта и реформатора конца XIX в. Хуан Цзунь-сяня. Начинал он также работу над теорией китайского стихосложения. В связи с творчеством Хуан Цзунь-сяня была затронута литературная деятельность другого выдающегося реформатора того же времени — Лян Ци-чао¹⁴⁵. И. Т. Зограф начала исследования исторической грамматики (среднекитайский язык), позднее ставшие ее кандидатской диссертацией¹⁴⁶.

После образования ЛО ИВ организуется Дальневосточный кабинет во главе с В. М. Штейном. В кабинет вошли З. И. Горбачева, А. А. Кондратьев, Л. Н. Меньшиков, Б. И. Панкратов, Н. А. Петров, Д. И. Тихонов, С. А. Школяр и аспирантка И. Т. Зограф. Начиная с 1956 г. состав кабинета регулярно пополнялся новыми сотрудниками; в течение десяти лет были приняты: В. С. Спирин (1956), Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич, проф. В. С. Колоколов, Л. И. Чугуевский

¹⁴³ А. А. Кондратьев, Исторические сведения о киргизах в китайских источниках, — МПВНКВ, I, Ташкент, 1958, стр. 934—939. В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов, — СВ, 1958, № 4, стр. 125—136; А. А. Кондратьев и В. А. Ромодин, «История Киргизии», т. I, изд. 2, Фрунзе, 1963, стр. 273—281. См. также выступление на сессии по этногенезу киргизов 9—14 ноября 1956 г. в г. Фрунзе (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 138—141).

¹⁴⁴ Л. Н. Меньшиков, Современная реформа китайской классической драмы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1955; его же, Реформа китайской классической драмы, М., 1959; его же, Реформа классического театра и драмы, — «Вопросы культурной революции в КНР», М., 1960, стр. 230—250.

¹⁴⁵ См.: Н. А. Петров, Хуан Цзунь-сянь — китайский поэт-патриот конца XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1955; его же, Жанр *цы* и его народный характер, — ПВ, 1959, № 5, стр. 129—135; его же, Патриотическая драматургия Лян Ци-чао, — «Китай, Япония», М., 1961, стр. 145—151.

¹⁴⁶ И. Т. Зограф, Конечные модальные частицы в памятнике «Цзин бэнь тунсу сяошо», — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 5—18; ее же, Сравнение языка памятника XII—XIII вв. «Популярные рассказы, изданные в столице» («Цзин бэнь тунсу сяошо») с языком произведений художественной прозы XIV—XVIII вв., — «Дальний Восток», М., 1961, стр. 36—57; ее же, Грамматические особенности китайского языка XII—XIV вв. (по памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо»). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1962; ее же, Очерк грамматики среднекитайского языка (По памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо»), М., 1962.

(1957), Ю. Л. Кроль, Б. Л. Смирнов, М. И. Воробьева-Десятовская, С. Д. Данилова, А. П. Терентьев-Катанский, О. Л. Фишман (1958), Е. А. Виноградов, К. Б. Кепинг, Л. К. Павловская (1959), П. Е. Скачков (1960), Л. Г. Казакова, А. А. Торопов, Э. С. Стулова (1961), М. И. Ульман (1964). Расширялась подготовка кадров через аспирантуру. За 1956—1957 гг. аспирантуру прошли: Е. И. Кычанов (по тангутоведению), И. Т. Зограф, А. С. Мартынов, И. С. Гуревич, Л. Г. Рогова, Г. П. Максимова и заочные аспиранты Н. М. Кулакова и М. П. Чигринский¹⁴⁷. Некоторые сотрудники позже перешли в другие учреждения. Кроме того, в составе других кабинетов работают историк Китая К. В. Васильев (с 1960 г.) и М. В. Воробьев (с 1965 г.) — последний по истории чжурчжэней на китайских материалах.

В 1962 г. на посту заведующего кабинетом В. М. Штейна сменил Б. Б. Вахтин, под руководством которого кабинет работал до 1966 г., до раздела на Китайский кабинет во главе с О. Л. Фишман, Японский кабинет, Корейскую группу и Группу по описанию и публикации рукописей и ксилографов дальневосточных фондов (рук. Л. Н. Меньшиков). В 1964 г. кабинет лишился двух своих ведущих сотрудников — П. Е. Скачкова и В. М. Штейна.

В китаеведных работах ЛО ИНА принимали участие также многие китаеведы других учреждений Ленинграда и Москвы: акад. Н. И. Конрад, Е. А. Серебряков, В. В. Петров, Л. З. Эйдлин, С. Е. Яхонтов, И. Э. Циперович, В. А. Вельгус, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова (Пчелина), В. Н. Кривцов, Б. Л. Рифтин, А. Г. Шпринцин и др.

В расширяемый период восстанавливаются и интенсивно расширяются международные связи китаеведов. На протяжении десяти лет существования ЛО китаисты встречались со многими зарубежными учеными. Особенно многочисленны были контакты с зарубежными коллегами во время XXV МКВ. Результатом этого было восстановление научных связей и информации, а также книгообмена, нарушившегося во время войны. Библиотека ЛО получила возможность вести постоянный книгообмен с Пекинской государственной библиотекой в КНР (с конца 1966 г. этот обмен прервался), с крупнейшей востоковедной библиотекой и издательством Японии «Тоё бунко», с научными учреждениями в США, Франции, Чехословакии, Венгрии и других странах. Все это способствовало интенсивному росту синологических фондов библиотеки, особенно на китайском и японском языках. Важным результатом контактов было и то, что работы китаеведов начали появляться в зарубежных научных изданиях. Так, Ю. Л. Кроль

¹⁴⁷ Кроме того, в составе Дальневосточного кабинета были сотрудники и аспиранты по некитаеведческим специальностям: тибетологии, корееведению, японоведению, бирманистике.

опубликовал в европейских и американских журналах три статьи¹⁴⁸, И. С. Гуревич — одну¹⁴⁹, Л. Н. Меньшиков — одну¹⁵⁰. Зарубежные ученые опубликовали ряд сообщений и обзоров о работах советских китаеведов¹⁵¹.

Впервые после долгого перерыва научные сотрудники кабинета получили командировки в Китай. В долговременных командировках были Е. И. Кычанов (1964—1965), В. С. Спирин и С. А. Школяр (1965—1966), совершили поездки В. С. Колоколов и Б. Б. Вахтин. Все они по возвращении сообщали о результатах поездок и о своих впечатлениях. К этому нужно добавить, что Э. С. Стулова и А. А. Торопов были приняты в институт после окончания полного курса Пекинского университета (по направлению ЛГУ).

Возродились и многие организационные формы, существовавшие до войны. Вместе с этим появились и новые формы, обусловленные новыми задачами отделения и кабинета. В 1956—1959 гг. на заседаниях кабинета были прочтены многие доклады, отражавшие текущую работу его членов. В 1958 г. слушались доклады В. М. Штейна (о возникновении материалистических идей в древнем Китае), В. С. Спирина (философские идеи трактата «Хань Фэй-цзы»), З. И. Горбачевой (к вопросу о рабовладении в Китае), Б. Б. Вахтина (о цикле песен цзыегэ из юэфу эпохи Лючао), Н. А. Петрова (о Лян Ци-чао как романисте), Л. Н. Меньшикова (о бьяньвэнь в Дунхуанском фонде ЛО ИНА), И. С. Гуревич (о «Бьяньвэнь об У Цзы-сюе»). На заседании кабинета выступил Н. И. Конрад с докладом «Современное сравнительное литературоведение и литература Востока». В 1959 г. был прослушан доклад Б. Л. Смирнова о журнале «Чжунго юйвэнь». В 1963 г. с докладом о проблемах изучения эпохи Возрождения выступал Н. И. Конрад. Позднее китаеведы кабинета представляли доклады на различные конференции, симпозиумы и дискуссии, что обеспечивало более широкую аудиторию и часто более детальное обсуждение специалиста-

---

¹⁴⁸ J. L. Kroll, Notes on Han Law, — T'oung Pao, 1964, vol. 51, стр. 125—139; его же, Two Approaches to Shihchi Translations, — OLZ, 1965, vol. 60, № 3/4, стр. 117—129; его же, A Tentative Classification and Description of the Structure of Peking Common Sayings (Hsieh-houyu), — JAOS, 1966, vol. 86, № 3, стр. 267—276.

¹⁴⁹ J. S. Gurevič, Numeration Constructions in the Chinese Language of the III—V Centuries A. D., — AOr, 1966, № 34, стр. 524—534.

¹⁵⁰ См. перевод: Оно Рисси и Огава Тамаки, Рукопись «Сон в красном тереме», обнаруженная в Ленинграде (на яп. яз.), — «Мин-Син бунгаку гэнго кэнкюкай кайхо», 1965, № 2, стр. 1—19.

¹⁵¹ Канаока Сёко, Три советские работы по изучению Дунхуана (на яп. яз.), — «Тоё гакухо», Токио, 1965, т. 48, № 1, стр. 113—125; Морн Масао, Востоковедение в ЛО ИНА АН СССР (на яп. яз.), — «Тоё гакухо», Токио, 1966, т. 49, № 2, стр. 76—90; P. Demiéville, Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad, — T'oung Pao, vol. LI, 1964, стр. 355—376.

ми. В 1960 г. О. Л. Фишман выступила на организованной ИМЛ дискуссии «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур» с сообщением «О возможности сравнительно-исторического изучения сходных процессов в литературах Востока и Запада». В 1962 г. О. Л. Фишман приняла участие в дискуссии о реализме в литературах Востока¹⁵². В том же году состоялась первая всесоюзная сессия по восточной текстологии, на которой прочли свои доклады Ю. Л. Кроль («Текстологические проблемы «Ши цзи» Сыма Цяня»), М. И. Воробьева-Десятковская («Значение рукописей из Дуньхуана для установления канонического текста Ваджраччхеидики»), Л. Н. Меньшиков («Проблемы текстологического исследования текстов бяньвэнь»)¹⁵³.

Ю. Л. Кроль сделал доклад на 2-й Всесоюзной конференции по истории древнего Востока — «Ханьские регистрирующие записи (Хань чжу цзи)»¹⁵⁴.

В 1963 г. в Ленинграде состоялась конференция литературоведов-синологов, на которой с докладами выступили Г. П. Максимова («Жанровые особенности южной драмы»), О. Л. Фишман («О китайском сатирическом романе XVIII — начала XIX века»), Л. Н. Меньшиков («Буддизм и китайская литература») и Б. Б. Вахтин («Проблемы перевода на русский язык произведений китайской классической поэзии»)¹⁵⁵. В ЛГУ прошла научная конференция по историографии и источниковедению, где свои доклады прочли С. А. Школяр («Военные взгляды Чэнь Гуя»), З. И. Горбачева («У истоков китайской исторической критики») и Ю. Л. Кроль («Выдумывал ли Сыма Цянь речи для исторических лиц?»)¹⁵⁶.

В 1965 г. А. С. Мартынов сделал сообщение «Об одной специфической черте восточного государства» на дискуссии об азиатском способе производства¹⁵⁷. В 1966 г. на конференции о жанрах и стилях литератур Дальнего Востока выступили

---

¹⁵² «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии», М., 1961, стр. 412—415; «Проблемы становления реализма в литературах Востока. Материалы дискуссии», М., 1964, стр. 80—92.

¹⁵³ Г. Алиев, Л. Концевич, Первая Всесоюзная сессия по восточной текстологии, — НАА, 1962, № 5, стр. 222—226.

¹⁵⁴ См.: И. Д., II всесоюзная сессия по изучению древнего Востока, — ВДИ, 1963, № 1, стр. 178.

¹⁵⁵ Г. П. Максимова, Конференция литературоведов-синологов, — НАА, 1963, № 3, стр. 182—183.

¹⁵⁶ «Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (22—25 января 1963 г.)», Л., 1963, № 3, стр. 21—23, 45—46, 61—63.

¹⁵⁷ «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства)», М., 1966. См. также: Л. С. Васильев, Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, — НАА, 1965, № 5, стр. 97—99.

М. В. Воробьев («О литературе в чжурчжэньском государстве Цзинь»), Ю. Л. Кроль («Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоуэй»), Э. С. Стулова («Проблема изучения жанра баоцзюань»), О. Л. Фишман («Жанровые особенности китайского сатирического романа эпохи Просвещения») и Л. Н. Меньшиков («Особенности китайских апокрифов») ¹⁵⁸. Л. Н. Меньшиков прочел также доклад на международном симпозиуме по восточным литературам («Проблемы изучения окружения бяньвэнь») ¹⁵⁹.

В 1963 г. кабинет был разделен на Группу по изучению и исследованию коллекции дуньхуанских рукописей (рук. Л. Н. Меньшиков), Группу по описанию и исследованию коллекции китайских ксилографов (во главе с Б. Б. Вахтиным), Литературоведческую (рук. О. Л. Фишман), Лингвистическую (рук. И. Т. Зограф), Группу истории и идеологии (рук. В. С. Спиринов). С этого времени научная работа сосредотачивается в перечисленных группах, кабинет же играет роль в основном объединяющую и направляющую.

Китаисты ЛО ИНА принимали также постоянное участие в работе исторической, лингвистической, литературоведческой секций отделения. Так, на лингвистической секции были заслушаны доклады И. С. Гуревич («К вопросу о границах между словом и словосочетанием в современном китайском языкознании», 1960), Е. И. Кычанова («Некоторые вопросы, связанные с дешифровкой системы письма Си Ся», 1960), Б. Л. Смирнова («К вопросу о формировании литературно-письменных норм языков малых народов Китая», 1961), А. П. Терентьева-Катанского («Неизвестные знаки в памятниках тангутской письменности», 1965); на литературоведческой — доклады О. Л. Фишман («Зарождение новеллы в китайской литературе», «Европейские просветители и Китай», 1960), «Китайское просветительское движение XVII—начала XIX в.», 1961), Б. Б. Вахтина («К проблеме перевода китайской средневековой лирики», 1964), Е. И. Кычанова («Тангутские пословицы. Проблема перевода и исследования»), Л. Н. Меньшикова («О китайском классическом стихосложении», 1965) ¹⁶⁰, на исторической — доклады В. М. Штейна («Географические пути следования европейских захватчиков на Восток и вопрос об азиатском капитализме»), Е. И. Кычанова («Об одной попытке организации военного союза против Чингисхана в 1218—1224 гг.», 1962), Л. И. Чугуевского —

¹⁵⁸ «Жанры и стили литератур Дальнего Востока», Тезисы докладов научной конференции, Л., 1966, стр. 3—5, 18—20, 43—45, 47—49; см. также: И. С. Лисевич, Жанры и стили литератур Дальнего Востока, — НАА, 1966, № 5, стр. 234—237.

¹⁵⁹ «Тезисы докладов по теоретическим проблемам восточных литератур», М., 1966, стр. 71—73.

¹⁶⁰ См. также сообщение: Ю. Б., Обсуждение первой книги из серии «Литература Востока», — НАА, 1963, № 1, стр. 241—242.

об изучении документов из Дуньхуана — на заседании 1964 г., посвященном методике изучения документов.

Наиболее эффективной формой отчетов о научной работе оказались ежегодные научные сессии ЛО, первая из которых состоялась в 1965 г. На ней прошли доклады К. В. Васильева («Древнекитайская историография и ее методы»), С. А. Школяра («Источники по истории доогнестрельной артиллерии в Китае»), Ю. Л. Кроля («Личность Чэнь Шэ — руководителя первого народного восстания в Китае — в освещении Сыма Цяня»), А. С. Мартынова («Дипломатия накануне маньчжурского похода в Непал»), О. Л. Фишман («Эпоха Просвещения в Китае»), Л. Н. Меньшикова («К вопросу об эволюции китайских этических установлений и ее отражение в китайском буддизме»), Э. С. Стуловой («Жанр баоцзюань и его историко-литературное значение») ¹⁶¹. На второй сессии (1966) прочитаны доклады: М. В. Воробьева («Естественные в чжурчжэньском государстве Цзинь»), А. С. Мартынова («Фаньская периферия в эпоху Мин»), Ю. Л. Кроля («К литературоведческой характеристике «Записей историка»), Л. Н. Меньшикова («Художественные средства и литературный процесс»), Л. К. Павловской («Пинхуа по истории Пяти династий» — об источниках и их использовании»), О. Л. Фишман («Китай в Европе XVII—XVIII вв.»), Б. Л. Смирнова («О возможности выделения формальных классов слов в древнекитайском языке на основе количественного анализа»), А. А. Торопова («К проблеме выделения единиц языка и лексических групп») ¹⁶². На третьей сессии были прочитаны доклады: Л. Н. Меньшикова («Академик В. М. Алексеев в Азиатском музее — Институте востоковедения»), К. В. Васильева («Из истории древнекитайской исторической прозы»), М. В. Воробьева («Уголовное право государства Цзинь»), Ю. Л. Кроля («Вопрос о том, что в «Записях историка» написал Сыма Цянь»), А. С. Мартынова («Отражение восточноазиатской политической структуры в идеологии эпохи Цин»), С. А. Школяра («К вопросу о характере так называемых „мусульманских орудий“ в Китае XIII в.»), Л. К. Павловской («Пинхуа по истории Пяти династий» — о композиционных особенностях), О. Л. Фишман («Цзи Юнь в оценке современного китайского литературоведения»), А. А. Торопова («Лексико-грамматические принципы составления словаря средневекового китайского языка») ¹⁶³.

¹⁶¹ См. ПИКНВ, I, стр. 3—7, 21—24, 31—33, 35—36, 40—44; см. также: Н. В. Елисеева, Годичная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, — НАА, 1965, № 5, стр. 228—230.

¹⁶² ПИКНВ, II, стр. 2—4, 19—20, 32—36, 42—44, 48—49, 65—68; см. также: Н. В. Елисеева, Вторая научная сессия Ленинградского отделения Института народов Азии, — НАА, 1966, № 5, стр. 230—233.

¹⁶³ ПИКНВ, III, стр. 6—8, 14—15, 42—45, 47—49, 54—58, 66—68, 77—78, 81—83, 101—102.

Перечисленные доклады, сообщения и выступления в значительной мере отражают научные интересы большинства китаистов отделения. Поэтому далее, при ознакомлении с работами более общего характера, но на те же темы, нужно иметь в виду и все то, что здесь упомянуто (повторных отсылок мы делать не будем).

Китаеведы принимают участие также в организации изучения истории культуры народов Востока. В группу, объединяющую работу отделения в этом направлении, входят О. Л. Фишман (руководитель), Б. Б. Вахтин, В. С. Спирин, М. И. Ульман. Они приняли участие в написании проспекта изучения культуры народов Востока (1964—1965). О. Л. Фишман является также ответственным секретарем редколлегии серии «Культура народов Востока». В редколлегию серии «Памятники письменности Востока» входит Л. Н. Меньшиков.

Возродилась обработка китайских фондов библиотеки, охватившая больший объем хранящихся в отделении материалов, чем это было до войны. Составление каталога китайской части впервые было поставлено на твердую библиографическую основу и подчинено общеобязательным библиотечным правилам. Основную работу в этом направлении провела Л. К. Павловская и руководимая ею группа (С. Д. Данилова, А. П. Терентьев-Катанский, отчасти К. Б. Кепинг). Группа эта существовала в 1958—1962 гг. и полностью пересоставила за это время каталог китайской части библиотеки (исключая ксилографический фонд). После этого Л. К. Павловская перешла к изучению китайской литературы, А. П. Терентьев-Катанский и К. Б. Кепинг — на обработку Тангутского фонда. Текущие поступления до 1967 г. обрабатывала С. Д. Данилова, а с 1967 г. — И. Э. Циперович. В 1967 г. Л. К. Павловская составила путеводитель по китайскому книжному фонду Библиотеки ЛО.

Обработка архивных материалов по китаеведению проводилась в течение всего периода существования отделения. Важным результатом этой работы явились публикации оставшихся в рукописи работ К. К. Флуга (подготовила З. И. Горбачева), Ю. К. Щуцкого (подготовил Н. А. Петров) и серии работ В. М. Алексеева (подготовка к печати проводилась его дочерью М. В. Баньковской при помощи ряда китаистов отделения)¹⁶⁴. Кроме того, описание архивных фондов китаеведов проводил Л. И. Чугуевский, составивший обзоры фондов Н. Я. Бичурина¹⁶⁵, П. А. Дмитриевского, П. И. Каменского, китайской прессы периода Синьхайской революции,

¹⁶⁴ См. прим. 49, 85 (кн. К. К. Флуга и Ю. К. Щуцкого) и 17, 20, 73, 112 (кн. В. М. Алексеева); К. К. Ф л у г, Сунь Синь-янь (1753—1818), Библиографическая заметка, — сб. «Дальний Восток», стр. 232—248.

¹⁶⁵ Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в архиве ИВ; его же с. Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина, — НАА, 1967, № 3, стр. 127—130.

В. П. Тарановича, А. В. Рудакова, П. Л. Шиллинга¹⁶⁶, материалов из фонда Г. Ф. Смыкалова¹⁶⁷. Л. И. Чугуевский написал также путеводитель по фондам китаеведов и японистов ИВ. Э. С. Стулова в 1960 г. разобрала фонды П. А. Дмитриевского и А. О. Ивановского, а А. П. Терентьев-Катанский составил описание рисунков животных в альбомах Э. В. Бретшнейдера¹⁶⁸, П. Е. Скачков опубликовал письма Бичурина¹⁶⁹, а Н. А. Петров сделал описание словарей и библиографических работ¹⁷⁰. Изучением жизни и деятельности китаеведа XVIII в. А. Л. Леонтьева занимался в 1959 г. В. С. Колоколов, П. Л. Шиллинга — Л. И. Чугуевский.

В Ленинградском отделении возобновилась систематическая обработка фондов китайских рукописей и ксилографов. По инициативе заведующего отделением акад. И. А. Орбели и В. С. Колоколова в начале 1957 г. была образована Дуньхуанская группа первоначально из трех человек — Л. Н. Меньшиков, В. С. Спиринов и С. А. Школяр — для подготовки научного описания коллекции китайских рукописей, собранной в 1914—1915 гг. экспедицией С. Ф. Ольденбурга в Дуньхуане (пров. Ганьсу). С 1958 г. в группу вошли также М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, затем И. Т. Зограф, Б. Л. Смирнов, А. С. Мартынов. В 1963—1964 гг. в группе работали также Е. А. Виноградов, С. Д. Данилова, А. А. Кондратьев, Л. К. Павловская, З. Я. Ханин, Л. И. Чугуевский. С 1964 г. членами группы опубликовано два выпуска описания рукописей (более четверти всего фонда)¹⁷¹; в

¹⁶⁶ Л. И. Чугуевский, Дмитриевский Павел Андреевич (фонд 14). — БАН ЛО ИНА, вып. 1, 1961, стр. 8—10; его же, Каменский Петр (Павел) Иванович (фонд 24), — там же, стр. 14—20; его же, Китайская пресса периода Синьхайской революции (в русских переводах), — там же, стр. 40—42; его же, Таранович Владимир Павлович (фонд 102), — БАН ЛО ИНА, вып. 2, 1961, стр. 28—38; его же, Рудаков Аполлинарий Васильевич (фонд 96), — БАН ЛО ИНА, вып. 3, 1963, стр. 53—62; его же, Шиллинг Павел Львович (фонд 56), — там же, стр. 63—86.

¹⁶⁷ Л. И. Чугуевский, Периодическая печать на китайском языке в СССР (1917—1937), — ПВ, 1959, № 4, стр. 71—76.

¹⁶⁸ А. П. Терентьев-Катанский, Рисунки животных в альбомах из фонда Э. В. Бретшнейдера, — БАН ЛО ИНА, вып. 3, 1963, стр. 289—310.

¹⁶⁹ См.: П. Е. Скачков, Письма Н. Я. Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы, — НАА, 1962, № 1, стр. 100—102.

¹⁷⁰ Н. А. Петров, Библиографические работы Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинградское отделение), — КСИВАН, 1957, № 25, стр. 96—102; его же, К истории изучения китайского языка в России (Рукописные словари, хранящиеся в Архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР), — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 65—90.

¹⁷¹ М. И. Воробьева-Десятовская и др., Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда, вып. 1; М. И. Воробьева-Десятовская, И. Т. Зограф, А. С. Мартынов, Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Смирнов, Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Под ред. Л. Н. Меньшикова, вып. 2, М., 1967.

настоящее время продолжается описание оставшейся части. Руководит работой группы Л. Н. Меньшиков. Наряду с описанием были опубликованы некоторые уникальные рукописи из фонда как в виде отдельных книг, так и в виде статей — все они сопровождалось детальным анализом публикуемых текстов ¹⁷².

За первый выпуск описания и публикации по Дуньхуану в серии «Памятники литературы народов Востока» Французская Академия надписей и изящной словесности присудила ЛО премию Станислава Жюльена за 1964 г. ¹⁷³.

В 1966 г. Л. Н. Меньшиков подготовил к публикации исследование еще одного уникального текста из Дуньхуана — «Бяньвэнь о воздаянии за милости» — и готовит другие неизвестные рукописи жанра бяньвэнь.

Над большой группой хозяйственных, официальных, монастырских документов из Дуньхуанской коллекции работает Л. И. Чугуевский; над другой группой (библиотечные документы) — сотрудник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина М. И. Демидова.

В рассматриваемый период продолжалась работа над составлением каталога коллекции китайских ксилографов. В 1960 г. была образована новая группа, в которую вошли Б. Б. Вахтин (рук.), Э. С. Стулова, А. А. Торопов, Л. Г. Казакова. В 1962 г. группу дополнили И. С. Гуревич и Ю. Л. Кроль. Образовавшийся коллектив провел полную инвентаризацию фонда и в 1967 г. завершил составление каталога. Э. С. Стулова отобрала из ксилографического фонда уникальное издание «Баоцзюань о Пу-мине» и работает над подготовкой его к публикации, а также над исследованием жанра баоцзюань в целом (в этой работе приняли также участие московский китаист Б. Л. Рифтин и Л. Г. Казакова) ¹⁷⁴.

Другие рукописные фонды изучены и описаны в меньшей степени, чем ксилографический и дуньхуанский. Над китайской частью коллекции П. К. Козлова еще в 1956 г. стал работать Л. Н. Меньшиков ¹⁷⁵, однако систематическое изу-

---

¹⁷² Л. Н. Меньшиков, Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии, сер. ПЛНВ. Тексты. Малая серия, VIII, М., 1963; его же, Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ, — сер. ПЛНВ. Тексты. Большая серия, XV, М., 1963; И. С. Гуревич, Фрагмент бяньвэнь «О жизни Будды», — КСИНА, 1965, № 69, стр. 99—115; Л. Н. Меньшиков, Фрагмент неизвестной лэйшу из Дуньхуана, — КСИНА, 1965, № 9, стр. 77—98.

¹⁷³ «Palmarès» — «Académie des Inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1965», Paris, 1966, стр. 470.

¹⁷⁴ Б. Рифтин, Л. Казакова, Э. Стулова, Ли Ши-юй. Сводный каталог «драгоценных свитков», — НАА, 1963, № 1, стр. 216—220.

¹⁷⁵ См.: Л. Н. Меньшиков, Раннепечатные издания из Хара-хото.

чение ее началось лишь в 1966 г., когда была образована группа в составе Л. Н. Меньшикова и М. И. Ульмана, приступившая к описанию этой коллекции. Так называемый Новый фонд китайских рукописей изучался лишь эпизодически Б. Л. Рифтиным и Л. Н. Меньшиковым¹⁷⁶, фонд же эстампажей до сих пор не привлек к себе внимания специалистов. Картографический китайский фонд разбирал Л. И. Чугуевский.

Библиографические работы по Китаю вел П. Е. Скачков. В 1960 г. он выпустил в свет переработанное и дополненное издание своей библиографии работ о Китае на русском языке, доведенное до 1957 г.¹⁷⁷

Работа по составлению библиографии на русском языке по Китаю продолжалась и в последующие годы; кроме П. Е. Скачкова в ней приняли участие также Л. И. Чугуевский, О. Э. Ливотова, М. И. Демидова и В. П. Журавлева (сотрудник ФБОН). Вторая часть библиографии (1957—1962) подготовлена к печати и сдана в издательство. Библиографию библиографий по китайской книге подготовил А. А. Торопов. Весь кабинет в 1961 г. принял участие в составлении аннотированной рекомендательной библиографии «Что читать о Китае», которая была завершена, но в свет не вышла¹⁷⁸. К истории китайской библиографии обратилась и Л. К. Павловская, составившая описание индексов (иньдэ), выпущенных Харвард-Яньцзинским университетом. Ей же в соавторстве с Л. Н. Меньшиковым принадлежит обзор истории китайской библиографии; работы сданы в печать.

Значительную работу по изучению истории китаеведения в России выполнил П. Е. Скачков, написавший на эту тему большую книгу, доведенную до 1917 г. (она еще не издана). Он собирался продолжить ее и написать историю китаеведения в СССР, но не успел осуществить свое намерение¹⁷⁹. Появлялись статьи по истории китаеведения в России и СССР, написанные другими сотрудниками¹⁸⁰.

Изучение истории Китая велось систематически, хотя и по проблемам сравнительно частного характера. В рассматриваемый период В. М. Штейн, завершив свою работу над

---

¹⁷⁶ Л. Н. Меньшиков, Б. Л. Рифтин, Неизвестный список романа «Сон в красном тереме», — НАА, 1964, № 5, стр. 121—128.

¹⁷⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960.

¹⁷⁸ Рукопись хранится в АВ, см. ф. 67, оп. 1, № 6.

¹⁷⁹ По истории китаеведения Скачковым опубликовано лишь несколько статей, составляющих незначительную часть его труда: П. Е. Скачков, Значение рукописного наследия русских китаеведов, — ВИ, 1960, № 1, стр. 116—123; его же, Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России (Джоу Гэ), — ПВ, 1960, № 3, стр. 198—201; его же, История изучения Китая в России в XVII—XVIII вв.

¹⁸⁰ З. И. Горбачева, Л. Н. Меньшиков, Н. А. Петров, Китаеведение в Ленинграде.

трактатом «Гуань-цзы», выпустил в свет книгу и статью на эту тему¹⁸¹. Его по-прежнему интересовала история внешних сношений Индии и Китая, что кроме статей нашло также свое отражение в двух выпусках книги о китайско-индийских отношениях (второй выпуск остался неопубликованным). Одновременно появились его работы, посвященные развитию экономических и географических взглядов в древнем Китае и генезису капитализма в странах Востока¹⁸². Большая тема «Возникновение, развитие и распад колониальной системы в Азии», которую он начал в 1962 г., осталась незавершенной.

Вопросами древней китайской историографии занимались Ю. Л. Кроль, К. В. Васильев, отчасти З. И. Горбачева. Ю. Л. Кроль долгое время работал над изучением труда Сыма Цяня «Записи историка» — его интересовали вопросы истории текста и источников труда «Ши цзи» Сыма Цяня, а также Сыма Цянь как историк восстания III в. до н. э., во главе которого стояли Чэнь Шэ, У Гуан, Лю Бан и Сян Юй. Он напечатал ряд статей на эту тему и закончил монографию о Сыма Цяне¹⁸³. Темой К. В. Васильева явился исторический труд III в. до н. э. «Планы сражающихся царств» («Чжаньго цэ»). Он также опубликовал несколько статей и подготовил к печати книгу об этом историческом источнике, в которой дан его текстологический анализ и определено его значение для изучения истории Китая¹⁸⁴. В настоящее время Кроль и Васильев продолжают свои историографические исследования древнего Китая. Первый изучает «Новые речения» Лу Цзя, второй — «Речи царств» и надписи на бронзовых сосудах. Из работ З. И. Горбачевой (изучение истории Китая

---

¹⁸¹ В. М. Штейн, Гуань-цзы. Исследование и перевод, М., 1959, его же, Трактат «Гуань-цзы» и его место среди экономической литературы древнего Китая, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 78—108.

¹⁸² В. М. Штейн, Из истории отношений между Китаем и Индией, — СВ, 1957, № 6, стр. 65—73; его же, Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н. э.), М., 1961; его же, О возникновении первых экономико-географических представлений и описаний у китайцев, — «Страны и народы Востока», вып. 1, 1959, стр. 194—203; его же, Были ли в экономике стран Востока элементы капитализма до вторжения европейских держав? — ПВ, 1959, № 1, стр. 37—48.

¹⁸³ Ю. Л. Кроль, «Весна и осень княжеств Чу и Хань» Лу Цзя, — НАА, 1961, № 4, стр. 133—144; его же, Критическая работа Сыма Цяня над текстом «Весны и осени княжеств Чу и Хань» Лу Цзя, — ВФИСЗВ, стр. 137—147; его же, О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записках» Сыма Цяня, — сб. — «Дальний Восток», стр. 117—139.

¹⁸⁴ К. В. Васильев, Об авторстве «Чжаньго цэ», — УЗ ЛГУ, СВН, вып. 10, 1959, стр. 116—129; его же, Об источниках «Чжаньго цэ», — там же, вып. 14, 1962, стр. 125—139; его же, Пожалование «поселений» и раздача земель в древнем Китае в V—VIII вв. до н. э., — ПСЭИДМ, стр. 110—126; его же, «Чжаньго цэ» и древний Китай в V—III вв. до н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. исторических наук, Л., 1966.

периода Сун, вопрос о рабовладении в Китае, китайская историография с III по XII в. н. э.) увидела свет лишь одна небольшая статья¹⁸⁵.

В. С. Колоколов переводит на русский язык произведения, входящие в состав конфуцианского канона. Он завершил перевод конфуцианского четверокнижия «Сы шу» (Лунь юй, Да сюэ, Чжун юн, Мэн цзы) и начал перевод «Книги ритуала» («Ли цзи»).

Экономику современного Китая (вопросы ренты в кооперативах и народных коммунах) изучал Е. А. Виноградов¹⁸⁶. С 1962 г. до своего перехода в ЛГУ (в 1964 г.) он изучал также историю денежного обращения в Китае.

Историю китайской военной мысли изучает С. А. Школяр, завершающий монографию по военной технике эпохи Сун¹⁸⁷.

Наряду с изучением собственно Китая китайцы ЛО обращались также к истории сопредельных с ним стран. Б. И. Панкратов, изучавший китайские источники по ранней истории монголов, завершил свою работу публикацией текста «Секретной истории монголов» («Юань-чао би-ши»)¹⁸⁸, которую намеревался продолжить реконструкцией старомонгольского текста и переводом его на русский язык. Историей чжурчжэньского государства Цзинь занимались Е. И. Кычанов¹⁸⁹ и М. В. Воробьев. Последний работает над составлением очерка истории и культуры государства Цзинь¹⁹⁰.

---

¹⁸⁵ З. И. Горбачева, К вопросу о значении термина бинь-кэ (По материалам ханьских хроник), — «Географическое общество. Материалы Восточной комиссии», вып. 1, Л., 1962, стр. 61—65.

¹⁸⁶ Е. А. Виноградов, Вопросы земельной ренты в кооперативах низшего типа Китайской Народной Республики. Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М., 1963; его же, Ленинский Кооперативный план — теоретическая основа социалистического преобразования сельского хозяйства стран народной демократии Азии, — «Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы докладов. Секция востоковедения», Л., 1960, стр. 8—9; его же, О природе и формах земельной ренты в производственных кооперативах низшего типа Китайской Народной Республики, — «Уч. зап. кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Политическая экономия», II, 1960, стр. 107—131.

¹⁸⁷ С. А. Школяр, О китайских огнеметных аппаратах XI в. (Из истории китайской военной техники), — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 161—171; его же, Фэн Цзя-шэн, Изобретение пороха и его распространение на Запад, — ВИЕТ, 1960, № 9, стр. 176—179.

¹⁸⁸ «Юань-чао би-ши (Секретная история монголов)», 15 цзюаней, т. I, Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.

¹⁸⁹ Е. И. Кычанов, Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования), — «Сибирский археологический сборник», Новосибирск, 1966, стр. 269—281.

¹⁹⁰ М. В. Воробьев, Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь, — ДЭГО СССР, вып. 1 (4), 1966, стр. 3—27; его же, Религиозные верования чжурчжэней, — там же, вып. 4, стр. 61—82.

А. С. Мартынов изучает в основном по китайским материалам историю китайско-тибетских отношений в XVI—XVIII вв. Им завершены и частично опубликованы две работы на эту тему: «Маньчжурско-тибетские отношения конца XVIII в. и китайско-непальская война» и «Отношения Китая с тибетцами при династии Мин»¹⁹¹. Истории Синьцзяна и Внутренней Монголии по китайским источникам касались А. А. Кондратьев (о его работе говорилось ранее) и К. В. Васильев¹⁹². Кроме того, историей уйгур в Синьцзяне в X—XIX вв. занимались Г. М. Ибрагимова и Д. И. Тихонов, но они работали почти без учета китайских источников¹⁹³.

Историей философии Китая занимается В. С. Спириин, темой которого является изучение логической системы в древнекитайской философии. Начав с трактата «Хань Фэй цзы», он в 1962 г. перешел к исследованию источников по истории логики в древнем Китае. Свои выводы Спириин приложил к древним философским трактатам «Дэн Си цзы», «Инь Вэнь цзы», «Чжун юн» и в настоящее время устанавливает терминологию, употреблявшуюся в древнекитайской логике¹⁹⁴.

Лингвистическая группа ведет систематические исследования главным образом в области исторической грамматики китайского языка, а также в области лексикологии и лексикографии. Древнекитайским языком V—III вв. до н. э. занимается Б. Л. Смирнов, изучавший вначале слова-заместители в древнекитайском языке, перейдя затем к более широкой теме — части речи в древнекитайском языке. Более поздний период (III—V вв. н. э.) изучался И. С. Гуревич, установившей, что в этот период в древнекитайском языке наметились черты перехода к среднекитайскому¹⁹⁵. Вопросами среднеки-

---

¹⁹¹ А. С. Мартынов, О первых чеканках монеты в Тибете, — КСИНА, 1965, № 69, стр. 197—202; его же, О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (Предыстория маньчжурского похода в Непал в 1792 г.), — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1967, стр. 243—263; его же, Дипломатия накануне маньчжурского похода в Непал (1791—1792), — ПИКНВ, I, Л., 1965, стр. 31—33; его же, Фаньская периферия в эпоху Мин, — ПИКНВ, II, Л., 1966, стр. 19—20; его же, Отражение восточноазиатской политической структуры в идеологии эпохи Цин, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 57—58.

¹⁹² К. В. Васильев, Археологические исследования по Внутренней Монголии, — ВДИ, 1959, № 3, стр. 163—171.

¹⁹³ Исследования Д. И. Тихонова завершились книгой: Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966.

¹⁹⁴ Некоторые важные положения этих исследований см. в ст. В. С. Спириин, О «третьих» и «пярых» понятиях в логике древнего Китая, — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 173—223.

¹⁹⁵ И. С. Гуревич, Грамматические особенности китайского языка III—V вв. (По переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канди-

тайского языка продолжала заниматься И. Т. Зограф. Закончив изучение языка периода Сун, она исследовала наиболее ранний этап среднекитайского языка — язык жанра бяньвэнь VIII—XI вв. (работа сдана в издательство), а ныне перешла к самому последнему его этапу — языку драмы периода Юань (XIII—XIV вв.).

Лексикку современного китайского языка и особую группу китайских идиоматических выражений — чэньюев — изучали А. А. Торопов и Э. С. Стулова¹⁹⁶. Они составили китайско-русский словарь чэньюев (пока не опубликован). В последние годы Торопов работает также над разделом «Лексика» для грамматики современного китайского языка и изучает лексикку среднекитайского языка по памятнику «Цзин бэнь тунсу сяошо». И. Т. Зограф составила словарь к «Бяньвэнь о воздаяниях за милость».

Китаисты-литературоведы работали над изучением ряда узловых жанров и периодов в истории китайской литературы. Б. Б. Вахтин изучал историю китайской народной поэзии жанра юэфу в конце I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э.¹⁹⁷. Изучением источника китайской повествовательной прозы — сяошо — периода Лю-чао (III—VI вв.), в частности памятником IV в. «Соу шэнь цзи» («Поиски духов»), занимался Л. Н. Меньшиков¹⁹⁸. Вахтин изучает в настоящее время сборник лирической поэзии древнего Китая «Юй тай синь юн». Поэзия периода Тан (Ли Бо) и танская новелла чуаньци были предметом изучения О. Л. Фишман¹⁹⁹. Творчество Ли Бо нашло свое отражение также в работе Б. И. Панкратова²⁰⁰.

Важный жанр китайской простонародной литературы — бяньвэнь конца периода Тан (VIII—X вв.) изучает

дата филологических наук, Л., 1964; ее же, Взгляды Лу Чжи-вэя по вопросам теории слова и частей речи в китайском языке, — ВФИСЗВ, М., 1961, стр. 190—198; ее же, Личные местоимения в китайском языке III—V вв., — КСИНА, 1964, № 68, стр. 90—98.

¹⁹⁶ Э. С. Стулова, Классификация и синтаксические функции «чэньюев», — КСИНА, 1964, № 68, стр. 82—89; А. А. Торопов, Чэньюи и их свойства, — сб. «Спорные вопросы строя китайского языка», М., 1965, стр. 110—134.

¹⁹⁷ Б. Б. Вахтин, Возникновение юэфу, — СК, 1958, № 3, стр. 125—129; его же, О песне «К востоку от кургана Пинлин», — сб. «Дальний Восток», стр. 5—8; его же, Юэфу эпох Хань и Наньбэйчао — памятник китайской поэзии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1959; его же, Юэфу. Из древних китайских народных песен, М.—Л., 1959.

¹⁹⁸ См.: Гань Бао, Поиски духов, — «Восточная новелла», М., 1963, стр. 15—26.

¹⁹⁹ О. Л. Фишман, Ли Бо. Жизнь и творчество, М., 1958; ее же, Танские новеллы, перевод с китайского О. Фишман и А. Тишкова, М., 1960; ср. более раннюю книгу «Танские новеллы» (изд. АН).

²⁰⁰ См. его предисловие к кн.: Ли Бо, Избранная лирика. Перевод с китайского Александра Гитовича, М., 1957, стр. 5—19.

Л. Н. Меньшиков (о чем говорилось выше). Ему же принадлежат статьи о драме XIII в. «Западный флигель», перевод этой пьесы, а также работа, посвященная чжугундяо — песенно-повествовательному жанру XII—XIII вв.²⁰¹ Народный роман периода Сун-пинхуа, и прежде всего наиболее ранний образец этого жанра — «Пинхуа по истории Пяти династий» («У-дай ши пинхуа»), — изучает Л. К. Павловская. И. Т. Зограф в связи со своими исследованиями среднекитайского языка ознакомила читателя со сборником новелл XIII в. «Популярные рассказы, изданные в столице»²⁰².

Систематически работает над историей китайской литературы XVII—XVIII вв. (эпоха Просвещения) О. Л. Фишман. Она начала изучение этой эпохи с романов «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань») и «Неофициальная история конфуцианцев» («Жу линь вай ши»), позднее ее исследования в этой области завершились монографией о китайском сатирическом романе эпохи Просвещения²⁰³. В настоящее время она обратилась к малоизученным авторам этого же периода — Ци Юню и Юань Мэю²⁰⁴.

Новая китайская литература не была предметом систематических исследований китаистов ЛО, однако отдельные работы о литературе XX в. все же выходили²⁰⁵. На грани литературоведческих и лингвистических исследований находится работа Ю. Л. Кроля над пекинскими народными образными выражениями «сехоуяй», собранными в Китае Б. И. Панкратовым; статьи и доклады Ю. Л. Кроля на эту тему уже упоминались ранее.

Наряду с исследованиями литературных памятников и связанными с этими исследованиями переводами ленинградские китаисты занимались и собственно переводами классической и современной китайской литературы. Здесь их деятельность далеко не ограничивалась перечисленными тема-

²⁰¹ Л. Н. Меньшиков, К вопросу об авторе «Западного флигеля», — ПВ, 1961, № 1, стр. 149—151; его же, О новейших изданиях пьесы «Западный флигель», — НАА, 1961, № 6, стр. 165—167; его же, О жанре «чжугундяо» и Лю Чжи-юань чжугундяо, — ВФИСЗВ, стр. 78—82; В а н Ш и - ф у, Западный флигель, где Цуй Ин-пин ожидала луну. Перевод, предисловие и примечания Л. Н. Меньшикова, М.—Л., 1960.

²⁰² «Пятнадцать тысяч монет». Средневековые китайские рассказы. Перевод И. Т. Зограф, М., 1962.

²⁰³ О. Л. Фишман, О китайском сатирическом романе «Неофициальная история конфуцианцев», — сб. «Дальний Восток», стр. 95—114; ее же, Ли Жу-чжэнь и его роман «Цветы в зеркале». Перевод с китайского. Издание подготовили В. А. Вельгус, Г. О. Монзелер, О. Л. Фишман, И. Э. Циперович, М.—Л., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 695—738; ее же, Китайский сатирический роман (Эпоха Просвещения), М., 1966.

²⁰⁴ См.: Юань Мэй, Гу Яо-нань и др., — сб. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 27—35.

²⁰⁵ О. Л. Фишман, Литературная борьба в Китае 20-х годов, — ВЛ, 1958, № 3, стр. 188—203.

ми. Так, Б. Б. Вахтин и Л. Н. Меньшиков приняли участие как поэты-переводчики в составлении антологии китайской поэзии, а второй — и в антологии поэзии периода Тан²⁰⁶. Драматический период Юань переводили Меньшиков и Фишман²⁰⁷. Меньшиков — переводчик стихов в романе «Сон в красном тереме» (XVIII в.)²⁰⁸. Если к этому присоединить еще и переводы, выполненные в ходе исследовательских работ, то объем переводов будет достаточно большим. Много усилий потратили китаисты и на ознакомление советского читателя с китайской литературой XX в. Фишман перевела на русский язык ряд произведений Лу Синя²⁰⁹, а Меньшиков — стихи Лу Синя²¹⁰. Произведения Чжао Шу-ли появлялись в переводах Фишман, Вахтина, Меньшикова²¹¹; Тянь Ханя и других современных китайских писателей (Ван Тун-чжао, Сяо Пин, Сяо Хун) — в переводах Фишман²¹², Павловской²¹³. Китайские детские сказки и стихи поэтов Кореи, писавших на китайском языке, переводил Меньшиков²¹⁴. По вопросам теории перевода с китайского писал Вахтин²¹⁵.

На протяжении последнего периода истории китаеведения в ЛО китаеведы приступили к коллективным работам. Среди них помимо уже упомянутых выше важное место занимают подготовленные к печати, но пока не опубликованные очерки по истории китайской культуры. В этих очерках приняли участие почти все китаеведы. Для раздела «Литература» написали статьи: Б. Б. Вахтин (фольклор, поэзия периода Лючао), Л. Н. Меньшиков (проза периода Лючао, об истоках китайской драмы), О. Л. Фишман (литература эпохи Тан, период династии Цин и первой половины XX в.), И. С. Гу-

²⁰⁶ «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)», М., 1956; «Антология китайской поэзии», Перевод стихов, т. 1—4, М., 1957.

²⁰⁷ «Юаньская драма», М.—Л., 1966.

²⁰⁸ Цао Сюэ-цин, Сон в красном тереме, т. 1—2, М., 1958.

²⁰⁹ Лу Синь, — Собрание сочинений в четырех томах (в т. 1), М., 1954; его же, Избранное, М., 1956; сб. «Ложь не задушит правду», Л., 1959.

²¹⁰ «Из китайской классической поэзии. Стихи Лу Синя», — «Звезда», 1961, № 10, стр. 156.

²¹¹ Чжао Шу-ли, Избранное, М.—Л., 1958; Чжао Шу-ли, Фамильная драгоценность, Свердловск, 1959.

²¹² Тянь Хань, Гуань Хань-цин, М., 1959; Сяо Пин, Цветы дикой сливы, — «Восточный альманах», 1958, № 2, стр. 110—135; Сяо Хун, Весна в маленьком городе, — сб. «Восточная новелла», М., 1963, стр. 230—249.

²¹³ Ван Тун-чжао, Главнокомандующий, — там же, стр. 220—230.

²¹⁴ «Как дикая кошка искала себе дом», Л., 1957; «Из корейских классиков», — «Звезда», 1957, № 2.

²¹⁵ Б. Б. Вахтин, Возможен ли научный подход к художественному переводу? — НАА, 1965, № 3, стр. 139—146; его же, Развитие китайского стихосложения — древность, средние века, эпоха Возрождения (к проблеме перевода), — «Историко-филологические исследования. Сб статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., 1967, стр. 259—264.

евич (жанр бьяньвэнь), Н. А. Петров (литература 1840—1919 гг.), М. И. Ульман (литература в КНР), Л. К. Павловская (китайская справочная литература); в разделе «Историография» имеются статьи Ю. Л. Кроля (историография периода Хань), З. И. Горбачевой (историография III—VI вв. и периодов Суй, Тан, У дай, Сун, современная китайская историография), Е. И. Кычанова (источники по некитайским династиям Ляо, Цзинь, Си Ся); в разделе «Идеология» собраны работы В. М. Штейна (конфуцианство), В. С. Спирина (даосизм), М. И. Воробьевой-Десятковской (буддизм), С. А. Школяра (военное дело); в разделе «Наука, искусство, культурные связи» — статьи А. П. Терентьева-Катанского (история использования природных богатств Китая), Л. И. Чугуевского (периодическая печать в Китае), Е. И. Кычанова (роль китайской культуры для некитайских государств Бохай, Ляо, Си Ся и Цзинь), Г. М. Ибрагимовой (культура Синьцзяна), О. Л. Фишман (Китай в Европе XVII—XVIII вв.). Кроме того, в написании очерков участвовали многие китаеведы других учреждений Москвы и Ленинграда: Н. И. Конрад, Л. Е. Черкасский, В. А. Вельгус, И. Э. Циперович, В. И. Семанов, Р. С. Белоусов (литература), Л. И. Думан, Н. Ц. Мункуев, И. И. Тутов, А. А. Серкина, Г. В. Ефимов (историография), Ю. Н. Рерих, В. И. Кудрин, Г. Я. Смолин, Ян Хин-шун (идеология), М. И. Демидова, Т. П. Иоффе, Б. Л. Рифтин, Т. К. Шафрановская, Т. А. Ваганова, А. Г. Шпринцин, С. Е. Яхонтов, Е. И. Лубо-Лесниченко, М. Л. Рудова, В. С. Стариков, А. И. Мухлинов, Ю. В. Маретин. Эта работа была попыткой подвести итог развития китаеведения к началу 60-х годов и была весьма важна для дальнейших исследований китаеведов ЛО.

Еще одна важная работа китаеведов — сборник «Страна Хань»²¹⁶. Авторы этой книги поставили своей задачей создать популярные очерки по истории и культуре Китая. Предназначен сборник для учеников старших классов и учителей средней школы и остается пока единственным на русском языке пособием такого рода. З. И. Горбачева написала для школьников книгу о Китайской Народной Республике²¹⁷.

Популяризаторская деятельность китаеведов проходит также в форме публичных лекций, которые читаются в учреждениях и на предприятиях, в Географическом обществе и в Лектории ЛО. Лекции эти достаточно многочисленны и касаются различных проблем Китая, его истории, культуры, науки. В. М. Штейн читал лекции об экономической мысли

²¹⁶ Б. Вахтин, Р. Карлина, Ю. Кроль, Б. Панкратов, М. Рудова, О. Фишман, Страна Хань. Очерки о культуре древнего Китая, Л., 1959.

²¹⁷ З. И. Горбачева, Свободный Китай, М.—Л., 1952.

древнего Китая и о возникновении экономической географии Китая, Е. И. Кычанов — о тангутском государстве и его культуре, П. Е. Скачков — об истории китаеведения в России, Б. Б. Вахтин — о китайских мифах и легендах и о современном Китае. По последней теме с лекциями выступали также В. С. Спирин и С. А. Школяр, А. С. Мартынов читал о философии буддизма, А. П. Терентьев-Катанский — о китайских легендах и китайских книжных иллюстрациях, Л. Н. Меньшиков — о китайском театре, китайской письменности, дуньхуанских рукописях, китайских коллекциях В. М. Алексева.

Таким образом, в этот последний период, продолжающийся и сейчас, в ЛО ИВ восстановились и развиваются почти все стороны китаеведческой науки, которые были начаты еще в 20—30-х годах нашего века.

М. П. ВОЛКОВА

Маньчжуроведение

В течение полутора веков, с начала XVIII до середины XIX в., маньчжуроведение в России было связано с практическими целями. С момента установления официальных связей между Россией и Китаем маньчжуроведы работали в России переводчиками в АН, в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел, при иркутском генерал-губернаторе, Кяхтинской таможне.

В 1716 г. в Пекине начала свою деятельность Российская духовная миссия. Ее сотрудники и ученики были обязаны изучать китайский и маньчжурский языки. Миссия в Пекине долгое время служила центром подготовки русских ученых—синологов и маньчжуроведов. Начиная с 1844 г. преподавание маньчжурского языка было введено в Казанском университете, а с 1851 г. — на Факультете восточных языков Петербургского университета¹ (китайско-маньчжурский разряд; с 1864 г. — китайско-маньчжурско-монгольский).

Русская школа маньчжурской филологии была создана трудами многих ученых (И. К. Россохин, А. М. Владыкин, А. Л. Леонтьев, А. С. Агафонов, С. В. Липовцов, П. И. Каменский, Ю. Клапрот, З. Ф. Леонтьевский, Г. М. Розов, В. В. Горский, В. П. Васильев, И. И. Захаров). Они обратили внимание на маньчжурские первоисточники, впервые предложили переводы на русский язык многих важнейших памятников маньчжурской литературы. Глубокое знание китайского и маньчжурского языков, проникновение в духовный мир маньчжурского народа, обширные познания в области китайской и маньчжурской литератур позволили маньчжуроведам XVIII—XIX вв. создать высококачественные маньчжуро-рус-

---

¹ А. П. Конаков, Маньчжуристика в СССР, — ИАН, ОЛЯ, т. VI, вып. 4, стр. 417—427.

ские словари, учебники маньчжурского языка и хрестоматии, достоверные переводы памятников маньчжурской литературы на русский язык².

В XVIII в. русские знатоки маньчжурской культуры представили ученому миру свои первые капитальные труды. И. К. Россохин подготовил к изданию перевод на русский язык сочинения о происхождении и состоянии маньчжурского народа и войска³. Этот многотомный труд по истории маньчжур был завершён А. Л. Леонтьевым и вышел в свет в 1784 г.; он же издал законы и установления китайского (маньчжурского) правительства⁴. Кроме переводов этих сочинений И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, А. М. Владыкин, А. С. Агафонов перевели на русский язык тексты китайских классических книг, подготовили пособия для изучения маньчжурского языка.

В XIX в. работу своих предшественников продолжил С. В. Липовцов, который перевел с маньчжурского языка на русский «Уложения китайской палаты внешних сношений»⁵. П. И. Каменский и З. Ф. Леонтьевский трудились над многоязычными словарями. Г. М. Розов первый в Европе перевел на русский язык «Историю династии Цзинь»⁶. Работа над первыми переводами маньчжурских сочинений на русский язык, составление первых многоязычных словарей и пособий для изучения маньчжурского языка сопровождалась детальной разработкой и освоением политической, административной, лингвистической терминологии этого языка. Тогда же ученые подготовили необходимые источники для последующих научных исследований.

В. В. Горский на основе маньчжурских первоисточников написал две статьи по истории Маньчжурии⁷.

Вслед за Горским исследованием культуры маньчжур занимались акад. В. П. Васильев, И. И. Захаров, А. О. Ивановский, А. М. Позднеев. И. И. Захарову принадлежат два труда, которые до сих пор остаются незаменимыми справочни-

---

² Б. К. Пашков, Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности, — КСИВАН, т. XVIII, М., 1956, стр. 3—18.

³ И. К. Россохин, Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего, т. 1—17, СПб., 1784.

⁴ А. Л. Леонтьев, Тайцинь гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства, в трех частях, СПб., 1781—1783.

⁵ С. В. Липовцов, Уложение китайской палаты внешних сношений, СПб., 1828.

⁶ Г. М. Розов, История династии Цзинь, — рук. АВ, Р. I, оп. 1, № 3.

⁷ В. В. Горский, Начало и первые дела маньчжурского дома, — ТЧРДМ, I, стр. 1—187; его же, О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имена народа Маньчжу, — там же, стр. 189—244.

ками в изучении маньчжурского языка, — словарь⁸ и грамматика⁹.

Наши отечественные специалисты, находясь на службе в Пекинской миссии, помимо основной работы занимались еще коллекционированием памятников маньчжурской литературы. Большая часть коллекций впоследствии разместились в библиотеках Петербурга. В настоящее время ленинградское собрание маньчжурских рукописей и ксилографов является одним из самых полных и самых ценных во всем мире. Памятники маньчжурской литературы (Восточное отделение научной библиотеки им. М. Горького ЛГУ, Рукописный отдел ЛО ИВ, Отдел рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) находились постоянно в центре внимания ученых. Каждый экземпляр рукописи и ксилографа с момента поступления на хранение проходил традиционную библиотечную обработку.

Благодаря участию в этой работе таких востоковедов, как В. М. Алексеев и В. Л. Котвич, обычная инвентаризация превращалась в тщательное обследование ранее неизвестного материала. В начале XX в., а именно в течение двух месяцев 1918 г., над инвентаризацией Маньчжурского фонда АМ трудился Н. Н. Кротков¹⁰, бывший до этого консулом в Урумчи, секретарем консульств в Гирине, Цицикаре, Кульдже. Мы владеем несколькими интересными рукописями—образцами оригинального творчества маньчжур из коллекции Н. Н. Кроткова. Он также оставил список материалов на маньчжурском языке, находившийся в АМ¹¹, снабженный предисловием, в котором имеется указание на научное значение собрания ЛО ИВ.

Впервые к богатствам рукописных хранилищ с целью полной научной каталогизации всех экземпляров маньчжурских рукописей и ксилографов обратился член-корр. АН В. Л. Котвич, профессор Петербургского университета. Котвич (1872—1944)¹² планомерно изучал фонды всех ленинградских собраний маньчжурских рукописей и ксилографов. Однако его печатные научные труды в этой области в основном посвящены исследованию коллекции, принадлежавшей АМ. Это дает право считать его первым ученым специалистом в стенах АМ, положившим начало маньчжуроведению.

⁸ И. И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875.

⁹ И. И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879.

¹⁰ О Н. Н. Кроткове см.: ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1918), № 9, л. 38; «Востокведение в Петрограде. 1918—1922», Пг., 1923, стр. 86.

¹¹ АВ, ф. 32, оп. 1, № 10.

¹² M. Lewicki, Wladislaw Kotwicz, Szkice z dziejów Polskiej Orientalistyki, Warszawa, 1957, стр. 7—30; Bibliographia Wladislawa Kotwicza, M. Kotwiczowna,—RO, t. XVI (1950), Kraków, 1953, стр. XXXI—XLVIII; Wladislaw Kotwicz, M. Lewicki,—RO, t. XVI (1950), Kraków, 1953, стр. XI—XXIX.

В двух статьях — «Маньчжурский фонд»¹³ и «Маньчжурская литература»¹⁴ — В. Л. Котвич сообщил о большой ценности собрания маньчжурских письменных памятников и проанализировал особенности маньчжурской литературы. Он отметил отличие маньчжурской литературы от китайской, ее значение и место в мировой истории.

В. Л. Котвич преподавал монгольский и маньчжурский языки на Факультете восточных языков Петербургского университета, был деятельным членом ВОРАО, блестящим организатором коллективных работ. Мы находим его имя в числе тех востоковедов, которые участвовали в создании Петроградского института живых восточных языков, — он был избран первым директором нового института.

В 1923 г., когда В. Л. Котвича предложили избрать членом-корреспондентом АН СССР, академики С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский высоко оценили его деятельность: «Избранием В. Л. Котвича в члены-корреспонденты Российской академии наук, по мнению нижеподписавшихся, было бы оказано заслуженное внимание одному из выдающихся представителей русской науки в области изучения Дальнего Востока»¹⁵.

В 20-х годах В. Л. Котвич переехал в Польшу, где в 1944 г. скончался в звании действительного члена Польской Академии наук.

Изучение состава Маньчжурского фонда АМ после отъезда Котвича продолжил П. И. Воробьев (1892—1937), который начал работать в АМ с 1930 г. Он окончил в 1915 г. Петербургский университет по китайско-маньчжурскому разряду. П. И. Воробьев вел большую административную работу: был директором Государственного русского музея (1925—1931), директором Государственного исторического музея в Москве (1932—1934), заместителем директора ИВ (1934—1937). Наряду с этим П. И. Воробьев преподавал маньчжурский язык студентам ЛГУ и Института народов Севера и в то же время принимал деятельное участие в научной работе АМ—ИВ. С 1930 г. в ИВ был создан Монголо-маньчжурский кабинет. По планам и отчетам деятельности кабинета мы можем иметь представление о научных интересах П. И. Воробьева¹⁶.

¹³ В. Л. Котвич, Маньчжурский фонд, — *Аз. Муз. Памятка*, стр. 66—68.

¹⁴ Маньчжурская литература, — *сб. «Литература Востока»*, вып. 2, Пг., 1920, стр. 116—127.

¹⁵ С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский, *Записка об ученых трудах В. Л. Котвича*, — *ИРАН*, сер. VI, № 1—18, 1923, стр. 371—372.

¹⁶ См. планы и отчеты Монголо-маньчжурского, Китайско-тангутского кабинетов за 1930—1931 гг., — *ЛО ААН*, ф. 152, оп. 1 (1930), № 27; оп. 1 (1931), № 29.

П. И. Воробьев предполагал разработать следующие темы: изучение приемов перевода китайской исторической литературы на маньчжурский язык; собирание материалов по истории литературы маньчжур; перевод на русский язык маньчжурского эпоса «Предание о шаманке Нишань»; маньчжурские числительные в свете яфетической теории; описание Рукописного фонда, хранящегося в Архиве ИВ; изучение маньчжурских документов по истории русско-китайских отношений XVII в. на основе материалов Цицикарского архива; составление карточек нового систематического и алфавитного каталогов Маньчжурского фонда рукописей и ксилографов ИВ.

П. И. Воробьев наметил основные пути, по которым должна была развиваться советская маньчжуристика: 1) публикация оригинальных памятников маньчжурской литературы, 2) научное описание с предварительной каталогизацией рукописей и ксилографов, 3) изучение истории культуры маньчжурского периода в истории Китая.

Результатом научной деятельности П. И. Воробьева явилась статья, посвященная новым данным о происхождении маньчжурской письменности¹⁷. Статья свидетельствует об отличном знании маньчжурских источников, она сообщает читателям интересные данные, отличается точностью и ясностью изложения.

В 1931 г. П. И. Воробьев на заседании КВ прочел доклад «О маньчжурском алфавите»¹⁸.

В 1936 г. в ИВ сложилась группа маньчжуроведов, которая могла выполнять работу по планам института. Поэтому в мае 1936 г. на заседании научных сотрудников Китайского кабинета был поднят вопрос об организации секции маньчжуроведов¹⁹. Секция маньчжуроведов объединила таких сотрудников, как Б. И. Панкратов, К. М. Черемисов, В. А. Жебровский, С. Д. Дыльков, А. В. Гребенщиков. Председателем секции стал проф. А. В. Гребенщиков. В утвержденном проекте-положении зафиксированы основные направления работы членов Маньчжурской группы²⁰. Каждый специалист имел свой индивидуальный план. В. А. Жебровский (1893—1938) приступил к работе над двумя темами: 1) «Описание маньчжурских ксилографов»; 2) «Экономическая история Маньчжурии. Дайцины и Маньчжурия до завоевания Китая (1616—1644)».

¹⁷ П. И. Воробьев, Новые данные о происхождении и развитии маньчжурской письменности, — ЗИВАН, т. V, М.—Л., 1935, стр. 115—136.

¹⁸ П. И. Воробьев, О маньчжурском алфавите, — Отчет АН СССР за 1931 г., стр. 216.

¹⁹ А. А. Штукин, Обзор работы китайского кабинета ИВАН за 1936 г., — АВ, Р. I, оп. 1, № 162, стр. 43—45.

²⁰ «Положение о секции маньчжуроведения», — ЛО ААН, ф. 152, оп. 1, 1936, № 3.

В. А. Жебровский окончил в 1914 г. Лазаревский институт восточных языков. По окончании института служил переводчиком в Приамурье. Поступив на работу в ИВ, Жебровский сразу же занялся подготовкой описания маньчжурских ксилографов. В течение одного года ученый составил черновое описание всех ксилографов Маньчжурского фонда²¹. Его описание содержит название сочинений на китайском, маньчжурском языках, сообщение о выходных данных, краткую аннотацию содержания сочинений. К сожалению, он не успел аннотировать все маньчжурские сочинения и дать перевод названий на русский язык ко всем экземплярам.

Большой объем работы, выполненный В. А. Жебровским в короткий срок, свидетельствует о нем, как о хорошо подготовленном специалисте, свободно владеющем текстами памятников китайской и маньчжурской литератур. Работа по описанию ксилографов осталась незавершенной, так как В. А. Жебровский работал в институте недолго — до начала 1938 г.

Сотрудники К. М. Черемисов и С. Д. Дылыков приступили в то время к изучению и переводу на русский язык маньчжурских официальных документов, а крупнейший знаток в области маньчжуристики Б. И. Панкратов возглавил группу ученых, которая под его руководством составляла справочник по Маньчжурии²². Б. И. Панкратов, кроме того, предполагал написать статью об истории возникновения и развития квадратного маньчжурского письма.

Председатель секции маньчжуроведов А. В. Гребенщиков в свою очередь предложил три темы, которые его давно интересовали: создание дополнения к русско-маньчжурскому словарю И. И. Захарова; обобщение данных по быту и языку дахуров и создание исторической географии Маньчжурии.

А. В. Гребенщиков (1880—1941) окончил в 1907 г. Владивостокский восточный институт по китайско-маньчжурскому разряду. В 1911 г. он прошел стажировку на Факультете восточных языков Петербургского университета.

В течение восемнадцати лет он преподавал маньчжурский язык студентам ДВГУ. А. В. Гребенщиков многократно бывал в Китае, обследуя культурно-бытовые условия жизни в Маньчжурии. Им написано большое количество статей, созданных на основе впечатлений от поездок по стране. Наибольшей известностью из всех статей того периода пользуется каталог маньчжурской литературы²³, в котором зарегистрированы ее оригинальные образцы.

²¹ В. А. Жебровский, Описание маньчжурских ксилографов, — АВ, Р. I, оп. 2, № 30.

²² Сб. «Внутренняя Монголия», — АВ, Р. I, оп. 1, № 164.

²³ А. В. Гребенщиков, Краткий очерк образцов маньчжурской литературы, Владивосток, 1909.

В 1935 г. А. В. Гребенщиков переехал из Владивостока в Ленинград в связи с переходом на работу в ИВ. Здесь ученый написал большую статью «Письменность аборигенов Маньчжурии»²⁴, снабдив ее переводами текстов некоторых маньчжурских рукописей и ксилографов.

Вслед за тем В. А. Гребенщиков подготовил к изданию перевод текста и комментариев к нему «Канон шаманской службы маньчжур», изданного в 1747 г.²⁵ Эта работа была связана с определенным многолетним интересом исследователя к маньчжурскому шаманству. Во время своих путешествий по Маньчжурии (1908, 1909, 1913 гг.) ему посчастливилось найти три списка маньчжурской рукописи «Предание о шаманке Нишань»²⁶. Судя по архивным документам, А. В. Гребенщиков предполагал издать текст и перевод текста на русский язык. В его архиве хранятся материалы, свидетельствующие о работе над дополнением Маньчжурско-русского словаря И. И. Захарова²⁷. Материалы содержат отдельные заметки к маньчжуро-русскому словарю современных политических терминов и списки маньчжурских слов, заимствованных из китайского, монгольского, киргизского, татарского, санскритского, корейского, тибетского языков.

Научная деятельность А. В. Гребенщикова в ИВ была связана с изучением отдельных памятников маньчжурской литературы, а также подготовкой к публикации маньчжурских текстов и их переводов на русский язык.

А. В. Гребенщиков скончался в 1941 г.²⁸ в осажденном Ленинграде.

В послевоенное время над проблемами, выдвинутыми предшествующими маньчжуроведами, начала работать М. П. Волкова. Она подготовила к изданию текст, транслитерацию и перевод «Предания о шаманке Нишань»²⁹. Это издание было осуществлено ею по рукописям, найденным в Маньчжурии А. В. Гребенщиковым.

М. П. Волкова издала также каталог маньчжурских рукописей собрания ЛО ИНА АН СССР³⁰ под редакцией Б. И. Панкратова.

---

²⁴ См. фонд А. В. Гребенщикова (АВ, ф. 75, оп. 1, № 35).

²⁵ Там же, № 69—72.

²⁶ Там же, № 41.

²⁷ Там же, № 32—34; см. также: ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 10, 37.

²⁸ О А. В. Гребенщикове см.: «Памятная книга» (АВ ЛО ИВ).

²⁹ М. П. Волкова, Нишань самани битхэ. Издание текста, транслитерация и перевод, М., 1961.

³⁰ «Описание маньчжурских рукописей ИНА АН СССР», М., 1965.

М. И. ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ,
Л. С. САВИЦКИЙ

Тибетоведение

Изучение Тибета в России началось с 20-х годов XVIII в., со времени обнаружения тибетских рукописей в буддийском монастыре Аблайн-хит на Иртыше. Находка рукописей вызвала большой интерес не только в кругах русских ученых, но и за рубежом, где тибетская письменность и тибетский язык были известны еще очень мало.

С первой четверти XVIII в. русская тибетология прошла длинный и трудный путь. Широта охвата материала и аспекты его исследования на отдельных этапах истории тибетоведения прежде всего обуславливались наличием достаточно подготовленных специалистов, общим ходом развития востоковедения в России и научными интересами самих тибетологов. Представляется возможным выделить пять периодов истории тибетологии в России: 1) с начала 20-х годов XVIII в. (первое знакомство с тибетскими рукописями) до 1829 г.; 2) с 1829 г. до 80-х годов XIX в. — начало интенсивного комплексного изучения Центральной Азии; 3) с 80-х годов XIX в. до 1917 г.; 4) с 1917 по 1941 г.; 5) после окончания Великой Отечественной войны.

20-е годы XVIII в. — 1829 г.¹ Этот период в истории тибетологии в России можно назвать подготовительным. Систематический сбор сведений по географии Тибета, его населению, языку, религии и литературе только начался. Изучение добытых материалов сводилось, как правило, к простому их описанию. Многие из тех, кто работал в этой области в эти годы, не только не были тибетологами, но даже не знали тибетского языка и письменности. Находка тибетских рукописей в монастыре Аблайн-хит поставила русских ученых перед необходимостью сделать эти рукописи достоянием мировой науки, попытаться расшифровать их и интерпретиро-

---

¹ Некоторые материалы для характеристики этого периода см.: А. И. Востриков, Ольденбург и изучение Тибета, — ЗИВАН, т. IV, стр. 69.

вать. Естественно, что за эту задачу проще и легче было взяться тем, кто мог войти в контакт с живыми носителями тибетского языка. Тибетские ламы жили среди калмыков Поволжья и бурят Забайкалья. Среди них встречались и знатоки тибетской литературы, общение с которыми могло помочь в сборе необходимых сведений о Тибете.

Известный историк акад. Г. Ф. Миллер в 1735 г. посетил селенгинских бурят и познакомился с тибетским ученым из монастыря Чонэ, первым главой бурятского духовенства Агван-пунцогом. Пунцог перевел Миллеру на монгольский язык начало одного из листов тибетской рукописи из монастыря Аблайн-хит и транскрибировал этот текст монгольскими буквами. Миллер не знал монгольского языка, а потому переводчик Иностранной коллегии Петр Смирнов перевел ему монгольский перевод Агван-пунцога и транскрибировал текст русскими буквами. С русского перевода Миллер сделал латинский перевод, который и опубликовал вместе с тибетским оригиналом в 1747 г.² В этой работе Миллер описал развалины Аблайн-хита и поместил буддийские изображения, находившиеся в этом монастыре. Труд Миллера — первая страница русской тибетологии, первая попытка интерпретации тибетского текста в России.

В 70-х годах XVIII в. у селенгинских бурят побывал акад. П. С. Паллас. Он собрал у проживавших там тибетских лам любопытные сведения о географии, языке и религии Тибета. Большую помощь Палласу в общении с ламами оказал И. Ериг (переводчик АН, умер в 1795 г.), который настолько хорошо изучил монгольский и тибетский языки, что перевел для Палласа некоторые отрывки из тибетских литературных памятников. Паллас включил собранный материал и переводы Ерига в два своих основных труда, посвященных описанию бурят, монголов и тибетцев, населявших обширные пограничные районы Российской империи³. В частности, Паллас опубликовал составленное Еригом изложение первых восьми глав и начала девятой главы знаменитого тибетского апокрифического сочинения XV—XVI вв. «Маникабум». После отъезда Палласа Ериг продолжал самостоятельно работать в Кяхте, составил словарь и грамматику монгольского языка, а также подготовил несколько переводов с тибетского и краткий очерк грамматики тибетского языка, которые остались неопубликованными⁴.

² G. F. Müller, *De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio*, — *Comment. Acad.*, t. X, 1738, (1747), стр. 420—468.

³ P. S. Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, II Th., *Sammlung über den Götzendienst, die Geistlichkeit, Tempel und abergläubische Gebräuche der mongolischen Völkerschaften*, hauptsächlich die aus dem Tybet abstammende Fabellehre und damit verknüpfte Hierarchie, St.-Pbg., 1801.

⁴ Работы Ерига и его письма хранятся в АВ (ф. 21). Перечень этих

Миллер, Паллас и Ериг во время своих путешествий собрали первую коллекцию тибетских и монгольских рукописей и ксилографов, которая была передана в АН. Ериг составил и опубликовал первый список тибетских, монгольских и санскритских рукописей и ксилографов, которые находились в это время в АН⁵.

В европейской науке деятельность Миллера, Палласа и Ерига пробудила интерес к тибетскому языку и письменности и подготовила переход к более интенсивному научному изучению Тибета.

1829 г. — 80-е годы XIX в. Научное изучение тибетского языка и литературы в России начинается с 1829 г., когда в состав АН был избран Яков Иванович Шмидт (1779—1847, род. в Амстердаме, с 1829 г. адъюнкт, с 1833 г. ординарный академик). Крупнейший специалист своего времени в области монгольского и тибетского языков, Шмидт пришел в науку после трехлетнего периода коммерческой деятельности среди волжских калмыков. У тибетских лам, проживавших среди калмыков, Шмидт сумел собрать ценные сведения по тибетскому языку, литературе, истории и религии Тибета. Работа в Поволжье послужила для Шмидта хорошей школой монгольского и тибетского языков. Придя в АН уже в зрелом возрасте, полный сил и энергии, Шмидт создал труды, положившие начало русской тибетологии как науке⁶.

Первые его работы посвящены проблемам происхождения тибетской письменности и специфики тибетского языка и письменности сравнительно с индийскими. Положения, высказанные Шмидтом относительно происхождения тибетского письма от одной из разновидностей северного индийского брахми, в значительной мере не поколеблены и до наших дней. Шмидт впервые установил единственно правильный, принятый после его работ во всем мире принцип расположения слов в тибетских словарях, исходящий не из первого по местоположению знака в слове, а из первого корневого знака. Этот принцип сформулирован уже в ранних статьях Шмидта⁷, подготовивших грамматику и словарь тибетского

материалов опубликован: *Dogn, As. Mus.*, стр. 122. См. также: Н. В. Кюнер: *Описание Тибета*, т. II, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 87—88.

⁵ *«Journal für Rußland, hrsg. von J. Busse»*, Bd II, St.-Pbg., 1794. В этом списке упомянуто 258 сочинений. Названия сочинений не приводятся.

⁶ J. Schmidt, *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*, St.-Pbg., 1824. Обзор монголоведения и тибетологии 20—30-х годов Шмидт дал в статье «Ueber den Nutzen des Studiums der Orientalischen Sprachen überhaupt, und in besonderer Beziehung auf Rußland», — *St. Petersburg. Zeitung*, 1829, № 17.

⁷ I. J. Schmidt, *Über den Ursprung der tibetischen Schrift*, — *Mém.*, VI sér., t. I, 1832, стр. 41—54; его же, *Über einige Eigentümlichkeiten der tibetischen Sprache und Schrift*, — *Bull. sc.*, t. III, 1838, стр. 225—231.

языка. Тибетская грамматика была опубликована Шмидтом через пять лет после издания первой научной (в отличие от европейских миссионерских) грамматики, составленной венгерским ученым Чома де Кёрёши⁸, и обнаруживает знакомство автора с этой работой⁹. Следует отметить, что материал для грамматики Шмидт черпал из изученных им самим памятников тибетской литературы, система изложения материала также была продумана и подготовлена самостоятельно уже в его первых работах.

За грамматикой последовал словарь тибетского языка, включивший в себя разнообразную и довольно значительную по объему лексику — результат росписи автором важнейших из известных в то время тибетских литературных памятников¹⁰. Несмотря на то что позднее появились более полные словари Х. А. Ешке и С. Ч. Даса, словарь Шмидта не утратил своего значения, поскольку в нем можно найти лексику, не представленную в других словарях.

Ряд работ Шмидта посвящен истории буддизма. Важнейшая из них — опубликованное в 1830 г. исследование основных положений буддизма¹¹. Большое внимание Шмидт уделял изданию памятников тибетской литературы и письменности; он опубликовал тибетский текст и перевод пользующегося широкой популярностью в Тибете сборника джатак «Дзан-лун» («Мудрый и глупый»)¹²; по его инициативе был литографски отпечатан каталог к нартанскому Канджурю, поступивший в АМ в составе коллекции П. Л. Шиллинга¹³.

Благодаря стараниям Шмидта значительно пополнилось собрание тибетских рукописей и ксилографов АМ, в частности поступили две крупнейшие коллекции (свыше 3 тыс. экземпляров) тибетских ксилографов П. Л. Шиллинга (в 1835 и 1848 гг.). Совместно с О. Бетлингком Шмидт составил каталог тибетских рукописей и ксилографов АМ¹⁴.

Труды Шмидта положили начало русской тибетологии. Они были первой попыткой научного осмысления истории культуры и письменного наследия народов окраин царской России — калмыков и бурят, для которых тибетский язык

⁸ Csoma de Kőrös, A Grammar of the Tibetan Language in English, Calcutta, 1834.

⁹ Я. И. Шмидт, Грамматика тибетского языка, СПб., 1839 (немецкий перевод: Grammatik der tibetischen Sprache, St.-Pbg., 1839).

¹⁰ Я. И. Шмидт, Тибетско-русский словарь, СПб., 1843 (немецкий вариант: Tibetisch-deutsches Wörterbuch nebst deutschem Wortregister, St.-Pbg., 1841).

¹¹ I. J. Schmidt, Über einige Grundlehren des Buddhismus, — Mém., VI sér., t. I, 1832, стр. 89—120, 221—262.

¹² «Dzanglung oder der Weise und der Thor», th. I—II, St.-Pbg. — Lpz., 1843.

¹³ «Kandjur oder der Index des Kandjur», St.-Pbg., 1845.

¹⁴ I. J. Schmidt und O. Boehlingk, Verzeichniss der tibetischen Handschriften, — Bull. hist.-phil., t. IV, 1847, № 6—8, стлб. 81—125.

и литература были действенным средством связи с буддийским миром.

Значительную роль в развитии тибетологии сыграл перевод Н. Я. Бичуриным глав, посвященных Тибету, из китайских исторических сочинений «Нянь-сань-ши» и «Тунь-цзянь-ган-му»¹⁵.

Труды Шмидта были продолжены в АН А. А. Шифнером (1817—1879).

Шифнер был, пожалуй, единственным среди первых русских тибетологов, кто изучал тибетский язык и литературу самостоятельно, а не в процессе общения с тибетскими ламами. Одновременно Шифнер успешно занимался индологией и был автором нескольких крупных исследований в этой области. Научные интересы Шифнера были весьма широки. Он занимался тибетской грамматикой, публикацией тибетских памятников, исследованиями по истории и литературе Тибета, буддизмом и буддийскими источниками. В своих лингвистических штудиях Шифнер в отличие от Шмидта не стремился к описанию тибетской грамматической системы в целом или к составлению практических пособий для изучения тибетского языка. Он пытался подойти к исследованию отдельных фактов тибетского языка с позиций современного ему европейского языкознания. Ряд статей Шифнера посвящен вопросам тибетской фонетики и морфологии. Он впервые дал описание тибетского вокализма и консонантизма и высказал свои предположения о происхождении и функциях тибетских префиксов. Многие из этих заключений не опровергнуты и в наши дни и получили дальнейшее развитие в трудах тибетологов последующих поколений. Интересовали Шифнера и функции тибетских частиц как грамматических формантов¹⁶, а также морфологическая структура слова¹⁷.

Труды Шифнера по буддизму представляют собой издания отдельных памятников буддийской литературы (целиком или в отрывках), буддийских словарей, а также избранных сочинений тибетских авторов по истории распространения буддизма. Одним из первых его исследований по буддизму была биография Будды Шакьямуни, написанная на основе тибетских источников¹⁸. Шифнер подготовил к изданию тексты нескольких сутр канонической тибетской литературы¹⁹.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, История Тибета и Хухунора, ч. I—II, СПб., 1833.

¹⁶ A. Schiefner, *Tibetische Studien*. I—IV, —Bull. hist.-phil., t. VIII, 1851; «Über Pluralbezeichnungen im Tibetischen», St.-Pbg., 1877.

¹⁷ A. Schiefner Über eine eigentümliche Art tibetischer Composita, — Bull. hist.-phil., t. XIV, 1857, стлб. 125—128.

¹⁸ «Eine tibetische Lebensbeschreibung Cakjamuni's, des Begründers des Buddhathums, im Auszuge deutsch mitgetheilt von A. Schiefner», — Mém. de div. sav., t. VI, 1851.

¹⁹ См., например: A. Schiefner, *Das buddhistische Sutra der zwei und vierzig Sätze*, — Bull. hist.-phil., t. IX, 1852, стлб. 65—78.

Одновременно с В. П. Васильевым он опубликовал немецкий перевод «Истории буддизма» тибетского автора конца XVI—начала XVII в. Таранатхи²⁰.

Шифнер издал буддийский санскритско-тибетско-монгольский словарь, отпечатав его с досок, привезенных Шиллингом²¹. Много внимания Шифнер уделял изучению тибетского буддийского канона — Канджура и Танджура. В Танджуре его более всего привлекали сочинения по логике, медицине, грамматике — вклад тибетских ученых в буддийскую Трипитаку²². Канджур интересовал Шифнера с точки зрения бытования буддийских литературных сюжетов на тибетской почве, их интерпретации и обработки. Он подготовил к изданию сборник индийских по происхождению историй в тибетской обработке. Опубликованный уже после его смерти в Лондоне²³, этот сборник был высоко оценен европейским востоковедением. Ряд работ Шифнера посвящен исследованию развития отдельных сюжетов в буддийской литературе²⁴.

Стараниями Шифнера коллекция тибетских рукописей и ксилографов АМ увеличилась столь значительно, что уже в 1848 г. ему пришлось составить дополнение к каталогу Шмидта и Бётлингга²⁵.

Академия наук не раз брала на себя издание лингвистических материалов экспедиций зарубежных ученых, организованных Географическим обществом. Большая заслуга в этом принадлежит Шифнеру, подготавливавшему издания, благодаря которым ценнейшие материалы становились достоянием науки и нередко приводили к возникновению новых отраслей языкознания²⁶.

Почти одновременно с Шифнером развивалась деятельность замечательного русского тибетолога и китаевода акад. В. П. Васильева.

---

²⁰ A. Schiefner, *Tāranātha's Geschichte des Buddhismus in Indien*, St.-Pbg., 1869.

²¹ «Buddhistische Triglotte d.h. sanskrit-tibetisch-mongolisches Wörterverzeichnis, gedruckt mit den aus dem Nachlass des Barons Schilling stammenden Holztafeln und mit einem kurzen Vorwort versehen von A. Schiefner», St.-Pbg., 1859.

²² «Über die logischen und grammatischen Werke im Tanjur», — *Bull. hist.-phil.*, t. IV, 1847, стлб. 284—288.

²³ A. Schiefner, *Tibetan Tales Derived from Indian Sources*, London, 1882, 1906.

²⁴ См., например: A. Schiefner, *Mahākātjājana und König Tshaṇḍa-Pradjota. Ein Cyklus buddhistischer Erzählungen*, St.-Pbg., 1875.

²⁵ «Nachträge zu den von O. Böttlingk und I. J. Schmidt verfassten Verzeichnissen der auf Indien und Tibet bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum», — *Bull. hist.-phil.*, t. V, 1848, стлб. 145—151.

²⁶ A. Schiefner, A. Castrén, *Alexander Castrén's Grammatik*. St.-Pbg., 1854; они же, *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre*, St.-Pbg., 1856 и др. См.: Ливотова, Португаль, № 1708, 1716, 1718, 1721 и др.

Заслуга Васильева заключается в том, что, выдвинув впервые в мире проблемы научного изучения буддизма, он тем самым подготовил возможность появления в России буддологической школы Ф. И. Щербатского, которая зародилась в стенах ФВЯ и АМ, но настоящее развитие получила только после 1917 г.

80-е годы XIX в.—1917 г. Интерес к изучению Тибета в России усилился в последней четверти XIX в. Предпринимаются несколько успешных путешествий в Тибет (О. Норзунов, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн) и экспедиций для исследования Центральной Азии и Тибета (Г. Н. Потанин, Г. Е. и А. Г. Грум-Гржимайло, В. А. Обручев, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов и др.). Последние годы XIX в. и первое десятилетие XX в. явились временем бурного развития центральноазиатской филологии и буддологических штудий во всем мире. Памятники, приобретенные у местного населения, и особенно работы английских, французских, немецких, русских, шведских и японских экспедиций в Восточный Туркестан дали богатейший материал для изучения письменности, языков, истории и культуры народов, населявших некогда Центральную Азию. В обработку и исследование вновь открытых памятников включились ученые многих стран — китаисты, индологи, иранисты, тюркологи. Восточнотуркестанские находки вызвали к жизни новую дисциплину — центральноазиатскую филологию — комплексную науку, одним из звеньев которой стала тибетология. Тибетские документы из Восточного Туркестана, изданные О. Франке и Ф. Томасом, впервые дали материал для исследования старейшего периода тибетского языка, засвидетельствованного письменностью (VIII в.). Тибетские памятники стали привлекаться для интерпретации переводов буддийских сочинений не только на китайский и уйгурский языки, но и на хотано-сакский и согдийский — иранские языки, бытовавшие на территории Центральной Азии в первом тысячелетии н. э.

Русские ученые, связанные с изучением Тибета, его культуры, истории и языка, по праву заняли видное место в блестящей плеяде ученых, вовлеченных в круг занятий центральноазиатской филологией. Организатором школы русских тибетологов стал акад. С. Ф. Ольденбург, ее научным руководителем акад. Ф. И. Щербатской.

Развитие тибетологии в России в этот период было связано прежде всего с путешествиями в Тибет бурятских ученых Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна, созданием серии «Библиотека буддника» и деятельностью ученых, связанных с этой серией.

Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) окончил факультет восточных языков Петербургского университета

в 1899 г. До поступления в университет он много путешествовал по Монголии. АН и РГО остановили свой выбор на Цыбикове как наиболее подходящем кандидате для путешествия в Тибет и сбора сведений по географии и этнографии этой страны. Большое значение имело и то обстоятельство, что молодой ученый был бурятом: это облегчало ему проникновение в Тибет в качестве паломника. Другой задачей, поставленной перед Цыбиковым, было приобретение оригинальных тибетских рукописей и ксилографов. Обе возложенные на него задачи Цыбиков успешно выполнил. Он пробыл в Тибете в общей сложности почти два с половиной года (ноябрь 1899 г. — май 1902 г.). За это время он посетил крупные монастыри Северо-Восточного и Центрального Тибета.

Результаты поездки Цыбикова нашли отражение в его предварительном сообщении «О Центральном Тибете» (прочитано в качестве отчетного доклада о путешествии на общем собрании членов РГО 7/20 мая 1903 г.)²⁷, в монографии²⁸, увидевшей свет уже после революции, и в оставшемся неопубликованным путевом дневнике²⁹. Книга Цыбикова — интереснейший научный труд, содержащий не только описание его путешествия, но и сведения по истории, этнографии, географии и литературе Тибета. О значении книги для тибетологии и для русской науки вообще можно судить уже по тому факту, что подготовителями и редакторами ее были такие выдающиеся ученые, как С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и секретарь Географического общества А. В. Григорьев. Не менее важным результатом поездки Цыбикова явилась коллекция тибетских ксилографов (333 тома), переданная в АМ и содержащая важнейшие сочинения наиболее известных тибетских авторов³⁰.

Следующее путешествие в Тибет по заданию АН было предпринято Бадзаром Бадзаровичем Барадийным (1878—1939). Инициатива подготовки вольнослушателя гуманитарных факультетов Петербургского университета бурята Барадийна к путешествию в Тибет принадлежала С. Ф. Ольденбургу и Ф. И. Щербатскому (поездку предполагалось осуществить на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии)³¹. Перед Барадийным была поставлена задача углубленного изучения тибетского буддизма и дальнейшего обследования монастырских библиотек. С июня

²⁷ ИРГО, вып. 3, т. XXXIX, 1903, стр. 187—218.

²⁸ Г. Ц. Цыбиков, Буддист-паломник у святынь Тибета, Пг., 1919.

²⁹ Хранится в рукописном фонде БКНИИ, см.: Б. В. Семичов, Г. Ц. Цыбиков — исследователь Тибета, Улан-Удэ, 1957, стр. 20 и сл.

³⁰ Список памятников, привезенных Цыбиковым, опубликован в ИИАН, сер. V, т. XXI, 1904, стр. 01—07.

³¹ Протокол № 2, заседания РКСА, СПб., 1903, стр. 2.

1906 по январь 1907 г. Барадийн совершил поездку в Лавран, которая нашла отражение в его дневниках³² и в книге (перевод тибетского памятника с предисловием и комментариями)³³. В дневниках содержится подробное описание монастыря Лавран, быта его обитателей, а также много сведений о тибетской литературе, буддийской философии и системе монгольского образования. Из Лаврана он привез около 200 томов сочинений тибетских авторов (главным образом издания монастыря Лавран), пополнивших фонды тибетских рукописей и ксилографов АМ³⁴. Краткий предварительный отчет о поездке Барадийна был опубликован С. Ф. Ольденбургом в 1908 г.³⁵

Путешествия Цыбикова и Барадийна в Тибет проходили в тот же период, когда в Восточном Туркестане действовали экспедиции ряда западноевропейских стран. В оазисах Центральной Азии были открыты памятники буддийской литературы, в том числе и части канона, не сохранившиеся в Индии и считавшиеся утраченными безвозвратно. Находки этих текстов, а также изучение тибетских Канджура и Танджура и китайской Трипитаки позволили по-новому подойти к изучению истории буддизма, его философии и литературы, к исследованию путей сложения и эволюции буддийского канона.

С целью ввести в науку вновь открытые буддийские тексты АН по инициативе С. Ф. Ольденбурга приступила с 1897 г. к изданию серии «Библиотека буддика», бессменным руководителем и редактором которой был сам Ольденбург. Он сумел привлечь к участию в изданиях серии крупнейших специалистов всего мира: Ф. И. Щербатского, Е. Е. Обермиллера, О. О. Розенберга, В. В. Радлова, С. Е. Малова, С. Леви, Г. Керна, Л. Валле-Пуссэна, Вогихара, Д. Росса, М. Валлезера и многих других. 14 из 32 томов этой серии посвящены изданию памятников тибетского буддизма (тибетский текст как основной или тибетский параллельно с санскритским), а также материалам по истории буддизма в Тибете. Ряд томов готовил сам Ольденбург. Так, он извлек из коллекции Шиллинга альбом буддийской иконографии, выполненный по заказу Шиллинга бурятским художником и воспроизводящий тибетский ксилограф XVIII в. (последний был издан тибетским ученым Чжанчжа Ролпи-дордже, 1717—1786), снабдил его тибетским алфавитным индексом

³² АВ, ф. 87, оп. 1, № 29, 31.

³³ Б. Б. Барадийн, Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране, — Л., 1924 (ВВ, т. XXII).

³⁴ Список нескольких привезенных памятников опубликован: ИИАН, VI сер., т. II, 1908, стр. 1310.

³⁵ ИРКСА, 1908, № 8, стр. 17—21.

(составили Ц. Ж. Жамцарано и Б. Б. Барадийн)³⁶. Этим сборником широко пользовались как справочником при определении коллекций буддийских изображений, хранящихся в европейских музеях. Ольденбург оказал большую поддержку немецкому ученому проф. А. Грюнведелю в осуществлении предпринятого им описания крупнейшего собрания буддийских изображений и предметов ламаистского культа, принадлежавших Э. Э. Ухтомскому, и перевел часть книги Грюнведеля, опубликованную в «Библиотеке буддика»³⁷.

Большая заслуга в превращении «Библиотеки буддика» в крупнейшую в мире буддологическую серию принадлежит Ф. И. Щербатскому, — основоположнику нового направления в исследованиях, направления, устремленного прежде всего на изучение философии буддизма в связи и на фоне индийской философии. Особое внимание уделял он исследованию параллельных версий — санскритских и тибетских, — а также индийских и тибетских комментариев к ним³⁸.

Одной из первых крупных работ Щербатского для «Библиотеки буддика» было исследование трактата по буддийской логике индийского ученого Дхармакирти, сопровождаемое изданием санскритского и тибетского текстов³⁹. Трудам Дхармакирти посвящено и исследование тибетского перевода другого его сочинения, подготовленного Щербатским для «Библиотеки буддика»⁴⁰. Для исследования знаменитого сочинения Васубандху «Abhidharmaśāstra» Щербатской создал международную группу, в которую вошли О. О. Розенберг, С. Леви, Л. Валле-Пуссэн, Вогихара и Д. Росс. Введение в науку трудов Васубандху имело принципиально важное значение для систематического изучения буддийской философии. Тибетский перевод трактата Васубандху и комментариев к нему увидел свет благодаря стараниям Щербатского⁴¹.

Большую помощь в интерпретации буддийских текстов оказали Щербатскому общение с индийскими и тибетскими

³⁶ «Сборник изображений 300 бурханов по альбому Азиатского музея имп. АН. С примечаниями», ч. I. Рисунки и указатели, СПб., 1903 (ВВ, т. V).

³⁷ А. Грюнведель, Обзор собрания предметов ламаистического культа, ч. I. Тексты, ч. II. Рисунки, СПб., 1905 (ВВ, т. VI).

³⁸ Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I—II, СПб., 1903—1909.

³⁹ Ф. И. Щербатской, Nyāyabindu. Буддийский учебник логики, СПб., 1904 (ВВ, т. VII); СПб., 1909 (ВВ, т. XI).

⁴⁰ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод сочинений Saṃtanantaśāstrasiddhi Dharmakīrti и Saṃtanantārasiddhitikā Vinitadeva вместе с тибетским толкованием, составленным Агван Дандарлхарампой, Пг., 1916 (ВВ, т. XIX).

⁴¹ Ф. И. Щербатской, Тибетский перевод Abhidharmaśāstrakarikā и Abhidharmaśāstrabhāṣyaṃ сочинений Васубандху, ч. I—II, Пг., 1917—1930 (ВВ, т. XX).

учеными, знакомство с монастырской системой образования на месте, в монастырях и дацанах, личное участие в диспутах на религиозно-философские темы, беседы с тибетскими ламами во время научной командировки в Индию в 1910—1911 гг.

В 1909—1910 гг. состоялась первая поездка С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии). Второй раз в Восточном Туркестане Ольденбург был с экспедицией в 1914—1915 гг. В результате этих поездок АН приобрела богатейшую коллекцию тибетских и китайских рукописей из Дуньхуана⁴². Дуньхуанские рукописи, датируемые IV—XI вв. н. э., дали в руки исследователей буддизма ранние махаянские тексты, которые позволили установить первоначальный текст некоторых буддийских произведений и выявить время их позднейших обработок⁴³.

Ольденбург вел большую библиографическую работу по Тибету⁴⁴. В 1893 г. он опубликовал рецензию на работу К. Маркса, миссионера в Ладаке, издавшего перевод тибетского текста-диалога между Хашан-джалпо и Угтадом. Ольденбургу принадлежат также рецензии на сборник статей А. В. Потаниной о путешествиях по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю, на каталог Танджура, опубликованный Г. Хутом, «Географию Тибета» Минчжул Хутухты, изданную В. П. Васильевым. В 1908 г. Ольденбург опубликовал рецензию на изданный В. В. Рокхилом отчет о путешествии в Тибет Сарат Чандра Даса. С 1904 по 1909 г. Ольденбург регулярно помещал в ЖМНП критические обзоры новейшей русской и иностранной литературы по Тибету. В общей сложности им было отрецензировано 28 книг, попутно были привлечены к рассмотрению около сотни старых и новых печатных работ о Тибете. В своих обзорах Ольденбург собрал и критически оценил заметки путешественников по Тибету; эти обзоры до сих пор могут служить руководящим пособием для каждого, кто изучает путешествия в Тибет.

1917—1941 гг. Создание школы тибетологов — учеников Ф. И. Щербатского происходило уже после Октябрьской революции. В 20-х годах сформировалась группа талантливых молодых ученых, выпускников Ленинградского университета,

---

⁴² Тибетские рукописи из Дуньхуана (до 200 свитков, написанных по образцу китайских) хранятся в РО ЛО ИВ и специально не исследовались; китайские рукописи в настоящее время обрабатываются. См.: М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич, Л. Н. Меньшиков, В. С. Спириин, С. А. Школяр, Китайские рукописи из Дуньхуана, I, М., 1963; II, М., 1967.

⁴³ Палеографические данные позволяют датировать каждую рукопись довольно точно, в пределах двух веков.

⁴⁴ Подробно об этом и библиографию работ Ольденбурга см.: А. И. Востриков, Ольденбург, стр. 76—80.

деятельность которых протекала главным образом в АМ и Институте буддийской культуры АН. Созданный в 1927 г. ИНБУК был призван решить новые задачи, вставшие перед советской буддологией (подробнее см. Введение, стр. 41—42).

Среди тибетологов, научные интересы которых определились в эти годы, следует отметить Е. Е. Обермиллера, М. И. Тубянского, А. И. Вострикова и Б. В. Семичова. Е. Е. Обермиллер (1901—1935) был несомненно наиболее выдающимся учеником Щербатского. В 1934 г. в отзыве о его трудах Щербатской писал: «Среди исследователей этой (тибетской. — М. Д., Л. С.) литературы труды Е. Е. Обермиллера, список коих прилагается, представляют совершенно исключительное явление. Они обратили на себя внимание всех историков этой отрасли как в Европе и Америке, так и в азиатских странах, — Индии, Японии, Китае и Монголии. Е. Е. Обермиллер несомненно является лучшим знатоком тибетской литературы, авторитетом в этой области, которому равных нет... Знание источников у него имеется в таком обширном размере, с коим никто поспорить не может»⁴⁵. В 1934 г. Обермиллер был избран почетным членом «Greater India Society», («Общество Великой Индии»), председателем которого был Рабиндранат Тагор. 5 января 1935 г. постановлением Президиума АН Обермиллер был удостоен ученой степени доктора литературоведения за труды по древнеиндийской литературе.

Обермиллер, учившийся на Естественном отделении Физико-математического факультета Петроградского университета, в 1918 г. вынужден был прервать учебу из-за отсутствия средств. Только в 1922 г. он вернулся в университет и в 1925 г. окончил Отделение языка и литературы Факультета общественных наук по Дальневосточной секции. В 1926—1927 гг. Обермиллер шесть раз командировался АН в БМ АССР для обследования дацанов. В 1927 г. Обермиллер опубликовал свой первый научный труд — санскритско-тибетский индекс к сочинениям Ньяябинду и Ньяябиндутака, изданным в серии «Библиотека буддике» Щербатским. В 1929 г. вышла вторая часть этой работы — тибетско-санскритский индекс⁴⁶. В октябре 1928 г. Обермиллер был зачислен в ИНБУК на должность ученого секретаря Монгольской секции (кроме Обермиллера в ИНБУКе тибетологией занимались Б. В. Семичов, А. И. Востриков, Е. Р. Козеровская и китаист Б. А. Васильев). В эти годы Обермиллер совместно со Щербатским работал над изучением важнейшего трактата

⁴⁵ АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁶ E. E. Obermiller, Indices Verborum Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit to the Nyāyābindu of Dharmakīrti and the Nyāyabindutikā of Dharmottara, I, 1927; II, 1929; (ВВ, XXIV, XXV).

по философии Махаяны Абхисамайаламкара⁴⁷. С 1930 г. Обермиллер по состоянию здоровья вынужден был уйти со штатной работы, но продолжал сотрудничать до 1934 г. в ИВ на договорных началах. В 1934 г. он был зачислен в штат института в качестве ученого специалиста, в 1935 г., за день до своей смерти, был переведен в старшие ученые специалисты. Болезнь, так рано унесшая одного из крупнейших буддологов, впервые дала о себе знать еще в 1923 г. и быстро прогрессировала. В последние годы жизни Обермиллер не мог без посторонней помощи не только передвигаться, но и писать.

С 1927 по 1935 г. Обермиллер написал 30 работ, из них 13 монографий общим объемом более 100 печ. л. 10 работ остались незавершенными⁴⁸. Публикации и исследования Обермиллера по истории Тибета и тибетской литературе, работы по философии различных тибетских школ и направлений отличаются ясностью изложения и безупречной научной точностью. Основная масса работ приходилась на 30-е годы, когда Обермиллер сотрудничал в Индо-тибетском кабинете ИВ под руководством Щербатского. В 1931—1932 гг. Обермиллер работал над переводом с тибетского «Истории буддизма в Индии и Тибете» Бутона (1290—1364). Перевод сопровождался подробным комментарием с привлечением других тибетских и индийских источников и положил начало изучению истории буддизма в Тибете по местным источникам⁴⁹. Не ограничиваясь публикацией тибетского текста Абхисамайаламкара в «Библиотеке буддиста», Обермиллер написал исследование этого трактата, посвятив его изучению доктрины Праджняпарамиты⁵⁰. Анализу Абхисамайаламкара посвящено и другое крупное исследование Обермиллера, вышедшее в 1933—1936 гг. отдельным изданием⁵¹. Одно из главных мест среди работ Обермиллера занимает исследование буддийского монизма, написанное на основе тибетского сочинения Уттаратантра и комментариев к нему (Уттаратантра-вйакхья)⁵². Тибетские тексты этих сочинений (с выдерж-

⁴⁷ Th. Stcherbatsky, E. E. Obermiller, *Abhisamayālaṃkāra-Prajñāparāmitā-Upadeśa-Sāstra, The work of Bodhisattva Maitreya*. Fasc. I, Introduction, Sanskrit Text and Tibetan Translation, London, 1929 (BB, г. XXII).

⁴⁸ Список трудов Обермиллера см.: АВ, ф. 100, оп. 1, № 59.

⁴⁹ E. Obermiller, *History of Buddhism (chos-ḥbyung)* by Bu-ston, pt. I, II, Heidelberg, 1931-32. К этой теме Обермиллер вернулся в статье «Bu-ston's History of Buddhism and the Mañjuśrī-mūla-tantra»,—*JRAS*, april, 1935, стр. 299—306.

⁵⁰ E. E. Obermiller, *The Doctrine of Prajñā-parāmitā as exposed in the Abhisamayālaṃkāra of Maitreya*,—*AO Bud*, vol. XI, 1932, стр. 1—132; vol. XII, 1933, стр. 334—354.

⁵¹ E. E. Obermiller, *Analysis of the Abhisamayālaṃkāra*, I—II, Calcutta—London, 1933-36.

⁵² E. E. Obermiller, *The Sublime Science of the Great Vehicle to Salvation*,—*AO Bud*, vol. IX, 1931, стр. 105—117.

ками из комментариев на них Джал-цаб Дхарма-ринчена) были переведены Обермиллером, но остались неопубликованными.

Ряд статей Обермиллера посвящен анализу философских категорий буддизма по индийским и тибетским источникам. Среди них весьма важны работы о нирване⁵³ и о двадцати аспектах термина «шуньята»⁵⁴. Установленные в этих статьях значения буддийских терминов приняты в трудах всех русских исследователей буддизма, вышедших из школы Щербатского, а также и в зарубежной буддологии.

Помимо индексов к сочинениям Дхармакирти и изданию текста и исследования Абхисамайаламкара для «Библиотеки буддиста» Обермиллер подготовил критическое издание санскритского и тибетского текстов Ратна-гуна-самчая, увидевшее свет уже после его смерти⁵⁵.

Изучая философские школы и направления буддизма в Тибете, Обермиллер большое внимание уделял реформатору тибетского буддизма Цзонкхаве и его философским взглядам. Цзонкхаве посвящена статья «Цзонкхава-пандит»⁵⁶, а также оставшийся незавершенным перевод сочинения Цзонкхавы «Легшад-ньингпо» с приложением исследования диалектических систем буддийской философии. Среди незавершенных работ Обермиллера многие сохраняют значение и для современной науки. Так, он подготовил критическое издание текста сочинения Харибхадры «Абхисамайаламкара», издание, примыкающее к серии его работ, посвященных Абхисамайаламкаре. Ученый предполагал издать непальскую рукопись санскритского текста Бхавана-крама (из собрания ИВ) с параллельным тибетским текстом из Танджура и подготовил вступительную статью⁵⁷. Он собирал материалы для работы о тибетских медицинских сочинениях⁵⁸. Специально занимаясь тибетской литературой, Обермиллер своими работами выдвинул советскую тибетологию на первое место в мировой науке.

Другим учеником Ф. И. Щербатского был М. И. Тубянский (1893—1943), соединявший в своем лице тибетолога-буддолога, специалиста по древнеиндийской и бенгальской

---

⁵³ E. E. Obermiller, *The Account of Buddha's Nirvāṇa and the First Council According to the Vinayaśūdraka*,— *INQ*, VIII, 1932, стр. 781—784.

⁵⁴ E. E. Obermiller, *A Study of Twenty Aspects of Sūnyatā*,— *INQ*, IX, 1933, стр. 170—187.

⁵⁵ E. E. Obermiller, *Prajñāparāmitā-ratna-guṇa-saṃcaya-gāthā*, *Sanskrit and Tibetan texts*, М.—Л., 1937 (BB, XXIX).

⁵⁶ E. E. Obermiller, *Tsoṅ-kha-pa le Paṅḍit*, — «*Mélanges chinois et bouddhiques*», vol. III, 1935, Bruxelles, стр. 319—338.

⁵⁷ Рукопись *Bhāvanā-krama* и статья Обермиллера опубликованы, см.: Э. Н. Темкин, Б. И. Панкратов, *Бхаванакрама*, М., 1960.

⁵⁸ АВ, ф. 100, оп. 1, № 57 (2 тетради).

литературе, по индийским языкам, а также монголиста. Тубьянский окончил Факультет восточных языков Петроградского университета в 1919 г. С 1920 по 1927 г. работал научным сотрудником АМ и одновременно преподавал в ЛИЖВЯ и университете санскрит, бенгали и хинди. В 1927 г. он был командирован АН для работы в Монгольскую Народную Республику и пробыл там до 1936 г., сначала в качестве научного сотрудника Тибетоведческого кабинета Научно-исследовательского комитета МНР (Учком), а с 1930 г. — ученого секретаря этого комитета. За большие заслуги и помощь в развитии науки в МНР Тубьянский был награжден монгольским правительством орденом Труда 1-й степени. По возвращении из Монголии он был зачислен (с 15 апреля 1937 г.) старшим научным сотрудником ИВ.

Часть материалов, собранных Тубьянским в МНР, а также некоторые работы, написанные в годы его пребывания в Монголии, остались в Улан-Баторе, и судьба их неизвестна. Материалы, привезенные из Монголии, он не успел подготовить к изданию и опубликовать, и все они, очевидно, безвозвратно утрачены. Из работ Тубьянского доступны только те, которые были опубликованы до его отъезда в Монголию. В АВ сохранились некоторые материалы Тубьянского; по ним, а также по отчетам, представленным им о работе в Монголии, и по документации Индо-тибетского кабинета за 1937 г. можно судить о широте тематики его исследований.

В 20-е годы Тубьянский занимался изучением буддийского трактата по логике Нйайаправеша и комментариев к нему Шишйахита. Он подготовил для «Библиотеки буддика» исследование этого трактата, содержащее введение (попытка установления авторов трактата), а также китайскую и тибетскую версии и трехязычные индексы терминов. Работа была сдана в издательство АН и в 1926 г. частично набрана, однако книга так и не вышла в свет⁵⁹. Проблеме авторства Нйайаправеша Тубьянский в 1926 г. посвятил специальную статью⁶⁰. В это же время Тубьянский по поручению АН начал разбор рукописных материалов В. П. Васильева и издал «Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского»⁶¹. Работа эта была продолжена в 1937 г., после возвращения Тубьянского из Монголии. В этот период под руководством Щербатского был подготовлен проспект новой серии исследования памятников индийской и тибетской литературы, которую предпо-

⁵⁹ Гранки тибетского (21 стр.) и китайского (76 стр.) текстов хранятся в АВ, ф. 53, оп. 1, № 50.

⁶⁰ М. I. Tubyanskiy, On the Authorship of Nyāyapraveśa, — ИАН, VI сер., т. XX, № 10—11, 1926, стр. 975—982.

⁶¹ ДАН-В, № 2, 1927, стр. 59—64.

лагалось именовать «Библиотека индо-тибетика». Тубянскому было поручено подготовить для этой серии выпуск, посвященный обзору китайских и тибетских переводов памятников круга винаи (по рукописям В. П. Васильева), но эта работа не была осуществлена.

В Монголии Тубянский собирал материалы для своей диссертации «Древнеиндийский материализм (по тибетским источникам)», которую он не успел завершить. Он принимал участие в работе монгольских ученых по составлению тибетско-монгольского словаря и написал для него 10 тыс. карточек, которые остались в Монголии. После возвращения на родину Тубянский продолжил эту работу, и по его инициативе АН приняла предложение Научно-исследовательского комитета МНР о совместной подготовке Большого тибетско-монгольского словаря. Словарь был включен в план ИВ, но в 1938 г. работа над ним прекратилась.

В Монголии же Тубянский подготовил «Словарь-справочник по индийской и тибетской медицине» (остался в Монголии). Одновременно он занимался изучением тибетского ламаизма, причем более всего его интересовала религиозно-реформаторская деятельность Цзонкхавы, которого тибетские историки считают основоположником ламаизма. Тубянский подготовил исследование «Ламрима» Цзонкхавы, с переводом, комментариями и словарными указателями. Интересовали Тубянского и более поздние этапы ламаизма; он перевел и прокомментировал сочинения тибетского автора XIX в. Джедоринкхампо «Реформационное движение в ламаизме» и «Сущность Цама»⁶². Важное значение для исследования истории тибетской литературы и тибетского буддизма имел его перевод труда Сумпакханпо «Хронология буддизма в Индии, Тибете и Монголии». Почти все перечисленные работы Тубянского относятся к монгольскому периоду его деятельности и остались в Улан-Баторе. Лишь небольшое из переводов с тибетского, выписок, словарных списков и индексов сохранилось в фонде Тубянского в АВ⁶³.

В ЛО ААН хранится написанный рукою Тубянского проспект большой работы «История освободительной борьбы ки-

---

⁶² Названия взяты из списка трудов, составленного братом Тубянского, не востоковедом по специальности (АВ, ф. 53, оп. 1, № 51), и в настоящее время раскрыты быть не могут.

⁶³ АВ, ф. 53, оп. 1, № 50. Здесь, в частности, хранятся: 1) перевод главы «О материалистах» из тибетского сочинения «Дубта-ченмо»; 2) отрывок из сочинения Джедоринкхампо «Танец хранителей веры», перевод с тибетского; 3) «Цангма». Выписка из тибетского текста и перевод; 4) каталог (dkar-chag) сочинений Рин-хьяна (с указанием места и времени издания); 5) набросок списка источников для индекса тибетских авторов.

тайцев, монголов и тибетцев против маньчжурского ига»⁶⁴. Работа была задумана как коллективное исследование и включена в десятилетний план работ ИВ на 1938—1949 гг. В 1938 г. в план Индо-тибетского кабинета предполагалось включить разработку раздела «Антиманьчжурское движение в Тибете в XVII—XIX вв.». В проспекте Тубянский перечислил тибетские материалы, которые он собирался привлечь для исследования.

О другой теме, которой предполагал заняться Тубянский, мы узнаем из проспекта серии «Библиотека индо-тибетика» и его обоснования, написанного Щербатским⁶⁵. В Монголии Тубянский обнаружил санскритский текст произведения Чатухстава, которое раньше считалось утерянным. В 1932 г. этот текст был прислан в издательство АН, но так и не был опубликован. Для «Библиотеки индо-тибетика» Тубянский должен был подготовить санскритский и тибетский тексты Чатухстава с переводом, комментариями и исследованием. Этим планам не суждено было осуществиться.

Одной из талантливых фигур в советской тибетологии был А. И. Востриков (1904—1942). Он окончил Общественно-педагогическое отделение Факультета общественных наук ЛГУ в 1924 г. и через два года был зачислен практикантом в АМ. С 1928 г. Востриков одновременно работал в ИНБУКе, исполняя обязанности сначала секретаря по Тибету, а затем также и ученого секретаря всего института. В 1929 г. в АМ он был избран научным сотрудником II разряда. С ликвидацией ИНБУКа и реорганизацией АМ Востриков был принят 1 октября 1930 г. на должность ученого хранителя в ИВ, а в 1932 г. получил звание старшего ученого специалиста. Почти вся научная деятельность Вострикова проходила в Индо-тибетском кабинете под руководством Щербатского. Долгое время он исполнял обязанности ученого секретаря кабинета, а в 1937 г., когда в кабинете были созданы Тибетская и Индийская группы, стал руководителем Тибетской группы. Востоковед широкого профиля, он был в равной степени и тибетологом, и индологом (в том числе и санскритологом), и монголистом (в частности, специалистом по бурятскому языку и истории Бурятии). Но особенно активно работал Востриков в области тибетологии. С 1928 по 1932 г. он пять раз был в командировках в БМ АССР для изучения дацанов, их быта, буддизма как религии и как философского учения. Из этих поездок Востриков привез огромное количество тибетских рукописей и ксилографов, большинство из которых было передано в ИВ. Очень тщательно собирал

---

⁶⁴ Ф. 152, оп. 1 (1937), № 41, л. 21.

⁶⁵ Там же, № 41, лл. 13—16.

Востриков и личную библиотеку, которая, по словам Щербатского, представляла собой «ценность совершенно исключительную»⁶⁶.

О научной деятельности Вострикова сохранилось сравнительно немного данных. Лишь небольшая часть того, что он написал, была опубликована при его жизни, остальное составляли рукописи. Все рукописи и материалы Востриков хранил дома, и в АВ они не попали. Очерк о трудах Вострикова, предпосланный вышедшей в 1962 г. его книге «Тибетская историческая литература», к сожалению, не только весьма краток, но и страдает рядом неточностей. Единственный возможный в настоящее время путь восстановления научной биографии Вострикова — это архивные материалы Индо-тибетского кабинета ИВ.

В делах кабинета за 1937 г.⁶⁷ хранится отчет о работах сотрудников кабинета с 1931 по 1937 г., согласно которому были опубликованы следующие работы Вострикова: 1) статья «К библиографии тибетской литературы» (русский текст и английский перевод)⁶⁸, 2) статья «The Nyāyavārtika of Uddyotkara and the Vādanūyā of Dharmakīrti»⁶⁹, 3) монография «Летопись баргузинских бурят»⁷⁰, 4) статья «С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета»⁷¹, 5) статьи «Тибетская литература» и «Тибетский язык» для Литературной Энциклопедии и статья «Тибетский театр» для Театральной Энциклопедии (не опубликована).

К этому списку может быть добавлена монография «Тибетская историческая литература», вышедшая в свет в 1962 г., — важнейшая из работ Вострикова по тибетологии и одновременно единственное сводное исследование по данному вопросу.

Из неопубликованных, но готовых к изданию работ в отчете указаны: 1) «Тибетские хронологические таблицы» (тибетский текст), 2) перевод одного из основных сочинений по истории философии — ньяявартикататпарьятикапаришуддхи. 3) «Logic of Vasubandhu», рукопись, 27 печ. л., отправлена для напечатания в Индию (судьба ее неизвестна), 4) «Table of Logical Reasons by Dignaga» — издание тибетского и монгольского текстов и исследование.

---

⁶⁶ Письмо Щербатского директору ИВ проф. А. П. Баранникову (без даты); см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1938), № 47, л. 21.

⁶⁷ Там же, оп. 1 (1937), № 41, лл. 4—8.

⁶⁸ Русский текст напечатан: БВ, вып. 2—4, Л., (1933) 1934, стр. 19—45; английский текст: «Some Corrections and Critical Remarks on Dr. J. van Manen's «Contribution to the Bibliography of Tibet».— BSOS, VIII, 1935, стр. 51—76.

⁶⁹ IHQ, 1935, vol. XI, № 1, стр. 18—35.

⁷⁰ «Материалы по истории бурят-монголов», — ТИВАН, т. I, 1935.

⁷¹ ЗИВАН, т. IV, 1935, стр. 59—81.

Как известно, Индо-тибетский кабинет ИВ возник одновременно с реорганизацией АМ в 1930 г. Ему были переданы из ИНБУКа все материалы и сотрудники вместе с их темами и планами. Кабинет начал функционировать в следующем составе: заведующий — акад. Ф. И. Щербатской, штатные сотрудники — А. И. Востриков и Б. В. Семичов, научный сотрудник по совместительству — акад. С. Ф. Ольденбург, сотрудник по договорам — Е. Е. Обермиллер. Сотрудники кабинета были одновременно и индологами и тибетологами, в кабинете велись коллективные исследования, в которых принимал участие весь состав кабинета. Деятельность кабинета протекала в трех направлениях: научные исследования и работа над составлением словарей, разбор и описание тибетских ксилографических материалов, составление рабочей библиографии.

До 1932 г. включительно сотрудники ежегодно получали командировки или участвовали в экспедициях в БМ АССР. В 1931 г. в Агинский дацан выезжала целая группа сотрудников: Щербатской, Востриков, Семичов. Обработка материалов, привозимых из этих поездок, также входила в план научных исследований кабинета.

В 1930 г. в план работы кабинета были включены следующие темы по тибетологии, работа над которыми продолжалась и в последующие годы.

1. Составление грамматики тибетского языка. Эта тема была продолжением работы, начатой Востриковым и Щербатским в ИНБУКе. Согласно планам грамматика должна была состоять из двух частей: ч. I, Литературный язык (Щербатской), ч. II, Разговорный язык (Востриков). В дальнейшем тема выпала из планов и отчетов кабинета, и проследить за этапами ее исполнения трудно. По-видимому, в начале 30-х годов были написаны основные разделы грамматики, но она осталась незавершенной. В 1938 г. Щербатской снова включил в план работу над грамматикой. В отчетах и планах за 1938—1941 гг. значится тема — редактирование и подготовка к печати научной грамматики тибетского языка (общим объемом до 30 авт. л.). Весной 1941 г. грамматика была завершена и сдана в издательство. Есть сведения, что текст ее набран, но началась война, набор, видимо, был рассыпан, а рукопись и верстка затеряны. Зимой 1966/67 г. экземпляр верстки грамматики был случайно найден в одной из типографий Москвы, но в ИНА не был возвращен. В 1937 г. в Индо-тибетский кабинет были представлены на обсуждение три статьи по грамматике тибетского языка, написанные по договору сотрудником Китайского кабинета А. А. Драгуновым: «Тибетско-китайские языковые параллели»⁷², «Про-

⁷² Не опубликована.

исхождение тибетских префиксов»⁷³, «Критическое обозрение европейской литературы по тибетской лингвистике»⁷⁴.

2. Составление истории тибетской литературы, сбор материалов по исторической тибетской литературе; обработка курса тибетской литературы, читанного Востриковым в ЛГУ в 1929—1930 гг.; составление хрестоматии по тибетской светской литературе (со словарем). Эта тема числилась в планах Вострикова в течение всего периода его пребывания в институте. В 1931—1932 гг. Востриков занимался выборкой материалов по истории тибетской литературы из хронологических таблиц 1-го Джамьян-шадпы Нгагбанг-дзондуа (1648—1722). В 1932 г. им была подготовлена статья «Библиография тибетской литературы». В 1933 г. в план Вострикова было включено исследование таблиц Нгагбанг-дзондуа («Хронологические таблицы по истории Тибета и истории тибетской литературы»), состоящее из двух частей — тибетский текст (исполнители Востриков и Барадийн) и введение, перевод, именной указатель (с использованием тибетских исторических сочинений, исполнитель Востриков). В 1936 г. тема была завершена, но исследование осталось неопубликованным, и судьба его неизвестна. В 1936—1937 гг. Востриков завершил монографию, посвященную тибетской исторической литературе. Книга, как было указано выше, вышла в свет только в 1962 г.

Тибетской исторической литературой занимался также Обермиллер. В 1930—1931 гг. он прорабатывал тибетские исторические источники (следуя указаниям «Голубых книг»), изучал индийские источники по тибетской историографии (по Манджушримулатантра).

В 1936 г. к изучению важнейших исторических источников приступила Н. П. Ярославцева (позднее Вострикова). В 1936—1938 гг. она планировала подготовку к изданию памятника тибетской исторической литературы «Генеалогия царей» (гэ-раб) 5-го Далай-ламы (издание текста с переводом и исследованием — кандидатская диссертация), но тема не была завершена.

Хрестоматия по тибетской литературе, насколько известно, не была завершена, хотя в 1936 г. она снова была включена в план работы кабинета («Сборник избранных произведений тибетской художественной литературы и поэзии», ок. 25 печ. л., исполнители Щербатской, Востриков, Ярославцева, Чернов, Барадийн и др.).

3. Составление тибетского словаря.

В 1930—1932 гг. росписью текстов и составлением словарных карточек занимались почти все сотрудники кабине-

⁷³ Статья опубликована под названием «Особенности фонологической системы древнетибетского языка», — ЗИВАН, VII, 1939, стр. 284—289.

⁷⁴ Не опубликована.

та. В основу словаря первоначально были положены материалы, готовившиеся в ИНБУКе Востриковым, Обермиллером и Семичовым. В ИВ Обермиллер и Семичов были заняты росписью тибето-монгольских и тибето-тибетских толковых словарей. Востриков разносил на карточки англо-тибетский словарь разговорного языка Ч. Белла. В 1933 г. роспись источников для словаря была временно прекращена, так как сотрудники подготавливали к изданию Артхашастру, составляли терминологический словарь к ней и т. п. В 1935 г. для росписи текстов и составления карточек словаря на договорных началах был привлечен Д. Ц. Цыденов. В том же году в кабинет были приняты молодые тибетологи Н. П. Ярославцева и Дугаров, а также аспирант Г. К. Папаян, которые стали работать над словарем. К 1938 г. планировалось подготовить к изданию тибетско-русско-английский словарь, отражающий прежде всего лексику современного языка, объемом около 35 печ. л. Основная часть работы над словарем выполнялась Ярославцевой; Цыденов занялся сбором терминологических материалов для толкового тибетского словаря. Пришедшая в 1937 г. в кабинет Е. Н. Козеровская расписывала тексты «Дзан-луна» для словаря классического языка. К 1938 г. почти вся словарная работа была прекращена, так как в кабинете из тибетологов осталась одна лишь Козеровская.

29 января 1938 г. дирекция института предложила кабинету разработать новый проект словаря. Проект был подготовлен Щербатским и Козеровской при участии сотрудника Монгольского кабинета Б. И. Панкратова. В нем значилось: «Ввиду небольшого числа сотрудников условно считать срок выполнения 5 лет. Характеристика словаря: практический учебный словарь. Объем: принять за основу словарь Ешке, добавляя материал словаря Даса. Использовать индексы Владимирцова, Обермиллера, Веллера». Работу над словарем вела одна Козеровская. В результате в 1939 г. Щербатской, который к этому времени уже не мог принимать активного участия в работах кабинета, подал в дирекцию докладную записку, в которой указывал, что «составление тибетско-русского словаря, начатое по плану в 1938 г., — мероприятие нереальное: 1) в осуществлении работы принимает участие один сотрудник — Козеровская, 2) работа состоит в переписывании карточек уже готового словаря. Дальнейшие перспективы работы неясны». В 1940—1941 гг. работа над словарем фактически прекратилась. Картотеки, явившиеся плодом многолетней работы сотрудников кабинета, за годы войны были утрачены. В настоящее время в АВ хранится лишь несколько ящиков с росписью карточек словаря Белла, написанных рукою Ярославцевой.

4. В 1930—1932 гг. в план работы кабинета была вклю-

чена тема «Изучение естественных наук, медицины и фармакологии (в контакте с Ботаническим музеем)». Этой темой занимался Б. В. Семичов, который подготовил описание коллекции лекарственных растений Ботанического сада (250 номеров) и совместно с А. Ф. Гаммерман написал и опубликовал в «Сибирском сборнике» Ботанического сада статью «Описание коллекций тибетских лекарственных продуктов главного Ботанического сада АН». Одновременно Семичов готовил к изданию индекс тибетских лекарств по тибетским литературным источникам (в частности, по «Шел-пхрен», около 800 названий). В 1932 г. он закончил статью «Лекарственные растения Индии», которая не была опубликована. Помимо этой темы, а также словарной работы и обработки тибетских рукописей и ксилографов Семичов принимал участие в двух коллективных трудах кабинета: перевод Артхашастры и перевод сборника палийских джатак. В его научные интересы входило также изучение буддийских философских текстов. Он подготовил к изданию санскритский и тибетский тексты философского трактата Кармасиддхи и его перевод на русский язык.

5. Изучение буддийских философских текстов, подготовка к изданию индийских и тибетских памятников. Над буддийскими философскими сочинениями работали все сотрудники кабинета. Самостоятельными исследованиями в области буддийской философии занимались Щербатской и Обермиллер. Щербатской в 30-е годы работал над несколькими темами: диалектический материализм и диалектический идеализм по тибетским источникам; буддийская логика⁷⁵. На 1936—1942 гг. были запланированы с участием Щербатского две темы: 1) исследование философии школы йогачаров, перевод основного трактата этой школы Мадхьянтавибханга (VIII в.) с комментариями, 2) издание текста (с переводом) одного из важнейших трактатов школы йогачаров — Махасанграха (автор Асанга), — совместно с Востриковым. Щербатской подготовил к изданию три части Мадхьянтавибханга, первая часть увидела свет⁷⁶, рукописи двух остальных в архиве Щербатского не обнаружены. Вторая тема не была осуществлена.

В издании памятников индийской и тибетской философии и истории философии активное участие принимал Востриков. В 1934 г. он запланировал работу «Основные течения тибетской философии по сочинению Тугвана (1732—1802) «Дубта-Шелджимелон» (общий объем до 60 печ. л.). Работа должна была издаваться семью выпусками. Первый был подготовлен

⁷⁵ Th. I. Stcherbatsky, *Buddhist Logic*, vol. I, Leningrad, 1932.

⁷⁶ «Madhyānta-Vibhanga, Discourse on Discrimination between Middle and Extremes, Ascribed to Bodhisattva Maitreya and Commented by Vasubandhu and Sthiramati», М.—Л., 1936, (BB, XXX).

в 1934 г.; второй и часть третьего — в 1935 г.; часть третьего и четвертый — в 1936 г.; пятый, шестой и седьмой выпуски планировались на 1937—1940 гг. и не были завершены. Не было осуществлено и другое исследование, которое Востриков предполагал выполнить совместно с Н. А. Невским в 1937 г., — «Трактат Атиши Сатйадвайаватара „Введение в учение о двух истинах — абсолютной и относительной“ (тибетский и тангутский тексты, перевод, примечания, словарь)».

В 1936 г. Востриков и Щербатской начали подготовку к изучению знаменитого историко-астрологического трактата IX—X вв. Калачакра, санскритский и тибетский тексты которого предполагалось издать к концу 1938 г. Для издания были привлечены три рукописи этого произведения: санскритский текст, переписанный в Индии по заказу И. П. Минаева, и фотокопии с двух тибетских рукописей, хранящихся в Лондоне и Кембридже. Материалы, связанные с этой работой, в настоящее время в архиве Щербатского не обнаружены.

6. В планах кабинета 1932—1934 гг. значилась тема «Политико-экономический строй современного Тибета», которой занимался Востриков. В 1932 г. он начал сбор материалов по аграрному вопросу в Тибете. Им был прочитан доклад «Очерки аграрного вопроса в Тибете». В 1933 г. работа над темой продолжалась, и 25 февраля 1933 г. в Монгольском кабинете ИВ Востриков сделал доклад «О теократизме в Тибете». В результате нескольких поездок в БМ АССР у Вострикова накопился большой материал о деятельности дацанов и ламаизме в его современной форме, который он предполагал использовать в книге «Ламаизм и его классовая сущность» (книга не была написана). В 1934 г. тему по аграрному вопросу в Тибете пришлось снять ввиду невозможности осуществить командировку в Тибет для сбора материала.

Таковы основные направления работ по тибетологии, которые выполняли сотрудники кабинета в 1930—1941 гг.⁷⁷ Индо-тибетский кабинет ИВ был единственным научным учреждением в СССР, где занимались изучением Тибета. И несмотря на обширные и разносторонние планы и большой объем выполняемых работ, все время ощущался острый недостаток научных кадров. С увеличением числа сотрудников кабинета, работающих над исследованием проблем современной Индии, вставал вопрос о целесообразности разделения кабинета. Дискуссии по этому поводу развернулись уже в начале 30-х годов. Индо-тибетский кабинет все же оставался единым целым, хотя, по мнению Щербатского,

---

⁷⁷ В планах и отчетах кабинета за 1930—1934 гг. значатся две большие темы по индологии, в которых принимали участие все сотрудники кабинета, независимо от их специальных занятий: перевод Артхашастры под руководством Щербатского и перевод палийского сборника джатак под руководством Ольденбурга.

«единственная в мире по своей ценности коллекция материалов по Тибету (рукописей и ксилографов) делает возможным выделение Тибетского кабинета в самостоятельный»⁷⁸. В ноябре 1935 г. Востриков подал в дирекцию докладную записку о целесообразности разделения кабинета на Тибетский и Индийский. В записке говорилось: «Создание и существование единого кабинета было обусловлено недостатком соответствующего числа специалистов, а также тем обстоятельством, что отдельные работники сочетали в своем лице специалистов по санскритским и тибетским материалам. В настоящее время появились чистые индологи — Баранников, Бескровный, Чаттопадхья — и чистые тибетологи — Ярославцева, Папаян, Дуганов. Совместное существование индологов и тибетологов в пределах одного кабинета вело к двум нежелательным следствиям: 1) слабое развитие тибетоведения, и так отстающего звена, 2) преобладание буддийской тематики, которая только и может объединить индологов и тибетологов»⁷⁹.

В 1936 г. был создан Новоиндийский кабинет, куда перешли большинство индологов из Индо-тибетского кабинета, но последний продолжал существовать. В марте 1937 г. Индо-тибетский кабинет был разделен на Индийскую и Тибетскую группу. Руководителем Тибетской группы был назначен Востриков. Но к августу 1937 г. из восьми сотрудников и аспирантов остались лишь Щербатской и Козеровская.

В сентябре 1937 г. кабинет был пополнен индологами В. И. Кальяновым и М. А. Ширяевым. Щербатской отказался от руководства кабинетом, и кабинет фактически остался без руководителя до 1941 г. Почти все темы по тибетологии были сняты⁸⁰. Из докладной записки Щербатского, поданной им в 1939 г. в дирекцию ИВ⁸¹, видно, что работа «по обработке Тибетского фонда, начатая несколько лет тому на-

---

⁷⁸ Выше отмечалось, что в 1930 г. в кабинете работали Щербатской, Востриков, Семичов, Ольденбург (по совместительству) и Обермиллер (по договорам). Все пять были и индологами и тибетологами. В 1932 г. Семичов перешел в МАЭ, а в кабинет были приняты сотрудники-индологи: А. Мухарджи (зам. зав. кабинетом), М. Арронет, М. И. Кукс и В. М. Бескровный. Группа индологов в кабинете усилилась, новые сотрудники в основном занимались проблемами современной Индии. В 1933 г. в штат кабинета был привлечен проф. А. П. Баранников. В 1934 г. в составе кабинета работали Щербатской, Востриков, Баранников, Обермиллер, Бескровный, аспиранты Троицкий и Папаян, сотрудники по договорам Чаттопадхья и Дуганов.

⁷⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 31, лл. 39—41.

⁸⁰ Щербатской занимался подготовкой к изданию грамматики тибетского языка и переводом Мадхьянтавибханга, Козеровская — словарной и библиографической работой (см. выше историю составления тибетского словаря).

⁸¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1939), № 46, л. 15.

зад, прекратилась на полпути и в настоящее время мы имеем законченной лишь часть инвентарных книг». Карточного каталога нет, и тибетский фонд «не доступен для ознакомления лицам, желающим заниматься тибетской филологией». Щербатской просил дирекцию привлечь для каталогизации фонда студентов ЛГУ⁸². В планах и отчетах кабинета за 1939—1941 гг. нет никаких сведений о возобновлении работы над Тибетским фондом. Многочисленные поступления ксилографов в 20—30-х годах, составляющие две трети фонда, начали обрабатываться только в 1966 г. Ленинградская тибетология оказалась в критическом положении из-за отсутствия кадров.

Вопрос о кадрах неоднократно поднимался Щербатским и Востриковым еще с первых дней существования кабинета. В 1932 г. в Президиум АН впервые была подана докладная записка за подписями Щербатского и Вострикова о задачах Индо-тибетского кабинета⁸³. В записке отмечалось, что исследования по тибетологии разворачиваются очень медленно, хотя Тибет вызывает большой интерес в мире по ряду причин. Далее следовало предложение создать в одном из вузов кафедру тибетологии и ввести преподавание тибетского языка на кафедрах, готовящих специалистов смежных специальностей.

Сходная по содержанию докладная записка была подана в 1934 г. на имя НС АН СССР и председателя комитета по подготовке кадров акад. В. П. Волгина. Подготовка кадров была отмечена как главная задача и в перспективном плане работы кабинета на семилетие (1936—1942). В плане было указано, что «АН СССР располагает богатейшим в научном мире собранием тибетских рукописей и ксилографов. Трудями наших прежних ученых — акад. Я. Шмидта, А. Шифнера и особенно Васильева наша Академия наук завоевала главенствующее положение в мировой тибетологии... главной задачей в области тибетоведения является подготовка новых кадров научных работников, способных ответить конкретным научным трудом на многочисленные и разнообразные проблемы современного и прошлого состояния Тибета и его культуры»⁸⁴. Преподавание тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ (на китайской кафедре) началось только с 1953 г., а прием на Тибетское отделение на этой кафедре впервые был проведен лишь в 1955 г.

1945—1968 гг. После окончания войны изучение Тибета

---

⁸² В 1939 г. для написания каталожных карточек были привлечены студенты ЛГУ И. С. Рабинович и И. Д. Серебряков. Весной 1940 г. после окончания ЛГУ Рабинович был принят в аспирантуру по тибетскому языку, но через 3 месяца мобилизован в РККА.

⁸³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33, лл. 41—52.

⁸⁴ Там же, оп. 1 (1936), № 34, лл. 2—9.

в стенах ИВ долгое время не могло возобновиться из-за отсутствия кадров. Тибетолог К. М. Черемисов⁸⁵, продолжавший обработку Тибетского фонда, не занимался научными исследованиями. Тибетский фонд оказался самостоятельной единицей, не входящей ни в один из кабинетов института. Положение не улучшилось и с возвращением из Китая Б. И. Панкратова, который 7 мая 1948 г. был зачислен старшим научным сотрудником в Сектор китайской филологии, а с 1 сентября того же года исполнял обязанности ученого секретаря Рукописного отдела. В обработке Тибетского фонда он не принимал участия.

После реорганизации ИВ в 1950 г. Черемисов перешел на работу в Москву; работа в Тибетском фонде совершенно прекратилась. Фонд фактически был законсервирован, пользоваться им стало невозможно из-за отсутствия хранилища.

Летом 1951 г. в Сектор восточных рукописей был принят на работу молодой сотрудник В. С. Воробьев-Десятовский (1928—1956), только что окончивший Восточный факультет ЛГУ по специальности индология. В университете Воробьев-Десятовский занимался тибетским языком под руководством Черемисова. В ИВ ему были поручены систематизация и описание многоязычных фондов индийских и центральноазиатских рукописных памятников. С этими материалами связано большинство научных трудов Воробьева-Десятовского. Можно выделить также его работы, касающиеся тибетских документов на дереве из района озера Лоб-Нор. Изучению этих документов Воробьев-Десятовский посвятил три статьи, которые по глубине и четкости решения различных исследовательских задач входят в число лучших работ в этой области⁸⁶.

Воробьеву-Десятовскому принадлежит заслуга возобновления преподавания тибетского языка на Восточном факультете ЛГУ. В 1953 г. он начал вести курс тибетского языка

---

⁸⁵ Монголист по образованию, Черемисов начал заниматься тибетским языком у Вострикова и Щербатского; в годы войны работал в Улан-Удэ, где продолжал изучать язык. Был принят в ИВ в 1946 г. До 1946 г. К. М. Черемисов написал ряд статей по грамматике бурятского языка, издал словарь этого языка (12 тыс. слов) и подготовил тибетско-русский словарь — индекс к тексту «История буддизма» Бутона (географические названия, собственные имена, названия сочинений индийских и тибетских авторов) — 30 авт. л., а также издание текста хронологических таблиц 2-го Джамджан-шадпы (1648—1722), но эти работы не изданы.

⁸⁶ В. С. Воробьев-Десятовский, Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым, — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 167—175; его же, Тибетский документ на дереве из района озера Лоб-Нор, — ЭВ, т. VII, 1953, стр. 70—76; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. VIII, 1953, стр. 77—85; его же, Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор, — там же, т. X, 1955, стр. 68—72.

у китаистов, а с 1955 г. преподавал на вновь открытом Тибетском отделении китайской кафедры язык и введение в тибетологию. Воробьев-Десятовский проработал в ИВ всего пять лет, до июня 1956 г., однако именно с него началось возрождение тибетологии в стенах ИВ.

В сентябре 1956 г. К. М. Черемисов и Б. И. Панкратов по заданию администрации Рукописного сектора ИВ составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах института, в которой были перечислены тибетские памятники и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании. В этой же докладной записке был вновь поднят вопрос о приведении в порядок тибетского ксилографического и рукописного фонда.

В 1957 г. в СССР вернулся один из крупнейших тибетологов, Ю. Н. Рерих (1902—1960)⁸⁷, поселившийся в Москве и работавший в ИВ. Ленинградские тибетологи поддерживали с ним тесные научные контакты.

В настоящее время работа тибетологов ЛО связана прежде всего с разбором и описанием фонда тибетских рукописей и ксилографов, что входит в план Воробьевой-Десятовской и Савицкого. М. И. Воробьева-Десятовская занимается также исследованием грамматики тибетского языка VII—XI вв.⁸⁸ Л. С. Савицкий изучает тибетскую апокрифическую литературу (псевдоэпиграфы агиографического содержания)⁸⁹. Сотрудник китайского кабинета А. С. Мартынов занимается историей тибетско-китайских отношений при династиях Мин и Цин⁹⁰.

---

⁸⁷ Жизненный и научный путь Рериха подробно изложен в предисловии «Памяти Ю. Н. Рериха» (стр. 7—18) к его книге «Тибетский язык», написанном Г. М. Бонгард-Левиним и А. М. Пятигорским; см. также некролог: «Ю. Н. Рерих», — ПВ, № 3, 1960, стр. 338—339.

⁸⁸ См. статьи: М. И. Воробьева-Десятовская, Временные формы в тибетском глаголе VII—XI вв., — НАА, 1966, № 4, стр. 176—183; ее же, Сложные глагольные формы в тибетском языке VII—XI вв. (тезисы), — ПИКНВ, II, стр. 52—54.

⁸⁹ Л. С. Савицкий окончил в 1960 г. Отделение тибетской филологии Восточного факультета ЛГУ; см. его статьи: «Памятник тибетской апокрифической литературы „Кадам-легбам“ (XV в.)», — сб. «Восточная текстология» (в печати); «О некоторых особенностях тибетской литературы XIV—XVI вв.», — сб. докладов научной конференции «Жанры и стили литератур Дальнего Востока» (в печати); «Некоторые вопросы истории и датировки „Завещаний“ Сронгцзан-гампо (тезисы)», — ПИКНВ, III, стр. 26—28.

⁹⁰ А. С. Мартынов, китаист-филолог, в 1957—1960 гг. был аспирантом ЛО ИНА (руководитель Б. И. Панкратов), сейчас — сотрудник Китайского кабинета; см. его статьи: «О некоторых особенностях политики цинского правительства в Тибете в конце XVIII в. (Предыстория маньчжурского похода на Непал в 1792 г.)», — сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 243—263; «О первых чеканках монеты в Тибете», — КСИНА, № 69, 1965, стр. 197—202; «Об одной специфической черте восточного государства», — сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 220—221.

Подводя итог почти 250-летней истории отечественной тибетологии, одной из старейших востоковедных дисциплин русской науки, можно с полным основанием сказать, что она прошла путь, богатый замечательными исследованиями языка, истории, философии и литературы «страны снегов» — Тибета, а также Центральной Азии.

Блестящая плеяда академиков (Я. И. Шмидт, А. А. Шифнер, В. П. Васильев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской) и их ученики своими трудами выдвинули русскую и советскую тибетологию на ведущее место в мире. После некоторого перерыва растут, хотя и весьма медленно, ряды тибетологов и качество их подготовки. Отечественная тибетология постепенно возвращается на ту позицию, которую она занимала в 20—30-е годы XX в. — время ее расцвета⁹¹. И залогом осуществления этого служит наличие в ЛО ИВ богатейшего и крупнейшего (среди европейских, американских и японских собраний) тибетского фонда рукописей и ксилографов — хранилища целого ряда уникальных материалов тибетской письменной культуры.

---

⁹¹ На Восточном факультете ЛГУ преподает тибетский язык и литературу Б. И. Кузнецов (китаист-филолог, в 1956—1959 гг. — аспирант ЛГУ под руководством Б. И. Панкратова); он перевел XVIII глосу сочинения «Джалраб-салваимелонг» (Б. И. Кузнецов, Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных», Л., 1961) и издал критический текст этого произведения (B. I. Kuznetsov, *Rgyal rabs gsal ba'i melong. The Clear Mirror of Royal Genealogies. Tibetan Text in Transliteration with an Introduction in English*, Leiden, 1966).

В БКНИИ СО АН СССР (Улан-Удэ), где имеется тибетский фонд (см. Б. Д. Дандарон, Описание тибетских рукописей и ксилографов, Улан-Удэ, вып. I, 1960; вып. II, 1965), работает группа тибетологов: Б. В. Семичов, Р. Е. Пубаев, Б. Д. Дандарон, Бал-Доржи Бадараев, К. М. Герасимова.

Тангутоведение

Тангутоведение — изучение письменности, языка, истории и культуры тангутов Ся, — народа, создавшего в 982—1227 гг. в самом центре Азии довольно могущественное государство Великое (Да) или Западное (Си) Ся с самобытной культурой, — сравнительно молодая отрасль востоковедения. Важную роль в ее развитии и становлении сыграла русская наука.

Н. Я. Бичурин первым очень подробно ознакомил европейскую науку с китайскими сведениями о тангутском государстве¹. Его переводы не утратили научной ценности и по сей день, хотя, конечно, пользоваться ими нужно с учетом развития китаеведческой науки за последние сто лет.

Подлинная история тангутоведения в Азиатском музее — ЛО Института востоковедения началась с того времени, когда ценнейшая библиотека книг на тангутском и китайском языках была привезена в Петербург в помещение РГО. Это произошло в 1908 г.

19 марта 1908 г. отряд экспедиции РГО, возглавляемый уже тогда прославленным путешественником П. К. Козловым, вступил в мертвый город Хара-Хото, расположенный неподалеку от одного из протоков устья реки Эдзин-гол, город, который семь веков назад был одним из двенадцати военно-административных центров тангутского государства. Уже первые находки в Хара-Хото, присланные в Петербург, свидетельствовали об их исключительной научной ценности и о необходимости продолжения исследований. Козлову было предложено весной 1909 г. вновь посетить Хара-Хото и произвести тщательное обследование мертвого города. 30 мая 1909 г. были начаты раскопки субургана, стоявшего метрах в четырехстах от западной стены города. Вот как позднее сам П. К. Козлов описывал, что увидели путешественники, когда они сняли вершину субургана: «Он оказался весь на-

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), История Тибета и Хухунора, СПб., 1833.

битый сокровищами. Едва сняли его верхушку, как открылись книги, стоящие целыми сотнями на полках, в полном порядке, в шелковых переплетках (более 2 тыс. книг). Откопали множество разноцветных образов на полотне и шелке, расписанных красной, голубой и золотой краской. Попадались бронзовые статуэтки. И не перечить всего, что дал знаменитый субурган»².

Честь первого разбора этих памятников выпала на долю А. И. Иванова и В. Л. Котвича.

Профессору А. И. Иванову принадлежит несомненная и видная заслуга в разборе и первой систематизации материалов Тангутского фонда. По-видимому, самым ранним и важнейшим результатом его работы были находки, определение и описание тангутско-китайского (и практически одновременно китайско-тангутского) словаря «Жемчужина в руке»³. Правда, А. И. Иванов допустил ошибку в чтении китайских бинотинных транскрипций словаря и ввел в заблуждение Б. Лауфера, сделавшего на материале публикации А. И. Иванова некоторые неточные выводы, но важно другое — неизученные тангутское письмо и язык получили реальную основу для их дешифровки. Иванов ознакомил с фотокопиями словаря ученых Китая, и один из них, Ло Фу-чан, в 1914 г. дал первое описание языка и письменности тангутов, сохранившее ценность и в наши дни.

Поступившие в АМ тангутские рукописи и ксилографы первоначально были разобраны по форматам и в большинстве своем проштампованы печатью АМ, а затем зашифрованы. При шифровке, по-видимому, за исходный признак был взят способ брошюровки и размеры книги: книги-бабочки, книги-гармоники, книги-свитки и т. п. Был ли одновременно составлен инвентарь фонда — неизвестно, а поскольку шифровка производилась без определения и записи рукописи в инвентарь, она практически оказалась бесполезной. Многие книги сильно пострадали от времени и при перевозке, большинство оказались разрозненными на несколько частей, и поэтому произвести унификацию фонда и его полную первичную обработку без знания языка было невозможно.

А. И. Иванов, перегруженный многими другими делами, все-таки пытался решить эту задачу — создать словарь тангутской письменности, позволяющий если не читать рукописи, то хотя бы разбираться в них. В 1916 г. он выпустил очень нужную для составления словаря работу⁴, в которой тангутский текст был снабжен параллельным китайским «переводом»

² АГО, ф. 18, оп. 1, № 65.

³ А. И. Иванов, Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache, — ИИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 1221—1233.

⁴ Сутра «Восхождение Майтрейи на небо Тушита», тангутский текст издал и китайским переводом снабдил А. И. Иванов, Пг., 1916.

дом», точнее, подстановкой к каждому знаку тангутского текста соответствующего ему знака из китайского оригинала, с которого был сделан перевод. Иванов прекрасно понимал, что для составления словаря нужно сличение китайских и тангутских текстов одинакового содержания, и начал осуществлять такую работу. Публикация Иванова предвосхитила вышедшее через 16 лет многотомное издание Ван Цзинжу аналогичного содержания. Из этой публикации Иванова можно сделать и другой вывод: он самостоятельно и первым определил целый ряд тангутских памятников. Позднее он сообщил об этом в одной из своих статей ⁵.

Большой заслугой Иванова было и то, что он нашел, определил и кратко описал тангутские толковые словари «Море письмен», «Море письмен, смешанные категории» и «Гомофоны». Благодаря его заботам, последний словарь был скопирован Ло Фу-чаном и опубликован в Китае. К 1918 г. Иванов делает еще один существенный шаг вперед — он составляет «Словарь тангутского письма», который в 1918 г. был «уже близок к завершению» ⁶. Готовая к опубликованию рукопись словаря, к сожалению, не была издана. Но и без этого имя Иванова навсегда вошло во все обзоры тангутоведения. Он был первым ученым, работавшим над Тангутским фондом, он не только определил многие его ценные памятники, но и познакомил с ними мировую науку, немало сделал для того, чтобы появившееся на свет тангутоведение продолжало развиваться.

Надо сказать, что сотрудники АМ АН понимали значение Тангутского фонда (в 1920 г. В. М. Алфксеев писал, что он «имеет исключительное и мировое значение» ⁷) и пытались найти энтузиастов, готовых для «езды в незнаемое». Поэтому в то время, когда все 20-е годы А. И. Иванов был занят на дипломатической службе в Пекине, к работе над Тангутским фондом пытались привлечь молодого лингвиста А. А. Драгунова. Работа с фондом никогда не была для Драгунова основной, но он занимался ею в разные годы своей жизни и сделал немало. Итогом его деятельности были список определенных им произведений коллекции (41 наименование) ⁸ и ценное исследование о биноминарной транскрипции в тангутско-китайском словаре ⁹. Статья Драгунова, одного из крупнейших лингвистов своего времени, до

⁵ А. И. Иванов, Памятники тангутского письма, — ИРАН, 1918, № 8, стр. 799—800.

⁶ Там же, стр. 800.

⁷ Аз. Муз. Памятка, стр. 64.

⁸ А. А. Драгунов, A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum of Academy of Sciences, Leningrad, — «Bulletin of the National Library of Peiping», 1930, vol. 4, № 3, стр. 367—368.

⁹ А. Драгунов, Binoms of Type [...] in the Tangut-Chinese Dictionary, ДАН-В, 1929, стр. 145—148.

сих пор остается ценным пособием для реконструкции тангутского языка.

Второй этап работы Драгунова с тангутскими рукописями и ксилографами был связан с инвентаризацией фонда. Эту работу Драгунов продолжал вплоть до переезда в Москву вместе с ИВ в 1951 г. Драгуновым записано 2720 единиц хранения (№ 956—3675). Им была проделана большая и нужная работа, но можно только сожалеть, что такой лингвист, как Драгунов, не занялся реконструкцией тангутского языка.

С 1925 по 1929 г. разборкой тангутских книг по форматам занимался К. К. Флуг. Однако подлинный переворот не только в советском, но и мировом тангутоведении был сделан Н. А. Невским. Та работа, которую он проделал, могла быть выполнена только в Ленинграде, так как именно здесь хранилось уникальное собрание памятников тангутской письменности. Коллекции Британского музея, Пекинской библиотеки и Библиотеки Тэнри (Япония) не могли идти ни в какое сравнение с ленинградской, более того, они требовали большой подготовительной работы, которая могла быть проделана только в Ленинграде.

Действительно, для того чтобы начать читать тангутские тексты, нужен был словарь, а его проще и удобнее было составить на материалах «Жемчужины в руке» и тангутских словарей «Гомофоны», «Море письмен», «Море письмен, смешанные категории» и путем чтения текстов, переведенных на тангутский с китайского, не только буддийских, но и таких, как переводы китайских классических книг, китайских военных трактатов, наконец, путем чтения оригинальных тангутских сочинений.

Н. А. Невский, еще будучи в Японии, куда он был послан Петербургским университетом в научную командировку в 1915 г., в середине 20-х годов заинтересовался вопросами тангутоведения. Летом 1925 г. он посетил Пекин, где встретился со своим бывшим университетским учителем А. И. Ивановым. Иванов охотно поделился с Невским теми материалами, которыми он располагал. В итоге работы над ними появились первые труды Невского по тангутоведению: «О тангутских словарях»¹⁰ и «Краткое руководство к тангутским иероглифам с тибетской транскрипцией»¹¹. Тесные личные связи Невского с его учителем акад. В. М. Алексеевым и акад. С. Ф. Ольденбургом позволили ему получать нужные для работы материалы из коллекции АМ, но не могли заменить непосредственной возможности каждый день работать над тангутскими рукописями. Такая возможность

¹⁰ В кн.: Н. А. Невский, Тангутская филология, кн. I, М., 1960, стр. 95—106.

¹¹ N. Nevsky, A Brief Manual of Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions, — «Research Review of the Osaka Asiatic Society», 1926, № 4.

представилась, когда в 1929 г. Невский наконец смог возвратиться на родину. 29 декабря 1929 г. он выступил на очередном заседании Коллегии востоковедов с докладом «Обзор изучения тангутского (Си Ся) языка и письменности»¹².

С приездом Н. А. Невского можно было начать широкое и углубленное исследование коллекции, и поэтому вопрос об организации изучения Тангутского фонда АМ стал предметом рассмотрения майской сессии АН СССР 1930 г. В своем докладе на этой сессии акад. В. М. Алексеев говорил: «Наш долг перед мировой наукой требует, чтобы мы создали, как давно не производили, нечто полезное для мировой науки — во всех странах интересуются тангутским шрифтом»¹³. В плане работ АМ на 1930—1931 гг. было записано: «Содержание подавляющего большинства тангутских рукописей и особенно фрагментов до сих пор еще не установлено, поэтому систематизация и составление каталога рукописей непосредственно связаны и должны идти параллельно с их расшифровкой. В связи с этим в пятилетний план включаются работы по составлению на основе имеющихся в АН материалов возможно полного тангутско-русского словаря»¹⁴. Выполнение этих двух заданий и было поручено Н. А. Невскому, который еще в Японии начал составление словаря тангутских иероглифов.

Многое из того, что было сделано Невским по тангутоведению и составило золотой фонд русской науки, было исполнено за короткий семилетний срок, полный напряженного в буквальном смысле этого слова, самоотверженного труда. Невский записал в инвентарь 955 единиц, в их число вошли почти все наиболее ценные памятники коллекции, и каждая запись — это маленькое исследование. У Невского составление каталога рукописей и ксилографов было непосредственно связано с «их расшифровкой», как это было записано в плане. Более того, одновременно это была и работа по расшифровке значений тысяч тангутских письменных знаков и составлению словаря.

Невского интересовало все, что касалось тангутской проблемы. В 1935 г. он составил первый обзор коллекции — «Тангутская письменность и ее фонды»¹⁵ — и сделал доклад о нем на сессии АН СССР. В ответ на это Группа востоковедения АН СССР вынесла следующее решение:

¹² ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1929), № 15, л. 16.

¹³ ЛО ААН, ф. 820, оп. 2, № 153, л. 10. По этому докладу ООН АН СССР 25 мая 1930 г. постановило: доклад принять к сведению и поручить Группе востоковедения проработать все практические выводы, которые могут быть из этого сделаны, чтобы к следующей сессии практические предложения по поднятому вопросу внести на заседание ООН (там же, ф. 2, оп. 1 (1930), № 138а).

¹⁴ Там же, № 148.

¹⁵ В кн.: Н. А. Невский, Тангутская филология, I, стр. 74—94.

«1. Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всего вновь открываемого Н. А. Невским материала ходатайствовать перед Президиумом АН о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению.

2. Считать целесообразным полное переключение Н. А. Невского на изучение Тангутского фонда ИВ»¹⁶.

Только непосредственное знакомство с архивом Невского может наглядно показать, какую огромную по объему работу проделал за эти годы один человек. И это с полуизученным письмом, когда для того, чтобы сделать каждый новый шаг вперед, нужно прежде вырубить ступень в скале непознанно. Поэтому Невского интересует все: составление словаря, без которого не поступишься к фонду; проблема характера тангутского письма — и он начал работать над этой темой; проблема реконструкции звучания тангутского языка — и он тоже очень основательно стал изучать ее, о чем свидетельствуют его частные реконструкции, сделанные на уровне науки тех лет¹⁷; его архив изобилует выписками из памятников тангутской письменности, попытками их переводов, лишь немногие образцы из которых опубликованы.

Имя Н. А. Невского теснее, чем имя любого другого исследователя тангутской письменности, связано с ее «дешифровкой». Мы взяли это слово в кавычки потому, что, строго говоря, дешифровки тангутского письма в обычном понимании этого слова не было. Работа Г. Девериа с Лянчжоуской стелой и С. Бушеля с монетами дали слишком малые результаты, чтобы говорить о дешифровке неизвестного письма и языка. М. Морис, который сопоставлял китайский и тангутский тексты Лотосовой сутры, опознал последнюю по пометкам какого-то неизвестного лица и гравюре, и его работа больше, чем чья-либо другая, была работой дешифровщика, но полученные результаты были невелики. В дальнейшем проблема дешифровки тангутского письма была снята находкой тангутско-китайского словаря «Жемчужина в руке». Вся последующая задача состояла отныне в определении при помощи материалов данного словаря и прочих уже известных знаков текста памятника, отыскании китайского или тибетского оригинала, с которого был сделан перевод на тангутский язык, и пополнении количества известных знаков путем последовательного сличения текстов. Это не было дешифровкой неизвестного письма в строго научном смысле слова, но это была тяжелая и совершенно необходимая работа, которая полностью не завершена, ибо до сих пор в тангутских текстах мы наталкиваемся на неиз-

---

¹⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 21.

¹⁷ См. ст. «О наименовании тангутского государства», — Н. А. Невский, Тангутская филология, I, стр. 33—51.

вестные знаки. Н. А. Невский был тем исследователем, который один проделал подавляющую часть такой работы. Благодаря его многолетнему кропотливому труду мировая наука получила словарь — базу для дальнейших исследований.

В 1960 г. был издан словарь, работу над которым ученый так и не успел завершить. Присуждение в 1962 г. (посмертно) Н. А. Невскому Ленинской премии было признанием его выдающихся заслуг перед отечественной наукой. Газета «Правда» от 3 апреля 1962 г. (статья акад. Н. И. Конрада и канд. филол. наук В. В. Иванова) так оценила научное наследие покойного ученого в области тангутоведения: «Эта сложная работа была по силам только исследователю, знавшему китайский и тибетский языки, с которых сделаны тангутские переводы, и не в их современном состоянии, а в том состоянии, в каком они находились 8—10 веков назад. Кроме того, надо было знать буддийскую и китайскую литературу самого различного содержания настолько хорошо, чтобы по одному расшифрованному куску тангутского текста понять, с какого именно сочинения сделан перевод. Словом, необходимо было в совершенстве владеть всем комплексом филологических знаний. Именно потому, что Н. А. Невский обладал всеми этими знаниями, он смог проделать работу, ставящую его в один ряд с великими открывателями древних письменностей».

После Невского постепенный разбор Тангутского фонда до войны и после войны вплоть до переезда в Москву вел А. А. Драгунов.

Когда же Драгунов покинул Ленинград, его работу продолжала сотрудник Сектора восточных рукописей ИВ З. И. Горбачева. Горбачева многое сделала для того, чтобы вновь привлечь внимание научной общественности и к Тангутскому фонду и к научному наследию Н. А. Невского. В 1954 г. она опубликовала информацию о Тангутском фонде и в этой статье, в частности, отмечала: «К сожалению, за последние годы систематической работы над коллекцией не велось. Необходимо возобновить ее, продолжить дешифровку тангутских иероглифов с целью пополнения тангутского русского словаря. Это даст возможность ввести в научный оборот уникальную небуддийскую часть коллекции, не имеющую себе равной ни в одной из других коллекций за рубежом»¹⁸.

Горбачева первая познакомила читателя с материалами архива Н. А. Невского¹⁹ и отметила его выдающиеся за-

¹⁸ З. И. Горбачева, Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 88.

¹⁹ З. И. Горбачева, Материалы по тангутоведению Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Архив Н. А. Невского), — КСИВАН, вып. XVIII, 1956, стр. 66—73.

слуги в области тангутоведения²⁰. Отечественная и мировая востоковедная наука должна быть признательна З. И. Горбачевой за нелегкий труд по подготовке к печати словаря и ряда работ Н. А. Невского в двух книгах «Тангутская филология». Издание этих трудов, бесспорно, открыло новый этап в развитии тангутоведения. Они дали толчок и научную базу для развития тангутоведческих исследований в Японии и Европе.

Начиная с 1959 г. была возобновлена работа над Тангутским фондом ИВ. В 1963 г. ее результаты были опубликованы в первом списке определенных тангутских рукописей и ксилографов²¹. Ныне коллекция, насчитывающая более 8 тыс. единиц хранения, заинвентаризирована, а с 1967 г. началась ее перешифровка и подготовка к выпуску описаний той части, которая в предыдущем каталоге дана только списком.

Одновременно в полном соответствии с программой, которую намечал Н. А. Невский, ведется работа по изданию и исследованию наиболее интересных памятников коллекции. Это необходимое условие для выяснения характера самобытной тангутской культуры и ее роли среди средневековых культур Центральной Азии. Выпущены в свет издание сохранившихся фрагментов китайских классических книг в тангутском переводе²², тангутские словари «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» — факсимиле текстов, перевод, вводные статьи и указатели К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского²³. Готовятся к изданию тангутский перевод древнекитайского военного трактата «Сунь цзы» (К. Б. Кепинг) и сборник тангутских изречений «Вновь собранные драгоценные парные изречения» (Е. И. Кычанов).

Кроме того, за последние годы подготовлен и сдан в печать «Очерк истории тангутского государства» (Е. И. Кычанов), тангутоведы ЛО ИВ оказали помощь М. В. Софронову (ИВ, Москва) в подготовке им «Грамматики тангутского языка». Реконструкция тангутского произношения²⁴ была выполнена М. В. Софроновым параллельно с Нисида Тацуо (Япония)²⁵. Работа М. В. Софронова и Нисида Тацуо — новый шаг в развитии тангутоведения, хотя обе они будут

---

²⁰ З. И. Горбачева, К истории тангутоведения в Ленинграде, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 102—107.

²¹ «Тангутские рукописи и ксилографы», М., 1963.

²² «Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин)», М., 1966.

²³ М., 1969.

²⁴ Предварительные результаты были опубликованы в работе: М. В. Софронов и Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, М., 1963.

²⁵ Нисида Тацуо, Изучение языка Си Ся, т. I, Токио, 1964; т. II, 1966 (на яп. яз.).

нуждаться в больших уточнениях, а полный успех в реконструкции тангутского языка будет обеспечен в результате новых научных достижений в исследовании северо-западных диалектов китайского языка эпохи Сун и тибетского языка соответствующего периода. Только однозначная трактовка китайской и тибетской транскрипций сможет дать при учете всех внутренних тангутских источников однозначный результат в фонетической реконструкции тангутского языка. При этом не следует забывать, что продолжение исследований тангутской фонетики сможет оказаться полезным для восстановления истории китайского и тибетского языков.

Представляется, что дальнейшие тангутоведческие исследования в стенах ЛО ИВ должны и впредь основываться на прочтении, изучении и издании наиболее ценных памятников коллекции с одновременными уточнениями на базе вновь найденных материалов грамматики, системы письма, реконструкции фонетики языка, истории и литературы тангутов и истории тангутской культуры. На очередь непременно должно быть поставлено исследование тангутских сборников законов, ибо эта работа может дать чрезвычайно важные результаты для изучения не только социально-экономических основ тангутского общества, но и для прошлого соседних с тангутами народов.

Японоведение

С организацией АМ в число его сотрудников не вошел ни один специалист-японовед. Рукописи, ксилографы и предметы материальной культуры Японии, полученные музеем, поручено было обработать представителям других востоковедных специальностей. Так, каталог японских рукописей и ксилографов, хранившихся в АМ, составили китайцы-переводчики Коллегии иностранных дел П. Каменский и С. Липовцов. Естественно, недостаточная компетентность китаеведов в области японской культуры и языка не могла не отразиться на качестве работы. Например, драма Тоё Дзёсукэ «Заупокойная служба у моста Ватанабэбаси в Сэсю» («Сэсю Ватанабэбаси куё», ксилограф 1749 г.), посвященная Монгаку-сёнину (Эндо Морито), была зарегистрирована ими как «Описание провинции Ше джеу или Осака, в ней находящихся мостов и пр.», а многие другие сочинения, вошедшие в каталог, идентифицировать не удастся вообще.

Время от времени в АМ помимо письменных материалов поступали и предметы материальной культуры. Так, еще в 1791—1795 гг. Кунсткамерой были «приобретены японские достопримечательности и другие предметы, монеты, рукописи и пр.», а в 1794 г. — курильские, алеутские и японские достопримечательности и монеты¹ (позднее они перешли в АМ).

В 1829—1830 гг. в АМ хранилось 352 китайские и японские монеты и 68 японских вещей, в 1861 г. — 2959 китайских и японских монет, в 1868 г. — 2969², а в 1877 г. — 2983 монеты. Эти предметы АМ только собирал, но они никем не исследовались.

В 1858 г. на отзыв в АН поступил «Японско-русский словарь» И. А. Гошкевича (СПб., 1857) в связи с его выдвижением на Демидовскую премию. Переадресовывая словарь на отзыв французским востоковедам, ОИФ АН извещало

¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 5, л. 83 об.

² Там же, № 1, лл. 165—166, 174—175; № 5, л. 81 об.; № 8, л. 4.

Азиатский департамент МИДа: «В числе членов академии нет никого, кто бы посвятил себя специально изучению японского языка»³.

С 1849 по 1864 г. регистрацией японских (как и всех дальневосточных) письменных материалов, поступивших в АМ, был занят известный кавказовед акад. М.-Ф. Броссе.

В конце XIX — начале XX в. японские рукописи, ксилографы и печатные издания в АМ стали обрабатывать китаеведы.

Первый специалист-японовед в штат АМ был зачислен в 1917 г. Им оказался воспитанник Берлинского (1907—1908) и Токийского (1908—1912 гг. — студент и 1912—1914 гг., — аспирант) университетов, приват-доцент Петроградского университета С. Г. Елисеев. Специально занимаясь историей японской литературы, Елисеев широко интересовался всеми сторонами жизни древней и современной Японии. Основной его темой было творчество знаменитого поэта Мацуо Басё (1644—1694). Помимо этого Елисеев написал общий очерк истории японской литературы, изданный в 1920 г. в серии «Всемирная литература»⁴, и вел работу над литературоведческими темами: «Стиль японских прозаических произведений», «Современная литература в Японии» (о японской литературе второй половины XIX в.), история японской поэзии с древнейших времен до X в., литература эпохи Камакура, история написания и истоки повести «Такэтори моногатари», антология «Кокинсю» и т. д. В архиве Елисеева⁵ хранятся его работы по искусству Японии, истории («Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза», «История Японии с древнейших времен до 1917 г.») и политической жизни страны⁶. В 1920 г. в «Краткой памятке», изданной по случаю 100-летия АМ, был помещен обзор Японского рукописно-ксилографического фонда АМ, написанный С. Г. Елисеевым.

В 1918 г. в штат АМ был зачислен другой японовед — О. О. Розенберг (1893—1919). После окончания в 1910 г. Петербургского университета он был командирован в 1911 г. в Берлин для усовершенствования в японском языке, а весной 1912 г. — в Японию для дальнейшего изучения японского языка и буддийской философии. В 1913 г. Розенберг закончил буддологическое исследование «Буддийские системы и теория „дарм“. Введение в философию Васубанду».

³ АВПР, ф. Гл. арх. II-11, 1856—1864, оп. № 50, 51, д. № 6, лл. 61—62.

⁴ С. Г. Елисеев, Японская литература, — «Литература Востока», вып. II, Пг., МСМХХ, стр. 38—89 («Всемирная литература»).

⁵ АВ, ф. 16.

⁶ Весной 1917 г. Елисеев посетил Японию для сбора материалов по теме «Творчество Басё». Попутно с основной темой он детально знакомился с политической и экономической жизнью страны.

Четырехлетнее пребывание Розенберга в Японии пробудило в нем интерес не только к буддологии, но и к изучению иероглифики как системы. Его перу принадлежат первые в отечественном японоведении исследования дальневосточного буддизма⁷ и разработка графической системы расположения иероглифов⁸.

В 1919 г. О. О. Розенберг умер. Он оставил неоконченными третью часть «Введения в изучение буддизма по китайским и японским источникам» («Буддийская литература»), статьи «Об изучении японского буддизма», «О буддийской философии жизни» и огромное количество словарных и лексикографических материалов⁹. Труды Розенберга вошли в золотой фонд русского японоведения и многие годы еще будут оставаться непревзойденными по научному уровню и широте охвата материала.

В течение последующих нескольких лет в АМ никто не занимался японоведческими проблемами. Формированием японоведческой библиотеки АМ занимался в то время видный китаевед В. М. Алексеев.

В конце 20-х годов техническую обработку Японского фонда (вначале книжного, а затем и рукописного) вел китаист Ю. К. Щуцкий (позднее ему стали помогать К. К. Флуг и А. А. Драгунов), который после поездки в Японию в 1928 г. стал также и японоведом¹⁰.

После реорганизации АМ в ИВАН СССР в 1930 г. одной из основных ячеек института стал Японо-корейский кабинет, в который дирекция ИВ в том же году пригласила для работы первых специалистов.

4 ноября 1930 г. Управление делами АН постановило «утвердить Н. А. Невского и Н. И. Конрада в должности научных сотрудников 1-го разряда с 1 ноября 30 года»¹¹. С этого времени началось развитие советского академиче-

⁷ «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», ч. I и II, Токно, Пг., 1916, 1918; «Проблемы буддийской философии», Пг., 1918; «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке (лекции)», Пг., 1918.

⁸ «Arrangement of the Chinese characters According to an Alphabetical Method with a Japanese Dictionary and List of Characters», Пг., 1916; «Опыт кодификации иероглифического элемента японского языка», Пг., 1918.

⁹ См. АВ, ф. 47.

¹⁰ В 1930 г. Щуцкому было поручено руководить японоведом-аспирантом, в том же году он был занят подготовкой предметного каталога Японского рукописно-ксилографического фонда, а в 1931 г. планировал заняться исследованием на тему «Китайский отдел японского сборника рассказов „Кондзяку моногатари сю“ эпохи военного феодализма и его китайские источники». К сожалению, мы не имеем данных о выполнении всех этих заданий. Японоведческая деятельность Щуцкого осуществлялась также в преподавании японского языка студентам ЛВИ и ЛГУ и в работе над статьей «О настроениях японской буддийской лирики» в 1937 г.

¹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 1, л. 14.

ского японоведения. Оба японоведа к моменту зачисления их в ИВ были признанными специалистами и отличались широким диапазоном научных интересов.

Н. А. Невский (1893—1945) начал работу с изучения этнографии Японии и синтоизма и скоро перешел к исследованию других малоизученных и трудных областей науки — языка, фольклора и этнографии айнов, рюкюских (Мияко) диалектов японского языка, языка цоу (аборигенов о-ва Тайвань) и, наконец, тангутского языка и письменности.

Н. И. Конрад (1891—1970) в то время был профессором ЛИЖВЯ и автором целого ряда работ по японской литературе, театру, истории Японии и другим вопросам¹². Он был назначен заведующим Японо-корейским кабинетом.

Японоведческая работа в ИВ началась с доклада Н. И. Конрада на тему «Влияние западноевропейской литературы на японскую», прочитанного 30 декабря 1930 г. и вызвавшего оживленное обсуждение в этот день и на следующем заседании — 3 января 1931 г.¹³ В 1931 г. Конрад работал над переводом, комментированием и исследованием «Положения о рабах» кодекса «Тайхорё» (701 г.)¹⁴, над изучением деятельности Японии в Корее в области народного просвещения, над изучением иностранного влияния в новой литературе Японии и над проблемой латинизации японской письменности.

Две темы разрабатывал в 1931 г. Н. А. Невский. Первая была связана с историей русско-японских отношений и японской исторической диалектологией. Ход работы над этой темой был изложен им на заседании кабинета в сообщении «Японский язык первоучителей данного языка» (имелись в виду труды Содзы и Гондзы — первых японцев, начавших в XVIII в. преподавание в России японского языка)¹⁵. Вторая тема — перевод на русский язык произведений айнского фольклора, записанных самим ученым в Японии со слов сказителей¹⁶.

В том же году в кабинет была принята на должность научно-технического сотрудника Е. А. Фолькман, которой

¹² Перевод и исследование «Исэ моногатари», переводы отдельных глав из «Гэндзи моногатари», фундаментальный труд «Японская литература в образцах и очерках», «Театр народов Востока», «Японский театр», «Восточный театр», «Япония. Народ и государство. Исторический очерк» и т. д.

¹³ Стенограмму обсуждения см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 11. лл. 92—111.

¹⁴ Н. И. Конрад, Надельная система в Японии, — ТИВАН, XVII, 1936, стр. 5—55.

¹⁵ Фрагменты этой работы хранятся в АВ, ф. 69, оп. 2, № 68, 77.

¹⁶ В плановом порядке эта тема выполнялась им до конца 1933 г. Результаты частично опубликованы в сборнике «Восток, сб. 1, Литература Китая и Японии» (Л., 1935, стр. 403—438), частично (в незавершенном виде) хранятся в АВ, ф. 69, оп. 2, № 90, 91.

поручено было описание японского рукописно-ксилографического фонда.

В 1931 г. в деятельности Японо-корейского кабинета стали принимать участие молодые специалисты — закончивший аспирантуру историк Е. М. Жуков (ныне академик), занимавшийся вопросами японского парламентаризма и истории японской социал-демократии (в ИВ был зачислен 31 октября 1932 г.); вернувшийся из годичной командировки в Японию аспирант-историк Д. П. Жуков (аспирантуру закончил в 1932 г., в ИВ принят в 1935 г.); аспирант (1930—1935) Д. М. Скляр, серьезно занимавшийся вопросами экономической политики японского империализма в Маньчжурии; аспирантка В. Д. Позднеева (специализировалась по историко-экономическим проблемам токугавской Японии), и японоведы других учреждений (ЛИЖВЯ, ЛГУ и др.).

Такое объединение японоведческих сил позволило в 1932 г. развернуть работу сразу в нескольких направлениях — социально-политической и экономической истории, идеологии, языка (лексикология и лексикография) и литературы. По общепитутской теме «Влияние Октября на Восток» Д. П. Жуков и Н. И. Конрад взяли обязательство выполнить работу «Октябрь и идеологический кризис в Японии», Е. М. Жуков — «Влияние Октябрьской революции на процесс образования массовых реформистских партий в Японии», Н. А. Невский — «Документы японских „пролетарских партий“ и влияние советского политического языка на политический язык современной Японии»¹⁷. Кабинет наметил разработку и нескольких коллективных тем: «История рабочего вопроса в законодательстве о труде в Японии», «История японского профессионального движения в XX в.»¹⁸, большой коллективный доклад «Социальная сущность революции Мэйдзи» (с разделами: предпосылки революции Мэйдзи, ход революционных событий, деятельность нового правительства после переворота и результаты переворота в смысле изменения социального облика Японии) — и кардинальных проблем, имеющих важное методологическое значение: «Япония на переходе от феодализма к капитализму» (В. Д. Позднеева), «Япония на переходе к империализму» (Е. М. Жуков) и «Вопросы периодизации истории Японии» (Д. П. Жуков и Н. И. Конрад)¹⁹.

В 1931 г. началась работа по составлению японо-русского словаря²⁰, в которой через год уже принимали участие

¹⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 7. В переработанном виде статья Невского была издана под названием «От Московии к СССР», — ЗИВАН, т. V, 1936, стр. 43—53.

¹⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 34.

¹⁹ Там же, № 34.

²⁰ Там же, № 8, л. 32.

шесть японистов (руководители Н. И. Конрад и Н. А. Невский). Невский начал подготовку к изданию материалов по говорам Миякодзима (архипелаг Рюкю), собранных им во время пребывания в Японии²¹.

Конрад кроме упомянутых тем в это же время работал над исследованием японской пролетарской литературы²², писал «Очерки литературы Китая и Японии» (совместно с Б. А. Васильевым; работа частично опубликована в ЛИФЛИ стеклографическим способом) и «Очерки истории пролетарского культурного и научного движения в Японии» (работа завершена в 1933 г.)²³. 10 сентября 1932 г. на заседании Сектора литературоведения он прочел доклад на тему «Японская пролетарская литературная группа НАПФ»²⁴.

Таким образом, первые же месяцы работы кабинета показали, что японоведы ИВ имеют достаточно научную методологическую базу для решения большого круга вопросов. Наметилась тенденция к первоочередному исследованию ключевых проблем, касающихся смены социально-экономических формаций, классовой борьбы в области политики, экономики, литературы и идеологии; составлению словарей и справочников, недостаток которых все сильнее ощущался советскими японоведами.

Для повышения научного уровня исследований, квалифицированного обсуждения их результатов, дальнейшей активизации научной работы, координации усилий ученых и для определения дальнейших направлений развития советского японоведения возникла потребность в организационном объединении японоведческих кадров, представленных в разных научных и учебных центрах страны (практически — Ленинграда). 10 января 1933 г. в Президиум АН СССР был отправлен на утверждение проект Устава Ассоциации японоведения при ИВ²⁵. Устав был утвержден, и ассоциацию возглавил проф. Н. И. Конрад.

Ассоциация японоведения существовала всего несколько лет, но за это время оказалась способной сплотить японоведов, направить их работу в нужное русло, ликвидировать ведомственные границы, мешавшие эффективной научной и практической работе.

---

²¹ Невский планировал издание целой серии работ по Миякодзима. Так, в 1933 г. он завершил исследование «Фонетика говоров Мияко», на заседании кабинета 29 июня 1933 г. сделал доклад «Консонантная система островов Мияко», далее — до начала 1936 г. — наряду с языковыми проблемами он занимался изучением фольклора Мияко (см. также оп. 1 (1933), № 36; оп. 1 (1935), № 39), однако не завершил работу, так как был переведен на разборку и исследование Тангутского фонда.

²² Там же, оп. 1 (1932), № 9, л. 44.

²³ Там же, оп. 1 (1933), № 36, л. 14.

²⁴ Текст доклада см. там же, оп. 1 (1932), № 14, лл. 56—164.

²⁵ Там же, оп. 1 (1933), № 37, текст устава.

Возник план составления словаря политических деятелей Японии (Н. И. Конрад, Е. М. Жуков), библиографии работ по японской рыбопромышленности (Е. А. Фолькман)²⁶, ведется работа над военным японо-русским словарем (Д. П. Жуков и Б. И. Манзгур, словарь был издан в Москве в 1935 г.).

Исследовательская работа членов кабинета развивалась в двух направлениях: с одной стороны — изучение новейшей истории, политики, идеологии, языка и литературы, с другой — постепенное введение в научный оборот новых переводов литературных памятников феодальной Японии, изучение этнографии, древних верований и т. д.

К числу тем первого направления относятся работы Е. М. Жукова «Первый этап развития социалистического движения в Японии и марксизм» и «История Японии в период промышленного капитализма и империализма (до 1929 г.)», Д. М. Склярова «Роль колоний в системе японского империализма», Е. А. Фолькман «Японская рыбопромышленность в советских конвенционных водах» и «Японские рыбопромышленные союзы», доклады Н. И. Конрада, Е. М. Жукова, Н. А. Невского и аспирантов Я. Б. Радуль-Затуловского и В. В. Ненарокова на заседаниях Ассоциации японоведов.

К темам второго направления относятся: намеченный для перевода на русский язык при участии всего коллектива кабинета исторический труд Рай Санъё (1769—1832) «Нихон гайси»²⁷, работы А. Е. Глускиной (зачислена в ИВ в 1933 г.) по переводу и исследованию поэтических антологий «Манъёсю» и «Хякунин иссю», переводы и исследования Н. А. Невским древних молитвословий норито и историко-мифологического памятника «Кодзики»²⁸, работы Конрада «Развитие японского обрядового театра», Невского «Шаманство в японской деревне», Глускиной «Производственные культы в японской деревне» и др.

Не все намеченные к выполнению темы были завершены, не все завершенные были напечатаны, однако в совокупности они говорят о дальнейшем развитии характерной и для прежнего (в том числе дореволюционного) русского японоведения тенденции параллельного исследования проблем се-

²⁶ Там же, оп. 1 (1933), № 36.

²⁷ Там же, оп. 1 (1934), № 44. Работа объемом 50 авт. л. планировалась на 1934—1936 гг.

²⁸ В 1934 г. Невский завершил перевод первой части «Кодзики» и продолжал работать над переводом и исследованием памятника, планируя в 1936 г. завершить всю работу в объеме 10—15 авт. л. (там же, оп. 1 (1935), № 39), однако переход исполнителя почти полностью на тангутведческую тематику помешал ему выполнить этот план. Переводы трех молитвословий норито опубликованы: «Культовая поэзия древней Японии (VI—VIII вв.)», — сб. «Восток. Литература Китая и Японии», Л., 1935, стр. 17—30

годняшней жизни страны и ее классического наследия — тенденции, продлжающей сохраняться до нынешних дней.

В 1935 и особенно в 1936 г. потребность в разработке японоведческих проблем в связи с международной ролью Японии, советско-японскими отношениями и внутренней политикой Японии, а также и в связи с поставленными ходом исследования историко-культурных вопросов задачами в области изучения памятников литературы, идеологических явлений и социально-экономического развития страны в предшествующие эпохи настолько возросли, что наряду с расширением численного состава кабинета для выполнения институтских тем стали привлекаться японоведы других учреждений Ленинграда и Москвы. Так, над выполнением плана кабинета в 1936 г. работало около 20 человек — штатных или на договорных началах²⁹.

В план были включены работы Д. П. Жукова «Возникновение японского абсолютизма», Д. И. Гольдберга «История рабочего движения в Японии», М. И. Кукса «Послевоенный промышленный цикл в Японии», Е. М. Жукова «История внешней политики Японии (1867—1914)», Н. И. Фельдман «История японской пролетарской литературы», Н. И. Конрада «Синтаксис современного японского литературного языка», А. А. Холодовича «Грамматика современного японского письменного языка», А. Л. Клетного «Словарь служебных слов в японском языке», З. Н. Матвеева «Библиография Японии на русском языке (1728—1935)» и др. Большинство плановых тем было включено в список работ, выполняемых коллективом ИВ к 20-летию Октября³⁰.

В 1935 г. в ИВ впервые стали изучаться проблемы японской философии (Я. Б. Радуль-Затуловский)³¹.

Ведущие сотрудники кабинета продолжали работать над темами, относящимися к разным областям науки. Н. И. Конрад наряду с лингвистической (синтаксис, лексика, грамматика) продолжал разрабатывать исторические и литературоведческие проблемы. 20 марта 1935 г. на сессии АН СССР он выступил с докладом «Надельная система в Японии», 14 октября на заседании кабинета — с докладом «Современная японская историческая наука»³², в том же году работал над темой «Генезис японского феодализма», готовил для ЛИФЛИ «Курс лекций по истории японской литературы эпохи Мэйдзи», опубликовал ряд статей и перево-

²⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 44.

³⁰ Там же, № 11, л. 11.

³¹ Там же, оп. 1 (1935), № 39; оп. 1 (1936), № 44; оп. 1 (1937), № 51. Первоначально предполагалось последовательно поставить решение проблем истории конфуцианства, синто, буддизма и материалистических идей в Японии, но вторая и следующие не были осуществлены.

³² Там же, оп. 1 (1935), № 39, лл. 63—66.

дов в сборнике «Восток» («Литература Китая и Японии»), в 1936 г. писал «Очерки по истории феодальной литературы» и т. д.

Н. А. Невский помимо занятий тангутикой вне плана продолжал и японоведческую работу. 4 февраля 1935 г. кабинет слушал его доклад «Двоякая роль отрицательных суффиксов в японском языке», 8 декабря — «Фольклор Мияко»³³, 6 марта и 20 апреля 1937 г. Невский читал на заседании кабинета текст и перевод одного из труднейших по языку произведений японской литературы — «Токайдотю хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку (1765—1831); в это же время он работал над темой «Древнейшая мифология Японии», писал совместно с Е. М. Колпакчи учебник японского языка, а с А. А. Холодовичем — краткий курс фонетики японского языка. И все это время вместе с Н. И. Конрадом продолжал работу по составлению и редактированию Большого японо-русского словаря, преподавал в ЛГУ японский язык.

В отчете о работе кабинета за 1937 г. Н. И. Конрад писал: «В предшествующие годы советское японоведение успело дать общие очерки истории Японии и этим создало возможность как первоначальной ориентировки в вопросах японской истории, так и преподавания истории Японии в востоковедных вузах». И далее, намечая перспективы развития японоведения на ближайшие годы, он следующим образом сформулировал задачи японоведов-историков: «Выявилась необходимость перехода к углубленному исследованию отдельных проблем, более подробного изучения отдельных эпох и исторических явлений, с тем чтобы в будущем эти монографические исследования могли послужить надежным базисом для полного научного изложения японской истории в целом». Перед филологами была поставлена задача «изучить области языка и литературы, которые могут раскрыть некоторые стороны современной японской действительности» и «служить практическим пособием для советского японоведа».

Здесь же отмечалась работа сотрудников кабинета в области изучения японской философии (Я. Б. Радуль-Затуловский) и этнографии (А. Е. Глушкина). На 1938—1942 гг. кабинетом был намечен перевод 17 памятников средневековой японской литературы.

Главными достижениями японоведения за этот период (помимо отмеченных в приведенном выше фрагменте отчета) были: разработка вопроса периодизации японской истории на основе анализа содержания переходных эпох в социально-экономическом развитии страны; введение в научный обиход новых переводов и исследование отдельных памятников

---

³³ Там же, лл. 49, 82.

японской литературы, планомерное исследование литературы конца XIX — начала XX в. (особенно пролетарской литературы Японии); исследование лингвистических проблем, итогом которого явилась публикация фундаментальных концептуалистических трудов по синтаксису японского языка Н. И. Конрада и А. А. Холодовича³⁴.

В 1939—1940 гг. основной коллективной темой сотрудников кабинета оставалось составление Большого японо-русского словаря. Редакторская работа была поручена А. А. Холодовичу, Я. Б. Радуль-Затуловскому и Д. И. Гольдбергу. Они же продолжали заниматься и своими основными темами по языку, идеологии и новой истории Японии³⁵. Зачисленная в ИВ в 1939 г. Н. Г. Иваненко стала работать над изучением творчества писателя-новеллиста XVII в. Ихара Сайкаку³⁶.

В аспирантуру ИВ были приняты три японоведа — Е. Г. Дагин, М. П. Привалов и Е. М. Пинус; с 1939 г. стал работать японист Г. О. Монзелер, правда, по плану не Японского, а Китайского кабинета.

В 1941 г. с началом войны основные плановые темы кабинета отошли на второй план. Сотрудники были привлечены к выполнению специальных заданий — составлению словарей, русско-японского разговорника и справочника японской иероглифической письменности (под руководством А. А. Холодовича). С июля по сентябрь 1941 г. члены кабинета работали исключительно на сооружении полосы обороны вокруг Ленинграда³⁷.

Д. И. Гольдберг, разрабатывавший в это время тему «История Японии в 1871—1918 гг.», был призван в армию³⁸. В 1942 г. в армию была мобилизована и Н. Г. Иваненко.

Однако дальнейшее развитие научного японоведения в ИВ в годы войны не прекратилось. Наряду с практическими заданиями сотрудники продолжали работать и над теоретическими проблемами. На место ушедших специалистов приходили другие. В 1942 г. Я. Б. Радуль-Затуловский защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории развития материалистической мысли в Японии». В марте—апреле в ИВ зачислили проф. Е. М. Колпакчи (1902—1952), работавшую тогда над докторской диссертацией «Древнеяпонский язык по памятникам эпохи Нара», и О. П. Петрову (Соловьеву),

---

³⁴ Н. И. Конрад, Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937; А. А. Холодович, Синтаксис японского военного языка. Язык военной документации, М., 1937.

³⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1940), № 8, л. 11.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, оп. 1 (1941), № 35.

³⁸ Там же.

занимавшуюся изучением японской военно-морской лексики³⁹.

После первой блокадной зимы основная часть сотрудников была эвакуирована. В Ташкент выехали Е. М. Колпакчи, Я. Б. Радуль-Затуловский, А. Е. Глушкина и Р. Г. Карлина. Н. И. Конрад работал в Москве (в 1943 г. он возглавил Московскую группу ИВ). А. А. Холодович эвакуировался с университетом, где он вел преподавательскую работу, в Саратов. В Ленинграде в числе немногих оставшихся сотрудников ИВ продолжал работать единственный японовед — О. П. Петрова.

В 1942 г. в Ташкенте в составе ИВ был образован Дальневосточный кабинет, в который вошли и японисты, один из которых — Я. Б. Радуль-Затуловский — с 21 декабря 1942 г. по 15 августа 1943 г. исполнял обязанности заведующего кабинетом. 15 августа 1943 г. Дальневосточный кабинет был разделен на Китайско-монгольский и Японо-корейский. Во главе Японо-корейского вновь встал член-корр. АН СССР Н. И. Конрад.

Организационная разобщенность кабинета, его малочисленность, трудности военного времени затрудняли научные исследования, намеченные в мирное время. Но линия эта продолжала развиваться. В 1943 г. А. С. Глушкина защитила диссертацию: «Кагура — театральный фольклор японских деревень», Е. М. Колпакчи писала статью «Окура — японский поэт V века»⁴⁰ и продолжала работу над изучением древнеяпонского языка. О. П. Петрова в блокадном Ленинграде участвовала в спасении от бомбежек и артобстрелов рукописных коллекций ИВ, его библиотеки и личных библиотек и архивов востоковедов, активно читала лекции в воинских частях и не прекращала работы над изучением японской военно-морской лексики и составлением японо-русского и русско-японского военно-морского словаря. В 1944 г. она подготовила к печати статью о транскрипции иностранных слов⁴¹.

Я. Б. Радуль-Затуловский занимался в Ташкенте творчеством Накаэ Тёмина (1847—1901) и продолжал работу над темой «Идеология японского империализма»⁴².

Со снятием блокады Ленинграда началась постепенная эвакуация сотрудников, завершившаяся после войны возвращением ИВ в Ленинград.

---

³⁹ Там же, оп. 1(1942), № 2.

⁴⁰ Доклад на эту тему был прочитан ею в мае 1944 г. на объединенном заседании Японского и Китайского кабинетов (там же, оп. 1(1944), № 27).

⁴¹ Там же. Статья была опубликована позднее: О. П. Петрова, О японской транскрипции иностранных слов, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959, стр. 199—219.

⁴² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1944), № 27.

Н. И. Конрад, все это время работавший в Москве, продолжал редактирование Большого японо-русского словаря, а в 1945 г. начал разработку темы «Влияние русской литературы на новую японскую». Кроме того, он работал над переводом и исследованием китайских трактатов «Сунь-цзы» и «У-цзы»⁴³.

Закончился военный период, когда исследования проводились в очень ограниченных масштабах — и только в области языка, литературы и идеологии. Работы по истории Японии во время войны из-за отсутствия специалистов в ИВ не велись⁴⁴.

В послевоенное время кабинет (как и весь ИВ) оказался разделенным на две части. В Ленинграде продолжали работу О. П. Петрова, Е. М. Колпакчи (ученый секретарь кабинета), Я. Б. Радуль-Затуловский, Р. Г. Карлина и вернувшийся из армии Д. И. Гольдберг. Заведующий кабинетом Н. И. Конрад, А. Е. Глушкина и другие специалисты, зачисленные в ИВ позднее, вошли в состав МГ ИВ. Научная жизнь активизировалась. Ширились исследования в области литературы, языка, истории и идеологии Японии.

Оживление научной работы в первые послевоенные годы скорее всего отразилось на научно-организационной жизни кабинета. На заседаниях сотрудники выступали с докладами по итогам научной работы. В 1945—1946 гг. были обсуждены доклады Е. М. Колпакчи «Критика логического направления в новейшей японской лингвистике» и «Зависимый и независимый пасиенс в японском языке»; О. П. Петровой «О японской дискуссии 1943 г., по вопросам транскрипции иностранных слов», «Генезис суффикса „Мару“ в названиях японских судов»; Н. И. Конрада «Понятие литературы в Китае и Японии»; А. Е. Глушкиной «Постоянный эпитет к японской антологии VIII в. Манъёсю»; Р. Г. Карлиной «Принципы художественного перевода у Хасэгава Фтабатэй», Я. Б. Радуль-Затуловского «Философские взгляды Муру Кюсо» и «Учение о сингаку»⁴⁵.

В 1946 г. Е. М. Колпакчи защитила докторскую диссертацию и приступила к разработке темы «Грамматика современного японского языка». О. П. Петрова закончила и в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию «Японская военно-морская терминология (историко-лексикологические очерки)».

В области литературоведения наиболее значительной ге-

---

⁴³ Там же, оп. 1-М(1945), № 17; там же, (1943), № 2 (1944), № 8 (1946), № 32.

⁴⁴ Специалисты, временно выбывшие из ИВ, продолжали научную работу в своих областях. Так, в 1941—1946 гг. Д. И. Гольдберг опубликовал 8 работ (в основном военной тематики), но в план ИВ эти работы, естественно, не включались.

⁴⁵ ЛО ААН, ф. 152; там же, оп. 1 (1945), № 29; оп. 1-М (1946), № 32.

мой кабинета была начата в 1946 г. Н. И. Конрадом «Общая история японской литературы»⁴⁶. В 1947 г. он завершает работу «Современная японская литература» (со второй половины XIX в.) и выступает на заседании кабинета с докладом «К характеристике процесса образования и развития новой японской литературы». А. Е. Глускина продолжает работу над переводом и исследованием антологии «Манъёсю» (в 1947 г. она сделала доклад на тему «К генезису некоторых тропов антологии VIII в. „Манъёсю“») и представляет кабинету для обсуждения перевод и исследование антологии «Хякунин исю». В 1946 г. Е. М. Пинус защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пейзажная лирика Токүтоми». С конца 1946 г. над темой «Японские фарсы эпохи Муромати (XV век)» начала работать аспирантка В. В. Логунова.

Д. И. Годьдбергу была утверждена в 1948 г. плановая тема «Япония во второй мировой войне». В 1949 г. он сделал сотрудникам кабинета доклад по результатам работы над этой темой — «Подготовка японского империализма ко второй мировой войне и 1-й этап японо-китайской войны (конец 1929 — сентябрь 1939 г.)»⁴⁷.

Изучение религиозных и философских учений Японии по-прежнему продолжает один Я. Б. Радуль-Затуловский. В 1947 г. из печати выходит его книга «Конфуцианство и его распространение в Японии», в том же году он заканчивает работу «Японский буддизм (буддийские учения в Японии V—XIX вв.)»⁴⁸. Одновременно с общими темами он включает в план работы исследование учений отдельных философов: в 1946 г. — Ито Тогай, в 1948 г. — Андо Сёэки и Камада Рюкю⁴⁹.

В результате реорганизаций ИВ в 1950 г. в числе структурных частей был образован Сектор Японии во главе с членом-корр. АН СССР Е. М. Жуковым, а в Ленинграде — Сектор (музей) восточных рукописей. О. П. Петрова, работавшая над темой «Лексика древнейших памятников японской письменности Кодзики и Манъёсю», была переведена в Сектор Монголии и Кореи с заданием описать хранящиеся в Рукописном фонде Сектора восточных рукописей письменные памятники корейской культуры. Е. М. Колпакчи, продуктивно работавшая над проблемами границы слова, структуры словосочетаний синтаксиса японского языка и периодизации истории японского литературного языка⁵⁰, и В. В. Ло-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, оп. 1(1949), № 45.

⁴⁸ Там же, оп. 1(1947), № 10.

⁴⁹ Там же, оп. 1(1948), № 6, 35. Книга об Андо Сёэки вышла из печати позднее: Я. Б. Радуль-Затуловский, Андо Сёэки — философ-материалист XVIII в., М., 1961.

⁵⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1948), № 6, 35; оп. 1(1949), № 45.

гунова (с октября 1950 г.), занимавшаяся исследованием средневековых японских фарсов кёгэнов, в течение двух лет оставались в Ленинграде единственными сотрудниками ИВ, работавшими по японоведческой проблематике⁵¹.

Е. М. Колпакчи планировала в 1951 г. завершить «Очерки по истории японского синтаксиса» и приступить к монографии «История японского языка», окончить которую предполагала в 1953 г. Но продолжительная болезнь помешала ей осуществить этот план.

В 1952 г. Е. М. Колпакчи умерла. Остались неопубликованными написанные ею многочисленные статьи, остались неосуществленными большие планы исследований в области японского языка⁵². Книга Е. М. Колпакчи «Очерки по истории японского языка, т. I. Морфология глагола» была опубликована после смерти автора в 1956 г.; она явилась первой печатной работой такого рода, написанной за пределами Японии.

В течение четырех лет — с 1952 по 1956 г. — японоведческие исследования в Секторе восточных рукописей не проводились из-за отсутствия специалистов.

Для обработки незарегистрированных книжных фондов на японском языке в 1955 г. в библиотеку сектора был зачислен выпускник ЛГУ (1954) А. Г. Фокин (1930—1961).

В следующем году в связи с образованием на базе Сектора восточных рукописей ЛО ИВ в его составе был организован Дальневосточный кабинет, где стала работать группа японоведов, руководимая О. П. Петровой.

В конце 1956 г. в ЛО ИВ был зачислен выпускник ЛГУ (1956) В. Н. Горегляд. Первым заданием, которое он получил, было объединение и сплошная инвентаризация разрозненных японских рукописно-ксилографических коллекций. С 1958 г. Петрова и Горегляд начали планомерное тематическое научное описание рукописно-ксилографического собрания, продолжавшееся 10 лет⁵³. Параллельно с работой над описанием началось и изучение некоторых памятников собрания. В 1957 г. Горегляд приступил к исследованию японской рукописи начала XIX в. «Канкай ибун». Петрова возвращается к лингвистическим исследованиям и в 1957 г. завершает статью «Советское языкознание в области японского языка за 40 лет», а в 1958 г. приступает к изучению хранящегося

---

⁵¹ Обработку Японского книжного фонда в Ленинграде осуществляла О. П. Петрова, и первое время ей помогала В. В. Логунова. В 1953 г. обработкой временно занималась Р. Г. Карлина.

⁵² См. личный фонд Е. М. Колпакчи, АВ, ф. 99.

⁵³ Все описание было разбито на 6 выпусков, часть которых уже опубликована. Выпуски 1, 3 и 4 составили Петрова и Горегляд, в составлении вып. 2 приняла участие Г. Д. Иванова, вып. 5 составил Горегляд, вып. 6 — Горегляд и З. Я. Ханин.

в АВ русско-японского лексикона Андрея Татаринова (составлен в 1782 г.), очень интересного с точки зрения японской исторической диалектологии.

В 1958 г. в штат отделения была зачислена японовед-историк (окончила ЛГУ в 1938 г.) О. С. Николаева, работавшая вначале над темой «Япония в годы первой мировой войны (1914—1918)», а затем (с 1959 г.) — над переводом и исследованием документов токугавских пятидворок (гонингуми).

В том же году в аспирантуру отделения была принята выпускница ЛГУ (1958) Г. И. Шпейер (Виноградова), избравшая темой диссертационной работы анализ произведения Мотоори Норинага «Тамакацума». По истечении срока Г. И. Виноградова была отчислена из аспирантуры и перешла на практическую работу.

В 1959 г. в число сотрудников ЛО ИВ была принята Г. Д. Иванова (окончила в 1949 г. ЛГУ, а в 1953 г. — аспирантуру ИВ). Сначала она занималась описанием рукописно-ксилографического собрания, а с 1960 г. приступила к работе над темой «Очерки предпролетарской литературы Японии начала XX в.». По этой теме написала несколько статей⁵⁴ и сделала ряд докладов, а в 1967 г. закончила книгу. Одновременно публиковала переводы на русский язык произведений современных японских писателей.

В 1960—1961 гг. обработкой японских книг в библиотеке вместе с А. Г. Фокиным занимался В. Д. Улановский (окончил ЛГУ в 1960 г.), перешедший затем на практическую работу.

В 1960 г. этой же работой стала заниматься Л. Л. Громковская (окончила ЛГУ в 1955 г.), которая впоследствии (1966) переключилась на научную работу, исследуя жанр ватакуси-сёсэцу в творчестве Накано Сигэхару. Кроме этого Громковская публикует переводы произведений (большей частью поэтических) современной японской литературы.

В 1960 г. в отделение был зачислен японовед-историк З. Я. Ханин (окончил ЛГУ в 1951 г., аспирантуру ЛГУ — в 1960 г.). Сначала он работал в группе по описанию и изучению китайских рукописей Дуньхуана, а затем (с 1965 г.) приступил к изучению проблемы «Истории дискриминации в Японии», включив в план тему «Очерки по истории буракумин». Некоторое время Ханин занимался также описанием рукописно-ксилографического собрания.

В 1965 г. в Кабинет древнего Востока был принят специалист по древней истории Японии М. В. Воробьев (окончил ЛГУ в 1950 г.). Он стал работать над темой «Генезис японской государственности и культуры».

---

⁵⁴ Публицистический роман Киносита Наоэ «Огненный столп», «Дело Котоку в японской литературе» и др.

О. П. Петрова наряду с описанием японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг (начатым ею и под ее руководством) продолжает занятия японской лексикологией и публикацией русских лексикографических материалов XVIII — начала XIX в., отражающих особенности японских диалектов того времени. В числе этих материалов — «Лексикон» А. Татаринова, с докладом о котором она выступила на XXV МКВ в 1960 г. (сам словарь с предисловием подготовителя опубликован в 1962 г.); «Словарь» японского языка Николая Резанова⁵⁵, доклад о котором был подготовлен Петровой для XXVI МКВ в 1963 г. (работа по подготовке словаря к изданию завершена в 1967 г.). С 1967 г. Петрова приступила к диалектологическому изучению переведенного в Петербурге в XVIII в. на японский язык «*Orbis sensualium pictus*» Я. А. Коменского⁵⁶.

В. Н. Горегляд помимо работы над рукописно-ксилографическими материалами занимается изучением средневековой японской литературы и публикует ряд статей по этой тематике и некоторые переводы. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Цурэдзурэгуса» Кэнко-хоси — выдающийся памятник японской эссеистической литературы» (исследование и комментированный перевод памятника).

В 1966 г. Дальневосточный кабинет был разделен — создан самостоятельный Японский кабинет (зав. В. Н. Горегляд). Кабинет объединил всех японоведов отделения (за исключением М. В. Воробьева), работающих в области истории, литературы и языка. Не представлены в кабинете лишь специалисты по религиям Японии и японскому искусству.

---

⁵⁵ АВ, Р. I, оп. 4, № 2, 3.

⁵⁶ Там же, № 11.

Корееведение

В АМ с момента его основания и до реорганизации в 1930 г. корееведения не было. Корейские письменные материалы, монеты и другие предметы материальной культуры, поступавшие в АМ, обрабатывались представителями других востоковедных специальностей.

Научное корееведение впервые возникло в АН после организации ИВ. В 1930 г. при определении структуры института было предусмотрено создание Японо-корейского кабинета, который впоследствии возглавил проф. Н. И. Конрад.

Первоначально в Японо-корейском кабинете Корея не была объектом самостоятельного изучения, а рассматривалась в основном как страна, подвергшаяся колониальной экспансии империалистической Японии. Поэтому кабинет планировал работы по изучению административной, экономической и культурной политики Японии в Корее.

Одним из первых сотрудников, обратившихся в ИВ к изучению Кореи, был Н. И. Конрад. В январе 1931 г. им был прочитан доклад «Распространение японского империализма в Корее». В процессе разработки этой общей темы в том же году Конрад начал работать над разделом «Деятельность Японии в Корее в области народного просвещения».

Вопросами империалистической экспансии Японии в Корее занимались также сотрудники кабинета Д. М. Скляров и Л. К. Кореян. Скляров в 1932 г. начал работать над темой «Распространение японской экспансии в Маньчжурии и Корее», а впоследствии (1934) перешел к изучению экономической экспансии Японии в Корее, подготовив диссертацию «Экономическая политика японского империализма в Корее»¹.

Темой Л. К. Кореяна в 1932 г. были «Аграрные отношения в Корее». В последующие годы он планировал на 1936—1937 гг. «Очерки по экономическому развитию Кореи за по-

---

¹ Работа была исключена из плана в 1935 г. в связи с уходом автора из ИВ, — см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 39, л. 25.

следние десять лет». В этот же период он параллельно работал над темой «История революционного движения в Корее в XIX—XX вв.» (по плану 1934—1935 гг.). По-видимому, эта тема выросла из раздела «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Корее», написанного Кореяном в 1932 г. для коллективной работы «Октябрь и Восток». Кроме того, Кореян занимался вопросами латинизации корейской письменности под руководством Н. А. Невского².

Лингвистические аспекты деятельности кабинета в области корееведения в начале 30-х годов отразились в планировании корейско-русского словаря, работа над которым, однако, началась позднее, с приходом в ИВ А. А. Холодовича.

К 1936 г. в кабинете по разным причинам (переход в другое учреждение и пр.) не осталось ни одного сотрудника, который бы занимался изучением Кореи. Корееведение в этот период было чрезвычайно слабо, однако необходимость его развития как самостоятельной области востоковедения была ясна. Руководители Японо-корейского кабинета, обеспокоенные создавшимся положением, стремились к пополнению кабинета специалистами-корееведами. Так, в докладной записке от 2 апреля 1936 г. на имя директора ИВ акад. А. Н. Самойловича заведующий кабинетом Н. И. Конрад писал: «...обращаю Ваше внимание и на то, что в Японском кабинете, носящем официальное название Японо-корейского кабинета, изучение Кореи совершенно не поставлено. Это является тем более нетерпимым, что не только в системе академии, но и вообще в СССР научное изучение Кореи не ведется. Необходимо положить начало научному корееведению и привлечь не менее двух сотрудников и двух аспирантов по лингвистике и истории»³.

Помимо этого при составлении плана работ кабинета на пятилетие (1938—1942) намечалось принять для работы над корееведческими темами в качестве научного сотрудника А. А. Холодовича и в качестве аспиранта — Ким Инсэпа. Хэлодович, не будучи еще сотрудником ИВ, работал по договору над корееведческой темой «Грамматика корейского языка» (1936).

Кроме того, по заданию кабинета студенту ЛИФЛИ Ким Инсэпу, едущему в отпуск на Дальний Восток, была поручена покупка у местного населения корейских рукописей и книг. Как отмечалось в другой докладной записке заведующего кабинетом Конрада от 29 июня 1936 г. на имя директора ИВ, «сбор этих материалов крайне важен для развития корееведения в СССР»⁴.

С приходом в ИВ А. А. Холодовича началось научное ис-

² Там же, оп. 1 (1932), № 40, л. 31.

³ Там же, оп. 1 (1936), № 44, л. 89.

⁴ Там же, л. 91.

следование корейского языка (лексикология и грамматика). В 1937 г. им была завершена и утверждена к печати работа «Грамматика корейского языка». Кроме того, Холодович выполнял тему «Русская транскрипция корейских слов», о чем было сообщено в докладе «О русской транскрипции корейских чтений китайских иероглифов», состоявшемся 2 октября 1937 г. Далее планировалось изучение исторической грамматики корейского языка на материале памятника XV в. «Ода дракону».

В тот же период Н. В. Кюннер по договору с ИВ составил «Библиографию Кореи», которая, к сожалению, была снята с издательского плана в связи с лимитом на бумагу⁵.

В конце 30-х годов в кабинете обсуждались перспективные планы развития корееведения в стенах ИВ. На заседании 26 мая 1937 г. Холодович сформулировал основные направления корееведения на ближайшие годы: изучение корейского языка в теоретическом (научная грамматика, словари, диалектология) и практическом (экспедиции на Дальний Восток для изучения диалектов) аспектах; помимо этого подразумевалось изучение исторической грамматики как завершающий этап филологического издания отдельных письменных памятников XV в. Коль скоро это упиралось в проблему корееведческих кадров, то здесь же ставился вопрос и об их подготовке. Доклад Холодовича был одобрен кабинетом как в плане основных направлений исследования, так и в плане подготовки кадров. Специальное внимание было обращено на необходимость создания научной истории Кореи и развития литературоведения⁶.

В соответствии с планами кабинета А. А. Холодович приступил к созданию корейско-русского словаря (1938 г.), над которым работал с перерывами до Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Параллельно с этим он продолжал исследование грамматики корейского языка (синтаксис).

Вероятно, в связи с рекомендациями кабинета в 1940 г. Холодович начал писать «Историю Кореи» в трех частях (I. Период первобытнообщинного строя. Период феодализма — надельная система; II. Период феодализма — поместная система; III. Период феодального абсолютизма). Во время войны 1941—1945 гг. А. А. Холодович в ИВ не работал, так как эвакуировался в Саратов.

После эвакуации ИВ в Ташкент в 1943 г. Японо-корейский кабинет вновь поставил вопрос о судьбе корееведения: было принято решение о зачислении двух аспирантов по истории Кореи и корейскому языку.

⁵ Часть «Библиографии» хранится в личном фонде Кюннера в АВ, другая — в ЛО ИЭ АН СССР; «Библиография» была подготовлена В. П. Романенко для БАВ ЛО ИНА.

⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 51, л. 44.

После Отечественной войны 1941—1945 гг. вплоть до 1950 г. в ЛО ИВ корееведение представлено не было. После реорганизации ИВ в его составе был сформирован Сектор Монголии и Кореи. Из сотрудников Сектора восточных рукописей в него вошла О. П. Петрова, которая уже с начала этого года вне плана занималась вопросами корейского языка.

В 1950 г. Петрова начала научное описание хранящихся в Секторе восточных рукописей письменных памятников корейской культуры. Первым печатным результатом работы была статья, посвященная обзору корейского фонда. Этим было положено начало научному описанию и исследованию корейских рукописей, ксилографов и старопечатных книг, которых никто в ИВ до сих пор не изучал⁷. Затем было опубликовано описание корейской коллекции рукописных и старопечатных книг, что позволило перейти к публикации и исследованию наиболее важных письменных памятников. Часть технической работы по описанию этого фонда была проделана Д. Д. Елисеевым, зачисленным в ЛО ИВ в 1954 г. после окончания Корейского отделения Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

Параллельно этой работе, которая стала основным содержанием научной деятельности О. П. Петровой на несколько лет, ею был написан ряд статей по различным вопросам корейского языка, из которых шесть вышли из печати, а три находятся в рукописи⁸.

После выхода в свет «Описания» О. П. Петровой начинается планомерное изучение отдельных памятников корейского рукописного фонда. В 1955 г. Д. Д. Елисеев приступил к переводу уникальных рукописных корейских новелл конца XIX в. В 1958—1959 гг. он работал над подготовкой к публикации факсимиле корейского ксилографа XVI в.⁹

С приходом в ИВ в 1957 г. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич из трех корееведов-филологов образовалась группа, входившая в состав Дальневосточного кабинета. Эта группа стала первым в истории корееведения объединением специа-

⁷ О. П. Петрова, Обзор корейского фонда, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 3—29. История формирования и обработки корейского рукописного фонда подробно освещена О. П. Петровой и Л. Н. Меньшиковым в «Путеводителе по ЛО ИВ».

⁸ О. П. Петрова, Описание письменных памятников корейской культуры, вып. I, 1956; вып. II, 1963; ее же, Корейский язык и письменность, — сб. «КНДР», 1954, стр. 166—194; ее же, Вопросы языка в КНДР, — ВЯ, 1953, № 3, стр. 112—120; ее же, Очерк истории изучения корейского языка в России и СССР, — «Корейский язык и литература», Пхеньян, 1956, № 1, стр. 67—78 (на кор. яз.) и др.

⁹ Д. Д. Елисеев, Корейские новеллы XIX в., — «Восточный альманах», № 1, 1957, стр. 251—280; его же, Корейские новеллы, М., 1959 г.; его же, Пэкрён чхохэ, Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом, М., 1960.

листов по средневековой корейской литературе. Работа по публикации и изучению письменных памятников корейского рукописного фонда продолжала развиваться.

В 1957 г. М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич приступают к переводу корейского рукописного романа XVIII в. «Счастливая встреча двух браслетов» и готовят его к факсимильной публикации. Перевод I тома романа и исследование были закончены в 1958 г. и опубликованы¹⁰. Итоги исследования были изложены в докладе на XXV МКВ («Корейский рукописный роман „Счастливого соединения двух браслетов“»).

Изучение рукописной литературы позднего средневековья по фонду ЛО ИВ было продолжено работами А. Ф. Троцевич и Д. Д. Елисеева. В 1962 г. Троцевич подготовила факсимильное издание повести XIX в. «Повесть о Чхунхян, сокращенная»¹¹. Елисеев в том же году сдал в издательство подготовленное им факсимильное издание «Повести о верном Чхое»¹².

Одновременно с изданием и исследованием отдельных литературных памятников группа приступает к работе над темой «Очерки по истории корейской средневековой литературы». Работа над этой темой велась в течение четырех лет, и ее результатом явились подготовка и защита двух кандидатских диссертаций (М. И. Никитиной — «Средневековая корейская поэзия в жанрах сиджо и чан-сиджо» и А. Ф. Троцевич — «Повесть о Чхунхян», 1962 г.), а также опубликование ряда статей по различным вопросам средневековой корейской поэзии и прозы¹³.

В рамках общей темы «Очерки по истории корейской средневековой литературы» Д. Д. Елисеев разрабатывает раздел «Литература пхэсоль». К 1966 г. им была завершена монография о литературе пхэсоль, которую в январе 1967 г. он защитил как кандидатскую диссертацию. В ходе этой работы Д. Д. Елисеев опубликовал еще некоторые материалы по вопросам литературы пхэсоль¹⁴.

В апреле 1967 г. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич было завершено исследование по проблемам корейской литературы до XIV в.¹⁵ Все это в известной степени позволяет го-

---

¹⁰ М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Ссанчхон кыйбон. Счастливая встреча двух браслетов, М., 1961.

¹¹ А. Ф. Троцевич. Повесть о Чхунхян, сокращенная, М., 1968.

¹² Д. Д. Елисеев, Повесть о верном Чхое (в печати).

¹³ М. И. Никитина, Корейская средневековая поэзия в жанрах сиджо и чан-сиджо, — «Восточный альманах», № 2, 1958, стр. 201—229; А. Ф. Троцевич, Особенности языка и стиля «Повести о Чхунхян», — сб. «Корейская литература», 1960, стр. 62—88.

¹⁴ Д. Д. Елисеев, Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра), М., 1968; его же, О характере литературы пхэсоль, — НАА, 1966, № 1, стр. 116—120.

¹⁵ М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич, Очерки корейской литературы до XIV в., М., 1969.

ворить об изученности корееведами ЛО ИВ корейской литературы в период ее становления (до XIV в.)

Помимо этого корееведы ЛО ИВ являются авторами почти всех общих статей по корейской древней и средневековой литературе в основных литературных справочниках и энциклопедиях, выходящих в СССР в последние годы («Краткая литературная энциклопедия»; «История всемирной литературы» и др.).

Значительное внимание уделяется также ленинградскими корееведами переводам произведений средневековой корейской литературы на русский язык. В 1960 г. вышел в свет сборник корейских средневековых повестей¹⁶, большая часть переводов в котором сделана сотрудниками ЛО ИВ. Переводы средневековых корейских новелл представлены в сборнике «Восточная новелла»¹⁷. Следует отметить, что до этого советский читатель не был знаком с произведениями корейской средневековой литературы: на русский язык они никогда не переводились.

В октябре 1966 г. впервые в истории института была создана самостоятельная Корейская группа на правах кабинета. Группа состоит из трех человек. ЛО ИВ — единственное учреждение в СССР, где изучение древней и средневековой корейской литературы стоит в плане работы целой группы. Публикация и изучение рукописных памятников остается по-прежнему одним из основных направлений работы группы. Однако самым важным делом группа считает теоретические исследования в области древней и средневековой корейской литературы, и этим задачам в последнее время подчинены изучение и публикация отдельных рукописных памятников.

Группа в ближайшие годы будет продолжать работу по изучению жанров и видов средневековой литературы, основываясь на конкретных исследованиях памятников. Так, Д. Д. Елисеев начал работу над большой темой «Корейская средневековая новелла», которая будет продолжением его монографии о пхэсолъ. Работа частично будет строиться на изучении рукописных памятников, поэтому помимо исследовательской части предполагается попутное факсимильное издание некоторых рукописных памятников из собрания ЛО ИВ. В настоящее время Елисеев готовит к изданию «Повесть о полководце Лиме». Исследование будет охватывать период с XV по XIX в.

Другой большой темой, начатой уже в ходе работы над «Очерками корейской литературы до XIV в.», будет «Исследование, перевод и комментарий известного памятника XIII в. „Самгук юса“».

¹⁶ «История о верности Чхунхян», М., 1960.

¹⁷ «Восточная новелла», М., 1963.

На ближайшие годы группой планируется также тема «Корейский средневековый роман», которая явится продолжением исследования средневековых рукописных романов. Это будет обширное монографическое исследование корейской прозаической литературы крупных форм (в основном XVII—XIX вв.).

Кроме этого в плане группы намечена тема «Корейская средневековая поэзия на родном языке», которая рассматривается как теоретическое обобщение закономерностей корейской средневековой поэзии и как продолжение исследований, сделанных в области жанров сиджо и чан-сиджо (XV—XVIII вв.).

Таковы основные темы, над которыми уже работает группа и планирует работать в ближайшие пять-семь лет. Хронологически они охватывают всю средневековую литературу. Выполнение этих тем послужит подготовкой к созданию полной «Истории древней и средневековой корейской литературы».

Монголоведение

Зарождение монголоведения относится к началу XVII в. и исторически связано с продвижением России на Восток, где она пришла в непосредственное соприкосновение с монголами и установила с ними торговые и политические связи. Для развития деловых связей требовались лица, практически владевшие монгольским языком. Такие люди имелись в ту пору в пограничных областях.

Первоначально и преподавание монгольского языка обусловлено было потребностью в переводчиках. Первая школа такого рода была открыта при иркутском Вознесенском монастыре в 1724 г.

Среди практиков — знатоков монгольского языка заметной фигурой был А. В. Игумнов (1761—1834). Ряд лет служил он губернским переводчиком в Иркутске и преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. Кроме того, он известен как собиратель монгольских рукописей и ксилографов. Был также прекрасно осведомлен в области этнографии и религии местного населения¹.

В начале второй половины XVIII в. делается первая попытка создать практическое пособие для изучения монгольского языка. Имеются сведения, что некий Василий Иванович (фамилия не установлена) написал «Разговоры мунгальско-русские»; рукопись этого разговорника поступила в Публичную библиотеку². Вероятно, к этому же времени относится и анонимный рукописный монгольско-русский тематический словарь, который передан был в АМ, по-видимому, из Кунсткамеры³.

Наряду с утилитарными целями уже с начала XVIII в. появляется интерес к изучению монгольского языка и в на-

¹ Об А. В. Игумнове см.: Л. С. Пучковский, Александр Васильевич Игумнов (1761—1834), — ОИРВ, III, стр. 166—195.

² И. А. Бычков, Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова, вып. 1, СПб., 1900, стр. 172.

³ АВ, Р. I, оп. 3, № 36 (4 тома).

учных целях. Об этом свидетельствуют, например, работы акад. Т.-З. Байера (1694—1738), который кроме других восточных языков занимался и монгольским. В его трудах имеются отдельные замечания о монгольской письменности⁴.

Со времени создания АН научные интересы в области монголоведения концентрировались главным образом вокруг собирания рукописей и ксилографов. Ученые, совершавшие путешествия по поручению АН, привозили монгольские рукописные материалы.

Среди первых собирателей монгольских рукописей известен Д. Г. Мессершмидт (1685—1735), который по возвращении из путешествия по Сибири, Забайкалью и Монголии⁵ привез в Петербург некоторое количество рукописей. Точных сведений о его коллекции нет.

Особенно успешно собирал рукописи и ксилографы И. Иериг (?—1795), о страсти которого рыться в монгольских книгах писал еще Я. И. Шмидт⁶. Собранные им в экспедиции П. С. Палласа и во время самостоятельных путешествий материалы вошли в состав первой коллекции монгольских рукописей и ксилографов АМ. Его научные труды были высоко оценены Буличем⁷. К сожалению, его работы по языку, литературе и быту монголов остались неопубликованными⁸.

Собирал рукописные монгольские материалы и известный историк Сибири акад. Г. Ф. Миллер (1705—1783). Он также знакомился с сибирскими архивами, в которых хранились документы о русско-монгольских отношениях⁹.

Значительное количество рукописных материалов по монгольскому языку собрал акад. И. Э. Фишер (1697—1771) за время восьмилетнего путешествия по Сибири. Однако и они остались неопубликованными.

В последней четверти XVIII в. появляются печатные труды, относящиеся к различным вопросам исследования Монголии. Первые шаги в этом направлении были сделаны участниками упомянутых экспедиций АН¹⁰. Стали появляться статьи и в периодической печати того времени¹¹.

Упомянув работы П. С. Палласа, следует отметить, что

---

⁴ См., например: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 11, 20.

⁵ ТААН, вып. 4, стр. 25—30.

⁶ Донесение о составленном Я. И. Шмидтом руководстве для изучения монгольского языка, — см.: Чтения АН, стр. 96.

⁷ С. Булич, Очерк истории языкознания в России, I, стр. 402—403.

⁸ АВ, ф. 21.

⁹ «Портфели», — ЛО ААН, ф. 21.

¹⁰ Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 114, 162, 130 и др.

¹¹ Там же, № 160; «Месяцослов исторический и географический на 1797 г.», стр. 51—83.

сам он монгольского языка не знал и большей частью полученных сведений обязан был своему переводчику И. Иеригу, «вероятно первому из европейцев, ознакомившемуся в подлинниках с произведениями монгольской литературы»¹².

С созданием АМ туда были переданы из Кунсткамеры и Библиотеки АН монгольские рукописи и ксилографы. На протяжении XIX и первой половины XX в. в АМ продолжали поступать собрания монгольских письменных памятников, и в настоящее время их собрание в ЛО ИВ является одним из богатейших в мире.

В первой половине XIX в. научное изучение Монголии в стенах АН неразрывно связано с именем крупного монголоведа Я. И. Шмидта (1779—1847). Он первый прочитал и перевел дипломатические письма ильханов Персии¹³. Более ста лет его перевод был основой для ряда переводов и исследований, на что указывал еще В. Л. Котвич¹⁴.

Монгольская летопись Саган-Сэцэна (полный текст с немецким переводом и обширными комментариями)¹⁵ явилась крупным вкладом Шмидта в изучение монгольской филологии. В последующие годы были опубликованы его первая грамматика монгольского языка и монгольско-немецко-русский словарь¹⁶. Словарь Шмидта получил в свое время высокую оценку видного русского востоковеда В. В. Григорьева¹⁷.

В процессе изучения монгольской литературы Шмидт издал также перевод пекинской версии монгольского эпоса «Гэсэр»¹⁸. Оценивая вклад Шмидта в изучение монгольского языка и литературы, Г. Д. Санжеев отмечал, что «Шмидт своими изданиями текстов монгольского эпоса Гэсэриады и исторического сочинения Саган-Сэцэна дал начало тем монументальным исследованиям монгольской филологии,

---

¹² В. В. Григорьев, — «Финский вестник», 1847, т. 22, отд. 5, стр. 7.

¹³ I. J. Schmidt, *Philologisch-kritische Zugabe zu den von Abel-Renusat bekannt gemachten in den Königlichen französischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Originalbriefen der Könige von Persien Argun und Oldshäitu*, St.-Pbg., 1824.

¹⁴ В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских ильханов, — ЗКВ, I, стр. 342—343.

¹⁵ I. J. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses*. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus, St.-Pbg., 1829.

¹⁶ I. J. Schmidt, *Grammatik der Mongolischen Sprache*, St.-Pbg., 1831; *Грамматика монгольского языка*, СПб., 1832; Я. И. Шмидт, *Монгольско-немецко-русский словарь*, СПб., 1835.

¹⁷ В. В. Григорьев, *Монгольско-русско-французский словарь*, составленный О. Ковалевским, Казань, 1844 (рец. «Финский вестник», 1847, т. 22, отд. 5, стр. 7).

¹⁸ I. J. Schmidt, *Die Thaten Bogda Gesser Chan's des Vertilgers der Wurzel der zehn Uebel in den zehn Gegenden*, St.-Pbg., 1839.

которые справедливо являются гордостью нашего монголоведения»¹⁹.

Шмидт шел по непроторенной дороге и прокладывал пути будущим исследователям, о чем он писал в предисловии к своей грамматике: «Занимаясь оным (монгольским языком. — *И. И.*), я должен был бороться со многими трудностями: я вступил на такое поле, которого не только никто прежде меня не обрабатывал, но к которому еще никто и не прокладывал тропинки»²⁰.

Со смертью Шмидта (1847) монголоведная наука в АН замирает. Центром монголоведения в первой половине XIX в. становится Казань. Кафедру монгольского языка в Казанском университете возглавил О. М. Ковалевский (1801—1878)²¹.

Трудами Шмидта в Петербурге и Ковалевского в Казани в России первой половины XIX в. было положено начало комплексному изучению Монголии.

Во второй половине XIX в. Петербург вновь становится средоточием монголоведной науки. Востоковедные центры в нем размещались в университете на Факультете восточных языков и в АН. В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов XIX в. эти два центра настолько сближаются, что можно говорить о едином петербургском центре русского востоковедения²², вокруг которого объединились виднейшие русские монголисты — А. В. Попов, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев²³.

Советская наука получила богатое наследие от старого монголоведения как в области языка и литературы, так и в области изучения истории и других отраслей науки. Наследие это состояло главным образом из богатого фактического материала. Новый общественный строй, созданный Октябрьской революцией, и марксистско-ленинское понимание исторического процесса выдвинули принципиально новые задачи перед монголоведением. Это, естественно, сказалось и на тематике научно-исследовательских работ. В первые послереволюционные годы монголоведение наталкивалось на значительные трудности. Главная из них состояла в отсутствии

---

¹⁹ Г. Д. Санжеев, Изучение монгольского языка и литературы, — ТМИВ, № 5, 1947, стр. 297.

²⁰ Я. И. Шмидт, Грамматика монгольского языка, стр. IV.

²¹ Более подробно о научной деятельности и работах О. М. Ковалевского см.: W. Kotwicz, Jozef Kowalewski orientalista (1801—1878) ze wstepem Mariona Lewickiego. Bibliografia opracowana przez Marie Kotwiczównę oraz niewydana korespondencja Kowalewskiego, Wroclaw, 1948. Г. Ф. Шамоу, Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете, — ОИРВ, II, 1956, стр. 118—181.

²² А. Н. Кононов, Востоковедение, — «История АН СССР», т. II, стр. 622.

²³ З. К. Касьяненко, Кафедра монгольской филологии, — УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 58—62.

надлежащего количества квалифицированных кадров. Достаточно напомнить, что в 1917 г. в штате АМ монголоведов было двое — В. Л. Котвич и Б. Я. Владимирцов.

В. Л. Котвич (1872—1944), выдающийся представитель русского монголоведения, с 1916 по 1923 г. был сотрудником АМ²⁴.

Научная деятельность Котвича в бытность его в АМ была весьма плодотворна. Он описывал книги АМ на маньчжурском, монгольском и калмыцком языках. Много занимался русскими архивными и летописными материалами. В результате этого в 1919 г. он опубликовал ценную работу, посвященную многосторонним связям между русскими и ойратами в XVII—XVIII вв. В ней дается характеристика монгольских, китайских и маньчжурских источников по истории западных монголов (ойратов) XVII—XVIII вв.²⁵

В 1923 г. Котвич написал статью, в которой показал прогрессивную роль политических и культурных связей Монголии с Россией в период «монгольской автономии» (1911—1918)²⁶. В статье говорится об успехах МНРП в развитии национальной культуры монгольского народа. Надо иметь в виду, что вопросы истории монгольской революции в 20-х годах XX в. не находили еще должного отражения в нашей литературе, поэтому появление каждой отдельной статьи на эту тему являлось значительным событием в монголоведении.

Почетное место в истории русского монголоведения принадлежит акад. Б. Я. Владимирцову (1884—1931), который по праву считается основоположником советского монголоведения.

Ученик В. Л. Котвича и А. Д. Руднева, Владимирцов в 1909 г. по окончании университета был оставлен при монгольской кафедре для подготовки к профессорскому званию. Еще студентом он начал свои научные путешествия по Монголии. Экспедиции дали ему не только обильный текстологический материал, но и прекрасные знания языка и народной словесности монголов. Владимирцов прошел основательную лингвистическую школу. Он был знаком с санскритом, тибетским, китайским и маньчжурским языками. В 1912 г. уехал в заграничную командировку — в Англию и Францию. Находясь в Париже, он посещал лекции крупнейших лингвистов Фран-

---

²⁴ Записка об ученых трудах В. Л. Котвича, — ИРАН, VI сер., т. XVII, 1923, стр. 371—372. Подробнее о научной деятельности Котвича и список его трудов см.: «Memorial W. Kotwicz», — RO, XVI (1950), Kraków, 1953.

²⁵ В. Л. Котвич, Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв., — ИРАН, 1919, вып. I—III, Пг., 1921, стр. 791—822, 1071—1092, 1200—1214.

²⁶ В. Л. Котвич, Среди монгольских племен, — «Восток», 1923, № 2, стр. 118—125.

ции — Мейе, Бедье, Пеллио. В Британском музее Владимирцов изучал монгольские рукописи.

В 1915 г., возвратившись в Петроград, Владимирцов стал читать курс монгольского языка на Факультете восточных языков и в том же году начал работать в АМ, который не оставлял до конца своих дней ²⁷.

Научная деятельность Владимирцова отличается большой разносторонностью. Ему принадлежат более 60 научных работ, посвященных языку, письменности, литературе, устному народному творчеству, истории, этнографии и т. д.

Круг интересов Владимирцова в области монголоведения был так широк, что порою трудно было понять, что увлекает его сильнее. Но тем не менее, отмечал С. Ф. Ольденбург: «Если спросить, чем был более всего Борис Яковлевич как специалист-монголовед, то правильнее всего было бы, вероятно, ответить, что он прежде всего был историком» ²⁸. Однако А. Ю. Якубовский придерживался иного мнения. Он особо обратил внимание на то обстоятельство, что «Б. Я. Владимирцов официально считался филологом и лингвистом...» ²⁹. Даже эти немногие примеры убедительно говорят о том, что Владимирцов был человеком глубоко сведущим во многих областях монголоведения.

Важнейшим событием в истории монголоведения, а также и для всего советского востоковедения явилась книга Владимирцова об общественном строе монголов, увидевшая свет через три года после смерти автора ³⁰.

Ценность труда Владимирцова заключается в том, что в нем впервые в монголоведении освещены общественные отношения у монголов на протяжении XI—XVIII вв. Автору удалось успешно разработать такие вопросы истории Монголии, которые менее всего были ранее изучены. Он рассматривает феодальное общество Монголии в его возникновении и развитии. Путем выявления наиболее существенных «отклонений» от классических закономерностей Владимирцов показывает своеобразие феодального общества, основанного на кочевом скотоводческом хозяйстве. В этом труде нет пространных социологических обобщений, однако толкование отдельных фактов, которые приводятся автором, дает основание утверждать, что Владимирцов умело владел марксистской методикой.

²⁷ Подробные библиографические сведения о Владимирцове см.: Н. П. Шастина, Борис Яковлевич Владимирцов, — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова», М., 1958, стр. 3—11.

²⁸ С. Ф. Ольденбург, Борис Яковлевич Владимирцов (некролог), — ИАН СССР, ООИ, № 8, 1932, стр. 668.

²⁹ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — ОИРВ, [I], 1953, стр. 82.

³⁰ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934.

стско-ленинской методологией. Владимирцов смог ответить на такие вопросы, которые никем до него даже не затрагивались³¹.

С именем Владимирцова связаны также важнейшие открытия в области монгольской филологии. В изучении истории монгольского языка его труды открыли новую страницу в языкознании. «Можно без всякого преувеличения сказать,— отмечает Санжеев,— что изучение различных сторон исторического развития монгольских языков и диалектов всегда и неизменно занимало главное и основное место в лингвистических исследованиях Б. Я. Владимирцова»³².

Владимирцов — также основоположник сравнительного изучения монгольских языков в СССР и сравнительного исследования монгольских, тюркских и маньчжуро-тангутских языков, объединяемых под общим названием «алтайских языков». Его капитальный труд по сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхаского наречия³³ знаменует собою целую эпоху в монгольском языкознании. В своей вводной части эта грамматика является подробным введением в изучение монгольских языков. В ней впервые точно определяется звуковая система халха-монгольского языка. Владимирцов дал классификацию монгольских диалектов и говоров, установил три периода в истории развития монгольского языка. Этот труд и поныне является гордостью советского монголоведения.

Много внимания уделил Владимирцов изучению монгольской литературы. Особенно большой интерес проявил он к героическому эпосу феодальной Монголии³⁴. Основной части исследования предпослано введение, которое дает читателю яркое представление о монгольском народном эпосе, его оригинальности и необычайном богатстве. В работе даны переводы нескольких наиболее значительных произведений ойратского эпоса, собранных автором.

Практическое и теоретическое значение его трудов в разработке важных монголоведных проблем принесло ему мировую известность.

Рукописное наследие Владимирцова довольно значительно. Однако обширные записи, лингвистические материалы,

---

³¹ Подробная характеристика трудов Владимирцова по истории Монголии дана в ст.: Г. Н. Румянцев, Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов,— «Филология и история. Памяти Владимирцова», М., 1958, стр. 59—81.

³² Г. Д. Санжеев, Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков,— «Филология и история. Памяти Владимирцова», стр. 12—40.

³³ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929.

³⁴ Б. Я. Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, Пг.—М., 1923.

дневники, заметки и другие работы, содержащие ценнейшие наблюдения, к сожалению, затерялись во время блокады Ленинграда и до сих пор не обнаружены.

Владимирцов был не чужд также организационной деятельности. Он являлся одним из основателей открытого в 1920 г. ЛИЖВЯ, был секретарем КВ при АМ, членом редакционной коллегии экспертов Восточного отдела издательства «Всемирная литература», секретарем ВОРАО, членом Восточной секции ИЛЯЗВ, основанного в 1921 г.

До самой кончины Б. Я. Владимирцов сохранил редкую работоспособность и интерес к науке. Он умер среди забот и дум о новых трудах. За день до кончины, 16 августа 1931 г., он, смертельно больной, продолжал работу над третьей частью «Общественного строя монголов». 17 августа он сделал в своем дневнике последнюю запись: «Болела голова, писал»³⁵. К вечеру его не стало. Выдающийся монголовед нашего времени ушел из науки в возрасте 47 лет, в расцвете творческих сил.

Живым наследием Владимирцова являются его ученики. Он не только заложил основы дальнейшего развития науки, определив пути, по которым она должна развиваться, но и подготовил людей, способных решать важнейшие проблемы монголоведной науки. Ему принадлежит большая заслуга и в подготовке национальных научных и практических кадров для Бурятии, Калмыкии и Монголии.

30-е годы ознаменовались бурным развитием монголоведения. Этому обстоятельству в большой степени способствовал целый ряд мероприятий, и в первую очередь реорганизация академических учреждений. В созданном в 1930 г. Институте востоковедения АН СССР появился Монголо-маньчжуро-тунгусский кабинет, позднее Монгольский, а с 1956 г. — Тюрко-монгольский, в котором объединились квалифицированные специалисты и наиболее способные питомцы ЛВИ, ЛИФЛИ и ЛГУ. Монгольский кабинет вскоре стал всесоюзным центром научной мысли в области монголоведения.

В 1933 г. при Монгольском кабинете ИВ была создана Ассоциация монголоведения, в ее задачи входило широкое обобщение всех монголоведных сил, в том числе и в национальных республиках, для лучшей координации и ликвидации параллелизма в разработке научных проблем; быстрейшая подготовка монголоведных кадров. Ассоциация должна была оказывать помощь в изучении истории, экономики, языка, литературы и других отраслей культуры монгольских народностей³⁶.

³⁵ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, стр. VI.

³⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1933), № 32.

Создание ассоциации³⁷ определило и дальнейший характер работы Монгольского кабинета. Следует отметить, что в то время из всех монголоведных дисциплин в ИВ лучше всего были разработаны и более обеспечены кадрами история, лингвистика и фольклор. Это и были те направления, по которым в 30-е годы развивалось монголоведение.

Если лингвистика обладала достаточно обширными собраниями материалов, позволявшими делать соответствующие исследовательские выводы, то история занимала особое положение. При наличии большого количества исторических работ не было критических изданий источников. Историко-монголисту не на что было опереться. Существовавшие издания Саган-Сэцэна и Алтан-тобчи не могли удовлетворить исследователя.

Поэтому основной задачей в то время была публикация литературных источников. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести следующий пример: в 1936 г. Институт мирового хозяйства обратился к Монгольскому кабинету с предложением написать историю монголов до XX в. Однако сотрудники кабинета решили, что «на данном этапе кабинет не может принять на себя составление сводной истории монголов. Тема в целом может быть поднята через некоторое время... Кабинет может дополнительно включить в свой план публикацию документов и источников, необходимых для составления истории МНР»³⁸.

Исходя из первоочередных задач, стоявших перед монголоведами, плановые работы кабинета были распределены следующим образом. Историки должны были заниматься публикацией письменных источников по истории монголов, бурят и калмыков; при этом предусматривалось не только издание текстов, как практиковалось ранее, но и переводы и исчерпывающие комментарии. В плане нашли отражение и вопросы новейшей истории Монголии. Литературоведам кабинета предстояло опубликовать фольклорные записи, лингвистам — составить монгольско-русский словарь литературного языка, разработать научные грамматики, расширить исследования в области монгольской и бурятской диалектологии³⁹.

Предполагалось научное описание коллекций Рукописного монгольского фонда.

Что касается других отраслей монголоведения, таких, как экономика, история литературы, изучение идеологий, то им в те годы не уделялось должного внимания из-за отсутствия специалистов.

---

³⁷ Там же.

³⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 40.

³⁹ Там же.

В области изучения истории Монголии в 30-е годы заметный след оставил В. А. Казакевич⁴⁰. В 1929 г. он был зачислен в АМ на должность научного сотрудника. Еще студентом был командирован в Монголию, где участвовал в работе пяти экспедиций. В 1932 г. АН командировала Казакевича в Германию и Францию для ознакомления с монгольскими рукописными фондами. В Сорбонском университете он прочитал ряд научных докладов.

Казакевичу принадлежит около 30 печатных работ. Из них следует отметить труд, посвященный специальному исследованию монгольской топонимики⁴¹. До опубликования этой работы, кроме статьи Владимирцова «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском»⁴², лишь частично касающейся некоторых названий, упоминаемых в тюркских орхонских надписях, по этому вопросу не было никаких исследований. Материалы, представленные Казакевичем в словаре, собирались им несколько лет во время его поездок в Монгольскую Народную Республику. Он перевел также с немецкого книгу Б. Лауфера «Очерк монгольской литературы» (издана под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова, Л., 1937).

Из работ, подготовленных Казакевичем к печати, назовем монгольскую летопись «Шара-туджи» (перевод, комментарии), документы по монгольскому революционному движению 1911 г. Кроме того, он также участвовал в коллективной работе по сверке трех версий текста летописи Саган-Сэцэна. Некоторые рукописи работ Казакевича хранятся в АВ (см. ф. 63).

Г. Н. Румянцев (1903—1966) — крупнейший специалист по истории калмыцкого и бурятского народов.

В 1931 г. по окончании Ленинградского восточного института работал в Рукописном отделе Восточной библиотеки ЛГУ над научным описанием монгольских рукописей. В 1932—1933 гг. — ассистент в ЛВИ, а с 1934 по 1939 г. — научный сотрудник Института востоковедения. С 1939 г. до конца жизни Румянцев работал в Улан-Удэ в БКНИИ СО АН СССР⁴³.

Румянцев прекрасно владел монгольским, ойратским и тибетским языками. Ему принадлежит более 100 печатных работ, преимущественно на исторические темы. Из работ, выполненных за время пребывания в ИВ, отметим подготов-

---

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 276.

⁴¹ В. А. Казакевич, Современная монгольская топонимика, Л., 1934 (Труды монгольской комиссии, № 13).

⁴² ДАН-В, 1929, стр. 169—174.

⁴³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 519, Список основных работ Г. Н. Румянцева см.: Н. П. Шастина, Некролог; Г. Н. Румянцев, — НАА, 1967, № 1, стр. 247—248.

ленный к печати сводный текст по семи спискам летописи Саган-Сэцэна под названием «Эрдэнийн тобчи» и ойратский текст биографии Заяпандита (1599—1662) исключительно по ойратским источникам с учетом всей литературы вопроса ⁴⁴.

Румянцев выполнял работы и лингвистического характера: он был соавтором вышедшего в свет монгольско-русского словаря К. М. Черемисова ⁴⁵ и соавтором Большого монгольско-русского литературного словаря.

Ценные рукописи и материалы, принадлежавшие Румянцеву, в том числе выписки и копии архивных документов по истории ойратов, собранные им в различных архивах СССР, хранятся в АВ ⁴⁶.

В. Д. Якимов занимался вопросами новейшей истории Монголии, экономикой МНР и ламаизмом. В 1932 г. окончил ЛВИ по Монголо-тибетскому отделению и был оставлен в аспирантуре, которую закончил в 1935 г. С того же года преподавал историю и экономику МНР в ЛВИ и ЛГУ. С 1937 по 1941 г. — научный сотрудник ИВ ⁴⁷. Был ученым секретарем Монгольского кабинета. В. Д. Якимов — участник Великой Отечественной войны, погиб на ленинградском фронте в конце 1941 г.

Якимов сотрудничал в журнале «Современная Монголия», где помещен ряд его статей под псевдонимом В. Даурский. В АВ (ф. 83) сохранились его рукописные работы и стенограммы лекций, читанных в 1938—1939 гг. в ЛВИ и ЛГУ ⁴⁸.

С. Д. Дылыков — историк Монголии. С 1929 г. учился во Владивостокском государственном университете на Китайском отделении. С 1934 по 1938 г. был аспирантом ИВ. С 1938 г. — мл. научный сотрудник Монгольского кабинета ИВ. С 1950 г. ст. научный сотрудник ИВ (Москва) доктор исторических наук Дылыков работал над исследованием «Халха-Джирум» — ценнейшего памятника монгольского феодального права XVIII в., а также истории Внутренней Монголии ⁴⁹.

---

⁴⁴ См. рук. АВ, Р. I, оп. 3, № 44.

⁴⁵ К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь (по современной прессе), Л., 1937.

⁴⁶ Краткая аннотация к рукописным материалам Г. Н. Румянцева см.: И. И. Иориш, Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда, М., 1966, стр. 102—103.

⁴⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 704.

⁴⁸ В. Даурский, Джаса, — СМ, 1938, № 1 (26), стр. 3—17; его же, «Ламаизм, семья и половая мораль», — там же, стр. 61—65; его же, «Можно ли признать тибетскую медицину наукой?» — СМ, 1937, № 5 (24), стр. 58—71. Описание рукописных трудов В. Д. Якимова см.: Иориш, Материалы, стр. 104—109.

⁴⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 209; АВ, Р. I, оп. 3, № 50.

А. Ю. Якубовский (1886—1953) — один из виднейших историков-востоковедов. В 1913 г. он окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1920 г. поступил в Петроградский университет по восточному циклу и окончил его в 1924 г.⁵⁰ С 1933 по 1938 г. — сотрудник Среднеазиатского кабинета Института востоковедения.

Ученый широкого диапазона, Якубовский внес ценный вклад в разработку вопросов социальной истории монголов. Значительной работой по истории монголов является его книга о Золотой Орде⁵¹, написанная совместно с акад. Б. Д. Грековым. Эта книга имела большой успех у нас и за рубежом и переведена на многие языки. До выхода ее фактически не было работ, которые освещали бы вопросы возникновения, развития и упадка Золотой Орды с марксистских позиций.

Из других работ Якубовского, относящихся к истории Монголии, нужно отметить такие, как «Монгольская империя (XIII в.)» и рецензии⁵².

Изданная после смерти ученого работа «Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.»⁵³ — наиболее ценный труд в области истории русского монголоведения. Можно без преувеличения сказать, что в монголоведной литературе не найдется более яркой характеристики научных взглядов и трудов таких выдающихся историков-востоковедов, как Дегинь, Д'Оссон, Х. Френ, Н. Бичурин, В. Григорьев, В. Васильев, В. Бартольд, И. Березин и Б. Владимирцов, чем та, которая дана в работе Якубовского. В этой работе автор особенно ярко предстает пред нами как вдумчивый историк Монголии.

30-е годы ознаменовались крупными достижениями и в области исследования проблем монгольской филологии. Виднейшим представителем этой отрасли науки был акад. С. А. Козин (1879—1956), избравший своей специальностью историю монгольской литературы. Значительную долю своих научных занятий С. А. Козин посвятил также очень крупной и сложной теме — вопросу о происхождении и развитии монгольской письменности и монгольского языка.

С. А. Козин в 1899 г. поступил на Факультет восточных языков Петербургского университета. В том же году за уча-

---

⁵⁰ Список печатных трудов А. Ю. Якубовского и биографические сведения о нем см.: А. М. Беленицкий и М. М. Дьяконов, Памяти А. Ю. Якубовского, — КСИИМК, 1953, вып. 51, стр. 166—172.

⁵¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, Л., 1937; изд. 2, 1941; изд. 3, 1950.

⁵² ИЖ, 1940, № 3, стр. 87—98; ИЖ, 1942, № 8, стр. 69—72.

⁵³ ОИРВ, 1953, стр. 30—95.

стие в студенческом движении был выслан из Петербурга. В 1901 г. был под следствием по делу о покушении на министра внутренних дел. По отбытии трехмесячного одиночного заключения вторично был выслан из Петербурга под надзор полиции. По ходатайству факультета вновь был принят в университет, который окончил в 1903 г. по Китайско-монгольско-маньчжурскому разряду. С 1905 по 1919 г. Козин работал в Дальневосточном отделении Министерства финансов. Заведовал канцелярией по управлению калмыками, состоял советником по финансовой части при монгольском автономном правительстве. Будучи участником ряда экспедиций, он собирал материалы по языку, истории и экономике монголов и калмыков. Козин принимал участие в работе Ленинградской группы востоковедов по организации ЛИЖВЯ, в котором с 1920 по 1935 г. преподавал монгольский язык и литературу. С 1924 г. — научный сотрудник АМ. В 1927—1932 гг. заведовал Азиатским архивом АМ—ИВ. В марте 1941 г. — утвержден в ученой степени доктора филологических наук без защиты диссертации. В сентябре 1943 г. избирается академиком. После восстановления Восточного факультета ЛГУ (1944) С. А. Козин стал его первым деканом. В 1945 г. утверждается в ученом звании профессора по кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, которой заведовал до 1949 г.⁵⁴

С. А. Козин написал свыше тридцати крупных научных трудов.

Занимаясь изучением памятников монгольской литературы, Козин большое внимание уделил главному ее жанру — героическому эпосу. В «Гэсэриаде» Козин дает социальный и историко-литературный анализ этого важнейшего памятника монгольской литературы⁵⁵. Калмыцкий героический эпос «Джангар» является замечательным памятником устного творчества калмыцкого народа. До Октябрьской революции он был мало известен. Труд Козина знакомил широкие круги читателей с этим значительным произведением ойратского героического эпоса⁵⁶. С. А. Козину удалось также выполнить большую и трудную научную задачу по изданию полного текста, перевода и исследования «Сокровенного сказания»⁵⁷ — труд, требовавший огромного напряжения, а главное, чрезвычайно широких познаний в области монгольского языка XIII в., истории, а также высокой литературоведной

⁵⁴ ЛО ААН, ф. 4, оп. 4.

⁵⁵ С. А. Козин, Гэсэриада, М.—Л., 1935.

⁵⁶ С. А. Козин, Джангариада, М.—Л., 1940.

⁵⁷ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Юань чао би ши. Монгольский быденный сборник, т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии, М.—Л., 1941.

квалификации. Это исследование явилось плодом его упорного пятнадцатилетнего труда.

Предметом особенно глубокого изучения Козина были дипломатические письма иль-ханов Аргуна и Ульдзэйтү⁵⁸. Исследование этих памятников, как известно, ведется уже на протяжении почти 150 лет. В этой связи уместно упомянуть о работах⁵⁹ наших монголоведов: В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова и Л. С. Пучковского. Справедливость требует, однако, особо подчеркнуть важность работ С. А. Козина, в которых он показал свои блестящие лингвистические познания.

В связи с изучением писем Аргуна и Ульдзэйтү Козин исследовал отдельные вопросы монгольского синтаксиса, изложил свое совершенно новое понимание этих дипломатических документов и внес некоторые поправки в перевод В. Л. Котвича. Остановившись подробно на анализе этих памятников, С. А. Козин дал глубокую характеристику монгольского письменного языка первого периода его развития.

Академик С. А. Козин много и плодотворно работал по подготовке монголоведческих кадров. Большое внимание уделял он подготовке научных работников МНР. Он умело сочетал большую научную работу с общественной деятельностью — С. А. Козин был депутатом Василеостровского районного Совета депутатов трудящихся. С. А. Козин скончался в 1956 г.

Советское правительство высоко оценило заслуги Козина в развитии монголоведения, наградив его двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Малый Хурал наградил его за плодотворную научную работу по изучению монгольской литературы юбилейной медалью «20 лет МНР».

Имя Козина хорошо известно в нашей стране и за рубежом. Бесспорно, что в истории советского монголоведения он занимает исключительное место⁶⁰.

Рядом с С. А. Козиним стоит другой крупный деятель отечественного монголоведения, Ц. Ж. Жамцарано, — монговед широкого диапазона.

---

⁵⁸ С. А. Козин, Язык первого периода истории монгольской литературы (По письмам персидских иль-ханов 1289—1305 гг.), — ИАН, ООИ, 1935, стр. 477—500; его же, К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских иль-ханов, — там же, стр. 645—655.

⁵⁹ В. Л. Котвич, Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов, стр. 342—344; Б. Я. Владимирцов, Об одном слове, встречающемся в грамоте Иль-хана Аргуна, — ДАН-В, 1929, стр. 152—153; Л. С. Пучковский, Заключительная формула в письмах иль-ханов Аргуна (1289) и Ульдзэйтү (1305), — СВ, (сб.), т. VI, стр. 396—422.

⁶⁰ «С. А. Козин (некролог)», — СВ, 1957, № 1, стр. 221.

В 1902 г. он приехал в Петербург, где посещал лекции на Факультете восточных языков университета в качестве вольнослушателя. Еще будучи студентом, Жамцарано обратил уже на себя внимание видных востоковедов, которые оказали большое влияние на дальнейшее развитие его научных интересов. Об этом он писал: «...Будучи вместе с Б. Б. Барадийным в С.-Петербургском университете, под благотворным влиянием таких лиц, как С. Ф. Ольденбург, Д. А. Клеменц, А. Д. Руднев, Вл. Л. Котвич и др., я получил возможность отдаться своему любимому делу спасения памятников народного творчества бурят»⁶¹. Начиная с 1903 г. Жамцарано совершил ряд поездок в Забайкалье и Монголию для сбора эпических произведений и этнографических материалов по поручению сначала АН, а затем — РКСА.

В 1907—1908 гг. Жамцарано преподавал монгольский язык на Факультете восточных языков, а затем работал научным сотрудником Русского музея; позже он преподавал монгольский язык в Практической восточной академии. В 1911 г. был арестован за участие в революционном движении и выслан из Петербурга по распоряжению МВД без права проживания в больших городах. С 1911 по 1917 г. работал в Монголии учителем первой светской школы. В 1918 г. — заместитель председателя Читинского облисполкома. В 1919—1920 гг. — лектор Иркутского государственного университета. В 1920 г. Жамцарано был командирован Дальневосточным секретариатом Коминтерна в МНР. В 1921 г. посетил Москву в качестве уполномоченного Монгольского временного правительства и ЦК МНРП для установления взаимоотношений между МНР и РСФСР, а также представлял МНРП на III Конгрессе Коминтерна. Состоял в течение нескольких лет (до 1925 г.) членом ЦК и ЦКК МНРП. С 1921 по 1931 г. являлся ученым секретарем Ученого комитета МНР. С 1932 г. — сотрудник Монгольского кабинета Института востоковедения. В 1935 г. «за выдающиеся, пользующиеся мировой известностью труды по фольклору бурят и монголов» Президиум Академии наук СССР присудил Ц. Ж. Жамцарано ученую степень доктора литературоведения⁶².

Перу Жамцарано принадлежат многочисленные работы, относящиеся к самым различным отраслям монголоведения — истории, этнографии, фольклору и религии. Он создал классический труд о монгольских исторических сочинениях XVII—XVIII вв., в котором содержится весьма подробный анализ наиболее значительных памятников монгольской историогра-

---

⁶¹ «Образцы народной словесности монгольских племен», т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. XII.

⁶² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 224.

фии того времени. Этот труд привлек внимание зарубежных ученых и был переведен на английский язык ⁶³.

На протяжении ряда лет Жамцарано работал над исследованием «Халха-Джирума» — ценнейшего памятника монгольского феодального права XVIII в. Краткое описание этого сборника законов было дано им еще в 1923 г. Затем, в 1959 г., проф. Б. Ринчен опубликовал в МНР перевод «Халха-Джирума», выполненный Ц. Ж. Жамцарано в ИВ в 1933—1937 гг., и, наконец, в 1965 г. ИНА АН СССР издал сводный монгольский текст «Халха-Джирума» с русским переводом Ц. Ж. Жамцарано, снабженный введением и примечаниями С. Д. Дылыкова ⁶⁴. «Халха-Джирум» содержит богатый материал по социально-экономическому строю, правовым отношениям и этнографии монголов и является одним из важнейших источников по истории Монголии.

В течение многих экспедиций Жамцарано собрал и записал огромное количество текстов сказок, былин, песен и других видов фольклора более чем на 10 языках и наречиях общим количеством около 150 печ. л. Ему «удалось собрать такое изумительное количество текстов, — отметил А. Д. Руднев, — какого не собрал, кажется, ни один другой собиратель ни у какого другого народа» ⁶⁵. В 1913 г. АН по инициативе С. Ф. Ольденбурга начала издание серии собранных Ц. Ж. Жамцарано «Образцов народной словесности монгольских племен», записанных у монголов, бурят и калмыков ⁶⁶.

Богатейшее рукописное наследие, очень разнообразное по содержанию: статьи, заметки, переводы памятников бурятского права, рабочие тетради, материалы по шаманству, культуре Чингисхана, астрологии, тибетской медицине, буддизму, дневники, которые велись во время путешествий по Монголии и Забайкалью, — все это хранится в АВ (ф. 62). Жамцарано собрал ценнейшую коллекцию рукописей, представляющих собой жемчужину Рукописного монгольского фонда ЛО ИВ.

Полвека назад Жамцарано писал: «Все материалы — записи, рукописи, наблюдения — хранятся в Азиатском

---

⁶³ Ц. Ж. Жамцарано, Монгольские летописи XVII века, М.—Л., 1936 (ТИВАН, XVI); R. Loewenthal, The Mongols Chronicles of Seventeenth Century, by C. Z. Zamcarano, Wiesbaden, 1954 («Göttinger Asiatische Forschungen», Bd 3).

⁶⁴ Ц. Ж. Жамцарано и А. Н. Турунов, Халха Джирум — описание памятника, — СТГИУ, вып. 6, Иркутск, 1923; «Qalq-a Jirum». Traduit en russe par Dr. Zamcarano. Redigit prof. Dr. Rintchen, Улаанбаатор, 1959; «Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в.», М., 1965.

⁶⁵ «Образцы народной словесности монгольских племен», т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. III—IV.

⁶⁶ «Образцы народной словесности», т. I—III, вып. 1—3, Пг., 1918, стр. III—IV.

музее и будут по мере сил обрабатываться и печататься»⁶⁷.

Б. И. Панкратов — монголовед широкого диапазона. Свою востоковедную подготовку он получил во Владивостокском институте, который окончил в 1916 г. по Китайско-монгольскому отделению. Затем был оставлен при институте, где до 1924 г. преподавал монгольский и маньчжурский языки. С 1924 по 1935 г. состоял в качестве ученого специалиста по языкам Дальнего Востока при посольстве СССР в Пекине. С 1935 по 1942 г. — научный сотрудник Монгольского кабинета ИВ и одновременно преподаватель монгольского, тибетского и китайского языков в ЛВИ и ЛГУ. С 1942 по 1948 г. находился в распоряжении МИДа СССР. По возвращении снова работал в ИВ до 1963 г., когда ушел на пенсию⁶⁸.

Б. И. Панкратов — редкий специалист, сочетающий в себе прекрасное знание монгольского, китайского, маньчжурского и тибетского языков. За долгие годы жизни в Китае он собрал материал, который представляет исключительную ценность, по языкам Внутренней Монголии и древнемонгольскому языку в виде различных монголо-тибетских словарей XIV столетия.

В 1962 г. Панкратов издал текст «Сокровенного сказания»⁶⁹. Написанное им предисловие проливает свет на происхождение рукописи. Высказанные Панкратовым соображения относительно датировки памятника заслуживают серьезного внимания. Из работ, оставшихся в рукописи, стоит отметить монгольско-русский словарь (30 авт. л.) и исследование дагурского языка.

Т. А. Бурдукова, монголист-филолог, занимается языком и литературой монгольских народов.

С 1912 по 1922 г. Т. А. Бурдукова жила в Монголии, где знакомилась с разговорной речью и бытом монголов. В 1934 г. окончила ЛИФЛИ по Монгольскому отделению и в том же году поступила в ИВ, где работала до 1948 г. Одновременно она преподавала монгольский язык на северном факультете при ЛВИ, а также монгольский и сарт-калмыцкий языки на курсах нацменьшинств Советского Востока при Ленинградском пединституте им. Герцена. В 1945 г. Бурдукова защитила диссертацию на тему «Историческая хроника ширабнимбо Хобитуева». Владея в совершенстве калмыцким языком, Т. А. Бурдукова неоднократно выезжала в научные экспедиции для изучения и собирания фольклора. Она уча-

⁶⁷ Там же, т. I, вып. 3, Пг., 1918, стр. XIII.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 452.

⁶⁹ «Юань чао би ши (Секретная история монголов)», 15 цз., т. I, М., 1962.

ствовала в авторском коллективе монгольско-русского словаря, составила полную библиографию изданий на бурятском, калмыцком и монгольском языках и описание фольклорных коллекций Ц. Ж. Жамцарано, составила в соавторстве с А. В. Бурдуковым калмыцко-русский словарь, орфографически оформила монгольские слова в словарях А. В. Бурдукова, изданных ЛВИ, приготовила к печати ойратскую историю Гаван-Шараба.

А. И. Воробьева, монголист-филолог, занималась монгольским языкознанием.

В 1935 г. Воробьева окончила ЛВИ и была оставлена при нем в аспирантуре. После ликвидации ЛВИ перешла в аспирантуру ИВ, закончила ее, защитив в апреле 1941 г. кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксис родительного и орудийного падежей монгольского языка». В том же году была принята в ИВ в качестве научного сотрудника Монгольского кабинета. 5 июля 1941 г. Воробьева ушла добровольцем в Советскую Армию и работала в медсанбате на Ленинградском и 1-м Белорусском фронтах. После демобилизации в 1946 г. вернулась в ИВ, где проработала до 1958 г.

В послевоенные годы А. И. Воробьева занималась исследованием монгольских грамматических сочинений⁷⁰ и Лхамосурэна (введение, текст, перевод, комментарии), разработкой синтаксиса монгольского языка, результатом чего явился ее труд «Очерки по истории синтаксиса монгольского языка (простое и сложное предложение)», переводом летописи «Алтан-тобчи». Принимала участие в подготовке к изданию монгольско-русского словаря.

Е. П. Лебедева — специалист в области маньчжуро-тунгусской лингвистики. В 1932 г. она окончила ЛИЛИ. В 1936 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Наречия места в эвенкийском языке» и в том же году была зачислена научным сотрудником ИНС, где преподавала эвенкийский язык. С 1938 по 1940 г. Лебедева работала научным сотрудником Монгольского кабинета ИВ, где принимала участие в составлении монгольско-русского словаря. Лебедевой опубликована статья, в которой приводятся интересные сведения по родовому составу монголов на материале маньчжурских источников⁷¹.

О. В. Иванова — монголовед-филолог. В 1930 г. окончила ЛВИ по Монгольскому отделению. С 1939 по 1940 г. — на-

---

⁷⁰ А. И. Воробьева, Монгольское грамматическое сочинение «Kе-lencimeg», — ПВ, 1959, № 6, стр. 148—151.

⁷¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 357; Е. П. Лебедева, К вопросу о родовом составе монголов, — «Филология и история», М., 1958, стр. 219—227.

учный сотрудник Монгольского кабинета ИВ. В 1940 г. О. В. Иванова была в составе экспедиции по сбору предметов буддийского культа, отправленной в Бурятию. Известно, что она готовила к печати перевод на русский язык бурятской летописи «Бичихан Запискэ» и принимала участие в работе над монгольско-русским словарем⁷².

К. Н. Артемов — историк Монголии. Сотрудник Монгольского кабинета с 1936 (?) по 1940 г. О научной деятельности К. Н. Артемова имеются скудные данные. Известно, что он принимал участие в составлении монгольско-русского словаря⁷³.

Говоря о сотрудниках Монгольского кабинета 30-х годов, нельзя не упомянуть также таких известных монголистов, как Б. Б. Барадийн и А. В. Бурдуков⁷⁴, которые принимали деятельное участие в жизни коллектива, хотя и не были сотрудниками ИВ.

М. И. Тубянский — индолог. Изучив тибетский и монгольский языки, он внес свою лепту и в монголоведение. С 1927 по 1936 г. работал в Полпредстве СССР в МНР и ученым секретарем Ученого комитета МНР. За научно-организационную работу был награжден в 1936 г. орденом⁷⁵. Тубянский сотрудничал в журнале «Современная Монголия». Опубликовал ряд статей. К числу наиболее интересных из них следует отнести статью о монгольской литературе. Работа сохранила свою научную ценность до наших дней. Кроме того, им были сделаны переводы монгольских сочинений, посвященных вопросам монгольской экономики, быта, истории, литературы и т. п.⁷⁶.

Предметом постоянной заботы ИВ была подготовка монголоведческих кадров через аспирантуру и докторантуру. В 30-х годах мы видим в их составе А. Д. Калининкова, Гомбоджаб-Мэргэна, Т. К. Алексееву, Е. М. Залкинда, Д. Д. Амоголонова, А. М. Хамгашалова, С. Балдана.

А. Д. Калининков — историк Монголии. В 1935 г. он окончил аспирантуру ЛВИ и получил степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. В 1936 г. поступил в докторантуру ИВ, избрав темой своей докторской диссертации

---

⁷² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 259.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Подробнее о Бурдукове см.: Е. М. Даревская, Алексей Васильевич Бурдуков. О роли русских поселенцев в изучении Монголии, — ОИРВ, VI, М., 1963, стр. 187—217; А. В. Бурдуков, В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма, М., 1969.

⁷⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 610.

⁷⁶ М. И. Тубянский, Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода, — СМ, Уланбатор, 1935, № 5 (12), стр. 7—30; «Три главы из „Наставления“ То-вана», — СМ, Уланбатор, 1935, № 6, стр. 29—46; «Буян-чуулган. Скотоводческая техника чахаров», — СМ, Уланбатор, 1936, № 4, стр. 121—132.

ции один из этапов истории Монголии — «Автономная Внешняя Монголия» (1911—1918) ⁷⁷.

Калинников — автор более 30 работ по новейшей истории Монголии. Печатался в журнале «Современная Монголия» под псевдонимами «Эрдэни Очир» и «Антов». В возрасте 37 лет после тяжелой болезни он ушел из жизни, так и не закончив докторантуру.

Гомбоджаб-Мэргэн — монголист-филолог. В 1924 г. поступил в ЛИЖВЯ, а в 1937 г. — в аспирантуру ИВ. Избрал темой своих исследований монгольское сочинение «Цаган Тухе» ⁷⁸, являющееся древнейшим произведением на монгольском языке и одним из интереснейших памятников исторической литературы.

Т. К. Алексеева — монголист-этнограф. В 1937 г. окончила ЛИФЛИ по Северному отделению. С 1938 по 1940 и с 1945 по 1947 г. находилась в аспирантуре ИВ ⁷⁹. Т. К. Алексеева занималась обработкой обширных фольклорных материалов из области культовой мифологии, песнопений монгольских народов и шаманства, собранных ею в течение многих лет в Бурятии.

Е. М. Залкинд — историк Бурятии. В 1932 г. окончил ЛИЛИ. В 1936 г. защитил кандидатскую диссертацию «Опыт исследования этногенеза и общественного устройства восточных эвенков». В 1938 г. поступил в докторантуру ИВ ⁸⁰ и стал изучать общественный строй бурят в XVII—XVIII вв.

Д. Д. Амоголонов — монголист-филолог. В 1937 г. окончил ЛИФЛИ, в 1939 г. был зачислен в аспирантуру ИВ. С началом Великой Отечественной войны Амоголонов вступил в ряды Народного ополчения ⁸¹. Амоголонов подготовил к печати орфографический словарь бурятского языка, проект перехода с латинского на русский алфавит.

А. М. Хамгашалов — монголист-филолог. В 1932 г. окончил Бурятский пединститут и в том же году поступил в аспирантуру ИВ. Работал над диссертацией на тему «Бурятско-монгольская поэтика». Им написан ценный труд, посвященный вопросу стихосложения в бурятском языке ⁸². Хамгашалов принимал участие в составлении литературной хрестоматии на монгольском языке.

С. Балдан — монголовед-филолог. В 1932 г. поступил в аспирантуру ИВ. Своей специальностью избрал монгольскую литературу ⁸³.

⁷⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 281.

⁷⁸ Там же, № 167.

⁷⁹ Там же, № 27.

⁸⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 243.

⁸¹ Там же, № 40.

⁸² А. М. Хамгашалов, Опыт исследования бурятско-монгольского стихосложения, Улан-Удэ, 1940.

⁸³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 62а.

В центре внимания Монгольского кабинета в 30—40-е годы находилась большая коллективная работа по составлению Большого академического монгольско-русского литературного словаря. Период после Октябрьской революции оказал огромное влияние на развитие и обогащение словарного состава, вследствие чего существовавшие словари перестали удовлетворять требованиям современности. Кроме того, они стали библиографической редкостью.

Работа над составлением словаря продолжалась пять лет (1937—1941). В ней участвовали как штатные сотрудники, так и договорники: Г. Д. Санжеев, Б. И. Панкратов, А. В. Бурдуков, В. А. Казакевич, К. М. Черемисов, Г. Н. Румянцев, Л. С. Пучковский, С. Д. Дылыков, Т. А. Бурдукова, Е. П. Лебедева, О. В. Иванова, К. Н. Артемов. Аспиранты: Л. Гомбоин, Гомбоджаб-Мэргэн, А. Хамгашалов, С. Балдан. К 1941 г. словарь в трех томах в объеме 200 авт. л. был подготовлен к печати, но в связи с войной издан не был.

Подытоживая все сказанное, можно с полной уверенностью констатировать, что этот период в истории советского монголоведения был наиболее богатым по количеству специалистов, наиболее плодотворным по количеству созданных работ и наиболее результативным по количеству разработанных проблем.

Отечественная война затормозила развитие монголоведения, но не приостановила его полностью. Свидетельством тому могут служить, например, неоднократные научные заседания членов Китайско-монгольского кабинета, на которых обсуждались актуальные для монголоведения проблемы.

В первые послевоенные годы деятельность монголистов сосредоточилась на описании монгольских рукописей и на составлении «дополнений» к монгольско-русскому словарю.

Вопросу научного описания богатейшего собрания монгольских рукописей и ксилографов придавалось огромное значение еще со времени создания АМ. Каталогизацией, инвентаризацией, подготовкой к научным описаниям занимались В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Ц. Ж. Жамцарано, В. А. Казакевич, Л. С. Пучковский, Б. И. Панкратов, Г. Н. Румянцев и др. Это было и до сего времени остается одним из важных направлений монголоведения в стенах ЛО ИВ.

На этом участке в течение целого ряда лет работал Л. С. Пучковский (1899—1970).

Л. С. Пучковский — монголист-филолог. В ИВ он начал работу в 1932 г. в качестве научного сотрудника и секретаря Монгольского кабинета, в 1945 г. защитил диссертацию на тему «Монгольские документы эпистолярного характера». С 1945 по 1950 г. по совместительству работал старшим пре-

подавателем кафедры монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ. В 1965 г. вышел на пенсию⁸⁴.

Среди трудов Л. С. Пучковского имеется интересная работа по монгольской историографии⁸⁵ — области малоразработанной. В ней он рассматривает вопросы возникновения и развития монгольской феодальной историографии с древнейших времен, подробно излагает содержание отдельных исторических летописей и выделяет их особенности. Одна из статей о датировке монгольской летописи «Болор-толи» опубликована на английском языке в журнале Венгерской Академии наук⁸⁶.

Большой труд Пучковского — описание монгольских письменных памятников, хранящихся в ЛО ИВ⁸⁷, является настольной книгой каждого монголоведа, занимающегося вопросами истории и права монгольских народов. Пучковский опубликовал небольшое количество работ, однако работы, увидевшие свет, получили признание не только у нас, но и среди зарубежных монголоведов.

С 1960 г. и по настоящее время обработкой Монгольского рукописного фонда занимается Т. П. Горегляд. За истекший период она составила инвентарь монгольских рукописей и ксилографов и приступила затем к работе над кратким описанием рукописей и ксилографов Монгольского рукописного фонда.

Большая коллективная работа Монгольского сектора — подготовка к изданию монгольско-русского словаря — стала в центре внимания монголистов. Это было вызвано тем, что составленный до 1941 г. монгольско-русский словарь на базе монгольского письменного языка требовал дополнений его материалом по новой монгольской прессе, отражающей современную монгольскую лексику, особенно периода Отечественной войны. Всю работу по дополнению и реконструированию словаря предполагалось завершить в 1952 г. Это требовало усилий целой группы специалистов. К ней были привлечены С. А. Козин (рук.), Б. И. Панкратов, А. И. Воробьева, А. П. Конаков. Для редактирования и подготовки словаря к печати были приглашены Д. А. Алексеев, Ц. Дамдинсурэн и сотрудник Рукописного отдела К. М. Черемисов. Однако работа над словарем не была закончена. В настоя-

---

⁸⁴ Там же, № 492, Л. С. Пучковский (1899—1970), некролог, — НАА, 1970, № 4.

⁸⁵ Л. С. Пучковский, Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв., — УЗИВАН, 1953, т. VI, стр. 131—166.

⁸⁶ «The Date of the Composition of the Bolor toli», — АО, Bud, t. XVI, 1963, стр. 217—223.

⁸⁷ Л. С. Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения, I. История, право, М.—Л., 1957.

щее время словарь (в первоначальной редакции) хранится в АВ⁸⁸.

В послевоенные годы кроме основных направлений, о которых было сказано выше, внимание некоторых монголоведов было привлечено и к другим проблемам.

А. П. Конаков — филолог. В 1938 г. был зачислен в аспирантуру ИВ, которую окончил в 1941 г., защитив кандидатскую диссертацию. В том же году ушел в армию. Вернулся в ИВ в 1946 г., где проработал до 1950 г.⁸⁹. В его научные планы входило участие в составлении монгольско-русского словаря и написание очерков по истории монгольского языка древнего периода.

Н. П. Шастина — историк Монголии. С 1924 по 1937 г. жила в МНР. В Монгольском кабинете ИВ — с 1947 г. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии». С 1951 г. свою научную деятельность она продолжает в Москве (ИВАН СССР). Н. П. Шастиной принадлежит более 20 печатных работ. Она написала статью об Алтын-ханах Западной Монголии, работала над подготовкой к изданию монгольской летописи «Шара-Туджи»⁹⁰, занималась исследованием русско-монгольских дипломатических отношений в XVII в., принимала участие в составлении «Истории МНР».

В середине 40-х годов в составе аспирантуры и докторантуры ИВ находились Д. А. Алексеев, Ц. Дамдинсурэн и Н. О. Шаракшинова.

Д. А. Алексеев — видный специалист в области монгольской филологии. В 1938 г. был принят в аспирантуру ИВ, которую закончил в 1940 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Наречие в бурят-монгольском языке». С 1945 по 1948 г. Д. А. Алексеев — докторант ИВ и параллельно — преподаватель ЛГУ. С 1949 г. по настоящее время — заведующий кафедрой монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ⁹¹.

Ц. Дамдинсурэн — монголовед-филолог, в настоящее время действительный член АН МНР, выдающийся монгольский

---

⁸⁸ АВ, Р. I, оп. 3, № 62. В АВ хранятся также десятки ящиков карточек этого словаря.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 316.

⁹⁰ Там же, № 671; Н. П. Шастина, Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., — СВ (сб.), VI, 1949, стр. 383—395; «Шара-Туджи» — монгольская летопись XVII в., М.—Л., 1957.

⁹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 24. Список работ Д. А. Алексеева см.: Н. Б. Дугаров, Библиография литературы по бурятскому языкознанию, Улан-Удэ, 1964, стр. 10, 12, 14, 34, 35, 40, 41, 53, 73, 81, 87, 121; Указатель изданий БКНИИ СО АН СССР (1959—1962 гг.), Улан-Удэ, 1964, стр. 42—47. О нем: «Свет над Байкалом», 1959, № 1, стр. 152—153; «Правда Бурятии», 24.XII.1958.

писатель. В 1946 г. поступил в аспирантуру ИВ. В 1950 г. успешно защитил диссертацию на тему «Исторические корни Гэсэриады». Тщательно изучив монгольские, бурятские и тибетские версии «Гэсэриады», Ц. Дамдинсурэн пришел к очень важным выводам о происхождении и характере этой поэмы. Большой научный интерес представляет поставленный автором вопрос об историчности Гэсэра⁹².

Н. О. Шаракшинова специализировалась по бурятской литературе. В 1946 г. зачислена в аспирантуру ИВ. Темой своей кандидатской диссертации она избрала «Героический эпос бурят-монголов Усть-Ордынского национального округа», защитила ее в 1950 г. и уехала в Иркутск.

В 50-е годы монголоведение в ИВ, сохранив основные направления, обратило особое внимание и на изучение истории русского монголоведения. Этим вопросом с 1955 г. занимается сотрудник Тюрко-монгольского кабинета И. И. Иориш.

В процессе работы над темой «История отечественного монголоведения» автор особое место отводит описанию рукописного наследия отечественных востоковедов. И. И. Иориш имеет несколько печатных работ по избранной теме⁹³.

Важное значение для монголистики имел 1954 год. Он отмечен прежде всего появлением в печати большого коллективного труда по истории МНР⁹⁴ — результата долголетней совместной работы советских и монгольских ученых — историков, археологов, лингвистов. В авторской работе по составлению однотомника «История МНР» приняли участие ленинградские ученые: член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, С. Д. Дылыков, Б. И. Панкратов, Н. П. Шастина, один из главных редакторов — акад. С. А. Козин.

Дальнейшими планами ЛО ИВ предусмотрено издание важнейших рукописных памятников.

Рассказывая об истории изучения монголоведения в нашем институте, нельзя не упомянуть о научных связях, которые во все годы имели большое значение. Однако сохранившиеся материалы о дооктябрьских связях весьма скудны. Некоторые представления об этом могут дать письма, дневники, отчеты экспедиции, хранящиеся в АВ.

После Октябрьской революции культурные связи заметно упрочились. Одним из их проявлений были многочисленные научные экспедиции разных профилей. Начиная с 1925 г. вся экспедиционная работа была сосредоточена в Монгольской

⁹² Ц. Дамдинсурэн, Исторические корни Гэсэриады, М., 1957.

⁹³ И. И. Иориш, История Монголии в трудах ленинградских ориенталистов, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 108—117; А. М. Позднеев — калмыковед, — Зап. КНИИЯЛИ, 1960, вып. I, стр. 207—217; Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика, М., 1966.

⁹⁴ «История Монгольской Народной Республики», М., 1954.

комиссии (МОНК), учрежденной при СНК по инициативе С. Ф. Ольденбурга. В 1927 г. эта комиссия была передана в АН СССР.

Важным этапом в развитии научных связей МНР и СССР следует считать договор от 27 февраля 1946 г. об экономическом и культурном сотрудничестве, которым специально предусматривалось дальнейшее расширение исследовательских работ АН СССР и Ученого комитета МНР, а также установление систематического обмена научной информацией и специалистами.

В соответствии с этим соглашением акад. С. А. Козин составил пятилетний план (1947—1951) работ Монголоведческой филологической секции комплексной экспедиции АН СССР в МНР. В состав секции входили: акад. С. А. Козин (общее руководство), докторант Д. А. Алексеев (непосредственный руководитель секции), Л. С. Пучковский, Т. А. Бурдукова (сотрудники ИВ), ассистент ЛГУ В. М. Надеяев и аспирантка Т. К. Алексеева. Планом предусматривалось также при содействии Комитета наук МНР и под руководством Д. А. Алексеева провести районные диалектологические обследования, организовать прочную и регулярную связь ленинградских монголоведов с коллективами Комитета наук МНР и Улан-Баторского государственного университета, вести работу по собиранию и совместному изданию памятников народного творчества монголов⁹⁵.

В последние годы ученые ЛО ИВ установили еще более тесные связи с учеными МНР. В 1965 г. мы принимали у себя крупнейшего монгольского писателя, видного востоковеда Ц. Дамдинсурэна, действительного члена АН МНР Б. Ринчена, ученого секретаря Института языка и литературы АН МНР Соном Лувсанвандана. На совместном заседании тюрко-монгольского кабинета ИВ и кафедры монгольской филологии ЛГУ он сделал сообщение о работе института. На заседании было выражено единодушное мнение о дальнейшем укреплении и развитии деловых контактов между монголоведами Ленинграда и учеными МНР.

В 1966 г. ЛО ИВ посетили Э. Вандуй — зав. сектором Института языка и литературы АН МНР и Цэнд — ученый того же института. Сообщения, сделанные ими на заседании кабинета о состоянии работы института и его перспективах, а также живой обмен мнениями позволили еще лучше укрепить научные контакты.

Научные связи с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными находят свое выражение также и в выполнении заказов на микрофильмы и фотокопии монгольских рукописей ксилографов собрания ЛО ИВ.

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1947), № 3, № 21.

В развитии международных научных связей большую роль сыграл XXV МКВ. Установлены были личные контакты, значительно увеличились письменные связи и обмен литературой по специальностям. На конгрессе Л. С. Пучковский выступил с докладом «Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII—XIX вв.». Многие делегаты из МНР посетили Тюрко-монгольский кабинет.

В настоящее время налажена постоянная связь Тюрко-монгольского кабинета с рядом научных учреждений и организаций Ленинграда: с Институтом этнографии, Географическим обществом, кафедрой монгольской филологии ЛГУ и Ленинградским отделением Института языкознания.

Такова в общих чертах картина изучения Монголии за 150 лет в стенах нашего института. В небольшом очерке нет возможности дать исчерпывающий обзор и характеристику многочисленных работ, связанных с различными вопросами монголоведения, даже упомянуть о некоторых из них. Однако, думается, приведенные сведения все же дают представление о том, какой огромный путь проделало отечественное монголоведение.

Санскритология

Начало изучения санскрита в России относится к первой половине XVIII в. После основания АН в числе первых ее академиков был Т.-З. Байер, который приехал в Россию в 1726 г. Занимаясь главным образом китайским, монгольским, калмыцким, маньчжурским и тангутским (тибетским) языками, он одним из первых в России начал изучение «браминского» языка, т. е. санскрита, под руководством приехавшего в Петербург индийца Сонхбары¹. Плодом этих занятий явились две его работы по литературе и грамматике названных языков². Во второй статье впервые в России приводятся образчики санскритской азбуки (деванагари), отпечатанные, вероятно, с деревянных клише, которые были изготовлены по рисункам самого Байера, а также даются краткие сведения о дравидийских (тамуль, телугу) и некоторых новоиндийских языках (маратхи, гуджарати и др.). В 30-х годах XVIII в. кроме Байера изучением алфавита деванагари, как и алфавитов дравидийских языков, занимался Д. Г. Мессершмидт, интересовавшийся пенджабским и тамильским языками³.

В известном труде «Сравнительные словари»⁴ приводится 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков и наречий, в том числе и санскритские (самшкрутанские) слова, подобранные без всякой системы⁵.

Изучение санскрита в России в начальный период зависело от научных интересов отдельных ученых, которые зани-

¹ МИФВЯ, т. IV, стр. 11.

² Th.-S. Bayer, *Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae*,—*Comment. Acad.*, t. III, 1728 (1732), стр. 389—422; там же, t. IV, 1729 (1735), стр. 289—301. См. также: Булич, *Очерк истории языкознания*, т. I, СПб., 1904, стр. 219; Ливотова и Португаль, *Востокведение*, № 8 и 11.

³ В. М. Бескровный, *Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке*,—ВЛУ, 1957, № 8, СИЯЛ, вып. 2, стр. 37.

⁴ «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки», ч. 1—2, СПб., 1787—1789.

⁵ Булич, *Очерк*, стр. 500.

мались им лишь попутно со своими основными востоковедными штудиями. Аналогичная картина наблюдалась и в первые десятилетия существования АМ. Здесь прежде всего следует отметить Ф. Аделунга (1768—1843), почетного академика, который пытался дать обзор литературы на санскрите⁶.

Заметный след в изучении санскрита оставил рано умерший Р. Х. Ленц (1808—1836), воспитанник Дерптского университета. Научная деятельность Ленца проходила в АМ, где он занимался описанием хранившихся там восточных рукописей, в результате чего появились работы, среди которых прежде всего следует назвать его докторскую диссертацию, посвященную описанию собрания санскритских рукописей⁷. В сентябре 1835 г. Ленц был избран адъюнктом АН и приступил к обработке привезенных им рукописей. Плодом этой работы был труд, посвященный разбору «Лалита-Вистара-Пураны» — санскритского сочинения о жизнеописании Будды⁸. Ленц был первым, кто предложил свои услуги университету и стал безвозмездно читать там лекции по санскритской литературе и сравнительному языкознанию.

Прямым преемником Ленца в изучении санскрита был П. Я. Петров (1814—1875), который с юных лет обнаружил необыкновенные способности к восточным языкам. После окончания в 1832 г. Московского университета Петров благодаря содействию акад. Х. Д. Френа в 1834 г. был зачислен в «профессорский институт» АН с прикомандированием к Петербургскому университету. Занимаясь в продолжение четырех лет языками арабскими, персидским и турецким под непосредственным наблюдением Френа⁹, Петров проявил особый интерес к санскриту, изучая его под руководством Р. Х. Ленца. Результатом этих занятий была работа Петрова «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее С.-Петербургской академии наук»¹⁰.

---

⁶ F. Ad el ung, Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache, St.-Pbg., 1830; в 1837 г. появилось 2-е изд. этого сочинения: F. Ad el ung, Literatur der Sanskrit-Sprache, St.-Pbg., 1837.

⁷ «Bericht über eine im Asiatischen Museum deponierte Sammlung Sanskrit-Manuskripte», печаталась в 1833 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1833, № 219—223), а затем вышла отдельным изданием в Лейпциге и Петербурге. См. также: РБС, т. Лабзина-Ляшенко, СПб., 1914, стр. 191.

⁸ «Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit», — Bull. sc., 1836, t. I, № 7—13.

⁹ Крачковский, Очерки, стр. 110—111.

¹⁰ ЖМНП, 1836, т. II, ч. 12, стр. 184—198. О деятельности Петрова см.: Веселовский, Сведения, стр. 140; Л. З. Мсерианц, К истории санскритологии в России, — НВ, 1922, №1, стр. 311. Более полные сведения о Петрове см. в ст.: А. С. Шофман, Русский санскритолог П. Я. Петров, — ОИРВ, III, стр. 126—146; В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, — УЗЛГУ, № 304, СВН, вып. 14, 1962, стр. 146—152.

Важное значение в истории востоковедения имела научно-педагогическая деятельность проф. К. А. Коссовича (1815—1883). Заслуживает особого внимания его лексикографический труд — составлявшийся им в АН санскритско-русский словарь. Словарь этот остался незаконченным. В свет вышли только три тетради («Санскритско-русский словарь», СПб., 1854—1856). Главным недостатком словаря являлось построение его по принципам русского алфавита, что, естественно, вносило досадную путаницу и сильно затрудняло пользование им. Однако, несмотря на этот существенный недостаток, это была первая попытка издания в АН санскритско-русского словаря.

С первой половины XIX в. главным центром в области исследования санскрита становится АН. Этот период связан с именем акад. О. Н. Бётлингга (1815—1904). Вся его исключительно плодотворная научная деятельность на протяжении 65 лет отличалась целеустремленностью и была подчинена изучению одной стороны индологической дисциплины: «изучение языка, самое полное и основательное, как единственно надежное средство изучить впоследствии тот сложный и своеобразный мир, ключ к пониманию которого был санскрит»¹¹. В 1887 г. им была издана знаменитая грамматика Панини¹² — «одно из величайших творений человеческого разума»¹³. Перу Бётлингга принадлежат, кроме того, вышедшие в издании АН лингвистические работы и различные памятники санскритской письменности: грамматика Вопадевы, синонимический словарь Хемачандры с немецким переводом, уранишады — памятники древней философской мысли, древняя драма «Мриччхакатика» («Глиняная повозка») в немецком переводе, а также санскритская хрестоматия¹⁴.

Венцом многолетней деятельности Бётлингга является создание двух санскритских словарей, изданных АН: полного (1852—1875) и краткого (1879—1889)¹⁵. Эти словари ознаменовали собою эпоху в изучении санскрита и получили ши-

¹¹ С. Ф. Ольденбург, Памяти Оттона Николаевича Бётлингга (Некролог) 30 мая 1815—19 марта 1904 г., — ЖМНП, 1904, ч. 353, № 5, отд. 4, стр. 42. О Бётлингге см. также: Ливотова, Основная литература, стр. 494—495.

¹² «Pāṇini's Grammatik. Hrsg., übers., erläutert und mit verschiedenen Indices versehen von Otto Böhtlingk», Leipzig, 1887. Первое издание этой грамматики без перевода вышло в Бонне в 1839—1840 гг.

¹³ Th. Stcherbatsky, The Conception of Buddhist Nirvāṇa, Ленинград, 1927, стр. 23.

¹⁴ В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, стр. 153; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 359—367, 369—371, 374, 378—381, 387—389, 393, 394 и 397.

¹⁵ Sanskrit-Wörterbuch. Hrsg. von der Academie der Wissenschaften. bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth, Th. 1—7, St.-Pbg., 1855—1875; Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. Th. 1—7, St.-Pbg., 1879—1889.

рокую известность во всем мире под названием «Петербургских словарей». Они служили основой всей европейской индологической науки в течение целого столетия и способствовали развитию сравнительно-исторического языкознания¹⁶. Академик Бётлингк был главным составителем и редактором этих словарей. Полный словарь составлялся в сотрудничестве с Рудольфом Ротом.

АН стремилась создать наилучшие условия для развития индологии. Начиная с петровских времен ею были собраны огромные рукописные богатства различных стран Востока, в том числе и индийские рукописи, которые хранились и изучались в АН.

АН создала первоклассную типографию. Ее восточный цех, где набирались и печатались «Петербургские словари», а также различные памятники санскритской письменности и позже издания «Библиотека буддика», занимал по богатству и разнообразию восточных шрифтов одно из первых мест в мире.

Индологические исследования в АН дореволюционного периода велись по двум направлениям. Первое (более раннее) было лингвистическое, которое нашло свое выражение в издании упомянутых выше санскритских словарей, памятников индийской грамматической литературы и различных санскритских текстов.

Второе направление в индологии было буддологическое. Основоположниками научного изучения буддизма являются китаист акад. В. П. Васильев (1818—1900) и индолог проф. И. П. Минаев (1840—1890)¹⁷.

Хотя научно-педагогическая деятельность И. П. Минаева официально проходила в С.-Петербургском университете, он был тесно связан с АН, где издавались его важнейшие труды¹⁸. Минаев воспитал замечательную школу русских индологов, которые стали виднейшими учеными своего времени и продолжали его дело, работая в АН и вне ее. Двое из них стали академиками — С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской.

Важный период в истории отечественного востоковедения

---

¹⁶ «Академия наук СССР за двести лет. Речь неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная на торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 г.», Л., 1925, стр. 15; А. П. Баранников, О культурных отношениях между Россией и Индией, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 6, стр. 463.

¹⁷ О деятельности И. П. Минаева см.: А. П. Баранников, Биография И. П. Минаева (1840—1890), — И. П. Минаев, Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886, М., 1956, стр. 17—32. См. также: В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, стр. 155—157; «Иван Павлович Минаев». Сборник статей, М., 1967.

¹⁸ См.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1243—1246.

связан с неутомимой деятельностью акад. С. Ф. Ольденбурга (1863—1934). Его научная деятельность отличалась исключительной разносторонностью. Помимо северного буддизма, которым он занимался всю свою жизнь, он изучал индийский фольклор, сказки и джатаки, работал над изданием санскритских текстов, проявлял интерес к древнеиндийской и средневековой санскритской литературе, к истории, археологии и искусству Индии. Особое внимание Ольденбург уделил Махабхарате, целиком проработав весь этот колоссальный эпос¹⁹ под руководством индийца в Лондоне. Он был инициатором и бессменным руководителем издания всемирно известной серии «Собрание оригинальных и передовых буддийских текстов» под общим названием «Библиотека буддизма», основанной им в 1897 г. В этом большом международном предприятии принимали участие виднейшие ученые различных стран Востока и Запада. Творческая деятельность Ольденбурга стала особенно плодотворной в советское время. Ольденбург оставил после себя 520 научных работ и статей²⁰.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий началось интенсивное и всестороннее обследование центральноазиатских культур, в котором и наша страна принимала деятельное участие²¹. Для изучения прошлых культур этих стран были созданы международные научные организации, снаряжались археологические экспедиции. АН также приняла в этом участие. Дважды отправляла она экспедиции в Центральную Азию под руководством акад. Ольденбурга: в 1909—1910 гг. в Турфан и в 1914—1915 гг. в Дуньхуан²². Были открыты очаги буддийской культуры, выявлены новые документы на санскритском и тибетском языках, началось интенсивное изучение северного буддизма.

По этому пути пошел и другой ученик Минаева — акад. Ф. И. Щербатской (1866—1942). Окончив в 1889 г. Санкт-Петербургский университет по Историко-филологическому фа-

---

¹⁹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист. Речь, читанная на заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвященном чествованию акад. С. Ф. Ольденбурга, — сб. «С. Ф. Ольденбургу», стр. 18.

²⁰ Подробно о многосторонней научной деятельности акад. С. Ф. Ольденбурга см.: сб. «С. Ф. Ольденбургу» (к сборнику приложена библиография опубликованных трудов С. Ф. Ольденбурга, составленная П. Е. Скачковым, ныне значительно дополненная К. Л. Чижиковой, — в рукописи). См. также: ЗИВАН, 1935, т. IV. Этот номер посвящен памяти С. Ф. Ольденбурга и содержит статьи академиков А. Н. Самойловича, Ф. И. Щербатского, И. Ю. Крачковского, В. М. Алексеева и др.

²¹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 18.

²² Результатом второй экспедиции явился большой неопубликованный труд Ольденбурга «Описание пещер тысячи Будд Дуньхуана» («Цянь Фодун»), до сих пор сохранивший свою исключительную ценность (ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 175). Вместе с материалами экспедиции Ольденбург привез коллекцию дуньхуаньских китайских рукописей, описание которых производится в ЛО ИВ.

культету, где главным его учителем был проф. И. П. Минаев, руководивший его занятиями по санскриту, Щербатской прошел затем узкую специализацию по индийским шастрам, т. е. определенным научным дисциплинам по индийской грамматике, теории поэзии²³ и философии²⁴, у крупнейших в то время санскритологов Европы Г. Бюлера в Вене и Г. Якоби в Бонне.

В 1905 г. Щербатской был в Монголии, где под руководством лам совершенствовал свои знания в тибетском языке и широко использовал монастырские буддийские библиотеки для своих исследований по философии буддизма.

В 1910—1911 гг. он совершил путешествие в Индию, где углубил свои познания в области санскрита. Хотя Щербатской приехал в Индию уже зрелым ученым, хорошо известным в Европе, он с исключительной требовательностью подошел к себе и своим знаниям индийских философских систем, занимаясь у индийских пандитов по 16 часов в сутки. Вот что писал он из Бомбея акад. Ольденбургу: «Дело в том, что действительно время моей командировки было очень коротко. В Европе я считал себя недурным знатоком ньяя, но, приехав сюда, увидел, что нужно переучиваться с начала и что без знания миманса невозможно хорошо знать и ньяя. Я сразу напал на двух пандитов из Митхила, настоящих шастри, один из них санньяси. С их помощью прохожу полный курс ньяя, как он проходится самими шастринами. Это настоящие учителя — индусы совершенно старинного покроя, не знающие, разумеется, ни слова по-английски. Жизнь с ними устроить было довольно мудрено, так как нужно считаться с кастовыми порядками, пришлось нанять поместительный дом и отдельный для них штат прислуги, также и для себя. Но я считал, что моя главная цель изучение шастр, а объезд и знакомство с Индией второстепенная, и поэтому решил сделать все, чтобы использовать этих шастринов. Скоро уже 4 месяца, как я ежедневно по 16 часов сижу за ньяя, и все еще не могу сказать, чтобы чувствовал себя свободно. Другой раз, разжевав какое-либо рассуждение, ощущаю нечто вроде того, что чувствуется в теле после первого урока езды на велосипеде. Одновременно у меня завязались

---

²³ Ф. И. Щербатской, Теория поэзии в Индии,— ЖМНП, 1902, ч. 341, отд. 2, стр. 299—329.

²⁴ Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть I. Учебник логики. Дармакирти с толкованием на него Дармоттары, СПб., 1903. Часть II. Учение о восприятии и умозаключения, СПб., 1909 (нем. перев.: Th. Stcherbatsky, Erkenntnistheorie und Logic nach den späteren Buddhisten. Aus dem Russischen übersetzt von Otto Strauss, München—Neubiberg, 1924; франц. перев.: Stcherbatsky, La théorie de la connaissance et la logique chez les Bouddhistes tardifs. Traduit par madame I. de Manziarly et Paul Masson-Oursel, Paris, 1926).

сношения со здешними Джайнами, Арьясамадж, Брахмасамадж и махараджей Бародским, все необыкновенно предупредительны и внимательны, книг и рукописей по ньяя у меня уже образовалась порядочная библиотека...»²⁵.

Таким образом, помимо глубоких знаний индийских философских шастр Щербатской приобрел в Индии обширную практику в санскрите и свободно говорил на нем, вступая в общение с индийскими пандитами и принимая участие в философских диспутах. Среди европейцев Щербатской был одним из немногих, кто столь глубоко проник в смысл и дух этого древнего языка. Он блестяще сочетал в себе две системы изучения санскрита: европейскую — университетскую и традиционную — индийскую. По признанию самих индийцев²⁶, он владел санскритским как ортодоксальный индуист и в совершенстве знал специальную терминологию индийских философских систем. А это в свою очередь давало ему преимущество: превосходно используя критический метод западно-европейских мыслителей, подходить в то же время к проблемам индийской философии с глубокими знаниями ортодоксального индийского ученого-пандита.

Щербатской возвратился из Индии во всеоружии санскритологической науки, искушенный в вопросах традиционной индийской образованности²⁷. И не удивительно поэтому, что к нему приезжали по вопросам индийской философии и толкования санскритских философских шастр индийские ученые-пандиты. Имя Щербатского, как и его замечательные труды, пользуется заслуженной любовью в Индии и по сей день.

Научные интересы Щербатского были неуклонно направлены на изучение индийской философии, точнее, буддийской логики, а также самого буддизма по санскритским и тибетским источникам. Наше близкое соседство со странами буддийского мира и огромные богатства АМ в области тибетской буддийской литературы также оказали свое влияние на его выбор.

Таким образом, с конца XIX и начала XX в. изучение санскрита в АН и частично в Петербургском (позже Петроградском) университете было подчинено изучению буддийской философии и культуры. Однако наряду с этим продолжало существовать и лингвистическое или, вернее, филологическое

²⁵ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, № 685, л. 33.

²⁶ Дхармендра Натх Шасти, Вклад Ф. И. Щербатского в развитие индийской философии, — КСИВ, вып. XXVIII, 1958, стр. 77, 80.

²⁷ Более подробные сведения о пребывании Щербатского в Индии и вообще о его деятельности см.: Ф. И. Щербатской, Краткий отчет о командировке в Индию, — ИРКСА, 1912, сер. II, № 1, стр. 70—73; а также: В. И. Кальянов, Академик Федор Ипполитович Щербатской, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 3, стр. 245—252; его же, Изучение санскрита в России, — УЗЛГУ, № 304, СВН, вып. 14, 1962, стр. 158—163; его же, Об изучении санскрита в Советском Союзе, — ВЛУ, 1957, № 8, стр. 23—30.

направление. В этом отношении заслуживает внимания деятельность третьего ученика И. П. Минаева — проф. Н. Д. Миронова. Мионов много лет занимался вопросами древнеиндийской (ведической) литературы (преимущественно Ригведой) и работал над описанием санскритских рукописей, часть которых была собрана и привезена Минаевым. В результате этой работы Мионов подготовил и опубликовал два каталога этих рукописей, имевшихся как в АМ, так и в ГПБ²⁸. Кроме того, им были опубликованы отдельные работы в области древнеиндийской филологии²⁹, а также ряд статей по истории и культуре Индии для «Большой энциклопедии» под ред. С. Н. Южакова.

После Октябрьской революции продолжалось дальнейшее развитие традиционных разделов русской индологии. Старшее поколение русских индологов Ольденбург и Щербатской продолжали свои исследования в области буддизма, получившие всемирную известность. Еще на рубеже двух эпох благодаря поддержке АН эти выдающиеся русские ученые организовали изучение северного буддизма в широких международных масштабах. «Библиотека буддиста» получила еще больший размах. Вокруг нее объединились виднейшие ученые различных стран Запада и Востока: проф. Сильвен Леви (Франция), д-р Э. Д. Росс (Англия), проф. де Ла-Валлэ Пуссен (Бельгия), Вохихара (Япония), М. Валлезер (Германия), Ф. И. Щербатской и О. О. Розенберг (Россия). В противоположность другому направлению (Т. Рис Дэвидс, Г. Ольденбург, Р. Чильдерс), которые изучали южный буддизм, т. е. так называемый палийский канон, эта группа ученых подошла к вопросу изучения буддизма наиболее глубоко и исторично, так как учитывала все достижения индийской культуры за 10 столетий, которые нес с собой северный буддизм из Индии в страны Дальнего Востока³⁰. В основу изучения буддизма этой группой ученых были положены глубокие знания буддийской и индийской философии вообще.

По инициативе Ольденбурга и Щербатского 24 августа 1919 г. была открыта первая буддийская выставка в Петрограде, на которой прочитали лекции Ольденбург, Щербатской, Розенберг, Владимирцов³¹.

²⁸ «Каталог индийских рукописей». Составил Н. Д. Мионов, вып. 1, 1914; «Каталог индийских рукописей Российской Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторых других», т. II, вып. 1, 1918.

²⁹ N. Mironov, *Die Dharmaparikṣā des Amitagati. Ein Beitrag zur Literatur und Religionsgeschichte des indischen Mittelalters*. Inaugural-Dissertation, Leipzig, 1903; его же, *Dignāga's Nyāyapravēsa and Haribhadra's Commentary to it*, — «Jainshasana», Benares, 1911, стр. 133—138.

³⁰ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 19; его же, Академик С. Ф. Ольденбург как индианист, — ЗИВАН, т. IV, 1935, стр. 28.

³¹ Каждая лекция была издана в Петрограде в 1919 г. отдельной брошюрой: С. Ф. Ольденбург, Жизнь Будды, индийского учителя жизни,

По инициативе Ольденбурга и Щербатского было возобновлено издание серии «Памятники индийской философии», задуманной ими еще в 1914 г. и утвержденной постановлением АН. Такая серия (в переводах с санскрита и других восточных языков на русский или западноевропейские языки) должна была удовлетворить потребность в подобного рода литературе русской и европейской науки, с одной стороны, и русской читающей публики — с другой. Для этого в первую очередь были избраны сочинения Вачаспатишистры по всем индийским философским системам, основные трактаты системы ньяя, семь трактатов Дхармакирти, сочинение по логике Дигнаги и Абхидхарма Васубандху, содержащее систему первоначального буддизма. Из намеченных работ Щербатским в 1922 г. был опубликован перевод с тибетского трактата Дхармакирти по буддийской логике³². В связи с этим изданием Щербатской в своем предисловии писал: «Если теперь, по истечении почти шести лет, когда было так трудно печатать, и намечается возможность осуществления хотя небольшой части прежних предположений, то эта заслуга прежде всего тех деятелей на научной почве, которые, несмотря ни на какие трудности и жертвы, не подумали о бегстве из родной страны, верили все время в ее неминуемое и быстрое возрождение и не жалели сил своих в борьбе с разрухой»³³.

Уже в первые годы Советской власти ощущалась настоятельная необходимость в учебных пособиях для изучения санскрита. В 1923 г. по инициативе Щербатского и под его редакцией был издан русский перевод учебника Г. Бюлера³⁴. Перевод сделал его ученик П. В. Ернштедт совместно с А. А. Сталь-Гольстейном. Учебник этот, изложенный с точки зрения индийской грамматической традиции, до сих пор используется при изучении санскрита в ЛГУ и других университетах страны.

Одновременно восстанавливались и получали дальнейшее развитие прерванные войной научные международные связи. Большую научную помощь оказывал Щербатской зарубежным ученым в их исследованиях по индийской и буддийской философии. Известный индийский ученый Дасгупта в первом томе своего капитального труда по истории индийской философии выразил в 1922 г. благодарность Щербатскому за предоставленную ему возможность пользоваться его английскими переводами тибетского трактата Абхидхармакошака-

Пг., 1919; Ф. И. Щербатской, Философское учение буддизма; О. О. Розенберг, О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке; Б. Я. Владимирцов, Буддизм в Тибете и Монголии.

³² Дхармакирти, Обоснование чужой одушевленности. С толкованием Ванитадева (см. предисловие акад. Ф. И. Щербатского, стр. III).

³³ Там же, стр. V.

³⁴ Г. Бюлер, Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Перевод под редакцией проф. Ф. И. Щербатского, Стокгольм, 1923.

риках. На основании перевода Дасгупта мог написать свой раздел об Абхидхармакоше³⁵.

Полный расцвет талант и творческая деятельность Щербатского получают уже в советский период. Вокруг него и его школы в АМ все более концентрируется исследовательская работа в области индийской философии и буддийской логики. В начале 20-х годов Щербатской был командирован АМ в Лондон для приобретения литературы, что не помешало ему написать и издать в Лондоне в 1923 г. широко известную книгу о центральной концепции буддизма и значении слова «дхарма»³⁶. В 1927 г. после возвращения в Ленинград Щербатской издал книгу о концепции буддийской Нирваны³⁷. Эта книга вызвала высокую оценку Джавахарлала Неру, который с сердечной теплотой писал о «советском ленинградском профессоре Ф. Щербатском»³⁸.

В целях более планомерного изучения буддизма, его философии и культуры в 1928 г. в АН был создан Институт буддийской культуры (ИНБУК) во главе с акад. Ф. И. Щербатским. «Через буддизм,— писал он,— Индия становится нашим соседом на всем протяжении нашей азиатской границы от Байкала до Нижней Волги»³⁹.

Еще задолго до открытия ИНБУКа Щербатской понимал важность создания такого учреждения. В 1907 г. в письме Ольденбургу из Агинского дацана он писал: «Проанализировав всю буддийскую литературу, мы создадим такую филологию, которая превзойдет, как более молодая, классическую, и вознесем Индию выше Греции и Рима, на что она имеет полное право!»⁴⁰. Эти мысли Щербатского нашли потом отражение в объяснительной записке к проекту учреждения ИНБУКа, где, между прочим, подчеркивалась и необходимость «обращения к устной традиции буддийской учености». В заключительной части записки говорилось: «Для сохранения, укрепления и расширения достигнутых позиций, для сохранения буддологией руководящей роли необходимо объединение ее сил и ресурсов в виде научного учреждения, имеющего целью более строгую, систематическую организацию ее работы и установление и развитие связей с современной буддологической работой на Востоке»⁴¹.

³⁵ S. Dasgupta, *History of Indian Philosophy*, vol. I, Cambridge, 1922, стр. 119; Reprint., 1963.

³⁶ Th. Stcherbatsky, *The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word «dharma»*, London, 1923.

³⁷ Th. Stcherbatsky, *The Conception of Buddhist Nirvāna*.

³⁸ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 118.

³⁹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 18.

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, № 685, лл. 27—28.

⁴¹ Ф. Щербатской, С. Ольденбург, М. Тубьянский, *Институт изучения буддийской культуры*,— ИАН СССР, 1927, сер. IV, № 18, стр. 1703—1704; см. также: ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), № 78.

В задачи ИНБУКа входило: 1) собрание материалов для составления многоязычного словаря буддийской терминологии, истории буддийской литературы, истории буддизма и библиографии, как восточных сочинений, так и европейских, по вопросам буддийской культуры; 2) изучение отдельных отраслей знаний, входящих в состав буддийской культуры или развивающихся под ее влиянием; 3) изучение обширной многоязычной литературы, созданной буддийской культурой, и издание текстов, переводов и исследований; 4) установление теснейшей научной связи с научными организациями и лицами, занимающимися изучением буддийской культуры, как в пределах СССР, так и за границей. Особое внимание институт уделяет установлению научной связи с соответствующими организациями и лицами стран Востока ⁴².

К работе в ИНБУКе были привлечены ученики Щербатского: Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков и М. И. Тубянский, а также Б. В. Семичов — ученик Е. Е. Обермиллера ⁴³.

Значительно расширился объем изданий серии «Библиотека буддика». «Весь этот громадный труд...— отмечал Щербатской,— доставил нашей академии заслуженную славу в странах азиатских не менее, чем в Европе» ⁴⁴. Продолжение издания «Библиотека буддика» в советский период явилось ярким выражением преемственной связи советской индологии с лучшими традициями русского дореволюционного востоковедения.

Кроме чисто буддологических интересов, которые стояли в центре внимания Щербатского и его школы, в АМ—ИВ освещались и другие вопросы в области индийской философии и культуры. Здесь прежде всего следует назвать работы самого Щербатского о категорическом императиве у брахманов, об индийском материализме и о научных достижениях в древней Индии ⁴⁵.

Еще в конце 20-х годов в соответствии со все возрастающими требованиями, диктовавшимися быстрым ростом социалистического строительства в нашей стране, перед АН встали большие новые задачи. В связи с этим, естественно, возникла необходимость и в коренной перестройке всей восточноведной работы с целью приближения ее к задачам хозяйственного и культурного строительства на советском Востоке

⁴² Устав ИНБУК,— ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 2, лл. 7—8.

⁴³ В работе ИНБУК с 1929 г. принимал участие индийский проф. Д. Косамби (ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1929), № 69, лл. 23, 30—33).

⁴⁴ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 28.

⁴⁵ Ф. И. Щербатской, Учение о категорическом императиве у брахманов,— сб. МАЭ, т. V, Пр., 1918, стр. 359—370; его же, К истории материализма в Индии,— «Восточные записки», I, 1927, стр. 1—10; его же, Научные достижения древней Индии. Речь академика Ф. И. Щербатского. Прочитана на торжественном годовом собрании РАН 2 февраля 1924 г., — Отчет РАН за 1923 г., Л., 1924, стр. 1—25.

и проведения советской мирной политики на зарубежном Востоке. В 1930 г. был создан ИВ, во главе которого стал акад. С. Ф. Ольденбург.

В планах ИВ был сделан упор на новую тематику, где «стоят на первом месте вопросы экономики всех стран Востока, без знания которой немисливо настоящее знание этих стран»⁴⁶. В числе вопросов, требовавших разработки на основе санскритских источников, помимо традиционных тем были издания важнейших индийских памятников по истории, экономике и государственному устройству древней Индии.

В пятилетнем плане (1929/30—1933/34) работ Индо-тибетского кабинета ИВ, который во главе с акад. Ф. И. Щербатским явился как бы преемником ИНБУКа в новом объединенном востоковедном учреждении, были запроецированы специальные работы Индийского подотдела: 1) издание и перевод тех памятников индийской литературы, которые могли бы привести к восстановлению изучения истории Индии до нашей эры, а в первую очередь Архашастры и джатак, 2) издание памятников литературы, трактующей об искусстве, 3) изучение, издание и перевод произведений изящной литературы для ознакомления с нею широких кругов читателей и, наконец, 4) изучение трактатов о медицине для установления связи индийской медицины с тибетской. Согласно этому плану в первый же год существования ИВ по инициативе Ольденбурга были предприняты две большие коллективные работы: перевод с санскрита и комментирование знаменитого политико-экономического трактата древней Индии Архашастры и перевод палийского сборника джатак как источника по социальной истории Индии. Обе темы шли по историческому сектору⁴⁷.

Для работы над первой темой был организован высококвалифицированный коллектив (бригада) под руководством заведующего кабинетом: С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Абони Мухарджи, А. И. Востриков, Е. Е. Обермиллер и Б. В. Семичов. Вторая тема разрабатывалась Ольденбургом, Щербатским, Семичовым и Обермиллером. Однако работа над этим памятником, фактическим исполнителем которой стал один Семичов, с мая 1931 г. прекратилась. В своем отчете за апрель 1931 г. Ольденбург сообщал по этому поводу: «Перевод джатак прекращен согласно решению сектора и группы, но я веду отборку джатак, подлежащих переводу для однотомного издания джатак „Academia“. Просмотрел первый том текста»⁴⁸.

Работа над коллективным переводом Архашастры под

⁴⁶ С. Ф. Ольденбург, Востоковедение в Академии наук на новых путях, — ВАН, 1931, № 2, стр. 14.

⁴⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 24.

⁴⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 27.

непосредственным руководством Щербатского в основном была уже выполнена к концу 1932 г. Перевод первой книги (отдела) этого памятника был сделан Ольденбургом, а основная, наиболее обширная часть трактата — Обермиллером. Переводы отдельных разделов и глав были сделаны Востриковым и Семичовым, дальнейшая работа которого над памятником прекратилась ввиду ухода его в феврале 1932 г. из ИВ⁴⁹. Артхашастра была последней работой Ольденбурга, в которую он вложил свой многолетний опыт и широкую эрудицию. В связи со своей работой над Артхашастрой он опубликовал ряд статей⁵⁰. Однако в целом эта работа не была закончена в связи со смертью Ольденбурга (1934) и годом позже Обермиллера.

В ИВ Щербатской продолжал свои исследования в области буддийской философии. Им был завершен и опубликован двухтомный фундаментальный труд по буддийской логике⁵¹, последний в его монументальной трилогии, посвященной изучению буддийской философии и культуры в целом. Этот труд Щербатского, где исследуются в историческом развитии теория познания и логика позднейших буддистов, получил, как и другие части его трилогии, всеобщее признание. Известный индийский ученый Дхармендранатх Шастри назвал его «шедевром Щербатского». «Мы не ошибемся,— говорил он,— если скажем, что «Буддийская логика» является величайшим произведением индийской философии за последние 250 лет»⁵².

Одновременно с большой научно-организационной работой в кабинете Щербатской постоянно поддерживал обширные международные связи, публикуя за рубежом свои статьи в различных периодических изданиях⁵³. На заседаниях кабинета он выступал с докладами и лекциями о буддийской логи-

⁴⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33.

⁵⁰ С. Ф. Ольденбург, Современная постановка изобразительных искусств и их техника в Индии, — ИГАИМК, вып. I, 1931, т. VIII, стр. 1—19; его же, О документе в феодальной Индии, — СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 42—45; его же, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, — БВ, вып. 2—4 (1933), 1934, стр. 1—8; см. также: ВАН, № 7, 1933, стр. 3.

⁵¹ Th. Stcherbatsky, Ph. D. Buddhist Logic, vol. 1—2, Л., 1930—1932 (BB, XXVI).

⁵² Dharmendra Nath Shastri, Contribution of Th. Stcherbatsky to Indian Philosophy, — «The Modern Review», Calcutta, 1953, № 2, стр. 117—118. Русский перев.: Д. Н. Шастри, Вклад Ф. И. Щербатского в развитие индийской философии, — КСИБ, вып. XXVIII, 1958, стр. 76.

⁵³ Th. Stcherbatsky, Dignāga's Theory of Perception, — «The Journal of the Taisho University», vol. VI—VII, 1930, стр. 1—42; его же, The Doctrine of the Buddha, — BSOS, 1932, vol. 6, pt 4, стр. 867—896; его же, The Dharmas of the Buddhists and the «Gūṇas» of the Saṃkhyas, — IHQ, 1934, vol. X, № 4, стр. 1—24; его же, Die drei Richtungen in der Philosophie des Buddhismus, — RO, 1934, t. X, стр. 1—37.

ке и индийских логических учениях. Щербатской также проводил в кабинете занятия по истории индийской логики⁵⁴.

Последняя работа Щербатского посвящена исследованию философского памятника «Мадхьянта-вибханга» и представляет собою перевод с санскрита первой части приписываемого Бодхисатве Майтрейе основного сочинения школы йогачаров северного буддизма по вопросу о том, как избегать крайностей и придерживаться середины во всех своих суждениях⁵⁵. Эта работа завершила издание «Библиотеки буддика»⁵⁶. Щербатской продолжал работать и над другими частями этого сочинения, а также начал комментированный перевод части (пурваканика) трактата по индийской логике «Ньяяканика»⁵⁷. В своих трудах Щербатской на основе изучения оригинальных санскритских и тибетских текстов объяснил ряд важнейших проблем буддийской логики и индийской философии вообще. «Мы научились также, — говорил он, — различать две основные фазы буддизма — начальную, когда он был не религией, а скорее философской системой реалистического плюрализма, и позднейшую, когда на фоне философского монизма он превратился в пышную католическую религию. Мы научились отличать буддизм собственный от разных чуждых ему по духу теорий, мистических и даже изверженных, которые с течением времени к нему присосеживались и его обрастали. Оглядываясь на все эти достижения, можно действительно сказать, что, конечно, сделано немало. Тем не менее «Библиотека буддика» только приподняла завесу над массой еще неизвестной литературы»⁵⁸.

Для дальнейшей разработки проблем индийской философии в кабинете были запроектированы такие крайне важные и интересные темы, как работы об индийской атомистике, о диалектике школы йогачаров и о первоисточниках индийской диалектики. В области же истории и государственного устройства Индии помимо издания знаменитого политико-экономического трактата Артхашастра были запланированы работы о кастовом строе Индии, по индийской юридической литературе, а также о трактате Таркаджвала. Однако при тогдашнем положении с кадрами кабинета не все намеченное могло быть осуществлено⁵⁹.

⁵⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33 (1931), № 27.

⁵⁵ «Madhyānta-Vibhanga, Discourse on Discrimination between Middle and Extremes, Ascribed to Bodhisattva Maitreya and Commented by Vasubandhu and Sthiramati», М.—Л., 1936 (ВВ, XXX).

⁵⁶ В 1960 г. по инициативе Ю. Н. Рериха (1902—1960) было возобновлено издание этой серии. См. «Дхаммапада», перев. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960.

⁵⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 31.

⁵⁸ Ф. И. Щербатской, Академик С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 29.

⁵⁹ См. письмо Ф. И. Щербатского в Президиум АН СССР от 15.XI.1937 (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 15, л. 61).

Попытки Щербатского привлечь на длительный срок для работы в Индо-тибетский кабинет известного индийского ученого махапандита Рахулу Санскритьяну, приехавшего в Советский Союз в качестве гостя АН, не увенчались успехом⁶⁰.

В кабинете начали разрабатываться вопросы материалистических течений в индийской философии. В продолжение нескольких лет Щербатской руководил подготовкой специалистов в этой области. В архиве Щербатского сохранилась (по-видимому, не полностью) диссертация аспиранта М. С. Троицкого, посвященная материализму в древней Индии и написанная под его непосредственным руководством⁶¹. Составной частью диссертации был перевод с санскрита двух глав (XVIII и XXII) сводного труда буддийского философа VIII в. Шантаракишита «Таттвасанграха». Первая из них посвящена исследованию умозаключения (ануманапарикша) и содержит специальную критику взглядов философа-материалиста Пурандары на умозаключение, как на один из источников познания; вторая — исследованию материализма (локаятапарикша) в форме критики индийского материализма как философской системы.

Продолжая давно сложившуюся традицию, ИВ стал центром изучения санскрита в широком смысле. Помимо упомянутых работ в области изучения буддийской философии в институте велась работа по изучению отдельных вопросов санскритской грамматической системы на основе индийской грамматической традиции. Здесь в первую очередь следует назвать выполненный Щербатским перевод популярной санскритской грамматики Варадарджи (XVII в.) «Лагхусиддханта-кауmundи» («Лунный свет легких грамматических правил»), который был начат еще до Октябрьской революции и сохранился в рукописи. Учеником Щербатского Кальяновым была предпринята попытка изучения сложных слов в санскрите на основе индийской классификации, выработанной во II в. до н. э. знаменитым грамматиком Патанджали⁶². В связи с изучением индийской грамматической традиции большой интерес представляет написанная уже гораздо позже работа А. П. Баранникова «Элементы сравнительно-исторического метода в индийской лингвистической традиции»⁶³.

В 1938 г. была возобновлена прервавшаяся на несколько лет работа над Артхашастрой. Щербатской выполнил перевод главы 10 второго отдела (книги). Была также произведе-

⁶⁰ Там же, лл. 54, 61—65.

⁶¹ ЛО ААН, ф. 725, оп. 1, № 102.

⁶² В. И. Кальянов, Классификация сложных слов в санскрите (резюме кандидатской диссертации «Сложные слова в санскрите», защищенной автором 12 июня 1941 г.), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, № 4, стр. 77—84.

⁶³ ВЯ, 1952, № 2, стр. 44—61. Это был последний печатный труд акад. А. П. Баранникова.

дена сверка всего перевода с санскритским оригиналом⁶⁴. В том же году ученик Щербатского и акад. А. П. Баранникова М. А. Ширяев (1887—1952) начал новый перевод законов Ману («Манав-дхарма-шастра»), который через год был приостановлен ввиду того, что исполнитель его был временно переклочен на другую работу. В конце 1937 г. М. А. Ширяевым был выполнен перевод с санскрита «Шукасаптити» («Семьдесят рассказов попугая»), частично просмотренный и одобренный Щербатским⁶⁵.

Заслуживает особо быть отмеченным, что под руководством Щербатского и при его прямом участии был систематизирован большой неопубликованный труд Ольденбурга «Описание пещер тысячи Будд Дуньхуана» (Цянь Фо дун).

В течение ряда лет в ИВ велась также работа по исследованию вопросов древней истории Индии. Здесь следует назвать имя Д. А. Сулейкина (1900—1948), воспитанника ЛВИ. В предвоенные годы Д. А. Сулейкин много внимания уделял проблемам кастового строя в древней Индии, выступил с обширным докладом на Ученом совете института и подготавливал исследование по этому вопросу. Для книги по истории стран Востока в средние века он написал раздел «Индия IV—IX вв.». Эта важная работа была защищена автором в 1943 г. в Ташкенте в качестве кандидатской диссертации⁶⁶. В 1947 г. на объединенном заседании трех гуманитарных отделений АН СССР в Москве, посвященном изучению Индии, Д. А. Сулейкин выступил с докладом об основных вопросах периодизации истории древней Индии⁶⁷. В последние годы своей жизни Д. А. Сулейкин работал над выяснением вопросов, касающихся истории возникновения могущественной рабовладельческой деспотии древней Индии — государства Маурья (IV—II вв. до н. э.)⁶⁸. Сулейкин оставил довольно обширный рукописный материал, относящийся к различным проблемам истории древней Индии.

Большое значение в ИВ придавалось изучению и переводам памятников санскритской письменности и вообще индийской литературы. В традициях нашего востоковедения издание таких памятников всегда было неотъемлемой частью и вместе с тем необходимой основой всякого научного исследования. В 1939 г. по инициативе А. П. Баранникова, бывшего в то время директором ИВ, был начат русский академический

---

⁶⁴ В. И. Кальянов, *Артхашастра* — политико-экономический трактат древней Индии, — ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

⁶⁵ См. прим. 93.

⁶⁶ «Рабочая хроника ИВ», т. I, Ташкент, 1944, стр. 39.

⁶⁷ Д. А. Сулейкин, *Основные вопросы периодизации истории древней Индии*, — УЗТИ, т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 177—192.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1947), № 11.

перевод Махабхараты — важнейшего эпического памятника древней Индии. Работа над переводом первой книги — Адипарвы — продолжалась со значительными перерывами и во время войны, как в условиях блокады Ленинграда⁶⁹, так и в период пребывания ИВ в Ташкенте⁷⁰. Первая книга вышла в свет в 1950 г. под редакцией Баранникова⁷¹.

После долгого перерыва был подготовлен перевод второй книги Махабхараты — Сабхапарвы, который вышел в свет в 1962 г.⁷². Это издание также получило отклик виднейших государственных деятелей Индии⁷³.

Работа над переводом и исследованием Махабхараты в ЛО ИНА продолжалась и дальше. В 1964 г. был закончен и подготовлен к изданию перевод и исследование четвертой книги этого памятника — Виратапарвы, которая увидела свет в 1967 г.⁷⁴.

Как уже указывалось, большое место в планах ИВ занимала работа над подготовкой издания Артхашастры. Эта трудоемкая работа длилась несколько лет и потребовала большого труда и настойчивых усилий. Была создана специальная редколлегия во главе с акад. В. В. Струве, в которую вошли акад. АН ЛитССР Б. А. Ларин, канд. филол. наук В. И. Кальянов и канд. эконом. наук И. П. Байков. Редколлегия стремилась бережно отнестись к тексту перевода и сохранить по возможности авторскую работу, которая была проделана Ольденбургом, Щербатским и их учениками. Од-

---

⁶⁹ А. В. Кольцов, Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943), стр. 101 (22 мая 1942 г. в институте обсуждался доклад В. И. Кальянова «Махабхарата — эпический памятник древней Индии»).

⁷⁰ «Рабочая хроника ИВ», II, стр. 48 (в июне на заседании кабинета обсуждался раздел из Махабхараты «Сказание о Паушье»).

⁷¹ «Махабхарата. Адипарва. Книга первая». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»). Рец.: О. F ri š, Mahabharata (vol. I. Adiparvan) translated from Sanskrit into Russian by V. I. Kal'janov. Ed. by Academy of Sciences in Moscow, 1950, — АОг., 1952, vol. XX, № 1—2, стр. 334—336. Работа над переводом Махабхараты в Советском Союзе во время войны была отмечена Джавахарлалом Неру как знаменательный факт (Д ж а в а х а р л а л Н е р у, Открытие Индии, М., 1955, стр. 108).

⁷² «Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о собрании». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова (отв. ред. акад. АН ЛитССР Б. А. Ларин), М.—Л., 1962.

⁷³ Письма президента Индии Д-ра С. Радхакришнана (от 21 февраля 1963 г.) и премьер-министра Джавахарлала Неру (от 20 февраля 1963 г.), адресованные послу СССР в Индии (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1963), № 31, лл. 24а, б, в).

⁷⁴ «Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва, или Книга о Вирате». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова (отв. ред. акад. В. В. Струве), Л., 1967. К книге приложена статья В. И. Кальянова «Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе» (стр. 135—160). Это издание получило отклик премьер-министра Индии Индиры Ганди в ее письме (от 22 марта 1968 г.), адресованном автору перевода этой книги (см. там же, оп. 1 (1968), инд. 645).

ной же из главных трудностей явилась датировка памятника, которая была рассмотрена в отдельных статьях⁷⁵. Необходимо также отметить, что при подготовке русского издания Артхашастры известную помощь оказывали своими ценными указаниями или присылкой нужной литературы крупнейшие ученые Индии, с которыми были установлены тесные личные контакты. Среди них особого внимания заслуживают покойный проф. Мегхнат Саха (Калькутта), махамохопадхья П. В. Кане (Бомбей), проф. Р. Н. Дандекар (Пуна), проф. В. Рагхаван (Мадрас), д-р Рам Шаран Шарма (Патна) и др.

Издание полного русского перевода Артхашастры, который вышел в свет в 1959 г.⁷⁶, вызвало отклики как в нашей стране, так и за ее пределами⁷⁷. Это также было отмечено в выступлениях индийских ученых на XXV МКВ (Рамачандра Н. Дандекар, Рам Шаран Шарма и др.). Выход в свет русского издания Артхашастры, как и Махабхараты, послужил дальнейшему укреплению индо-советских научных и культурных связей.

В начале 20-х годов А. П. Баранниковым был сделан полный перевод с санскрита произведения Арья Шуры «Джатакамала», который был передан на просмотр Ольденбургу. Лишь в 1962 г. этот труд, законченный и подготовленный к изданию О. Ф. Волковой (Москва), был опубликован⁷⁸.

С деятельностью выдающихся востоковедов и их учеников было связано и преподавание санскрита в Петрограде — Ленинграде. Оно велось в университете и в ЛИЖВЯ. Традиция эта не прерывалась. Она продолжалась и после Великой Отечественной войны.

⁷⁵ В. И. Кальянов, О датировке Артхашастры, — ВДИ, 1953, № 3, стр. 196—208; его же, О времени составления «Артхашастры», — МКВ XXIII, ДД СССР, Секция индоведения, М., 1954, стр. 23—39 (V. Kalyanov, Dating the Arthaśāstra. Papers Presented by the Soviet Delegation at the XXIII International Congress of Orientalists. Indian Studies, Moscow, 1954, стр. 40—54). См. также: «Proceeding of the Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge 21-st—28-th August 1954», London [6./r.], стр. 223—225; R. N. Dandekar, The Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge 21-st—28-th August 1954, — Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institut, vol. XXXV, Poona, 1955, стр. IX, XVIII.

⁷⁶ «Артхашастра, или наука политики». Перевод с санскрита. Издание подготовил В. И. Кальянов (отв. редактор издания акад. В. В. Струве), М.—Л., 1959. В книге приложены статьи В. И. Кальянова «Артхашастра — важнейший памятник индийской культуры» (стр. 501—537) и И. П. Байкова «Артхашастра — памятник большой исторической ценности» (стр. 538—560).

⁷⁷ См. рецензии: Н. П. Анিকেев, — ВФ, 1959, № 5, стр. 161—169, Г. Бонгард-Левин, — ПВ, 1960, № 3, стр. 242—257, а также Фридрих Вильгельм (Мюнхен) в журн.: JESHO, V, 1962, pt II, стр. 220—222.

⁷⁸ «Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисатвы», — ИНА АН СССР, ПЛНВ, Переводы, VII, М., 1962.

Среди воспитанников Восточного факультета ЛГУ особенно выделялся своими редкими способностями и талантом В. С. Воробьев-Десятовский (1928—1956), который, обладая глубокой лингвистической подготовкой и широким научным кругозором, за сравнительно короткий отрезок времени смог приготовить ряд весьма ценных трудов и исследований. В Секторе восточных рукописей ИВ Воробьев-Десятовский успешно занимался изучением центральноазиатских рукописей, продолжая этим традицию, начатую С. Ф. Ольденбургом. Он разобрал Индийский фонд и опубликовал о нем статью «Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР»⁷⁹. Особый интерес Воробьев-Десятовский проявил к изучению рукописного собрания, состоящего из коллекций Н. Ф. Петровского, П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга и других и содержащего уникальные рукописные материалы I—IX вв. на санскрите, сакском, кучинском и тибетском языках. Работа над описанием и подготовкой к изданию ряда интересных материалов осталась незаконченной. Оборвалось и начатое им с большим увлечением исследование «гибридного» санскрита, отличающегося необычными флективными формами.

Кроме исследований в области центральноазиатских рукописей Воробьев-Десятовский написал ряд работ, посвященных вопросам сравнительно-исторического изучения индоарийских языков и истории отечественного востоковедения⁸⁰. Особого внимания заслуживает его кандидатская диссертация, посвященная развитию личных местоимений в индоарийских языках, успешно защищенная в 1954 г. и опубликованная уже после смерти автора⁸¹. Воробьев-Десятовский успел закончить перевод классической драмы Шудраки «Мриччхакатика» («Глиняная повозка»), увидевший свет тоже после его кончины⁸². Преждевременная смерть оборвала его плодотворную научную деятельность в самом начале расцвета творческих сил и таланта.

Работу покойного В. С. Воробьева-Десятовского по описа-

⁷⁹ УЗИВАН, 1954, т. IX, стр. 128—145.

⁸⁰ В. С. Воробьев-Десятовский, К вопросу о роли субстрата в развитии индо-арийских языков, — СВ, № 1, 1956, стр. 99—110 (эта работа была напечатана также в польском журнале RO, t. XXI, 1957, стр. 501—515); его же, О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индо-арийских языках, — УЗИВАН, 1958, т. XIII, стр. 129—142; его же, Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749—1817), — ОИРВ, II, 1956, стр. 36—73.

⁸¹ В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индо-арийских языках, отв. ред. А. В. Десницкая, М.—Л., 1956.

⁸² «Шудрака. Глиняная повозка». Драма в пяти действиях, М., 1956. О В. С. Воробьеве-Десятовском см.: В. И. Кальянов, Об изучении санскрита в Советском Союзе, стр. 33. Краткие биографические сведения о нем и список его работ см.: В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индо-арийских языках, стр. I—IV.

нию и изучению центральноазиатских рукописей продолжает его вдова — М. И. Воробьева-Десятовская.

Вместе с М. И. Воробьевой-Десятовской над санскритскими буддийскими текстами из коллекции Н. Ф. Петровского (издание текста с комментарием и переводом) в настоящее время работают Г. М. Бонгард-Левин (Москва) и Э. Н. Темкин. Готовятся к изданию (частично уже опубликованные) неизвестные фрагменты «Садхарма-пундарики»⁸³. Ранее Б. И. Панкратовым и Э. Н. Темкиным в честь шестидесятилетия Е. Е. Обермиллера был опубликован подготовленный им текст уникальной санскритской рукописи «Бхаванакармы»⁸⁴.

Ряд молодых индологов — воспитанников Восточного факультета ЛГУ — продолжают традицию в области изучения и переводов памятников санскритской письменности. Здесь в первую очередь следует назвать В. Г. Эрмана, молодого ученого, давшего ряд ценных трудов и исследований в области санскритской классической литературы и продолжающего успешно работать в этом направлении. В ЛО ИНА В. Г. Эрман выполнил и опубликовал перевод исторической драмы Вишакхадатты «Мудраракшаса»⁸⁵. В ней получила яркое художественное отображение эпоха Каутильи, которому приписывается авторство знаменитого трактата по управлению государством — Артхашастры. Занимаясь вопросами драматургии в древней Индии, В. Г. Эрман опубликовал две статьи⁸⁶ на эту тему и продолжает изучение пьес, приписываемых поэту Бхасе (III в.). Им опубликована статья об изучении древней Индии в Ленинграде⁸⁷. Совместно с Э. Н. Темкиным В. Г. Эрман написал краткое литературное изложение двух эпических поэм древней Индии — Махабхараты и Рамаяны⁸⁸.

Одно из центральных мест в деятельности Индийского кабинета ЛО ИНА в области санскритологии продолжает за-

---

⁸³ Г. Бонгард-Левин, М. Воробьева-Десятовская, Э. Темкин, Фрагменты древнеиндийских рукописей из Занг-Тепе, — ВДИ, 1965, № 1, 154—162.

⁸⁴ «Бхаванакарма. Уникальная санскритская рукопись из Тибета». Введение и публикация текста с предисловием Е. Обермиллера, М., 1963.

⁸⁵ «Вишакхадатта. Мудраракшаса, или перстень Ракшасы», М.—Л., 1959.

⁸⁶ В. Г. Эрман, Об элементах народности в индийской классической драматургии, — СВ, 1957, № 4, стр. 77—79; его же, Теория драмы в древнеиндийской классической литературе, — сб. «Театр и драматургия Индии», М., 1961, стр. 9—82.

⁸⁷ В. Г. Эрман, Изучение древней Индии в Ленинграде, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 150—161.

⁸⁸ «Махабхарата, или сказание о великой битве потомков Бхараты. Древнеиндийский эпос». Литературное изложение Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана, М., 1963; «Рамаяна. Древнеиндийский эпос». Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина, М., 1965.

нимать коллективная работа над академическим переводом и исследованием важнейшего памятника индийской культуры — Махабхараты. Продолжая традицию, начатую АН более четверти века назад, молодой санскритолог С. Л. Невелева (Левина), воспитанница Восточного факультета ЛГУ, полностью завершила перевод и литературную обработку второй части третьей книги Махабхараты — Араньякапарвы («Лесная книга»). Продолжается также работа над переводом и изучением пятой книги этого памятника — Удьюгапарвы («Книга о старании»), где прослеживаются истоки индийской дипломатии. Совсем недавно начат перевод первой части третьей книги Махабхараты другим молодым санскритологом — Я. В. Васильковым, окончившим в 1967 г. Восточный факультет ЛГУ.

Изучение Махабхараты идет в ЛО по двум направлениям: лингвистическому и культурно-историческому. Заслуживает внимания работа С. Л. Невелевой о финитном употреблении причастий в языке Махабхараты, вызвавшая отклик⁸⁹. Ею же был представлен доклад на научной индологической конференции в Москве о принципах перевода Махабхараты⁹⁰. На другой научной конференции в Ленинграде она сделала доклад «Сравнение в Махабхарате», который в виде статьи был принят к изданию в Улан-Удэ в сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. Ф. И. Щербатского. Невелева собрала обширный лингвистический материал об особенностях языка Махабхараты, переводу которой она посвятила ряд лет.

В связи с изучением языка «Махабхараты» были написаны и другие работы, опубликованные в разное время⁹¹.

Плодом изучения Махабхараты и Артхашастры в культурно-историческом плане явились две работы, одна из которых посвящена этимологии терминов «варна» и «джати», а другая — некоторым военным вопросам в древнеиндийском эпосе⁹².

---

⁸⁹ С. Л. Левина, Финитное употребление причастий в языке «Махабхараты», — КСИНА, № 68. Языкознание, М., 1964, стр. 19—30; см. также: «Indo-Iranian Journal», Leiden, 1964, vol. VIII, № 2, стр. 159.

⁹⁰ С. Л. Левина (Невелева), К вопросу о переводе «Махабхараты» (на материале III книги), — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г., М., 1968, стр. 452—462.

⁹¹ В. И. Кальянов, Средства выражения прошедшего времени в эпическом санскрите (по материалам «Махабхараты»), — УЗИВАН, т. XIII. Индийская филология, 1958, стр. 5—62; его же, Редкие формы языка «Махабхараты» и нормы классического санскрита, — УЗЛГУ, № 279, СВН, вып. 9 История и филология Индии, стр. 104—113.

⁹² В. И. Кальянов, Об этимологическом толковании терминов varṇa и jāti, — сб. «История и культура древней Индии» (к XXVI МКВ, М., 1963, стр. 162—176). См. также прим. 74.

Наряду с основными плановыми темами были подготовлены к изданию и опубликованы работы наших востоковедов, сохранившиеся в архиве, полностью или частично, в рукописном виде.

Это уже упомянутый памятник индийского фольклора «Шукасапата» («Семьдесят рассказов попугая»), переведенный еще в 1937 г. М. А. Ширяевым⁹³, и памятник классической художественной литературы роман Дандина «Дашакумарачарита» в неподражаемом переводе Ф. И. Щербатского, впервые полностью опубликованном в 1964 г.⁹⁴. Представляет интерес и предпринятый в 1958 г. опыт стихотворного переложения отдельных сказаний Махабхараты на основании филологического перевода, сделанного с оригинала⁹⁵.

Следует также отметить, что должное внимание уделялось кабинетом и истории санскритологии в нашей стране. Кроме упомянутой статьи В. Г. Эрмана были опубликованы две работы, где также были очерчены цели и задачи, связанные с изучением санскрита⁹⁶.

В области древнеиндийской филологии ближайшей первоочередной задачей является усиление и сосредоточение работы над переводами памятников санскритской письменности и изучением их в культурно-историческом плане, изучение истории древней Индии, ее мифологии и идеологии. Уже практически поставлен вопрос о возрождении у нас изучения индийской философии и буддийской культуры, прервавшегося с кончиной акад. Ф. И. Щербатского.

Индийский кабинет ЛО ИВ поддерживает научные связи с рядом научно-исследовательских учреждений Индии: Восточным НИИ Бхандаракара и Деканским колледжем в Пуне, Ведическим НИИ Вишвешварананды в Хошияrpуре и др. Благодаря этим контактам ЛО получает из Пуны ценные серийные издания в обмен на «Петербургские санскритские словари» (2 комплекта), посланные АН СССР в 1957 г. Деканскому колледжу, где индийскими учеными под руководством д-ра С. М. Катре ведется большая работа над составлением многотомного санскритского словаря, основанного на историческом принципе. Равным образом и многолетняя работа отделения над академическим переводом Махабхараты основывается на тексте критического издания санскритского па-

---

⁹³ «Шукасапата. Семьдесят рассказов попугая», М., 1960.

⁹⁴ Д а н д и н, Приключения десяти принцев, М., 1964.

⁹⁵ «Сожжение змей». Сказание из индийского эпоса «Махабхарата», М., 1958.

⁹⁶ В. И. К а л ь я н о в, Об изучении санскрита в Советском Союзе, — ВЛУ, 1957, № 8, СИЯЛ, вып. 2, стр. 23—36; его же, Изучение санскрита в России; его же, Академик Ф. И. Щербатской, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 3, стр. 245—252.

мятника, любезно присланного в дар Восточным НИИ Бхандаракара в Пуне ⁹⁷.

Большое значение в установлении и развитии международных научных связей имел XXIII МКВ 1964 г. в Кембридже. Для советской санскритологии он был важен тем, что там произошла первая наша встреча ⁹⁸ и были установлены тесные личные контакты с крупнейшими индийскими учеными (П. В. Кане, Сунити Кумар Чаттерджи, Р. Н. Дандекар, С. М. Катре и др.). Эти контакты в результате последующих встреч в Индии, Ленинграде и Москве, укреплялись и развивались. Научные и культурные связи с индийскими учеными выражались в различных формах. Тут прежде всего следует назвать наши публикации по просьбе виднейших ученых и общественных деятелей Индии (д-ра А. В. Балиги, Лакшман-Шастри Джоши, Р. Н. Дандекара, Дхармендранатха Шастри и др.) статей о современном вкладе индийцев в индологию и о достижениях ее в Индии ⁹⁹, о выдающихся индийских и русских ученых ¹⁰⁰, а также участие в международном информационном индологическом сборнике, издающемся в Курукшерте (близ Дели) ¹⁰¹, переписка и обмен научной литературой и информацией.

Значительным событием в культурной жизни нашей страны явился полуторатысячелетний юбилей великого индийского поэта и драматурга Калидасы, который по решению Все-

⁹⁷ Мы рады отметить, что в 1966 г. в Индии успешно завершено критическое издание санскритского текста всей Махабхараты, которое начало выходить отдельными выпусками с 1927 г. Этому знаменательному событию было посвящено 22 сентября 1966 г. торжественное заседание в Институте Бхандаракара под председательством Президента Индии д-ра С. Радхакришнана. По этому случаю нами было направлено приветственное послание институту. С чувством глубокой признательности мы хотим здесь отметить, что 28 января 1970 г. в день празднования 20-летия Республики Индии поверенным в делах Республики Индии в СССР г-ном Ромешом Бхандари было преподнесено в дар нашему институту от правительства Индии полное критическое издание «Махабхараты» в 22 великолепно оформленных томах. Этим ценным даром правительство дружественной страны отдало дань признания той многолетней работе, которая ведется у нас по переводу и изданию «Махабхараты».

⁹⁸ С. Л. Тихвинский, Двадцать третий Международный конгресс востоковедов в Кембридже, — СВ, 1955, № 1, стр. 152—154. См. также прим. 111.

⁹⁹ V. I. Kalyanov, Contemporary Contribution to Indology by Indians, — ISCUS. Quarterly Journal of the Indo-Soviet Cultural Society, Bombay, 1960, № 4, стр. 5—14; его же, Новые труды индийских ученых по истории индийской культуры, — ВДИ, 1964, № 2, стр. 171—176; его же, Древнеиндийская филология в современной Индии, — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г., 1968, стр. 46—60.

¹⁰⁰ V. I. Kalyanov, Reminiscences of Mahapandit Rahul Sanskrityayana, — «Amity». Quarterly Journal of the Indo-Soviet Cultural Society, Bombay, 1965, vol. 2, стр. 35—37.

¹⁰¹ «Prācī-Jyoti». Digest of Indological Studies. Institut of Indic Studies. Kurukshetra University, December 1963, стр. 6, 293—294.

мирного Совета Мира был широко отмечен 12 ноября 1956 г. в Москве. Это торжество вылилось в яркую демонстрацию дружбы между Индией и Советским Союзом¹⁰². В связи с юбилеем ленинградскими санскритологами была написана брошюра, посвященная Калидасе и его творчеству¹⁰³. До этого была опубликована отдельная статья¹⁰⁴.

Большое научное и общественное значение имеет работа, проделанная Индийским кабинетом по организации и проведению юбилеев выдающихся индологов нашей страны: акад. Ф. И. Щербатского — в связи с 20-летием со времени кончины (1962)¹⁰⁵, акад. С. Ф. Ольденбурга — 100-летие со дня рождения (1963)¹⁰⁶, акад. А. П. Баранникова — 75-летие со дня рождения (1965)¹⁰⁷ и акад. Ф. И. Щербатского — 100-летие со дня рождения (1966)¹⁰⁸. Последние два заседания были проведены совместно с Восточным факультетом ЛГУ, Обществом советско-индийских культурных связей и ИНА (Москва). На юбилеях с докладами кроме сотрудников ИВ, ЛГУ и Эрмитажа выступили и индийские ученые — проф. Аруна Халдар (Патна) и Равиндранатх Шривастав (Бенарес); в заседаниях принимали участие индийские специалисты, проходившие стажировку в Ленинграде.

Заслуживает также внимания организованная в начале 1967 г. Индийским кабинетом научная сессия, посвященная памяти В. С. Воробьева-Десятовского. В этой сессии принимали активное участие востоковеды Ленинграда и Москвы.

* * *

Таков далеко не полный исторический обзор санскритологической науки в АН более чем за полтора столетия. Оглядываясь на пройденный путь, проложенный не одним поколе-

¹⁰² Об этом см.: Юбилей Калидасы (Торжественное заседание в Москве), — ВАН, № 1, стр. 118—121.

¹⁰³ В. И. К а л ь я н о в, В. Г. Э р м а н, Калидаса. Очерк творчества, М., 1958.

¹⁰⁴ В. И. К а л ь я н о в, Калидаса — великий поэт Индии, — СВ, 1957, № 1, стр. 61—71. На основании этой статьи был прочитан доклад 12 ноября 1956 г. на торжественном заседании, посвященном 1500-летию юбилею Калидасы (опубликован в 20 городах Индии на 7 языках).

¹⁰⁵ [В. И. К а л ь я н о в], Памяти Ф. И. Щербатского, — ВАН, № 9, 1957, стр. 150—151.

¹⁰⁶ [С. Л. Л е в и н а], 100 лет со дня рождения С. Ф. Ольденбурга, — там же, 1964, № 3, стр. 133—139; е е же, Столетие со дня рождения академика С. Ф. Ольденбурга, — НАА, 1964, № 3, стр. 214.

¹⁰⁷ С. Л. Л е в и н а, 75 лет со дня рождения академика А. П. Баранникова, — ВАН, 1965, № 10, стр. 133—134.

¹⁰⁸ В. И. К а л ь я н о в, 100 лет со дня рождения академика Ф. И. Щербатского, — там же, 1967, № 2, стр. 111—113; Н. Ю. Л у б о ц к а я, Научная сессия, посвященная столетию со дня рождения академика Ф. И. Щербатского, — НАА, 1967, № 3, стр. 195—196. См. также: В. В. И в а н о в, Федор Ипполитович Щербатской (К 100-летию со дня рождения), — НАА, 1966, № 6, стр. 147—150.

нием выдающихся санскритологов нашей страны, мы с удовлетворением можем сказать, что сделано много. Создана надежная лингвистическая основа для изучения всей индийской культуры — «Петербургские санскритские словари». Рассмотрен и выяснен ряд важнейших проблем, связанных с изучением материальной и духовной культуры Индии, ее древнего языка и литературы, истории и философии. Наибольшие успехи в этой области востоковедения были достигнуты в советский период.

Огромной важности задачи стоят еще впереди. В порядок дня поставлен вопрос о планомерном изучении истории многогранной индийской культуры. Вопрос этот сейчас приобретает особую актуальность ввиду выхода Индии с ее древней многовековой культурой на широкую международную арену.

Новоиндийская филология

Вплоть до начала 30-х годов нашего века в центре внимания востоковедов, работавших в Петербурге — Ленинграде и занимавшихся индологической проблематикой, стояло, с одной стороны, исследование древнеиндийского языка и литературы на нем, а с другой — углубленное проникновение в специфику идеологических учений древней Индии, в первую очередь буддизма. Нужно отметить, что сознание необходимости систематического и целенаправленного изучения наряду с языками и культурой древности как новоиндийских языков, так и социально-культурных проблем, непосредственно связанных с современностью, овладело умами крупнейших русских востоковедов еще в прошлом веке. Важность этих задач признавали такие ведущие русские индологи, как проф. И. П. Минаев, акад. С. Ф. Ольденбург и акад. Ф. И. Щербатской. Однако осуществить в полной мере эту идею стало возможно лишь после Великой Октябрьской революции. До этого решение конкретных вопросов, входящих в сферу новоиндийской филологии, привлекало внимание русских востоковедов лишь эпизодически, и работы такого характера предпринимались преимущественно вне стен АН¹.

Единственное исключение представлял собою адъюнкт АН санскритолог Р. Х. Ленц (1808—1836), заинтересовавшийся одним из самых ранних доступных нам произведений на старом хинди — героической поэмой Чанда Бардаи «Притхвираджд-расо» (конец XII в.?) и готовивший материалы к критическому изданию некоторых ее глав. Безвременная кончина помешала ему осуществить свои планы². В течение почти ста

¹ Подробнее см.: В. М. Бескровный, Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке, — ВЛУ, 1957, № 8.

² Рукописное наследие Р. Х. Ленца, свидетельствующее о его глубоком интересе к новоиндийской тематике, хранится в Рукописном отделе ЛО ИВ (см.: Ms.Ind.IV, 9 и Ms.Ind.VIII, 12, 14, 15, 17). Подробнее о нем см.: Г. А. Зограф, Роберт Христианович Ленц (1808—1836), — УЗЛГУ, № 279, СВН, вып. 9, 1960, стр. 31—38.

лет после этого новоиндийская филология не изучалась в АН, если не считать случайных, крайне немногочисленных поступлений в АМ новоиндийских рукописей³ и попытки Н. Д. Миронова описать их при составлении каталога Индийского рукописного фонда⁴.

Только после организации ИВ в образованном здесь Индо-тибетском кабинете началась разработка тем, посвященных исследованию позднесредневековой и новой Индии. В этом аспекте центральное место в планах первоначально занимали проблемы, касающиеся современного политического и экономического положения страны, но подавляющее большинство работ такого рода осталось незавершенным⁵.

Новоиндийская филологическая тематика начала разрабатываться в 1932 г. с приходом в кабинет В. М. Бескровного, перед которым была поставлена задача подготовки словаря экономических и политических терминов хинди. Собранные в ходе этой работы материалы впоследствии были использованы при составлении хинди-русского словаря, а также в исследовании «Санскритские элементы в общественно-политической терминологии в языке хинди» (не опубликовано), за которое В. М. Бескровный был удостоен премии Ленинградского обкома ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ во Всесоюзном соревновании молодых научных работников, организованном ЦК ВЛКСМ и АН СССР в ознаменование XX годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В декабре 1932 г. Индо-тибетский кабинет принял решение о привлечении в ИВ проф. А. П. Баранникова (1890—1952). Деятельность этого крупнейшего в СССР специалиста по новым индоарийским языкам и литературам на них в ту пору была сосредоточена в ЛВИ и ЛИФЛИ⁶. Решение было осуществлено в 1934 г., и с этих пор одной из ведущих индологических тем, разрабатывавшихся в ИВ, стало изучение позднесредневековой литературы хинди и сопутствовавших ее развитию языковых процессов. Собственные работы Баранникова, осуществлявшиеся им в ИВ, связаны в основ-

³ Значительную их долю составила коллекция «Хаса Джас» — библиотека и архив скончавшегося в Ашхабаде около 1900 г. коммерсанта-индийца. См.: Г. А. Зограф, Индийские рукописи из Средней Азии, — ГИВ, 1960, № 1, стр. 129—134.

⁴ Н. Д. Миронов, Каталог индийских рукописей, вып. 1, Пг., 1914, стр. 357 и сл. Значительная часть новоиндийских произведений идентифицирована здесь неточно.

⁵ Исключение представляет опубликованная статья В. М. Бескровного «Экспорт британского капитала в Индию» (МНКП, 1935, № 3 (27), М., стр. 60—74).

⁶ Об этой стороне деятельности А. П. Баранникова см.: В. М. Бескровный и В. И. Кальянов, Памяти академика Алексея Петровича Баранникова, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 1, стр. 76—83; ср. Г. А. Зограф, Становление новоиндийской филологии в Ленинграде, — УЗИВАН, 1960, т. XXV, стр. 164—166.

ном с переводом и исследованием двух литературных памятников: «Премсагара» Лаллу джи Лала, возвестившего начало формирования современного литературного стиля хинди, и «Рамачаритаманаса» Тулси Даса⁷ — популярнейшего в Северной Индии новоиндийского варианта «Рамаяны». «Премсагар», задуманный как первый выпуск серии, которая должна была воспроизвести историческое развитие цикла легенд о Кришне в индийской литературе и фольклоре от древности до нового времени, сопровождался рядом статей. В них освещалась связь этого произведения с предшествующей литературной традицией; большое внимание уделялось также критическому пересмотру с позиций, выдвинутых в 20-х годах группой индийских филологов, концепции становления современного литературного хинди, которая бытовала ранее в некоторых английских трудах по истории новоиндийской литературы⁸.

Ко времени поступления Баранникова в ИВ его работа над «Премсагаром» завершалась, и уже с 1935 г. основным объектом его труда становится «Рамачаритаманас», перевод и исследование которого продолжались вплоть до 1948 г., не прерываясь даже в годы войны. Изданию перевода этого памятника, задуманного Баранниковым как своего рода введение в историю индийской культуры, также сопутствовал ряд статей, построенных на его материале⁹. Предполагалось, кроме того, дать лингвистическое исследование диалекта авадхи, на котором написано произведение, что, однако, не было осуществлено.

В конце 1936 г. из Индо-тибетского кабинета был выделен самостоятельный Новоиндийский кабинет, возглавленный А. П. Баранниковым. Реорганизация была проведена вопреки возражениям акад. Ф. И. Щербатского, считавшего «вы-

---

⁷ Лаллу джи Лал, Прем Сагар, М.—Л., 1937; Тулси Дас, Рамаяна (или Рамачаритаманаса), М.—Л., 1948.

⁸ А. П. Баранников, Легенды о Кришне «Bhāgavata Purāṇa» и «Prem Sāgar» Лаллу джи Лала, — Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г., Л., 1936, стр. 81—100; А. Ваганников, Modern Literary Hindi, — BSOS, London, 1936, vol. VIII, pt 2—3, стр. 373—390; А. П. Баранников, Проблема прозаического хинди, — ЗИВАН, 1939, т. VII, стр. 203—253.

⁹ А. П. Баранников, Проблема индийского эпоса, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1945, вып. 6, стр. 213—232; его же, Из книги «Ланка» Рамаяны Тулси Даса, — ТВИИЯ, М., 1946, № 2, стр. 33—45; его же, О переводе Рамаяны, — ВАН, 1947, № 2, стр. 78—79; его же, «Рамаяна» поэма Тулси Даса, — ВЛУ, 1947, № 8, стр. 60—69; его же, Поэтика «Рамаяны» Тулси Даса, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, вып. 2, стр. 95—128; его же, Композиция «Рамаяны» Тулси Даса, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, вып. 1, стр. 3—33; его же, Философские идеи Тулси Даса, — кн. «Общее собрание АН СССР 10—13 июня 1947 года», 1948, стр. 93—110; его же, Изобразительные средства индийской поэзии, Л., 1947; его же, Образность в индийской литературе, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, вып. 4, стр. 285—299.

деление из Индо-тибетского кабинета особого кабинета Новой Индии нецелесообразным и научно не обоснованным»¹⁰. Хотя на первых порах в связи с последовавшим расширением штата было достигнуто заметное оживление работы в области новоиндийской филологии, раздел кабинета, как и предвидел Ф. И. Щербатской, не благоприятствовал дальнейшему изучению индийской филологии в целом. Особенно плачевным для перспектив ее развития оказался распад Индо-тибетского кабинета, практически прекратившего свое существование уже к 1940 г.¹¹. Ослабела преемственность лучших традиций русской классической индийской филологии, установившихся в предшествующий период. Вместе с сосредоточением основных усилий большинства сотрудников Новоиндийского кабинета на решении задач по преимуществу практического характера это в определенной мере сказалось на широте проблематики и теоретическом уровне индологических работ следующих десятилетий.

Центральной темой Новоиндийского кабинета вскоре после его основания стало помимо упоминавшихся трудов А. П. Баранникова составление картотек словарей, и в первую очередь хинди-русского, которым занимался В. М. Бескровный, а с 1939 г. также М. А. Ширяев, числившийся ранее по Индо-тибетскому кабинету, и в течение года Д. М. Гольдман. Картотекой занимались и другие сотрудники, в частности сам Баранников, который вносил в нее лексику «Рамаяны», и В. Е. Краснодембский (1907—1942). Кроме хинди-русского составлялись картотеки двух других словарей: бенгальско-русского (А. С. Зимин, 1880—1942) и маратхско-русского (В. Е. Краснодембский). Одновременно Бескровным и Краснодембским был подготовлен урду-русский словарь, увидевший свет после войны¹².

На фоне этих занятий прочие научные темы, разрабатывавшиеся сотрудниками кабинета в предвоенные годы, были эпизодическими. Следует отметить работы Бескровного, касавшиеся откликов индийской прессы на итало-абиссинскую войну и языковой ситуации в предвоенной Индии¹³, незавершенные исследования М. Н. Сотникова по истории формирования панджабского литературного языка (работал в ИВ в

---

¹⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 4; ср. также предложения Ф. И. Щербатского об организации научного изучения Индии (там же, оп. 1 (1937), № 20; ср. № 4 и 48).

¹¹ Там же, оп. 1 (1940), № 42, л. 17.

¹² В. М. Бескровный и В. Е. Краснодембский, Урду-русский словарь, М., 1951.

¹³ В. М. Бескровный, Отклики индийской прессы на политику фашистских агрессоров, — ЗИВАН, 1939, т. VII, стр. 156—175; его же, Движение за государственный язык в Индии, — СВ, 1941, т. II, стр. 187—227.

1936—1937 гг.), работы Е. Я. Люстерник, связанные с восстанием 1857 г. в Аудхе (работала в ИВ с 1936 по 1938 г.), а также исследования Д. А. Сулейкина (1900—1948), которому пришлось неоднократно переключаться с политических проблем нового и новейшего времени на исследования древней и раннесредневековой истории, и докторанта, позднее научного сотрудника И. П. Байкова (1905—1964), изучавшего вначале аграрные отношения в Могольской Индии, а затем современные аграрные отношения (работал в ИВ с 1937 по 1939 г.). В Новоиндийском кабинете работали аспиранты М. П. Буров (1908—1941), написавший к 1941 г. диссертацию «Экономическое положение рабочего класса в Индии», А. А. Коваленкова, занимавшаяся историей позднего средневековья, а с 1940 г. В. А. Новикова, специализировавшаяся в области новой бенгальской литературы, и Е. М. Быкова, занимавшаяся исследованием грамматического строя бенгали.

В годы Великой Отечественной войны деятельность ИВ протекала в Ташкенте. Из индологов-новоиндианистов туда в начале 1943 г. прибыл В. М. Бескровный и вскоре защитил кандидатскую диссертацию, посвященную словарному составу языка урду. В дальнейшем он собирал материал, касающийся гибридных новообразований в новоиндийских языках, и занимался творчеством основоположника современной прозы хинди Премчанда, в частности готовил перевод его романа «Премашрам» («Обитель любви») ¹⁴. В Ташкенте продолжили аспирантские занятия В. А. Новикова и Е. М. Быкова. А. П. Баранников в Боровом продолжал перевод «Рамаяны» и одновременно писал статьи об индийских языках и литературе для подготавливавшегося совместно с московскими индологами сборника «Индия», издание которого не было осуществлено ¹⁵.

После реэвакуации ИВ Индийский кабинет вновь собрался в Ленинграде, но в сильно поредевшем составе (А. П. Баранников, В. М. Бескровный, санскритолог В. И. Кальянов и Д. А. Сулейкин). Работа над бенгальско-русским и маратхско-русским словарями прекратилась вследствие гибели во время блокады Ленинграда основных ее исполнителей. Центральной задачей кабинета стало создание хинди-русского словаря, к составлению которого вплотную приступил В. М. Бескровный. Для пополнения картотеки и технической помощи в этой чрезвычайно трудоемкой работе привлекались внештат-

¹⁴ Результаты этой работы нашли отражение в статьях и докладах первых послевоенных лет: В. М. Бескровный, «Борьба» — социальная драма Прем Чанда, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, т. 6, вып. 3, стр. 229—246; его же, Прем Чанд (1880—1936), — УЗТИ, 1949, т. II, стр. 193—205 (ср. его же, Прем Чанд, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, т. 6, вып. 4, стр. 344—345, и ряд публикаций на английском языке и хинди).

¹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 12; ср. оп. 1 (1943), № 21.

ные сотрудники, в том числе студенты университета (И. С. Рабинович, Т. Е. Катенина, Т. Н. Гириллович и др.). Редактуру словаря и составление грамматического очерка хинди к нему взял на себя А. П. Баранников, который в 1948 г. завершил свой многолетний труд над изданием перевода «Рамаяны». Языковедческие интересы Баранникова в этот период помимо работы, связанной со словарем и подготовкой нового издания учебника хиндустани, отразились в статьях, посвященных сравнительно-исторической тематике¹⁶. По окончании «Рамаяны» Баранников занялся изучением языковой политики, избрав предметом исследования языковую проблему в современной Индии, но завершить этот труд не успел¹⁷.

Вместе с тем в послевоенные годы внимание Баранникова привлекали вопросы развития русско-индийских культурных и литературных связей¹⁸. Этим же занималась аспирантка (а в 1949—1950 гг. — научный сотрудник) В. А. Новикова, которая наряду с исследованием творчества Бонкима Чондро Чоттопадхья изучала распространение русской и советской литературы в Бенгалии¹⁹.

Кроме В. А. Новиковой аспирантами кабинета в эти годы были И. С. Колобков, занимавшийся сложновербальными глаголами в бенгальском языке, Т. Е. Катенина, исследовавшая страдательный залог в хинди, а также А. М. Мельников и Х. Х. Юлдашбаев, специализировавшиеся на изучении новой истории Индии. Без отрыва от производства аспирантуру под руководством Баранникова проходили Е. М. Быкова, обратившая свое внимание на синтаксис бенгальского простого предложения, П. В. Гладышев, рассматривавший отражение индийской деревни в творчестве Премчанда, и И. Д. Серебряков.

С переводом в 1950 г. основной части ИВ в Москву Индийский кабинет в Ленинграде прекратил существование. Два года спустя скончался А. П. Баранников. Не состоя более в штате, В. М. Бескровный свыше года продолжал редактиро-

---

¹⁶ А. П. Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, — УЗЛУ, № 98, СВН, вып. 1, 1949, стр. 3—17; его же, Элементы сравнительно-исторического метода в индологической лингвистической традиции, — ВЯ, 1952, № 2, стр. 44—61; А. П. Баранников и П. А. Баранников, Хиндустани (хинди и урду), М., 1956.

¹⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1949), № 37.

¹⁸ А. П. Баранников, О культурных отношениях между Россией и Индией, — ИАН СССР, ОЛЯ, вып. 6, 1946, стр. 461—465; его же, Индийские литературоведы об А. С. Пушкине, — там же, вып. 3, 1949, стр. 229—233; его же, Индийцы о русской литературе, — СВ, 1949, т. VI, стр. 7—23; его же, Творчество А. М. Горького в Индии, — ВЛУ, 1951, № 8, стр. 104—110.

¹⁹ В. А. Новикова, А. М. Горький в переводах на бенгальский язык, — ВЛУ, 1951, № 8, стр. 111—123.

вание хинди-русского словаря и вел его корректуры²⁰. Однако и в эту пору интерес к проблемам новоиндийской филологии в оставшемся в Ленинграде Секторе восточных рукописей ИВ не пропал. Молодой научный сотрудник сектора, талантливый и многосторонний индолог В. С. Воробьев-Десятовский (1927—1956) внес вклад и в эту область исследования²¹. В его трудах об историческом развитии индо-арийских местоимений большое внимание уделено новоиндийским материалам. Воробьев-Десятовский интересовался также ранней историей новых индо-арийских языков. Работа с рукописными материалами ИВ, небольшую часть которых составляют произведения на новоиндийских языках, заставила его обратиться к сохранившимся на территории СССР новоиндийским эпиграфическим памятникам²². При Секторе восточных рукописей продолжали работать также аспиранты А. П. Баранникова — А. С. Бархударов, готовивший капитальное исследование суффиксального словообразования в хинди, и Г. А. Зограф, занимавшийся историей формирования прозаического урду.

В 1956 г. в Ленинградском отделении ИВ был восстановлен Индийский кабинет, который возглавил вернувшийся в институт В. М. Бескровный. За истекшие с тех пор десять лет новоиндийская тематика, как и в предшествующий период, занимала видное место в плане работ кабинета, причем преобладали исследования языковедческого профиля. Сфера специального исследования постепенно расширялась как за счет привлечения материала по ранее не изучавшимся в СССР языкам, так и в результате перехода от синхронных описаний к диахроническим.

Большое внимание до недавнего времени уделялось лексикографической работе. Бескровный готовил расширенное переиздание хинди-русского словаря (вышло в свет в 1959 г.), а затем в плане работ кабинета до 1965 г. стояла подготовка

---

²⁰ Этот словарь, вышедший в свет в конце 1953 г. (Хинди-русский словарь, сост. В. М. Бескровный, под ред. акад. А. П. Баранникова, ок. 35 тыс. слов и выражений, М., 1953), был оценен как существенный вклад в новоиндийскую лексикологию в мировом масштабе. Он в большой мере содействовал тому быстрому подъему новоиндийской филологии, который наметился в нашей стране в последующие годы.

²¹ Подробнее о нем см.: В. С. Воробьев-Десятовский (1927—1956) [Некролог], — СВ, 1956, № 6, стр. 169—170.

²² В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индо-арийских языках, М.—Л., 1956; его же, О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индо-арийских языках, — УЗИВАН, 1958, т. XIII, стр. 129—142; его же, О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии, — ВЛУ, 1954, № 12, стр. 153—160; его же, Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, 1954, т. IX, стр. 128—145; его же, Заметка по индийской эпиграфике (К надписям храма огня в Сураханах, около Баку), — ЭВ, 1954, IX, стр. 83—87.

большого хинди-русского словаря. В составлении этого словаря помимо самого Бескровного, переехавшего в 1960 г. в Москву, принимал участие Г. А. Зограф; пополнению картотеки словаря содействовали Л. В. Савельева и К. Л. Чижикова.

Наряду со словарной работой Бескровный занимался проблемами лексикологии, исследуя новоиндийское гибридное словообразование²³. Эти проблемы привлекали и работавшего в кабинете в 1959—1966 гг. П. А. Баранникова, подготовившего кандидатскую диссертацию о лексической синонимии в хинди и опубликовавшего ряд статей на эту и связанные с ней темы²⁴. К исследованию словарного состава литературного бенгальского языка недавно приступила К. Л. Чижикова.

Весьма существенное место в работах кабинета принадлежит изучению различных проблем грамматического строя новоиндийских языков. Для исследований, ведущихся ныне в этом направлении, характерно постепенное углубление интереса к теоретической интерпретации поднимаемых вопросов и поискам более строгой методики анализа привлекаемого материала. Одной из наименее изученных сторон новоиндийской глагольной системы — перифрастическим видо-временным формам — посвятил весьма интересную и доказательную статью В. М. Бескровный²⁵. Анализом основных грамматических категорий бенгальского глагола и историей их развития занималась И. А. Световидова (1930—1968). Ее работы заставляют по-новому взглянуть на ряд вопросов, касающихся бенгальской системы спряжения в целом. Она составила описание морфологии глагола в бенгали, а также уделяла внимание и бенгальскому именному словоизменению²⁶. Первый

²³ В. М. Бескровный, Морфологическое гибридное словообразование в хинди, — сб. «Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования», М., 1960, стр. 118—151.

²⁴ П. А. Баранников, Некоторые случаи топонимической синонимии в языке хинди, — «Науч. доклады высш. школы. Филол. науки», М., 1960, № 3, стр. 119—127; его же, Абсолютные синонимы в современном хинди, — ВЛУ, 1961, № 20, стр. 122—135; его же, Стилиевые синонимы в современном языке хинди, — УЗЛГУ, № 305, СВН, 1961, вып. 12, стр. 109—125; P. A. Barannikov, Hindi śabdāvalī mā angrezi se āye śabdō kā sthān, — «Nāgaripracārīnī patrikā», Kāśī, sam. 2015, ank 3—4; P. A. Barannikov, Hybrid Words in the Hindi Language, — «Hindi Review», Varanasi, 1959, vol. 4, № 9, 10, стр. 334—346; 374—385.

²⁵ В. М. Бескровный, О сочетаниях глагольных основ хинди с *rahnā*, — УЗЛГУ, № 279, СВН, 1960, вып. 9, стр. 81—103.

²⁶ И. А. Световидова, Конструкции с пассивными значениями в современном бенгальском языке, — сб. «Бенгальский язык», М., 1962, стр. 98—108; ее же, Повелительное наклонение в бенгальском языке, — сб. «Вопросы грамматики бенгальского языка», М., 1964, стр. 106—130; ее же, Об изменении способов передачи пассивных значений в бенгальском языке, — там же, стр. 131—152; ее же, Время, вид и способ действия в бенгали, — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М.,

на русском языке очерк грамматики гуджарати — языка, явно недостаточно привлекавшего внимание исследователей, подготовила Л. В. Савельева. Ныне она работает над описанием его синтаксической структуры²⁷. Всестороннее исследование неличных форм глагола в маратхи ведет Б. И. Кузнецов²⁸. Г. А. Зограф в свое время дал сводку персидских и арабских элементов, функционирующих в словоизменении и словообразовании урду, а ныне работает над проблемами сопоставительной грамматики новых индо-арийских языков. Он же касался и некоторых вопросов истории урду²⁹. Языковой ситуацией в современной Индии занимался П. А. Баранников³⁰.

Работы, касающиеся перевода и исследования письменных памятников прошлого и изучения различных аспектов литературного творчества на новоиндийских языках, ведутся в сравнительно скромном объеме. В 1959 г. П. А. Баранников, используя материалы, оставленные его отцом — покойным акад. А. П. Баранниковым, начал подготовку прозаического варианта русского перевода «Рамачаритаманаса», но вскоре отказался от этой задачи. Над переводом и лингвистическим исследованием раннебенгальского образца кришнаитской лирики «Кришнокиртон» (XIV в.) работала также И. А. Световидова.

Несколько лет тому назад было составлено описание рукописей на хинди и панджаби, не нашедших должного отражения в каталоге Н. Д. Миронова³¹.

1968, стр. 214—223; ее же, Наклонения в бенгальском языке, ПИКНВ, I, Л., 1965, стр. 58—59; ее же, Сложноподчиненные глаголы в бенгальском языке, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 100; ее же, Некоторые особенности системы склонения имен существительных в бенгальском языке, — КСИНА, вып. 68, 1964, стр. 3—7.

²⁷ Л. В. Савельева, Язык гуджарати, М., 1965; ее же, Синтаксические функции именных форм глагола в гуджарати, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 98—99.

²⁸ Б. И. Кузнецов, Синтаксические функции зависимых оборотов в маратхи, — ПНКЯИ, М., 1968, стр. 224—231; его же, Формальные морфологические классы, глагольно-именных форм маратхи, — ПИКНВ, II, Л., 1966, стр. 59—60; его же, Функциональные (синтаксические) классы глагольно-именных форм маратхи, — ПИКНВ, III, Л., 1967, стр. 93—96.

²⁹ Г. А. Зограф, Иранские и арабские элементы в урду, — «Хинди и урду», М., 1960, стр. 152—244; его же, Хиндустан на рубеже XVIII и XIX вв., М., 1961; его же, Вопросы формирования урду, — УЗИВАН, 1958, т. XIII, стр. 287—311.

³⁰ П. А. Баранников, Языковые проблемы современной Индии, — ПНКЯИ, М., 1965, стр. 8; его же, Положение языка хинди в Индии, — «Материалы к дискуссии „Проблемы изучения языковой ситуации в странах Азии и Африки“», М., 1965, стр. 12—14; его же, Возникновение и развитие обществ по распространению языка хинди в Индии, — ПИКНВ, II, Л., 1966, стр. 51—52.

³¹ Г. А. Зограф, Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения, М., 1960.

Изучением тамильской литературы, и в первую очередь творчества основоположника современной поэзии на этом языке С. Баради, занималась работавшая в кабинете в 1959—1963 гг. И. Н. Смирнова³².

Л. В. Савельева отдала много времени и сил изучению драматургического творчества одного из видных представителей литературы хинди XX в.— Дж. Прасада. Сотрудники кабинета активно помогают ознакомлению советских читателей с лучшими образцами новоиндийских литератур, занимаясь художественным переводом с хинди, урду, бенгальского, маратхского и гуджаратского языков.

Серьезную библиографическую работу ведет К. Л. Чижикова. Совместно с покойным П. Е. Скачковым ею подготовлена полная библиография трудов акад. С. Ф. Ольденбурга (в рукописи). Сейчас она завершает аннотированную библиографию печатных работ, посвященных бенгальскому языку.

---

³² И. Н. Смирнова, Заметки о поэзии Баради, — сб. «Поэзия народов Индии», М., 1962, стр. 15—53; ср.: Субраманья Баради, Стихотворения, М.—Л., 1963.

С. М. БАЦИЕВА

Арабистика

(1818—1917)

Стремление познакомиться с арабской культурой и арабским языком возникло в России в последней четверти XVIII в. Все более активизировавшаяся восточная политика России не только настоятельно предъявляла определенные требования к профессиональной подготовке ее исполнителей, но и содействовала развитию в русском обществе интереса к мусульманскому Востоку. Вместе с множеством восточных апологов, лишь мистифицировавших арабским происхождением, появляются русские переводы с европейских языков сказок «Тысячи и одной ночи» (1760—1790), а также Корана, два новых перевода которого были изданы в конце века наряду с переводом 1716 г.¹ Значение изучения восточных источников для истории России было известно еще со времен Т.-З. Байера, а к началу XIX в. отечественная историография в силу ряда политических и социальных причин стала предметом особой заботы не только АН, но и правительства. Накопленный в Петербурге нумизматический и эпиграфический материал восточного происхождения, собранный на территории России, открывал, как казалось, новые перспективы, создававшие в 1818—1823 гг. благоприятные возможности для изучения Востока. В числе востоковедных дисциплин арабистика заняла тогда едва ли не первое место.

В 1818 г. начал арабистическую работу в АМ Х. Д. Френ. Тогда же в Главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 г. в университет, начал преподавать арабский язык и словесность ученик Сильвестра де Саси — Ж.-Ф. Деманж, которого в 1822 г. сменил О. И. Сенковский (до 1847 г.), долгое время единственный из русских арабистов, знавший арабские страны по личным наблюдениям и преподававший разговорный арабский язык. В 1823 г. было учреждено Учебное отделение восточных языков при Азиатском де-

¹ Крачковский, Очерки, стр. 41; его же, Русский перевод Корана в рукописи XVIII в., — Избр. сочинения, т. I, стр. 176.

партаменте МИДа, где арабский язык преподавал перешедший из университета Ж.-Ф. Деманж.

В 1819—1828 гг. было положено начало обширной коллекции арабских рукописей в Петербурге. Ее основой стало ценнейшее собрание рукописей Руссо, приобретенное у него для АМ двумя партиями в 1819 и 1825 гг. После покупки этой коллекции общее число мусульманских рукописей в музее достигло 851 единицы. Значение этого приобретения трудно переоценить. Как отмечает В. И. Беляев, «в последующее время, несмотря на поступление больших и интересных коллекций, заключающих отдельные экземпляры чрезвычайной ценности, этот первоначальный фонд никогда не был превзойден ни по великолепному подбору ценных и редких рукописей, сосредоточенных в одной коллекции, ни по высокому значению, которое представляет для науки вся коллекция Руссо»².

В 1828 г. Учебное отделение восточных языков приобрело превосходную коллекцию преимущественно арабских рукописей, собранную русским посланником в Константинополе А. Я. Италинским. Позднее арабские рукописи этой коллекции были описаны В. Р. Розеном и Д. Г. Гинцбургом. В 1921 г. эта коллекция вошла в собрание АМ. Немалое количество арабских рукописей поступило в те же годы в Публичную библиотеку. Но коллекции арабских рукописей в неакадемических учреждениях никогда не имели того значения ни по объему, ни по качеству, какое имела и поныне сохранила арабская коллекция АМ³.

В своих очерках по истории русской арабистики И. Ю. Крачковский, обращаясь к первой половине XIX в., писал: «1818 год мы имеем право считать началом новой эры нашей арабистики... С тех пор до настоящего времени в северной столице были обеспечены два необходимых условия развития арабистики: непрерывность научного преподавания арабского языка в высшей школе и постепенное расширение доступных для исследования рукописных материалов. Трудно сказать, что сыграло большую роль в прогрессе нашей науки, но можно с уверенностью утверждать, что до середины XIX в., когда умер Френ (1851) и был открыт Факультет восточных языков (1855), во главе научной арабистики стоял Азиатский музей и неотделимый от него Френ»⁴.

Деятельность Френа в АМ была достаточно многообразна, и здесь обращено внимание лишь на ее арабистический аспект, в котором можно выделить: а) работы, связанные с хранительскими функциями, б) работы, явившиеся результатом

² В. И. Беляев, Арабские рукописи в собрании ИВАН,—УЗИВАН, 1953, т. VI, стр. 55.

³ Подробно о сложении рукописной коллекции АМ—ЛО ИНА АН СССР см. «Путеводитель».

⁴ Крачковский, Очерки, стр. 70—71.

нумизматических и эпиграфических исследований, в) работы, отразившие результаты изучения арабских источников.

Около 8 лет Френ был и директором и единственным сотрудником АМ. На его долю выпали разбор и систематизация десятков тысяч восточных монет, множества вещей с арабографичными надписями и, наконец, арабских, персидских и турецких рукописей. Последнее было начато им еще в 1819 г., сразу же после приобретения первой коллекции Руссо,— популярную статью о рукописях этого собрания Френ опубликовал в приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям»; в 1826 г. там же была опубликована статья о другой коллекции. Краткие сообщения о новых поступлениях рукописей и в дальнейшем продолжали систематически публиковаться. Вместе с тем Френ подготовил оставшийся неизданным инвентарный каталог мусульманских рукописей АМ, хранящийся сейчас в ЛО Архива АН СССР и не утративший значения для изучения истории формирования коллекции.

С 1826 г. на должность хранителя в АМ был зачислен арабист М. Г. Волков (1800—1846), в течение 20 лет помогавший Френу в обработке мусульманских фондов.

Распределяя свое время между работой над рукописями и обработкой огромной коллекции восточных монет АМ, уже в 1818 г. насчитывавшей 20 тыс. единиц, Френ долгие годы отдавал предпочтение монетам. Выделив из них 2264 экземпляра, заслуживающих описания, Френ посвятил им первый том своего каталога (второй том так и не был подготовлен), которым и было положено начало восточной нумизматике в России (1826). Этот том, известный в научном обиходе под названием «Рецензия»⁵, открыл целый мир «мухаммеданской нумизматики в отношении к русской истории», а для тогдашнего востоковедения стал «энциклопедией нумизматических данных, важных для истории, географии, хронологии и генеалогии»⁶.

Продолжив публикацию вновь поступающих в АМ монет в особых «Прибавлениях к Рецензии», Френ посвящает наиболее интереснымкладам и коллекциям несколько книг⁷, вышедших в 1830—1840 гг., а в 1841 г. монографией «Топографическое обозрение местонахождений древних арабских монет в России» подводит историографический итог 34-летней нумизматической работе, начатой еще в Казани (1807—1817).

---

⁵ «Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae», Petropoli, 1826.

⁶ П. Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855, стр. 11.

⁷ Мы называем лишь основные работы, не перечисляя всех монографий и статей; подробную библиографию работ русских дореволюционных арабистов см. в кн.: Ливотова и Португаль, Востоковедение.

В «Топографическом обозрении» Френ собрал все известные ему сведения о местах находок куфических монет IX—X вв. в России. Впервые на огромном фактическом материале была сделана попытка решить вопрос о торговых сношениях древней Руси со странами мусульманского Востока. Разработка этой весьма немаловажной для древнерусской истории проблемы, переросшей вскоре в проблему возникновения денежного обращения на Руси, посвятили много труда и талантливейшие ученики Френа — П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен. Вплоть до появления «Топографии» А. К. Маркова⁸ «Топографическое обозрение» не утратило своего значения, и лишь труды Р. Р. Фасмера по периодизации обращения куфических монет в Восточной Европе (1925—1927) показали, насколько оно устарело.

Положение хранителя АМ и личные интересы ученого побудили Френа продолжить и эпиграфические исследования, первый опыт которых он приобрел в Казани. Эта сторона его деятельности уже получила оценку в истории отечественного востоковедения: «Через два года после образования Азиатского музея в Записках Академии наук появились девять статей с исследованием редких памятников арабоязычной письменности, а среди них три посвящены предметам, возникшим или найденным в нашей стране. Ценность статей не исчерпывается всесторонним описанием, тонким анализом техники, шрифта и историческими выводами. Важно, что Х. Д. Френ поставил на очередь публикацию предметов редкого значения, причем некоторые из них почти сто лет оставались неизвестными в стенах Кунсткамеры»⁹.

Еще при жизни Френа, после основания Археолого-нумизматического (затем Археологического) общества (1846), а особенно его Восточного отделения (1851), центр нумизматической и эпиграфической работы переместился из АМ во вновь созданное общество. Не в малой степени этому содействовала энергичная деятельность ученика, продолжателя и биографа Френа — П. С. Савельева, одного из членов-учредителей общества, а в 1851—1858 гг. — секретаря Восточного отделения. С выходом в свет первого тома ЗВОРАО (1855) это первенствующее положение было окончательно упрочено.

Остается отметить еще одну область, где Френ выступил не только как пионер, но и как основатель одного из важнейших направлений отечественной арабистики: им было положено начало привлечению арабских источников для изучения истории России. Этой теме посвящен труд об Ибн Фадла-

⁸ А. К. Марков, Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических), СПб., 1910.

⁹ В. А. Крачковская, Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг., — СВ, т. VI, 1949, стр. 281.

не (1823), который П. С. Савельев по справедливости назвал вместе с «Рецензией» «главным выражением ученой деятельности Френа»¹⁰. Первые сведения об этом арабском путешественнике были извлечены из «Географического словаря» Якута датским ученым Л. Расмуссенем (1814). «Однако все же заслуга создания действительно капитального труда по изучению Ибн Фадлана принадлежит акад. Х. Френу... Х. Френ едва ли смог бы осуществить свою задачу, если бы к тому времени, а именно в 1819 г., в Азиатском музее не была получена почти полная рукопись сочинения Якута из собрания Руссо»¹¹. Уже в 1822 г. Френ издал по тексту этой рукописи, хранившейся в АМ, сообщение Ибн Фадлана о хазарах и башкирах (с латинским переводом и комментариями, содержащими параллельные арабские тексты Ибн Хаукаля и некоторых других авторов). В следующем году вышел капитальный труд, посвященный повествованию Ибн Фадлана о русах¹². Позднее Френ издал отрывок из Ибн Фадлана о булгарах (1832), завершив этим публикацию обнаруженных им у Якута сведений, принадлежащих Ибн Фадлану.

Наиболее полную оценку проделанной здесь Френом работы дал уже в начале нового столетия В. Р. Розен: «Читая эти работы теперь, спустя более 70 лет после их появления, сравнивая их с работами, посвященными тому же или аналогичным предметам, не знаешь, чему больше удивляться — глубокой ли и всесторонней учености Френа, критическому ли его умению при обращении с испорченными текстами или же его осмотрительности и осторожности, не переходившими, однако, в нерешительность и не исключавшими известной, вполне законной в научных работах такого характера смелости при толковании и объяснении показаний арабских авторов. Как в 1823, так и в 1902 году авторитет исследования Френа остается незыблемым и непоколебленным»¹³.

Подводя итоги, с которыми русская арабистика в Петербурге вступила во вторую половину XIX в., следует еще раз подчеркнуть, что если ее возникновение и развитие в АМ целиком связаны с трудами Френа, то ее перспективы, хотя бы и не непосредственно, зависели и от деятельности Сенковского. «Сочетание двух этих фигур,— замечает И. Ю. Крачковский,— совершенно различных по приемам работы, по научному темпераменту, наконец, по возрасту, создавало какое-то

¹⁰ Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, стр. 32.

¹¹ [А. П. Ковалевский], Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939, стр. 11.

¹² «Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älteren Zeit. Text und Uebersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen von C. M. Frähn», St.-Pbg., 1823.

¹³ В. Р. Розен, Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана, — ЗВОРАО, т. XV, 1902, стр. 40—41.

своеобразное единство в нашей арабистике и вообще востоковедении 20—30-х годов... Учеников у Сенковского по университету в области арабистики было много, но — показательная черта — только те из них, которые попадали в орбиту воздействия Френа, оставили след в науке, а иногда являлись и его продолжателями. Таким был упомянутый уже помощник Френа — М. Г. Волков (выпуска 1823 г.), такими были три крупнейших представителя этой плеяды — историк Востока В. В. Григорьев, археолог-нумизмат П. С. Савельев (оба выпуска 1832 г.), историк Золотой Орды, нумизмат и знаток реалий В. Г. Тизенгаузен (выпуска 1848 г.); все трое — прямые продолжатели некоторых линий работ Френа»¹⁴.

После смерти Френа, основания Факультета восточных языков в университете и перемещения части востоковедной работы в ВОРАО арабистика не сохранила сильных позиций в АМ, и он утратил значение научного центра. «Академия наук в этом периоде в арабистике особой организующей роли не играла в противоположность первой половине XIX в. Премник Френа Б. А. Дорн (1805—1881), трудолюбивый и разносторонний востоковед, не мог в этом отношении заменить его; Розен направил свою энергию на Восточный факультет и Восточное отделение; после его смерти (1908) кафедра в академии оставалась незамещенной до первых лет революции (1921). Азиатский музей ограничивался ролью книгохранилища и тоже только после революции начал опять приобретать значение организующего центра»¹⁵.

Смерть Френа и Волкова внесла изменение в личный состав, но не в штаты АМ. Его новый директор, акад. Б. А. Дорн, по-прежнему единственным сотрудником имел хранителя, место которого в 1846—1882 гг. занимал младший сын Х. Д. Френа — Роберт Френ. Добросовестно выполняя обязанности хранителя, он не оставил, однако, каких-либо печатных работ. Что же касается арабистических интересов самого Дорна, то они не занимали основного места в его деятельности. Исчерпывающую характеристику многолетней арабистической работы Дорна в АМ (1842—1881) дал И. Ю. Крачковский: «При больших научных заслугах в разнообразных и широких областях востоковедения, особенно в иранской филологии, Дорн сделал многое и для арабистики. Наметив в своей академической речи (1839) серьезно и обоснованно главнейшие задачи русского востоковедения, он большое внимание по примеру Френа уделил в своих работах восточным, в частности арабским, источникам, особенно по истории Кавказа и Каспийского побережья. Его многочисленные монографии в этом направлении, кончая широко

¹⁴ Крачковский, Очерки, стр. 77—78.

¹⁵ Там же, стр. 142.

известным „Каспием“ (1875), и до сих пор сохраняют важное значение... Дорн много сделал в своеобразной области изучения арабских астрологий, посвятив им ряд отдельных, иногда больших и глубоко захватывающих материал исследований (1838, 1841, 1844, 1865). Благодаря его тщательной библиографической работе в Азиатском музее мы располагаем почти полным репертуаром ранней мусульманской печати, в частности и арабской, особенно в Казани (1866), а в известной степени и вообще на Ближнем Востоке... Трудясь, как всегда, упорно и неустанно и в области арабистики, Дорн все же не мог явиться ее организатором, как в свое время Френ с Азиатским музеем; постепенно, хотя не сразу, она подготовила себе новый очаг на Факультете восточных языков»¹⁶.

Именно с Факультетом восточных языков связаны деятельность В. Ф. Гиргаса и начало деятельности В. Р. Розена. В стенах факультета главным образом благодаря усилиям Розена в конце XIX — начале XX в. были подготовлены те кадры русских востоковедов, которые определили впоследствии будущее своей науки, и прежде всего ее наиболее близкой Розену отрасль — арабистики.

На факультете началась и научная деятельность В. Р. Розена — защита магистерской диссертации о древнеарабской поэзии (1872), доцентура (1872—1879), в годы которой Розен не только преподавал арабский язык и литературу, но и совместно с Гиргасом подготовил основное пособие для студентов-арабистов, сохранившее свое значение до сих пор, — две «Арабские хрестоматии». В 1883—1908 гг., будучи профессором университета, а в 1893—1902 гг. — деканом Факультета восточных языков, Розен делил свое внимание между университетской кафедрой и делами ВОРАО, во главе которого он стоял с 1885 г. до своей смерти. Именно в Восточном отделении наиболее полно проявился талант Розена как крупнейшего организатора науки. Основанные им «Записки Восточного отделения» (1886), 17 томов которых вышли под его редакцией, образовали тот специальный периодический орган, сравнимый с лучшими западноевропейскими востоковедными журналами, которого недоставало русским востоковедам. «Записки», объединив и сконцентрировав на своих страницах основную научную продукцию, созданную в России в конце XIX — начале XX в., сделали больше для формирования современной научной школы в русском востоковедении, чем любое из учреждений, существовавших до того. И в этом несомненная заслуга их редактора, под непосредственным воздействием которого формировалась область интересов отечественного востоковедения.

---

¹⁶ Там же, стр. 88.

Будучи на протяжении едва ли не четверти века наиболее авторитетным представителем русского востоковедения, в том числе и академического, В. Р. Розен уделил непосредственной деятельности в составе академических учреждений сравнительно немного лет. 16 февраля 1879 г. В. Р. Розен был избран адъюнктом АН «по части мухаммеданских языков и словесности»; с 19 мая 1881 г. по 8 марта 1882 г. он был директором АМ, после чего выбыл из АН. Однако для личной научной работы В. Р. Розена эти годы были весьма плодотворными.

В 1881 г. Розен издал первое описание части арабской рукописной коллекции (300 номеров) АМ, которое положило начало вместе с изданным четырьмя годами ранее описанием арабских рукописей Учебного отделения Азиатского департамента МИДа до сих пор не завершеному полному научному описанию собрания арабских рукописей АМ — ЛО ИВ¹⁷. Другое исследование тех лет, которое по праву можно считать его главным научным трудом, было обязано счастливой находке в Парижской Национальной библиотеке во время командировки 1879 г. Еще до того внимание В. Розена привлекли статьи русских византистов А. А. Куника и В. Г. Васильевского, в которых отмечалась важность сообщений арабских историков (Ибн ал-Асира и ал-Макина) для византийской истории. И вот в Париже Розен находит неизвестный до того исторический труд Яхьи Антиохийского, послуживший источником сведений ал-Макина о событиях в Византии X в., а также важный для истории Египта во времена фатимидского халифа ал-Хакима (996—1021). Извлечение, перевод, историографическая характеристика и подробнейший комментарий важнейших отрывков из этого сочинения и стали темой капитального труда, защищенного в 1883 г. как докторская диссертация¹⁸.

В 1881 г. после смерти Дорна, а до того — А. Шифнера и М. Броссе Розен остался единственным представителем востоковедения в АН. К сожалению, его столь плодотворно начатая деятельность в АН была прервана конфликтом с тогдашним ее руководством. Причины этих разногласий корени-

¹⁷ V. Rosen, *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales*, St.-Pbg., 1877; его же, *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. Première livr.*, St.-Pbg., 1882.

¹⁸ «Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен», СПб., 1883. Подробную оценку этого труда см. в ст.: А. Ю. Якубовский, *Розен как историк*, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена». Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948), М.—Л., 1947, стр. 26—30, где особо подчеркивается, что «в своей совокупности „примечания“ Розена к арабскому тексту Яхьи Антиохийского — свод необходимых сведений не только по византийско-арабским отношениям, но и по культурной и политической истории ряда стран, в том числе Армении и Грузии X—XI вв.».

лись в ненормальной обстановке, существовавшей в АН и побудившей ряд ее членов обратиться к президенту с заявлением о необходимости пересмотра ее Устава¹⁹.

Значение деятельности Розена для отечественной арабистики наиболее полно оценено И. Ю. Крачковским: «Имея учителями крупнейших ориенталистов, Розен тем не менее значительно превзошел их широтой своего арабистического кругозора, а в выработке научной индивидуальности более всего обязан самому себе. И здесь сравнение с Френом кажется далеко не случайным. В некоторых областях Розен даже продолжал линии, намеченные Френом. Как Френ, он уделял большое и систематическое внимание разработке рукописных сокровищ. Он оказался счастливее Френа, и четыре тома его классических описаний увидели свет (1877, 1881, 1885, 1886)... Однако второй выпуск каталога арабских рукописей Азиатского музея им не был закончен, так как эта работа не встретила интереса в тогдашней Академии наук. Как Френ, значительную часть своих изысканий Розен направил в сторону арабских источников, связанных с Восточной Европой. Исследования, посвященные им географу ал-Бекри (1878, 1903) и путешественнику Ибн Фадлану (1904), в известной мере остаются непревзойденными. Темы, намеченные Френом, он расширил изучением Византии, впервые осветив в полном объеме значение трудов христианско-арабских источников Йахьи Антиохийского (1833) и Агапия Манбиджского (1884). Касаясь в своих работах самых разнообразных вопросов арабистики, он не ограничивал себя узко темами, относящимися к России, а систематически подчеркивал, что арабистика не имеет права считаться у нас провинциальной местной наукой; она должна уметь с достоинством высказывать свое суждение по всем вопросам, встающим в мировом масштабе, и принимать участие в их решении»²⁰.

После ухода Розена из АМ арабистическая работа там практически замерла на долгие годы. Однако следует иметь в виду, что период, когда директором был К. Г. Залеман (1890—1916), отмечен небывалым до того ростом рукописных коллекций, в том числе и арабских; даже простая каталогизация поступавших рукописей требовала громадного труда, часто физически невыполнимого для нескольких сотрудников музея (самого К. Г. Залемана; хранителя — известного египтолога и коптоведа О. Э. Лемма и ираниста Ф. А. Розенберга, «работавшего по найму» с 1902 г., а с 1912 г. — в качестве старшего хранителя). До 1916 г. «круг обязанностей, лежавших на работниках музея, был почти безграничен и

¹⁹ Подробнее о причинах ухода В. Р. Розена из АН и связанных с этим событиях см.: Письмо акад. Я. К. Гроту, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена», стр. 117—128.

²⁰ Крачковский, Очерки, стр. 100.

никак не дифференцировался²¹. Лишь ничтожная часть этого труда находила отражение в печати. Очень редко для работников АМ «время и обстоятельства позволяли завершить научную обработку отдельных экземпляров какой-либо коллекции. Обыкновенно это выпадало на долю более счастливым ученым, не служившим в Азиатском музее»²². Не был завершен и задуманный К. Г. Залеманом сводный каталог мусульманских рукописей музея (*Catalogus Catalogorum*)²³.

Возрождение арабистики в АМ целиком связано с деятельностью ученика и продолжателя дела В. Р. Розена — И. Ю. Крачковского, открывшего новую эпоху в истории отечественной арабистики. Однако главная деятельность И. Ю. Крачковского по организации арабистики в академии на новой широкой основе падет на послеоктябрьский период.

Здесь же следует отметить, что, познакомившись с арабскими рукописями АМ еще в студенческие годы (1903) и работая затем в его стенах над магистерской диссертацией (1906—1908), посвященной поэту X в. ал-Вава, две рукописи которого находились в музее, Крачковский лишь в 1916 г. занял здесь штатное место сотрудника — заведующего Мусульманским отделом. Приглашение Крачковского на эту должность было связано с особыми обстоятельствами, которые были им охарактеризованы впоследствии, как и весь начальный период его деятельности в АМ: «В конце 1916 г. Залеман умер; между тем систематически поступавшие в связи с войной спасенные на Кавказском фронте в большинстве арабские рукописи все настойчивее говорили о необходимости арабиста в Азиатском музее. Новый директор, С. Ф. Ольденбург, пригласил меня в декабре 1916 г. в первую очередь для работы над ними»²⁴. Уже в первые шесть месяцев Крачковский приводит в порядок около 1050 арабских рукописей, полученных с Кавказа, и составляет список главных из них, где наряду с заглавием отмечает даты написания и сообщает сведения об их регистрации в европейских пособиях. Дается и общая характеристика коллекции²⁵.

²¹ И. Ю. Крачковский, Ф. А. Розенберг (1.III.1867—5.VI.1934). Некролог, — Избр. сочинения, т. V, стр. 373.

²² Там же.

²³ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, М., 1959, стр. 105.

²⁴ И. Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями, — Избр. сочинения, т. I, стр. 63.

²⁵ И. Ю. Крачковский, Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей с кавказского фронта, — Избр. сочинения, т. VI, стр. 383—422. Еще до начала работы в АМ по инициативе К. Г. Залемана, неоднократно обращавшегося к Крачковскому за арабистическими консультациями, им была подробно охарактеризована рукопись пятого тома истории Ибн Мискавейха, приобретенная для АМ В. А. Ивановым в Бухаре (1915) (см.: И. Ю. Крачковский, Новая рукопись пятого тома истории Ибн Мискавейха, — Избр. сочинения, т. VI, стр. 373—382).

Другой большой работой Крачковского стал разбор бумаг В. Р. Розена, переданных в 1917 г. в АМ. «Зимой 1917/1918 г. была составлена их опись, опубликованная в 1918 г. Она не имела в виду задач архивной точности и полноты, но все же предоставила всем интересующимся возможность быстро обозреть и ориентироваться в богатом материале»²⁶.

Подводя итоги длительному периоду развития отечественной арабистики в АН, начало которому положила деятельность Френа в Азиатском музее, а уровень с 80-х годов XIX в. был определен деятельностью В. Р. Розена и его учеников, И. Ю. Крачковский писал: «За сто лет наша арабистика догнала западную науку; создав свою собственную рукописную базу и серьезную библиотеку, она имела теперь свой восточковедный орган, она обладала достаточным по тому времени контингентом подготовленных специалистов и для преподавания и для поддержки самостоятельной научной традиции, она пользовалась почетным признанием на Западе»²⁷.

---

²⁶ И. Ю. Крачковский, Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет,— Избр. сочинения, т. V, стр. 441.

²⁷ И. Ю. Крачковский, Очерки, стр. 105.

Т. А. ШУМОВСКИЙ

Арабистика

(1917—1968)

Накануне Октябрьской революции главным центром русской арабистики благодаря классической школе В. Р. Розена был Петроград, а в Петрограде — Факультет восточных языков университета. АМ, завершавший в трудные дни рождения нового мира первый век своего существования, лишь при Советской власти постепенно начинает восстанавливать свое значение организующего центра арабистических исследований, какое он имел при первом директоре — Х. Д. Френе. Основой служила богатая, постоянно пополнявшаяся коллекция арабских рукописей и книг — надежная база исследовательской работы многих специалистов. Первыми поступлениями советского периода были 42 рукописи патриарха Антиохийского Григория IV, переданные АМ из царской библиотеки (1919), а затем собрание Учебного отделения Азиатского департамента МИДа (1921)¹. Усилению роли академического центра способствовало и упразднение факультета в 1919 г.

После смерти Н. А. Медникова в 1918 г. и переезда А. Э. Шмидта в Ташкент в 1920 г. младший ученик Розена профессор Петроградского университета И. Ю. Крачковский стал самым деятельным и авторитетным представителем русской арабистики в Петрограде. Главной его заботой было объединение усилий арабистов и сохранение тех традиций, которые снискали русской арабистике международное признание. В 1921 г. прекратило свое существование ВОРАО и состоялось учредительное собрание Коллегии востоковедов при АМ. Взамен основанных в 1886 г. Розеном «Записок» ВОРАО, выходявших до 1921 г., и «Христианского Востока», прекратившего свое существование годом позже, с 1925 г.

---

¹ Состояние фондов АМ к 1918 г. суммарно обрисовано в Аз. Муз. Памятка, стр. 8—19, 22—27. Более детально об истории сложения фонда арабских рукописей см. в ст.: В. И. Беляева «Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР» (1953).

начали издаваться «Записки Коллегии востоковедов»; кроме этого органа арабистические исследования печатались в научно-популярном журнале «Восток» (1922—1925) и в «Докладах» АН, серия В (1924—1931). На страницах этих изданий увидел свет ряд работ Крачковского по арабской литературе, в особенности по новой.

Октябрьская революция, пробудившая народы колониальных и зависимых стран к активному историческому творчеству, в громадной мере стимулировавшая рост их национального самосознания, привлекла внимание советской арабистической школы к новым тенденциям арабской культуры. Если до революции интерес к литературе XIX—XX вв., созданной народами арабского мира, был спорадическим, то после Октября крупнейший советский ученый Крачковский посвятил ей большое количество специальных исследований². Мы дальше увидим, как современная тематика с течением времени распространяется на области истории и лингвистики, привлекая все большее число специалистов, воспитанных уже советским строем. Наряду с этим, конечно, следует отметить непрерывность традиции изучения арабского средневековья, которое в дореволюционной России стояло на высоком уровне.

Кадры АМ сперва были малочисленны. Арабистику представлял Крачковский, с 1919 г.— В. А. Эберман, исследователь арабской и персидской поэзии. Когда вскоре после избрания в АН (1921) Крачковский стал академиком-секретарем ОИФ, Эберман остался в штате АМ единственным арабистом и уже в 1923 г. был утвержден сотрудником I-го разряда. Именно в этом году были опубликованы его оригинальный этюд «Арабы и персы в русской поэзии»³ и переводы из испано-арабского поэта XI—XII вв. Ибн Хамдиса⁴. В дальнейшем он описал небольшую коллекцию арабских рукописей, поступившую в АМ в 1926⁵, и опубликовал за рубежом библиографический обзор новых русских работ по арабистике и исламоведению⁶. Связанный (кроме АМ) с ГАИМК и Государственным Эрмитажем, Эберман начал серьезно работать в области истории искусства и материальной культуры арабов. Любимой областью его занятий была средневековая

² Важнейшие работы Крачковского по новоарабской литературе сгруппированы в т. III его «Избранных сочинений»; там же (стр. 409—414) полный перечень его работ в этой области.

³ «Восток», 1923, кн. 3, стр. 108—125.

⁴ Там же, стр. 26—30.

⁵ В. А. Эберман, Описание собрания арабских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. Полномочным Представительством СССР в Персии, — ИАН, СССР, 1927, стр. 315—324.

⁶ W. Ebermann, Bericht über die arabischen Studien in Russland während der Jahre 1914—1920 — *Islamica*, Bd III, стр. 229—264; Bd IV, стр. 121—158, 201—248.

арабская поэзия, где он оставил выдающееся исследование «Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда»⁷. Но это не полный перечень сделанного им. Научная деятельность Эбермана не раз прерывалась, а в начале 30-х годов закончилась совсем.

Ряд работ Крачковского, выполненных в течение первого десятилетия советской эпохи, связан с описанием и разработкой коллекций АМ — рукописных, книжных и архивных. Помимо упомянутого выше общего обзора арабского рукописного фонда АМ в 1918 г. Крачковскому принадлежат статьи о рукописях дивана Зу-р-Руммы из Бухарской коллекции В. А. Иванова⁸ и философского сочинения ал-Газали из той же коллекции⁹, о хранившейся в АМ сто лет рукописи антологии Усамы ибн Мункиза¹⁰, описание одной немногочисленной, но ценной коллекции, общий обзор и публикации христианско-арабских рукописей¹¹, опись архива В. Р. Розена и публикация некоторых материалов из наследия этого ученого¹² и издание текстов, частично основанных на рукописях АМ.

В 1926 г. при АМ были установлены вакансии практикантов. С 1 октября 1927 г. на одну из них был принят В. И. Беляев. В течение двух лет он составил список арабской части Бухарской коллекции В. И. Иванова, насчитывающей более тысячи номеров¹³; описанию одной из рукописей посвящена его специальная статья¹⁴. Одновременно Беляев приступил к изучению сочинения «Книга листов» («Китаб ал-аурак») историка X в. ас-Сули.

За годы существования КВ при АМ арабистика занимала видное место как в научных заседаниях, так и на страницах ее «Записок». Только Крачковский за 1924—1930 гг. прочитал 16 докладов¹⁵, а в томах I—IV ЗКВ опубликовал 15 статей и рецензий¹⁶; кроме него с работами по арабистике выступали В. В. Бартольд¹⁷, Я. С. Виленчик¹⁸, В. А. Крачков-

⁷ ЗКВ, V, 1930, стр. 429—450.

⁸ Винников, Библиография Крачковского, № 95, 138.

⁹ Там же, № 196, 207.

¹⁰ Там же, № 181.

¹¹ Там же, № 139, 198, 140, 176, 208.

¹² Там же, № 96, 183, 184.

¹³ В. И. Беляев, Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии наук СССР, Л., 1932 (ТИВАН, II).

¹⁴ В. И. Беляев, Анонимная историческая рукопись коллекции В. А. Иванова в Азиатском музее, — ЗКВ, V, стр. 15—37.

¹⁵ Винников, Библиография Крачковского, стр. 135—139 (IV, № 41—43, 45, 48, 51, 54—60, 72, 97, 117).

¹⁶ Там же, II, № 181—190, 238—241, 268.

¹⁷ «Коран и море», — ЗКВ, I, стр. 106—110 и рецензии.

¹⁸ «Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта», — ЗКВ, II, стр. 249—256.

ская¹⁹, Д. К. Петров²⁰, А. А. Ромаскевич²¹, Р. Р. Фасмер²², В. А. Эберман²³, Н. В. Юшманов²⁴. В 1930 г. в связи с 25-летием научной деятельности Крачковского коллегия посвятила юбилюру V, последний том «Записок». «Список научных работ Игнатия Юлиановича Крачковского 1904—1929», опубликованный в этом томе²⁵, свидетельствует о большом объеме его работ в разных областях арабистики. Примечательно, что из 235 номеров библиографии более 150 приходится на 12 послеоктябрьских лет. Состав тома, включающего статьи сорока авторов, красноречиво свидетельствует и о достижениях нашей арабистики к исходу 1929 г. и об арабистических интересах востоковедов смежных областей.

1929 год был переломным в истории нашей академической арабистики. 8 февраля Крачковский составил обширную записку «К вопросу о положении арабистики в Академии наук (об учреждении Кабинета арабской филологии)». «Донныне, — писал Игнатий Юлианович, — я удовлетворял все запросы сам, но теперь работы академии расширились и нужно сильное и авторитетное учреждение». Целью организации кабинета, кроме того, назывались «руководство молодыми учеными и создание объединяющего центра»²⁶. Штат предлагался в составе директора, ученого секретаря и научного сотрудника. Для размещения нового учреждения автор записки выражал готовность предоставить две комнаты в своей квартире, где к услугам штата могла быть его личная библиотека. 10 апреля Крачковский подготовил «Материалы для составления 5-летнего плана работ по Кабинету арабской филологии», в которых были перечислены следующие основные работы: словарь народного арабского языка, описание арабских рукописей СССР, собирание материалов для очерка истории новоарабской литературы (XIX и XX вв.), история арабистики, подготовка словаря современного литературного языка и свода арабских сведений о России и сопредельных странах.

С 1930 г. Арабский кабинет ИВ начал работу. Первый утвержденный штат его состоял из заведующего И. Ю. Крачковского и научного сотрудника 2-го разряда Я. С. Виленчика.

¹⁹ «Мусульманское искусство в собрании Ханенко», — ЗКВ, I, стр. 1—50 и рецензии.

²⁰ «Одна из испано-арабских проблем», — ЗКВ, II, стр. 73—90.

²¹ «Список арабских рукописей библиотеки Петроградского университета», — ЗКВ, I, стр. 369—371.

²² «Хронология наместников Армении при первых Аббасидах», — ЗКВ, I, стр. 381—400.

²³ «Медицинская школа в Джундишапуре», — ЗКВ, II, стр. 113—154.

²⁴ «Рецензия на учебное пособие Тауфика Кезмы по арабскому языку», — ЗКВ, III, стр. 553—556.

²⁵ ЗКВ, V, стр. 807—831.

²⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 141.

Словарь народного арабского языка не случайно упоминается на первом месте среди работ академического учреждения, призванного, по мысли Крачковского, стать организующим центром советской арабистики. В Советской стране изучение живых языков современных наций было призвано первостепенной научной и практической задачей. Имелся и исполнитель темы: Я. С. Виленчик еще на студенческой скамье ЛГУ начал составлять словарь живого разговорного языка Сирии и Палестины по опубликованным записям западных арабистов-диалектологов. Работа молодого ленинградского энтузиаста вызвала интерес иностранных семитологов — К. Брокельмана, Е. Брэйслиха, Р. Хартмана, а Г. Бергштрессер просил Виленчика обработать собранный им материал.

Постепенно развертывались и другие темы плана. В 1931 г. кабинет работал в прежнем составе. Крачковский редактировал словарь современного арабского литературного языка, составленный Х. К. Барановым, словарь народного арабского языка, над которым продолжал работать Я. С. Виленчик, перевод «Введения» (Мукаддимы) философа XIV в. Ибн Халдуна, список арабских рукописей Ленинграда по точным и естественным наукам, переводы из «Тысячи и одной ночи» и стихов арабско-испанского поэта XI в. Ибн Хазма; готовил к печати арабскую поэтику Ибн ал-Му'тазза (ум. в 908 г.), составлял критическую библиографию работ об арабских источниках для истории Восточной Европы, а также библиографию новонарабской литературы. В этом же, 1931 г. сотрудник ИВ А. Ф. Искандеров начал изучать Египет нового времени, чтобы на материале этой страны подойти к истории национально-освободительного движения.

В 1932 г. наряду с научной в кабинете продолжалась и организационная работа. 7 января на расширенном производственном совещании Крачковский поднял вопрос об изучении языка среднеазиатских арабов²⁸. Ниже мы увидим, какой большой размах в этом направлении приняла деятельность ленинградских арабистов. Стремясь идти в ногу со временем, академические специалисты создали ряд ценных работ, помогавших языковому строительству в СССР и за рубежом. Говоря об ИВ, следует отметить цикл исследований Я. С. Виленчика, нашедший отражение в его работе 1933 г. «Проблемы орфографии на современном Арабском Востоке»²⁹.

Тенденция к дифференциации востоковедных специальностей, еще в конце 20-х годов отмеченная Крачковским³⁰, привела к тому, что в 1928 г. появился кружок ленинградских арабистов при АН, который просуществовал до 1930 г. и на

²⁸ Там же, ф. 152, оп. 1 (1932), № 31, лл. 22—23; см. также: Крачковский, Избр. сочинения, т. V, стр. 165—166.

²⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1933), № 26.

³⁰ Крачковский, Очерки, стр. 144.

своих регулярных заседаниях заслушал большое число докладов; сам Крачковский, например, за три года сделал 60 докладов и библиографических сообщений³¹. Но жизнь требовала новых форм работы. И вот на базе этого кружка 5 января 1934 г. была основана Ассоциация арабистов. Ее возглавил Крачковский, заместителем председателя был избран проф. ЛВИ А. М. Шами, знаток новейшего Востока, секретарем стал А. Ф. Искандеров, членами правления — В. К. Сухотина и Н. В. Юшманов. В течение первого года ассоциация объединила 20 членов и провела 18 научных заседаний, где были заслушаны и обсуждены многие доклады³². Помимо научных заседаний ассоциация устраивала также вечера переводов³³.

К XVII съезду ВКП(б) ассоциация приняла на себя обязательство выполнить силами арабистов (А. М. Беленицко-го, В. И. Беляева, А. Я. Борисова, А. А. Быкова, К. В. Оде-Васильевой, Г. Г. Гульбина, М. А. Салье, Д. В. Семенова под руководством И. Ю. Крачковского) коллективный перевод хроники историка IX в. Абу Ханифы ад-Динавари. Другой член ассоциации, Я. С. Виленик, в это время уже закончил большую работу о названиях пород арабских лошадей, возникшую в процессе работы над составлением Большого словаря живого арабского языка³⁴.

В 1934 г. в штат Арабского кабинета были приняты доцент ЛВИ лингвист Д. В. Семенов и аспирант А. Ф. Искандеров. Д. В. Семенов в короткий срок наладил библиографическую работу в кабинете, после чего уже смог непосредственно заняться темами своей специальности.

³¹ Винников, Библиография Крачковского, IV, стр. 136—140, № 61—71, 73—77, 79—89, 91—96, 98—116, 118—125.

³² И. Ю. Крачковского: «Изучение арабских стран в СССР после Октября»; «Древнейший арабский документ из Средней Азии», «Прием отрицательного сравнения в древнеарабской поэзии», «С. Ф. Ольденбург в письмах бар. В. Р. Розену (страницы из истории арабистики и востоковедения)», «Переиздание статьи Веселовского „Сказки Тысячи и одной ночи“ в переводе Галлана»; А. Ю. Якубовского: «Исполная аренда в Ираке VIII в.»; И. И. Гинцбурга: «К истории развития строя речи в семитских языках»; К. В. Оде-Васильевой: «Война в Аравии»; А. М. Шами: «Военная подготовка в арабских странах»; А. П. Ковалевского: «Политика современного египетского правительства в области народного образования».

³³ Так, 11 декабря 1934 г. были читаны: извлечения из «Чудес Индии» Бузурга ибн Шахрийара (из морских рассказов X в.) в переводе Р. Л. Эрлих, фрагменты романа «Возвращение духа» Тауфика ал-Хакима в переводе М. А. Салье; отрывок из автобиографической повести Таха Хусайна «Дни» в переводе И. Ю. Крачковского. Эти собрания, привлекавшие многих слушателей-неарабистов, являлись воплощением идеи, заложенной в утвержденном дирекцией ИВ «Положении» об Ассоциации арабистов: «Задачей ассоциации является научно-исследовательская работа в области изучения истории, экономики, языков, литератур и других отраслей культуры, научно-популярная деятельность по указанным вопросам» (ЛЮ ААН, ф. 152, оп. 1 (1934), № 30, л. 1).

³⁴ Неизданная рукопись этой работы хранится в АВ, Р. 1, оп. 8, № 37.

Внешние связи кабинета были еще незначительны и осуществлялись главным образом путем индивидуальной переписки. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, проходивший в 1935 г. в Ленинграде, позволил установить личные контакты с рядом зарубежных ученых. Научные связи оживились, и в Арабский кабинет стали обращаться за справками советские и зарубежные ученые³⁵.

В 1935 г. Крачковский редактировал коллективный перевод хроники ад-Динавари, который не был завершен. В течение года Крачковский выступил с 19 статьями и докладами. Я. С. Виленчик продолжал работать над словарем народного арабского языка, время от времени излагая частные результаты своего исследования в статьях, публиковавшихся в советской и зарубежной печати³⁶. Д. В. Семенов, пользуясь материалами профессора Петербургского университета (1847—1861) шейха Тантави, разрабатывал тему о народных праздниках в Египте XIX в. С марта кабинет получил нового сотрудника — А. П. Ковалевского. Темой его работы стал египетский писатель Мухаммад Хайкаль и его повесть «Зейнаб», а затем — изучение сведений географа X в. ал-Масуди о странах Восточной Европы. Виленчик, Семенов и Ковалевский в течение 1935 г. выступили с 15 статьями и докладами. Аспирант Искандеров продолжал работать над диссертацией, посвященной национальному движению в Египте 90-х годов XIX в.

Ассоциация арабистов успешно продолжала свою деятельность: возросло число членов (до 25), по-прежнему регулярно происходили научные заседания и вечера переводов. Крупным событием в жизни ассоциации и кабинета в 1935 г. явилась подготовленная им первая всесоюзная сессия арабистов³⁷.

Серьезное обсуждение всех докладов показало, что за годы Советской власти в нашей стране вырос большой и зрелый коллектив специалистов, успешно работавших во всех областях арабистики³⁸.

³⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 25.

³⁶ См. полный список его работ, составленный И. Ю. Крачковским (СВ, II, 1941, стр. 228—229, или Избр. сочинения, т. V, стр. 397—400).

³⁷ Сессия состоялась 14—17 июня в ИВ со следующей повесткой дня: И. Ю. Крачковский, История арабской литературы и ее задачи в СССР; А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII и IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах); А. М. Шами, Периодизация новейшей истории Египта; В. Б. Луцкий, Сирийская революция 1925—1927 гг.; Я. С. Виленчик, К вопросу о происхождении арабского двуязычия; Г. В. Церетели, Письмо Шамиля барону Николаи; А. Я. Борисов, Об открытых в Ленинграде памятниках мутазилитской литературы и их значении для истории мусульманской мысли; В. А. Крачковская, Задачи арабской эпиграфики в СССР.

³⁸ См. «Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г.», М.—Л., 1937 (ТИВАН, XXIV), в особенности резолюцию сессии на стр. 7—12. Работа сессии отражена также в ст.: А. Ф. Искандеров, Первая сессия арабистов, — ВАН, 1935, № 9, стр. 57—64.

В том же, 1935 г. И. Ю. Крачковский был избран в члены Арабской академии наук в Дамаске. Тогда же он был приглашен в Багдад на юбилей поэта ал-Мутанабби.

В этот период помимо многочисленных статей и докладов Крачковский держал корректуры к конкордансу хадисов, сотрудничал в издании «Энциклопедии ислама» и в других международных научных предприятиях. Заслуживает упоминания и выставка арабских рукописей, устроенная кабинетом к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии.

Плодотворная деятельность сотрудников кабинета была отмечена в АН в связи с решением партии и правительства о введении ученых степеней и званий. Производственное совещание Арабского и Еврейского кабинетов ИВ 5 июня 1935 г. поставило перед дирекцией ИВ вопрос о присуждении без защиты диссертации степени кандидата филологических наук Я. С. Виленчику и Д. В. Семенову и степени кандидата исторических наук А. П. Ковалевскому. Этот вопрос вскоре был решен положительно. На том же заседании производственного совещания были утверждены темы докторских диссертаций Я. С. Виленчика и А. П. Ковалевского. Вместе с тем кабинет заботился и о будущей смене: в 1935 г. его сотрудники руководили практикой студентов ЛВИ.

5 января 1936 г. на заседании правления Ассоциации арабистов было решено начать коллективную работу по новой истории Египта, в которой приняли участие Крачковский, Аксельрод, Рогинская, Ротштейн, Кильберг, Шами, Искандеров и Луцкий. 13 июня того же года А. Ф. Искандеров защитил диссертацию «Национальное движение в Египте конца XIX и начала XX в. и партия „ал-Хизб ал-Ватани“» на степень кандидата исторических наук. Эти два факта свидетельствуют о том большом и постоянном внимании, которым и после первой сессии пользовались в кабинете вопросы новой и новейшей истории арабских стран. Другие области арабистики также продолжали изучаться последовательно и планомерно; крупным достижением 1935 и 1936 гг. были научные экспедиции для изучения среднеазиатских арабов, проведенные членами ассоциации И. Н. Винниковым, К. В. Оде-Васильевой, Г. В. Церетели и давшие богатый материал, который успешно разрабатывался в последующее время. В конце 1936 г. сотрудником Рукописного отдела ИВ стал В. И. Беляев. Обработывая рукописи Мусульманского фонда, он одновременно занимался описанием арабских папирусов Москвы и Ленинграда и изучением сочинения ас-Сули по рукописи Ленинградской Публичной библиотеки. В 1937 г. ему была присуждена степень кандидата филологических наук.

За 1936 г. Ассоциация арабистов провела 15 заседаний, на восьми из них были прочитаны и обсуждены научные до-

клады, а на шести — информационно-библиографические сообщения. Участниками этих заседаний были не только члены ассоциации, но и сотрудники ИВ — неарабисты, студенты ЛИФЛИ, ЛВИ и приезжие ученые (А. Э. Шмидт, В. А. Гордлевский). Благодаря инициативе кабинета и ассоциации ИВ заключил договор с членом-корр. АН СССР А. Э. Шмидтом (Ташкент) на перевод одного из выдающихся памятников арабской исторической литературы — «Книги о земельном налоге» Абу Йусуфа Йакуба, а также с акад. АН УССР А. Е. Крымским (Киев) написание очерка истории новоарабской литературы. Активные связи с учеными других учреждений далеко не ограничивались пределами Советского Союза. Заведующий кабинетом отвечал на запросы Ж. Каэна (Париж) — о рукописи «Ат-Та'рих ал-Мансури», Э. Литмана (Тюбинген) — о египетском диалекте, ал-Магриби (Дамаск) — о каирских рукописях, Л. Крычиньского (Данциг) — о рукописях Мухлинского в ЛГУ, Ф. Кренкова (Кембридж) — о поэтических антологиях, К. Брокельмана (Бреслау) — по истории арабской литературы. Крачковский заботился и о воспитании молодого поколения: так, в октябре 1936 г. он начал руководить занятиями студента ЛИФЛИ Т. А. Шумовского по технике работы над арабскими рукописями³⁹.

Активная творческая деятельность коллектива, возглавлявшегося Крачковским, нарастала из года в год. Обширный план работы кабинета, намеченный в 1937 г., включал 19 научно-исследовательских тем по истории, языкознанию, литературоведению и другим областям арабистики, а также посылку экспедиции для изучения языка и фольклора среднеазиатских арабов и организацию научных командировок для описания арабских рукописей Казани и Дагестана, папирусов и литературных архивов, хранившихся в Москве⁴⁰.

В первой половине 1937 г. в кабинете начал работать проф. А. М. Шами, крупный специалист по новой истории арабских стран.

В 1937 г. Ассоциация арабистов провела 11 заседаний, как обычно частью научных, частью информационно-библиографических, где Крачковский, тесно связанный с арабистами Востока и Запада, регулярно сообщал об очередных событиях науки. Крупнейшим достижением в деятельности ассоциации за 1937 г. было проведение второй всесоюзной сессии; она проходила с 19 по 23 октября снова в Ленинграде, в ИВ⁴¹.

³⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 31, лл. 136, 148.

⁴⁰ Там же, оп. 1 (1937), № 32, лл. 1—3.

⁴¹ На девяти пленарных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады: И. Ю. Крачковский, Арабистика в СССР за 20 лет; А. Ю. Якубовский, Время Авиценны; Е. Э. Бертельс, Авиценна и персидская литература; А. Я. Борисов, Авиценна как врач и философ; И. И. Гинцбург, Арабская медицина и произведения Авиценны

Внушительным смотром достижений советской арабистики была сессия, посвященная XX годовщине Октября⁴². Ее многочисленные участники, съехавшиеся с разных концов Союза, с удовлетворением отмечали, что изучение новоарабской литературы в СССР нашло международное признание; именно за нашей родиной было признано первенство в этой области науки. Лишь в годы Советской власти в СССР выросла отсутствовавшая в дореволюционной России арабская лингвистика.

Классическая грамматика Н. В. Юшманова, написанная как учебное пособие, была признана имеющей самостоятельное научное значение; словарь и статьи Я. С. Виленчика явились крупным вкладом в разрешение вопроса о соотношении литературного языка и диалектов. С этой темой связано и изучение языка среднеазиатских арабов, планомерно и настойчиво проводившееся Г. В. Церетели и И. Н. Винниковым. Большое значение имели и достижения Х. К. Баранова в области подготовки арабско-русского словаря современной эпохи, необходимость в котором ощущалась уже давно. Успехи в литературоведении были отмечены изданием «Книги о новом стиле» Ибн ал-Мут'азза, изучением антологии Усамы ибн Мункиза, появлением работы В. А. Эбермана о роли персов в ранней арабской поэзии.

Одним из наиболее ярких признаков послеоктябрьской эпохи в арабистике является широкая популяризация арабской литературы путем переводов («Тысяча и одна ночь» в 1929—1939 гг., «Ожерелье голубки» Ибн Хазма в 1933 г., «Калила и Димна» в 1934 г., «Дни» Таха Хусейна в 1934 г., «Возвращение духа» Тауфика ал-Хакима в 1935 г.). Большой вклад в изучение истории арабов внес В. В. Бартольд. В 1937 г. советская арабистика откликнулась на испанские события, издав «Арабскую культуру в Испании» И. Ю. Крачковского.

Работы по новой истории арабских стран — А. Ф. Искан-

«Канон» и «Урджуса» по еврейским рукописям АН; А. Э. Шмидт, Рукописи произведений Авиценны в Государственной Публичной библиотеке Узбекистана; Н. В. Пигулевская, Арабы VI в., по сирийским источникам; В. И. Беляев, Собрание арабских папирусов в Ленинграде и Москве; А. Е. Крымский, Причины упадка средневековой арабской литературы в эпоху владычества османских султанов; В. Б. Луцкий, Общественный строй Египта конца XVIII в.; А. Н. Генко, О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа; А. П. Ковалевский, Новооткрытый текст «Путешествия» Ибн Фадлана в X в. на Волгу; С. Л. Волин, К истории среднеазиатских арабов; И. Н. Винников, Арабы Вабкентского р-на УзССР; Г. В. Церетели, Язык среднеазиатских арабов; А. П. Рифтин, К происхождению форм наклонений в арабском и аккадском языках; Н. В. Юшманов, Загадка двухпадежных имен в арабском языке.

⁴² Эта сессия одновременно отметила в ряде докладов 900-летие со дня смерти уроженца Бухары Авиценны (Ибн Сины).

дерова о Мустафе Камиле (1936), Х. И. Кильберг о восстании Араби-паши (1937) и ряд других — были посвящены изучению национально-освободительного движения колониальных и зависимых народов. Развитие источниковедения получило большой размах в изучении арабских источников по истории народов СССР (издание арабского документа из Согда, работы А. П. Ковалевского над Ибн Фадланом, ал-Мас'уди и другими авторами, подготовка к изданию хроники Мухаммада Тахира ал-Карахи)⁴³.

В 1938 г. был составлен пятилетний план работ кабинета, согласно которому сотрудники должны были закончить фундаментальные труды в трех главных направлениях: Крачковский — курс по основным разделам истории арабской литературы; Виленчик — словарь народного арабского языка; Семенов — полную грамматику современного литературного арабского языка; Ковалевский — исследование источников по истории народов СССР (Ибн Фадлан, Абу Дулаф, ал-Мас'уди, ал-Гарнати). В этом пятилетии должна была быть закончена коллективная работа по переводу хроники ад-Динавари и критическое издание рукописи исторической хроники автора X в. ас-Сули, над подготовкой которого работал В. И. Беляев.

Ассоциация арабистов за 1938 г. заслушала 14 докладов, среди них такие, как «Хорезмийский язык» А. А. Фреймана, «Происки фашизма в арабских странах» М. В. Чуракова, «Сильвестр де Саси и русская арабистика» И. Ю. Крачковского, «Новые рукописные материалы о „Тысяче и одной ночи“» М. А. Салье. Неизменный интерес продолжали вызывать вечера библиографических сообщений, где чаще всего Крачковский освещал перед слушателями состояние мировой арабистики.

«Работа кабинета в 1939 г., — писал Крачковский, — была сильно подорвана утратой двух наиболее талантливых и квалифицированных сотрудников; призыв на действительную военную службу третьего значительно нарушил регулярную связь с Рукописным отделением»⁴⁴. Два первых упоминаемых лица — Виленчик, скончавшийся 1 июля 1939 г. в возрасте 37 лет, и А. П. Ковалевский, научная деятельность которого была прервана в 1939 г., третьим был Беляев. Их работа над соответствующими темами прекратилась. К работе кабинета были привлечены новые специалисты. В их числе была С. М. Богданова-Березовская (ум. в 1942 г.), составлявшая каталог Арабского книжного фонда ИВ, а позже,

⁴³ См. «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.», М.—Л., 1941 (ТИВАН, XXXVI), в особенности ст.: И. Ю. Крачковский «Арабистика в СССР за 20 лет», а также его «Очерки по истории русской арабистики».

⁴⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1939), № 35, л. 20.

осенью 1940 г., начавшая работать над кандидатской диссертацией «Анонимный источник по истории ранних Аббасидов»; О. А. Крауш (ум. в 1942 г.), тоже аспирант без отрыва от производства, занималась изучением «Книги о земельном налоге» Йахьи ибн Адама, позднее темой «Земельно-налоговые термины по ранним хараджным книгам»; Е. А. Разумовская (ум. в 1943 г.) писала статьи по истории различных областей халифата для «Всемирной истории» и готовила диссертацию о земельных отношениях при Аббасидах. Все они погибли во время блокады.

В том же 1939 г. благодаря усилиям Крачковского увидела свет многолетняя работа Ковалевского об Ибн Фадлане⁴⁵. Тогда же кабинет позаботился о сохранении научного наследства Виленкина, имея в виду его дальнейшую разработку. Рукописи неопубликованных трудов покойного и огромная картотека его словаря арабских диалектов были по просьбе кабинета переданы вдовой ученого в ИВ⁴⁶. В 1939 г. был выпущен в свет т. I «Материалов по истории туркмен и Туркмении»; преобладающее место в нем занимали фрагменты из арабских источников, выбранные и переведенные В. И. Беляевым, С. М. Богдановой-Березовской, С. Л. Волиным, А. П. Ковалевским и И. Н. Лемановым под редакцией Крачковского и Семенова.

Нападение гитлеровской Германии на Советскую страну прервало мирную деятельность кабинета. Планомерная работа Крачковского над историей арабской географической литературы, труд Д. В. Семенова над новой темой «Журжи Зейдан, его произведение и значение в новоарабской литературе», изучение ас-Сули В. И. Беляевым, который, вернувшись из армии, в 1940 г. был зачислен докторантом, занятия других сотрудников — все было приостановлено. На заседании было решено: «Временно изменить индивидуальные планы сотрудников кабинета. Создать авторский коллектив в составе сотрудников кабинета при участии Ю. А. Солодухо, И. Г. Бендера и Н. В. Пигулевской из Кабинета Древнего Востока для подготовки к 15 октября 1941 г. справочного сборника об Ираке»⁴⁷.

В самом начале войны ушел на фронт добровольцем А. М. Барабанов. Аспирант кабинета с 1 января 1938 г. и мл. научный сотрудник с 1 февраля 1941 г., он за годы аспирантуры написал диссертацию «История Шамиля Мухаммада Тахира ал-Карахи», представляющую критическое издание и перевод одного из основных источников по новой исто-

⁴⁵ «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939 (работа вышла без указания имени автора).

⁴⁶ Теперь хранятся в АВ, Р. 1, оп. 8, № 36, 37, 38, 112.

⁴⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 26.

рии Кавказа. С войны он не вернулся, и подготовленный им арабский текст был опубликован посмертно благодаря стараниям Крачковского⁴⁸.

Сам Крачковский, оставаясь в осажденном Ленинграде, продолжал работать над темой «Арабская географическая литература» и редактировал арабско-русский словарь Х. К. Баранова. Он вел эти работы и тогда, когда постепенная эвакуация академических кадров делала его ответственным за новые участки работы. До своего отъезда в Москву 25 июля 1942 г., вызванного начавшейся 11 апреля тяжелой болезнью, Крачковский выполнял обязанности директора ИВ, вице-президента Географического общества СССР, члена Ученого совета Архива АН, наконец, председателя комиссии Президиума АН по руководству ленинградскими академическими учреждениями.

Работа института, терявшего одного за другим своих сотрудников, не прекращалась. Главной заботой было обеспечение сохранности рукописных и книжных фондов; они были упакованы, перенесены в безопасное помещение и подготовлены к эвакуации. Сверх того, в меру своих слабеющих сил сотрудники продолжали выполнять плановую научную работу, о чем свидетельствуют, в частности, отчеты членов кабинета И. Ю. Крачковского, В. И. Беляева, Д. В. Семенова и О. А. Крауш за 1941—1942 гг.⁴⁹ Вместе с последней группой сотрудников ИВ в Ленинграде оставался Д. В. Семенов, не покидавший трудового поста до своей гибели 7 мая 1943 г.

Эвакуированные летом 1942 г. сотрудники кабинета продолжали научную работу вне Ленинграда: Крачковский в Москве, остальные в Ташкенте. Оторванный от привычной обстановки, домашней библиотеки, любимых рукописей и книг, Крачковский продолжил начатый перед самой войной цикл воспоминаний, из которого выросла знаменитая книга «Над арабскими рукописями»⁵⁰. Оправившись от болезни, он организовал Московскую группу востоковедов, выступал с докладами по новой арабской литературе, по истории востоковедения, по арабской географической литературе. В Ташкенте В. И. Беляев и К. Б. Старкова совместно с другими ленинградскими востоковедами оказали помощь узбекским коллегам в каталогизации рукописного собрания ГПБ УзССР (ныне принадлежит ИВ им. Бируни); до 100 рукописей, в

---

⁴⁸ «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля», М.—Л., 1946 (ТИВАН, XXXVII). Перевод был издан А. М. Барабановым в 1941 г.: «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля», М.—Л., 1941 (ТИВАН, XXXV).

⁴⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 16, лл. 2, 3, 7, 8.

⁵⁰ История создания книги см.: И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 142—145.

основном философских, было описано К. Б. Старковой, около 150 рукописей различного содержания — В. И. Беляевым⁵¹.

Нормальная деятельность кабинета начала восстанавливаться после реэвакуации. В его состав кроме Крачковского вошли ст. научные сотрудники И. Н. Винников, Б. Н. Заходер (Москва), докторанты В. И. Беляев, А. П. Ковалевский (Харьков), К. Б. Старкова и аспирант Л. З. Писаревский. В кабинет снова потянулись востоковеды смежных специальностей из различных научных учреждений Ленинграда и научная молодежь — студенты и аспиранты возрожденного в 1944 г. Восточного факультета ЛГУ, где на Арабском отделении преподавали перечисленные сотрудники кабинета. В 1945 г. кабинет провел 15 заседаний, на которых, в частности, слушались доклады: А. Н. Бернштама «Переписка В. В. Бартольда с Н. П. Остроумовым», А. Ю. Якубовского «Об исторической топографии терминов „Болгар“ и „Итиль“ в X веке». В каждом заседании участвовало 20—25 человек.

В первом послевоенном году Крачковский опубликовал книгу «Над арабскими рукописями», удостоенную государственной премии первой степени в 1950 г., а также работы «Современная литература арабских стран» и «Арабские письма Шамиля»; благодаря его усилиям вышел III выпуск словаря Баранова; он прочел шесть докладов по истории русской арабистики, легшие в основу будущей книги. И. Н. Винников занимался обработкой материалов по языку и фольклору среднеазиатских арабов, собранных в экспедициях 1943—1944 гг. В кабинете велась работа над тремя докторскими диссертациями (А. П. Ковалевского об Ибн Фадлане, В. И. Беляева об ас-Сули, К. Б. Старковой «Поэт Соломон ибн Габируль») и одной кандидатской (Л. З. Писаревский «Категория прилагательного объекта по учению арабских грамматиков»).

Члены кабинета провели научную сессию, посвященную изучению арабских источников по истории народов СССР; программным здесь был доклад Б. Н. Заходера 25 октября 1945 г. Вопрос об издании свода таких источников поднимался еще В. В. Бартольдом в 20-х годах нашего столетия, а в 1932 г. Крачковский составил об этом специальную записку в АН. Крупными вехами на пути осуществления проекта издания были исследования текстов Ибн Фадлана и ал-Мас'уди, выполненные А. П. Ковалевским, а также «Материалы по истории туркмен и Туркмении», ряд переводов А. Э. Шмидта,

⁵¹ Их описания вошли в печатный каталог «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I—VI, Ташкент, 1952—1963. Описание четырех рукописей было опубликовано В. И. Беляевым отдельно: В. И. Беляев, Арабские рукописи из Йемена, — СВ, т. IV, 1947: стр. 35—72.

С. Л. Волина и др. Это, однако, явилось лишь началом большой коллективной работы, которой надлежало дать ход в АН. В плане этой работы в 1945 г. кабинет оказал большую помощь Музею восточных рукописей и документов при Центральной библиотеке Дагестана ⁵².

В связи с исполнившимся в 1946 г. 25-летием со дня избрания И. Ю. Крачковского в АН кабинет начал подготовку к переизданию его трудов. Этому было посвящено заседание кабинета 8 мая 1948 г. Глубокой осенью 1950 г. Крачковский выступил на заседаниях Арабского сектора ИВ (так с 1946 г. назывался Арабский кабинет) с последними докладами: «Языковедческая дискуссия и работа над арабским словарем», «О подготовке переводов с арабского для академической серии „Литературные памятники“», «Новые словари современного арабского языка, изданные в Палестине», «Новый глоссарий ливанского диалекта», «Абиссиноведение и эфиопская филология в России и СССР», «Первые годы журнала „ат-Тарик“». Как бы завещанием основателя Арабского кабинета прозвучал доклад «О работе Арабского сектора ИВАН в ближайшие годы». Здесь, в частности, отмечалось, что «работа Арабского сектора в первую очередь должна учитывать особо настоятельные потребности научной жизни в нашей стране».

10 января 1951 г. на 7-м совещании группы арабистов при секторе восточных рукописей ИВ Крачковский сделал доклад на тему «Иракская литература» (статья для БСЭ). После оживленного обсуждения было намечено в близком будущем заслушать сообщение докладчика об утратах западной арабистики. Но через две недели, 24 января 1951 г., И. Ю. Крачковский скончался.

Приказом по ИВ за № 49 от 5 апреля 1951 г. была организована Ленинградская группа арабистов в составе В. И. Беляева (рук.), И. Н. Винникова и А. И. Михайловой. Эта группа стала первоначальным ядром нового Арабского кабинета, которому Президиум АН СССР 11 мая того же года присвоил имя акад. И. Ю. Крачковского.

В план работы кабинета на 1952 г. были включены мероприятия по увековечению памяти покойного ученого ⁵³, которые были осуществлены усилиями его учеников. Было издано собрание трудов крупнейшего советского арабиста (6 томов). Эти труды снискали признание на Западе и Востоке эрудированностью филологической критики и глубокой разработкой новых тем. Капитальная работа «Арабская географическая литература» и некоторые статьи впервые увидели свет в составе шеститомника.

Не прерывалась и текущая деятельность арабистов.

⁵² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1945), № 20.

⁵³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1952), № 10.

И. Н. Винников, закончив работу над словарем диалекта бухарских арабов, приступил к переводу фрагментов из сочинения географа X в. ал-Истахри, относящихся к истории народов СССР. По этой же линии В. И. Беляев занимался изучением материалов историка X в. ат-Табари о Кавказе и Средней Азии.

На Беляева, ставшего после Крачковского заведующим кафедрой Арабской филологии Восточного факультета ЛГУ, легла значительная доля заботы о подготовке молодых кадров. В частности, аспирантуру ИВ под его руководством проходили А. Б. Халидов, защитивший в 1955 г. диссертацию (пока неопубликованную) на тему «Художественная проза Таха Хусейна», и П. А. Грязневич (в 1953—1956 гг.), избравший диссертационной темой исследование и критическое издание анонимной рукописи по истории халифата; в 1954—1957 гг. в аспирантуре без отрыва от производства учился у него также Р. И. Гришаев, но работу по теме «Диван Абу Нуваса в рукописи ИВ АН СССР» не завершил и от арабистики отошел.

В начале 50-х годов помимо подготовки к печати трудов Крачковского арабисты участвовали в работе по каталогизации рукописных фондов. Беляев составил единую схему описания мусульманских рукописей и опубликовал обзорную статью⁵⁴ по истории сложения фонда арабских рукописей с выделением наиболее интересных из них, а также редактировал ряд работ по описанию Рукописного фонда, А. И. Михайлова опубликовала статьи «Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.», «К оформлению государственных актов времени Аббасидов»⁵⁵ и приступила к описанию географических рукописей. Зачисленный в 1955 г. в сектор, А. Б. Халидов участвовал в инвентаризации и каталогизации новых поступлений арабских книг и рукописей, затем начал описание рукописей по разделу художественной прозы. Сотрудник сектора гебраист К. Б. Старкова в 1954—1956 гг. подготовила переводы фрагментов ряда арабских источников, касающихся истории киргизов (Ибн ал-Асир, ан-Насави, Махмуд ал-Кашгари и др.).

Когда Сектор восточных рукописей стал Ленинградским отделением ИВ, штат Арабского кабинета, состоявший из зав. В. И. Беляева и сотрудников А. И. Михайловой и А. Б. Халидова, стал пополняться: в августе 1956 г. пришел А. Ф. Искандеров, в ноябре был зачислен П. А. Грязневич, в декабре — Т. А. Шумовский. В следующем году были приняты на работу аспирантка И. Р. Бабаянц и выпускницы ЛГУ

⁵⁴ В. И. Беляев, Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 54—103.

⁵⁵ ЭВ, V, 1951, стр. 10—20; VII, 1953, стр. 3—6.

Л. Б. Голубева и Л. И. Николаева. Прилив свежих сил не замедлил сказаться на работе кабинета; появились новые начинания, новые темы по не представленным ранее специальностям, регулярными становятся заседания с докладами сотрудников, с обсуждением планов и готовых работ.

Показательна программа научной деятельности кабинета в 1957 г. В январе была проведена сессия памяти И. Ю. Крачковского. Продолжалась работа над очередными томами его сочинений (В. И. Беляев, А. И. Михайлова), над описанием рукописей (А. Б. Халидов, А. И. Михайлова, И. Р. Баянц).

В. И. Беляев принял участие в 1-й Всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте, где выступил с докладом «Материалы по истории, науке и культуре народов Средней Азии в арабских рукописях собрания Института востоковедения АН СССР»⁵⁶, тогда же в ИВАН УзССР он прочитал доклад «К вопросу о среднеазиатской научной традиции». Участвовал он и в работе XXIV МКВ в Мюнхене (с докладом о ленинградской рукописи ас-Сули) и в 1-й конференции по вопросу о восточных источниках для истории Восточной Европы (в Варшаве). В конце года им была сдана в печать статья «Арабистика в Ленинграде за 40 лет», предварительно прочитанная в виде доклада на юбилейной научной сессии ЛГУ и ИВ, посвященной 40-летию Великой Октябрьской революции.

Аналогичную юбилейную статью по своему докладу «Изучение истории арабских стран в Ленинграде за 40 лет» сдал в печать А. Ф. Искандеров. Он вел в кабинете работу по составлению арабско-русского и русско-арабского общественно-политического словарей. Занимался он также изучением новой и новейшей истории арабских стран, выступал с популярными лекциями, «Египетский народ в борьбе за освобождение Суэцкого канала», «Алжир», «Тунис». Кроме того, Искандеров преподавал разговорный сирийский диалект в ЛГУ и с энтузиазмом взялся за возрождение Ассоциации арабистов в Ленинграде⁵⁷.

А. Б. Халидов (совместно с П. Г. Булгаковым) готовил критическое издание «Второй записки» географа X в. Абу Дулафа, дважды выступал с докладами на заседаниях Палестинского общества, читал популярную лекцию о современной арабской литературе, из наследия И. Ю. Крачковского подготовил к печати перевод двух частей «Дней» Таха Хусейна, снабдив дополнениями предисловие и примечания

---

⁵⁶ «Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958, стр. 921—927.

⁵⁷ УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 218—262; ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1957), № 26, л. 7.

переводчика, начал работу над русским переводом «Индии» ал-Бируни для ИВАН УзбССР ⁵⁸.

П. А. Грязневич готовил к печати свою кандидатскую диссертацию «Арабский аноним XI века», напечатал (в соавторстве с А. Н. Болдыревым) статью «О двух редакциях „Та'рих-и Табари“ Бал'ами» ⁵⁹, начал подготовку к печати русского перевода Корана, выполненного И. Ю. Крачковским.

Т. А. Шумовский пополнил тематику кабинета исследованиями памятников арабской морской географии, ранее представленной в науке трудами Г. Феррана и И. Ю. Крачковского; он начал работать над критическим изданием произведения лоцмана XV в. Ахмада ибн Маджида «Книга польз» и опубликовал защищенную им в 1948 г. кандидатскую диссертацию и статью «Арабская навигация в средние века» ⁶⁰.

Под руководством Шумовского аспирантка И. Р. Бабаянц начала изучение другого сочинения Ахмада ибн Маджида — «Краткий курс основ мореведения».

Л. И. Николаева и Л. Б. Голубева, следуя указаниям В. И. Беляева и И. Н. Винникова, привели в порядок картотеку словаря Я. С. Виленчика и начали выписку дополнительных карточек, имея в виду подготовку его к печати.

В следующем, 1958 г. наряду с продолжением разработки перечисленных тем следует отметить оживление деятельности Ассоциации ленинградских арабистов, которая провела три заседания (с 11 докладами), а также сессию, посвященную 75-летию со дня рождения И. Ю. Крачковского. Был опубликован ряд работ: подготовленные В. И. Беляевым и снабженные его предисловием «Материалы по истории Средней Азии и Ирана» А. Э. Шмидта, статьи В. И. Беляева «75 лет со дня рождения академика И. Ю. Крачковского» и «Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета» (совместно с П. Г. Булгаковым); рецензия П. А. Грязневича и А. Б. Халидова на первые два тома журнала Института арабских рукописей Лиги арабских стран (Каир); рецензия Т. А. Шумовского на IV том сочинений И. Ю. Крачковского и его автореферат докторской диссертации ⁶¹.

---

⁵⁸ См. ст.: П. Г. Булгаков и А. Б. Халидов, Вторая записка арабского путешественника X века Абу Дулафа, — СВ, 1957, № 3, стр. 60—71. Первоначально текст и перевод были подготовлены в 1950—1951 гг. как дипломная работа Х. З. Губайдуллина и двух упомянутых авторов под руководством В. И. Беляева; Таха Хусейн, Дни. Перев. акад. И. Ю. Крачковского, М., 1958.

⁵⁹ СВ, 1957, № 3, стр. 46—59.

⁶⁰ Т. А. Шумовский, Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1957; ИВГО, XXXIX, 1957, стр. 57—60.

⁶¹ УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 441—513; ВАН, 1958, № 6, стр. 134—

Важным научно-организационным событием в жизни советской арабистики явилось Всесоюзное совещание арабистов, проведенное в Ленинграде 11—17 мая 1959 г. Арабский кабинет выступил инициатором этого совещания, а его шесть сотрудников прочли семь докладов. По количеству делегатов (свыше 80) и докладов (77), по разнообразию тематики совещание 1959 г. превзошло сессии 1935 и 1937 гг. Возрос удельный вес докладов по новой и новейшей истории, экономике и литературе арабских стран; важное место заняли доклады по арабскому и семитскому языкознанию⁶².

В 1960 г. пятилетняя работа коллектива в новых условиях выразилась в ряде интересных публикаций⁶³. Наконец, в 1960 г. вышел последний том «Избранных сочинений» И. Ю. Крачковского.

В августе этого года сотрудники кабинета участвовали в работе XXV МКВ. Доклады от кабинета представили П. А. Грязневич и Т. А. Шумовский⁶⁴. В 1960 г. по приглашению оргкомитета Международного конгресса по истории географических открытий (Лиссабон) Шумовский участвовал в нем с докладом о подготавливавшемся им издании «Книги пользы». Тогда же в серии публикаций конгресса вышел в свет португальский перевод его книги о лодиях Ахмада ибн Маджида в уникальной ленинградской рукописи. По предложению лиссабонского научного журнала им была напечатана на португальском языке статья об истории изучения арабских рукописей по навигации⁶⁵.

В конце 1959 г. В. И. Беляев перешел на работу в ЛГУ,

135; Сб. «Памяти академика И. Ю. Крачковского», Л., 1958, стр. 21—35; СВ, 1958, № 2, стр. 171—175; СВ, 1958, № 4, стр. 166—168; Т. А. Шумовский, Арабы и море. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук, Л., 1958.

⁶² См.: Ф. А. Искандеров, Работа советских арабистов, — ВАН, 1959, № 8, стр. 108—109.

⁶³ «Каталог арабских рукописей ИНА АН СССР», вып. I; А. Б. Халидов, Художественная проза, М., 1960; «Вторая записка Абу Дулафа», М., 1960 (ПЛНВ, Тексты. Малая серия, V); «Арабский аноним XI века», М., 1960 (ПЛНВ, Тексты. Большая серия, VI); «Мухаммад ал-Хами, ат-Та'рих ал-Мансури (Мансурова хроника)», М., 1960 (ПЛНВ, Тексты. Большая серия, XI); 2-е изд., М., 1963; Х. А. Р. Гибб, Арабская литература. Классический период, М., 1960. В дальнейшем линия переводов работ крупных западных арабистов была продолжена выпуском в свет книг: А. Мец, «Мусульманский Ренессанс», М., 1967; Э. Леви-Провансаль, «Арабская культура в Испании», М., 1967; там же, стр. 117—155; ИКНВ, стр. 511—517; там же, стр. 294—302, 487—491.

⁶⁴ «О значении термина ар-рида»; The Arabian Marine Encyclopaedia of the XVth Century, — XXV International Congress of Orientalists, М., 1960; также по-русски; 2-е изд., М., 1963.

⁶⁵ T. S h u m o v s k i, Uma enciclopédia marítima arabe do século XV, Lisboa, 1961 (Publicações do Congresso Internacional da Historia des Descobrimentos); его же, Três roteiros desconhecidos de Ahmad ibn Madjid, o piloto arabe de Vasco da Gama, Lisboa, 1960; его же, A identificação do piloto arabe de Vasco da Gama, — «Ocidentex», 1960, № 59.

поэтому ряд незавершенных им тем (издание сочинения ас-Сули, комментированный перевод фрагментов из ат-Табари, намечавшееся издание «Путешествия Макария» Павла Алеппского) из планов был снят. В той же связи была прекращена и работа над подготовкой к печати словаря С. Я. Виленчика. После ухода Беляева кабинет несколько месяцев оставался без руководства, а с сентября 1960 по октябрь 1961 г. его возглавила член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, выполнявшая одновременно большую научно-исследовательскую работу и ряд других ответственных обязанностей. В октябре 1961 г. заведующим был назначен А. Б. Халидов.

В 1960 г. в кабинет поступил С. Б. Певзнер, который за годы работы в Отделе Востока Эрмитажа и Музее восточных культур им. А. С. Пушкина в Москве написал более 20 статей и рецензий по истории материальной культуры средневекового Египта. В кабинете он специализировался по истории и историографии арабского Египта и защитил в 1963 г. кандидатскую диссертацию «Средневековые египетские ткани Эрмитажа как источник по истории культуры и ремесла Египта X—XV вв.».

Безвременная смерть А. Ф. Искандерова 5 июня 1960 г. оборвала все его начинания (словарь современной арабской общественно-политической терминологии, монография по истории национально-освободительного движения в Египте в начале XX в. и др.)⁶⁶.

В 1961 г. в кабинет пришли С. М. Бациева, К. А. Бойко и А. С. Боголюбов.

С. М. Бациева проходила в 1951—1954 гг. аспирантуру при ЛГУ и защитила диссертацию в 1958 г.; в ЛО ИНА она сначала работала в течение двух лет по своей второй восточковедной специальности — ассириологии. Работая в Арабском кабинете, она опубликовала диссертацию, посвященную «Мукаддима» философа XIV в. Ибн Халдуна, перевод фрагментов из этого сочинения⁶⁷, а также переводы из современных арабских поэтов и писателей.

К. А. Бойко с 1957 г. работал в АВ ЛО ИНА и опубликовал статью «Из рукописного наследия В. Г. Тизенгаузера»⁶⁸. В кабинете он специализировался по истории и историографии арабской Испании.

А. С. Боголюбов работал до 1960 г. переводчиком в Йемене, интересовался вопросами новейшей истории арабских

---

⁶⁶ Рукописи его трудов хранятся в АВ, ф. 107.

⁶⁷ С. М. Бациева, Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима», М., 1965; е е же, Ибн Халдун. Введение (фрагменты), — кн. «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока», М., 1961, стр. 559—628.

⁶⁸ КСИНА, 1961, № 47, стр. 21—29. На сходную тему он делал доклад в 1959 г.

стран, затем перешел к специализации по мусульманскому праву.

В 1963 г. была принята на работу И. Б. Михайлова, готовящая библиографический труд о каталогах арабских, персидских и тюркских рукописей.

С 1964 г. под руководством П. А. Грязневича проходил аспирантуру С. М. Прозоров, написав диссертацию о сочинении теолога IX в. ан-Наубахти по истории шиитских сект.

В 1966 г. в кабинет поступил О. Г. Большаков, ученик историка А. Ю. Якубовского. Он защитил диссертацию в 1954 г., затем работал в Отделе Востока Эрмитажа, а позже — в ЛО Института археологии. Автор более 30 работ по истории и археологии Средней Азии, Большаков приступил к изучению проблемы социально-экономической истории средневекового города на Ближнем Востоке.

В 1967 г. в кабинет был принят лингвист-семитолог Я. Б. Грунтфест. В 1960—1963 гг. он прошел аспирантуру ЛГУ под руководством В. И. Беляева, а в 1966 г. защитил диссертацию «Глагол в южноарабском языке». В кабинете он начал исследование по синтаксису арабского литературного языка.

Научная жизнь Арабского кабинета в 60-х годах, как и в предыдущее пятилетие, протекала в благоприятных условиях, возрос общественный интерес к арабистической тематике, увеличилось число квалифицированных сотрудников.

В 60-е годы кабинет выступал инициатором либо участником некоторых общесоюзных научных мероприятий. 24—30 января 1963 г. в ЛО ИНА проходило 2-е Всесоюзное совещание арабистов, обсудившее ближайшие задачи исследовательской и учебно-педагогической работы. В нем приняли участие свыше ста человек из различных центров страны, а также арабские ученые, работающие в Советском Союзе. На пленарных секционных заседаниях было заслушано более 90 докладов⁶⁹. В дальнейшем в двух всесоюзных конференциях семитологов приняли участие Т. А. Шумовский (Москва, 1964 г., Тбилиси, 1966 г.) и А. Б. Халидов (Тбилиси, 1966 г.).

Организация всесоюзной серии «Памятники письменности Востока» потребовала от кабинета участия в составлении программы публикаций по арабской литературе (А. Б. Халидов, П. А. Грязневич; последний вошел также в состав редколлегии серии).

В обсуждении проблем изучения истории культуры народов Востока и разработке проекта исследований и публикаций в этой области участвовали (в 1965 г.) П. А. Грязневич, А. Б. Халидов, С. М. Бациева, С. Б. Певзнер и О. Г. Большаков.

⁶⁹ Отчет о совещании см. НАА, 1963, № 4, стр. 231—232.

Сотрудники кабинета внесли свою лепту и в издание «Собрания сочинений» акад. В. В. Бартольда: О. Г. Большаков подготовил т. III (работы по исторической географии), А. Б. Халидов — т. VI (работы по истории ислама и арабского халифата). В редактировании т. III участвовал С. Б. Певзнер, т. IV — О. Г. Большаков, в составлении указателей к т. I и V — Л. И. Николаева.

Одной из задач кабинета, как указывал И. Ю. Крачковский, является создание полного каталога арабских рукописей института. Подробное описание в двух выпусках⁷⁰ затронуло лишь незначительную часть фонда, поэтому в конце 1961 г. было решено создать предметную картотеку и равномерно распределить среди сотрудников работу над каталогом, выделив каждому один или несколько разделов и возложив организаторские функции на А. Б. Халидова. Однако сочетать работу над каталогом с успешным выполнением других тем (издание памятников, историко-филологические исследования) практически оказалось трудно и только А. И. Михайловой, сосредоточившей усилия исключительно на описании рукописей, удалось завершить выпуск, посвященный историческим сочинениям⁷¹. Тогда с 1964 г. пришлось перейти к краткому варианту каталога, сохранив принцип участия в этой работе всех сотрудников кабинета. К настоящему моменту К. А. Бойко закончил раздел, посвященный юридическим сочинениям, продвинулась подготовка разделов: догматика, суфизм (А. С. Боголюбов), грамматика (Л. И. Николаева, А. Б. Халидов), философия, этика (С. М. Бациева), хадисы (С. Б. Певзнер), кораническая литература (П. А. Грязневич), математика, астрономия (Т. А. Шумовский).

Из библиографии к этой теме, составляемой И. Б. Михайловой при участии ираниста Ю. Е. Борщевского, постепенно образуется «Аннотированная библиография каталогов и списков арабских, персидско-таджикских и тюркских рукописей».

Другой коллективной темой кабинета явилась предложенная П. А. Грязневичем «История арабской исторической литературы VII — первой половины XI в.». В разработке этой темы объединили свои усилия П. А. Грязневич, С. Б. Певзнер и К. А. Бойко, ранее занимавшиеся порознь частными вопросами мусульманской историографии.

Из достижений сотрудников кабинета за последние годы помимо упоминавшихся выше можно указать на следующие:

---

⁷⁰ «Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР». Вып. 2. А. И. Михайлова, Географические сочинения, М., 1961 (вып. 1 указан в прим. 63).

⁷¹ «Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР». Вып. 3. А. И. Михайлова, История, М., 1965.

опубликование П. А. Грязневичем в журнале Багдадского университета отрывков из стихотворной хроники Али ибн ал-Джахма (IX в.), рецензирование им ряда новых арабистических публикаций и трудов, осуществление факсимильного издания «Анонимной истории халифов» в рукописи ЛО ИВ; выпуск в свет подготовленного им совместно с В. И. Беляевым и В. А. Крачковской перевода Корана И. Ю. Крачковского⁷². А. И. Михайлова опубликовала статью «Лицевая арабская рукопись перевода греческого хронографа XVII в.»⁷³ и подготовила список арабских рукописных новых поступлений ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. А. Шумовский опубликовал научно-популярную книгу «Арабы и море»⁷⁴, ряд статей по истории арабского мореходства⁷⁵ и сдал в печать большой труд «„Книга польз“ Ахмада ибн Маджида — арабская морская энциклопедия XV века» (критический текст, перевод, комментарий, введение в изучение памятника и указатели). В 1966 г. его книга «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида» была переведена в Сирии на арабский язык. А. Б. Халидов опубликовал факсимильное издание «Книги стоянок и жилищ» Усама ибн Мункиза, русский перевод «Индии» ал-Бируни (в сотрудничестве с Ю. Н. Завадовским и В. Г. Эрманом), рецензировал два тома «Арабских источников по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары»⁷⁶ и сдал для публикации подготовленный им к печати совместно с Л. И. Николаевой незаконченный труд А. Е. Крымского «История новой арабской литературы XIX—XX вв.», выполнявшийся автором по договору с ИВ и сохранившийся в архиве.

В настоящее время в кабинете ведется работа над следующими темами: 1. История арабской исторической литературы (VII—X вв.), рук. П. А. Грязневич, участвуют К. А. Бойко, С. Б. Певзнер (Москва), С. М. Прозоров;

⁷² «Маджалла куллийат ал-адаб», 1962, № 5, стр. 381—385; НАА, 1962, № 5, стр. 189—192; 1964, № 3 стр. 186—189; 1965, № 1, стр. 219—224; № 4, стр. 219—220; «Коран», М., 1963.

⁷³ ПС, вып. 15 (78), 1966, стр. 201—207.

⁷⁴ М., 1964.

⁷⁵ «Арабская морская энциклопедия XV в.», — КСИНА, 1961, № 47, стр. 75—81; «Синдбад и Ахмад ибн Маджид», — «Страны и народы Востока. География, этнография, история», вып. 2, М., 1961, стр. 160—168; «Теория и практика в арабской географии», — там же, стр. 143—159; «Начало изучения арабских лоций XV—XVI вв.», — КСИНА, 1963, № 61, стр. 188—199; «Арабское мореплавание в пору ислама. Средиземное море», — «Страны и народы Востока. География, этнография, история», вып. 3, М., 1964, стр. 142—163; «Новая проблема средневековой истории арабов: арабы и море», — там же, вып. 4, М., 1965, стр. 226—231, и некоторые другие статьи и заметки.

⁷⁶ «Усама ибн Мункиз, Китаб ал-маназил ва-д-дийар (Книга стоянок и жилищ)», М., 1961 (ПЛНВ, Тексты. Большая серия, XII); «Абурейхан Бируни». Избранные произведения. II, Индия, Ташкент, 1963; СЭ, 1961, № 6, стр. 137—141; 1967, № 2, стр. 193—194.

2. Краткий каталог арабских рукописей ЛО ИВ; рук. А. Б. Халидов, участвуют все сотрудники кабинета; 3. Очерки истории арабской художественной прозы (VII—X вв.) — А. Б. Халидов; 4. Социально-экономические отношения средневекового города Ближнего Востока (VII—XIII вв.) — О. Г. Большаков; 5. «Мукаддима» Ибн Халдуна — перевод, комментарии, исследование, указатели — С. М. Бациева; 6. Ар-ра'й и его роль в сложении мусульманского права (VIII—X вв.) — А. С. Боголюбов; 7. Синтаксис арабского литературного языка (VI—VIII вв.) — Я. Б. Грунтфест; 8. Библиография каталогов арабских, персидских и турецких рукописей ЛО ИВ — И. Б. Михайлова совместно с О. Ф. Акимушкиным и Ю. Е. Борщевским; 9. Южноарабская историческая традиция в арабской литературе — М. Б. Пиотровский; 10. «Махрийская опора» лоцмана XVI в. Сулеймана ал-Махри — текст, перевод, комментарии, указатели, исследование — Т. А. Шумовский.

Иранистика

Иранистика, иранская филология и иранское языкознание относятся к числу дисциплин, представленных в АМ—ИВАН СССР (Ленинградское отделение) на протяжении всего его существования — с 1818 г. и до наших дней. Развитие этих дисциплин в стенах бывшего АМ неразрывно связано с именами таких крупных деятелей отечественной и мировой науки, как акад. Б. А. Дорн, К. Г. Залеман, проф. В. А. Жуковский, чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейман и Е. Э. Бертельс. Трудami этих ученых и их учеников создана отечественная школа иранской филологии — разветвленной отрасли востоковедения, обнимающей целый ряд специальных иранистических дисциплин — от изучения памятников древнеиранской письменности до истории новой и новейшей литературы ираноязычных народов, от сравнительно-исторического иранского языкознания до исследований в области живых иранских языков и диалектов.

Проследить развитие основных направлений этой науки в стенах АМ—ИВАН, показать роль его сотрудников в развитии этой науки — такова задача двух нижеследующих очерков.

* * *

И. М. ОРАНСКИЙ

Древнеиранская филология и иранское языкознание

Первые работы по иранскому языкознанию и древнеиранской филологии в АМ связаны с именем акад. Б. А. Дорна (1805—1881). Разносторонне образованный востоковед, географ, историк, филолог, лингвист, преподаватель персидского, афганского, арабского, санскрита и других языков, директор и историк Азиатского музея, Б. А. Дорн оставил большое научное наследие в ряде областей востоковедения¹.

¹ См.: G. Dugat, Histoire des Orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle, t. I, Paris, 1868, стр. 72—99 (с тематическим списком трудов Дорна на 60-е годы XIX в.); В. А. Ромодин, Из истории изучения афганцев и Афганистана в России, — ОИРВ, [I], 1953, стр. 155—158. Подавляющее большинство работ Дорна печаталось в академических изданиях и учтено в кн.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, стр. 54 и сл. Краткое описание архива Дорна см.: ТААН, вып. 16, 1959, стр. 252—254.

В области иранского языкознания наибольшее значение имели труды Дорна по афганскому (пашто) языку — грамматические исследования и хрестоматия со словарем². Придавая большое значение подготовке специалистов по афганскому языку, Дорн ввел преподавание его на ФВЯ Петербургского университета (1855—1857). Педагогическая деятельность Дорна и его труды, заложившие основу научной грамматики афганского языка³, утвердили приоритет отечественной науки в области афганского языкознания и принесли ему мировую известность как «первому автору научной грамматики языка пашто»⁴ и «талантливому пионеру изучения афганского языка в Европе»⁵.

Начиная с 50-х годов Дорн проявляет интерес к изучению иранских языков южного побережья Каспийского моря, и при посредстве Н. В. Ханькова и других лиц, работавших в Персии, ему удается получить некоторое количество записей и стихотворных текстов на мазандеранском языке. В 1860—1861 гг. Дорн предпринял экспедицию по Кавказу и южному берегу Каспийского моря, в которой принял участие и один из его учеников по афганскому языку — Г. В. Мельгунов. Среди обширных материалов, собранных экспедицией, заметное место занимают лингвистические материалы — тексты, разговорные фразы, стихи, грамматические наброски, лексика на мазандеранском, гилянском, татском и талышском языках⁶. Вместе с мазандеранскими записями, полученными ранее, эти материалы должны были составить основу задуманного Дорном большого труда под общим названием «Материалы к познанию иранских наречий». В свет вышли, однако, лишь первые две части этого труда, посвященные мазандеранскому языку и изданные Дорном в сотрудничестве с лектором персидского языка в Петербургском университете, выходцем из Мазандерана, Мир-

---

² В. Dorn, *Grammatische Bemerkungen über das Pushtu, oder die Sprache der Afghanen*, St.-Pbg., 1840 (отд. отд.); то же — *Mém.*, VI, sér., t. V, 1845, стр. 1—163; его же, *Zusätze zu den grammatischen Bemerkungen über das Pushtu*, — там же, стр. 435—487; его же, *Nachträge zur Grammatik der afghanischen Sprachen*, — *Bull. sc.*, 1842, t. X, № 23, стр. 356—368; В. Dorn, *A Chrestomathy of the Pushtu or Afghan Language*, St.-Pbg., 1847.

³ См. В. [А.] Лившиц и И. [М.] Оранский, *Изучение афганского языка (пашто) в Афганистане и за его пределами*, — *УЗ ЛГУ*, № 117, 1949, стр. 179—204; их же, *Изучение афганского языка (пашто) в отечественной науке*, — *ОИИИЯ*, М., 1962, стр. 69—73.

⁴ Fr. Müller, *Die Konjugation des afghanischen Verbuns*, — *SBAW*, Wien, № 55, 1867, стр. 678. См. также: *LSI*, vol. I, pt I, 1927, стр. 16.

⁵ E. Trumpp, *Grammar of the Pašo or Language of the Afghans*, London, 1873 (работа посвящена Б. А. Дорну).

⁶ См. Б. Дорн, *Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря*, СПб., 1861, стр. 14—15, 18—19, 21—23, 28—29, 39; см. также: *ТААН*, вып. 4, 1940, стр. 221.

зой Мухаммедом Шафи⁷. Последующие части должны были, по замыслу Дорна, содержать материалы по гилянскому (ч. III)⁸, талышскому («талышинскому») и татскому языкам, затем предполагалось издать грамматики и словари по всем этим языкам⁹. Однако замысел этот Дорну осуществить не удалось, и большая часть собранных материалов не увидела света. Помимо материалов, изданных в «Beiträge...» (I, II, вып. 1 и 3), Дорном опубликовано лишь несколько образцов мазандеранской, гиланской, татской и талышской речи¹⁰. Образцы гиланского фольклора, записи местных названий плодов, растений, птиц и животных были опубликованы также участником экспедиции Г. В. Мельгуновым. Ему же принадлежит очерк гиланского и мазандеранского диалектов¹¹. При всем несовершенстве методов сбора и записи этих материалов¹² ценность их была настолько велика, что еще сорок лет спустя эти материалы (в том числе и неопубликованные) послужили главным источником для составления раздела о прикаспийских языках в знаменитом компендиуме по иранской филологии¹³, а опубликованные Дорном (при участии Мирзы Мухаммеда Шафи) мазандеранские тексты были переизданы в Тегеране уже в наши дни¹⁴.

⁷ «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen». I. Th. Masanderanische Sprache. Hrsg. von B. Dorn and Mirsa Muhammed Schafy, St.-Pbg., 1860; II. Th. 1 и 3 Lfg. (стр. 1—276 и 488—554 арабской пагинации) Masanderanische Sprache. Die Gedichtsammlung des Emir-i-Pasewary, in Verbindung mit Mirza Muhammed Schafy hrsg. von B. Dorn, St.-Pbg., 1866. ⁸ Часть тиража ч. II вышла в свет с титульным листом на русском языке («Материалы к познанию иранских наречий. Часть II, вып. 1 и 3. Мазандеранское наречие. Собрание стихотворений Эмира Пазевари. Изданное при содействии Мирзы Мухаммеда Шафи Б. Дорном», СПб., 1866) и с русским предисловием. Второй выпуск ч. II, который должен был содержать толкование стихов и обстоятельное предисловие ко всей ч. II, в свет не вышел. Типографский оттиск этого выпуска (стр. 277—488 арабской пагинации) хранится в Библиотеке ЛО ИВ. Здесь же сохранился оттиск предисловия ко II части (48 стр.).

⁸ В Библиотеке ЛО ИВ сохранились: а) типографский оттиск ч. III (182 стр. текста+64 стр. списка опечаток, б. г., б. м.). Здесь содержится гиланский перевод 49 рассказов, опубликованных на мазандеранском языке (с персидским переводом) в ч. I, а также стихи гиланских поэтов (в том числе анонимные), шуточные стихи на лахиджанском наречии, переводы рассказов и исторических отрывков на гиланский и мазандеранский языки; б) типографский оттиск, содержащий грамматический очерк гиланского языка (72 стр.).

⁹ См. «Материалы», ч. II, СПб., 1866, стр. V.

¹⁰ См. Б. Дорн, Каспий, СПб., 1875, стр. 352—356 и др.

¹¹ См. «О южном берегу Каспийского моря. Замечания Г. Мельгунова», СПб., 1863, стр. 186—194, 274—283; G. Melgounof, Essai sur les dialectes de Mazanderan et de Ghilan, — ZDMG, Bd 22, 1868, стр. 195—224.

¹² См. В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 137.

¹³ W. Geiger, Die Kaspischen Dialekte, — GiPh, Bd I, Abt. II, Strassburg, 1898—1901, стр. 344—380. См. также стр. 287.

¹⁴ B. Dorn va M. M. Shafi, Kanz-ul-Mazandarani, Tehran, 1957.

Из других современных языков Дорн занимался семнанским, который сближался им с прикаспийскими языками¹⁵, принимал активное участие в создании первых отечественных работ по курдоведению. Должны быть отмечены также его многочисленные статьи, посвященные чтению пехлевийских легенд на сасанидских монетах, а также ранняя работа о родстве иранских и других индоевропейских языков¹⁶.

После кончины Дорна иранистические дисциплины были представлены в АМ (с 1890 г.) акад. К. Г. Залеманом (1849—1916), крупнейшим деятелем отечественной и мировой иранистики конца XIX — начала XX в. Окончив в 1871 г. ФВЯ по двум разрядам — санскритско-персидскому и арабско-персидско-турецко-татарскому, К. Г. Залеман оставил за 45 лет своей творческой деятельности обширное научное наследство — большое число печатных работ и весьма значительное количество неопубликованных материалов и исследований, доведенных им до разной степени готовности к изданию (вплоть до отпечатанных чистых листов) и хранящихся в архиве ученого¹⁷. Многосторонняя научная, научно-педагогическая и научно-организационная деятельность, жизненный и творческий путь Залемана, ираниста и тюрколога, лингвиста и филолога, директора АМ (1890—1916) и преподавателя университета (1876—1916), одного из руководителей университетской и академической библиотек, авторитетного организатора лингвистических исследований в АН, освещены в библиографических материалах¹⁸, некроlogах В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга¹⁹, в обстоятельной статье А. Г. Периханян, основанной в значительной мере на архиве ученого²⁰. В рамках настоящего очерка представляется поэтому более целесообразным сконцентрировать внимание на основных направлениях творческой деятельности Залемана в области иранской филологии, ибо, как это будет видно из дальнейшего, именно в его деятельности берет свое начало

¹⁵ См. В. Dorn, Über die Semnanische Mundart, — Bull. de l'Acad. t. XXV. 1879, стр. 265—276.

¹⁶ В. Dorn, Ueber die Verwandtschaft des persischen, germanischen und griechisch-lateinischen Sprachstammes, Hamburg, 1827.

¹⁷ ЛОА АН СССР, ф. 87. Краткое описание архива Залемана см.: ТААН, вып. 1, 1933, стр. 153—154; то же, вып. 16, 1959, стр. 262—266.

¹⁸ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть его существования. 1869—1894», т. I, СПб., 1896, стр. 257—258; «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 293—298 (автобиография и список работ).

¹⁹ ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 237—258; ИАН, 1917, VI сер., т. XI, стр. 281—286. См. также: С. Ф. Ольденбург, К. Г. Залеман как библиотечарь, — «Библиологический сборник», т. II, вып. 2, Пг., 1918, стр. 7—10 (63—66).

²⁰ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 79—115.

последующее развитие ряда иранистических дисциплин в стенах АМ — ИВ и в отечественной иранистике в целом. В число иранистических работ Залемана входят и работы филологического характера, однако по своим научным интересам Залеман был прежде всего лингвистом, историком иранских языков. И едва ли не все его работы, начиная с пробных лекций в университете (1875)²¹ и кончая диалектологическими записями по шугнанскому или ягнобскому языкам, подчинены в конечном счете задачам исторического иранского языкознания²².

Главной линией исследований Залемана, проходящей через всю его творческую деятельность, были исследования в области среднеперсидского языка. Уже первая его работа в этой области²³ заставила в корне изменить взгляды на пехлевийскую лексикографию²⁴ и положила начало строго научному ее изучению. Одной из важнейших задач пехлеистики Залеман считал установление текста и его произношения. Именно ему принадлежит заслуга окончательного определения идеографического характера письма пехлевийских текстов. Уже в первых своих работах Залеман утверждал, что семитские (арамейские) слова, встречающиеся в пехлевийских текстах, являются только условными знаками, идеограммами для соответствующих иранских (среднеперсидских) слов и что они никогда не читались и не произносились иначе как по-ирански²⁵. Дальнейшая работа над памятниками пехлевийского письма все более убеждала его в правильности такой точки зрения, и в 1887 г. Залеман делает первую в истории науки попытку реконструировать фонетический облик пехлевийских текстов²⁶. Залеману принадлежит первая научная грамматика среднеперсидского

---

²¹ «О причинах разнообразия в чтении и транскрипции пехлевийских письмен» (по назначению факультета) и «Краткий обзор истории древней и среднеиранских наречий» (по собственному выбору).

²² Даже в магистерской диссертации Залемана («Четверостишия Хакани», СПб., 1875), носящей чисто филологический характер, особое внимание уделяется языковым особенностям текста и вопросу о необходимости изучения языка персидских поэтов для обогащения «имеющихся пока у нас грамматик и словарей» (там же, особенно стр. 29—36).

²³ C. Salemann, Über eine Parsenhandschrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg, — «Труды III международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге 1876 г.», т. II, СПб., 1879, стр. 493—592 (расширенное изложение доклада, читанного на III международном конгрессе ориенталистов в августе 1876 г.).

²⁴ См., например: H. Junker, Farhang-i pahlavik, Heidelberg, 1912, стр. I.

²⁵ См., например: К. Г. Залеман, Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы, — «Всеобщая история литературы», вып. I, СПб., 1880, стр. 187. Еще раньше эта же мысль подчеркивалась им в первой пробной лекции в университете (см. выше, прим. 21).

²⁶ См. C. Salemann, Mittelpersische Studien, — Bull. de l'Acad., t. XXXI, 1887, стр. 417—450.

языка²⁷. Этот труд, основанный отчасти на изданных, отчасти на рукописных текстах пехлевийского письма и на эпиграфических материалах («Bücher-Pehlevi», «Inscript-Pehlevi»), составил целую эпоху в развитии иранского языкознания и сохраняет свое значение до наших дней. Когда в конце XIX — начале XX в. в Турфанском оазисе (Синьцзян) были найдены манихейские рукописи, в том числе рукописи, написанные на том же среднеперсидском языке, что и пехлевийские тексты, но другой разновидностью письма и без единой идеограммы, весь ученый мир должен был принять точку зрения Залемана об идеограмматическом характере пехлевийского письма. С начала XX в. и до самой смерти К. Г. Залеман занимался найденными в Синьцзяне документами на иранских языках, и ряд его работ этого периода посвящен специально среднеперсидским манихейским текстам и их языку. Введенная Залеманом система транслитерации манихейских текстов еврейским квадратным письмом²⁸ давала возможность более аутентичного воспроизведения оригинала, чем латинская транскрипция западноевропейских ученых (Ф. В. К. Мюллер), и была принята всеми последующими исследователями. Переиздав в указанной системе транслитерации опубликованные Ф. В. К. Мюллером манихейские тексты из Турфана²⁹, Залеман исправил допущенные немецким ученым ошибки и неточности³⁰ и значительно повысил ценность издания включением в него глоссария (с привлечением богатейшего сравнительного материала) и «Индекса окончаний слов»; приложенный к работе раздел «Zur Grammatik» явился блестящим дополнением к его прежней грамматике. В этой же работе Залеманом был сделан ряд весьма важных для иранского языкознания и древнеиранской филологии наблюдений, в частности наблюдение, что в турфанских манихейских текстах представлены (помимо согдийского) по меньшей мере два среднеиранских диалекта — собственно среднеперсидский и еще другой, близко ему родственный³¹. Здесь же им было указано на наличие в манихейских текстах метрических отрывков и на связь их размера с авестийской метрикой, с одной стороны, и ранненовоперсидской — с другой³², — положение весьма важное для истории

²⁷ C. Salemann, *Mittelpersische*, — GiPh, Bd I, Abt. 1, 1895—1901, стр. 249—332.

²⁸ C. Salemann, *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum*, — ЗИАН, т. VI, № 6, 1904, стр. 1—26, и последующие работы.

²⁹ C. Salemann, *Manichaeische Studien*, St-Pbg., 1908, ЗИАН, VIII сер., т. VIII, № 10.

³⁰ Ср. рецензии А. Мейе (JA, 10 sér., t. XIII, 1909, стр. 312—314) и А. А. Фреймана (ЗВОРАО, т. XIX, 1909, стр. 084—091).

³¹ C. Salemann, *Manichaeische Studien*, стр. 160.

³² Там же, стр. 149, 153, 154.

персидской и таджикской поэзии. Начиная с 1907 г. публикация хранящихся в АМ манихейских текстов на среднеперсидском языке была продолжена Залеманом в серии «Manicha(e)ica»³³. Ряд важнейших трудов Залемана по пехлевистике и среднеперсидскому языку остался неизданным, среди них подготовлявшиеся им на протяжении трех десятилетий «Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе»³⁴ и трехтомный пехлевийский словарь-индекс, с исчерпывающей для того времени полнотой представлявший среднеперсидскую лексику³⁵.

Другим направлением деятельности Залемана была работа по изучению новоперсидского языка — языка богатейшей персидско-таджикской классической литературы. Важнейшим результатом работы в этом направлении явилась написанная им в соавторстве с В. А. Жуковским классическая грамматика новоперсидского языка, выдержавшая на протяжении 60 лет четыре немецких издания³⁶. Выше уже говорилось о значении, которое придавал Залеман изучению языка отдельных авторов, писавших на новоперсидском языке. Особое внимание уделялось им изучению памятников средневековой персидской лексикографии (фархангов). Отображая лексический состав языка персидско-таджикской классической литературы, отдельных произведений, отдельных авторов (или групп авторов), создававших свои сочинения в разное время и в разных районах, фарханги дают тем самым богатейший мате-

³³ C. Salemann, Manicha(e)ica, I. (ИИАН, VI сер. т. I, 1907, стр. 175—184); III—IV (там же, т. III, 1912, стр. 1—32 и 33—50). Приложенный к последней публикации словарь дополняет словарь, включенный в «Manicha(e)ische Studien».

³⁴ К. Г. Залеман, О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген, — ЗИАН, т. LXI, 1890, стр. 91—95. Рукопись этого труда под названием «Catalogus librorum et tractatum pehlevicorum» (1908) хранится в архиве ученого. См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 88—89.

³⁵ Рукопись под названием «Glossarium Pehlevicum curante C. Salemanni» (1912—1913) хранится в архиве ученого. См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 89. В 20-е годы работа по дополнению и подготовке к изданию этого словаря велась А. А. Фрейманом, который предполагал включить в него среднеиранскую лексику из других источников (согдийских, арамейских, армяно-грузинских). См. Аз. Муз. Памятка, стр. 31; ИАН СССР, VII сер., ОГН, 1928, № 8—10, стр. 483—484; Отчет АН СССР за 1927 г., стр. 207. Последнее известное мне печатное упоминание о работе над этим словарем связано с именем К. Д. Ильиной и относится к 1930 г. См. Отчет АН СССР за 1930 г. (Л., 1931, стр. 238); работа над словарем числилась в планах Иранского кабинета на 1937—1942 гг. (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42), но была прервана войной.

³⁶ C. Salemann und V. Shukovski, Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar, Berlin, 1889 (4-е изд., Leipzig, 1947). Русское издание: К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии, СПб., 1890.

риал для истории персидского и таджикского языков, для персидско-таджикской исторической лексикологии и диалектологии. Залеман предполагал опубликовать целую серию важных лексикографических источников³⁷, однако замысел этот не был доведен до конца и изданы были только словарь Шамс-и Фахри (XIV в.), словарь Абдулкадира Багдадского (XVII в.) к «Шах-наме», а также важное исследование по истории персидской лексикографии³⁸.

К работам по новоперсидскому языку примыкают исследования Залемана в области так называемых еврейско-персидских текстов, лингвистическое значение которых было оценено им еще в 1884 г.³⁹ Эти написанные еврейским письмом на различных диалектных разновидностях персидского языка тексты сохраняют — в отличие от арабографичных памятников новоперсидского литературного языка — ряд архаических форм и диалектных особенностей, проливающих свет на историческую грамматику и историческую диалектологию персидского и таджикского языков; наличие в происходящих из Бухары «еврейско-персидских» текстах огласовки позволило Залеману установить некоторые характерные особенности таджикской фонетики, отличающие ее от персидской, но скрытые в то время от исследователей за оболочкой арабской графики⁴⁰. Оценив по достоинству богатый материал, содержащийся в «еврейско-персидских» текстах петербургских собраний, Залеман задумал издать целую серию этих памятников с переводами, комментарием, указателями слов и т. п., однако издание и этой серии оборвалось уже на первом выпуске, остальные же его работы по «еврейско-персидским» рукописям, с большим нетерпением ожидавшиеся в научном мире, в свет не вышли⁴¹. Залеман первым обратил внимание также на персидский диалектный материал, содержащийся в латино-персидско-куманском словаре XIII в. (*Codex Comanicus*),

---

³⁷ В архиве ученого сохранились собственноручно сделанные им копии многих фархангов, а также рукописи неопубликованных трудов, посвященных их изучению (см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 97—98).

³⁸ C. Salemann, *Shams i Fahrîi Ispahânenis Lexicon Persicum...*, Fasc. prior, textum et indices continens, Casani, 1887; C. Salemann, *Abdulqâdiri Bagdâdensis lexicon Sahnâmanianum...*, t. I, pars. I..., Petropoli, 1895. Рец.: P. Horn, — ZDMG, Bd 49, 1895, стр. 722—739; C. Salemann, Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr-i Jamâlî, — *Mél. asiat.*, t. IX, 1888, стр. 417—594+1 табл.

³⁹ См. LOPh, Bd II, 1884, стр. 74—86.

⁴⁰ См., например: C. Salemann, *Zum mittelpersischen Passiv*, — ИИАН, V серия, т. XIII, № 3, 1900, стр. 269—276; C. Salemann, *Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften I. Chûdâidât. Ein jüdisch-buchhârisches Gedicht*, — *Mem.*, VII, sér. t. XLII, № 14, 1897, стр. VI и сл.

⁴¹ Некоторые из них отпечатаны и хранятся в архиве в корректурных и даже чистых листах издания (см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 94—95).

и дал анализ этого материала в одной из своих тюркологических работ⁴².

Всё отмеченные выше направления работы Залемана — изучение среднеперсидского языка по памятникам пехлевийского и манихейского письма, изучение новоперсидского литературного языка, «еврейско-персидских» текстов — концентрируются вокруг одной большой проблемы — истории персидского и таджикского языков. И хотя общий курс истории языка Залеманом не был создан и не читался, зачатки такого курса можно видеть в его педагогической деятельности, в объяснении «грамматики пехлевийского языка в сравнении с новоперсидским»⁴³.

Из живых иранских языков Залеман занимался осетинским, памирскими и ягнобским. В его архиве представлены также материалы по таджикскому, афганскому (словарь в карточках), мазандеранскому (словарь в карточках), курдскому, талышскому, татскому и другим иранским языкам. Ему принадлежит работа по системе осетинского глагола и публикация диалектного осетинского текста⁴⁴, словарь и важное грамматическое исследование по памирским языкам шугнано-рушанской группы, не утратившее своего значения до настоящего времени⁴⁵. Залеман оказывал всяческую поддержку — научную и организационную — русским и зарубежным исследователям (Е. Ф. Каль, М. С. Андреев, И. И. Зарубин, Р. Готьо, Г. Юнкер и др.) в сборе материалов по бесписьменным иранским языкам Средней Азии и сам принял участие в этих работах, совершив с этой целью две научные поездки в Среднюю Азию⁴⁶. Результатом этих поездок явились обширные словарные и текстовые материалы по ягнобскому, шугнанскому и таджикскому языкам⁴⁷, списки глаголов и глагольные парадигмы, коллекция фонографических записей⁴⁸,

---

⁴² C. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus, — ИИАН, VI сер., т. IV, 1910, стр. 943—957.

⁴³ Из протоколов заседаний Совета Петербургского университета.

⁴⁴ C. Salemann, Versuch über die Conjugation im Ossetischen, — BVSf, Bd VIII, Abt. I, 1874, стр. 48—91; Mém. asiat. t. X, livr. 2, 1892, стр. 283—286.

⁴⁵ К. Г. Залеман, Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, — «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 269—320. О значении этой работы см.: В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, История изучения..., стр. 119—120.

⁴⁶ См. К. Г. Залеман, Новые материалы по ягнобскому языку, — ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2, СПб., 1888, стр. 128—129; его же, [Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г.], — ИИАН, V сер., т. VIII, № 1, 1898, стр. VI—VIII; его же, Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г., — ИРКСА, № 9, СПб., 1909, стр. 12—14.

⁴⁷ О составе этих материалов см.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 90—93.

⁴⁸ Хранится в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

важные грамматические и диалектологические наблюдения⁴⁹. Все эти материалы и наблюдения самим Залеманом не публиковались, но были переданы им другим исследователям и сыграли важную роль в развитии иранского языкознания, составив, в частности, основу соответствующих разделов «Грундрисса»⁵⁰ — грандиозного компендиума, обобщившего достижения иранской филологии к рубежу XIX и XX вв.

Из неопубликованных работ К. Г. Залемана по бесписьменным иранским языкам особое внимание исследователей привлекают доведенные им до корректурных листов «Ягнобские этюды» — наиболее полное до недавнего времени собрание ягнобских материалов с ягнобско-таджикско-русско-немецким словарем (доведенным в корректуре до буквы «к» включительно)⁵¹. Особенно важное значение приобрели ягнобологические работы Залемана с появлением в начале XX в. первых сведений о документах на неизвестном ранее восточноиранском языке, определенном впоследствии как «согдийский». Уже в 1907 г. были установлены с помощью залемановских материалов особо тесные отношения между согдийским и ягнобским, определенным вскоре как «новосогдийский» (Ф. Андреас)⁵². Начиная с этого времени материал «Ягнобских этюдов» широко используется в работах по согдологии и сравнительно-историческому иранскому языкознанию, способствуя успехам согдийской филологии, изучению истории согдийской ветви восточноиранских языков и иранского языкознания в целом. Специально согдийскому языку посвящены две работы Залемана⁵³, заложившие основы согдийской грам-

⁴⁹ Ср., например, наблюдения над глагольной системой и грамматическим родом в шугнанском (см. ИИАН, V сер., т. VIII, № 1, 1898, стр. VII—VIII), сообщение о наличии двух ягнобских говоров (там же, стр. VIII).

⁵⁰ Ср. слова одного из издателей «Грундрисса» — В. Гейгера (W. Geiger): «...я могу, пожалуй, надеяться, что [моя работа] окажется не совсем бесполезной для развития иранской филологии. И если это мне действительно удалось, то я обязан этим в первую очередь деятельной помощи, предоставленной мне Санкт-Петербургом. Господин акад. Залеман сделал доступными для меня не только отпечатанные, но никогда не выходившие в свет материалы, как, например, Дорновы «Материалы к познанию иранских наречий», II, 2 и III, но и самым бескорыстным образом предоставил в мое распоряжение также собственные важные собрания...» (GiPh, Bd I, Abt. 2, 1898—1901, стр. 287).

⁵¹ Помещенный в «Грундриссе» очерк о ягнобском языке почти полностью основан на «Ягнобских этюдах» Залемана (см. GiPh, Bd I Abt. 2, стр. 289). О значении этого труда может говорить тот факт, что спустя полвека после его составления копия словаря из «Ягнобских этюдов» была опубликована в Париже (см.: E. Benveniste, Une lexique du yagnobi, — JA, t. CCXLIII, fasc. 2, 1955, стр. 139—162).

⁵² C. Salemann, Manichaica II, — ИИАН, 1907, VI сер., т. I, № 14, стр. 532; F. Andreas, Zwei soghdische Excursus, — SPAW, XV, 1910, стр. 307—314.

⁵³ C. Salemann, Manichaica II, стр. 531—558; его же, Manichaica V. Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik, 1—6, — ИИАН, 1913, VI сер., т. VII, № 18, стр. 1125—1144. Обе работы основаны на согдийских

матики⁵⁴ и диалектологии⁵⁵ и определившие согдийский язык как одну из форм восточноиранской речи⁵⁶. Еще раньше (1897) Залеманом были установлены особо тесные диалектологические отношения между ягнобским и осетинским языками⁵⁷. В словаре к согдийским текстам, анализируемым в «Manichaica II»⁵⁸, Залеман систематически привлекает к сравнению ягнобскую, осетинскую, шугнанскую и ваханскую лексику, указывая тем самым на диалектные связи между восточноиранскими языками. Наблюдения Залемана о диалектном членении манихейских текстов и о диалектологических отношениях между восточноиранскими языками служат одним из краеугольных камней сравнительно-исторической грамматики иранских языков.

Велико было значение педагогической и научно-организационной деятельности Залемана. Его учениками были В. А. Жуковский, Ф. А. Розенберг, Л. Ф. Богданов, В. А. Иванов, А. А. Ромаскевич, Б. В. Томашевский, А. А. Фрейман и др. Научному руководству и организационной поддержке Залемана во многом обязаны на первых этапах своей деятельности известные впоследствии исследователи иранских языков Средней Азии М. С. Андреев и И. И. Зарубин. Помощью и научными консультациями Залемана пользовались многие выдающиеся его современники — востоковеды и иранисты — В. Ф. Миллер, В. В. Бартольд, Я. И. Смирнов и многие другие. По инициативе и часто под непосредственным наблюдением К. Г. Залемана в АН был подготовлен и издан ряд важнейших трудов по иранскому (и не только иранскому) языкознанию⁵⁹. С именем Залемана связано утверждение в отечественной науке историко-сравнительного иранского языкознания, и теперь, через полстолетия после его кончины, от-

текстах христианского содержания, писанных сирийским письмом. Небольшой согдийский фрагмент манихейским письмом из собрания АМ издан Залеманом в «Manichaica I» (ИИАН, 1907, стр. 177).

⁵⁴ Ср., например, анализ глагольной системы языка христианско-согдийских текстов, ИИАН, 1907, стр. 553—555; то же, 1913, стр. 1137—1144), открытие категории рода (там же, стр. 1131 и сл.) и т. д. Залеман оказал также большую помощь Готье в его работе над согдийской грамматикой (см.: R. Gauthiot, Essai de grammaire sogdienne, I, Paris, 1914—1923, стр. XVIII).

⁵⁵ См. ИИАН, 1913, стр. 1128—1129.

⁵⁶ Там же, 1907, стр. 558.

⁵⁷ Там же, стр. 532.

⁵⁸ Там же, стр. 537 и сл.

⁵⁹ Среди них: В. Жуковский, Материалы для изучения периодических наречий. I, СПб., 1888; W. Miller, R. von Stackelberg, Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt, St.-Pbg., 1891; В. Миллер, Материалы для изучения еврейско-татского языка, СПб., 1892; Fr. Rosenberg, Le livre de Zoroastre (Zarâtusht-Nâma) de Zartusht-i Bahrâm ben Pajdû..., St.-Pbg., 1904; М. С. Андреев и А. А. Половцев, Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан, СПб., 1911 (сб. МАЭ, вып. 9); Hugo Makas, Kurdische Texte im Kurmânji-Dialekte aus der Gegend von Mârdin, Leningrad, 1926, и др.

четливо выявляется развитие тех направлений, начало которым было положено его деятельностью.

Преемником Залемана на посту директора АМ — ИВ был С. Ф. Ольденбург. Индолог по основной своей специальности и крупнейший организатор науки, Ольденбург оставил свой след и в развитии иранской филологии. Результатом организованных им двух экспедиций в Восточный Туркестан (1909—1910 и 1914—1915) явилось, в частности, обогащение коллекций АМ рядом фрагментов на древних восточноиранских языках. По инициативе и часто с предисловиями С. Ф. Ольденбурга были изданы в 20—30-е годы многие труды по иранскому языкознанию, с его именем связаны организации Иранского кабинета ИВ, Таджикистанской базы АН СССР (1933) и развертывание здесь работ по иранской филологии.

Ученик К. Г. Залемана и долголетний (1902—1931) сотрудник АМ, Ф. А. Розенберг (1867—1934)⁶⁰ продолжал работы в области согдологии и пехлевистики, зороастризма и парсийской литературы. Им были опубликованы три фрагмента согдийско-буддийских документов из собрания АМ — два фрагмента, добытых экспедицией С. Ф. Ольденбурга в Дуньхуане, и один из коллекции Н. Н. Кроткова⁶¹, а также ряд статей и рецензий, посвященных истории Согда, памятникам согдийской письменности и языка⁶², пехлевийской эпиграфике⁶³. Ему же принадлежат две работы, посвященные сравнительной грамматике иранских языков⁶⁴, краткий обзор персидских рукописей, памятников древнеиранской письменности и материалов по иранской диалектологии, хранящихся в АМ⁶⁵.

⁶⁰ О нем: ИРАН, т. XVII, 1923, стр. 369—370; И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 372—385.

⁶¹ Fr. Rosenberg, Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ienfo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915. I. Fragment d'un conte, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 817—842; II. Fragment d'un sûtra, — ИРАН, т. XIV, 1920, стр. 399—420, 455—474; Fr. Rosenberg, Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV. Soghd. 4), — ИАН СССР, VI сер. т. XXI, 1927, стр. 1375—1398.

⁶² Ф. А. Розенберг, О согдийцах, — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 81—90; Ф. А. Розенберг, Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии, — ИАН СССР, сер. VII, ООИ, № 5, 1932, стр. 445—469. См. также рецензии Розенберга на издание согдийских документов Британского музея (OLZ, 32, 1929, стр. 194—201; OLZ, 1932, № 12, стр. 758—763); Fr. Rosenberg, Sogdica, I—II, — «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921», Kraków, 1921, стр. 94—96; его же, Notes sogdiennes, — ИАН СССР, сер. VII, 1931, стр. 627—635.

⁶³ Ф. А. Розенберг, Неизданное сасанидское блюдо с пехлевийским граффито, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 137—144.

⁶⁴ Ф. [А.] Розенберг, О показателях множественности в языках согдийской группы, — ЯС, II, Пг., 1923, стр. 1—17; его же, Материалы по двадцатому счету, — «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1927, стр. 165—170.

⁶⁵ См.: Аз. Муз. Памятка, стр. 20—23, 28—32.

Исследования проф. В. А. Жуковского (см. стр. 350, прим. 43), одного из основоположников петербургской иранистической школы, в области изучения живой персидской речи, персидского народного творчества и диалектологии Ирана оказали мощное воздействие на развитие этой отрасли знания как в нашей стране, так и за рубежом. Из учеников В. А. Жуковского, продолжавших это направление, должны быть названы в первую очередь В. А. Иванов⁶⁶ и А. А. Ромаскевич⁶⁷, еще в дооктябрьский период (1912—1915) собравшие материалы по фольклору и диалектам Ирана.

А. А. Ромаскевич (1885—1942) вел начиная с 1915 г. и до последних дней своей жизни преподавание персидского языка в университете и ЛИЖВЯ — ЛВИ и опубликовал несколько учебных пособий по персидскому языку⁶⁸, впервые позволивших построить на научной базе преподавание современного персидского языка и отойти от традиции, по которой преподавание ограничивалось изучением языка классиков. Эти пособия сохраняли свое значение вплоть до 50-х годов нашего века. Учениками А. А. Ромаскевича по персидскому языку были Е. Э. Бертельс, А. К. Арендс и многие другие иранисты, работавшие и работающие в ИВ.

Интерес к изучению живой персидской речи и фольклору народов Ирана был воспринят от В. А. Жуковского и младшим из его учеников по университету — Ю. Н. Марром (1893—1935)⁶⁹, работавшим в начале 20-х годов в АМ.

⁶⁶ См. В. А. Иванов, Несколько образцов персидской народной поэзии, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 33 и сл.; его же, Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912—1914 годах в Персии, — ИРАН, 1918, стр. 411—412. Более поздние труды В. А. Иванова публиковались в зарубежных изданиях (см. «List of Publications by W. Ivanow up to 1-st January 1962», б. г., б. м.). Часть архива В. А. Иванова хранится в Библиотеке Восточного факультета ЛГУ (см. УЗ ЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 187), часть — в АВ (ф. 19).

⁶⁷ См.: А. А. Ромаскевич, Персидские народные четверостишия, I, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 313—347; его же, II, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921; его же, III, — ЗКВ, III, 1928, стр. 305—366; его же, Лар и его диалект, — «Иранские языки», I, М.—Л., 1945, стр. 31—86; его же, К вопросу о жаргоне иранских дервишей, — там же, стр. 141—144; см. также: А. А. Ромаскевич, Persica. Опись материалов по фольклору и диалектологии, собранных в Персии в 1912—1914 гг., — ИРАН, 1919, стр. 451—452; его же, К диалектологии Персии, — ДРАН-В, 1924, стр. 122—125, и другие работы. Запланированная А. А. Ромаскевичем работа над словарем персидских наречий [см. план Иранского кабинета ИВ на 1938—1942 гг. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), ед. хр. 42] прервалась с преждевременной гибелью ученого в блокаде Ленинграда.

⁶⁸ А. А. Ромаскевич, Современная персидская пресса в образцах, вып. 1—2, Л., 1924—1931; его же, Персидско-русский словарь к современной персидской прессе в образцах, вып. 1 и 2, Л., 1931.

⁶⁹ О нем: И. В. Мегрелидзе, Юрий Николаевич Марр (его жизнь и деятельность), — Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. V—XVI (там же, стр. XVIII—XXI — список трудов); Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, — ТТбГУ, т. 108, 1964, стр. 61—66. Архив Ю. Н. Марра хранится в ЛО ИВ.

Ю. Н. Марру принадлежит несколько работ о персидской фонетике⁷⁰, о народном творчестве на различных языках и диалектах Ирана⁷¹ и т. п. Под его редакцией и при непосредственном его участии вышла в свет хрестоматия персидского языка с персидско-грузинско-русским словарем⁷², ему же принадлежат наброски лекций и опыт программы занятий по персидскому языку⁷³. Ценность этих пособий, написанных бесспорно большим знатоком персидского языка и реальной жизни современного ему Ирана, снижается, однако, неудачной системой «аналитического» письма, яфетидологическими увлечениями автора.

Придавая словарной работе большое значение, Ю. Н. Марр был инициатором и участником нескольких начинаний по персидской лексикографии. Им был задуман коллективный труд по составлению словаря живого персидского языка, материалы к которому предполагалось издавать отдельными выпусками. Издание оборвалось, однако, уже на первом выпуске⁷⁴ и не нашло впоследствии своего продолжения. Оборвалась с кончиной Ю. Н. Марра и начатая им работа по составлению документированного персидско-русского словаря. Вышедший в свет I выпуск этого труда⁷⁵ весьма интересен попыткой ввести в словарь подробное (подчас с чертежами) истолкование реалий, бытовых и этнографических терминов и т. п.⁷⁶ По его же инициативе в начале 20-х годов была начата работа по составлению исторического словаря персидского языка, в основе которого должны были лежать словари к произведениям отдельных авторов (Низами и др.). Однако иранистических сил для выполнения столь грандиозных трудов в то время было явно недостаточно, методы составления таких словарей не были разработаны, и работа над историческим словарем, как и дру-

---

⁷⁰ Ю. Н. Марр, О произношении *ق/غ* в живом персидском, — Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. 43—47; его же, Выражение фонетики стиха в персидском письме, — ИАН, СССР, 1934 № 2, стр. 137—178 (то же в сокращенном виде в кн. «С. Ф. Ольденбургу...», стр. 232—335).

⁷¹ См., например, Ю. Н. Марр, Образец бахтиярской литературы, — ДАН-В, 1927, стр. 55—58.

⁷² В. С. Пугуридзе, Начальная хрестоматия персидского языка, М.—Л., 1935.

⁷³ См. Ю. Н. Марр, Статьи и сообщения, II, М.—Л., 1939, стр. 173 и сл., 242 и сл.

⁷⁴ А. К. Арендс, Персидско-русский словарь физических терминов, Л., 1928 (Материалы для словаря живого персидского языка, I). См. предисловия С. Ф. Ольденбурга и Ю. Н. Марра к этому выпуску.

⁷⁵ Ю. Н. Марр, Документированный персидско-русский словарь, — вып. I, Тифлис, 1934 (литография).

⁷⁶ Такое же стремление наблюдается и в вышеупомянутых «Лекциях по персидскому языку».

гие лексикографические начинания Марра, оборвалась в самом начале⁷⁷.

В 20-е годы деятельность ленинградских иранистов сосредоточивалась в КВ при АМ. В числе ее учредителей и активных членов были такие видные иранисты, как В. В. Бартольд, Ф. А. Розенберг, А. А. Фрейман, И. А. Орбели, И. И. Зарубин, Е. Э. Бертельс⁷⁸. Среди обширного научного наследства крупнейшего историка Ирана и Средней Азии В. В. Бартольда имеется и несколько статей, посвященных проблемам иранской филологии⁷⁹. В. В. Бартольд был организатором и редактором сборников «Иран», где были напечатаны в конце 20-х годов многие работы по иранской филологии и иранскому языкознанию.

Несколько работ, затрагивающих проблемы иранского языкознания (с позиций «нового учения» о языке), оставил также принимавший активное участие в работе коллегии Н. Я. Марр⁸⁰. Иранистические работы И. А. Орбели посвящены преимущественно истории культуры и курдоведению. В рамках данной статьи должен быть отмечен также выполненный им (в соавторстве с К. В. Тревер) перевод среднеперсидского текста о шахматной игре⁸¹.

* * *

В 20—30-е годы в Ленинграде складываются два основных направления иранистических исследований, две школы, деятельность которых в значительной мере определила дальнейшее развитие иранской филологии и иранского языкознания в нашей стране. Одно из этих направлений связано с именем И. И. Зарубина — создателя советской школы исследователей живых иранских языков и диалектов⁸². Деятельность И. И. Зарубина и его учеников (В. С. Расторгуевой, В. С. Соколовой и др.) протекала главным образом в Институте языкознания (б. ИЯМ) АН СССР и нашла свое отражение в ряде

---

⁷⁷ См.: Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, стр. 63.

⁷⁸ См. ЛО ААН, ф. 68, оп. 1, № 432, л. 186.

⁷⁹ См., например: В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском, — «Иран», т. I, 1927, стр. 29—41; его же, Персидское арк «крепость, цитадель», — ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 29—32, и другие работы.

⁸⁰ См., например: Н. Я. Марр, Ossetica-Japhetica. [I], — ИРАН, 1918, стр. 2069—2100, 2307—2310; его же, II, — ИАН СССР, 1927, стр. 433—440; его же, Нужно ли знать факты (мысли по осмыслению вежливых способов обращений в современной Персии), — ЗИВАН, т. I, 1932, стр. 201—211.

⁸¹ И. А. Орбели и К. [В.] Тревер, Шатранг. Книга о шахматах, Л., 1936.

⁸² См. В. С. Расторгуева. И. И. Зарубин-лингвист, — «Ир. сб.», стр. 15 и сл.

первоклассных работ по современному иранскому языку и диалектам, представленным на территории Советского Союза⁸³.

В стенах АМ — ИВ получило преимущественное развитие другое — историко-филологическое, сравнительно-историческое направление, возглавленное после смерти акад. Залема на его учеником А. А. Фрейманом (1879—1968)⁸⁴.

С АМ—ИВ А. А. Фрейман был связан на протяжении всей своей творческой жизни. Начав свою деятельность здесь с библиографической и словарной работы еще в студенческие годы, Фрейман продолжал впоследствии выполнять различные работы на общественных началах⁸⁵ и лишь в 1934 г. вошел в штат института (с 1945 г.— зав. Иранским сектором), сотрудником которого оставался до середины 50-х годов.

Основным направлением шестидесятилетней научной деятельности А. А. Фреймана были исследования в области истории, сравнительно-исторической грамматики и исторической диалектологии иранских языков. Важнейшую задачу иранского языкознания А. А. Фрейман видел в создании историко-сравнительной грамматики и этимологического словаря иранских языков — трудов, которые могли бы показать процесс закономерного исторического развития этой языковой семьи как единой системы⁸⁶. Этой задаче посвящены в конечном счете все работы Фреймана, будь то описание и научное издание памятников пехлевийской письменности⁸⁷, публикация согдийских документов, этимологические исследования⁸⁸, ра-

⁸³ См. ОИИИЯ, См. также: Расторгуева, Иранские языки, — «Советское языкознание за 50 лет», М., 1967, стр. 171—190.

⁸⁴ О нем: С. Ольденбург, Ф. Щербатской, И. Крачковский, Записка об ученых трудах проф. А. А. Фреймана, — ИАН СССР, сер. VII, 1928, № 8—10, стр. 483—485; И. М. Оранский, Александр Арнольдович Фрейман (к 80-летию со дня рождения), — ПВ, 1959, № 4, стр. 217—222 (с библиографией трудов); его же, Александр Арнольдович Фрейман, — КСИНА, 67, 1963 (выпуск, посвященный 85-летию со дня рождения и 65-летию научно-педагогической деятельности члена-корр. АН СССР А. А. Фреймана), стр. 3—10 (там же дополнения к библиографии); его же, Памяти учителя, — НАА, 1968, № 3, стр. 224—227.

⁸⁵ В том числе и такие большие работы, как дополнение и редактирование «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера. См. ИАН СССР, ООИ, 1935, стр. 299, прим. 1.

⁸⁶ См. А. А. Фрейман, Задачи иранской филологии, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 5, 1946, стр. 386.

⁸⁷ См., например: A. Freiman, *Pand-nāmak i Zaratušṭ. Der Pahlavī text mit Übersetzung, kritischen und Erläuterungsnoten*, — WZKM, Bd XX, 1906, стр. 149—166, 237—280; его же, *Andarz i kōtakān*, — «The Dastur Hoshang Memorial Volume...», Bombay, 1918, стр. 482—489; его же, Пехлевийские папирусы и другие вещественные памятники иранской культуры в Музее изящных искусств в Москве, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 1925—1928.

⁸⁸ А. Фрейман, *Авестское mərəzu*, — ИРАН, т. XII, 1918, стр. 881—887; его же, К этимологии персидской частицы *bi...*, — ЗКВ, I, 1925, стр. 372—374; его же, Название Черного моря в домусульманской Персии, — ЗКВ, V, 1930, стр. 647—651; его же, Пленный враг Дария — скиф Скунха, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. 3, 1948, стр. 235—240;

зыскания в области пехлевийской лексикографии⁸⁹, хорезмийской грамматики⁹⁰, согдо-хорезмийских диалектологических отношений⁹¹ или ирано-славянских языковых связей⁹².

Духом историзма, историческим подходом к фактам и явлениям иранских языков проникнуты и более общие работы Фреймана, посвященные среднеперсидскому языку⁹³, проблематике иранской филологии и иранского языкознания⁹⁴, критические выступления против попыток привнесения в иранское языкознание антиисторических концепций «нового учения о языке»⁹⁵.

В области изучения живых иранских языков наибольшее значение имела работа А. А. Фреймана по дополнению и редактированию оставшегося после кончины акад. В. Ф. Миллера в карточках осетинско-русско-немецкого словаря. В результате длительной (1923—1934 гг.) работы в тесном сотрудничестве с представителями осетинской общественности как на местах (поездки в Осетию в 1925, 1926, 1929 гг.), так и в Ленинграде А. А. Фрейману удалось почти вдвое увеличить объем словаря, обогатить его фразеологией, пословицами, поговорками, цитатами из произведений осетинского народного творчества, осетинских писателей и поэтов. Сбор, обработка и включение в словарь всего этого обширного материала позволили не только расширить словник, но и документировать словоупотребление, иллюстрировать значение каждого слова. Особое значение имеет то обстоятельство, что словарь охватывает лексику и фразеологию обоих основных диалектов осетинского языка — иронского и дигорского. Вышедший в свет в трех томах словарь⁹⁶ послужил прочным фундаментом

его же, К этимологии согдийского Деваштич, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 5, 1952, стр. 461—462; его же, Таджикское *пӯст* — «кожа, кора, оболочка, скорлупа, шелуха, шукура», — СВ, 1958, № 6, стр. 77—81 и др. работы.

⁸⁹ А. Фрейман, Существует ли «среднеазиатский» термин в сасанидском судебнике? — ИРАН, т. XII, стр. 311—312; его же, Заметки по пехлевийской лексикографии, — там же, стр. 761—770.

⁹⁰ А. Фрейман, Образование прошедшего времени в хорезмийском языке, — УЗ ЛГУ, СФН, вып. 6 (№ 60), 1940, стр. 22—31; его же, Артикль в хорезмийском языке, — СВ, V, 1948, стр. 191—197.

⁹¹ А. Фрейман, Согдо-хорезмийские диалектологические отношения (опыт сравнительной характеристики), — СВ, IV, 1947, стр. 157—170.

⁹² А. Фрейман, Ирано-славянские заметки, — ДРАН-В, 1924, стр. 47—50.

⁹³ А. Фрейман, Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков, — «Восточные записки», т. I, Л., 1927, стр. 46—59.

⁹⁴ См. ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 5, 1946, стр. 373—386; т. X, вып. I, 1951, стр. 50—65.

⁹⁵ См., например: А. Фрейман, О показателях множественности -t, -išt, -Ev, -iv в северной (скифской) группе иранских языков (по поводу статьи Ф. А. Розенберга «О показателях множественности в языках согдийской группы»), — ИОРЯС РАН, т. XXIX, 1924, стр. 397—406.

⁹⁶ Вс. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь под редакцией и с дополнениями А. А. Фреймана, т. I—III, Л., 1927—1934.

для развития осетинской лексикографии и, по отзыву специалистов, занял в осетинской литературе приблизительно такое же место, как словарь Даля в русской⁹⁷. В многочисленных рецензиях на словарь неоднократно подчеркивалось также значение его для иранского языкознания в целом⁹⁸. Во время поездок в Осетию, связанных с работой над словарем, Фрейманом были произведены также записи осетинских (преимущественно дигорских) фольклорных текстов (не опубликованы), установлены некоторые диалектные особенности южноосетинских говоров, проведены наблюдения над осетинским ударением⁹⁹. В этот же период им велась работа над русско-осетинским словарем, в котором должна была быть найдена, в частности, свое отражение дигорская акцентуация. В связи с работой над словарем стоят и другие осетиноведческие исследования Фреймана¹⁰⁰.

30-е годы были ознаменованы введением в науку ценнейших материалов по двум древним иранским языкам Средней Азии — согдийскому и хорезмийскому. После первых находок согдийских документов на горе Муг (верховья Зеравшана) туда была направлена в 1933 г. возглавленная Фрейманом экспедиция, добывшая целую коллекцию уникальных памятников согдийского языка и письменности — первых согдийских документов, происходящих с территории собственно Согдианы. Доклады и сообщения Фреймана о найденных в Таджикистане согдийских рукописях¹⁰¹, а также вышедший вскоре в свет «Согдийский сборник» с описанием документов и первыми результатами их дешифровки¹⁰² открыли новый этап в развитии согдологии. По словам Крачковского, «это было торжество — торжество экспедиции, обогатившей науку невиданными материалами, и торжество самой науки, показательно говорившей о своей мощи, которая на глазах всех

⁹⁷ См., например: Б. В. Миллер, Труды русских ученых в области иранского языкознания, — Уч. зап. МГУ, вып. 107, 1946, стр. 74; К. Е. Гагкаев, Александр Арнольдович Фрейман как редактор «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера, — «ИСОНИИ», т. XXIII, вып. 1, 1962, стр. 143—150; Т. З. Козырева, Из истории осетинской лексикографии, — там же, т. XXIV, вып. 1, 1964, стр. 154—156.

⁹⁸ См., например, рец. А. Мейе (BSLP, vol. XXXI, 1931, стр. 74—75).

⁹⁹ См. В. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь, т. II, 1929, стр. II—III.

¹⁰⁰ А. Freiman, Ossetica, — RO, t. III, 1927, стр. 158—163; его же, Забытые осетинские числительные, — в кн. «С. Ф. Ольденбургу», стр. 561—564 и др. работы.

¹⁰¹ В том числе доклад на Международном конгрессе востоковедов в Тегеране (1934).

¹⁰² См. А. А. Фрейман, Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение), — «Согд. сб.», Л., 1934, стр. 7—17; его же, Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикстанской базой АН СССР, — там же, стр. 33—51.

как бы поднимала наши знания на высшую ступень»¹⁰³. Начатая с этого времени Фрейманом работа по дешифровке и публикации согдийских документов с горы Муг была продолжена в конце 50-х — начале 60-х годов его учениками — О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбовым и В. А. Лившицем. Работы советских ученых, посвященные публикации отдельных документов, были собраны в 60-е годы в трех выпусках серии «Согдийские документы с горы Муг», представляющей полное издание этой коллекции¹⁰⁴. Одновременно было подготовлено факсимильное издание¹⁰⁵.

Открытие и публикация Мугской коллекции документов (частная и дипломатическая переписка, юридические и хозяйственные документы, согдийский календарь и т. д.), относящихся к первой четверти VIII в. н. э., сыграли и продолжают играть выдающуюся роль в исследованиях по истории и истории культуры Средней Азии, по согдийскому языку и письменности, по иранскому языкознанию в целом. Поскольку язык этих документов оказался в основном идентичным языку ранее найденных в Восточном Туркестане буддийских текстов, написанных тем же письмом, было окончательно подтверждено, что эти последние также являются согдийскими. Находки на горе Муг стимулировали новые археологические экспедиции в область древнего Согда, дали новую жизнь развитию таких отраслей науки, как палеография Средней Азии, согдийская эпиграфика и нумизматика¹⁰⁶.

Одновременно с работой над мугскими документами А. А. Фрейманом (с помощью О. И. Смирновой) велась подготовка к составлению согдийского словаря. В 1936 г. была закончена роспись всех изданных к тому времени согдийских текстов и составлена картотека, охватывающая примерно 2 тыс. словарных гнезд¹⁰⁷. Работа над пополнением этой картотеки продолжалась и в последующие годы, но не получила своего завершения. Не получила своего завершения и работа

¹⁰³ И. Ю. Крачковский. Избр. сочинения, т. I, 1955, стр. 114.

¹⁰⁴ Вып. I: А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962; вып. II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962; вып. III: Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой, М., 1963.

¹⁰⁵ «Корпус ираноязычных надписей», ч. II. Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии, т. III. Фотоальбом. Документы с горы Муг, М., 1963.

¹⁰⁶ См., например, А. А. Фрейман. Согдийская надпись из Старого Мерва, — ЗИВАН СССР, т. VII, 1939, стр. 296—302; его же. Древнейшая согдийская надпись, — ВДИ, 1939, № 3, стр. 135—136; его же. Печать при документе 5 В-4 (из собрания согдийских документов с горы Муг), — ПВ, 1960, № 3, стр. 212—214, и другие работы; О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, — СВ, VI, 1949, стр. 357 и сл.

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 35.

над «Иранским этимологическим словарем», стоявшая в перспективном плане Иранского кабинета ИВ на 1937—1942 гг.¹⁰⁸ и прерванная войной. Роспись согдийских и среднеперсидских (манихейских) текстов для этого словаря велась с середины 30-х годов Л. А. Хетагуровым¹⁰⁹.

В 1936 г. собрание ИВ обогатилось важнейшим источником для изучения другого древнеиранского языка Средней Азии — хорезмийского. Этим источником послужила рукопись XIV в., содержащая арабоязычное сочинение хорезмийского законоведа XIII в. ал-Газмини с хорезмийскими глоссами и толкованием этих глосс на арабском и персидском языках¹¹⁰. Исследования содержащегося в этих глоссах языкового материала, начатые в конце 30-х годов А. А. Фрейманом¹¹¹, были изданы впоследствии отдельной книгой¹¹² — трудом, вернувшимся, по словам рецензента, к жизни, казалось, навсегда ушедший хорезмийский язык¹¹³ и установившим его родственные связи с другими восточноиранскими языками. Исследованию хорезмийского языкового материала посвящена и последняя из опубликованных статей А. А. Фреймана¹¹⁴.

Очень большое значение имела педагогическая деятельность Фреймана, организовавшего с первых лет Советской власти преподавание на разряде (впоследствии кафедре) иранской филологии Петроградского — Ленинградского университета и создавшего советскую школу древнеиранской филологии и сравнительно-исторического иранского языкознания. Развитие иранистической науки и особенно введение в научный обиход материалов на среднеиранских языках (среднеперсидский, согдийский и др.) уже с конца XIX — начала XX в. настоятельно требовали объединения в составе одной кафедры всех иранистических дисциплин, традиционно разобщенных до Великой Октябрьской революции между кафедрой санскритской (авестийский, древне- и среднеперсидский языки) и персидской (новоперсидский язык и литература) словесности. Установка на историко-сравнительное изучение иранской языковой семьи требовала также привлечения к числу изучаемых дисциплин возможно большего круга древних и современных иранских языков, углубленного изучения их

¹⁰⁸ Там же, оп. 1 (1937), № 42.

¹⁰⁹ Там же, оп. 3, № 336, лл. 29, 32.

¹¹⁰ См. С. Л. Волин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91.

¹¹¹ См. А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, — там же, стр. 306—319.

¹¹² А. А. Фрейман, Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I, М.—Л., 1951.

¹¹³ См. рец. М. Н. Боголюбова (ВЯ, 1953, № 6, стр. 147—151).

¹¹⁴ А. А. Фрейман, О некоторых особенностях фонетики и орфографии хорезмийского языка, М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР). Перепечатано в RO, t. XXV, Zesz. 1, 1961, стр. 139—143.

истории. Последнее неизбежно увязывалось с изучением памятников древнеиранской письменности, их чтением и интерпретацией, со всем комплексом проблем древнеиранской филологии. Осуществление в 20—30-е годы этой научно-педагогической установки на кафедре иранской филологии ЛГУ¹¹⁵ сыграло важнейшую роль в становлении и развитии школы сравнительно-исторического иранского языкознания в нашей стране. Из этой школы вышли Л. А. Хетагуров (1901—1942)¹¹⁶, Е. К. Бахмутова, В. И. Абаев¹¹⁷, О. И. Смирнова, М. Н. Боголюбов, Т. З. Козырева, К. В. Кауфман, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, С. И. Баевский, М. А. Салахетдинова, В. В. Кушев, Л. П. Смирнова, А. Л. Грюнберг, Т. Н. Пахалина, М. И. Исаев, Р. Л. Цаболов, В. А. Капранов, С. Н. Соколов, А. Н. Рагоза и многие другие иранисты. В той или иной мере получили у Фреймана подготовку и многие специалисты по современным иранским языкам и диалектам — А. З. Розенфельд, В. С. Расторгуева, В. С. Соколова, В. И. Завьялова, Б. Н. Ниязмухаммедов, М. Ф. Фазылов, Д. Т. Таджиев и другие, а также лица, специализировавшиеся в области истории персидской и таджикской литературы (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев, А. Т. Тагирджанов и др.) и истории материальной культуры и искусства (К. В. Тревер, М. М. Дьяконов). По инициативе Фреймана в 1931 г. в ЛИФЛИ был создан курдский цикл, сыгравший важную роль в развитии курдского языкознания. Многие из перечисленных иранистов работают или в разное время работали в коллективе ИВ.

Исследования в области согдологии были продолжены трудами С. И. Климчицкого (1900—1942?)¹¹⁸, О. И. Смирновой, М. Н. Боголюбова, К. В. Кауфман, В. А. Лившица. Помимо упоминавшейся уже работы по публикации согдийских документов с горы Муг им принадлежит ряд исследований в области согдийской грамматики¹¹⁹ и лексики¹²⁰, в области

---

¹¹⁵ Кафедра иранской филологии ЛГУ была, по-видимому, первым учебно-научным центром, преодолевшим традиционный разрыв между преподаванием древне- и новоиранских языков.

¹¹⁶ Биографические сведения о нем см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 643.

¹¹⁷ О нем: М. И. Исаев, Славный путь ученого, — «ИСОНИИ», т. XXII, вып. 1, 1960, стр. 5—28 (с портретом; стр. 22—28 — библиография работ В. И. Абаева); его же, В. И. Абаев как крупнейший иранист-осетиновед, — «ИЮОНИИ», вып. IX, 1958, стр. 396—414 (стр. 407—414 — список трудов); З. В. Ванеев, В. И. Абаев и вопросы истории Осетии, — там же, вып. X, 1960, стр. 30—48.

¹¹⁸ Биографические сведения о нем см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301.

¹¹⁹ См. М. Н. Боголюбов, Прошедшее время с морфемой «z» в согдийском языке, — ВЛУ, 1960, № 14, стр. 140—141; его же, Согдийские документы с горы Муг (языковые данные), М., 1960 (XXV МКВ, ДД СССР). См. также: «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, М., 1963, стр. 16—23.

¹²⁰ См.: С. И. Климчицкий, Название Согдианы в топонимике

истории согдийского языка¹²¹. Вопросами согдийской нумизматики и топонимики занимается в течение ряда лет О. И. Смирнова¹²², согдо-ягнобскими диалектологическими отношениями — С. И. Климчицкий¹²³ и М. Н. Боголюбов¹²⁴, согдийской палеографией и эпиграфикой — О. И. Смирнова (в связи с нумизматикой), И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц и К. В. Кауфман¹²⁵. Изучением согдийских фрагментов коллекции ИВ занимается в настоящее время А. Н. Рагоза.

Исследования в области хорезмийского языка были продолжены М. Н. Боголюбовым и В. А. Лившицем. М. Н. Боголюбову принадлежит ряд работ, посвященных исследованию хорезмийского языкового материала, дошедшего до нас в арабской графике¹²⁶. В. А. Лившиц (совместно с С. П. Тол-

---

Таджикистана, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 9—13; О. И. Смирнова и М. Н. Боголюбов, О согдийском Деваштич, — СВ, 1955, № 3, стр. 142—143; О. И. Смирнова, О титуловании согдийских правителей, — ДМ, 1962, стр. 393—398; В. А. Лившиц, Согдийские слова в таджикском языке, — «Изв. АН ТаджССР», ООН, 1957, № 12, стр. 31—43.

¹²¹ М. Н. Боголюбов, Именное предложение и связка, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. 4, 1948, стр. 350—352 (по материалам кандидатской диссертации «Связка 3-го л. ед. ч. в согдийском языке, ее исторические корни и типологические параллели» (1948)); К. В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, — «ТИЯЗ», т. VI, 1956, стр. 459—498.

¹²² О. И. Смирнова, О трех согдийских монетах, — ВДИ, 1939, № 1, стр. 116—120; ее же, Монеты из раскопок древнего Пянджикента (1947), — МИА СССР, № 15, стр. 224—231; ее же, Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Гос. Эрмитажа, — ЭВ, IV, 1951, стр. 3—23; ее же, Материалы к сводному каталогу согдийских монет, — ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45; ее же, Каталог монет с городища Пянджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963 и другие работы. См. также: О. И. Смирнова, Карта верховьев Зеравшана по мугским документам, М., 1960 (ХХV МКВ, ДД СССР).

¹²³ См. С. И. Климчицкий, Ягнобско-согдийские соответствия, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 15—25.

¹²⁴ См. М. Н. Боголюбов, Ягнобский (новосогдийский) язык, Л., 1956 (автореферат докт. дисс.); его же, Согдо-ягнобские диалектологические отношения, — «Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, 1958, стр. 837; его же, Ягнобско-согдийские диалектологические отношения, — ВЛУ, 1957, № 8, стр. 111—113.

¹²⁵ См. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, — ВДИ, 1954, № 1, стр. 150—163; В. А. Лившиц, Первая согдийская азбука, — ПИКНВ, II, 1966, стр. 62—64; его же, Три согдийские надписи, — «Изв. АН ТаджССР», ООН, вып. 14, 1957, стр. 101 и сл.; его же, Согдийский документ В-4 с горы Муг, — ПВ, 1959, № 6, стр. 129; В. А. Лившиц и В. Г. Луконин, Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 165 и сл.

¹²⁶ См. М. Н. Боголюбов, О некоторых особенностях арабо-хорезмийской письменности, — НАА, 1961, № 4, стр. 182—187; его же, Частицы в хорезмийском языке, — УЗ ЛГУ, 1961, № 305, стр. 81—84; его же, Личные местоимения в хорезмийском языке, — там же, № 306, 1962, стр. 6—15; его же, Ударение в хорезмийском языке, — НКИФ, II, Л., 1962, стр. 6; его же, Местоимения в хорезмийском языке, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 99—103.

стовым) вовлек в круг своих занятий памятники хорезмийской эпиграфики, фиксирующие хорезмийский язык эпохи до арабского завоевания¹²⁷.

С начала 50-х годов в научный обиход были введены впервые найденные на территории СССР памятники парфянской письменности — многочисленные острака с хозяйственными записями с городищ Старая и Новая Ниса (неподалеку от современного Ашхабада). Обработка и публикация этих документов, начатая коллективом в составе историка М. М. Дьяконова, семитолога И. М. Дьяконова и ираниста В. А. Лившица¹²⁸, была продолжена после смерти М. М. Дьяконова (1954) И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем¹²⁹. В. А. Лившицу принадлежат также статья о тохарской надписи на хуме¹³⁰ и опыт нового перевода знаменитой бактрийской надписи из Сурх-коталя¹³¹.

Из других памятников среднеиранской письменности изучаются в институте памятники среднеперсидские и сакско-хотанские.

С начала 50-х годов пехлевийские тексты изучаются в качестве исторического источника А. Г. Периханян¹³². Ею же опубликованы текст пехлевийского брачного контракта, пехлевийские папирусы из собрания Музея изящных искусств в Москве¹³³, работы об ирано-армянских языковых свя

¹²⁷ См. S. P. Tolstov, V. A. Livshitz, Decipherment and Interpretation of the Khwarezmian Inscriptions from Tok Kala, — AAn ASH, t. XII, fasc. 1—2, 1964, стр. 231—251; В. А. Лившиц, Новые памятники хорезмийской письменности и некоторые проблемы истории Хорезма, — ПИКНВ, I, 1965, стр. 18—21.

¹²⁸ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ), — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2, М.—Л., 1951, стр. 21—65; их же, Новые находки парфянских документов, — «Изв. АН ТуркмССР», 1953, № 6, стр. 3—10; их же, Парфянский архив из Южного Туркменистана, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии», М., 1954, стр. 1—93.

¹²⁹ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, О языке документов из древней Нисы, — ВДИ, 1956, стр. 100—113; их же, Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов), — ВДИ, 1960, № 2, стр. 14—38; их же, Из материалов парфянской канцелярии «Старой Нисы», — ИКНВ, стр. 320—333; их же, Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы, М., 1960 (XXV МКВ); их же, Новые находки документов в Старой Нисе, — «Переднеаз. сб.», II, М., 1966, стр. 134—157.

¹³⁰ В. А. Лившиц, Тохарская надпись на хуме, — ДАН ТаджССР, вып. VII, 1953, стр. 23—28.

¹³¹ В кн. В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 192—193.

¹³² См., например, А. Г. Периханян, К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, — ВДИ, 1952, № 4 (по материалам среднеперсидского судебного документа).

¹³³ А. Г. Периханян, Образец пехлевийского брачного контракта, — СЭ. 1960, № 5, стр. 67—75; ее же, Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, — ВДИ, 1961, № 3, стр. 78—93.

зях¹³⁴, ведется подготовка к изданию известного памятника пехлевийской письменности «Mātakdān-i hazār dātistān» с исследованием и глоссарием.

Сасанидской эпиграфикой и палеографией (преимущественно по материалам богатейшего собрания Эрмитажа) занимается (совместно с В. Г. Лукониным) В. А. Лившиц (см. прим. 125).

Изучением некоторых вопросов среднеперсидской грамматики на материале памятников манихейского письма занималась А. Н. Рагоза¹³⁵.

Анализу среднеперсидской лексики в греческих и коптских папирусах посвятил свои исследования папиролог и коптовед П. В. Ернштедт¹³⁶, в арамейско-еврейских текстах — семитолог Ю. А. Солодухо¹³⁷.

Исследование памятников сакско-хотанского (или хотаносакского) языка в Советском Союзе было начато трудами временно скончавшегося индолога В. С. Воробьева-Десятовского, обнаружившего неизвестные ранее листы сакской рукописи «Е»¹³⁸.

Начатая им работа была завершена М. И. Воробьевой-Десятовской, опубликовавшей факсимиле текста с транскрипцией, переводом и глоссарием¹³⁹.

В изучении памятников древнеиранской письменности задачи и интересы ираниста-филолога непосредственно смыкаются с задачами и интересами ираниста-лингвиста, задачами и интересами историка древнего Востока. Теснейшая связь между историей, филологией и лингвистикой в этой области определяется тем, что сами исторические и историко-культурные исследования зависят здесь главным образом от степени изученности древнеиранских языков, от возможностей чтения и интерпретации письменных памятников на древнеиранских языках. Чтение и интерпретация этих памятников требуют, с одной стороны, привлечения сравнительного материала род-

---

¹³⁴ А. Г. Периханян, *Armeno-Iranica*. I, — «ИАН АрмССР. Общественные науки», 1965; № 11, стр. 89—94; A. Perikhanian, *Une inscription araméenne du roi Artasès trouvée à Zangezour (Siwnik')* RE Arm., NS, t. III, 1966, стр. 17—29.

¹³⁵ А. Н. Рагоза, *Существительное и прилагательное в среднеперсидских турфанских текстах*, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 118—126.

¹³⁶ П. В. Ернштедт, *Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах*, — ВВр., т. XII, 1957, стр. 218—231.

¹³⁷ Ю. А. Солодухо, *Персидская административная, правовая, социально-экономическая и культурно-бытовая лексика в еврейско-иракских литературных памятниках сасанидского периода*, — ДМ, 1962, стр. 344—354; его же, *О некоторых персидских заимствованиях «Вавилонской гемары»*, — КСИНА, № 86, 1965, стр. 116—120.

¹³⁸ В. С. Воробьев-Десятовский, *Новые листы сакской рукописи «Е»*, — КСИВАН, XVI, 1955, стр. 68—71.

¹³⁹ «Сказание о Бхадре» (новые листы сакской рукописи «Е»), М., 1965.

ственных языков (живых и мертвых), с другой — учета всего историко-культурного комплекса, историко-культурной обстановки, в которой тот или иной памятник (группа памятников) создавались. В исследованиях памятников древнеиранской письменности принимали участие поэтому не только иранисты-филологи, но и многие специалисты в области истории и истории культуры древнего и средневекового Востока. Авеста и древнеперсидские надписи использовались как источники по истории культуры, истории религии в работах В. В. Струве¹⁴⁰, В. О. Тюрина¹⁴¹, И. М. Дьяконова¹⁴², М. А. Дандамаева¹⁴³, В. А. Лившица¹⁴⁴, В. В. Струве. И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, И. М. Оранский приняли участие в обсуждении вопроса о характере и времени введения древнеперсидской письменности¹⁴⁵. Анализом древнепер-

¹⁴⁰ В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, — ИАН СССР, СИФ, т. I, № 3, 1944, стр. 128—140; его же, Поход Дария I на саков-массагетов, — там же, т. III, № 3, 1946, стр. 231—250; его же, Новые данные истории Армении, засвидетельствованные Бехистунской надписью, — «ИАН АрмССР», ООН, 8, 1946, стр. 31—38; его же, Родина зороастризма, — СВ, V, 1948, стр. 5—34; его же, Датировка Бехистунской надписи, — ВДИ, 1952, № 1, стр. 26—48; его же, Дата похода Дария I на скифов Причерноморья, — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 37—41 и др. работы. Основные работы В. В. Струве, связанные с изучением памятников древнеиранской письменности, собраны теперь в посмертном издании: В. В. Струве, Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968 (многие из этих работ напечатаны здесь в расширенном и дополненном виде).

¹⁴¹ См.: В. О. Тюрин, К установлению значения социально-экономических терминов Бехистунской надписи, — «ТИЯЗ», т. VI, 1956, стр. 499—525; его же, Аншан. Новые чтения и восстановления текста III столбца Бехистунской надписи, — ВДИ, 1962, № 4, стр. 111—130.

¹⁴² См., например, И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 45—56, 382—403, 424 и сл. и др. (рец.: Г. А. Меликишвили, В. И. Абаев, М. А. Дандамаев, — ВДИ, 1958, № 3, стр. 166—176).

¹⁴³ См.: М. А. Дандамаев, Социальная сущность переворота Гауматы, — ВДИ, 1958, № 4, стр. 36—50; его же, Восстание Вахьяздати (из истории народных движений древней Персии), — ВДИ, 1960, № 1, стр. 11—20; его же, К вопросу о династии Ахеменидов, — ПС, 5 (68), 1960, стр. 3—21; его же, Бехистунская надпись и античные авторы о Бардии—Гаумате, — КСИНА, № 46, 1962, стр. 252—258; его же, Uvātaršiyuš amariyatā Бехистунской надписи, — ДМ, 1962, стр. 371—376; его же, Поход Дария против скифского племени тиграхауда, — КСИНА, 1963, № 61, стр. 175—187; его же, Отражение содержания Бехистунской надписи в труде Геродота, — КСИНА, 1963, № 67, стр. 190—192; его же, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, и др.

¹⁴⁴ См. ИТН, I, гл. III и IV.

¹⁴⁵ В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 186—191; И. М. Дьяконов, История Мидии, стр. 366—371; М. А. Дандамаев, Проблема древнеперсидской письменности, — ЭВ, XV, 1963, стр. 24—35; его же, Иран при первых Ахеменидах, стр. 32—60 (см. рец.: И. М. Дьяконов, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 177—179); И. М. Оранский, — ВДИ, 1965, № 1, стр. 209 (в рец. на кн. W. V. G. and M. Maayrhofer, Handbuch des Altperersischen, Wiesbaden,

сидской лексики занимались М. Н. Боголюбов¹⁴⁶ и С. И. Баевский¹⁴⁷. М. Н. Боголюбов и М. А. Дандамаев исследовали древнеиранскую лексику в арамейских¹⁴⁸ и вавилонских¹⁴⁹ письменных памятниках, М. Н. Боголюбов занимался также чтением надписей на печатах из Персеполя¹⁵⁰. Как памятники древнеиранской письменности и древнеиранских языков рассматриваются Авеста и древнеперсидские надписи в работах И. М. Оранского¹⁵¹. Авеста, памятники среднеперсидской, парфянской и согдийской письменности использовались в качестве источника по истории литературы Е. Э. Бертельсом. Ему же принадлежат переводы отрывков из Авесты и отдельная статья по авестийской проблематике¹⁵².

Вопрос об изучении языка новоперсидской классической литературы, языка отдельных авторов и произведений, поставленный еще Залеманом, всегда привлекал внимание иранистов института. Как уже отмечалось, в первые послереволюционные годы была предпринята попытка составить словари к произведениям отдельных авторов классического периода. Важная во многих отношениях, в том числе и для работ по истории персидского и таджикского языков, эта тема вновь была выдвинута перспективным планом Иранского кабинета на 1937—1942 гг., затем в заседании группы иранистов в 1957 г.¹⁵³, однако до сих пор не нашла своего воплощения.

1964); его же, Несколько замечаний к вопросу о времени введения древнеперсидской клинописи, — ВДИ, 1966, № 2, стр. 107—116.

¹⁴⁶ М. Н. Боголюбов, Древнеперсидский месяц *viyahna*, — СВ, 1956, № 1, стр. 173—174; его же, Древнеперсидские этимологии, — ДМ, 1962, стр. 367—370.

¹⁴⁷ С. И. Баевский, Древнеперсидское *magika*, — СВ, 1958, № 1, стр. 98—101.

¹⁴⁸ М. Н. Боголюбов, Иранская лексика ахеменидского времени в арамейских письменных памятниках, — НКИФ, V, Душанбе, 1966, стр. 143—147; его же, Арамейская строительная надпись из Асуана, — ПС, 15 (78), 1966, стр. 41—45. См. также: М. Н. Боголюбов, Арамейская версия кандагарской надписи Ашоки, — ФИСЗАА, I, 1965, стр. 8—10; его же, К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки, — ИАН СССР, СЛЯ, XXVI, вып. 3, 1967, стр. 264—268; его же, Арамейский документ из Авромана, — ВЛУ, 1967, № 2, стр. 121—128; его же, Древнеперсидская глосса в арамейском юридическом документе, — ФИСЗАА, II, 1967, стр. 7—8.

¹⁴⁹ М. А. Дандамаев, Древнеперсидские слова в вавилонских текстах, — НКИФ, V, Душанбе, 1966, стр. 157—158.

¹⁵⁰ М. Н. Боголюбов, Надписи на печатах из Персеполя, — ФИСЗАА, II, 1966, стр. 7—8.

¹⁵¹ И. М. Оранский, Введение, стр. 67—136 и др.; его же, Иранские языки, М., 1963, стр. 38—59 и др.; его же, Письменные памятники на иранских языках народов Средней Азии (до VII—VIII вв. н. э.), — ИТН, т. I, М., 1963, стр. 439 и сл.

¹⁵² Е. Э. Бертельс, Избранные труды, М., 1960, стр. 31—89; его же, Отрывки из Авесты. Перевод с языка Авесты, — «Восток», 1924, № 4, стр. 3—11; его же, Новые работы по изучению Авесты, — УЗИВАН т. III, 1951, стр. 257—271.

¹⁵³ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42; оп. 1 (1957), № 32.

Продолжая традиции В. А. Жуковского¹⁵⁴, многие литературоведы (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев, А. Т. Тагирджанов) стремились отмечать в своих работах наиболее бросающиеся в глаза языковые и орфографические особенности изучаемых произведений¹⁵⁵. Однако специальные лингвистические работы, посвященные анализу языка отдельных произведений или отдельных грамматических категорий, стали появляться лишь в послевоенный период. Едва ли не первым опытом в этом направлении была работа А. Н. Болдырева о перфекте II¹⁵⁶. Углубленно работает над изучением языка ранневоперсидской литературы Л. П. Смирнова, опубликовавшая монографию о языке «Та'рих-и Сйстан» (XI в.) и ряд статей¹⁵⁷. Особый интерес для персидской и таджикской исторической лексикологии представляют работы в области изучения фархангов — средневековых персидско-таджикских толковых словарей. В 50-е годы изучением одного из таких словарей занимался А. К. Арендс¹⁵⁸, ряд работ в этой области принадлежит также С. И. Баевскому¹⁵⁹, подготовившему публикацию обнаруженной им уникальной рукописи персидского толкового словаря XIV в. «Зафангуя ва джаханпуйа», своеобразного свода персидской лексики до XIV в.¹⁶⁰

В дискуссии о становлении новоперсидского литератур-

---

¹⁵⁴ См. И. М. Оранский, Изучение истории таджикского и персидского языков в Петербургском университете, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 151 и сл.

¹⁵⁵ См.: Е. Э. Бертельс, Нур-аль-'улум. Жизнеописание шейха Абү-л-Хасана Харақанӣ, — сб. «Иран», т. III, стр. 163—166; А. Н. Болдырев, Зайнадин Васифи, Сталинабад, 1957, стр. 301 и сл.; «Собранче историй Маджмӯ'ат-таварих». Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, Л., 1960, стр. 12—21; А. Т. Тагирджанов, Памятник таджикского разговорного языка первой половины XVI века, — ИАН ТаджССР, ООИ, вып. 2 (29), 1962, стр. 28—32.

¹⁵⁶ А. Н. Болдырев, Перфект II в новоперсидском литературном языке, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 6, 1946, стр. 490—496.

¹⁵⁷ Л. П. Смирнова, Язык «Та'рих-и Сйстан» (грамматическое описание), Сталинабад, 1959; ее же, Язык «Та'рих-и Сйстан» (грамматика, лексика), Л., 1965 (автореферат канд. дисс.); ее же, Особенности языка «Фәрснама», — КСИНА, № 72, 1963, стр. 102—119, и другие работы. Ею же подготовлен к печати словарь-конкорданс, дающий полную картину лексики «Та'рих-и Сйстан».

¹⁵⁸ А. К. Арендс, Таджикско-персидский глоссарий Хафиза Обехи, — «Труды ИВАН УзбССР», вып. III, Ташкент, 1954, стр. 83—106.

¹⁵⁹ С. И. Баевский, Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги), М., 1962; вып. 5. Двухязычные словари, М., 1968; его же, Редкая рукопись персидского толкового словаря «Тухфат ас-саадат», — КСИНА, № 67, 1963, стр. 160—162; его же, Уникальная рукопись персидского толкового словаря «Фарханг-и зафәнгуя ва джаханпуйа», — НАА, 1965, № 3, стр. 118—121 (перевод на персидский язык: журн. «Пейям-и навин», Тегеран, 1344—1965, т. VII, № 9, стр. 54—59), и другие работы.

¹⁶⁰ См. ниже, стр. 379 и сл.

ного языка и в этой связи о термине «дари» принял участие Е. Э. Бертельс¹⁶¹; две важные работы посвятил этому вопросу А. Н. Болдырев¹⁶².

Из современных иранских языков сотрудниками ИВ изучались персидский и таджикский, в меньшей мере — афганский (пашто), памирские, ягнобский и другие бесписьменные языки и диалекты¹⁶³.

Персидский язык всегда оставался основным предметом иранистического преподавания, и насущные нужды практики требовали создания большого числа учебников, учебных пособий, грамматик, словарей. Помимо уже упоминавшихся работ А. А. Ромаскевича и Ю. Н. Марра должны быть отмечены относящиеся к довоенному периоду учебники и грамматические труды по персидскому языку сотрудников института Е. Э. Бертельса и А. К. Арендса¹⁶⁴. К этому же периоду относятся работы Е. Э. Бертельса о проблемах персидской письменности¹⁶⁵. В изданиях ИВ принимал участие своими работами по отдельным вопросам персидской лексикологии Н. А. Белгородский¹⁶⁶, он же собирал в Иране материалы для словаря торговых и коммерческих терминов.

В 1938 г. в число докторантов, впоследствии (с 1940 г.) научных сотрудников ИВ, вошел ученик А. А. Фреймана и ближайший его помощник по кафедре иранской филологии ЛГУ Л. А. Хетагуров. В 1938—1941 гг. им были подготовлены в качестве докторской диссертации работы «Опыт анали-

---

¹⁶¹ Е. Э. Бертельс, Персидский — дари — таджикский, — СЭ, 1950, № 4, стр. 55—66 (также: Е. Э. Бертельс, К вопросу о происхождении языка дари, — Рабочая хроника ИВ, II, 1944). Критический разбор этой статьи см.: А. А. Семенов, К вопросу о термине «дари» как названии языка, — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. СХХ, Сталинабад, 1960, стр. 189—193.

¹⁶² А. Н. Болдырев, Из истории развития персидского литературного языка, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 78—92; его же, Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества, — ВЯ, 1956, № 4, стр. 31—36.

¹⁶³ Изучение современных иранских языков и диалектов, сделавшее особенно большие успехи в советское время, сосредоточивалось в нашей стране преимущественно в ИЯ АН СССР и других научных учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Душанбе, Баку, Еревана, Тбилиси, Орджоникидзе (см. ОИИИЯ; Расторгуева, Иранские языки).

¹⁶⁴ Е. Э. Бертельс, Грамматика персидского языка, Л., 1926; его же, Учебник персидского языка, Л., 1932; А. К. Арендс, Краткий синтаксис современного персидского литературного языка, М.—Л., 1941.

¹⁶⁵ Е. Э. Бертельс, К вопросу о латинизации персидской письменности, — ЗИВАН, т. III, Л., 1935; его же, Из истории попыток реформы арабского алфавита, — «Культура и письменность Востока», кн. 2, Баку, 1928; кн. 4, 1929.

¹⁶⁶ Н. А. Белгородский, Социальный элемент в персидских именах, прозвищах, титулах и фамилиях, — ЗИВАН, т. I, 1932, стр. 213—242; его же, Современная персидская лексика, М.—Л., 1936; его же, Географические имена в персидских названиях предметов материальной культуры, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 97—103.

за фонологической структуры персидского языка» и «Грамматика персидского языка»¹⁶⁷. Весьма плодотворно начатая Л. А. Хетагуровым научная деятельность была прервана трагической его гибелью в дни блокады Ленинграда, и большинство его трудов, в том числе и названные работы по персидскому языку, не увидели света.

В послевоенный период сотрудниками Иранского кабинета (М. Н. Боголюбов, А. З. Розенфельд, О. И. Смирнова, А. Т. Тагирджанов) под руководством А. А. Фреймана велась большая работа по подготовке персидско-русского словаря. Инструкция и план словаря были составлены М. Н. Боголюбовым, им же осуществлялось редактирование картотеки¹⁶⁸. Впоследствии, в связи с реорганизацией ИВ, эта картотека была передана в Москву и использована при составлении большого персидско-русского словаря, подготовленного к печати иранистами ИВ (Москва). В этот же период М. Н. Боголюбов работал над грамматическим исследованием современного персидского языка¹⁶⁹. Под руководством Боголюбова двумя сотрудниками ИВ были подготовлены кандидатские диссертации, посвященные вопросам о персидском артикле и модальных значениях глагольных форм в современном персидском языке¹⁷⁰.

Изучением глагольных форм современного персидского языка занимались также А. З. Розенфельд и А. М. Мугинов, продолжившие обсуждение поднятого еще Жуковским вопроса о вспомогательных функциях глагола *dāštan*¹⁷¹. Сотрудник ИВ А. И. Фархадян и аспирант В. А. Лившиц приняли участие в работе по исследованию некоторых неясных вопросов персидской фонетики¹⁷².

Развертывание в 20—30-е годы работ по таджикскому языкознанию было связано в первую очередь с практическими задачами культурного и языкового строительства в Таджикистане. В разработке нового (латинизированного) таджикского алфавита, орфографии, установлении норм литературного языка, создании новой терминологии приняли участие

---

¹⁶⁷ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 643.

¹⁶⁸ Там же, № 91.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ М. А. Салахетдинова, Артикль в современном персидском языке, Л., 1954 (автореферат канд. дисс.); С. И. Баевский, Модальные значения глагольных форм современного персидского языка, Л., 1954 (автореферат канд. дисс.).

¹⁷¹ А. З. Розенфельд, Вспомогательная функция глагола *dāštan* в современном персидском языке, — СВ, V, 1948, стр. 305—310; А. М. Мугинов, Об употреблении персидского глагола *даштāн* для передачи значения ближайшего будущего времени, — ОИРВ, V, 1960, стр. 136—139.

¹⁷² См. В. С. Соколова, В. А. Лившиц и А. И. Фархадян, Новые сведения по фонетике иранских языков. II, — «ТИЯЗ», т. I, 1952, стр. 172—192.

А. А. Фрейман¹⁷³, Е. Э. Бертельс, С. И. Климчицкий¹⁷⁴. Большое значение имела начавшаяся в 30-е годы лексикографическая работа, в которой приняли участие Е. Э. Бертельс, С. И. Климчицкий, А. З. Розенфельд, О. И. Смирнова. На основе составленной в ИВ и ТБАН словарной картотеки был издан в 1946 г. первый том таджикско-русского словаря¹⁷⁵, сыгравший важную роль в развитии таджикской лексикографии. Е. Э. Бертельс был также главным редактором русско-таджикского (1949) и таджикско-русского (1954) словарей. В составлении обоих словарей принимала участие А. З. Розенфельд, а в работе над вторым из них и Л. П. Смирнова. Изучение грамматического строя таджикского языка было включено в план Иранского кабинета ИВ на 1938—1942 гг.¹⁷⁶, в послевоенные годы над этими вопросами работали А. З. Розенфельд¹⁷⁷, Б. Н. Ниязмухаммедов¹⁷⁸, Д. Т. Таджиев¹⁷⁹. В связи с работами по таджикскому фольклору важные сведения о дарвазских и бадахшанских говорах таджикского языка были собраны в 30-е годы С. И. Климчицким¹⁸⁰ и А. Н. Болдыревым¹⁸¹. К 30-м годам относится также начало многолетних работ А. З. Розенфельд по изучению говоров горного Таджикистана — каратегинских, дарвазских, ванджских, бадахшанских¹⁸². Ей же принадлежит ряд исследований

¹⁷³ См.: [А. А. Семенов], О новом таджикском (латинизированном) алфавите, — «Изв. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1928, стр. 242—247.

¹⁷⁴ См. «К вопросу об едином литературном таджикском языке, терминологии и латинизированном таджикском алфавите» (Материалы работ Комиссии по подготовке Научно-лингвистического съезда в Сталинабаде), Сталинабад, 1930; С. И. Климчицкому принадлежит также учебник таджикского языка для средней школы («Savodi toçiki», Таджгиз, изд. 1931, 1932 и 1933 гг.).

¹⁷⁵ «Таджикско-русский словарь», т. I, Сталинабад — Ташкент, 1946.

¹⁷⁶ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. I (1937), № 42.

¹⁷⁷ См. А. З. Розенфельд, Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке, Сталинабад, 1953; ее же, Глагол, Сталинабад, 1954 и др. работы.

¹⁷⁸ Список трудов см. в кн.: «Академия наук Таджикской ССР. Центральная научная библиотека. Материалы к библиографии ученых Таджикистана», вып. 6. Бободжан Ниязмухаммедович Ниязмухаммедов», Душанбе, 1966.

¹⁷⁹ О нем: Р. Джураев и А. Юнусов, Дададжан Таджиевич Таджиев (Краткий очерк жизни и научно-педагогической деятельности с приложением библиографии), Душанбе, 1965.

¹⁸⁰ С. И. Климчицкий, Дарвазские фахлавийот, — ТТБАН, т. IX, М — Л., 1940, стр. 65—93.

¹⁸¹ А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, — СВ, V, 1948, стр. 275—295 и особенно 280—287.

¹⁸² Основные работы: А. З. Розенфельд, Дарвазские говоры таджикского языка, — «ГИЯЗ», т. VI, М., 1956, стр. 196—272; ее же, Говоры Каратегина, Сталинабад, 1960 (рец.: G. L a z a g d, — BSLP, t. 57, fasc. 2, 1962, стр. 52—53); ее же, Ванджские говоры таджикского языка, Изд ЛГУ, 1964 (рец.: G. L a z a g d, — BSLP, t. 60, fasc. 2, 1965, стр. 36); ее же, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Памире, — ВЛУ, № 20, ИЯЛ, вып. 4, 1963, стр.

по классификации таджикских говоров, изучению таджикско-памирских и таджикско-персидских языковых отношений, таджикской топонимии и гидронимии¹⁸³. Некоторые сведения по аргю так называемых среднеазиатских цыган (на таджикской основе) были опубликованы в 1948 г. А. Л. Троицкой¹⁸⁴. В 50—60-е годы изучением таджикских диалектов (и аргю) некоторых этнографических групп Таджикистана (преимущественно выходцев с левобережья Амударьи) занимался И. М. Оранский¹⁸⁵. Вопросу о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков посвящена одна из работ А. К. Боровкова¹⁸⁶.

В период эвакуации ИВ в Ташкент в его работе принимали участие маститые среднеазиатские иранисты член-корр. АН СССР М. С. Андреев (1873—1948) и А. А. Семенов (1873—1958), сыгравшие видную роль в изучении иранских языков и диалектов Средней Азии¹⁸⁷, а также известный ленинградский иранист — историк и искусствовед, член-корр. АН СССР К. В. Тревер.

Изучение памирских языков, поставленное на научную основу акад. Залеманом, сосредоточивалось в советскую эпоху

107—112; ее же, Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, Л., 1966 (автореферат докт. дисс.).

¹⁸³ См. А. З. Розенфельд, Некоторые вопросы таджикской диалектологии, — ВЛУ, 1951, № 7, стр. 32—40; ее же, К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях, — «ТИЯЗ», т. VI, М., 1956, стр. 273—280; ее же, Таджикско-персидские языковые отношения (по материалам лексики), — УЗ ЛГУ, № 294, СВН, вып. 12, 1961, стр. 12—42; ее же, Название «лянгар» в топонимике Таджикистана, — ИВГО, 1940, т. 72, вып. 6, стр. 861—864; ее же, Материалы по этнографии и топонимике Ванча, — там же, 1953, т. 85, вып. 4, стр. 393—404; ее же, Заметки по гидронимии Юго-Восточного Таджикистана, — «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964, стр. 175—183, и другие работы.

¹⁸⁴ См. А. Л. Троицкая, Abdoltili — аргю цеха артистов и музыкантов Средней Азии, — СВ, V, 1948, стр. 256—257.

¹⁸⁵ См. И. М. Оранский, Новые сведения о секретных языках (аргю) Средней Азии [I]. Этнографическая группа «кавол» в Кулябе и ее аргю, — КСИНА, № XL, 1961, стр. 62—71; [II]. Материалы для изучения аргю этнографической группы джуги (Гиссарская долина), — «Иранская филология», Л., 1964, стр. 62—75; его же, Индо-иранские диалекты Гиссарской долины... Материалы и исследования, Л., 1967 (автореферат докт. дисс.), и другие работы.

¹⁸⁶ См. А. К. Боровков, Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков, — УЗИВАН, т. IV, 1952, стр. 155—200.

¹⁸⁷ Об их языковедческих работах см.: ОИИИЯ; Расторгуева, Иранские языки; см. также: А. К. Писарчик, Михаил Степанович Андреев, — «Памяти Михаила Степановича Андреева», Труды ИИАЭ, т. СХХ, 1960, стр. 3—29 (со списком трудов, описанием архива и портретом); Д. Г. Вороновский [и др.], Библиография научных работ А. А. Семенова, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова» («Труды ИИАЭ», т. XVII, 1963, стр. 7—24); Некролог А. А. Семенова и дополнения к библиографии см.: ПВ, 1959, № 1, стр. 240—243.

преимущественно в Институте языкознания АН СССР (проф. И. И. Зарубин и его ученики), а также в научных учреждениях Средней Азии (проф. М. С. Андреев, А. К. Писарчик и др.)¹⁸⁸. Из сотрудников ИВ памирскими языками активно занимался в 30-е годы С. И. Климчицкий, опубликовавший ваханские тексты со словарем и статью о секретном языке у ягнобцев и язгулемцев¹⁸⁹. Им же были подготовлены не увидевшие света публикации фольклорных материалов на памирских языках, работы по классификации шугнанских диалектов, по язгулемскому и сарыкольскому (тексты со словарем и комментарием) языкам¹⁹⁰.

Больше внимания уделялось сотрудниками ИВ ягнобскому (новосогдийскому) языку, изучение которого ставилось всегда в тесную связь с согдологическими исследованиями. Сбор материалов и исследования по ягнобскому языку, начатые русскими исследователями еще в последней четверти XIX в., успешно продолжались в советское время¹⁹¹. Из сотрудников ИВ в этой работе приняли участие С. И. Климчицкий, Л. А. Хетагуров, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц. Из материалов экспедиции С. И. Климчицкого и Л. А. Хетагурова в Ягноб (1934) опубликованы одна сказка, статья о секретном языке у ягнобцев, а также статья о распространении ягнобского языка¹⁹². Эти же материалы были использованы С. И. Климчицким в работах об ягнобско-согдийских соответствиях и о названии Согдианы в топонимике Таджикистана¹⁹³.

В 1947 и 1952 гг. записи ягнобских текстов производил

---

¹⁸⁸ См. В. С. Соколова и А. Л. Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 118—129; Д. И. Эдельман, Современное состояние изучения памирских языков, — ВЯ, 1964, № 1, стр. 128—133; Д. Карамшоев, Памир — лингвистический музей, — КТ, 27.IV.1966, № 98 (10758).

¹⁸⁹ С. И. Климчицкий, Ваханские тексты, — ТТБАН, т. III, М.—Л., 1936, стр. 75—124; его же, Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 104—117.

¹⁹⁰ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301; там же, оп. 1 (1934), № 39. С. И. Климчицкий принимал также участие в написании первого, по-видимому, учебного пособия на шугнанском языке (см. Sajid Şarîf, Mubarakşojef Zinatşojef, Klimciekij, Inqilobi madani Pöndand. Maktabent. Çät, Stalinobod, 1932).

¹⁹¹ См. И. М. Оранский, Введение, стр. 372, 376—377, 392; ОИИИЯ, стр. 129 и сл.

¹⁹² С. И. Климчицкий, Ягнобская сказка, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 94—103; его же, Ягнобцы и их язык, — ТТБАН, т. IX, 1940, стр. 137—139; см. также прим. 189. Подготовленная С. И. Климчицким работа по ягнобской диалектологии не увидела света (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 301, л. 11). Не увидели света также материалы, собранные в этой экспедиции Л. А. Хетагуровым (18 сказочных текстов, словарь ок. 2 тыс. слов, фонетические записи). См. там же, № 643.

¹⁹³ С. И. Климчицкий, Ягнобско-согдийские соответствия, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 15—25; его же, Название Согдианы в топонимике Таджикистана, — там же, стр. 9—13.

М. Н. Боголюбов, использовавший их затем в своей докторской диссертации. Ему же принадлежат несколько статей по вопросу об ягнобско-согдийских соответствиях и грамматический очерк ягнобского языка¹⁹⁴. В. А. Лившиц принял участие в издании ягнобских текстов, собранных М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой (1924 и 1927 гг.), и в составлении приложенного к текстам словаря, представляющего на сегодняшний день наиболее полное собрание ягнобской лексики¹⁹⁵. Этот словарь снабжен В. А. Лившицем грамматическим комментарием и сравнительным материалом по согдийскому и другим восточноиранским языкам.

Научное изучение и преподавание афганского языка (пашто), начатое в стенах АМ и Петербургского университета акад. Б. А. Дорном, прервалось уже в 50-е годы XIX в. и было возобновлено в отечественной иранистике лишь 80 лет спустя, уже в советское время. Из сотрудников ИВ афганским языком занимались Е. Э. Бертельс, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, В. В. Кушев, А. Н. Рагоза. Е. Э. Бертельсу принадлежит общая работа по афганской грамматике¹⁹⁶, статья по диалектологии, редактирование первого афганско-русского словаря¹⁹⁷. С его именем связана также попытка организации в 30-е годы преподавания афганского языка в ЛВИ. С 1948 г. по инициативе А. А. Фреймана преподавание афганского языка было возобновлено М. Н. Боголюбовым после почти столетнего перерыва на Восточном факультете ЛГУ. Воспитанники ЛГУ занимались изучением глагольной системы¹⁹⁸, системы местоимений¹⁹⁹, отчасти так-

¹⁹⁴ М. Н. Боголюбов, Ягнобский язык, — «Языки народов СССР», т. I, Индоевропейские языки, М., 1966, стр. 342—361. См. также прим. 124.

¹⁹⁵ М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957 (рец.: E. Benveniste, — BSLP, t. 54, fasc. 2, 1959, стр. 79—81).

¹⁹⁶ Е. Э. Бертельс, Строй языка пушту, Л., 1936. Составление грамматики пашто планировалось Иранским кабинетом на 1937—1942 гг. (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42), однако эта работа, как и начатая работа над афганско-русским словарем, не была осуществлена в связи с войной; небольшая картотека словаря сохранилась в Иранском кабинете.

¹⁹⁷ Е. Э. Бертельс, Кандахарское наречие языка пушту, — «Советское языкознание», I, 1935, стр. 173—181; Краткий афганско-русский словарь. Составил П. Б. Зудин. Под ред. члена-корр. АН СССР, проф. Е. Э. Бертельса. Около 12 тыс. слов, М., 1950 (с приложением: Е. Э. Бертельс, Краткие сведения об афганском языке, его фонетике и письме).

¹⁹⁸ И. М. Оранский, Грамматические категории вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто), Л., 1951 (автореферат канд. дисс.); его же, О грамматических категориях вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто), — УЗТГУ, т. II, СГН, Сталинабад, 1954, стр. 201—233.

¹⁹⁹ В. А. Лившиц, Местоимения в афганском языке (пашто), М., 1952 (автореферат канд. дисс.); его же, Указательные местоимения в афганском языке (пашто), — «ИАН ТаджССР», ООН, вып. 9, 1956, стр. 121—140; его же, Лично-направительные местоимения в афганском

же историей афганского языка²⁰⁰. В настоящее время исследованием первого грамматико-лексикографического сочинения о языке пашто занимается В. В. Кушев²⁰¹.

Широкий круг привлеченных к исследованию иранских языков — древних и современных — обеспечивал возможность постановки работ, посвященных общим вопросам иранской филологии и иранского языкознания, истории и исторической диалектологии иранских языков, этимологических исследований. О работах А. А. Фреймана говорилось уже выше. Из его учеников — сотрудников ИВ в этом направлении работали Л. А. Хетагуров, О. И. Смирнова, М. Н. Боголюбов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский, С. И. Баевский, А. Н. Рагоза.

Л. А. Хетагуров в конце 30-х годов осуществил большую работу по категории рода в иранских языках, опубликованную лишь частично²⁰². Вопросом об исторических корнях сложных глаголов с *istodan* и *mondan* в таджикском занималась О. И. Смирнова²⁰³. М. Н. Боголюбов помимо уже упоминавшихся работ по древнеперсидскому, согдийскому, хорезмийскому и ягнобскому языкам опубликовал ряд этимологических исследований по ваханскому, осетинскому и среднеиранским языкам, по истории иранских языков в целом²⁰⁴. Преподаванием и изучением истории персидского и таджикского языков занимались М. Н. Боголюбов, К. В. Кауфман,

языке (пашто), — УЗСПГИ, т. XVIII, СФ, вып. 8, Сталинабад, 1959, стр. 73—105.

²⁰⁰ См.: И. М. Оранский, Этимологические заметки [I]. К этимологии афганского *wi-*, — «ИАН ТаджССР», ООН, вып. 12, 1957, стр. 77—79; его же, Афганское *wi-* — персидское *bi-*, — КСИНА, № 67, 1963, стр. 95—98; А. Н. Рагоза, Древнеиранские группы согласных и их отражение в афганском языке (пушту), — УЗ ЛГУ, № 294; СВН, вып. 12, 1961, стр. 62—69.

²⁰¹ См. В. В. Кушев, Первое грамматико-лексикографическое сочинение о языке пашто и его место в афгановедении, — ПИКНВ, III, 1967, стр. 21—22.

²⁰² Л. А. Хетагуров, Категория рода в иранских языках, — УЗ ЛГУ, № 20, СФ, вып. I, Л., 1939, стр. 50—97.

²⁰³ О. И. Смирнова, Сложные глаголы с *istodan* и *mondan* в таджикском языке и их исторические корни, — СВ, V, 1948, стр. 297—304.

²⁰⁴ М. Н. Боголюбов, К этимологии ваханского вспомогательного глагола *тэй-*: *ту-* (быть), — ИАН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. 4, 1947, стр. 339—340; его же, Еще раз об осетинских *дән*, *дә*, — УЗ ЛГУ, № 179, СВН, вып. 4, 1954, стр. 251—254; его же, Осетинский преверб *ц-*, — ВЛУ, 1960, № 14, стр. 138—139; его же, Несколько иранских этимологий, — «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 102—108; его же, К истории модально-временных отношений в иранских языках, — «Лен. гос. университет. Научная сессия 1953/1954 г. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Л., 1954, стр. 27—29; его же, Пролетические конструкции в иранских языках, — ФИСЗАА, I, 1965, стр. 10—11; его же, Вопросы исторического ударения в иранских языках, — «Лен. гос. университет. Научная сессия 1954—1955 гг. Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», Л., 1955, стр. 27—28.

В. А. Лившиц²⁰⁵, И. М. Оранский²⁰⁶. В. А. Лившицу принадлежит также обзор иранских языков народов Средней Азии²⁰⁷.

Опыт обобщения накопленного к концу 50-х годов материала — обзор и классификация группы иранских языков на разных этапах ее исторического развития в связи с историей и историей культуры ираноязычных народов — был сделан И. М. Оранским²⁰⁸. Им же опубликован обзор письменных памятников на древних иранских языках народов Средней Азии²⁰⁹.

Приведенный обзор работ по древнеиранской филологии и иранскому языкознанию, выполненных и выполняемых сотрудниками АМ — ИВ, убеждает в том, что взятое направление успешно развивается и отвечает насущным потребностям развития иранистики. В то же время выявляется необходимость направить усилия на осуществление невыполненных задач, подготовленных развитием иранистической науки в стенах ИВ и стоящих перед нынешним поколением советских иранистов. Среди этих задач историческая грамматика персидского и афганского языков, история литературных персидского и таджикского языков, сравнительно-историческая грамматика и этимологический словарь иранских языков в целом.

---

²⁰⁵ В. А. Лившиц, О внутренних законах развития таджикского языка, — «ИАН ТаджССР», ООИ, вып. 5, 1954, стр. 87—102.

²⁰⁶ И. М. Оранский, Об основных принципах построения курса «История таджикского языка», — «Уч. зап. Сталинабадского гос. жен. пед. ин-та», т. I, Сталинабад, 1957, стр. 223—244; его же, Из очерков по исторической фонетике таджикского языка, — «Вопросы таджикского языка и литературы» (УЗСПГИ, т. XVIII, СФ, вып. 8), Сталинабад, 1959, стр. 106—119; его же, О курсе «Истории персидского и таджикского языков» в системе университетского иранистического образования, — «Ир. фил.», IV, Ташкент, 1966, стр. 46—59, и другие работы.

²⁰⁷ См. НСАК, I, 1962, стр. 131—158.

²⁰⁸ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960; его же, Иранские языки, М., 1963.

²⁰⁹ См. ИТН, I, М., 1963, стр. 431—463, 556—565.

С. И. БАЕВСКИЙ и З. Н. ВОРОЖЕЙКИНА

Новоиранская филология. Литературоведение

К середине 1842 г., когда директором АМ стал известный ирановед Дорн, музей располагал уже значительным собранием материалов для ведения иранистических исследований.

Наряду с 20-тысячной коллекцией восточных монет, большую часть которой составляли монеты иранские (в том числе доисламские) и среднеазиатские, в АМ была собрана также ценная коллекция памятников персидской письменности.

Персидская часть коллекции Руссо насчитывала более двухсот списков и представляла собой искусно подобранную рукописную библиотеку лучших произведений персидской литературы по истории, фольклору, религии, астрономии. Преобладающую и ценнейшую часть коллекции Руссо составляла поэзия и художественная проза в лучших образцах великих классиков: Анвари, Саади, Хафиза, Аттара, Джамии и др.

Поступления персидских рукописей ближайших лет дополнили это собрание хотя и единичными, но редкими списками не представленных ранее географических и исторических сочинений.

Первоначальный разбор персидского рукописного фонда АМ, так же как и самые ранние информации в печати о его составе, являются заслугой его первого директора — акад. Х. Д. Френа. Первая статья, содержащая сведения о персидских рукописях, была опубликована Френом уже в 1819 г.¹ Этим годом мы и должны датировать зарождение персидской филологии — старейшей наравне с арабской отрасли научно-востоковедения в стенах АМ.

Первая отечественная публикация персидской рукописи относится, по-видимому, к 1824 г., когда хранитель АМ арабист М. Г. Волков, владевший и персидским языком, напечатал во французском переводе небольшой фрагмент персид-

---

¹ Ф р е н, Предварительное донесение, 1819.

ского дорожника из Семипалатинска в Кашмир². В 1826 г. он же выступил со статьей, посвященной персидской рукописи АМ «Шериф-наме»³.

Крупнейший арабист и нумизмат своего времени Френ положил начало многим важнейшим направлениям научной деятельности АМ. Уже в 1819 г. им была поставлена задача создания печатного каталога так называемых мусульманских рукописей, о чем он сообщил в одной из статей⁴. Незавершенный каталог Френа, впервые систематизировавший по отраслям знания персидский (как арабский и тюркский) фонд, был самым ранним опытом каталогизации рукописных собраний АМ.

Ранние научные традиции АМ, прежде всего отношение к собранию восточных рукописей не как к коллекции музейных экспонатов, а как к базе научного исследования, успешно развил Б. А. Дорн, которому Х. Д. Френ еще при жизни передал руководство музеем.

Первый ирановед в стенах АМ Б. А. Дорн оставил заметный след в развитии нумизматики и историографии Востока; особенно велики его заслуги перед отечественным востоковедением в области изучения иранских языков и диалектов.

Персидская филологическая наука (в ее классических формах исследования письменных памятников и текстологических изысканий) также многим обязана деятельности Б. А. Дорна. При нем, с 1842 по 1881 г., собрание персидских рукописей увеличилось втрое. Как отдельные списки, так и более или менее значительные коллекции рукописей, приобретаемые в основном в Средней Азии и Иране, поступали в АМ почти ежегодно и тотчас получали освещение в систематических печатных информационных Дорна о новых приобретениях. Публикуемые списки рукописей содержали в необходимых случаях краткие аннотации и ссылки на имеющуюся литературу⁵.

В сфере пристального внимания Дорна, так же как ранее Френа, а впоследствии К. Г. Залемана, находились и собрания рукописей других хранилищ Петербурга. В 1844—1869 гг. Дорн совмещал работу в АМ со службой в ГПБ, где

---

² M. Wolkoff, *Route depuis Semipalatnoy jusqu'à Cachemir*, — JA, t. IV, Paris, 1824, стр. 226—229.

³ M. Wolkow, *Notices sur l'ouvrage persan intitulé Scheref Name accompagnée de quelques renseignements sur son auteur*, — JA, t. VIII, Paris, 1826, стр. 291—298.

⁴ Index librorum manuseriptorum Arabicorum, Persicorum et Turcicorum, qui in Museo Asiatico Acad. Scient. asservantur. Dorn, As. Mus., стр. 110, 209—210.

⁵ Библиографический указатель работ Дорна и Френа, содержащих списки поступивших в музей персидских рукописей, см.: О. Ф. Аким ушкин, Ю. Е. Борщевский, *Материалы для библиографии работ о персидских рукописях*, — НАА, 1963, № 3, стр. 169—172; № 6, стр. 228—241.

заведовал Отделением восточных языков, ориенталистики и богословия. На материалах фонда Публичной библиотеки Дорн издал в 1852 г. первый в отечественном востоковедении каталог восточных рукописей, где были описаны 254 персидские рукописи⁶, составлявшие более четверти всего рукописного собрания библиотеки. Каталог Дорна, выполненный с учетом всех требований науки своего времени, и ныне не имеет ни замены, ни продолжения.

С именем Дорна связаны в отечественном востоковедении и первые крупные труды по персидской текстологии. Опубликованные им в течение 1850—1858 гг. персидские тексты по истории Гиляна и Мазандарана, составившие серию из пяти объемистых томов⁷, по методике критико-филологической работы и четкости научного аппарата стоят на уровне современных требований науки. До настоящего времени эти публикации, дополненные введением исследовательского характера и научным обзором источников, остаются наиболее полным сводом материалов по истории прикаспийских областей.

Дорну принадлежат и более ранние критические публикации персидских рукописных источников (в отрывках), использованных им в пятитомной серии по истории Кавказа: Хафиз-и Абру, персидского перевода ал-Истахри, Хафт Иклим и Нузхат ал-Кулуб⁸.

В универсальной научной деятельности Дорна нашли место и литературоведческие работы: он опубликовал фрагменты из дивана афганского поэта Абдаррахмана; в приложение к грамматике афганского языка (пашто) издал отрывки из диванов Абдаррахмана и Мирзы Ансари; в хрестоматию по языку пашто включил извлечения из рукописей, содержащих произведения художественной прозы и поэзии, издал собрание стихотворений Эмира Пазевари (на мазандеранском языке)⁹.

Б. А. Дорн оставил свыше ста сорока опубликованных ра-

---

⁶ «Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg. St. Pbg., 1852. Персидские рукописи систематизированы по тематическим разделам, даны названия сочинений, основные сведения об авторе, краткая характеристика рукописи.

⁷ «Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres», hrsg., übersetzt und erläutert von B. Dorn, Th. I—V, St.-Pbg., 1850—1858.

⁸ Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Asem-El-Kufy u. a., — Mém., VI ser., t. VI, 1844, стр. 445—601; Geographica, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy, — Mém., VI ser., t. VII, 1847, стр. 465—569.

⁹ Proben aus dem Diwan des afghanischen Dichters Abdurrahman, — Bull. sc., 1836, t. I, № 7, стр. 54—55; Auszüge aus afghanischen Schriftstellern, — Mém., ser. VI, t. V, 1845, стр. 581—643; A Chrestomathy of the Pushtu or Afghan language, St.-Pbg., 1847. Материалы к познанию иранских наречий, ч. 2, вып. 1 и 3. Мазандеранское наречие. Собрание стихотворений Эмира Пазевари, СПб., 1866.

бот, в значительной степени основанных на рукописных и нумизматических материалах АМ¹⁰.

Через девять лет после смерти Дорна руководство АМ принял на себя К. Г. Залеман — крупнейший иранист с мировым именем¹¹, обладавший редким знанием восточной библиографии и многолетним опытом хранения и каталогизации книг, приобретенным им за годы работы в университетской библиотеке (1871—1890) и во время европейских поездок, предпринятых им для знакомства с крупными библиотеками Лейпцига, Копенгагена, Берлина и Марбурга.

В результате целенаправленных поисков рукописей и старопечатных книг, предпринятых К. Г. Залеманом, неоднократно археографических экспедиций в Среднюю Азию и Иран, активных связей с библиотеками мира один только фонд персидских рукописей вырос за годы его работы на 1291 единицу¹²; более сотни персидских манускриптов передал в АМ сам Залеман¹³.

Стремительный рост фондов требовал повседневной напряженной работы по регистрации, хранению, научной обработке; львиную долю этого специфического труда, сочетающего неблагодарную техническую работу с утонченной эрудицией исследователя, выполнял сам Залеман¹⁴.

Укрепляя сложившуюся традицию, Залеман систематически помещал в печати информационные списки, вводящие в научный обзор вновь поступающие в АМ персидские рукописи¹⁵.

Замечательное искусство текстолога показал Залеман в своих публикациях, наметивших дальнейшие пути развития персидской текстологической науки. В качестве примера достаточно упомянуть издание персидского толкового словаря XIV в. «Мийар-и Джамали», который считался утерянным и был идентифицирован Залеманом по неуставленной рукопи-

¹⁰ См. основную библиографию работ Б. А. Дорна: Ливотова и Португаль, Востокведение, № 701—820.

¹¹ См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 79—115.

¹² Одним из активнейших поставщиков рукописей был ученик Залемана Л. Ф. Богданов; по заданию Залемана он купил для АМ в Иране 222 рукописи (174 персидских). Аналогичные поручения были возложены на В. А. Иванова, А. Ф. Хашаба, А. А. Семенова (см. Отчет РАН за 1918 г., стр. 102).

¹³ Обзор одной из собранных им коллекций см.: К. Г. Залеман, Отчет о поездке в Среднюю Азию, Приложение II. Список рукописей, приобретенных в Туркестанском крае летом 1897 г., — ИИАН, 1898, сер. V, т. VIII, стр. VI—VIII, XI—XIV.

¹⁴ В отчете о работе АМ за 1908 г. сообщается, что Залеман обработал более 2 тыс. мусульманских рукописей и закончил вчерне алфавитный каталог входящих в них сочинений, — Отчет ОФМ и ОИФ за 1909 г., стр. 96.

¹⁵ Акимушкин, Борщевский, Материалы для библиографии, стр. 172—173.

си. Залеман составил критический текст словаря¹⁶ по единственному и не вполне надежному списку, использовав для восстановления лакун и искажений манускрипты сочинений позднейших лексикографов, цитировавших «Мийар-и Джамали». Как издание и исследование этого словаря, являющегося по сути дела словарем рифм — четвертой частью известного поэтологического трактата XIV в., так и публикация персидско-турецкого фарханга «Лугат-и Шах-наме»¹⁷, сохранившего 1700 цитат из «Шах-наме» Фирдауси, весьма полезных для восстановления подлинного текста эпоса, небезынтересны для литературоведения.

Никогда не считавший себя литературоведом, Залеман проявлял серьезный интерес и к этой области иранистики. Первое монографическое и текстологическое исследование на русском языке, посвященное персидскому поэту, принадлежало именно ему — это была магистерская диссертация «Четверостишия Хакани»¹⁸. Во введении автор подчеркнул резкое несоответствие исключительной эстетической и историко-литературной ценности персидской поэзии, ее роли в истории всемирной литературы со скудостью сведений о ней, которые за сто с лишним лет обращения к предмету накопила европейская иранистика¹⁹.

Отмечая основную трудность — отсутствие надежной текстологической базы, Залеман считал главной задачей персидского литературоведения создание критических текстов. В качестве первого опыта такого рода он и рассматривал свою критическую публикацию двухсот тридцати четверостиший Хакани, дополненную глоссарием: создание авторских словарей Залеман считал задачей большой научной важности.

Первостепенное значение придавал он научной каталогизации рукописей — введению в обиход науки печатных систематизированных сводов, сохранившихся до нашего времени рукописных книг. Ученым было задумано создание трех крупных каталогов: каталог рукописей лексикографического содержания, имеющихся в отечественных собраниях, осуществленный частично в исследовательской рецензии Залемана на

¹⁶ C. Salemann, Shams i Fachrii Ispahanensis Lexicon Persicum id est libri Mi'jar i Gamali, pars quarta, Fasc. prior: textum et indices continens Casani, 1887.

¹⁷ C. Salemann, Abdulqâdiri Bagdâdensis Lexicon Sahnâmianum cui accedunt eiusdem auctoris in Lexicon Sâhidianum commentariorum turcici particula prima, arabici excerpta, Petropoli, 1895.

¹⁸ «Четверостишия Хакани», СПб., 1875.

¹⁹ Европейская наука располагала к этому времени только двумя общими трудами по новоперсидской литературе: «Geschichte der schönen Redekünste Persiens, mit einer Blütenlese aus zweyhundert Dichtern von Joseph von Hammer», Wien, 1818 — не вполне надежным переложением персидских тезкире Даулатшаха и Сам-Мирзы; «Biographical Notices of Persian Poets», by G. Ouseley, London, 1846, представляющей краткие биографические заметки о тридцати поэтах и писателях.

книгу П. Лагарда²⁰; сводный каталог мусульманских рукописей АМ, подготовительным материалом к которому были информационные статьи Залемана и тысячи написанных им от руки карточек; и, наконец, «каталог каталогов» — грандиозный труд, в который, по выражению С. Ф. Ольденбурга, Залеман вложил «...поистине изумительное знание персидских рукописей наших и европейских собраний» и который должен был послужить твердой почвой для изучения истории персидской письменности. Крайняя загруженность Залемана помешала ему, к сожалению, осуществить до конца этот, как и ряд других замыслов.

«Залемановский» период (1890—1916 гг.) составил целую эпоху в истории АМ. Музей превратился в одно из крупнейших в мире хранилищ памятников письменной культуры народов Востока, располагал богатейшей научной библиотекой по востоковедению²¹. АМ стал для мировой ориенталистики основным центром информации обо всем, что касалось русского востоковедения, которое к началу XX в. сконцентрировалось вокруг его коллекций.

Царившая в АМ атмосфера углубленного внимания к рукописи во многом определялась и деятельностью ст. ученого хранителя ираниста Ф. А. Розенберга. С 1918 г., после смерти ст. хранителя О. Э. Лемма, Ф. А. Розенберг становится фактическим руководителем всей повседневной внутренней жизни АМ, учредив свою, как вспоминает И. Ю. Крачковский, «совершенно своеобразную кафедру в Азиатском музее»²² по подготовке новых работников — знатоков обширных рукописных, архивных и книжных фондов. Розенберг осуществлял широкие научные связи с хранилищами мира, отвечал на все увеличивавшийся поток запросов, поступавших в АМ из других городов и стран²³.

Проникновенные строки посвятил хранительской деятельности Розенберга И. Ю. Крачковский в книге «Над арабскими рукописями». Четвертой главе книги автор дал подзаголовок «Памяти Ф. А. Розенберга»²⁴.

Только ничтожная часть многотрудной деятельности Розенберга как хранителя АМ нашла отражение в печати: это

---

²⁰ C. Salemann, Paul de Lagarde Persische Studien. Göttingen, 1884 — Litteraturblatt für orientalische Philologie, Bd II, Leipzig, 1884, стр. 74—86.

²¹ Научная библиотека К. Г. Залемана, насчитывающая около 1500 изданий по иранистике, влилась в 1917 г. в Библиотеку АМ (см. Отчет РАН за 1917, стр. 105).

²² И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. V, стр. 374.

²³ В архиве Ф. А. Розенберга хранится обширная переписка его с крупнейшими востоковедами его времени — свыше пятидесяти корреспондентов (ЛО ААН, ф. 850; ТААН, вып. 16, стр. 276—277).

²⁴ И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. I, стр. 60.

статья о поступлении персидских рукописей и три обзора для книги «Азиатский музей. Краткая памятка»²⁵.

В широком диапазоне научных занятий Ф. А. Розенберга значительное место занимало изобразительное искусство Ирана. Ф. А. Розенберг посвятил специальные исследования персидским тканям, коврам, сасанидскому серебру и резным камням²⁶. Предметом особого его внимания начиная с 1920 г. были позднеиранская и индийская живопись, прежде всего персидская миниатюра²⁷, в изучении которой Розенберг не имел предшественников. Осталась незавершенной самая большая искусствоведческая работа сводного характера — научное описание всех мусульманских миниатюр ленинградских собраний, над которым Розенберг работал совместно с сотрудником АМ арабистом-литературоведом В. А. Эbermanом. Последний, кстати сказать, занимался мало разработанной и до настоящего времени темой, лежащей на стыке арабского и персидского литературоведения, которая в обиходе именовалась «персы среди арабских поэтов». В своих работах Эberman²⁸ стремился проследить историю общей ирано-арабской литературной среды, которая, с одной стороны, породила молодую новоперсидскую поэзию, а с другой — способствовала культурному перерождению бедуинской арабской поэзии.

Неблагоприятные обстоятельства, связанные с ограниченностью полиграфической базы в 30-е годы, помешали опубликованию основного труда Розенберга — критического текста «Шах-наме» Фирдауси, который он подготовил, предполагая завершить известное издание Вуллерса-Ландауэра, остановившееся на трех томах (1877, 1879, 1884). Текст, подготовленный Розенбергом, в объеме 10 200 бейтов наименее известной исторической части «Шах-наме» по уровню критической работы, основанной в определенной мере и на рукописном материале, оставлял далеко позади своих западноевропейских предшественников. Он должен был составить четвертый том полного издания эпопеи²⁹.

²⁵ «Список мусульманских рукописей, поступивших в Азиатский музей за первое полугодие 1919 г.», — ИРАН, 1919, т. XIII, № 11, стр. 485—488. Розенбергу принадлежит общее редактирование книги и статьи по истории фондов: «Отделение книг на европейских языках», стр. 1—5; «Персидские рукописи и печатные книги», стр. 20—23; «Иран», стр. 28—32.

²⁶ См. список печатных работ Ф. А. Розенберга (ИАН СССР, сер. VIII, 1935, № 10, стр. 910—911).

²⁷ Персидская миниатюра конца XVI века работы Али Риза-и Аббаси (ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 177—189); Об индо-персидской и ново-индийской живописи («Восток», кн. II, 1923, стр. 83—91).

²⁸ В. А. Эberman, Персы среди арабских поэтов эпохи Омейядов, — ЗКВ, II, Л., 1927, стр. 113—154; его же, Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, — ЗКВ, V, 1930, стр. 429—450.

²⁹ Материалы к критическому изданию «Шах-наме» и описанию рукописей Персидского фонда, принадлежащие Ф. А. Розенбергу, хранятся в ЛЮ ААН.

«Когда в 20-х годах,— вспоминает Крачковский,— по инициативе С. Ф. Ольденбурга возник кружок крупных иранистов для изучения „Шах-наме“, руководителем его, по существу, явился Ф. А. В основе занятий лежал проработанный им критический текст, которого никто не знал так, как он; Ф. А. был основным арбитром во всех затруднительных случаях, предпринимал для разъяснения их целые исследования, которые, к сожалению, так и оставались в его материалах»³⁰.

«Книга царей» Фирдауси была любимым спутником Розенберга на протяжении всей его жизни, начиная со студенческих лет. Ученый свободно и разносторонне владел всем колоссальным материалом эпопеи, насчитывавшей около 60 тыс. двустихий. Это нашло отражение в нескольких его работах, из которых прежде всего надо упомянуть остроумное исследование о вине и пирах³¹.

Прослеживая синонимы, которыми обозначается вино (май, набйд, баде, шараб, мул, маз), цвет вина (цвет граната, рубина, янтаря, желтого золота, йеменского корналина), сырье для виноделия (виноград, финики, изюм) и примеси (мускус, амбра, розовая вода), винные сосуды (золотые и хрустальные кубки и чаши, украшенные жемчугом, гравированные надписями) и весь антураж пиршества, поводы для винопития, застольные обычаи, специально воспитываемые в юношах, очередность здравниц, Ф. А. Розенберг воссоздал в осязимо живых деталях красочные картины быта, бесценные с литературной и этнографической стороны.

К 1000-летию юбилею Фирдауси, праздновавшемуся в 1934 г., Розенберг подготовил совместно с известным переводчиком М. Лозинским изящный экскерпт из «Шах-наме»³². Книга эта вышла уже после смерти ученого.

Круг исследователей, работавших на базе рукописных и книжных коллекций АМ, был всегда значительно шире скромного штата сотрудников. Теснейшим образом была связана с АМ научная деятельность виднейшего ираниста В. А. Жуковского³³.

Ученик В. Р. Розена и К. Г. Залемана, профессор и декан

³⁰ Крачковский, Избр. сочинения, т. V, стр. 376—377.

³¹ Ф. А. Розенберг, О вине и пирах в персидской национальной эпопее,— Сб. Музея антропологии и этнографии при Российской АН, 1918, стр. 375—394.

³² «Абу-л-Касим ал-Туси, называемый Фирдауси. Книга царей, Шах-наме», Academia, 1934.

³³ Очерк жизни и творчества Жуковского см.: В. В. Бартольд, Памяти В. А. Жуковского,— ЗВОРАО, XXV, 1921, стр. 399—415; С. Ф. Ольденбург, Валентин Алексеевич Жуковский,— ИРАН, 1919, № 2, стр. 2039—2068; П. П. Бушев, Жизнь и деятельность В. А. Жуковского,— ОИРВ, IV, 1959, стр. 116—137; ОИРВ, V, «Памяти В. А. Жуковского», М., 1960. Список научных трудов В. А. Жуковского см. там же, стр. 140—145.

ФВЯ Санкт-Петербургского университета, В. А. Жуковский был филологом с широким кругом интересов, охватывавшим иранские языки и наречия, текстологию, персидскую классическую литературу, современную литературу, фольклор. В каждой из этих областей, по утверждению современников, труды В. А. Жуковского были крупным шагом вперед.

Академик В. В. Бартольд связывал имя Жуковского с новым этапом в развитии отечественной иранистики — обращением к Ирану мусульманскому, сетуя на то, что пристрастие к древней культуре Ближнего Востока и пренебрежение к истории современных восточных народов привело к вопиющей диспропорции в развитии иранской филологии³⁴.

Это положение нашло наглядное воплощение в известном компендиуме, изданном на рубеже XIX—XX вв.³⁵. Истории новоперсидской литературы, включенной в книгу³⁶, отведено пропорционально рассматриваемому материалу значительно меньше места, чем истории домусульманского Ирана, воссозданной в результате глубокого и всестороннего исследования памятников.

Сформулированная К. Г. Залеманом важнейшая задача иранской филологии как критическое комментированное издание произведений крупнейших авторов и изучение на этой основе «развития литературы и господствующих в ней идей» побудили Жуковского написать магистерскую диссертацию, посвященную творчеству выдающегося персидского поэта XI в. Анвари³⁷. Работа Жуковского, скромно названная им «Материалы», выполненная под руководством В. Р. Розена и К. Г. Залемана, в действительности представляла собой первое в науке критическое издание части дивана Анвари с монографическим описанием жизни и творчества поэта. Жуковский дополнил издание публикацией извлечений из восточного комментария на касыды Анвари и сведений персидских тезкире. Этот серьезный филологический труд был основан на **22** рукописях петербургских хранилищ (девять из них в АМ).

Книга Жуковского была сразу же внимательнейшим образом прорецензирована К. Г. Залеманом³⁸. При общей высокой оценке рецензент скрупулезно вскрыл ряд погрешностей в трактовке стихов Анвари. Эта часть рецензии Залемана

---

³⁴ В. В. Бартольд, Памяти В. А. Жуковского, стр. 399; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 147.

³⁵ «Grundriss der iranischen Philologie», Bd I—II, Strassburg, 1895—1904.

³⁶ H. Ethé, Neupersische Litteratur, — GiPh, II, стр. 212—318.

³⁷ ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 111, стр. 7—8; «Аме Аухадэддин Энвери, Материалы для его биографии и характеристики», СПб., 1883.

³⁸ К. Г. Залеман, В. А. Жуковский, Али Аухадэддин Энвери, — ЖМНП, ч. 230, 1883, ноябрь, стр. 160—176.

чрезвычайно поучительна для критико-филологических методов работы над поэтическим текстом. В 1897 г. Жуковский выступил со статьей «Омар Хайам и странствующие четверостишия»³⁹, где впервые были сформулированы научные принципы критики текста и установления подлинности стихов, приписываемых Хайаму, что было безусловным шагом вперед в развитии методов персидской текстологии.

В результате кропотливой работы над широким кругом рукописей Жуковский с документальной точностью показал, что по крайней мере пятая часть приписываемых Хайаму четверостиший (82) преимущественно с идеями эпикурейства и скептицизма «странствует» в диванах тридцати девяти других персидских поэтов: Салмана Саваджи, Аттара, Хафиза, Джалал ад-дина Руми, Анвари, Ансари, Аухад ад-дина Кирмани и других, менее известных авторов. Это до известной степени объясняло загадочную противоречивость взглядов великого поэта-вольнодумца.

Исследования Жуковского об Анвари и Хайаме, так же как и книга Залемана о Хакани, основанные на тщательных текстологических изысканиях, положили начало петербургской критико-филологической школе персидского литературоведения, получившей широкое признание в мировой науке.

Командировки Жуковского в Иран в 80-е годы имели решающее значение в формировании научных интересов ученого⁴⁰. Он проводит эти годы в напряженном труде по овладению разговорной речью, сбору языковых, этнографических и литературных материалов, в поисках и покупке книг и рукописей⁴¹. Живое общение с населением, обилие новых материалов побудило Жуковского к изучению современной духовной и литературной жизни Ирана.

В ряде изученных областей Жуковский выступил ученым-первооткрывателем, в частности в научном исследовании персидской народной литературы⁴². Собранные им в Иране фольклорные материалы — народные романсы-таснифы, свадебные и колыбельные песни, загадки, стихотворные присказки, песни чарвадаров, народная сатира в записи и переводе, со словариком редких слов — составили фундаментальное издание, отмеченное по выходе большой золотой медалью Геогра-

---

³⁹ «Ал-Музаффарийя», стр. 325—363. Статья была тотчас же переведена на английский язык — E. D. Koss, — JRAS, 1898, стр. 349—366.

⁴⁰ П. П. Бушев, К вопросу о поездке В. А. Жуковского в Иран, — ОИРВ, V, стр. 115—120.

⁴¹ 28 персидских рукописей из коллекции Жуковского поступили в собрание АМ в 1919 г. (см.: Ф. А. Розенберг, Список мусульманских рукописей).

⁴² До него была только одна большая работа: A. Chodzko, Specimens of the Popular Poetry of Persia, London, 1842, где записи фольклорных произведений приведены в переводе, без персидского оригинала.

фического общества. Дополненные рядом статей и докладов⁴³, «Образцы» явились первым, по существу, научным опытом систематизации и анализа — с этнографической и литературно-художественной стороны — произведений персидской народной словесности.

Столь же свежими по материалу и освещению были статьи и заметки Жуковского, посвященные странствующим сюжетам мировой литературы в литературе персов (Шемякин суд, Соловей и Муравей, Варлаам и Иосаф), популярной и лубочной литературе⁴⁴, в которой ученый уловил живое дыхание времени.

Безусловно первым из европейских исследователей Жуковский выделил в качестве самостоятельного и важного объекта исследования — *бачехани* — детское чтение, самую доступную и распространенную литературу, соками которой по преимуществу и питается, по замечанию ученого, значительная часть персидского населения⁴⁵.

Основным предметом научных занятий Жуковского со времени поездки в Иран и до конца жизни становится религиозная жизнь иранского народа в прошлом и настоящем. Пребывание в Иране позволило ученому собрать уникальный материал к характеристике различных дервишеских толков — ниматуллахи, хаксар, джалали, увейси, рафаи и др., наглядно изучить деятельность современных сект и орденов, что нашло отражение в ряде его статей. Жуковский обращается к изучению суфизма, игравшего на протяжении веков определяющую роль в истории культурной и литературной жизни Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока. В этой области его работы заложили основы суфиеведческого направления в отечественной иранистике.

Рукописные хранилища Петербурга, и прежде всего АМ, располагавший многими сотнями рукописей суфийских произведений, предоставляли богатые возможности для изучения суфизма. По редким манускриптам, использовав в фотокопиях списки Ташкента, Лондона, Вены и Копенгагена, Жуковский дал научные издания трех крупных памятников пер-

---

⁴³ «Образцы персидского народного творчества», СПб., 1902; «Кольбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Ирана», — ЖМНП, ч. 261, 1889, январь, стр. 93—126; «Персидская свадьба в песнях», — ИРГО, вып. III, т. XXV, 1889, стр. 28—29; «Образцы персидского базарного стихотворства на современную тему», — ЗВОРАО, т. VIII, 1893, стр. IV.

⁴⁴ «Персидская версия Шемякина суда», — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 157—178; «Соловей и Муравей», — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 304—307; «Образчик персидского юмора», — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 316—318; «Черты современного положения Персии в ее литературных произведениях», — ЗВОРАО, т. XVI, 1904, стр. XVI.

⁴⁵ Коллекция изданий «детского чтения», собранная В. А. Жуковским в Иране, ныне хранится в библиотеке Восточного факультета ЛГУ.

сидского суфизма⁴⁶, более всего касающихся жизни и деятельности известного суфийского шейха XI в. Абу Саида Мейхенейского, которому традиция приписывает множество популярных четверостиший.

Оригинальные исследования с элементами анализа художественных особенностей суфийской поэзии Жуковский посвятил двум другим крупнейшим суфийским поэтам XI в.— Абдаллаху Ансари и Баба Тахиру⁴⁷. В речи «Человек и познание у персидских мистиков» ученый сделал ценную попытку проанализировать почти не затрагивавшиеся исследователями ранние суфийские источники — «Псевдо-Маназил ас-Саирин» Ансари, «Кашф ал-махджуб» Джуллаби, «Мирсад ал-ибад» Рази и др., что дало ему возможность проследить основные начала суфизма, обрисовать фигуры суфийских наставников и пути их влияния на народные массы⁴⁸.

Высказанное в печати намерение посвятить Абу-л-Хасану Харакани, Ансари и Баба Тахиру, так же как и Баба Кухи, специальные монографии с изданием текста не было, к сожалению, осуществлено Жуковским. В архиве ученого хранятся значительные по научной ценности подготовительные материалы к этим и другим работам, в частности сводный текст и перевод «Мунаджат» и критический текст 124 четверостиший Ансари, критический текст дивана Баба Кухи (284 стихотворения) и 279 четверостиший Баба Тахира, собранных по пятнадцати рукописям⁴⁹.

Со времени Жуковского персидское литературоведение прочно входит в круг научных направлений, разрабатываемых в АМ. Прямое продолжение его начинания нашли в научной деятельности его учеников — сотрудников АМ В. А. Иванова, Ю. Н. Марра и А. А. Ромаскевича.

1 января 1915 г. на должность мл. ученого хранителя был зачислен магистрант В. А. Иванов, окончивший ФВЯ Санкт-Петербургского университета в 1911 г. В предшествующие поступлению в АМ годы (1910—1914) В. А. Иванов служил в Учетно-ссудном банке в Персии, где совершил несколько продолжительных поездок, посетив Энзели, Тегеран, Исфахан, Мешхед, Бирджанд, Хамадан, Керманшах, Шираз и др.

⁴⁶ «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида. Толкования на четверостишия Абу Саида», СПб., 1899; «Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского», СПб., 1899; «Раскрытие скрытого за завесой», Л., 1923 (издание посмертное, подготовленное А. А. Ромаскевичем).

⁴⁷ «Песни Хератского старца», — «Вост. заметки», СПб., 1895, стр. 79—113; «Кое-что о Баба Тахире Гольше», — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0104—0108.

⁴⁸ «Годичный акт имп. С.-Петербургского университета», 1895, стр. 97—128.

⁴⁹ АВ, ф. 17, оп. 1. Подробное описание архива Жуковского см.: Ю. Е. Борщевский, К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, — ОИРВ, V, стр. 28—33; А. Т. Тагирджанов, Диван Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского, — там же, стр. 59—62.

Во время этих путешествий Иванов, воспринявший от своего учителя В. А. Жуковского интерес к живой народной речи, собрал ценный материал по иранской диалектологии и народному творчеству, что послужило основой его первых печатных выступлений и во многом определило становление молодого ученого как диалектолога и фольклориста. В статье о персидской народной поэзии он опубликовал 68 коротких народных стихотворений (50 четверостиший, 16 свадебных песен и др.), записанных на маршруте Бушир — Шираз — Йезд — Табас — Себзевар — Кучан — Ашхабад, предпослав публикации любопытный литературно-художественный анализ⁵⁰.

Идя вслед за Жуковским, он сформулировал четкие критерии подлинности произведений народной поэзии — жизне-радостной, здоровой, предельно конкретной в образах, чуждой религиозности и мистики, во многом прямо противоположной письменной персидской литературе. Значительную ценность представляло высказанное в статье наблюдение, что население Ирана, пользующееся в живой речи исключительно диалектами, часто далекими от литературного языка, в произведениях народного творчества переходит, как правило, на литературный персидский язык.

Не без влияния Жуковского Иванов в первые же годы научной деятельности проявил серьезный интерес к религиозно-философским учениям Ирана, суфизму и деятельности современных сект, а впоследствии сосредоточил его на исмаилизме. Статья об исмаилитских рукописях АМ, написанная в годы работы в музее, стала первой работой Иванова в длинном списке опубликованных в дальнейшем трудов по истории и философии исмаилизма, составивших целую специальную библиотеку в 49 названий⁵¹; часть из них выполнена по материалам рукописей АМ⁵².

Уже во время поездок по Персии возник исключительный интерес Иванова к восточным рукописям и редкое умение их коллекционировать. В апреле 1915 г. Иванов был командирован АМ в Бухару для сбора рукописей и ознакомления с местным дервишизмом. Результатом этой командировки (две поездки) была так называемая Бухарская коллекция мусульманских рукописей, насчитывающая 1057 томов; ее дополня-

⁵⁰ «Несколько образцов персидской народной поэзии», — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 33—59.

⁵¹ «Отрывок книги шиитской секты Али-Илахи», — АВ, ф. 19, оп. 1, № 24; «A Biography of Shaykh Armad-i-Jam», — JRAS, 1917, стр. 291—365; «Исмаилитские рукописи Азиатского музея», — ИАН, Пг., 1917, стр. 359—386; «List of Publication by W. Ivanow up to 1-st January 1962» [б. г., б. м.].

⁵² «Ismailitica», — Memoir of the Asiatic Society of Bengal, vol. VIII, 1922, стр. 1—76; «Notes sur l'Ummu'l Kitab des Ismaeliens de l'Asie Centrale», — REI, 1932, стр. 69—78; «Kalam Pir of Badi Sayyid Nasir», — JRAS, 1935, стр. LXVIII; «Ummu'l Kitab», — DI, 1936, стр. 1—132.

ли 185 местных литографических изданий, не представленных в АМ⁵³. Ценная и разнообразная по подбору коллекция персидских манускриптов, пополнившая с помощью Иванова фонды АМ, исчислялась в 635 томов, что было самым большим поступлением персидских рукописей за все время существования хранилища.

В. А. Иванов работал в АМ до 15 мая 1918 г.⁵⁴, дальнейшая его деятельность протекала в Индии и Иране.

* * *

К 1917 г. академическое ирановедение подошло со сложившимися традициями и богатой материальной базой: литература по иранистике составляла одну из лучших частей книжных фондов АМ⁵⁵. Собрание персидских рукописей, значительно пополнившееся в первые послеоктябрьские годы⁵⁶, насчитывало в начале 20-х годов свыше 2 тыс. томов. Оно было одним из самых значительных как по объему, так и по составу среди хранилищ мира. Почти половину этой коллекции составляли рукописи литературного содержания.

Как на протяжении предшествующего столетия, так и после Октябрьской революции иранистика осталась в АМ одним из ведущих направлений. Сама жизнь диктовала ей теперь новые, более широкие научные задачи. Живое участие в развитии советской иранистики принимал директор

⁵³ В архивных материалах В. А. Иванова, хранящихся в АВ, есть составленный Ивановым на месте, по мере приобретения рукописей, «Список арабских, персидских, турецких и еврейско-персидских рукописей, приобретенных для Азиатского музея в 1915 г.» (ф. 19, оп. 1, № 12). Там же хранятся гранки неопубликованной его статьи «Предварительный список рукописей Азиатского музея Бухарского собрания В. А. Иванова, 1915 г. I — Персидские рукописи» (там же, № 14). Описание арабских рукописей Бухарской коллекции см.: В. И. Беляев, Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР, Л., 1932, стр. I—XVII, 12—52; описание еврейско-персидских рукописей см.: А. А. Фрейман, Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея Российской академии наук В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г. II — Еврейско-персидские рукописи, — «Азиатский сборник», НС, Пг., 1918, стр. 1279—1282. См. также: Отчет ФМО и ИФО за 1915 г., стр. 12.

⁵⁴ В АВ хранятся некоторые научные материалы Иванова этих лет по разделам: списки рукописей; работы по суфизму, исмаилизму и мусульманской логике; биографические материалы (личные документы, рисунки, фотографии, заметки и записи); письма; также 15 литографий (12 персидских, 3 арабских и урду). Архивные материалы Иванова хранятся также в библиотеке Восточного факультета ЛГУ (рукописные материалы по персидской литературе, тетради с записями о поездке в Иран, записные книжки и др.) (см.: А. Т. Абрамов, Библиотека Восточного факультета, — «Востоковедение в Ленинграде», УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, Л., 1960, стр. 187).

⁵⁵ Аз. Муз. Памятка, стр. 32.

⁵⁶ Ванская коллекция 1917 г. — 39 рукописей; коллекция Учебного отделения МИДа 1919 г. — 168 рукописей. Также несколько частных коллекций: А. А. Семенова (1921) — 10 рукописей, А. А. Половцева (1919) — 13 рукописей и др.

АМ С. Ф. Ольденбург, привлечший к постоянному творческому общению иранистов города⁵⁷.

Одной из форм этого общения, частично возмещавшей недостаточные печатные возможности, сопряженные с трудностями первых лет строительства Советского государства, был уже упоминавшийся выше «Кружок для изучения „Шахнаме“», на заседаниях которого ставились и обсуждались самые сложные вопросы персидской литературы. Под руководством С. Ф. Ольденбурга в нем были объединены все крупнейшие специалисты: И. А. Орбели, А. А. Фрейман, А. А. Ромаскевич, Ф. А. Розенберг. Молодые иранисты, Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр, принятые на работу в АМ в начале 20-х годов, прошли в этом кружке, по выражению Бертельса, «...изумительнейшую школу для молодых востоковедов»⁵⁸.

В 1921 г. в АМ вернулись рукописные коллекции. Размещением рукописей, их инвентаризацией и научным описанием занялись Е. Э. Бертельс и Ю. Н. Марр.

«Для нас обоих, — вспоминает Бертельс, — это был один из самых блаженных моментов жизни. Все бесконечные богатства этих замечательных коллекций сразу разверзлись перед нами, и каждый день, проведенный за разборкой рукописей и установкой их по старым местам, приносил новые открытия и новые радости»⁵⁹.

Стоит принять во внимание состояние иранистики в 20-е годы, когда специалисты-литературоведы не располагали надежными изданиями памятников на персидском языке (их практически не было, были только восточные литографии, как правило низкого качества), чтобы представить первостепенное значение рукописных коллекций как почти единственной, потенциально неизмеримо богатой научной базы для филологических и литературоведческих исследований.

Самые ранние работы Ю. Н. Марра были подсказаны материалами Рукописного фонда АМ⁶⁰. Все они — проявле-

---

⁵⁷ С. Ф. Ольденбург, исследовавший и иранистические материалы, — автор интересной литературоведческой работы, основанной на тщательном исследовании персидских рукописей зарубежных хранилищ: «О персидской прозаической версии „Книги Синдбада“ — «Ал-Музаффарийя», СПб., 1897, стр. 253—278; см. также статью С. Ф. Ольденбурга «Персидский извод повести о Варлааме и Иосафе», — ЗВОРАО, т. IV, 1889, стр. 229—265.

⁵⁸ Е. Э. Бертельс, Ю. Н. Марр и персидская литература, — ТТбГУ, т. 108, 1964, стр. 62.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ «Газель Низами в рукописи Азиатского музея», — ДАН-В, 1924, стр. 51—53; «О двух персидских версиях поэмы „Лейла и Меджнун“» — там же, стр. 68—71; «Газели и рубаи Низами в Хафт-иклим», — там же, стр. 90—93; «Касыда Низами в рукописи Азиатского музея», — там же, стр. 94—96; «Сборник трактатов о стрельбе из лука», — ДАН-В, 1925, стр. 35—38.

ние его стойкого интереса к великому поэту Низами, интереса, выкристаллизовавшегося, не без влияния С. Ф. Ольденбурга, в основной творческий замысел Ю. Н. Марра — создать крупную монографию, посвященную поэту. Этот замысел перерос впоследствии в комплексную программу работ, включавшую изучение всей эпохи Низами, персидско-грузинских литературных связей и, наконец, подготовку полного авторского словаря поэта, наследие которого, как известно, насчитывает не менее 18 тыс. двустиший.

Исследования персидско-грузинских литературных связей, которые Марр особенно увлеченно и плодотворно вел по линии Хакани—Низами—Руставели, были затем расширены за счет литературной эпохи Фирдауси, эпическая поэма которого сыграла заметную роль в развитии древнегрузинской светской литературы⁶¹.

Редкое сочетание широкой иранистической подготовки с углубленным знанием кавказского мира позволило Марру проследить пути тесных соприкосновений в историческом развитии обеих литератур. Особую ценность представляло наблюдение Марра, что Грузия, знавшая в X—XIII вв. персидскую литературу не хуже самих персов, сохранила в переводах многие величайшие памятники персидской классики, нередко даже те, которые бесследно исчезли в самом Иране⁶².

В 1925 г. Ю. Н. Марр был командирован АН в Иран для изучения современной литературы и ознакомления с постановкой библиотечного дела. Пребывание в Иране (март 1925 — сентябрь 1926 г.) было периодом интенсивного сбора материала, диапазон которого был очень широк⁶³.

Лишь частичное использование этого материала дало вскоре жизнь статьям Марра о персидской фонетике, линейной речи и системе счета на пальцах у персов, о типографиях Ирана, о радениях секты «людей истины» и др. Ценные фактические данные содержали статьи Марра по народной поэзии и народному театру⁶⁴.

Личные впечатления Марра о литературной жизни Ира-

---

⁶¹ «Хакани — Низами — Руставели», I, М.—Л., 1935; Ю. Н. Марр, К. И. Чайкин, Хакани — Низами — Руставели, II, Тбилиси, 1936; «Шахнаме и грузинская литература», — Ю. Н. Марр, Статьи и сообщения, т. II, М.—Л., 1939, стр. 91—93.

⁶² «Из грузино-персидских литературных связей», — там же, стр. 132—136.

⁶³ Ю. Н. Марр собрал в Иране для АМ значительную коллекцию печатных книг и периодических изданий, — Отчет АН СССР за 1926 г., стр. 220.

⁶⁴ «Образец бахтиярской литературы», — ДАН-В, 1927, стр. 55—58; «Персидский петрушка», — «Театр народов Востока», Л., 1927, стр. 15—17; «Кое-что о Пеплеван-кэчэле и других видах народного театра в Персии», — «Иран», II, стр. 74—88.

на⁶⁵, в которую он окунулся с первых дней своего приезда, явились органическим дополнением к очерку новейшей персидской литературы К. И. Чайкина⁶⁶, обстоятельной, несмотря на свою сжатость, первой (и в течение десятилетий единственной) книге по персидской литературе XX в., переживавшей период становления и поисков.

Едва ли не единственными в своем роде остались исследования Марра, посвященные фонетике и метрике персидского стиха и способам его скандирования⁶⁷.

На АМ приходится самый ранний — весьма краткий (январь 1922 — осень 1926 г.)⁶⁸ — период научной деятельности Марра. Вскоре после возвращения из Ирана, в 1927 г., ученый переехал, понуждаемый состоянием здоровья, на курорт Абастумани. В КИАИ Марр продолжал исследовать сложные лингвистические и литературоведческие проблемы, среди которых центральное место занимали по-прежнему грузино-персидские параллели, вопросы перевода, история персидской литературы XIX в. и ее раннего периода, более всего «Шах-наме».

В 1934 г. Марр принял участие в Международном конгрессе в Тегеране, посвященном 1000-летию Фирдауси. Доклад Ю. Н. Марра «Стихотворный размер „Шах-наме“», прочитанный (так же как и приветственное слово от имени АН СССР и Эрмитажа) на персидском языке, с искусной музыкальной скандировкой персидских стихов, привлек самое широкое внимание ученых и общественности. Иранское правительство отметило труды Ю. Н. Марра орденом «За научные заслуги».

Ранняя смерть на сорок третьем году жизни прервала научное творчество Ю. Н. Марра в самом расцвете. Опубликованное наследие Ю. Н. Марра (частично на персидском и грузинском языках), составляющее более ста работ⁶⁹, до-

⁶⁵ «Из тегеранских литературных впечатлений», — «Статьи и сообщения», т. II, стр. 255—269; «Отрывок из „Книги о голоде“ Мирзы Мохсена Дэстгерди», — ИАН СССР, 1928, стр. 218—226; «Современные средства передвижения в изображении персидских поэтов», — ЗКВ, V, 1930, стр. 221—234.

⁶⁶ К. И. Чайкин, Краткий очерк новейшей персидской литературы, Л., 1928.

⁶⁷ «„Долгий размер“ борудженца Феррохи», — «Статьи и сообщения», II, стр. 17—26; «Выражение фонетики стиха в персидском письме», — ИАН СССР, 1934, № 2, стр. 137—178; «Как читать персидские стихи», — В. С. Пугуридзе, Начальная хрестоматия персидского языка, М.—Л., 1935, стр. 29—31; «Примеры скандовки стихов», — там же, стр. 32—33; «Стихотворный размер „Шах-наме“», — «Статьи и сообщения», II, стр. 55—76.

⁶⁸ Эти даты, отсутствующие в опубликованных сведениях о Марре, установлены при содействии Н. В. Елисеевой, обнаружившей в архивных материалах ученого анкету АН СССР, заполненную рукой Ю. Н. Марра в 1934 г. (АВ, ф. 95, оп. 3, № 55).

⁶⁹ Опубликованный список работ Ю. Н. Марра, составленный

полняется обширным архивом ученого, не успевшего обобщить оставшиеся большею частью во фрагментах задуманные широкие исследования. Бережно сохраненный С. М. Марр архив Ю. Н. Марра находится ныне в ЛО ИВ⁷⁰.

Начав работать в АМ 14 апреля 1920 г., сразу после окончания ФВЯ Петроградского университета, Е. Э. Бертельс работал в нем почти 30 лет; последние годы его научной деятельности прошли в ИВ в Москве.

Работу с рукописными коллекциями АМ следует поставить в прямую связь с основными направлениями научного творчества Бертельса⁷¹.

С безошибочной ориентацией, удивительной в молодом исследователе, Бертельс с первых же шагов избирает для работы рукописи суфийских сочинений — ценнейшую составную часть коллекции АМ, запечатлевшую одно из самых сложных и неизученных явлений персидской литературы. Только за пять лет, с 1924 по 1929 г., он публикует целую серию — 22 исследования, посвященную суфизму и суфийской литературе на персидском и арабском языках.

Если работы В. А. Жуковского касались прежде всего философии и этики суфизма, то Е. Э. Бертельс рассматривает суфизм в аспекте его литературно-художественного преломления. Работы Бертельса поднимали отдельные вопросы сложной проблемы — текстологические исследования и интерпретация суфийских текстов, раскрытие сложной суфийской символики и поэтической терминологии, характеризовали отдельных авторов (Ансари, Аттара, Баба Кухи). Эти ранние работы Бертельса содержали уже и интересные теоретиче-

И. В. Мегрелидзе (Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, I, М.—Л., 1936, стр. XVII—XXI), не учитывает статей, вошедших в «Статьи и сообщения», т. II, и работ, изданных после 1939 г. Среди последних литературоведческих исследований: Ю. Н. Марр, Добавления к статье «Тегеранские литературные впечатления», — ТТБГУ, т. 99, 1962, стр. 43—62; его же, О романе Хосреви «Шемс о Тогра», — там же, т. 108, 1964, стр. 205—217; Ю. Н. Марр и К. И. Чайкин, Хакани — Низами — Руставели, II, Тбилиси, 1966; «Рудаки в переписке Ю. Марра и К. Чайкина». Составитель А. Гвахария, — в кн. «Рудаки и его эпоха», Душанбе, 1958, стр. 227—238.

⁷⁰ АВ, ф. 95, 1900 единиц хранения. Опись архива, составленная Н. В. Елисейевой, включает пять разделов: 1) Научные работы и материалы, 2) Переписка, 3) Материалы к биографии и деятельности, 4) Работы других ученых, 5) Фотоматериалы. См.: Н. В. Елисейева, Архив ираниста Ю. Н. Марра (1893—1935), — ПИКНВ, II, стр. 5—7.

⁷¹ Многообразная научно-педагогическая деятельность Е. Э. Бертельса (1890—1957) нашла подробное освещение в литературе. См.: Некролог и основную библиографию работ Е. Э. Бертельса (СВ, 1958, № 1, стр. 114—124); А. Н. Болдырев, Научное наследие Евгения Эдуардовича Бертельса, — в кн. Е. Э. Бертельс, Избранные труды. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 9—15.

Здесь уместно только кратко напомнить основные направления его научного творчества, удачно выделенные А. Н. Болдыревым в обзоре научного наследия Е. Э. Бертельса.

ские обобщения, попытки вскрыть пути происхождения персидского суфизма, показать основные линии развития суфийской лирики и дидактической поэзии. Тридцать пять работ Бертельса по суфизму составили ныне отдельный том его «Избранных трудов»⁷².

С начала 30-х годов научная деятельность Бертельса выходит на широкую всесоюзную арену. Бурный процесс культурного строительства в стране, в частности в Средней Азии, поставил перед советскими востоковедами задачи государственной важности. Выдающиеся творческие возможности Бертельса — редко встречающееся знание почти двух десятков языков, огромная трудоспособность и эрудиция в сочетании с острейшим чувством современности — определили место Е. Э. Бертельса в первых рядах советских ученых, выполнявших самые актуальные задачи.

Ученый систематически выступает в печати по вопросам формирования таджикского литературного языка, становления советской таджикской литературы, участвует в подготовке таджикских словарей; ряд специальных исследований ученый посвящает истории таджикской литературы. Принимает самое деятельное участие в подготовке исследований, критических текстов, тематических сборников, в научной организации юбилеев великих мыслителей Востока — Фирдауси, Низами, Навои, Авиценны. Выступает по вопросам узбекской, туркменской, азербайджанской классической литератур, создает учебные пособия по персидскому языку и литературе, в увлекательных статьях, переводах и брошюрах популяризирует литературу и культуру Востока.

Это широчайшее разнообразие тематики не мешало Е. Э. Бертельсу сосредоточиться на углубленном исследовании нескольких основных проблем. Пройдя красной нитью через годы жизни ученого, они завершились созданием монументальных трудов, составивших гордость советской ориенталистики. Здесь прежде всего надо назвать тему Низами — она была центральной в научном творчестве Бертельса.

Статьи Бертельса о Низами — они начали выходить с 1939 г., и их было более 50⁷³ — дали принципиально новую трактовку творчества великого художника и гуманиста, опрокинувшую бытовавшее в европейском востоковедении представление о Низами как об авторе религиозно-суфийском. Уже в первых подготовительных работах ученый дал констатацию средневековой азербайджанской школы поэзии. Многочисленные работы выполняли задачу воссоздания текста, перевода и популяризации произведений Низами.

---

⁷² Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Суфизм и суфийская литература, М., 1965.

⁷³ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. Низами и Фузули, М., 1962.

Итоги этого 20-летнего труда выразились в составлении критического текста произведений Низами, выполненного под руководством Е. Э. Бертельса (работа отмечена в 1948 г. Государственной премией), и в создании монографического исследования о творчестве поэта⁷⁴. Последняя работа по фактологической насыщенности, ясности концепции и масштабности обобщений может считаться вершиной филологического и литературоведческого мастерства ученого.

Столь же значительным трудом, который подвел итог параллельно идущих многолетних изысканий, была монография о Навои⁷⁵. Этот труд, названный автором «Опыт творческой биографии», впервые в науке дал широкие полотна литературной жизни средневекового Хорасана и Средней Азии и интереснейшие наблюдения над поэтической техникой XV в.

Работа над Навои позволила Бертельсу установить пути теснейших взаимосвязей литератур двух братских народов Средней Азии — таджиков и узбеков и привела к созданию монографии о современнике и друге Навои — Абдаррахмане Джамии⁷⁶.

Блестящим результатом сравнительного изучения этих трех великих художников Востока — Низами, Навои, Джамии — явилась книга «Роман об Александре и его главные версии на Востоке» — одно из самых замечательных исследований Е. Э. Бертельса. Феноменальная начитанность в восточных текстах позволила автору, сопоставив многочисленные версии романа, глубоко проследить исторические судьбы этого чрезвычайно распространенного на Переднем и Среднем Востоке литературного сюжета.

Критико-филологический анализ рукописного текста лежит в основе подавляющего большинства литературоведческих работ Бертельса. Последнюю из них, «Пятое муназаре Асади Тусского»⁷⁷, опубликованную уже посмертно, А. Н. Болдырев характеризует как образец современного филологического исследования отдельного рукописного памятника⁷⁸. Опираясь на единственный сохранившийся список, Бертельс дал блестящую расшифровку сложного поэтического текста, предельно раскрытую в адекватном переводе, воссоздал на этой надежной базе идейные истоки и условия написания поэмы и установил место произведения в истории средневе-

---

⁷⁴ «Низами Гянджеви, Шараф-наме», составитель крит. текста А. А. Али-заде, Баку, 1947; «Низами. Творческий путь поэта», М., 1956.

⁷⁵ «Навои, Опыт творческой биографии», М.—Л., 1949.

⁷⁶ «Джами. Эпоха, жизнь, творчество», [Сталинабад], 1949.

⁷⁷ «Пятое муназаре Асади Тусского», — УЗИВАН, т. XIX, 1958, стр. 55—89.

⁷⁸ А. Н. Болдырев, Научное наследие Евгения Эдуардовича Бертельса, стр. 15.

ковой персидской литературы. Свой опыт филологического изучения письменных памятников и подготовки критических текстов Бертельс обобщил в двух небольших работах⁷⁹, внесших значительный вклад в развитие отечественной текстологии.

Венцом научного творчества Е. Э. Бертельса должна была явиться многотомная сводная «История персидско-таджикской литературы», целиком основанная на непосредственном и критическом исследовании первоисточников. Ученый успел написать две из трех задуманных частей, доведя свое исследование до конца XII в.⁸⁰ Скоропостижная кончина оставила незавершенным как этот обобщающий труд, так и много других его научных замыслов.

Деятельность Бертельса составила важный и во многом основополагающий этап в развитии отечественной восточной филологии и иранского литературоведения. Члену-корреспонденту АН СССР Е. Э. Бертельсу было присвоено звание заслуженного деятеля наук Узбекской и Таджикской республик и почетного члена Туркменской академии наук. Признание мировой научной общественности выразилось в избрании его членом-корреспондентом Иранской Академии наук и Арабской Академии наук в Дамаске.

Научное наследие Бертельса (свыше 300 исследований, среди них более двух десятков книг), посмертно собранное и систематизированное в шести томах «Избранных трудов»⁸¹, представляет своего рода научную энциклопедию по иранской филологии. К ней обратятся еще многие поколения иранистов, чем бы они ни занимались: научным ли описанием рукописей и текстологическим исследованием памятников, их изданием и переводом, историей ли и теорией средневековой литературы Ирана и Средней Азии и ее периодизацией или сложными вопросами восточных идеологических течений. Помимо богатого фактического материала, собранного ученым, его труды пронизаны смелыми научными догадками и увлекательными гипотезами, которые ставят новые вопросы и нацеливают на дальнейший поиск.

Бертельс сыграл большую роль и как организатор ака-

---

⁷⁹ «К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников», — СВ, 1955, № 3, стр. 11—18; «Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литературы народов Ближнего и Среднего Востока», — «Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений», Ташкент, 1957, стр. 237.

⁸⁰ Е. Э. Бертельс, Избранные труды. История персидско-таджикской литературы.

⁸¹ Е. Э. Бертельс, Избранные труды, т. I: История персидско-таджикской литературы, М., 1960; т. II, Низами и Фузули, М., 1962; т. III, Суфизм и суфийская литература, М., 1965; т. IV, Навои и Джами, М., 1965; готовятся к изданию: т. V, Вопросы иранской филологии; т. VI, Вопросы турецкой филологии.

демического ирановедения, которое с созданием ИВАН СССР приняло уже коллективные и плановые формы.

Идея объединения иранистов в Иранский кабинет зародилась еще в АМ, как удалось проследить по архивным данным Д. Е. Бертельсу, обнаружившему автограф докладной записки акад. С. Ф. Ольденбурга от 17 апреля 1929 г.⁸². Вот как формулировались основные задачи этой будущей научной ячейки:

«Об утверждении Кабинета иранистики.

В пределах нашего Союза, как на Кавказе, так и в Средней Азии, проживает целый ряд племен и народов иранского происхождения, всестороннее изучение языка, литературы, истории и быта которых привлекает все большее внимание не только наших, но и зарубежных ученых. Со середины прошлого века, когда академик Дорн заложил основы русской иранистики, началось накопление материалов по иранской филологии и диалектологии, в известной мере оставшихся еще не использованными, а в настоящее время в нашем Союзе, и в особенности в Ленинграде, имеется целый ряд ученых, посвятивших в той или иной мере свои силы и знания изучению Ирана в самом широком смысле этого слова. Однако до сих пор у нас нет еще специального научного центра, способного объединить и координировать все индивидуальные работы по иранистике отдельных ученых, организовать коллективную работу в таких областях ее, где сам объем работы выходит за пределы индивидуальных возможностей отдельных ученых, и, наконец, подготовить научную смену и достойных преемников нашим иранистам, занимающим уже почетное место среди европейских ученых. Все соображения приводят к мысли о необходимости и своевременности учреждения в Академии наук СССР Кабинета иранистики в составе, на первое время, директора-академика, ученого секретаря и одного научного сотрудника с привлечением к участию в работах кабинета всех ученых-иранистов нашего Союза, в частности молодых, начинающих работать в этой области востоковедов.

Учет наличных сил, накопленных уже материалов и открывающихся кабинету реальных возможностей дает твердое основание наметить на ближайшее пятилетие следующий план работ:

1. Продолжение работ по составлению и подготовке к печати среднеиранского словаря.

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 141. Приводимые ниже данные о создании Иранского кабинета в 1931 г. также подобраны в АВ Д. Е. Бертельсом, выступившим с сообщением «Из истории Иранского кабинета» на объединенном заседании Ученых советов ЛО ИНА и Восточного факультете ЛГУ 15 апреля 1966 г., посвященном 75-летию со дня рождения проф. Е. Э. Бертельса. Текст сообщения использован, с любезного предложения Д. Е. Бертельса, при подготовке настоящей статьи.

2. Собрание, обработка и издание материалов для словарей иранских языков и наречий.

3. Издание материалов по иранским языкам и наречиям.

4. Издание литературных текстов.

5. Составление обзора персидских рукописей, хранящихся в пределах СССР.

6. Выявление персидских слов в других языках.

7. Собрание материалов лингвистических, этнографических и археологических по народам Ирана.

Само собой разумеется, что работа кабинета должна быть построена на самой тесной научной увязке со всеми работающими в области иранистики научными учреждениями СССР, в частности Кавказа и Средней Азии.

В случае принципиального одобрения настоящего представления будет разработано специальное положение о Кабинете иранистики и к работе можно будет приступить, не дожидаясь утверждения штатов, лишь по отпуске некоторой суммы на операционные расходы.

Академик Сергей Ольденбург».

Иранский кабинет — первоначально Кабинет Ирана и Сериндии — был создан уже в составе ИВ⁸³. В первый состав Персидского кабинета входили: ученый хранитель Е. Э. Бергельс, ученые специалисты Ю. П. Верховский и К. Д. Ильина⁸⁴, А. П. Бейер⁸⁵, Ф. Б. Ростопчин (с ноября 1931 г.)⁸⁶, аспирант Г. В. Шитов. Руководство кабинетом осуществлял акад. С. Ф. Ольденбург.

Сохранился протокол первого совещания Персидского ка-

⁸³ См. Отчет АН СССР за 1930 г., стр. 232—236; Отчет АН СССР за 1931 г., стр. 373, 377.

⁸⁴ К. Д. Ильина упоминается в отчетах АМ с 1926 г. Вначале практикантка и временный научно-технический сотрудник, затем штатный работник, она обрабатывала Рукописный фонд (отдел Nova), составляла карточный каталог литографий и печатных книг. Помимо словарных работ занималась выявлением и описанием персидского сказочного материала, готовила к изданию документы о сношениях Хивы и Бухары с Россией в XVII в. Под руководством Ф. А. Розенберга перевестила «Шах-наме» (см. Отчет АН СССР за 1926 г., стр. 216, 219, 226—227; то же за 1927 г., стр. 210; то же за 1928 г., стр. 200—201; то же за 1930 г., стр. 235—236; то же за 1931 г., стр. 377).

⁸⁵ А. П. Бейер был зачислен научным сотрудником II разряда по сектору истории и экономики с 16 мая 1931 г. В отчете АН СССР за 1931 г. упоминается тема, которую вел Бейер, — библиография литературы по истории персидского революционного движения конца XIX — начала XX в. (Отчет АН СССР за 1931 г., стр. 377). В документах по Персидскому кабинету в дальнейшем его имя не встречается.

⁸⁶ Ф. Б. Ростопчин в Персидском кабинете ИВ работал ученым специалистом и секретарем кабинета с 28 ноября 1931 г. по 4 апреля 1935 г. Опубликованные работы Ф. Б. Ростопчина: «Библиографический указатель по Персии», М., 1928; «Указы Кубинских ханов», Тбилиси, 1937; «Библиография по курдской проблеме».

бинета⁸⁷ (председатель — С. Ф. Ольденбург, секретарь — Ю. П. Верховский). Темы кабинета, утвержденные на этом совещании, предусматривали составление таджикско-русского словаря (Бертельс, Ильина, Верховский, Ростопчин) и коллективное задание для всех сотрудников по описанию персидских рукописей.

В ближайшие годы кабинет (с 1936 г. он именуется Иранским) расширяется почти втрое, пополнившись новыми сотрудниками.

В середине 30-х годов здесь начинают работу Л. Ф. Векслер⁸⁸, А. А. Фрейман (с 1 февраля 1934 по 10 апреля 1956 г.), О. И. Смирнова (с 1935 г.), А. К. Арендс (с 1 декабря 1936 по март 1942 г.), Л. А. Хетагуров (с 1940 по 1942 г.), Г. М. Петров (с 10 октября 1936 по 1950 г.), М. С. Иванов (с 15 июля 1937 по 13 февраля 1940 г.), А. А. Али-заде (1937—1941 гг. — аспирант, 1948—1951 гг. — докторант), А. А. Ромаскевич (с 15 декабря 1936 по февраль 1942 г.). На положении внештатных сотрудников были связаны с кабинетом Н. А. Белгородский, Фитрат, А. Н. Болдырев. Работали иранисты и в других отделах ИВ: в Рукописном отделе — А. М. Мугинов (с 1937 г.), А. В. Башкиров (с 26 октября 1936 по 10 марта 1945 г.), в Среднеазиатском кабинете — А. З. Розенфельд (с 29 ноября 1937 по 13 августа 1941 г.).

С осени 1932 г. заведование кабинетом было поручено Е. Э. Бертельсу, с января 1934 г. он принял на себя и должность заведующего Рукописным отделом.

Активная деятельность этого коллектива иранистов при общем росте иранистических сил Ленинграда (в ленинградских научных учреждениях в середине 30-х годов, по подсчетам тех лет⁸⁹, работало около 50 специалистов по Ирану) породила идею объединения и координации работы.

26 июня 1935 г. была создана Ассоциация иранистов⁹⁰. На заседании был принят Устав и избрано Бюро Ассоциа-

⁸⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 31, лл. 31—32.

⁸⁸ Л. Ф. Векслер (род. в 1909 г. в г. Киеве) окончила Факультет востоковедения при КИИХ по Персидскому отделению. Работала в ИВ с 1 февраля 1934 г. по декабрь 1936 г. по совместительству с работой в Эрмитаже. По плану кабинета вела библиографическую работу по персидской художественной литературе (проза). Специальное исследование (диссертацию) готовила по теме «Эпизод Рустам—Заль». Опубликована работа: «Фирдаус в русской литературе», — БВ, вып. 8—9, 1935, стр. 61—68.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 36, л. 1.

⁹⁰ Там же, лл. 1—10. В заседании приняли участие: В. Абаев, Д. Амидов, Г. Балашова, Е. Бертельс, Л. Багиров, Ю. Верховский, Л. Векслер, О. Вильчевский, Л. Гюзальян, А. Генко, В. Гульянц, М. Дьяконов, П. Иванов, Князева, Д. Комиссаров, В. Косаев, И. Крачковский, В. Крачковская, И. Орбели, И. Зарубин, Золоева, Нотик, А. Ромаскевич, А. Самойлович, О. Смирнова, К. Тревер, Г. Фахри, А. Фрейман, И. Федоров, Л. Хетагуров, Г. Шитов. Других документов о деятельности ассоциации в ЛО ААН обнаружить не удалось.

Идея объединения иранистов Ленинграда возродилась в 1966 г. В сен-

ции: директор Эрмитажа И. А. Орбели, зав. кабинетом Е. Э. Бертельс, ученый секретарь кабинета Г. В. Шитов. Для выработки плана работы ассоциации, предусматривающей установление связей со всеми иранистами Советского Союза, устранение параллелизма в работе, проведение комплексных исследований, издание информационного иранистического бюллетеня, была избрана комиссия представителей от семи учреждений: Е. Э. Бертельс, И. А. Орбели (Эрмитаж), В. И. Абаев (ИЯМ), А. А. Фрейман (ЛИФЛИ), А. А. Ромаскевич (ЛВИ), К. В. Тревер (ГАИМК), С. М. Абрамзон (ИАЭ).

Одним из первых мероприятий, намечавшихся к проведению только что созданной ассоциацией, была организация III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, проходившего в Ленинграде, в Эрмитаже, в сентябре 1935 г. под руководством И. А. Орбели.

С докладами на конгрессе выступили семь ленинградских специалистов: Е. Э. Бертельс, М. М. Дьяконов, И. А. Орбели, А. А. Ромаскевич, В. В. Струве, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский. Материалы III конгресса были опубликованы АН СССР⁹¹.

Главным направлением деятельности Иранского кабинета, определившимся к середине 30-х годов, становится критико-филологическое исследование памятников персидской письменности. Три основных раздела, по которым строятся текущие и перспективные планы кабинета, — история, литература, язык — заметно сближены общей текстологической первоосновой исследования. Так, перспективный план кабинета на 1937—1942 гг.⁹² предусматривал: в разделе «История» — издание серии материалов и монографий по истории Ирана и сопредельных стран эпохи феодализма (тексты Рашид ад-дина, Абдарразака Самарканди, Искандера Мунши); в разделе «Литература» — издание серии текстов по художественной литературе домонгольского периода (прежде все-

тябре 1966 г. на совместном заседании кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ и Иранского кабинета ЛО ИНА был создан постоянно действующий семинар ленинградских иранистов, представляющий собой творческое объединение специалистов, ведущих в Ленинграде исследовательскую работу в области истории, истории культуры, литературы и языков ираноязычных народов, их этнографии и искусства (ок. 60 человек). Семинар осуществляет научные связи одиннадцати учреждений Ленинграда: Восточный факультет ЛГУ, ЛО ИВ, ЛО ИЯ, ЛО ИА, ЛО АЭ, Эрмитаж, Музей этнографии народов СССР, ГПБ, БАН, Географическое общество, Институт им. Репина. В Бюро семинара избраны: А. Н. Болдырев (председатель), М. Н. Боголюбов, И. П. Петрушевский, Л. Т. Гюзальян, З. Н. Ворожейкина, В. В. Кушев (секретарь). О деятельности семинара в 1966—67 гг. см.: НАА, 1967, № 3, стр. 221—222; там же, № 4, стр. 248—249.

⁹¹ «Иранское искусство и археология». III международный конгресс. Доклады, М.—Л., 1939.

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 42, лл. 1—3, 4—10; см. также планы и протоколы кабинета за 1935 г., ф. 152, оп. 1 (1935), № 35.

го Аттара), статьи и монографии по отдельным авторам; в разделе «Язык» — составление словаря среднеперсидского языка и в осуществление залемановского плана издание серии материалов лексикографического характера (фархангов), создание словарей к отдельным авторам.

В организации этих работ рядом с Е. Э. Бергельсом прежде всего надо упомянуть А. А. Ромаскевича, выдающаяся научно-педагогическая деятельность которого, к сожалению, не получила еще должного освещения в печати.

Профессор А. А. Ромаскевич начал работать в ИВ с 1936 г., имея за плечами 26-летний стаж научно-преподавательской деятельности. Местом основной его службы на протяжении многих лет были Петербургский, затем Ленинградский университет и ЛВИ. Преподавание персидского языка и разнообразных спецкурсов (страноведение Ирана, этнография, религия, государственное устройство, эпос и др.) он вел также во многих других научных учреждениях Ленинграда⁹³. С 1918 г., после смерти В. А. Жуковского, А. А. Ромаскевич был практически единственным в течение двух десятилетий преподавателем новоперсидского языка. «Из всех научных работников, ведущих в настоящее время работу по иранистике в Советском Союзе, — говорится в официальной характеристике Ромаскевича, составленной в ИВ в 1938 г., — значительное большинство в той или иной мере является учениками проф. Ромаскевича»⁹⁴.

Годы, проведенные в Иране, дали Ромаскевичу превосходные знания современного персидского языка и живой иранской действительности. Материалы, собранные ученым в Иране, обогатили ирановедение новыми данными по неизученным иранским диалектам, народной литературе, по этнографии (Ромаскевич специально занимался амулетами и талисманами, культом деревьев, карнавальными празднествами), доисламским верованиям, иранскому искусству (народная лубочная миниатюра, изображения и изваяния львов) и пр. Значительная часть наиболее интересных персидских рукописей Восточной библиотеки ЛГУ была собрана Ромаскевичем в годы его жизни в Иране, так же как и коллекция предметов этнографического характера (в частности, детских игрушек), переданная ученым в МАЭ.

Основной областью научных интересов Ромаскевича — ближайшего ученика и последователя В. А. Жуковского — была народная литература Ирана.

Громадное количество записей, собственноручно сделан-

⁹³ Практическая восточная академия (1919—1921), Российский институт истории искусств (1920—1921), Институт народного хозяйства (1919—1921), НИИ сравнительной истории, языков и литературы Запада и Востока (1921—1929), ЛИФЛИ, ЛГУ (до 1941 г.).

⁹⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 512.

ных Ромаскевичем в Иране, легло в основу его ценнейших публикаций и исследований.

Строго документированная публикация 440 четверостиший⁹⁵ (записи в Центральном и Южном Иране в 1913—1914 гг.), которую Ромаскевич сопровождал социально-бытовой, литературно-художественной и языковой характеристикой, выделившей четверостишия в особый фольклорный жанр, впервые внесла в науку целостное представление об этой малоизученной, чрезвычайно популярной форме народного творчества.

Ромаскевич был первым, кто познакомил русского читателя с народными сказками Персии⁹⁶. Он вел сбор сказок в 1913—1914 гг., одновременно с англичанином Лоримером и датским ориенталистом Кристенсеном, вскоре опубликованными свои записи⁹⁷. Однако именно Ромаскевичу принадлежит заслуга первого научного освещения этого любимого народом жанра. Исключительной ценности материал представляют как сами сказки, записанные Ромаскевичем у неграмотных сказителей, так и свидетельства ученого об условиях бытования персидской сказки, путях и способах ее распространения, характеристика сказителей, великолепно запечатленные жизненно-колоритные сцены выступления сказочников. 70 народных сказок, включенных в издание, систематизированы по известному указателю сюжетов Аарне-Андреева.

Скудные до Ромаскевича материалы по песенному творчеству, которыми располагала иранская фольклористика, значительно обогатили его публикации чужбинных и колыбельных песен, изданные в развитие наблюдений В. А. Жуковского и подчеркнувшие устойчивость форм и содержания колыбельных песен, и, наконец, песен кашкайцев⁹⁸ — сборник в 35 песен, дополненный небольшим очерком этнографического характера о мало изученном, но влиятельном племени кашкайцев, среди которых ученый прожил несколько месяцев.

Статья Ромаскевича с записями йездских версий фабло⁹⁹ послужила удачным подтверждением научной концепции

⁹⁵ «Персидские народные четверостишия», I, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 313—347; II — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 145—228; III — ЗКВ, III, 1928, стр. 305—366.

⁹⁶ «Персидские народные сказки. Подбор, перевод, примечания и вступительная статья А. А. Ромаскевича», Л., 1934; «Сказочники в Персии», — «Восточные записки», Л., т. I, 1927, стр. 251—270.

⁹⁷ D. L. R. and E. O. Lorimer, *Persian Tales. Written down for the First Time in the Original Kermani and Bakhtiari and Translation*, London, 1919; A. Christensen, *Contes persans en langue populaire*, Kobenhavn, 1914.

⁹⁸ «Песнь о чужбине», — ТТБАН, т. IX, 1938, стр. 128—134; «Колыбельные песни Шираза» — «Иран», т. IV, стр. 1—8 (сигнальный экземпляр не вышедшего из печати издания); «Песни кашкайцев», — сб. МАЭ, т. V, 1925, вып. 2, стр. 573—610.

⁹⁹ «Персидские версии фабло — Constant du Hamel» — «С. Ф. Ольденбург», стр. 443—450.

С. Ф. Ольденбурга о важной роли Востока в обогащении Запада повествовательной литературой, прежде всего народными сказками.

Сжатый очерк «Литературное движение в современной Персии»¹⁰⁰ был первой в отечественной науке попыткой охарактеризовать пути развития современной литературы Ирана. Статья эта на несколько лет предвосхитила специальные работы К. И. Чайкина, Е. Э. Бертельса и Ю. Н. Марра, которые подтвердили и развили выводы Ромаскевича.

Ставший традиционным в академическом ирановедении интерес к «Шах-наме» Фирдауси нашел отклик и в творчестве Ромаскевича в его очерке истории изучения эпопеи и нескольких исследованиях по иранскому эпосу¹⁰¹.

В середине 30-х годов ИВ предпринял, успешно прививая коллективные («бригадные», как они тогда назывались) формы работы, ряд крупных текстологических трудов. Огромная доля в осуществлении этих важных начинаний принадлежит Ромаскевичу.

Именно для руководства подготовкой первой научной публикации известного «Сборника летописей» Рашид ад-дина, своего рода исторической энциклопедии, и был прежде всего приглашен Ромаскевич на постоянную работу в ИВ. Коллектив, подготовивший издание критического текста по лучшим рукописям мировых собраний и перевод летописи, составлял: один из первых сотрудников кабинета — Ю. П. Верховский¹⁰², Л. А. Хетагуров¹⁰³, О. И. Смирнова, А. К. Арендс, А. Али-заде.

В другом сложном коллективном труде, осуществленном ИВ к 15-летию Туркменской республики, — составление свода сообщений восточных источников по истории Туркмении и туркменского народа, в преобладающей части основанных на рукописных материалах, — Ромаскевич был одним из ведущих организаторов и исполнителей — переводчик, редактор, автор обзоров иранских источников X—XV и XVI—XIX вв.

¹⁰⁰ «Восток», 1923, кн. 2, стр. 92—100.

¹⁰¹ Очерк истории изучения Шах-наме, — сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 13—50.

¹⁰² Ю. П. Верховский (1891—1962) был в штате ИВ с 1 июня 1931 г. по 1936 г., в дальнейшем работал на договорных началах; вел преподавание персидского языка на Восточном факультете ЛГУ. По плану Иранского кабинета разрабатывал также темы: «Сатирический жанр в современной персидской литературе», «Ленин в персидской литературе», готовил словники по истории и географии Ирана, выполнял подстрочный перевод поэмы Низами «Лейли и Меджнун» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 120.) Опубликованные работы: «Рашид ад-дин». Сборник летописей, т. II, перев. с персидского Ю. П. Верховского, М., 1960; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов (Подготовка к изданию переводов документов из «Архива шейхов Джуйбари»), М.—Л., 1954, стр. 87—328.

¹⁰³ Л. А. Хетагуров, лингвист и филолог, с 1938 г. — докторант ИВ, с 1940 г. — сотрудник Иранского кабинета. От тяжелой дистрофии, полу-

В подготовке этого издания приняли участие также О. И. Смирнова и А. К. Арендс¹⁰⁴. Это издание, так же как и завершение труда В. Г. Тизенгаузена по истории Золотой Орды¹⁰⁵, осуществленное А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, сделало достоянием историков новые восточные источники, важные для восстановления исторического прошлого народов СССР.

Собиратель и знаток персидской и арабской рукописной книги, опубликовавший информационные списки персидских рукописей как университетской библиотеки, так и хранилища ИВ¹⁰⁶, Ромаскевич в июне 1938 г. возглавил Рукописный отдел.

Хранительской деятельности Ромаскевича суждено было вынести тяжкие испытания, связанные с обороной Ленинграда. В первые же дни войны с германским фашизмом, когда над Ленинградом нависла угроза вражеских бомбардировок, Ромаскевич был одним из тех, кто организовал работы по укрытию фондов. Вся рукописная коллекция ИВ, насчитывающая свыше 40 тыс. томов, была в предельно короткий срок перенесена в глубокие и сухие подвалы БАН.

Ромаскевич не пережил ленинградской блокады. В конце февраля 1942 г. он погиб на улице, на полпути между домом, где жил, и Домом ученых, куда направлялся с путевкой в стационар для ослабевших ученых. Имя проф. Ромаскевича, так же как и Л. А. Хетагурова и аспиранта А. Э. Муллокандова, погибших в дни блокады, занесено на мемориальную доску ЛО ИВ.

Сотрудники ИВ в годы войны продолжали исследования в области иранистики. В Ленинграде А. Н. Болдырев работал над крупным исследованием «Литературная жизнь в Герате на рубеже XV—XVI вв.». В Ташкенте в сентябре 1942 г. вновь оформился Иранский кабинет. В состав его входили Е. Э. Бертельс (зав.), К. А. Антонова (уч. секретарь), А. В. Башкиров, А. М. Мугинов, Н. Д. Миклухо-Маклай,

ченной в блокированном Ленинграде, погиб 12 марта 1942 г. в Саратове. Опубликованные работы: «Категория рода в иранских языках», УЗЛГУ, № 20, СФН, вып. I, Л., 1939, стр. 50—97; «Низами Гянджеви, Хосров и Ширин». Составитель научно-критического текста Л. А. Хетагуров, Баку, 1960; Фазлаллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих, ч. I. Составители научно-критического текста А. А. Ромаскевич, Л. А. Хетагуров, А. А. Али-заде, М., 1965.

¹⁰⁴ МИТТ, I, 1939; МИТТ, II, 1938.

¹⁰⁵ СМИЗО, II, 1941.

¹⁰⁶ «Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петроградского университета», — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 353—371 (опубликована в продолжении работы: К. Г. Залеман и В. В. Розен, Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки С.-Петербургского университета, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 241—262; т. III, 1889, стр. 197—220); «Персидские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской академии наук с Кавказского фронта», — ИРАН, сер. VI, 1918, № 4, стр. 391—396.

О. И. Смирнова. Работал по плану кабинета А. А. Фрейман, находившийся в Боровом. В Ташкенте работали также в годы войны К. В. Тревер, Н. В. Дьяконова, А. А. Семенов, И. И. Зарубин, М. С. Андреев.

В сложных условиях оторванности от основных книжных и рукописных фондов ИВ и в известной мере с учетом местных возможностей и потребностей Узбекистана кабинет разрабатывал в эти годы коллективные темы: «Средняя Азия и Иран. Их культурное взаимодействие в древности и средневековье», «История персидской литературы», «История Ирана», «История узбекской литературы». Помимо того планы сотрудников предусматривали целый ряд филологических и литературоведческих исследований. Е. Э. Бертельс работал над темами «Персидская литература в Средней Азии», «Литературное прошлое Узбекистана», «История персидской литературы X—XV вв.»; О. И. Смирнова готовила к изданию критический текст и перевод «Кандии». Исследования материалов по персидской эпиграфике XII—XIX вв. на бытовых предметах Ирана и Средней Азии вел А. А. Семенов. Н. В. Дьяконова занималась темами «Культурные центры Восточного Ирана» и «Литература раннего средневековья в Восточном Иране». Над исследованием «Авеста и Средняя Азия» работала К. В. Тревер¹⁰⁷.

В 1944—1945 гг. О. И. Смирнова и Н. Д. Миклухо-Маклай работали одновременно в Институте по изучению восточных рукописей АН УзбССР, принимая участие в подготовке каталога восточных рукописей¹⁰⁸.

* * *

В широком комплексе тем, изучавшихся в послевоенные годы (1945—1950) в Иранском кабинете¹⁰⁹ (сравнительная грамматика иранских языков и история языка, словарная работа, новая и новейшая история Ирана, отношения Ирана

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942), № 8, л. 8об.; (1943), № 8, лл. 41—51, № 22, лл. 1—18.

¹⁰⁸ «Собрание восточных рукописей Академии наук УзбССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 8; т. II—VI, Ташкент, 1954, 1955, 1957, 1960, 1963.

¹⁰⁹ В составе кабинета (в эти годы он именуется Иранским сектором), по данным на 1946—1947 гг., значатся: член-корр. АН СССР А. А. Фрейман (зав. сектором), Е. Э. Бертельс (по МГ ИВ), А. Н. Болдырев, М. Н. Боголюбов, К. К. Курдоев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. З. Розенфельд, А. Т. Тагирджанов, О. И. Смирнова, Г. М. Петров, П. Ф. Тимофеев, А. И. Аванесян, докторант Б. Ниязмухаммедов, аспиранты А. А. Завистович и Л. Н. Гумилев. В Среднеазиатском кабинете в эти же годы работали А. Л. Троицкая, И. П. Петрушевский, А. В. Башкиров (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1946), № 23, л. 4—13 и др.; см. также оп. 1 (1947), № 32, л. 1 и др.; также: № 33, лл. 1—7 и др.). В 1947 г. к 30-летию Октябрьской революции Иранский сектор был награжден почетной грамотой обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений «За достигнутые успехи в научной работе в 1947 году» (там же, оп. 1 (1947), № 34).

и Средней Азии в XVI—XVIII вв., согдология и нумизматика), ведущее место продолжали занимать филологические исследования, ориентированные на разработку персоязычных рукописных фондов.

Сотрудники кабинета продолжали подготовку публикации хроники Рашид ад-дина¹¹⁰ (О. И. Смирнова), каталогизировали персидский фонд (Н. Д. Миклухо-Маклай, О. И. Смирнова), проводили монографические описания и исследования отдельных манускриптов (Н. Д. Миклухо-Маклай).

К числу крупнейших филологических трудов этих лет как по масштабам текстологической работы, так и по научной значимости принадлежит подготовка сводного критического текста «Редкостных событий» Васифи, завершенная в 1949 г. А. Н. Болдыревым¹¹¹.

Текст этого выдающегося произведения таджикской средневековой литературы¹¹², реконструированный А. Н. Болдыревым по 25 рукописям, открыл доступ к единственному в своем роде памятнику, раскрывшему повседневную жизнь и быт средних слоев общества в городах Средней Азии и Хорасана XV—XVI вв.

Серия статей Болдырева и монография «Зайнадин Васифи», посвященные этому памятнику¹¹³, как и целый ряд других его исследований, основанных на средневековых источниках¹¹⁴, восстановили многие страницы культурной и литературной истории народов Средней Азии и Ирана¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Вышли из печати: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, перев. с перс. Л. А. Хетагурова; т. I, кн. 2, перев. с перс. О. И. Смирновой, М.—Л., 1952; т. II, перев. с перс. Ю. П. Верховского, указатели О. П. Щегловой, М.—Л., 1960; т. III, перев. с перс. А. К. Арендса, М.—Л., 1946.

¹¹¹ А. Н. Болдырев в ИВ работал с июля 1942 г. по август 1950 г.

¹¹² «Зайн ад-дин Васифи. Бадай ал-Вакай». Критический текст, введение и указатели, т. I—II, М., 1961 (ПЛНВ. Тексты. Большая серия).

¹¹³ «Мемуары Зайн ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. II, Л., 1939, стр. 203—214; «Алишер Навои в рассказах современников» — в кн. «Алишер Навои», Л., 1946, стр. 121—152; «Очерки из жизни гератского общества в XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422; «Зайн ад-дин Васифи» (на перс. яз.), — «Пеяме ноу», Тегеран, 1324 (1945), № 4, стр. 58—64; Рукопись «Удивительных событий» в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, — Труды ГПБ, т. II (V), «Восточный сборник», Л., 1957, стр. 93—102; «Зайнадин Васифи. Таджикский писатель XVI в.» Опыт творческой биографии, Сталинабад, 1957.

¹¹⁴ «Тезкире Хасана Нисори как новый источник для изучения культурной жизни в Средней Азии XVI в.», — ТОВЭ, т. III, 1940, стр. 291—300; «История таджикской литературы XVI в.» (раздел в учебнике для IX кл. средней школы), Сталинабад, 1951, стр. 3—60; «Был ли Рудаки исмаилитом?», — АОГ, 30, 1962, стр. 541—542; «Утопия в персидской классической литературе», — «Пеям-и новин», Тегеран, 1345(1966), № 5, стр. 2—5.

¹¹⁵ «Культура Ирана и Средней Азии в XIV—XVI вв.», — «История культуры», М., 1940 (макет), стр. 291—300.

Непосредственное исследование рукописного текста как первоисточника составило основу большинства филологических и историко-литературных работ Болдырева. Ученый ввел в обиход науки много ценных рукописных источников по персидской и таджикской литературе. Болдыреву посчастливилось помимо работ, упомянутых выше, выявить один из самых старых и точных манускриптов куллиата Саади¹¹⁶, издать уникальный список истории Бадахшана (из собрания ЛО ИВ)¹¹⁷, путем изучения уникальной рукописи дивана Дервиша Дихаки¹¹⁸ ознакомить специалистов с творчеством этого замечательного и незаслуженно забытого поэта XV в., представителя ремесленных кругов. При непосредственном содействии А. Н. Болдырева, вырабатывались принципы описания литературного фонда персоязычного собрания ЛО ИВ.

Исследования народной литературы, имеющие уже прочную традицию в академическом ирановедении, Болдырев дополнил новой, ранее почти не представленной в науке областью — таджикской фольклористикой. Полевые записи, проведенные ученым в годы работы в Таджикистане, послужили основой целой серии изданий и исследований. Болдыреву принадлежит заслуга первой публикации и характеристики не записанных до него таджикских народных героико-эпических сказаний Гуругли¹¹⁹. В книге о таджикском фольклоре¹²⁰ ученый привел обширный материал по народной лирике, впервые тематически классифицированный. Второе издание этой книги, выполненное совместно с М. Турсун-заде, значительно расширено за счет фольклора советского времени¹²¹.

На основе анализа памятников иранской письменности Болдырев приходит к постановке ряда теоретических вопросов иранской филологии: выдвигает свои концепции развития персидского литературного языка в условиях феодального общества, аргументирует новые принципы периодизации истории персидской и таджикской литературы¹²².

¹¹⁶ «Куллият Са'ди», — ТТБАН, т. 9, 1940, стр. 41—47.

¹¹⁷ «Тарих-и Бадахшан. История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели, Л., 1959.

¹¹⁸ «Диван Дервиша Дихаки», — XXV МКВ, ДД СССР, М., 1960.

¹¹⁹ «К фольклору Таджикистана», I. Предварительные данные об эпической традиции у таджиков, — ТТБАН, т. III, 1936, стр. 59—73.

¹²⁰ «Образцы таджикского фольклора», I, Сталинабад, 1938; «Фольклоры точек». Сборник образцов таджикского фольклора, Сталинабад, 1954.

¹²¹ «Фольклор и литература Бадахшана». Тезисы диссертации, Л., 1941; «Бадахшанский фольклор», — СВ, т. V, 1948, стр. 275—294; «Чужбинная песня», — ТТБАН, т. 9, 1940, стр. 118—127; «Вопросы изучения таджикского народного творчества», — ТТФАН, т. 29, 1951, стр. 99—109.

¹²² «Некоторые вопросы становления и развития языков в условиях феодального общества», — ВЯ, 1956, № 4, стр. 31—37; «Соображения о периодизации классической персидско-таджикской литературы» (совместно с И. С. Брагинским), — НАА, 1965, № 2, стр. 110—111.

Над литературоведческими темами в 40-е годы работали помимо Е. Э. Бертельса и А. Н. Болдырева также сотрудники кабинета А. З. Розенфельд и А. Т. Тагирджанов.

Диалектолог А. З. Розенфельд¹²³ является также специалистом по современной персидской литературе и таджикскому фольклору.

Розенфельд принадлежит первая публикация образцов дарвазского фольклора, собранных и систематизированных ею во время полевой работы. Народные сказки и произведения местных поэтов, живущие в устной передаче, А. З. Розенфельд опубликовала в собственной записи в ряде статей и исследований, выявив и проследив некоторые персидско-таджикские фольклорные связи¹²⁴.

А. З. Розенфельд подготовила полный научный перевод (с послесловием и комментарием) крупнейшего памятника современной таджикской литературы — романа С. Айни «Воспоминания» 4 тома)¹²⁵.

Основоположнику новеллистического жанра в Иране, завоевавшего вскоре самую широкую популярность, замечательному писателю Садеку Хедаяту (1903—1951) Розенфельд посвятила целый цикл работ — переводов, творческих характеристик, библиографических обзоров¹²⁶.

Состояние и тенденции развития художественной прозы 40-х годов Розенфельд охарактеризовала в нескольких статьях, предметом особого исследования выделив интереснейшую проблему влияния русских и советских писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького — на процессы становления персидской художественной прозы. Розенфельд выступила первым исследователем в разработке вопроса русско-персидских литературных связей. Любопытные наблюдения о взаимовлиянии персидской и европейской литератур легли в основу ее статьи об истории сюжета «Сердце матери»¹²⁷.

¹²³ А. З. Розенфельд вела научную работу в ИВ с ноября 1937 г. по август 1941 г. и с декабря 1945 г. по август 1950 г.

¹²⁴ См.: «Намунаҳои фольклори Дарвоз», Таджикгосиздат, 1955; «Намунаҳои фольклори Дарвоз», 2-е изд., Таджикгосиздат, 1962; «Мальчик-богатырь», — «Таджикские народные сказки», Душанбе, 1945; «Новые материалы о ванджском поэте Мулло Ере», — КСИНА, т. 67, 1963, стр. 136—147; «Из области таджикско-персидских фольклорных связей», — СЭ, 1948, № 1, стр. 205—206.

¹²⁵ М., 1960 (литературные памятники).

¹²⁶ Садек Хедаят, Избранное, М., 1957 (совместно с Д. С. Комиссаровым, как и две следующие книги); «Садек Хедаят», М., 1958; Садек Хедаят, Бродяга Аколь, М., 1960; «Садек Хедаят, Опыт характеристики творчества», — КСИНА, т. 17, 1955, стр. 66—72; «Драматургия Садека Хедаята», — сб. «Филология стран Азии и Африки», Л., 1966, стр. 104—110.

¹²⁷ «О художественной прозе в персидской литературе XX в.», — ВЛГУ, 1949, № 5, стр. 115—122; «Современная персидская литература», — «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 207—209; «Новелла — ведущий жанр

Историко-филологические и литературоведческие исследования, теснейшим образом связанные с рукописями, проводил в 40-е годы А. Т. Тагирджанов¹²⁸. В 1946 г. он завершил интересное исследование (по уникальной рукописи Парижской Национальной библиотеки) «Поэма Кутба „Хосров и Ширин“» (XIV в.), касающееся персидско-тюркских литературных связей. Исследование было успешно защищено как кандидатская диссертация в 1947 г.

Еще в 1948 г. Тагирджанов подверг серьезным сомнениям правомерность доказательств М. Минови, отрицавшего авторство Фирдауси для поэмы «Юсуф и Зулейха»¹²⁹. В дальнейших работах уточнил некоторые сведения, касающиеся загадочной фигуры суфийского поэта XI в. Баба Кухи¹³⁰, восстановил даты жизни автора и время составления известного космографического сочинения «Маджма' ал-гараиб» (первой редакции)¹³¹ и, наконец, идентифицировал по неустановленной рукописи до того известный только по названию поэтологический трактат XIV в. «Мийар-и Нусрати» Шамс-и Фахри Исфাহани¹³².

В 1960 г. Тагирджанов издал, используя редкую рукопись ЛГУ и список собрания ЛО ИВ, уникальный памятник таджикского разговорного языка XVI в. «Маджму ат-таварих»; обнаружив в этом сочинении самую раннюю запись версии киргизского эпоса о Манасе, Тагирджанов подробным образом охарактеризовал ее во введении¹³³.

А. Т. Тагирджанов подготовил монографический труд, посвященный «отцу персоязычной поэзии» Рудаки, биография

современной персидской прозы», — кн. «В ту ночь, когда шел снег», М., 1963, стр. 7—14; «Пушкин в персидских переводах», — ВЛГУ, 1949, № 5, стр. 81—101; «Гоголь и персидская литература», — сб. «Гоголь. Материалы и сообщения», Л., 1953, стр. 315—330; «Л. Н. Толстой в изданиях на персидском языке», — НАА, 1962, № 5, стр. 156—168; «Чехов в персидской литературе», — сб. «Памяти акад. И. Ю. Крачковского», Л., 1958, стр. 73—79; «Горький и современная персидская литература», — ВЛГУ, 1951, № 8, стр. 124—138; «Сердце матери (К международной истории одного сюжета)», — сб. «Международные связи русской литературы», М., 1963, стр. 403—410 (совместно с З. Н. Ворожейкиной).

¹²⁸ А. Т. Тагирджанов в 1943—1946 гг. проходил аспирантуру под руководством Е. Э. Бертельса в ИВ, затем работал там же до 1950 г. С 1946 г. преподает на Восточном факультете ЛГУ. Доцент А. Т. Тагирджанов ведет курсы персидского, арабского, турецкого языков, читает историю персидской литературы, спецкурс «История таджикской и персидской литературы в Индии».

¹²⁹ См.: «К вопросу о поэме Фирдауси „Юсуф и Зулейха“», — СВ, V, 1948, стр. 334—338.

¹³⁰ «Диван Баба Кухи в исследованиях В. А. Жуковского», — ОИРВ, V, 1960, стр. 59—62.

¹³¹ «О двух редакциях „Маджма' ал-гараиб“ и о дате смерти его автора», — Изв. ООН АН ТаджССР», 1958, № 1, стр. 21—25.

¹³² «Первый трактат Шамс-и Фахри Исфাহани по персидской поэтике», — ВЛУ, № 14, СИЯЛ, вып. 3, 1960, стр. 61—66.

¹³³ «Маджму ат-таварих. Собрание историй», Л. 1960.

которого дошла до нашего времени только в немногих косвенных сведениях, а творчество — в отдельных фрагментах¹³⁴.

Ряд статей Тагирджанов посвятил истории персидской литературы начала XX в., показав влияние русской передовой культуры и революционно-демократических идей (как прямое, так и опосредствованное через азербайджанскую литературу) на развитие гражданского и сатирического направления в литературе Ирана¹³⁵.

* * *

В годы существования Сектора восточных рукописей внимание сотрудников сосредоточилось главным образом на разработке рукописных фондов.

Иранисты О. И. Смирнова, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, И. П. Петрушевский, Л. А. Чебанова (1951—1953), Ю. Е. Борщевский (с 1953 г.) решили в эти годы ряд важных задач, непосредственно связанных с освоением коллекции персоязычных рукописей.

Для давней задачи каталогизации фонда выкристаллизовались два параллельно идущих и хорошо дополняющих друг друга решения: составить краткий алфавитный список, дающий систематизированную информацию о фонде во всей его полноте и серию развернутых научных описаний рукописей по их тематическим, наиболее важным для науки разделам, т. е. серию выпусков так называемого «Каталог резонэ» (каталога с характеристикой сочинений по существу), который был составлен только для незначительной части коллекции, поступившей из Учебного отделения МИДа¹³⁶.

В начале 50-х годов были выработаны основные принципы и схемы для обоих видов каталога (В. И. Беляев, Н. Д. Миклухо-Маклай; в разработке принципов краткого каталога принимал участие Ю. Е. Борщевский) и начаты планомерные работы над кратким алфавитным списком (Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов).

Н. Д. Миклухо-Маклай издал в 1955 г. первый выпуск «Описания»¹³⁷. Этот выпуск, положивший начало целой се-

¹³⁴ «Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения», Л., 1968.

¹³⁵ «Исторические корни персидской политической сатиры», — ВЛУ, 1952, № 8, стр. 83—93; «Влияние русской революционно-демократической мысли и русской революции 1905—1907 гг. на персидскую литературу», — УЗЛГУ, СИН, вып. 26, 1956, № 220, стр. 129—141; «Творчество персидского прогрессивного поэта Ашрафа Гиляни», — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 353—376.

¹³⁶ [V. Rosen], Les manuscrits Persans de l'Institut des langues Orientales decrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections Scientifiques, III).

¹³⁷ «Описание таджикских и персидских рукописей ИВАН СССР» (вып. I, Географические и космографические сочинения), М.—Л., 1955.

рии «Описаний» персидских и таджикских рукописей, был первым и во многом основополагающим среди аналогичных изданий, подготовленных в ближайшие годы и по другим рукописным фондам ЛО ИВ. Принципы описания, примененные в секторе к коллекции персоязычных рукописей, получили широкое признание в науке; на их основе в той или иной мере построены все отечественные каталоги арабографических рукописей, опубликованные за последние годы.

В эти же годы был начат грандиозный труд по полной критической публикации «Шах-наме» Фирдауси.

В отличие от многочисленных предшествующих изданий (М. Ламсдена, Т. Макана, Ж. Моля, И. Вуллера, С. Нафиси, Д. Сияки), недостаточно критически воспроизводящих перегруженные позднейшими вставками редакции XV в., публикация ИВ покоилась на древнейшей из сохранившихся редакциях XIII в. Приняв главным условием текстологической работы точную датировку и строгую фиксацию рукописного материала, издатели пошли по пути выделения интерполяцией и установления общей последовательности бейтов основного текста.

Издание, рассчитанное на 8 томов, по замыслу исполнителей должно было быть дополнено словарем-конкордансом к подготовленному тексту, со ссылками на датированные рукописи. Помимо более точного представления о лексике Фирдауси по сравнению с глоссарием Вольфа словарь-конкорданс, безусловно, сыграет роль еще одного надежного критерия для дополнительной критики текста.

К настоящему времени вышли из печати в серии «Памятники литературы народов Востока» 6 томов «Шах-наме» Фирдауси¹³⁸. В их подготовке приняли участие московские сотрудники ИВ: Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, А. Нушин (редакторы), А. Е. Бертельс, М. Н.-О. Османов, Р. М. Алиев и ленинградские иранисты Л. Т. Гюзальян, А. Т. Тагирджанов (т. II, эпизод царствования Кай-Кавуса и его поход в Мазандеран) и О. И. Смирнова. Она приняла участие в издании т. I (Минучихр, бейты 1—1238), подготовила текст эпизода «Рустам и Сохраб» для т. II и полностью т. III, содержащий «Сказание о Сявюше».

Методы работы этого коллектива над критикой текста «Шах-наме», о которых Е. Э. Бертельс сообщил в печати¹³⁹, являются определенным вкладом в отечественную текстологию.

---

¹³⁸ Фирдауси, Шах-наме, критический текст, т. I, М., 1960; т. II, М., 1962; т. III, М., 1965; т. IV, М., 1965; т. V, М., 1967; т. VI, М., 1967.

¹³⁹ «Шах-наме и критика текста», — СВ, 1955, № 1, стр. 88—95; «Новое издание „Шах-наме“ Фирдауси», — КСИВАН, вып. 13, 1955, стр. 3—71.

Научная традиция использования восточных источников для восстановления истории нашего государства, сложившаяся еще в первые годы существования АМ, нашла свое продолжение в другом крупном коллективном труде этих лет — создании свода материалов по истории Киргизии и киргизов.

С июня 1954 до начала 1957 г. в секторе действовала так называемая киргизская группа.

Материалы, обнаруженные иранистами в персоязычных источниках (ок. 30 сочинений), как правило рукописных, составили свыше 50 авт. л. Оформленные по образцу предшествующего аналогичного издания (МИТТ, I—II) извлечения сопровождались кратким критико-филологическим комментарием и справкой, дающей представление об авторе, характере сочинения и основной библиографии.

Публикация сборника еще не осуществлена¹⁴⁰, однако подготовленные группой материалы, посылаемые во Фрунзе по мере завершения их обработки, давно уже стали достоянием широкого круга историков Киргизии; в значительной степени на основе этих материалов написана первая история республики¹⁴¹.

С созданием ЛО ИВ штат иранистов значительно расширился. В декабре 1956 г. вернулся на работу в отделение один из первых сотрудников Иранского кабинета — Г. В. Шитов (работал до 1965 г.), были зачислены М. Н. Боголюбов (1958), А. Л. Троицкая (1958; работала до 1963 г.), С. И. Баяевский (1956), Н. Н. Туманович (1958), И. М. Оранский (1959), В. А. Лившиц (1958), Х. Н. Ниязов (1958), В. В. Кушев (1957), О. П. Щеглова (1958), А. Н. Рагоза (1960), Л. Н. Карская (1960), Н. В. Елисеева (1961), Л. П. Смирнова (с 1964 г.).

Коллектив иранистов, действовавший и в секторе как группа иранистов (с февраля 1956 г. регулярно), возобновил свою работу как структурная единица с конца 1956 г.; в ноябре 1957 г. снова возрождается название Иранский кабинет¹⁴². До 1959 г. Кабинет работал под руководством

---

¹⁴⁰ Первый том сборника МИКК (редактор В. А. Ромодин) объемом около 30 авт. л. находится в издательстве «Наука». По извлеченным материалам опубликованы статьи: М. А. Салахетдинова, Сочинения Мухаммада Садыка Кашгари «Тазкира и Хаджаган» как источник по истории киргизов, — ИАН КиргССР, т. I, вып. 1, 1959, стр. 93—125; е е же, Сведения о киргизах в Абдулла-наме Хафиза Таныша, — там же, СОН, т. II, вып. 3, 1960, стр. 173—181; е е же, Сообщения о киргизах в «Хидайат-наме» Мир Хань ад-дина, — там же, СОН, т. III, вып. 2, 1961, стр. 133—140; З. Н. Ворожейкина, Доисламские верования киргизов в XVI в., — ВФИСЗВ, стр. 182—189.

¹⁴¹ «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1963.

¹⁴² Протоколы заседаний см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1956), № 25, лл. 1—15 (1957), № 31, 32; протокол № 23, там же (1957), № 32, лл. 54—58.

И. П. Петрушевского, в 1959—1961 гг. зав. кабинетом был М. Н. Боголюбов¹⁴³.

Основным научным направлением работы Иранского кабинета ЛО ИВ, выделяющим его в системе академического ирановедения, являются описание, публикация и исследование памятников персидской письменности. Последние десять лет были наиболее результативными для научной разработки персоязычного рукописного фонда.

Кабинету удалось завершить полную печатную каталогизацию персидского рукописного фонда, решив тем самым настоятельную задачу, поставленную с первых лет существования АМ.

Издание краткого каталога¹⁴⁴, вообравшего в себя труды многих поколений иранистов и доведенное до конца сотрудниками кабинета, регистрирует 4790 персоязычных рукописей, из которых более половины не были отмечены в научной литературе. Шесть указателей и два приложения, изданные отдельно (ч. II), дают сквозную систематизацию фонда по тематическим разделам (их 75), времени и месту изготовления рукописей, переписчикам и наличию иллюстраций.

Изданный иранистами каталог является первым опытом полной каталогизации целого фонда в ЛО ИВ, т. е. первым реальным решением общей задачи, которую ставят перспективные планы перед многими кабинетами отделения.

Иранский кабинет продолжает издание серии полных научных описаний; выпуски этой серии охватывают определенные отрасли науки и литературы. Описания строятся по развернутой схеме¹⁴⁵, предусматривающей в основных пунктах характеристику научного значения сочинения, текстологический анализ каждого манускрипта и основную библиографию, касающуюся как сочинения, так и его списков, известных в литературе. При всей трудоемкости эта работа является необходимым этапом для углубленного исследования коллекции и выявления ее потенциальной ценности для истории культуры ираноязычных народов.

Географические, биографические и исторические сочинения

---

¹⁴³ М. Н. Боголюбов с 1958 по 1961 г. работал в ЛО ИНА (в 1946—1950 гг. здесь же аспирант и докторант).

¹⁴⁴ О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, Н. Д. Миклухо-Маклай, А. М. Мугинов, М. А. Салахетдинова, Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР, ч. I—II, М., 1964; см. также: Н. Д. Миклухо-Маклай, О. Ф. Акимушкин, В. В. Кушев, М. А. Салахетдинова. Некоторые редкие и уникальные персидские и таджикские рукописи в собрании ЛО ИНА АН СССР, — XXV МКВ, ДД СССР (издано также на английском языке; переведено на персидский язык) (журн. «Рахнама-и китаб», IV, 1961, № 1, стр. 38—43).

¹⁴⁵ Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание, I, стр. 4—6.

(свыше 500 рукописей) получили подробное описание в работах Н. Д. Миклухо-Маклая¹⁴⁶.

При описании этой коллекции, содержащей сочинения X—XX вв. — некоторые из них в редких и даже уникальных рукописях, — Н. Д. Миклухо-Маклай ставил себе исследовательские цели охарактеризовать малоизученные источники, расширить и уточнить существующие представления об известных в литературе памятниках и обстоятельствах их создания. Непосредственная работа над текстом сочинения позволила автору «Описания» сделать целый ряд источниковедческих находок, прежде всего в таких вопросах первостепенной важности, как установление авторства и различных редакций для многих ранних, в том числе и известных, сочинений.

В качестве примера можно указать установление авторства известного космографического сочинения XII в. «Аджаиб ал-махлукат», так же как и авторства «Дополнения» к знаменитому «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-дина Аттара. Для всеобщей истории Хондемира, которой широко пользуются исследователи, Н. Д. Миклухо-Маклаю удалось выявить существование различных редакций, в одной из которых он проследил заимствования из «Записок» Бабура. Эти наблюдения нашли свое отражение в ряде специальных статей¹⁴⁷.

Работы Н. Д. Миклухо-Маклая делают достоянием историков обширную коллекцию критически охарактеризованных источников, дающую в целом достаточно полное представление об историко-географической литературе на персидском языке.

Исследованию историко-географических и биографических рукописей посвящены также статьи О. И. Смирновой, М. А. Салахетдиновой, В. А. Ромодина, О. Ф. Акимускина, А. М. Мугинова¹⁴⁸.

¹⁴⁶ «Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения», М.—Л., 1955; «Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии», вып. 2. Биографические сочинения, М., 1961, выпуск 3 «Описания» находится в издательстве. См. также: Н. Д. Миклухо-Маклай, Некоторые персидские и таджикские исторические, бисграфические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 235—279.

¹⁴⁷ Н. Д. Миклухо-Маклай, Географическое сочинение XIII в., на персидском языке, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 175—219; его же, Происхождение «Дополнения» к «Тазкират ал-аулийа» Аттара, — КСИВАН, вып. XXII, 1956, стр. 19—27; его же, Хондемир и «Записки» Бабура, — «Тюркологические исследования», Л., 1963, стр. 237—249.

¹⁴⁸ О. Ф. Акимускин, Два редких памятника мусульманской агрографической литературы, — КСИВАН, вып. 38, 1960, стр. 41—47; А. М. Мугинов, Исторический труд Мухаммада Шабангара'и, УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 220—240; его же, Ленинградская рукопись «Жизнеописание шейха Рузбихана», — СВ, 1957, № 6, стр. 114—116; его же, Персидская уникальная рукопись Рашид ад-дина, — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 325—375; В. А. Ромодин, Находка рукописи нового исторического сочинения, — СВ, 1958, № 6, стр. 89; его же, Новый источник по истории Ко-

Полное научное описание получила и коллекция персоязычных рукописей лексикографического содержания, насчитывающая около 150 списков; в этом направлении иранской филологии работает в кабинете С. И. Баевский¹⁴⁹. Рукописная коллекция персоязычных словарей собрания ЛО ИВ — одна из крупнейших среди известных собраний мировых хранилищ — содержит памятники лексикографической литературы XII—XIX вв., значительное число которых не изучено и не издано; для некоторых из них «Описание» дает первую характеристику в научной литературе.

Разнообразные словари персидского языка — толковые словари (фарханги), словари к отдельным произведениям персидской литературы, двуязычные словари (арабско-персидские, персидско-турецкие, тюркско-персидские) — рассмотрены автором «Описания» с точки зрения круга представленной лексики, принципов построения, наличия подтверждающих цитат; отмечены источники сочинения и его место в лексикографической традиции. Материалы «Описания» дают наглядное представление о развитии персидской лексикографии на протяжении многих веков и о ее связях с арабской и тюркской словарными традициями.

Отдельным рукописям фархангов Баевский посвятил специальные статьи и научные сообщения¹⁵⁰. Традиции составления арабско-персидских и персидско-тюркских словарей и их значение для иранской филологии рассмотрены автором в специальной работе¹⁵¹.

кандского ханства, — ПВ, 1959, № 3, стр. 110—112; его же, Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда, — ТМКВ XXV, т. III, М., 1963, стр. 58—63; М. А. Салахетдинова, Сведения о математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в., — «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 182—188; ее же, Об одном неизвестном сочинении по истории народов Поволжья, — «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965, стр. 147—154; О. И. Смирнова, К истории самаркандского договора 712 года, — КСИВАН, вып. 38, 1960, стр. 69—79; ее же, «История Бухары» Наршахи, — КСИНА, вып. 69, 1965, стр. 155—179.

¹⁴⁹ С. И. Баевский, Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии, вып. 4. Персидские толковые словари (фарханги), М., 1962, Рец.: D. N. Mackenzie, — BSOAS, 1964, vol. 27, pt 2, стр. 493; Rahnama-ye ketab, Tehran, vol. 8—9, 1963, стр. 799; его же, вып. 5, Двуязычные словари, М., 1968.

¹⁵⁰ С. И. Баевский, Вторая рукопись Шамс-и Фахри в собрании ИВАН СССР, — ПВ, 1959, № 3, стр. 122—125; его же, Редкая рукопись персидского толкового словаря «Тухфат ас-саадат», — КСИНА, 1963, № 67, стр. 160—162. Перевод на персидский язык: журн. «Пеям-и новин», Тегеран, 1343/1964, т. VI, № 11—12, стр. 114—118; его же, Сихах ал-фурс, изд. Абд ал-Таэти (рец.), — НАА, 1964, № 5, стр. 202—203; «Нуха-йи надир-и Тухфат ас-Саадат», — «Пеям-и новин», Тегеран 1341/1962, т. V, № 2, стр. 28—29.

¹⁵¹ «Арабско-персидские и персидско-тюркские словари и их значение для иранской филологии», — «Иранская филология», Ташкент, 1966, стр. 303—313.

Кабинет завершает подготовку еще трех выпусков «Описаний», охватывающих произведения художественной литературы.

Отдельный выпуск серии составляет описание рукописей художественной литературы домонгольского периода, которая широко представлена в собрании ЛО ИВ (свыше 350 списков). Составители выпуска З. Н. Ворожейкина и Х. Н. Ниязов провели новый в методике каталогизации авторско-хронологический принцип сквозной систематизации литературного фонда. Поставив целью возможно полнее собрать литературное наследие каждого из 33 поэтов домонгольского времени (начиная от Рудаки и кончая Аттаром), составители сгруппировали воедино все относящиеся к тому или иному автору рукописные материалы собрания, включая сборники стихов, альбомы, отдельные стихотворения, литературный комментарий.

Выпуск подробно характеризует литературное наследие крупнейших домонгольских авторов, многие из которых представлены большими коллекциями рукописей. Среди них есть и редкие рукописи неизданных сочинений (Санай, Ансари, Хакани, Мухтари, Ахмад-и Джам).

Детальное сопоставление наших списков по объему, структуре и выборочно текстуальной тождественности с существующими изданиями (выполненными, как правило, без учета рукописей ЛО ИВ) позволило выявить заслуживающие внимания коррективы к изданным текстам. Описание фиксирует интересные добавления к изданным диванам Анвари, Баба Тахира, Низами, О. Хайама, Насир-и Хосрова. Некоторые наблюдения подобного характера опубликованы составителями в ряде статей¹⁵².

В качестве самостоятельного предмета описания и изучения выделены стихотворные сборники и альбомы (около 90 рукописей).

О. Ф. Акимушкин разработал для их описания оригинальную схему. Расположение материала (хронологическое, по культурным районам изготовления сборников) и подробная характеристика состава сборника (поэт, объем и жанры его произведений, включенных в сборник) дадут в руки исследователей новый материал для суждения о господствовавших литературных вкусах в то или иное время, их локализации и

---

¹⁵² З. Н. Ворожейкина, О литературном наследии Баба Кухи и Баба Тахира, — сб. «Иранская филология», Л., 1964, стр. 149—155; ее же, Лирические «фрагменты» Камал ад-дина Исмаила Исфাহани, — КСИНА, 1963, № 67, стр. 148—159; ее же, Диван Минучихри, — КСИНА, 1965, № 69, стр. 22—28; ее же, Диван Анвари. Публикация М. Ризави (рец.), — НАА, 1963, № 5, стр. 126—127.

степени устойчивости, хорошо показывают формы бытования персидской поэзии¹⁵³.

Форму интересного литературоведческого исследования приняло описание рукописей народной (безавторской) литературы. Выпуск охватывает повествовательные жанры фольклорной и потерявшей авторство персидской литературы — хикайаты, сказки, повести, дастаны; в целом они составляют значительную коллекцию (около 300 списков). Составители Н. Н. Туманович и Ю. Е. Борщевский проводят классификацию литературных произведений по сюжетам и их элементам, что позволит проследить любопытные параллели с другими народными литературами мира.

Работа над этим разделом Рукописного персоязычного фонда положена составителями в основу популярной публикации народных рассказов¹⁵⁴.

Введение к этому сборнику, написанное Ю. Е. Борщевским¹⁵⁵, ставит его автора в число исследователей письменной персидской народной литературы, изучение которой еще только начинается и материалы которой не систематизированы и плохо учтены.

Завершено в кабинете и полное научное описание небольшой коллекции афганских рукописей (36 списков на языке пашто), собранной еще акад. Б. А. Дорном и с того времени привлекавшейся к работе.

Эта коллекция (в Советском Союзе самая крупная), описание которой провел В. В. Кушев, содержит памятники художественной литературы, грамматические трактаты, агиографические и теологические сочинения XVI—XIX вв.; восемь из них, в том числе диван афганского поэта XVIII в. Рахима, поэма «Кисса-йи Махбуб» и др., как установил В. В. Кушев, представлены редкими и уникальными списками. Публикация этой работы введет в обиход специалистов новые памятники афганской письменности, которые расширят существующие представления о культурном прошлом афганского народа.

Подробное описание получила и коллекция персидских литографий и старопечатных книг ЛО ИВ (около 1650 томов).

Принципы этого описания, выполненного О. П. Щегловой, предусматривают расположение материала по тематическим рубрикам (около 50 рубрик, самая обширная — художествен-

---

¹⁵³ По материалам, полученным в ходе работы, опубликована статья: О. Ф. Акимускин, Комментарий на искусственную касыду Кивами Матарризи, — КСИНА, вып. 69, 1965, стр. 7—21.

¹⁵⁴ «Плутовка из Багдада», М., 1963 (36 переводов сделаны по рукописям ЛО ИВ).

¹⁵⁵ «Персидская народная литература», — там же, стр. 5—26; см. также: его же, Персидская повествовательная проза в Индии, — И. Канпу, Книга о верных и неверных женах или Бахар-и даниш, М., 1964.

ная литература), сведения об авторе и аннотацию сочинения, исчерпывающие данные об издании книги и основную библиографию. Каталог литографий и старопечатных книг ЛО ИВ, ранних и малораспространенных изданий на персидском языке, представляет собой ценный материал по истории книгопечатания в Иране и Индии. Каталог познакомит читателей с целым рядом редких изданий, не отмеченных в крупнейших библиотеках мира ¹⁵⁶.

Полезную работу провели О. Ф. Акимушкин и Ю. Е. Борщевский, опубликовавшие упоминавшийся выше систематический обзор литературы по персидским рукописям ¹⁵⁷. Материалы этой аннотированной библиографии, так же как и предлагаемые авторами принципы их подачи и расположения, являются заметным шагом вперед в решении насущной задачи иранистики — создания «Каталога каталогов» персоязычных рукописей, подготовке которого много внимания уделил в свое время акад. К. Г. Залеман.

Центральное место в научных планах кабинета занимают публикации и исследования памятников средневековой персидской письменности.

Перспективная программа публикаций намечает к первоочередному изданию свыше 60 сочинений: серию источников по истории Ирана, Средней Азии, Кашгара, Могулистана и Афганистана, географические и мемуарно-биографические сочинения, словари, трактаты по поэтике и каллиграфии, произведения художественной литературы и фольклора. Публикации введут в научный оборот малодоступные и неисследованные донные письменные памятники иранской культуры. Над реализацией этой программы работает большая часть сотрудников кабинета ¹⁵⁸.

Издание 1961 г. сделало доступным для специалистов памятник ранней географической литературы «Джахан-наме» ¹⁵⁹. Факсимильное издание редкой рукописи (сочинение дошло до нашего времени в двух списках) Ю. Е. Борщевский дополнил исследовательским введением, в котором впервые

---

¹⁵⁶ Каталог был сдан в печать в 1968 г. См. также: В. В. Кушев, Персидский фонд, — кн. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза», М., 1963, стр. 13—17.

¹⁵⁷ «Материалы для библиографии работ о персидских рукописях», — НАА, 1963, № 3, стр. 165—174; там же, 1963, № 6, стр. 228—241.

¹⁵⁸ Помимо названных ниже в Кабинете завершены работы по публикации: О. Ф. Акимушкин, «Хроника Махмуда Чураса» и С. И. Баевский «Фарханг-и Зафангуя ва Джаханпуйа», персидский словарь XIV в.; Л. П. Смирнова, «Тарих-и Систан» (перевод).

¹⁵⁹ Мухаммад ибн Наджиб Бакран, Джахан-наме, М., 1960; Переиздано в Иране: Мухаммад б. Наджиб Баكرآن, Джахан-наме. Матн-и джуграфийайи. Ба ду мукаддаме ва пандж фикрист ба кӯшиш-и дуктар Мухаммад Амин Риййахи, Тегран, фарвардин 1342.

определил место сочинения в развитии географической мысли на Ближнем Востоке.

Завершена трехтомная публикация уникального манускрипта (и авторского экземпляра) сочинения Мухаммеда Казима (издатель Н. Д. Миклухо-Маклай, участники публикации Г. В. Шитов, Н. В. Елисеева, О. П. Щеглова)¹⁶⁰, дающая в руки специалистов важнейший источник по социально-экономической истории Ирана и Средней Азии первой половины XVIII в. Исследования Н. Д. Миклухо-Маклая, сопровождающие эту публикацию, детально характеризуют сочинение, собрав ряд ранее неустановленных сведений. Результатом первостепенной важности является установление факта полной авторской самостоятельности Мухаммеда Казима при составлении первых двух томов хроники.

Публикуется в русском переводе сочинение «Дастур ал-мулук» Самандара Термези, своеобразный памятник среднеазиатской литературы, дошедший до нашего времени в единичных рукописях. «Дастур ал-мулук» представляет интерес как образец художественной прозы Средней Азии XVII в. на таджикском языке, особенно под углом зрения развития традиционного на Востоке жанра «зеркала». Сочинение Термези одновременно является оригинальным источником по скупому отраженному в историографии периоду XVII в. Заслуга выявления исторических сведений в дидактической по форме прозе и их научная характеристика принадлежат М. А. Салахетдиновой, ею осуществлена и подготовка публикации.

Сотрудники кабинета З. Н. Ворожейкина и С. И. Баевский осуществили первый полный перевод на русский язык знаменитого литературного памятника XII в. «Чахар макале»¹⁶¹. Сочинение Низами Арузи, из которого специалисты черпают интереснейшие сведения по истории персоязычной литературы, является одним из самых ярких памятников персидской художественной прозы XII в. Композиционная стройность сочинения, сюжетная занимательность сорока двух новелл, введенных в книгу,— исторических анекдотов из жизни феодальной интеллигенции (секретарей-письмоводителей, поэтов, астрологов и врачей),— динамичность изложения делают «Собрание редкостей или четыре беседы» в русском пе-

---

¹⁶⁰ Мухаммад Казим, Наме-йи аламара-йи надире («Мироукрашающая Надирова книга»), т. I, М., 1960, т. II, М., 1965; т. III, М., 1966.

¹⁶¹ Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей или четыре беседы, М., 1963. Рец.: А. Гвахария, О русском переводе «Чахар макале», — ТТГУ, V, 1965, № 1, стр. 423—427; Gustav Glaeser, East and West, New Series, 1966, vol. 16, № 1—2, стр. 162—163; Х. Хамидов, Низами Арузи Самарканди приобрел русского читателя, — «Ленинский путь», Самарканд, 1963, № 176.

реводе доступным и привлекательным для широкого круга советских читателей.

Ценный документ в руки историков персидской литературы XIX в. даст публикация «Биографии Каим Макама», которую завершила Н. В. Елисеева. Единственная рукопись этого сочинения, привезенного Ю. Н. Марром из Ирана, содержит подробное жизнеописание Каим Макама — известного литературного и политического деятеля первой трети XIX в., считающегося реформатором персидского прозаического стиля.

Говоря о работе над Рукописным фондом, проводимой сотрудниками кабинета, надо упомянуть и искусствоведческое направление в исследовании персидской рукописной книги. В этом направлении, ведущим начало в АМ от Ф. А. Розенберга, успешно работает О. Ф. Акимушкин. Занимаясь комплексно разными аспектами истории персидской рукописной книги, техникой ее изготовления и художественного оформления, О. Ф. Акимушкин особое внимание уделяет персидской палеографии и истории миниатюры XIV—XVII вв.¹⁶²

В кабинете продолжают и исследования современной литературы.

Книга З. Н. Ворожейкиной об Иредж-Мирзе¹⁶³ явилась первым в иранистике монографическим исследованием, посвященным персидскому поэту XX в. Интерес к этому популярному поэту 20-х годов появился у автора во многом под влиянием восторженных отзывов Ю. Н. Марра и К. И. Чайкина, лично знавших поэта. Иредж-Мирза занимает одно из центральных мест в блестящей плеяде поэтов-новаторов, положивших начало обновлению и демократизации современной поэзии Ирана. Поэтому автор, анализируя творчество Иреджа, закономерным образом касается таких важных проблем современного иранского литературоведения, как становление гражданской поэзии, появление национальной детской литературы, зарождение интереса к иноязычной поэзии и первые опыты ее художественного перевода, демократизация поэтического языка и стиля.

Одно из «белых пятен» истории современной таджикской литературы заполняет исследование Х. Н. Ниязова, посвя-

---

¹⁶² «Лицевая рукопись из собрания ИНА АН СССР», — сб. «Ближний и Средний Восток», М., 1962, стр. 76—82; Мир Имад, Альбом индийской и персидской миниатюры и каллиграфии, М., 1962 (совместно с А. А. Ивановым и Т. В. Грек); «Искандер Мунши о каллиграфах времени шаха Тахмаспа I», — КСИА, 1963, № 39, стр. 20—32; «Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуде Нишапуре», — НАА № 6, 1963, стр. 140—143.

¹⁶³ Иредж-Мирза, Жизнь и творчество, М., 1961; Рец.: Franciszek Machalski, — Przegląd Orientalistyczny, Warszawa, 1963, № 1 (45), стр. 60—61; В. Б. Кляшторина, — НАА, № 4, 1963, стр. 227—229.

щенное поэтическому творчеству Садриддина Айни¹⁶⁴. Автор характеризует двуязычное, таджикско-узбекское, поэтическое творчество основоположника современной таджикской литературы С. Айни, которое не имело достаточного освещения в науке.

Заслугой Х. Н. Ниязова является библиография стихов Айни, приложенная к книге; она насчитывает 182 названия (до него наиболее полная библиография включала 87 стихотворений).

Интерес к современной художественной литературе Ирана проявляется также в переводческой деятельности сотрудников кабинета. А. Н. Рагоза, В. В. Кушев, З. Н. Ворожейкина, Л. П. Смирнова, Н. В. Елисеева, С. И. Баевский выступают в печати с переводами произведений популярных новеллистов современного Ирана — С. Чубака, Джалал Ал-е Ахмада, Джамал Мир Садики, Расула Парвизи, Бузурга Алави¹⁶⁵.

Работа над научными архивами востоковедов прошлого также входит в планы кабинета.

Трудами сотрудников кабинета дан обстоятельный научный обзор архива В. А. Жуковского¹⁶⁶ и опубликованы его работы или материалы его собраний¹⁶⁷, подробно описаны архивные материалы акад. В. В. Бартольда (Н. Н. Туманович), разобран и охарактеризован в специальной статье архив Ю. Н. Марра (Н. В. Елисеева), дано предварительное обозрение рукописных материалов К. И. Чайкина, приобретенных АВ в 1958 г.¹⁶⁸.

Исторические и лингвистические исследования, которые ведут иранисты отделения О. И. Смирнова, Н. Д. Миклухо-Маклай, В. А. Ромодин, А. Н. Рагоза, И. М. Оранский, В. А. Лившиц, Л. П. Смирнова, В. В. Кушев, С. И. Баевский, а также работавшие в кабинете до последнего времени И. П. Петрушевский, М. Н. Боголюбов, А. Л. Троицкая, Г. В. Шитов, охарактеризованы в соответствующих разделах настоящей книги.

---

¹⁶⁴ «Путь Садриддина Айни — поэта», М., 1965.

¹⁶⁵ См. сборники: «Рассказы писателей Востока», Л., 1958; «Восточная новелла», М., 1963; «В ту ночь, когда шел снег», журн. «Ровесник», 1964, № 4; «Тугой узел», М., 1968.

¹⁶⁶ Ю. Е. Борщевский, К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского, — ОИРВ, V, 1960.

¹⁶⁷ Ю. Е. Борщевский, «Тарих-и мухтасар-и би-дурог» Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, — там же, стр. 63—114; В. В. Кушев, Два рукописных мухамасса из собрания В. А. Жуковского, — КСИНА, вып. 69, стр. 29—45.

¹⁶⁸ Ю. Е. Борщевский, Обзор рукописного наследия К. И. Чайкина, — БАВ ЛО ИНА, 1961, № 1, стр. 28—39 (на правах рукописи).

Курдоведение

Курдоведение как самостоятельная научная дисциплина стало развиваться в ИВ лишь после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Однако предпосылки для его развития существовали уже с середины XIX в. Особая заслуга в этом деле принадлежит Б. А. Дорну, оказавшему неоценимую помощь основателю русского курдоведения П. И. Лерху¹ в организации и публикации его исследований по истории, этнографии, филологии и курдскому языку, а также в приобретении для АМ курдских исторических, литературных рукописных памятников и фольклорных текстов².

Среди приобретенных АН курдских и персидских рукописей была знаменитая рукопись курдского историка Шарафхана Бидлиси «Шараф-наме». Первое полное описание этой рукописи было сделано хранителем АМ М. Волковым³. Важность и необходимость публикации и перевода «Шараф-наме» были отмечены Х. Д. Френом в статьях, посвященных описанию восточных рукописей Ардебильской библиотеки⁴, и поддержаны Б. А. Дорном в его докладе о путешествии П. Лерха⁵, а также в каталоге восточных рукописей и в работе Дор-

¹ К. Курдоев, Труды П. И. Лерха по курдоведению, — ОИРВ, 1959, стр. 39—51. См. также: ТААН, вып. 4, 1940, стр. 215—216, 219—220.

² М. Б. Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М., 1962; см. рец.: М. Иштванович, — журн. «Ethnographia» (Вснгрция), 1962, № 4.

³ M. Wolkow, Notice sur l'ouvrage persan intitulé Scheref Namé accompagnée de quelques renseignements sur son auteur, — JA, 1826, t. 8, стр. 291—298.

⁴ Fr[aehn], Vorläufiger Bericht über eine neue bedeutende Bereicherung des Orientalischen Manuscripten-Apparats der Kais. Akademie der Wissenschaften, Beilage zu N 11 der «St. Petersb. Zeitung», 1826; Fr[aehn], Die Bibliothek aus der Scheich-Sefy-Moschee zu Ardebil, — «St.-Petersb. Zeitung», 1829, № 44; см. также: Dorn, As. Mus., стр. 279—294, 346—352.

⁵ П. И. Лерх, Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях, кн. II, СПб., 1857, стр. 1—4.

на об Азиатском музее⁶. В 1860—1862 гг. В. В. Вельяминов-Зернов издал персидский текст «Шараф-наме»⁷, а в 1868—1875 гг. был издан французский перевод этого сочинения, сделанный Ф.-Б. Шармуа, с солидными географическими, историческими и этнографическими комментариями⁸. К тому же времени относится издание АН работ русского консула в Эрзеруме А. Жабы⁹.

Не менее важную роль в развитии курдоведения сыграл К. Г. Залеман¹⁰, при содействии которого были опубликованы работы зарубежных курдоведов Ф. Юсти, Э. Прима и А. Социна¹¹.

Таким образом, с середины XIX в. в АН начинается более или менее систематическое и планомерное изучение жизни курдского народа, создается научная и материальная база для развития курдоведения в России.

В конце XIX — начале XX в. в АН наблюдается некоторое затишье в области курдоведческих исследований, и большинство русских работ о курдах и их истории печатается в этот период в неакадемических изданиях¹². Среди работ, опубликованных в этот период, нельзя не упомянуть статью Н. Я. Марра «Еще о слове челеби»¹³.

В начале XX в. среди русских востоковедов велась горячая полемика по вопросу о происхождении и истории загадочного термина «челеби» в курдском, тюркских и арабском языках со значением благородный, музыкальный, певец, балагур, разбойник и т. п. Этому термину было посвящено несколько статей, среди них и названная статья Н. Я. Марра с подзаголовком «К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии». В этой статье Марра много интересных фактов, дающих представление о роли курдов в культурной истории народов Передней Азии. Автор подчеркивает, что курды в X—XIII вв. сыграли большую роль в феодализации Малой Азии и создании культурных ценно-

---

⁶ «Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.-Petersbourg», 1852, XLIV; Dorn, As. Mus.

⁷ «Scheref-Nameh ou Histoire des kourdes, par Scheref prince de Bidlis, publiée pour la première fois par V. Véliaminof-Zernof, T. 1—2, St.-Pbg., 1860—1862.

⁸ [Charmoy F.-B.], Chèref-Nàmech ou fastes de la nation kourde. Par Chèrefou'ddine, prince de Bidlis, dans l'Iiàlèt d'Arzerofème. Trad. du persan et commentés par F. B. Charmoy, t. I—II, St.-Pbg., 1868—1875.

⁹ A. Jaba, Recueil de notices et récits kourdes..., St.-Pbg., 1860; его же, Dictionnaire kurde-français, St.-Pbg., 1879.

¹⁰ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, стр. 367.

¹¹ Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 825, 1787, 1335, 1343.

¹² См.: «Библиография по курдоведению». Составитель Ж. С. Мусалян, М., 1963.

¹³ См. ЗВОРАО, 1912, т. XX, стр. 99—151.

стей народов Закавказья. Однако надо отметить, что историю курдов Н. Я. Марр рассматривал не как историю самих курдов, а как историю яфетидов (грузин, халдов и армян). Отвергая иранское происхождение курдов и их языка, Марр утверждал, что генетически курды — яфетиды и что их язык также является яфетическим. Он писал: «Сама основа *kard*, *resp. kord* находит такое же яркое совпадение в основе этнического названия самих грузин — грузинское *qard*, мингрельское *qoŋd*-и... что мы не увидимся, если с течением времени будет подтверждено реальными переживаниями первоначальное тождество кардухов (курдов) и картов (грузин), ныне оторванных друг от друга тысячелетней историей». «...Язык курдский, очевидно, подвергся коренному изменению, полной замене яфетического арийским...»¹⁴. Далее Марр указывает: «Все религиозные и социальные значения „челеби“ выработаны в самом курдском языке, вообще в лоне курдской народности, задолго до начала XIV века, в значительной части, вероятно, до полной лингвистической иранизации этой исконной местной народности»¹⁵. Эти предположения Марра послужили в дальнейшем основанием для ряда неверных теоретических положений о происхождении и развитии курдского народа и его языка (О. Л. Вильчевский, Б. В. Миллер).

Особая роль в изучении курдов, их языка и культуры принадлежит акад. И. А. Орбели — родоначальнику советского курдоведения и организатору ленинградской школы курдоведов.

В 1911—1913 гг., получив от АН командировку в Мокс (Турецкая Армения) для изучения моксского наречия армянского языка, молодой тогда арменист и кавказовед И. А. Орбели по поручению Н. Я. Марра занялся и изучением языка курдов, живущих смешанно с армянами в этом районе. Он записал курдские тексты, составил курдско-русский словарь объемом в 15 авт. л. с приложением парадигм спряжения. Эти работы в то время не были изданы.

В 1914 г. прогрессивное курдское общество «Гехандни» из Хоя (Северный Иран) командировало своего представителя — крупного общественного и политического деятеля Абдурезака в Петербург для составления курдского алфавита на основе русской графики. По поручению АН И. А. Орбели разработал курдский алфавит, однако война помешала его практическому применению.

После Великой Октябрьской революции, несмотря на большую административную и общественную работу, И. А. Орбели не прекращал своих занятий по изучению народного творчества и культуры курдского народа. В 1927 г.

---

¹⁴ Там же, стр. 139.

¹⁵ Там же, стр. 150.

он побывал в курдских районах советской Армении, где записывал курдские тексты. Им записаны известные курдские народные версии поэм «Мам и Зин» и «Лейли и Маджнун». В 1926 г. И. А. Орбели издал курдские тексты (со словарем) сотрудника библиотеки Венского университета Гуго Макаша, отражающие диалект курманджи Мардинского района Турецкого Курдистана¹⁶.

В 1957 г. под редакцией И. А. Орбели был издан курдско-русский словарь, составленный Ч. Х. Бакаевым. В предисловии к словарю Орбели пишет о научном и практическом значении издаваемого словаря для народного просвещения курдов Армении.

Большой интерес Орбели проявил к произведению выдающегося курдского поэта XVII в. Ахмеда Хани «Мам и Зин». Изучив эту великолепную поэму и дав оценку ее художественной значимости, а также характеристику главных героев, он указал на народность творчества Ахмеда Хани и поставил его имя наряду с именами крупнейших и выдающихся поэтов Переднего Востока — Руставели, Фирдауси и Низами¹⁷.

В своих лекциях о культуре и истории народов Передней Азии И. А. Орбели часто останавливался на роли курдов в истории народов Передней Азии, особенно отмечая значение периода Айюбидов и Шеддадидов в истории народов Закавказья.

После Великой Октябрьской революции курдоведение было представлено в ИВ Ф. Б. Ростопчиним — автором первой «Библиографии по курдской проблеме»¹⁸. Им же был начат перевод истории курдов Шараф-хана Бидлиси на русский язык. Перевод этого важного источника истории курдского народа был предпринят по решению курдоведческой конференции, состоявшейся в 1934 г. в Ереване. Материалы курдского языка использовал Л. А. Хетагуров в своем исследовании о категории рода в иранских языках¹⁹.

Переломным моментом в развитии советского курдоведения можно считать 30-е годы, когда в нашей стране были впервые подготовлены квалифицированные курдоведческие кадры. Особая заслуга в этом принадлежит И. А. Орбели и А. А. Фрейману.

В 1931 г. по инициативе А. А. Фреймана на Лингвистическом факультете ЛИФЛИ открылся курдский цикл, укомплектованный в основном курдской молодежью, окончившей

---

¹⁶ Г. Макаш, Курдские тексты на наречии курманджи из окрестностей Мардина, Л., 1926.

¹⁷ «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, введение, стр. 1—21.

¹⁸ «Революционный Восток», М.—Л., 1933, № 3—4, стр. 292—326; № 5, стр. 159—173.

¹⁹ Л. А. Хетагуров, Категория рода в иранских языках, — УЗЛГУ, 1939, № 20, СФН, вып. 1, стр. 50—97.

рабочий факультет при ЛВИ. С середины 30-х годов было введено также обязательное преподавание курдского языка для студентов кафедры иранской филологии. Кафедрой иранской филологии к работе по преподаванию курдского языка и этнографии курдов был привлечен Орбели. По предложению А. А. Фреймана при кафедре был организован научный студенческий кружок курдского языка. Для сбора материалов по народному творчеству и языку курдов СССР кафедра организовывала (1934—1950) производственную практику и командировки в курдские районы советской Армении и Туркмении. В 1933 г. студенты III курса курдского цикла К. К. Курдоев и И. И. Цукерман под руководством Фреймана и Орбели подготовили две работы по курдскому языку, опубликованные в соавторстве с А. Ш. Шамиловым²⁰. В этих статьях впервые было научно обосновано и показано наличие в курдском языке категории рода, проявляющегося в системе изафетных показателей и в формах склонения имен. В первой из названных статей были выявлены кроме ранее отмеченных Р. Джардином двух изафетных показателей (а, ê) еще два изафетных показателя: -ê (для имен женского рода с артиклем) и -î (для имен мужского рода с артиклем). Вторая статья посвящена анализу категории рода в падежных формах имен с неопределенным артиклем и без него. Открытие категории рода в курдском языке, позволившее впоследствии поставить вопрос о классах имен мужского и женского рода, получило высокую оценку в иранистической литературе²¹. Первая попытка классификации имен существительных в курманджи была сделана в 1949 г. в учебной грамматике на курдском языке²². Та же классификация нашла свое отражение в последующих работах курдологов²³. Эти работы дали возможность решить вопрос о падежах и падежных функциях имен в курдском языке, что продолжительное время оставалось одним из наиболее слабо разработанных разделов грамматики. В значительной мере это объясняется тем, что европейские исследователи курдского языка при определении падежных форм исходили обычно из норм персидского или своего родного языка. Так, Ф. Юсти и вслед за ним С. Егиазаров падежные формы на -ê, -î в курманджи рассма-

²⁰ А. Шамилов, К. Курдоев, И. Цукерман, Об изафете в курдском языке,— «Революция и письменность», М., 1933, № 1(16), стр. 51—56; они же, О проблеме рода в курдском языке,— «Письменность и революция», сб. I, М.—Л., 1933, стр. 160—178.

²¹ В. Абаев, Еще раз о запоздалых открытиях,— ВЯ, 1955, № 5, стр. 168—169.

²² Q. K'õрдo, Граматика зьмане кõрманши йа кõрт, Ереван, 1949, стр. 10—20.

²³ И. Цукерман, Очерки грамматики курдского языка, М., 1956, стр. 5—56; см. также: К. Курдоев, Грамматика курдского языка (курманджи), М.—Л., 1957, стр. 42—52.

тривали как разновидность одной и той же формы *casus obliquus* в персидском языке. Того же мнения придерживался и О. Манн. Он находил, что в курдском языке для родительного, винительного и для падежа, зависящего от предлога, существует одна форма, которая отличается от формы именительного падежа присоединением *-ê* или *-î*. С недоумением он писал: «К сожалению, невозможно решить, почему в мукри этот падеж имеет в основе слова то *-ê*, то *-î* или, более того, при каких условиях появляется тот или другой гласный»²⁴.

Ответ на поставленный вопрос был дан советскими курдоведами. В упомянутых работах об изафете и о проблеме рода в курдском языке им удалось проникнуть в сущность «загадочного» исхода слова в косвенном падеже. Озадачившие О. Манна формы *-ê*, *î* оказались флексиями женского и мужского рода. Таким образом, были установлены два типа склонения имен существительных в курдском языке: тип склонения имен женского рода и тип склонения имен мужского рода. В статье «О проблеме рода в курдском языке» были предварительно выделены шесть падежей. Три первых получили наименование именительный, звательный и косвенный, три последующих условно были обозначены цифрами, так как их значение и функции в то время не были еще исследованы. Функции первых трех падежей были описаны позднее ленинградскими курдоведами²⁵. Падежные функции и значения послеложных падежных форм нашли свое освещение в упоминавшейся школьной грамматике курдского языка 1949 г. и в диссертационной работе Ч. Х. Бакаева «Послелоги как средство выражения падежных отношений в курдском языке», подготовленной им под руководством ленинградских курдоведов и защищенной в 1950 г.

В 1939—1940 гг. три ученика А. А. Фреймана—Ю. Ю. Авалиани, И. И. Цукерман и К. К. Курдоев—защитили кандидатские диссертации по курдскому языку²⁶. После защиты диссертации И. И. Цукерман продолжает изучение курдского языка в Институте языкознания, Ю. Ю. Авалиани—на кафедре языкознания Филологического факультета ЛГУ, а К. К. Курдоев по рекомендации А. А. Фреймана поступает в

²⁴ O. Mann, *Kurdisch-Persische Forschungen*, Abt. IV, Bd. III, *Die Mundart der Mukri-Kurden*. T. I, *Grammatische Skizze*, Berlin, 1906, стр. LII.

²⁵ И. Цукерман, *Очерки курдской грамматики*,— кн. «Иранские языки», т. II, М.—Л., 1950, стр. 78—144; см. также Q. K'ördo, *Грамматика зьмане кърманши*; К. Курдоев, *Грамматика курдского языка*.

²⁶ Ю. Ю. Авалиани, *Местоимения в курдском языке*. Тезисы к дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук, Л., 1940; К. К. Курдоев, *Образование сложных глаголов в курдском языке*. Тезисы к дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук, Л., 1940; И. И. Цукерман, *Склонение имен существительных в говоре курдов ССР Армении*. Тезисы к дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук, Л., 1939.

1938 г. на работу в ИЭ АН СССР, где ему было поручено написать монографическую работу о курдах. Собранные им в 1939 г. во время экспедиции по изучению быта курдов Закавказья (Армении, Грузии и Азербайджана) материалы не были опубликованы в связи с условиями военного времени.

В 1945 г., после окончания Отечественной войны, по ходатайству А. А. Фреймана К. К. Курдоев был досрочно демобилизован из рядов Советской Армии и назначен преподавателем курдского языка на Восточном факультете ЛГУ, а в 1946 г. принят на работу в ИВ. С этого времени в стенах ИВ начинается систематическое изучение курдского языка.

Позднее возникает вопрос о необходимости подготовки в ИВ специалистов и по другим курдоведческим дисциплинам.

В 1951 г. в аспирантуру ИВ была принята М. Б. Руденко. В 1954 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Поэма курдского поэта XVII века Ахмеда Хани „Мам и Зин“» и была зачислена в штат ИВ.

После назначения И. А. Орбели заведующим Ленинградским отделением ИВ начинается новый этап развития курдоведения. В этот период ярко проявляется научно-организационная деятельность И. А. Орбели, приложившего большие усилия для создания Курдского кабинета. И. А. Орбели собирает новые кадры курдоведов. Из Вильнюса в 1956 г. возвращается И. И. Цукерман, работавший ранее в Институте языкознания. К работе были привлечены молодые иранисты Ж. С. Мусаэлян и Е. И. Дементьева.

Позднее к изучению курдского языка был привлечен также Р. Л. Цаболов, получивший общеиранистическую и курдоведческую подготовку. Затем в аспирантуру по истории и языку курдского народа были приняты Саид Азиз Шамзини, Джалил Джалилов, Максим Хамоян, Карим Эйюби, Зарэ Юсупова и И. А. Смирнова, Ордихан Джалилов.

28 февраля 1959 г. в приказе заведующего ЛО ИВ акад. И. А. Орбели было сказано: «Учитывая необходимость выработки четкого плана работы Отделения по курдоведению... приказываю выделить с 1 марта 1959 г. группу курдоведов, числящихся в Иранском кабинете, в самостоятельную в организационном отношении группу под моим руководством в составе Курдоева К. К., Цукермана И. И., Руденко М. Б., Мусаэлян Ж. С., Дементьевой Е. И. и аспирантов Смирновой И. А., Юсуповой З. А., Эйюби К. Р., Джалилова Дж., возложив на эту группу разработку всех проблем, связанных с изучением истории, культуры и языка курдского народа»²⁷.

Так усилиями И. А. Орбели был создан первый в истории отечественной и мировой науки самостоятельный научный коллектив, занимавшийся комплексным изучением курдского на-

²⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1959), № 2.

рода. Организация Курдского кабинета как самостоятельной научно-организационной единицы привлекла и привлекает к себе внимание широких кругов зарубежной курдской общественности, увидевшей в этом акте признание советской наукой большой роли курдского народа в истории и истории культуры народов Востока.

Со времени организации кабинета прошло восемь лет. За этот сравнительно небольшой срок его коллектив внес известный вклад в развитие советского курдоведения.

Сотрудниками кабинета издан ряд монографических исследований и статей, посвященных вопросам языка, литературы, истории и этнографии курдского народа. В работах лингвистов впервые нашли свое научное освещение многие существенные вопросы курдской грамматики — категория грамматического рода, система падежных форм в курманджи, объектное и безобъектное спряжение переходного глагола, классификация имен по родам, классификация временных основ глагола, система временных форм и форм наклонения и т. д. Эти вопросы в разной степени и в разных аспектах нашли свое освещение в работах И. И. Цукермана и К. К. Курдоева.

Многолетние грамматические и лексикологические исследования К. К. Курдоева²⁸ были обобщены в 50-е годы в двух капитальных трудах — первой в отечественной науке курдской грамматике²⁹ и первом большом курдско-русском словаре (ок. 34 тыс. слов)³⁰.

Основой для грамматики послужил диалект курдов советской Армении с привлечением материалов по зарубежным говорам курманджи. В словарь включена лексика всех говоров курманджи (распространенных как на территории СССР, так и за рубежом) и в то же время значительная часть лек-

²⁸ К. К. Курдоев, К вопросам словообразования в курдском языке, — сб. «Вопросы грамматики и теории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 109—142; его же, О двух принципах образования сложных слов подчинительного типа в курдском языке, — КСИВ АН, вып. 29, 1959, стр. 65—74; его же, Курдский язык, — кн. «Современный Иран», М., 1957, стр. 60—75; его же, Объектное и субъектное спряжение переходного глагола в курдском языке (на материале диалектов курманджи и сорани), М., 1960, стр. 9 (XXV МКВ, ДД СССР); его же, О значениях и функциях суффикса -к (-ака) в курдском языке, — ИКНВ, стр. 361—368; его же, Суффиксация в курдском языке, — КСИНА (Иранская филология), 1963, № 67, стр. 31—37 и др.

²⁹ К. К. Курдоев, Грамматика курдского языка (курманджи), Рец.: Ч. Х. Бакаев (СВ, 1960, № 4, стр. 178—181); см. также: Махмуд Ярди, Советские ученые-курды служат своему народу, — «Ал-Хуррия», 25.X.1957 (на араб. яз.); Lescoq, Quelques remarques sur les travaux philologie kurde, — «L'Afrique et l'Asie», Paris, 1960, № 51.

³⁰ К. К. Курдоев, Курдско-русский словарь, М., 1960. Рец.: Курдско-русский словарь (редакционная статья районной газеты на азерб. яз. «Ленин һейат угрунда», 1960, июнь); О. Джалилов, Ценный вклад советского курдоведения, — «Коммунист», 16.V.1963, Ереван.

стики южного диалекта курдского языка (сорани), выделенной специальными пометами.

Еще раньше автором словаря были опубликованы первые, составленные на научной основе грамматики курдского языка для курдских школ Армянской ССР ³¹.

В следующей книге Курдоев сделал первую попытку дать сравнительное описание грамматического строя северного (курманджи) и южного (сорани) диалектов курдского языка ³².

Основные работы И. И. Цукермана посвящены системе словоизменения имени ³³ и глагола ³⁴ в курманджи. В этих работах дается описание изафетных форм, форм прямого и косвенного падежей, рассматривается пассивно-объектное спряжение переходного глагола в формах прошедшего времени, подробно исследуются две формы сослагательного наклонения — конъюнктив I (тип быкăвым) и конъюнктив II (тип быкăтама). Ряд статей Цукермана посвящен рассмотрению некоторых спорных вопросов курдской грамматики ³⁵.

Значительный вклад внесли наши курдоведы и в изучение курдских диалектов. Курдоевым подготовлена к печати «Сравнительная грамматика курдского языка на материале курманджи и сорани». Под его же редакцией вышли в свет два исследования Ч. Х. Бакаева, посвященные курдским говорам Туркмении и Азербайджана ³⁶.

В области курдской диалектологии в настоящее время ведут свои исследования Цукерман по языку, фольклору и литературе курдов Туркмении, Бакаев по сравнительному описанию говоров курманджи в СССР. Окончившие аспирантуру ЛО ИНА К. Эйюби и И. Смирнова сдали в печать «Описание говора мукри» и продолжают свою работу в области

³¹ Q. K'ördo, Gramatika zmane kormanşi; ego же, Gramatika zmane k'ördi, Ереван, 1956; ego же, Gramatika zmane k'ördi, Ереван, 1960.

³² К. К. Курдоев, Курдский язык, М., 1961.

³³ И. И. Цукерман, О некоторых свойствах вторичной флексии в курдском языке, — ЯМ, т. XI, 1948, стр. 364—375; ego же, Очерки курдской грамматики, — сб. «Иранские языки», II, 1950, стр. 78—144; ego же, Очерки грамматики курдского языка, 1956, стр. 5—56 (ТИЯЗ, т. VI).

³⁴ И. И. Цукерман, Очерки курдской грамматики. Глагольные формы курманджи, М., 1962.

³⁵ И. И. Цукерман, О генетическом единстве показателя будущего времени и показателя категории очности в курдском языке, — ПВ, 1959, № 2, стр. 148—155; ego же, К характеристике предложения с тематическим подлежащим в курдском языке, — ПС, вып. 13(76), 1965, стр. 160—165; ego же, К обоснованию правила классификации некаузативных глаголов в курдском языке, — ПВ, 1961, № 1, стр. 147—149; ego же, К определению понятия переходного глагола в курдском языке курманджи, — ПС, вып. 11, 1964, стр. 39—43; ego же, Позиция ведущего слова в контрастных словосочетаниях, — ПС, вып. 7, 1962, стр. 159—161, и другие работы.

³⁶ Ч. Х. Бакаев, Говор курдов Туркмении, М., 1962, стр. 3—270; ego же, Язык азербайджанских курдов, М., 1965, стр. 5—282 и др.

курдской диалектологии. Следует отметить заслугу кабинета в организации изучения южного курдского диалекта (сорани).

В области изучения курдской литературы также достигнуты определенные успехи. Основные работы в этой области принадлежат М. Б. Руденко, сосредоточившей свое внимание на исследовании рукописных памятников классической курдской литературы, хранящихся в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Рукописном отделе ЛО ИВ. В 1961 г. М. Б. Руденко издала первое «Описание курдских рукописей ленинградских собраний». В последующие годы ею был издан ряд интересных курдских литературных памятников с русским переводом, критическим текстом, комментариями и предисловием³⁷. Своими ценными публикациями и исследованиями памятников классической курдской литературы М. Б. Руденко внесла большой вклад в развитие курдоведения, опровергла ходячее мнение ряда европейских и восточных авторов об отсутствии у курдского народа собственной и самобытной литературы. М. Б. Руденко изучает также взаимосвязи литературы и народного творчества и их взаимовлияния в различные периоды истории курдов.

Заметный успех сделан и в области изучения курдской литературы на южном диалекте курдского языка. В 1962 г. в Багдаде на курдском языке вышла из печати подготовленная в стенах ЛО ИНА работа М. Хазнадара «Рифмы и размер курдского стихосложения». Недавно была опубликована книга М. Хазнадара «Очерки курдской литературы конца XIX и первой половины XX в.», в которой впервые на русском языке излагаются история развития курдской литературы на южном диалекте и ее связи с усилением курдского национально-освободительного движения.

Сотрудниками кабинета проделана определенная работа в области перевода и издания произведений различных жанров богатого курдского народного творчества. В частности, К. К. Курдоевым совместно с И. И. Цукерманом были изданы курдские тексты «Абузет» и «Маме и Айше»³⁸, вышли из печати «Три курдские сказки» в переводе И. И. Цукермана³⁹. Знаменательным событием было издание наиболее интерес-

---

³⁷ Ахмед Хани, Мам и Зин (Поэма). Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962; Мела Баязиди, Нравы и обычаи курдов. Перевод, предисловие и примечания М. Б. Руденко, М., 1963; Рец. М. Иштвановича в журн. «Ethnographia», 1964, № 2; Факи Тебран, Шейх Сан'ан. Критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко, М., 1965; Харис Битлиси, Лейли и Меджнун. Перевод, предисловие и примечания М. Б. Руденко, М., 1965; ее же, К вопросу о курдской литературе,— ИКНВ, стр. 433—440; см. также отзывы и рецензии в арабской и курдской прессе: «Ал-Ахбар», 12.VIII.1963; «Рйа т'эзэ», № 104(1332), 64(1708), 86(1730), 18(1870).

³⁸ «Иранские языки», т. II, 1950, стр. 29—60.

³⁹ И. Цукерман, Три курдские сказки,— ИКНВ, стр. 492—503.

ных и широко распространенных курдских романтических и героических народных поэм «Мам и Зин», «Кар и Кулек», «Сева Аджи», «Сиабанд и Хадже», «Маме и Айше», «Замбильфрош» и «Дымдым» в переводе М. Б. Руденко, И. Цукермана и К. Курдоева⁴⁰. Для широкого читателя на русском языке опубликованы сборник курдских сказок⁴¹, значительное количество курдских пословиц⁴². Подготовлены и сданы в печать сборники «Сказки курдов Советского Союза» в переводе М. Б. Руденко и «Новеллы курдских писателей» в переводе М. Хазнадара, Ж. С. Мусаэлян готовит исследование фольклорных версий народной поэмы «Замбильфрош» и курдской народной лирики.

Серьезный сдвиг сделан и в области изучения новой, новейшей и средневековой истории курдов. Е. И. Васильевой издан перевод первого тома труда курдского историка XVI в. Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» — «История курдов»⁴³. Выход в свет этого пока единственного изданного средневекового источника по истории курдов с соответствующими примечаниями и введением переводчика имеет большое значение для изучения истории и социально-общественных отношений не только курдского народа, но и персидского, турецкого и армянского народов в средние века, так как история курдов и Курдистана написана Шараф-ханом Бидлиси в связи с историей сопредельных стран.

История курдского народа в XIX в. нашла свое освещение в вышедшей недавно из печати работе молодого историка Дж. Джалилова, окончившего аспирантуру ЛО ИНА⁴⁴. За рубежом была напечатана работа К. К. Курдоева⁴⁵, посвященная критике труда известного иранского ученого Рашида Ясеми, «Курды и их этническое происхождение и история».

Значительный интерес вызывает и этнография курдов. В 1957 г. была напечатана работа К. Курдоева «Курды»⁴⁶, в которой кратко освещаются история курдов и Курдистана, их основные занятия, их общественные и семейные отношения, язык и духовная культура, а также национально-освободительное и демократическое движение. М. Б. Руденко перевела и прокомментировала упоминавшийся труд курдского ученого Мела Баязеди («Нравы и обычаи курдов»). Этногра-

⁴⁰ «Курдские эпические песни-сказы», М., 1962.

⁴¹ «Курдские сказки», М., 1959.

⁴² «Курдские пословицы и поговорки», — сб. «Пословицы и поговорки народов Востока», М., 1961, стр. 330—340.

⁴³ Ш а р а ф - х а н Б и д л и с и, Шараф-наме, т. I, М., 1967.

⁴⁴ Дж. Джалилов, Национально-освободительное движение курдов в 1880 г., М., 1966.

⁴⁵ К. К. Курдоев, Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии, — УЗ ЛГУ, вып. 4, 1954, № 179, СВН, стр. 120—137.

⁴⁶ См.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 242—260.

фией курдов Советского Союза занимался Мамедназаров, окончивший аспирантуру ЛО ИНА и успешно защитивший диссертацию о быте и жизни курдов Туркмении⁴⁷.

Из поля зрения наших исследователей не выпала также и история отечественного курдоведения. Отдельные статьи посвящены научной деятельности выдающихся курдоведов⁴⁸ Х. Абовяна, П. Лерха, И. А. Орбели.

Деятельность ряда других курдоведов советского периода нашла свое отражение в статьях, посвященных работе ленинградских курдоведов и критике ошибочных взглядов на курдский язык⁴⁹.

В последние годы Курдский кабинет стал подлинным научно-организационным центром советского курдоведения. Здесь получили подготовку квалифицированные курдоведческие кадры. При кабинете прошли курс аспирантуры двенадцать человек, в том числе лица, прикомандированные из Армении, Туркмении и Иракской Республики⁵⁰.

Из окончивших аспирантуру ЛО ИНА и защитивших диссертации по курдоведению пять человек работают в АН АрмССР, один — в АН ТуркмССР, два человека — в ЛО ИЯ АН СССР и три человека — в Курдском кабинете ЛО ИНА.

---

⁴⁷ А. Мамедназаров, Курды Туркмении (автореферат канд. дисс.), М., 1964.

⁴⁸ К. К. Курдоев, Х. Абовян как курдовед-этнограф, — ИАН АрмССР, СОН, 1955, № 10, стр. 89—98; его же, Х. Абовян как курдовед-исследователь, — ОИРВ, II, 1956, стр. 360—380; К. К. Курдоев, Труды П. Лерха по курдоведению, ОИРВ, IV, 1959, стр. 39—51; его же, И. А. Орбели как курдовед, — «Труды академика И. А. Орбели по курдоведению» (сдана в печать).

⁴⁹ К. Курдоев, Развитие советского курдоведения, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 57—67; его же, Успехи советского курдоведения, — «Коммунист», Ереван, 6.X.1959; К. К. Курдоев, Критика ошибочных взглядов на курдский язык, — КСИВАН, вып. XII, 1955, стр. 43—61. В этой статье критикуются взгляды Н. Я. Марра, Б. В. Миллера и О. Л. Вильчевского на курдский народ как на конгломерат различных племен и народностей, говоривших якобы на различных языках и диалектах различных систем. Эта же ошибочная концепция нашла впоследствии свое отражение в книге О. Л. Вильчевского «Курды. Введение в этническую историю курдского народа» (1961).

⁵⁰ Успешно окончили и защитили диссертации: Саид Азиз Шамзини, Национально-освободительное движение курдского народа 1940—1946 гг. (1959); Джалил Джалилов, Национально-освободительное движение курдов в 1880 г. (1964); Мамедназаров, Курды Туркмении (1964); И. А. Смирнова, Образование сложных глаголов в курдском языке (сорани) (1963); Орд. Джалилов, Курдский героический эпос «Златорукий хан» — «Дымдым» (1961); К. Эйюби, Творчество курдского поэта Хажара (1962); К. Н. Кафтан, Барзанские восстания 1900—1945 гг. — блестящая страница национально-освободительной борьбы курдского народа в Иракском Курдистане (1963); М. Хазнадар, Очерки курдской литературы 1890—1960 (1963); З. А. Юсупова, Предлоги и послелоги в курдском языке (сорани) (1965); М. Хамоян, Говор курдов Багдигана (Ирак) (1965).

В кабинете обсуждаются и рецензируются диссертации, книги и статьи по курдоведению⁵¹.

Курдский кабинет поддерживает связь с курдоведами Франции, Бельгии, Голландии, Англии, Чехословакии, Ирана и других стран, а также с курдоведами других городов нашей страны, переписываясь и обмениваясь с ними литературой. Кабинет посещают ученые и общественные деятели Запада и стран Ближнего Востока. Следует отметить, что работа Курдского кабинета завоевала популярность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Весьма лестные рецензии о работах наших сотрудников имеются в ряде изданных статей советских и зарубежных ученых, курдских политических деятелей и общественных организаций⁵².

В настоящее время в состав кабинета входят К. К. Курдоев (зав.), И. И. Цукерман, М. Б. Руденко, З. А. Юсупова, М. С. Мусаэлян и Е. И. Васильева. М. Б. Руденко заканчивает перевод и издание критического текста поэмы курдского поэта Салима Сулемана «Юсуф и Зулейха» (XVII в.), Е. И. Васильева продолжает перевод второго тома сочинения курдского историка Шараф-хана Бидлиси, Ж. С. Мусаэлян переводит и составляет критический текст народной поэмы «Замбильфрош», И. И. Цукерман занимается изучением языка, фольклора и литературы курдов Туркмении, К. К. Курдоев и З. А. Юсупова составляют курдско-русский словарь на материале диалекта сорани.

После завершения этих плановых тем кабинет намерен заняться исследованием истории развития и формирования курдского национального языка, дальнейшим изучением пись-

⁵¹ Рецензировались и обсуждались, в частности, книги: Н. А. Халфи и н. Борьба за Курдистан; М. С. Лазарев, Курдистан и курдская проблема; диссертация Саида Ахмеда Барзани и В. И. Баклан «Борьба курдского народа за свои права и независимость»; Ахмед Осман, Национально-освободительное движение курдов в 1921—1925 гг.; Хасан Курдогли, Творчество современного курдского поэта Гурана; Ихсан Нури, Творчество курдского поэта Кадыра Коя (XIX в.); работа доцента Самаркандского университета Ю. Ю. Авалиани «Исследование в области сложного глагола и глагольной фразеологии в курдском языке» и др.

⁵² Р. Гази, О состоянии и задачах советского курдоведения, — «Изв. АзербССР», СОН, Баку, 1950, № 2, стр. 131—142; Thomas Bois, Remarques critiques sur la nomenclature grammaticale kurde, — «Bibliotheca Orientalis» [Leiden], 1960, № 3/4, стр. 152—160; его же, Etudes récentes de philologie kurde, — там же, 1960, № 1/2, стр. 10—14; его же, Bulletin raisonné de philologie kurde, — Al-Masriq, LXIII, Beyrouth, 1964, стр. 16—25 (на араб. яз.). Более подробные и обстоятельные сведения об успехах ленинградских курдоведов даны в статье А. Беннигсена «Kurds et Kurdologie en Union Soviétique» (журн. «Cahiers du monde Russe et Soviétique» [Paris], 1960, t. III, стр. 513—530); в ст.: М. О. Мокри, Kurdologie et enseignement de la langue kurde en SSSR, — L'Ethnographie. Revue de la société d'ethnographie de Paris, année 1963, стр. 71—105; в ст.: Ч. Х. Бакаев, История изучения курдского языка в России и СССР, — ОИИИЯ, стр. 100—117.

менных и устных литературных памятников курдского народа, переводом главнейших арабских, персидских и турецких источников по средневековой истории курдов, а также изучением новой и новейшей истории курдского народа.

В области исследования курдского языка сотрудники кабинета должны продолжить изучение грамматического строя курдского языка, составление различного рода словарей (фразеологический, синонимический, общекурдский, а также авторские словари средневековых поэтов, писателей), написание монографических исследований и очерков по синтаксису курдского языка (курманджи и сорани), исследование и классификация курдских диалектов (сулеймани, керманшахи, гурани, заза, лури), изучение языка классической курдской литературы, написание очерков по средневековой поэзии (лексико-грамматические исследования).

Исследования в области средневековой курдской литературы в ближайшие годы намечаются по следующим направлениям: дальнейшая публикация рукописей, содержащих неизданные произведения средневековых курдских поэтов, в частности издание диванов поэтов Южного Курдистана (тексты, переводы с комментариями и исследованиями), продолжение работ по сбору материалов и исследованию курдского романтического эпоса «Веркав и Гульшад», «Хошир и Хавер», «Барам и Гуланам», «Ферат и Ширин», «Ростаме Заль» и «Рудабэ» и др. (районы сбора материалов — республики Закавказья и Средней Азии), изучение вопроса об отражении национально-освободительной борьбы курдов в творчестве курдских поэтов, исследование народного романтического и героического эпоса (издание сводных текстов и вариантов с русским переводом, комментариями и предисловиями), изучение курдского народного эпоса (издание текстов, переводов с комментарием и исследованиями), очерки средневековой классической курдской литературы.

По истории курдов будет продолжено изучение персоязычных источников — «Тарихи Аламарайи Аббаси», «Тарихи Думбули» Абдарразака Думбули (XVII в.) и «Истории правителей Ардалана», написанной в начале XVIII в. как продолжение главы «Шараф-наме», посвященной правителям Арделана (рукопись хранится в Британском музее). На основе перечисленных и других источников предполагается подготовить исследование «Курдистан в XVI—XVIII вв.».

Туркология

Первый академик-востоковед, Теофил (Готлиб)-Зигфрид Байер (1694—1738)¹, имя которого уже не раз упоминалось в предыдущих разделах, является и первым туркологом в АН. Среди целого ряда восточных языков, которыми занимался Байер, были и тюркские, о чем свидетельствует его перевод «Образец [из] книги [Абу-л-Гази] Шаджара-и Тюрк — [Родословная тюрков]. Латинский перевод Теофила Зигфрида Байера»².

Имя Т.-З. Байера упоминается также в истории изучения тюркских енисейских рунических надписей в связи с его попыткой объяснить знаки этих надписей через кельтское письмо³.

В собирании и публикации енисейских надписей оставил след и известный натуралист и путешественник акад. П. С. Паллас (1741—1811), издавший несколько рунических надписей⁴.

В январе 1732 г. по приглашению Коллегии иностранных дел в Петербург прибыл крупный знаток ряда восточных языков, в том числе и тюркских, Георг-Якоб (Георгий Яковлевич) Кер (1692—1740)⁵. Небольшая часть научного наследия Г. Я. Кера хранится в АВ (ф. 26): немецкий перевод (с

¹ О нем см.: В. П. Таранович, Академик Т. З. Байер и его труды по востоковедению (К 200-летию со дня смерти Байера), АВ, ф. 102, № 2; П. Пекарский, История имп. Академии наук, т. I, СПб., 1870, стр. 180—196; Fr. Vabinger, Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738), München, 1915, РБС, т. II, СПб., 1900, стр. 418—421 (без подписи). Все даты, относящиеся к членам АН, приводятся по кн. «История АН СССР», т. I, М.—Л., 1958; т. 2, М.—Л., 1964.

² «Specimen Libri Schaggiire Turki latine conversi a Theophilo Sigfrido Bayere», — журн. «Nova Acta Eruditorum», [Leipzig], 1732, № 1, стр. 356—366.

³ Th. Bayer, Vetus inscriptio Prussica, — Comment. Acad., t. II, St.-Pbg., 1729, стр. 470—481.

⁴ P. Pallas, Von einer in Sibirien gefundenen unbekanntenen Steinschrift, — Neue Nördliche Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung. Naturgeschichte und Oekonomie, V, St.-Pbg., 1793, стр. 237—245.

⁵ О нем см.: М. П. Шувалов, Очерки жизни и деятельности ориенталиста Кера, — Сб. МГА МИД, вып. 5, М., 1893.

правкой акад. И. Фишера) «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, латинский перевод «Бабур-наме» и др.⁶. Кер оставил по себе добрую память также и тем, что составил грандиозный по тем временам («фантастический» — по мнению одних, «реальный» — по убеждению других) проект «Академии или Общества восточных наук и языков в Империи Российской».

В течение XVIII столетия в штате АН тюркологов не было. Однако собирание лингвистического, исторического, этнографического материала среди тюркских народов в XVIII в. шло весьма интенсивно. АН в течение этого времени снарядила и отправила в Поволжье, Сибирь и на Кавказ целый ряд экспедиций, которым наряду с другими заданиями «всех чужих языков пробы собирать велено»⁷. В результате этих экспедиций усилиями натуралистов (Г. Шобер, Д. Мессершмидт, С. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. А. Гильденштедт, И. П. Фальк и др.)⁸ и научно-организационной деятельности «просвещенных администраторов» (В. Н. Татищев, П. И. Рычков) был собран и частично обработан большой лингвистический, этнографический, топонимический, исторический и географический материал, касающийся различных народов и народностей, населявших восточные окраины тогдашней России, в том числе, и, пожалуй, в подавляющем количестве, и материалы по тюркским языкам и фольклору⁹.

Как уже отмечалось выше, в 1803 г. АН получила новый устав, благодаря которому представилась возможность пригласить и зачислить с 1 сентября 1804 г. в число адъюнктов АН по восточным языкам и словесности немецкого ученого Генриха-Юлиуса Клапрота (1783—1835)¹⁰ (экстраординарный академик с 11 марта 1807 г.). Научные интересы Клапрота были весьма обширны: языкознание и история, география и этнография: он изучал языки: китайский, маньчжурский, тибетский, тюркские, грузинский, армянский и др. Находясь в России в течение семи лет, Клапрот получил блестящую для ориенталиста возможность совершить путешествия по Сибири (1805—1806) и Кавказу (1807—1808)¹¹, результаты его на-

---

⁶ Основная часть архива Кера как сотрудника Коллегии иностранных дел была передана на хранение в Московский главный архив МИДА; теперь эта часть архива Кера хранится в ЦГАДА (Москва). *Dogn, As. Mus.*, стр. 121, № 61—62.

⁷ «Материалы», т. II, СПб., 1886, стр. 407.

⁸ Подробнее см.: ТААН, вып. 4.

⁹ Подробнее см.: Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 408—409, 413—416, 421—430.

¹⁰ О нем см.: Н. [И.] Веселовский, Клапрот Генрих-Юлий (1783—1835), — РБС, т.: Ибак — Ключарев, СПб., 1897, стр. 727—729.

¹¹ «История АН СССР», 2, стр. 111, 224; ТААН, вып. 4, стр. 105, 106, 155—157, 160.

блюдений были изложены в ряде книг¹². Клапрот собрал также значительный материал по этнографии и языкам башкир, казахов, киргизов, якутов и тунгусов¹³. В работе о сибирских древностях Клапрот пытался объяснить тюркские руны через греческое письмо.

Клапрот одним из первых заинтересовался языком и алфавитом древних уйгур¹⁴. Мимо его внимания не прошли также и памятники тюркской письменности¹⁵. С именем Клапрота связано издание первого в России востоковедного сборника, напечатанного по распоряжению АН¹⁶. Здесь Клапрот в числе других своих работ опубликовал перевод на немецкий язык главы из «Бабур-наме», посвященной описанию Ферганы¹⁷.

Первым русским ученым, избранным (1810) членом-корреспондентом АН по разряду восточной словесности и древностей, был Г. И. Спасский (1783—1864), «чиновник горной службы в Барнауле» по специальности, историк Сибири, и Черноморского края по душевному влечению¹⁸. Видное место в истории русской тюркологии Г. И. Спасский занял благодаря статье «Древности Сибири»¹⁹, в которой он писал о загадочных надписях, находимых в разных местах Сибири и ставших позднее известными под названием тюркских рунических памятников; он же был одним из первых истолкователей этих надписей²⁰. Г. И. Спасский составил «Словарь языка койбальского» и «Словарь языка моторского»²¹.

¹² G. Klaproth, 1. Reise in den Kaukasus und nach Georgien in den Jahren 1807 und 1808, Bd I—II, Halle—Berlin, 1812—1814; 2. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere, Berlin, 1814.

¹³ G. Klaproth, 1. Asia Polyglotta, Paris, 1823, 1831; 2. Sur quelques antiquités de la Sibirie, Paris, 1824; 3. Sur la langue des kirghiz, — JA, 1825, t. 7, стр. 321—344.

¹⁴ Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Berlin, 1812; «Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Nebst einem Wörterverzeichnis und anderen uigurischen Sprachproben aus dem Kais. Uebersetzungshoff zu Peking», Paris, 1820.

¹⁵ «Notice du Babour-nameh», — JA, 1824, t. 4, 128—137; «Notice et explication des inscriptions turques et arabes de Bolghari», — Nouveau JA, t. VIII, 1831, стр. 483—506; «Vocabulaire latin, persan et coman, d'après un manuscrit écrit en 1303, et provenant de la Bibliothèque du célèbre poète Francesco Petrarca», Paris, 1828.

¹⁶ «Archiv für Asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde», St.-Pbg., 1810.

¹⁷ Там же, стр. 101—110.

¹⁸ О нем см.: А. Ф. Шидловский, Гр. Ив. Спасский, — ИВГО, вып. 8, 1939, т. 71, стр. 1238—1241; Г. Г. Гульбин, К статье «Григорий Иванович Спасский», — там же, вып. 3, 1940, т. 72, стр. 447—448.

¹⁹ См. «Сибирский вестник», 1818, ч. I, стр. 67—85; ч. II, стр. 147—177; ч. VII, стр. 1—28.

²⁰ Подробнее см.: А. [Н.] Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 13—14.

²¹ Эти рукописные словари опубликованы в кн.: Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 279—290, 291—305.

Заметный след в истории тюркологии оставил Христиан Данилович (Христиан-Мартин) Френ — ординарный академик по разряду восточных древностей (с 24 сентября 1817 г.), директор АМ, арабист, иранист и тюрколог²². Он занимался систематизацией и описанием тюркских рукописей и нумизматического материала собрания АМ, оставил статьи по истории тюркских народов, издал известное сочинение «Абу-л-Гази-Шаджара-и Тюрк» — «Родословная тюрков» (XVII в.)²³. Х. Д. Френ известен также отеческим вниманием к начинающим ученым-тюркологам Я. О. Ярцову, П. С. Савельеву, В. В. Григорьеву, В. Г. Тизенгаузену, которые считали себя его учениками.

Первым русским адъюнктом по тюркским языкам в АН был ученик Френа по Казанскому университету Я. О. Ярцов, который, по словам В. В. Григорьева, был «одним из первейших у нас знатоков татарских наречий». Ярцов по рекомендации Френа был причислен к АН в звании адъюнкта²⁴.

Востоковеды в XVIII в. и почти в течение всего XIX в. (Байер, Кер, Клапрот, Френ, Дорн, Вельяминов-Зернов и др.) в силу специфичности материала исследования были филологами-энциклопедистами, владевшими целым рядом восточных языков и работавшими в обширной области «восточной словесности и древностей», т. е. занимались литературами, историей, этнографией и языками народов Востока.

К числу востоковедов-энциклопедистов, внесших свой вклад в развитие отечественной тюркологии, принадлежит Б. А. Дорн (1805—1881), историк и географ Кавказа и Ближнего Востока²⁵. Ему принадлежит первое описание арабских, персидских и тюркских рукописей Петербургской Публичной библиотеки²⁶.

Примерно с середины XIX в. в АН, равно как и за ее пределами, в русском востоковедении наряду с развитием восточной филологии зарождается новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, наиболее яркими представителями которой в АН были О. Н. Бётлингк, А. А. Шифнер, В. В. Радлов, К. Г. Залеман.

---

²² О нем см. еще стр. 272—277.

²³ *Abulghasi Bahadur Chani, Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia J. C. N. de Romanzoff, Casani, MDCCCXXV.*

²⁴ О нем см.: МИФВЯ, IV, стр. 25—26; Н. П. Загоскин, История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904, т. I. Введение и часть первая (1804—1814), Казань, 1902, стр. 226—227; Н. Булич, Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. 1, изд. 2, СПб., 1904, стр. 166—169.

²⁵ См. о нем: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 701—821.

²⁶ B. Dorn, *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg*, 1852.

В истории русской тюркологии навсегда сохранится имя санскритолога и тюрколога акад. О. Н. Бётлингга (1815—1904)²⁷, автора классической грамматики якутского языка, трех статей по вопросам якутского языкознания и трех статей по грамматике турецкого языка²⁸.

Особое место в истории восточного языкознания в АН и в России середины XIX в. занимает акад. А. А. Шифнер (1817—1879)²⁹, научные интересы которого были необычайно широки даже по масштабам прошлого столетия: «...кавказские языки во всем их разнообразии, палеоазиатские, финские, тюркские, монгольские, иранские, кроме того, санскритский и тибетский, причем этим длинным списком, наверно, не исчерпывается число языков, над которыми Шифнер работал»³⁰.

В историю изучения алтайских и палеоазиатских языков в России Шифнер вошел как бескорыстный редактор и издатель огромного научного наследия (12 томов!) замечательного ученого и путешественника М. А. Кастрена (1813—1852)³¹, в собрании трудов которого Шифнер издал и снабдил предисловием первое описание койбалского и карагасского наречий³². Шифнеру принадлежит несправедливо забытое сочинение, посвященное эпосу минусинских татар³³; материал тюркских языков им широко использован в одной из лингвистических статей³⁴.

Издание АН трудов Кастрена, а также трудов Ханькова, Минаева, Радлова (до его избрания академиком), Демезона, Шармуа и других ученых, не состоявших в штате АН³⁵, свидетельствует об одной, редко упоминаемой стороне деятельности АН — о поощрении и поддержке научных начинаний,

²⁷ Подробнее о нем см.: ОИРВ, 2, стр. 494—495; Ливотова и Португаль, Востоковедение, №№ 398—401.

²⁸ O. B ö t h l i n g k, Über die Sprache der Jakuten, Th. 1—2, Grammatik, Text und Wörterbuch, St.-Pbg., 1851 (переиздана фотомеханическим способом. Гага, 1964). См. оценку этого труда в кн.: Е. И. Убрятова, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 12—15; Ливотова и Португаль, Востоковедение, №№ 371, 375, 376, 382, 385, 391.

²⁹ Литературу о нем см.: ОИРВ, 2, стр. 508; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1664—1734.

³⁰ С. Ф. Ольденбург, Предисловие к сб. «Памяти М. А. Кастрена». Л., 1927, стр. 1; о занятиях Шифнера палеоазиатскими языками см.: И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко, Очерк истории изучения палеоазиатских и самодийских языков, Л., 1959, стр. 26.

³¹ «Nordische Reisen und Forschungen». Im Auftrage der K. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schiefner, Bd I—XII, St.-Pbg., 1853—1862.

³² «Nordische Reisen und Forschungen», Bd XI, Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des minussinschen Kreises, St.-Pbg., 1857.

³³ «Heldensagen der minussinschen Tataren rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner», St.-Pbg., 1850.

³⁴ «An-und Auslaut bedingen sich gegenseitig»,— Bull. hist-phil., 1857, t. XV, № 12, стлб. 189—192; то же,— Mèl. as., t. III, 1859, стр. 281—285.

³⁵ «История АН СССР», 2, стр. 227, 632.

проводимых вне стен АН. Примером этому в области языкознания и этнографии служит четырехлетнее (1845—1849) путешествие упоминавшегося выше М. А. Кастрена³⁶, который был «определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной, со времени отправки в экспедицию до представления окончательного отчета»³⁷.

Особое место в истории русского востоковедения занимает историк и филолог, востоковед-автодидакт акад. В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904)³⁸. В его сравнительно небольшом списке трудов (35 названий) в части его тюркологических работ сохраняет свое значение знаменитое «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (ч. I—IV, СПб., 1863—1887), в котором тюрколога-филолога привлекает длинный ряд интереснейших историко-филологических экскурсов и примечаний.

Для историков и филологов значительный интерес представляют татарские и турецкие документы по истории сношений Крымского ханства с Россией и Польшей, хранившиеся в МГА МИД, переписанные преподавателем татарского языка на ФВЯ Петербургского университета Хусейном Фейзхановым (1828—1866)³⁹ и изданные В. В. Вельяминовым-Зерновым⁴⁰. Памятником тюркской лексикографии в России является его широко известный «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868). Тяжелая болезнь (1871) в наиболее научно-продуктивный период жизни вынудила его оставить службу в АН и почти полностью прекратить научно-исследовательскую деятельность.

В течение XIX в. в связи с успешным развитием тюркологии вне стен АН последняя считала необходимым достойнейших из тюркологов (равно как и других специалистов) избирать в число своих членов-корреспондентов. Из тюркологов этой высокой чести удостоились: О. И. Сенковский (1800—1858), выдающийся арабист и тюрколог, автор пособия по турецкому языку («Карманная книга для русских воинов в турецких походах», СПб., 1828—1829); А. К. Казем-Бек (1802—1870), выдающийся иранист, арабист и тюрколог, автор первой научной грамматики турецкого языка в

³⁶ О нем см.: сб. «Памяти М. А. Кастрена», список трудов Кастрена, стр. 132—136; литература о нем, стр. 137—141.

³⁷ В. Г. Богораз, Кастрен — человек и ученый, — сб. «Памяти М. А. Кастрена», стр. 5.

³⁸ О нем см.: ОИРВ, 2, стр. 496; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 604—619. Личное дело Вельяминова-Зернова в ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 102.

³⁹ Ф. С. Сафиуллина, Хусейн Фейзханов, — «Вопросы татарского языкознания», кн. 2, Казань, 1965, стр. 407—423.

⁴⁰ «Материалы для истории Крымского ханства», СПб., 1864.

сравнительном освещении («Грамматика турецко-татарского языка», Казань, 1839; 2-е изд.: «Общая грамматика турецко-татарского языка», Казань, 1846)⁴¹; Н. И. Ильминский (1822—1891), выдающийся тюрколог-лингвист и этнограф⁴², В. В. Григорьев (1816—1881), первый профессор кафедры истории Востока на ФВЯ Петербургского университета⁴³.

Эпоху в истории отечественной и мировой тюркологии составила деятельность акад. В. В. Радлова (1837—1918)⁴⁴, который своими трудами заложил фундамент тюркской филологии. В. В. Радлов, питомец Берлинского университета, нашел в России, куда прибыл летом 1858 г., все необходимое для работы и жизни.

Начиная с 1866 г. ежегодно появляются труды (всего 138 названий) В. В. Радлова; в этом же году был издан первый том его знаменитой серии: «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866—1907)⁴⁵. В 1882—1884 гг. Радлов выпустил в свет два труда; второй из них был своего рода энциклопедией Западной Сибири⁴⁶.

В 1884 г. В. В. Радлов был избран ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов.

Крупнейшим научным трудом В. В. Радлова был «Опыт словаря тюркских наречий», материалы для которого он начал собирать еще в 1859 г. во время пребывания на Алтае; в 1888 г. был издан первый выпуск этого словаря, составившего эпоху в тюркологии и до сих пор ничем не замененного;

⁴¹ О нем см.: А. Рзаев, Мирза Казем-Бек, Баку, 1965; список трудов, стр. 143—144; литература о нем, стр. 145—147.

⁴² О нем см.: «На память о Н. И. Ильминском», Казань, 1892.

⁴³ О нем см.: Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев по его письмам и трудам, СПб., 1887.

⁴⁴ О нем см.: ОИРВ, 2, стр. 502—503; А. Н. Самойлович, Радлов как тюрколог, НВ, 1922, № 2, стр. 707—712; его же, Памяти великого тюрколога акад. В. В. Радлова (К 100-летию со дня рождения: 1837—1937), — «Революция и письменность», 1937, № 2, стр. 79—81; Munkácsi, V. Radloff Vilmos (1837—1918), — «Budapesti Szemle», (1918), № 178, стр. 425—461; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Turkologie, — «Oriens», 1955, vol. 8, № 1, стр. 51—93; список трудов В. В. Радлова см.: К. Г. Залеман, Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке, — кн. «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова», СПб., 1907, стр. 3—25; его же (продолжение до 1912 г.), — кн. «Семидесятипятителетний юбилей дня рождения академика В. В. Радлова», СПб., 1912, стр. 5—8; «Матер. для биогр. словаря д. ч. АН», ч. II, Пг., 1917, стр. 129—136; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff, стр. 71—87; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1338—1385.

⁴⁵ «Образцы» переизданы в Лейпциге (1965) и начиная с 1967 г. переиздаются университетом штата Индиана (США).

⁴⁶ «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkisprachen. Phonetik», Leipzig, 1882, — «Aus Sibirien», Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, Bd I—II, Leipzig, 1884 (переведена на турецкий язык: W. Radloff, Sibirya'dan. Çeviren: Dr. Ahmet Temir, I. İstanbul, 1954, II. İstanbul, 1956).

окончен печатанием в 1911 г. (24 выпуска объединены в 4 тома)⁴⁷.

Одновременно с работой над «Опытом словаря» осуществлялась публикация крупнейшего памятника XI в. «Кутадгу билиг» (1890—1910).

Конец прошлого столетия в истории тюркологии ознаменовался событием эпохального значения: в 1889 г. в Монголии, в 400 км западнее Улан-Батора, на берегу р. Кокшин Орхон, в урочище Кошо-Цайдам, Н. М. Ядринцев открыл два больших рунических памятника: в честь Кюль-тегина и в честь Бильге-кагана (Могилян-хана)⁴⁸.

По следам Ядринцева отправились две экспедиции: финская (1890) под руководством Гейкеля и русская, снаряженная АН (1891), во главе с В. В. Радловым. Результатом деятельности экспедиций было издание двух атласов⁴⁹.

Одновременно с В. В. Радловым за дешифровку орхонских памятников принимается датский лингвист Вильгельм Томсен⁵⁰, который в конце ноября 1893 г. сумел найти ключ к чтению этих надписей. В. В. Радлову к тому времени тоже удалось дешифровать около полутора десятка знаков⁵¹.

Затем в особой серии В. В. Радлов публикует четыре постепенно улучшаемых варианта перевода памятников из Кошо-Цайдама, а также перевод «Онгинского памятника» и ряд мелких рунических надписей. Завершая работу над интереснейшими в филологическом и историческом отношениях Кошо-Цайдамскими памятниками, В. В. Радлов публикует новую серию, содержащую грамматический очерк (фонетика, морфология, синтаксис), текст в русской академической транскрипции и перевод памятников, словарь, а в качестве приложения помещает статью В. В. Бартольда⁵².

В 1897 г. Е. Н. Клеменц в урочище Банн-Цокто, в 66 км к юго-западу от Улан-Батора, обнаружила большой руниче-

---

⁴⁷ Словарь дважды переиздан фотомеханическим способом: ИВЛ, М., 1963—1964. Издательство Mouton et Co, Гаага, 1960.

⁴⁸ Подробнее об этих памятниках и их значении см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 55—65.

⁴⁹ «Inscription de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publié par la Société Finno-Ougrienne», Helsingfors, 1892; «Атлас древностей Монголии», изданный В. В. Радловым, СПб., I, 1892; II, 1893; III, 1896; IV, 1899; в качестве дополнения к этому атласу было издано шесть сборников трудов экспедиции.

⁵⁰ О нем см.: сб. «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928; A. Dilâçag, Thomsen, Ankara, 1963.

⁵¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 12.

⁵² «Die alttürkische Inschriften der Mongolei», St.-Pbg., 1894—1895; «Die alttürkische Inschriften der Mongolei». Neue Folge, St.-Pbg., 1897; W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, стр. 1—36.

ский памятник в честь Тоньюкука⁵³, текст, транскрипцию и первый немецкий перевод (с примечаниями и словарем) которого также издал В. В. Радлов⁵⁴.

Названными выше работами далеко не исчерпывается список трудов В. В. Радлова в области орхоно-енисейских штудий, интерес к которым не покидал его до конца дней.

Другой областью научных интересов В. В. Радлова, проявившихся в 90-х годах и получивших развитие в начале XX в., была уйгурская письменность, уйгурские памятники и отчасти история уйгуров. Богатая коллекция уйгурских рукописей и ксилографов АМ (которая была обработана В. В. Радловым и К. Г. Залеманом) явилась солидной основой для развития уйгуроведения в России.

В. В. Радлов собственноручно переписал и издал следующие памятники уйгурской письменности: «Chuastuanit» (СПб., 1909), «Tišastvustik» (СПб., 1910), «Kuan-ši-in Pusar» (СПб., 1911) и др. В это же время он написал и издал ряд статей, объединенных под общим заглавием «Alttürkische Studien» (I—VI, СПб., 1909—1912). Затем последовало издание знаменитой сутры «Золотой блеск — *Survarnagarabhāsa*» (СПб., 1913—1917) — уйгурской рукописи, найденной С. Е. Маловым в 1910 г., перевод которой на немецкий язык частично был осуществлен В. В. Радловым и опубликован С. Е. Маловым в 1930 г. Посмертным изданием вышла большая работа В. В. Радлова «*Uigurische Sprachdenkmäler*», опубликованная С. Е. Маловым в 1928 г.⁵⁵

В обширной области научных интересов В. В. Радлова (диалектография, лексикография, тюркская текстология и филология, фольклористика, этнография, археология) известное место занимают и работы общелингвистического характера; к ним следует отнести: «*Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*» (1901); «*Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türk-sprachen*» (1882); «*Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen*» (1906); «*Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen*» (1908).

Обзор научной деятельности В. В. Радлова и его заслуг перед отечественным востоковедением был бы неполным, если бы мы не сказали о нем как об организаторе и администраторе — директор АМ (1885—1890), директор МАЭ (1894—1918), председатель РКСА (1903—1918), председатель правления «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта»

---

⁵³ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 65—67.

⁵⁴ «*Die alttürkische Inschriften der Mongolei*». Zweite Folge, St.-Pbg., 1898.

⁵⁵ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 138, 139—140, 143, 198.

(1908—1918) — и педагоге. В. В. Радлов, как известно, не преподавал ни в Казанском, ни в Петербургском университете, но имел немало учеников; ими были тюркологи: Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович; монголисты Б. Я. Владимирцов, А. Д. Руднев и др., в трудах которых развивались и углублялись идеи их учителя⁵⁶.

Востоковедом-лингвистом широкого диапазона, оставившим неизгладимый след в истории русской и мировой иранистики, является акад. К. Г. Залеман (1849—1916)⁵⁷. Окончив ФВЯ Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду (1867—1871), К. Г. Залеман позднее совершенствовался в татарском языке в Казани (1880). Еще в студенческие годы им был составлен русско-кумыкский словарь (рукопись, ЛО ААН, ф. 87, оп. I, № 316). В течение всей своей исследовательской деятельности Залеман уделял значительное внимание тюркологическим изысканиям; по свидетельству его биографа, «из всех неиранистических дисциплин наибольшее внимание Залеманом было уделено тюркологии»⁵⁸. О глубоком знании Залеманом живого татарского языка свидетельствует следующий факт: по предложению Британского библейского общества Залеман сделал перевод на татарский язык Евангелия от Матфея (Казань, 1882; 2-е изд., 1890) и Марка (Казань, 1886).

Круг тюркологических интересов К. Г. Залемана был весьма широк, хотя, как и в области иранистики, он ограничивался преимущественно изучением памятников письменности в филолого-лингвистических аспектах. Среди тюркологических исследований Залемана следует назвать в первую очередь его работу о «сельджукских» стихах. Эта работа, основанная на обнаруженном Залеманом в АМ неизвестном ранее списке мистической поэмы Султана Веледа (1226—1312) «Ребабнаме» (1301), является продолжением изучения этого памятника, начатого В. В. Радловым по списку Венской библиотеки⁵⁹. Спустя четверть века, в конце своей жизни, Залеман вернулся к этой теме, подготовив работу, названную им «Но-

⁵⁶ О «Радловских четвергах» любил вспоминать С. Е. Малов; см. его предисловие к кн.: W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, Л., 1928, стр. VIII. О занятиях П. М. Мелиоранского у В. В. Радлова см.: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, — ЗВОРАО, т. XVIII, СПб., 1907, стр. 02—03; о занятиях Н. Ф. Катанова у В. В. Радлова см.: С. Н. Иванов, Николай Федорович Катанов. 1862—1962, М.—Л., 1962, стр. 16—17.

⁵⁷ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, стр. 79—115.

⁵⁸ Там же, стр. 99.

⁵⁹ «*Noch einmal die Seldschukischen Verse*», — Bull. de l'Acad. Nouv. sér., t. II (XXXIV), 1892, стр. 293—365; то же, — Mém. as., t. X, 1894, стр. 173—245; W. Radloff, *Über alttürkische Dialecte. I. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh*, — Mém. as., t. X, 1894, стр. 17—77.

вые сельджукские стихи» (рукопись, ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 303, 12 л.).

В истории русской тюркологии конец XIX в. знаменуется повышенным вниманием к изучению памятников тюркской письменности, и в первую очередь к открытым Н. М. Ядринцевым (1889) большим руническим памятникам. К. Г. Залеман и в этой области обнаружил познания, достойные профессионального тюрколога. В его архиве сохранились материалы по изучению орхонских памятников⁶⁰.

К. Г. Залеман опубликовал и снабдил историко-филологическими примечаниями весьма интересную рукопись АМ на «чагатайском» языке, названную им «Легенда про Хакимата»⁶¹.

«Прибавления» Залемана к труду В. В. Радлова о «Кутадгу билиг» — персидский текст и перевод сведений о древнейших сказаниях тюркского племени — представляют чрезвычайный интерес.

В сферу научных интересов К. Г. Залемана попал и другой важный памятник — «Codex Comanicus». В этой работе Залеман решительно выступил против резких и необоснованных выпадов В. Банга против В. В. Радлова⁶².

В архиве Залемана сохранились начальные листы подготовлявшейся им «Грамматики алтайских языков», копии с тюркских рукописей и транскрипции текстов⁶³.

Нельзя не отметить многолетнюю деятельность К. Г. Залемана по каталогизации арабских, персидских и тюркских рукописей. В списке трудов К. Г. Залемана⁶⁴ насчитывается двенадцать печатных тюркологических работ; К. Г. Залеману также принадлежит прекрасно составленная библиография трудов В. В. Радлова.

В историю изучения якутской лексики, в историю тюркской лексикографии навсегда вошло имя политического ссыльного, выдающегося якутоведа Э. К. Пекарского (1858—1934), члена-корр. АН (1927) и почетного академика (1931)⁶⁵. Э. К. Пекарский, проживший в якутской ссылке почти два-

⁶⁰ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101; ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, №№ 262—271.

⁶¹ ИИАН, сер. V, т. IX, 1898, № 2, стр. 105—150; то же: *Mél. as.*, t. XI, 1901, стр. 65—110.

⁶² С. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus, I. Türkisches. II. Persisches, — ИИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 12, стр. 943—957; то же, *Mél. as.*, t. XIV, 1910, стр. 341—355; А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101.

⁶³ С. Salemann, Grammatik der altaischen Sprachen (ЛО ААН, ф. 87, оп. 1, № 304, 18 л.). См.: А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, стр. 101—102.

⁶⁴ «Матер. для биограф. словаря д. ч. АН», ч. I, Пр., 1915, стр. 295—298.

⁶⁵ О нем см.: Е. И. Убрятова, Очерк истории изучения якутского языка, Якутск, 1945, стр. 21—25; «Эдуард Карлович Пекарский. К столетию со дня рождения» (сб. статей), Якутск, 1958.

дцать пять лет, собрал там огромный материал по якутской лексике. АН, а с 1903 г. и РКСА по ходатайству В. В. Радлова и К. Г. Залемана неизменно оказывали Пекарскому материальную и моральную поддержку⁶⁶; при содействии АН (по инициативе В. В. Радлова) Э. К. Пекарский получил разрешение проживать в столице, чем он и воспользовался, переселившись в 1905 г. на жительство в Петербург, где поступил на службу сначала в Этнографический отдел Русского музея (1905—1910), затем (в 1911 г.) стал сотрудником МАЭ при АН.

Первый выпуск словаря якутского языка, составленного Э. К. Пекарским при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова, вышел в Петербурге в 1907 г., а последний — в Ленинграде в 1930 г. В 1958—1959 гг. он был переиздан фотомеханическим способом.

Востоковеды были единодушны в высокой оценке словаря Пекарского. В. В. Радлов писал: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным *Thesaurus linguae Jakutogum*, да и для многих литературных языков подобный словарь, к сожалению, остается еще надолго *pium desiderium*»⁶⁷. Э. К. Пекарский известен и как выдающийся знаток якутского фольклора и этнографии якутов.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция обогатила науку новыми идеями, новой методологией, которые коренным образом изменили характер востоковедных исследований в АН и вызвали к жизни новые формы объединения востоковедов.

Первым объединением тюркологов в АН был Радловский кружок при МАЭ (1918—1930), который возник по инициативе В. В. Бартольда в июне 1918 г. на заседании, посвященном памяти В. В. Радлова, скончавшегося 12 мая 1918 г. «Положение» о Радловском кружке было утверждено АН в сентябре 1922 г.⁶⁸: «Радловский кружок, — читаем в § 1 „Положения“, — имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которым была главным образом посвящена деятельность академика В. В. Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких (= тюркских) народностей».

Радловский кружок объединял всех ленинградских тюрко-

⁶⁶ См. предисловие Э. К. Пекарского к его словарю якутского языка, т. I, стр. IV—V.

⁶⁷ Л. Н. Харитонов, Словарь якутского языка Э. К. Пекарского и его значение, — «Э. К. Пекарский. К столетию со дня рождения», стр. 10.

⁶⁸ «Положение о Радловском кружке», — ИРАН, сер. VI, 1922, стр. 139.

логов; на заседаниях кружка читались научные доклады и обсуждались научно-организационные вопросы, волновавшие тюркологов⁶⁹.

Ленинградские тюркологи — В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. Л. Троицкая — принимали деятельное участие в работе КВ при АМ АН, сыгравшей важную роль в развитии отечественного востоковедения.

После Октябрьской революции в соответствии с новыми задачами в составе АН возникли учреждения, тесно связанные с востоковедением вообще и с тюркологией в частности: Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС, 1917); Комиссия по изучению Якутской АССР (1924); Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (1926); Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР⁷⁰.

В 1918 г. штат АМ был расширен. Первым тюркологом — научным сотрудником АМ был А. Н. Самойлович (1880—1938), на которого было возложено заведование отделом нумизматики, эпиграфики и археологии АМ⁷¹.

Одной из важнейших политических и научных задач, поставленных революцией перед советской тюркологией в 20-х годах, было создание письменности для бесписьменных народов и народностей и замена старого (арабского) алфавита новым, более удобным. В этой важной и трудоемкой работе активное участие принимал АМ в лице С. Ф. Ольденбурга, В. В. Бартольда, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, К. К. Юдахина и др.

Ленинградские востоковеды во главе с С. Ф. Ольденбургом и В. В. Бартольдом принимали деятельное участие в организации и проведении Первого тюркологического съезда в Баку (февраль — март 1926), на котором с докладами выступили С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. Н. Генко, С. И. Руденко и русист Л. В. Щерба⁷².

Одним из инициаторов созыва Бакинского съезда был А. Н. Самойлович, энергичный организатор и руководитель всей тогдашней работы в области тюркологии. В 1923 г. А. Н. Самойлович в бакинском журнале «Просвещение и культура» (№ 36) выступил со статьей «Нужен тюркологиче-

⁶⁹ Архив Радловского кружка хранится в ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (1922), № 2.

⁷⁰ «АН СССР за 10 лет», стр. 5, 102—104.

⁷¹ «Аз. Муз. Памятка, стр. 114. Судя по его личному делу (ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 5650), А. Н. Самойлович работал в АМ в качестве «приглашенного» (т. е. внештатного) сотрудника еще в 1903 г.

⁷² «Первый всесоюзный тюркологический съезд, 26 февраля — 6 марта (1926). Стенографический отчет», Баку, 1926.

ский съезд», а 14 марта 1924 г. в ЛИЖВЯ он сделал доклад «О необходимости созыва тюркологического съезда для обсуждения и решения неотложных практических вопросов просвещения и культуры в тюркоязычных республиках и областях». В это же время А. Н. Самойлович на одном из заседаний Радловского кружка прочитал доклад о проектах применения латинского алфавита к тюркским языкам, на основе которого были составлены рекомендации для Азербайджана, Узбекистана и Якутии. Все сколько-нибудь значительные мероприятия в области разработки и практического применения нового алфавита проходили при обязательном участии А. Н. Самойловича ⁷³.

Развитие тюркологических исследований в АН и в тюркоязычных республиках и областях выявило настоятельную необходимость координации усилий в области тюркологии во всесоюзном масштабе. В апреле 1927 г. АН была представлена в СНК СССР составленная В. В. Бартольдом «Записка об учреждении Туркологического института для систематизации и объединения тюркологических работ самой академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои тюркологические исследования» ⁷⁴.

Плодом этой инициативы явился Туркологический кабинет (1928—1930; сокращенно ТУРК), которому В. В. Бартольд предоставил свою личную библиотеку и две комнаты в своей квартире (Университетская наб., 5, во дворе).

Организационное заседание ТУРК состоялось 11 апреля 1928 г.; председательствовал В. В. Бартольд, присутствовали Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов. Членами совета ТУРК были избраны В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, С. Е. Малов; директором ТУРК стал В. В. Бартольд, секретарем — К. К. Юдахин. Был выработан проект положения о кабинете.

Перед ТУРК были поставлены следующие задачи: а) переиздание словаря Радлова; б) подготовка к печати уйгуро-немецкого словаря Радлова; в) подготовка материалов для общего этимологического словаря тюркских наречий; г) подготовка к изданию записей А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и этнографических материалов Н. П. Дыренковой; д) изучение и подготовка к изданию орхонских надписей, хранящихся в Минусинске в местном музее; е) составление программы этнографических работ; ж) подготовка сводного каталога тюркских рукописей.

⁷³ См.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 252.

⁷⁴ «АН СССР за 10 лет», стр. 144—145. Записка В. В. Бартольда хранится в ЛО ААН СССР. Протоколы ОИФ за 1927 г., стр. 43—44.

27 октября 1928 г. ОГН утвердило состав членов Совета ТУРК. 14 октября 1928 г. состоялось первое заседание Совета ТУРК, на котором А. Н. Самойлович сделал сообщение о работе Комиссии по переизданию словаря Радлова⁷⁵. К сожалению, ни один из пунктов этого обширного плана не был выполнен.

В середине 20-х годов штат АМ пополняется, правда в весьма скромных масштабах. Н. К. Дмитриев⁷⁶, преподававший с 1925 г. в ЛИЖВЯ турецкий язык, был «приглашен в Азиатский музей на временную работу по разбору периодических изданий на турецких диалектах»⁷⁷. 1 апреля 1926 г. Н. К. Дмитриев был зачислен в штат АМ, а 10 февраля 1931 г., видимо по личной просьбе, был освобожден от обязанностей научного сотрудника ИВ⁷⁸.

Среди разнообразных — текущих и рассчитанных на долгий срок — научных работ, выполнявшихся ленинградскими тюркологами в середине 20-х годов, следует упомянуть два предприятия, свидетельствующих о широте их научных воззрений и отчетливом понимании своих задач. Первое — тюркологи С. Е. Малов, К. К. Юдахин и арабист А. Э. Шмидт решили перевести на русский язык известный труд Махмуда Кашгарского «Словарь тюркских языков» (XI в.); однако эта задача не была решена. Второе — переиздать «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, для чего в АН была создана специальная комиссия под председательством В. В. Бартольда; членами комиссии были А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др.⁷⁹. Это научное предприятие тоже не было осуществлено, по-видимому, по двум основным причинам: во-первых, задача оказалась не по силам (в части дополнения словаря новыми лексическими материалами) и, во-вторых, 19 августа 1930 г. умер инициатор и руководитель работы В. В. Бартольд.

Начиная с 1930 г. центром историко-лингвистико-литера-

⁷⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), ед. хр. 77. О деятельности ТУРК в 1928 г. см.: Отчет АН СССР за 1928 г., стр. 91—93; см. фонд ТУРК: ЛО ААН, ф. 258; ф. 2, оп. 1 (1928), № 77; оп. 1 (1929), № 68; оп. 1 (1930), № 71, 89.

⁷⁶ О нем см.: Э. В. Севортян, Из истории развития советской тюркологии (Памяти Н. К. Дмитриева), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 2, стр. 156—169; е го же, Н. К. Дмитриев и советская тюркология, — ВЯ, 1956, № 3, стр. 101—107.

⁷⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 78.

⁷⁸ Там же, № 92 (1817—1929), № 140 (1931), № 1. Личное дело Н. К. Дмитриева см.: ЛО ААН, ч. 4, оп. 4, № 1948 (I.XI.1925—10.II.1931).

⁷⁹ А. Н. Самойлович, Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, — ИАН СССР, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1688—1694; е го же, Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. Восточного ф-та Азерб. гос. университета. Востоковедение», т. 3, Баку, 1929, стр. 1—6; Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928, 8 стр.

туроведческих исследований в области тюркологии становится ИВ, в составе которого было два тюркологических кабинета: Среднеазиатский и Турецкий, которыми руководил А. Н. Самойлович, член-корр. АН с 1925 г. и действительный член АН с 1929 г., директор ИВ с 1934 по 1937 г.

А. Н. Самойлович был тюркологом широкого профиля; он с успехом работал в ряде научных областей: издание памятников, языкознание, литературоведение, этнография, история тюркских народов⁸⁰.

Выдающимся тюркологом петербургской школы был С. Е. Малов (1880—1957), член-корр. АН с 1939 г., ученик В. В. Радлова⁸¹. С 12 января 1929 г. по 16 октября 1930 г.⁸² С. Е. Малов — научный сотрудник 1-го разряда АМ — ИВ, с 1934 г. — заведующий Сектором тюркских языков ИЯМ АН СССР, с 1940 г. — член Ученого совета ИВ, научный руководитель аспирантов ИВ.

Совершив по инициативе В. В. Радлова на средства РКСА два путешествия в Западный и Центральный Китай (1909—1911; 1913—1915), С. Е. Малов стал одним из пионеров изучения языка и этнографии желтых уйгур, уйгур и лобнорцев⁸³. Во время путешествий С. Е. Малову удалось собрать довольно значительную коллекцию тюркских (главным образом уйгурских) рукописей, среди которых первое место занимает уникальный список сутры «Золотой блеск», изданный совместно с В. В. Радловым в серии «Библиотека буддизма». Рукописи, собранные С. Е. Маловым, хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВ.

Как уже было сказано, в ИВ было два тюркологических кабинета. В состав одного из них — Среднеазиатского — первоначально (1931) входили только тюркологи: Н. Г. Таланов, историк Средней Азии; К. К. Юдахин, лингвист, фольклорист, этнограф, автор теперь широко известных киргизско-русского (два издания)⁸⁴ и русско-киргизского словарей; О. И. Шацкая (позднее Иванова-Шацкая), фольклорист-тюрколог; аспиранты Хашимов и В. Забиров.

⁸⁰ О нем см.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 243—264; Библиография трудов, стр. 253—263.

⁸¹ О нем см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 5—22; список трудов, стр. 22—30; «С. Е. Малов. К 75-летию со дня рождения», — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 1, стр. 93—98; «С. Е. Малов. К восьмидесятилетию со дня рождения», — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 43—55.

⁸² См. личное дело С. Е. Малова (ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 363, № 1995).

⁸³ Последняя по времени издания книга, написанная по материалам путешествия: С. Е. Малов, Язык желтых уйгур. Тексты и переводы, М., 1967.

⁸⁴ Киргизско-русский словарь К. К. Юдахина (М., 1965) удостоен Государственной премии за 1967 г.

В план кабинета на 1932 г. были включены две темы: 1) «Очерки истории джадидского движения в Средней Азии (Узбекистан и Казахстан)» (А. Н. Самойлович, Н. Г. Таланов, аспиранты Хашимов и Забиров); 2) «История джадидской литературы в Узбекистане» (А. Н. Самойлович, К. К. Юдахин, Е. Э. Бертельс, аспиранты Хашимов, Гасанзаде)⁸⁵. Несколько позднее план 1932 г., видимо, подвергся изменению и был сформулирован так: «Очерки истории джадидизма в Узбекистане» (Самойлович, Таланов, Юдахин, Гасанзаде, аспиранты З. Кастельская, Уньковский, Махортов). Кроме этой основной коллективной темы в плане кабинета значились также темы: «Социально-бытовая сторона туркменских народных произведений» (О. И. Шацкая); «Киргизско-русский словарь» (К. К. Юдахин); «Октябрь в Средней Азии (к 15-й годовщине Октября)» (Забиров, Хашимов, Таланов, Юдахин). В середине 1932 г. К. К. Юдахин выбыл из состава сотрудников ИВ. В 1932 г. в плане кабинета появляется первая иранистическая тема: «Таджикская литература» (Е. Э. Бертельс). В 1932 г. в кабинет были приняты новые сотрудники — Ш. Кайбагарова, Паластров, Амантаев⁸⁶.

План на 1933 г. был составлен с большим размахом и, видимо, рассчитан также и на внештатных сотрудников, что придавало плану характер перспективной наметки. План 1933 г. включал следующие темы: 1) «Культурная революция в Узбекистане» (исполнители не указаны); 2) «Очерки по истории джадидизма» (Паластров, Амантаев, Кастельская, Кайбагарова, Исхаков); 3) «Очерки по истории советской узбекской литературы» (Хашимов, Паластров); 4) «Проблемы литературного языка дунган и латинизация их письменности» (исполнители не указаны — в составе сотрудников кабинета дунгановедств не было); 5) «Собирание и систематизация фольклорного материала дунган» (исполнители не указаны); 6) «Обработка туркменского фольклорного материала» (О. И. Шацкая); 7) «Полный русско-киргизский словарь» (К. К. Юдахин); «Полный русско-таджикский словарь» (исполнители не указаны — таджиковедов в это время в составе кабинета не было); 8) «Характеристика туркменской советской литературы» (аспирант Ташназаров); 9) «История каракалпаков» (А. Н. Самойлович, В. Забиров); 10) «Промышленность Казахстана за 15 лет (1917—1932)» (Кайбагарова); 11) «Башкирская советская литература» (Амантаев); 12) «Происхождение и развитие среднеазиатского феодального города» (А. Ю. Якубовский; начиная с 1932 и по 1938 г. А. Ю. Якубовский был научным сотрудником 1-го разряда, затем ст. научным сотрудником кабинета). К сожалению,

⁸⁵ ДО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 32.

⁸⁶ Там же, оп. 1 (1932), № 38.

ЛО ААН не содержит данных о дальнейшей судьбе тем, включенных в этот план.

В начале 1933 г. ученым секретарем кабинета был назначен Зия Аксаков, за которым была закреплена тема «Отражение Октябрьской революции и коллективизации в устном народном творчестве крымских татар»⁸⁷.

Количество сотрудников кабинета ежегодно росло; в январе 1934 г. был зачислен А. К. Боровков⁸⁸, в 1935 г. — П. П. Иванов, известный историк Средней Азии. В план Среднеазиатского кабинета на 1934 г. были включены следующие темы: 1) «Хивинские хроники XVIII—XIX вв.». Перевод и исследование (А. Н. Самойлович); 2) «Происхождение и развитие феодального города в Средней Азии» (А. Ю. Якубовский); 3) «В. В. Бартольд как историк Востока» (А. Ю. Якубовский); 4) «Восстание в 1862 г. в Хатане» (А. К. Боровков); 5) «Материалы по истории Туркмении с VIII по XVI в.» (тема была поручена бригаде)⁸⁹.

В дальнейшем характер деятельности Среднеазиатского кабинета — преимущественное внимание к историческим темам — сохраняется; в плане 1935 г. кроме тем, указанных на 1934 г., значатся: 1) «Восстание Тараби»; 2) «Ирак на рубеже VIII—IX вв. (А. Ю. Якубовский); 3) «Источники по истории узбекского феодализма XVI—XVII вв.» (П. П. Иванов); 4) «Описание рукописей коллекции Ольденбурга — Петровского» (А. К. Боровков).

Позднее (1938) в план кабинета была включена первая лингвистическая тема — «Грамматика узбекского языка», ее разрабатывал А. К. Боровков. После долгого перерыва появляется лексикографическая тема — «Киргизско-русский словарь», исполнителем которой был К. К. Юдахин, сотрудник ИВ по договору.

В числе сотрудников кабинета (с марта 1937 г.) был арабист и тюрколог С. Л. Волин, историк Средней Азии по своим основным научным интересам, оставивший по себе память в истории тюркской филологии как автор превосходной работы «Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях»⁹⁰.

С отъездом в длительную командировку в Ташкент (1939) А. К. Боровкова, единственного представителя тюркского языкознания в Среднеазиатском кабинете, лингвистическая работа в кабинете в области тюркологии прекратилась.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Некролог А. К. Боровкова (НАА, 1963, № 2, стр. 265—267); Э. В. Севортян, Памяти А. К. Боровкова, — ИАН СССР, ОЛЯ, вып. 2, 1963, стр. 171—175.

⁸⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1934), № 13.

⁹⁰ См. сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 203—235; переведено на турецкий язык; переводчица Расиме Уйгун; см. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, 1955, Анкара, стр. 99—141.

В конце 30-х годов в составе Среднеазиатского кабинета образовалась Иранистическая секция в составе С. И. Климчицкого и А. З. Розенфельд.

Второй тюркологический кабинет ИВ — Турецкий — был организован одновременно со Среднеазиатским; первым его сотрудником с 29 июля 1931 г. был азербайджанец, литературовед А. А. Сеид-заде. В 1932 г. в число сотрудников Турецкого кабинета были зачислены историки — А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, А. Д. Новичев, Т. П. Черман, А. С. Тверитинова, Джамилинский.

В плане кабинета на 1931 г. были темы: 1) «История развития среднеазиатского турецкого литературного языка чагатайского периода (XV—XIX вв.)»; 2) «Подготовка материалов из первоисточников по истории крымских татар» (исполнитель обеих тем А. Н. Самойлович)⁹¹.

На 1932 г. (и, видимо, на последующие годы) в плане кабинета значились следующие темы: 1) «Аграрная политика кемализма» (А. Д. Новичев); 2) «Современная турецкая литература» (А. А. Сеид-заде); 3) «Рабочая книга по истории Турции» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, Джамилинский); 4) «Экономический кризис в Турции» (А. Д. Новичев, А. А. Алимов, Т. П. Черман); 5) «История национально-освободительного движения в Турции» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов, Джамилинский); 6) «Октябрь и судьба антиимпериалистической борьбы Турции» (А. Е. Мочанов, Джамилинский); 7) «История революционно-национально-освободительного движения в Крыму» (А. А. Алимов, А. Е. Мочанов); 8) «Восточный вопрос» (А. Е. Мочанов); 9) «Библиография основных работ по Турции» (А. Е. Мочанов); А. С. Тверитиновой была поручена обработка книжного фонда и его каталогизация⁹².

В 1933 г. А. С. Тверитинова получила научно-исследовательскую тему «Период Кёпрюлю», рассчитанную на ряд лет. В этом же году (1 ноября 1933 г.) в сотрудники кабинета был приглашен доцент турецкого языка в ЛВИ и ЛГУ, питомец Стамбульской учительской семинарии Хикмет Джевдет-заде⁹³, которому было поручено написать историю турецкой литературы от Танзимата до 1876 г.; позднее в его плане значилась история современной турецкой литературы. В плане кабинета указана также тема аспиранта А. А. Аджяна «Ремесленная промышленность Стамбула XV—XIX вв.»⁹⁴. В 1937 г. А. А. Аджян защитил кандидатскую диссертацию,

⁹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 33.

⁹² Там же, оп. 1 (1932), № 39.

⁹³ Там же, оп. 3, № 200. В листке по учету кадров датой рождения Х. Джевдет-заде указан 1895 год, однако по наведенной у его жены справке он родился в 1893 г., умер 17 апреля 1945 г.

⁹⁴ Там же, оп. 1 (1933), № 35.

посвященную ремесленной промышленности Стамбула в XVII в., написанную на основе известного турецкого первоисточника «Путешествие Эвлия-челеби».

В Турецком кабинете начал (1936) свою исследовательскую деятельность Х. И. Муратов, одновременно бывший ученым секретарем ИВ.

В последующие годы в деятельности кабинета также преобладала историческая тематика.

С конца 30-х годов и до начала Великой Отечественной войны в кабинете работали А. Д. Новичев, А. С. Тверитинова, Х. М. Цовикян, занимавшиеся различными аспектами истории Турции; Т. П. Черман составлял библиографию Турции; А. Н. Кононов занимался тюркской филологией (в июле 1941 г. была издана «Грамматика турецкого языка» и в основном закончено составление сводного текста «Махбуб ул-кулюб» А. Навои); при кабинете в это время были три аспиранта: Л. О. Алькаева (история турецкой литературы), А. В. Егоров (тюркское языкознание), Б. Л. Фридлянд (турецкий язык).

Кроме этих двух кабинетов была маленькая тюркологическая ячейка в составе Рукописного отдела ИВ. Фонд тюркских рукописей собрания ИВ последние годы перед Великой Отечественной войной обрабатывали арабисты и тюркологи И. Н. Леманов и Г. Г. Гульбин (оба погибли во время блокады Ленинграда), иранист и тюрколог А. М. Мугинов.

Обязательное изучение трех ближневосточных языков — арабского, персидского и турецкого (татарского), входивших в учебные программы Казанского и Петербургского — Петроградского университетов, выработало особый тип востоковеда-ближневосточника, который мог без затруднения оперировать материалом на этих языках. Подобных специалистов в истории русского востоковедения было много. Одним из них, как сказано выше, был К. Г. Залеман, знаменитый иранист и признанный тюрколог.

В советское время такими востоковедами-универсалами, иранистами по преимуществу, с успехом занимавшимися тюркологическими исследованиями, были сотрудники ИВ А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс и А. М. Мугинов, а из арабистов — С. Л. Волин, И. Н. Леманов и Г. Г. Гульбин.

А. А. Ромаскевичу принадлежит первая и единственная на русском языке запись и перевод песен кашкайцев, одного из кочевых тюркоязычных племен Ирана. Эти записи А. А. Ромаскевич сделал весной и летом 1914 г. во время путешествия по Ирану⁹⁵. Другой работой А. А. Ромаскевича, для успешного осуществления которой потребовалось глубо-

---

⁹⁵ А. А. Ромаскевич, Песни кашкайцев, — сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 573—610.

кое знание персидского и «чагатайского» языков, является статья «Новый чагатайско-персидский словарь»⁹⁶.

Как глубокий знаток литературы на персидском, тюркских и арабском языках выступает А. А. Ромаскевич в работе «Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петроградского университета»⁹⁷.

Е. Э. Бертельс вошел в историю русской тюркологии прежде всего благодаря работам по истории тюркских литератур; здесь в первую очередь следует назвать исследования, посвященные изучению творчества Навои, Низами, Ахмада Югнаки, Махтумкули; ему принадлежит ряд кратких, но выразительных характеристик (для БСЭ и ЛЭ) целого ряда современных тюркоязычных поэтов и писателей; он первый познакомил русских читателей с творчеством турецкого писателя Сами-паша-заде Сезаи, переведя с турецкого на русский язык его «Сергюзешт. Кючюк шейлер» (М.-Пг., 1923). Е. Э. Бертельс в течение ряда лет читал в ЛВИ и ЛГУ курс истории турецкой литературы⁹⁸.

Академик Н. Я. Марр неоднократно, специально или попутно, касался тюркологических проблем, чему способствовало его практическое — с детских лет — знакомство с турецким языком и обстоятельное научное изучение тюркских языков на ФВЯ Петербургского университета, где его учителями были выдающиеся тюркологи И. Н. Березин и В. Д. Смирнов⁹⁹.

Среди тюркологических работ Н. Я. Марра важное место занимают не утратившие своего значения, но почти не использованные тюркологами записи анатолийско-турецкого фольклора, сделанные им во время поездки (1904) по Карскому и Чорухскому вилайетам, входившим тогда в состав России, и изданные в книге «Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст с дневником поездки в Шавшию и Кларджию» («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VII, СПб., 1911)¹⁰⁰.

Поздние работы Н. Я. Марра, прямо или косвенно посвященные тюркологическим проблемам (например, «Чуваши-яфетиды на Волге», «Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков», «О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье»), а также большинство многочисленных, рассеянных по его сочинениям тюркских этимоло-

⁹⁶ Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 83—99.

⁹⁷ ЗКВ, I, 1925, стр. 353—371.

⁹⁸ Библиографию трудов Е. Э. Бертельса см. СВ, 1958, № 1, стр. 114—124.

⁹⁹ С. [С.] Джикия, Н. Я. Марр и турецкие языки, — ЯМ, VIII, 1937, стр. 243—253.

¹⁰⁰ А. П. Векилов, Изучение турецких диалектов Малой Азии до-революционными и советскими учеными, — УЗИВАН, XXV, 1960, стр. 297.

логий, призванных подкрепить всеобщий характер яфетической теории, теперь представляют, как правило, только факт научной биографии автора, в то время как его исследования по армяно-грузинской филологии навсегда вошли в золотой фонд науки.

Оживившиеся в начале 30-х годов, после официального визита в Москву и Ленинград в 1932 г. тогдашнего премьер-министра Турецкой Республики Исмета-паши (Исмет Инёню), политические отношения между СССР и Турцией благоприятно отразились и на установлении более тесного контакта в научной области. В 1933 г. Н. Я. Марр и А. Н. Самойлович по приглашению турецкого правительства посетили Турцию; эта поездка способствовала некоторому оживлению контактов и сотрудничества между научными учреждениями СССР и Турции¹⁰¹.

Для закрепления и развития наметившихся контактов в середине 1933 г. при Президиуме АН СССР была создана «Комиссия содействия научным связям с Турцией» — КСОНСТ (1933—1937), которую возглавил Н. Я. Марр, а после его кончины (20.XII.1934) — А. Н. Самойлович; ученым секретарем был А. Д. Новичев; с марта 1937 г. — зам. председателя и ученый секретарь Х. З. Габидуллин.

КСОНСТ¹⁰² планировала организацию работ в двух основных областях: гуманитарные науки и «изучение естественных ресурсов Турции в связи с научными и практическими интересами СССР и Турции».

По этой программе предполагалось установить:

А. В области гуманитарных наук:

- 1) Обмен книгами и рукописями (в 1935 г. из Турции было получено 325 книг, в 1936 г. — 314; 2) Обмен музейными экспонатами, дублетами, муляжами и фотографиями с музейных объектов (в октябре 1933 г. в Турцию было отправлено 240 предметов); 3) Организация участия ученых СССР в совместной с турецкими учеными археологической экспедиции в Кюль-тепе; 4) Организация участия турецких ученых в советских экспедициях на территории СССР; 5) Организация участия турецких ученых в работе институтов СССР; 6) Организация участия советских ученых в научных конгрессах Турции; 7) Подготовка к изданию «Истории турецкого народного хозяйства до войны» (1914—1918); 8) Издание двуязычного — на русском и турецком языках — журнала.

Б. В области изучения естественных ресурсов Турции:

- 1) Организация почвенно-геологической экспедиции в Тур-

---

¹⁰¹ См.: А. Н. Самойлович, Языковое строительство в Турции, — «Письменность и революция», кн. 1, М., 1933, стр. 187—191; В. А. Миханкова, Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.—Л., 1948, стр. 412—415.

¹⁰² Архив КСОНСТ хранится в ЛО ААН, ф. 152, оп. 9, № 1—5.

цию для: а) составления почвенной карты Анатолии, б) почвенно-геологического исследования субтропических районов Анатолии; 2) Обмен с Турцией добытым в СССР опытом по исследованию алкалоидов опиума и табака. Позднее предлагались и другие темы. В составлении и осуществлении этого плана КСОНСТ деятельное участие принимала Украинская АН.

Деятельность КСОНСТ ограничивалась главным образом организацией обмена книгами, музейными экспонатами и участием советских ученых в работах II (1934 г.— А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов) и III (1936 г.— А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов, Х. З. Габидуллин) конгрессов Турецкого лингвистического общества¹⁰³.

Президиум АН СССР не был удовлетворен деятельностью КСОНСТ. 23 мая 1937 г. КСОНСТ была преобразована в Турецкую комиссию АН СССР с постоянным пребыванием в Москве; председателем ее был назначен А. Н. Самойлович, членами — ряд академиков, представителей естественных наук¹⁰⁴. Следов деятельности Турецкой комиссии пока обнаружить не удалось. Плодом деятельности КСОНСТ явились хранящаяся ныне в АВ картотека материалов по истории турецкого хозяйства и библиография Турции.

Широко развернувшиеся в начале 30-х годов тюркологические исследования настоятельно диктовали необходимость создания центра, объединяющего и направляющего деятельность тюркологов, работающих в Ленинграде. С этой целью в 1934 г. при ИВ была создана Ассоциация тюркологов, которая первоначально называлась «Турецкое объединение при ИВ». Почетным председателем был избран Н. Я. Марр, председателем — А. Н. Самойлович, заместителем председателя — А. А. Алимов, ученым секретарем — А. Д. Новичев¹⁰⁵. Ассоциация, деятельность которой продолжалась до середины 1937 г., собиралась на заседания нерегулярно и не имела точно разработанного плана работы.

В январе 1935 г. при ИВ по инициативе А. Н. Самойловича была создана «Комиссия по словарям старо-турецкому (-тюркскому, VI—XI вв.) чагатайскому, староанатолийскому-турецкому (предложение Н. К. Дмитриева) и кыпчакскому». К составлению этих словарей предполагалось привлечь

---

¹⁰³ А. Н. Самойлович, Второй лингвистический конгресс в Турции и советско-турецкие научные отношения, — ВАН, 1935, № 1, стр. 17—28; его же, Третий лингвистический конгресс в Турции, — ВАН, 1936, № 11—12, стр. 51—55; его же, Стамбульские впечатления 1936 г. (Третий турецкий языковой конгресс и культурный рост Турции), — «Звезда», 1936, № 12, стр. 161—168.

¹⁰⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 9, № 5, лл. 95, 128.

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1934), № 42 — протокол № 1 заседания 10 марта 1934 г. Запись заседания 10 мая 1934 г. озаглавлена «Протокол заседания Президиума Ассоциации по изучению Турции».

С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, К. К. Юдахина, А. К. Боровкова, С. С. Джикия, А. Н. Бернштама, Х. Джевдет-заде, М. С. Михайлова, А. Н. Кононова и др.¹⁰⁶. Однако это благое начинание не было осуществлено по обстоятельствам, не зависящим от инициатора и предполагавшихся исполнителей.

К началу Великой Отечественной войны тюркологи ИВ представляли немногочисленный, но достаточно квалифицированный коллектив, который успешно решал поставленные перед ним научные задачи.

Война нарушила хорошо налаженную работу ИВ. В первую блокадную зиму погиб тюрколог-историк Х. М. Цовикян (7 февраля 1942 г.), ушли в действующую армию А. Д. Новичев и Т. П. Черман.

В течение 1942—1945 гг. ленинградские тюркологи находились в Ташкенте. В конце 1942 г. в Ташкенте в ИВ был создан Тюркологический кабинет, в который входили А. К. Боровков (зав.), А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая, А. Н. Кононов (прибыл в июле 1943 г.), Д. И. Тихонов, Б. Л. Фридлянд, Н. В. Кислаковская (зачислена 1.XII.1943). При кабинете была большая группа аспирантов-узбеков: А. Гулямов, Т. Салимов, З. Магруфов, Х. Якубов и др.

Сохранившиеся в ЛО ААН протоколы заседаний кабинета (1942—1945) свидетельствуют о весьма продуктивной деятельности его сотрудников в различных областях тюркской филологии. Регулярно проводившиеся заседания кабинета неизменно собирали большую аудиторию.

Одновременно с Тюркологическим кабинетом в составе ИВ функционировал в Ташкенте Среднеазиатский кабинет, состоявший из ученых различных специальностей, объединенных общностью научных интересов, связанных со Средней Азией. В заседаниях кабинета, обычно очень многолюдных, принимали участие не только сотрудники ИВ, но и ученые других учреждений: А. Ю. Якубовский, В. М. Жирмунский, А. А. Семенов, М. С. Андреев, Л. А. Мацулевич, В. А. Шишкин, Т. И. Райнов, К. В. Тревер, М. Е. Массон, Н. П. Архангельский, И. П. Петрушевский, А. В. Миртов, И. А. Киссен, Х. Т. Зарифов, Н. В. Дьяконова и др.

Тюркологи ИВ (А. К. Боровков, А. Н. Кононов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая) принимали деятельное участие в работе ряда гуманитарных учреждений Ташкента — Института восточных рукописей (ныне ИВАН УзССР), ИЯ АН УзССР им. А. С. Пушкина, Филологического факультета САГУ (ныне ТашГУ) им. В. И. Ленина, Ташкентского педагогического института.

17 мая 1945 г. сотрудники ИВ вернулись из Ташкента в Ленинград и приступили к работе в своем старом помещении,

¹⁰⁶ Там же, оп. 1 (1935), № 38, л. 22.

носившем еще отчетливые следы долгих дней войны и блокады. На первых порах ИВ сохранял свою довоенную структуру, и немногочисленные тюркологи вновь распределились между Турецким и Среднеазиатским кабинетами.

Турецкий кабинет продолжал свою деятельность в следующем составе: филолог А. Н. Кононов (зав.), историк А. С. Тверитинова, экономист и библиограф Т. П. Черман (деобилизовался в июне 1945 г.), филологи: Б. Л. Фридлянд и Н. В. Кислаковская (аспирант с 1 марта 1945 г.); в мае 1946 г. в штат ИВ был зачислен после демобилизации историк Турции А. Х. Рафиков (с августа 1952 г.— ст. научный сотрудник БАН); в октябре 1948 г. после службы в рядах Советской Армии (1941—1948) в кабинет вернулся историк Турции А. Д. Новичев, ныне профессор Восточного факультета ЛГУ.

Среднеазиатский кабинет в 1945 г. имел в своем составе следующих сотрудников: А. К. Боровков (зав.), в плане которого значилась «История узбекского языка»; А. А. Семенов (проживавший в Ташкенте, продолжавший работать в ИВ по совместительству) занимался историей Средней Азии; А. Л. Троицкая, продолжавшая работу над темой «Народный театр Узбекистана»; Д. И. Тихонов, занимавшийся историей Якуб-бека. При кабинете были аспиранты-узбеки: Т. Салимов (лингвист), З. Магруфов (лингвист), Х. Якубов (литературовед).

Иранистическая группа кабинета состояла из А. Н. Болдырева и А. З. Розенфельд¹⁰⁷.

30 мая 1946 г. Президиум АН СССР утвердил новую структуру ИВ; были созданы восемь секторов, в том числе Тюркский сектор (зав. А. К. Боровков) с двумя кабинетами — Среднеазиатским и Турецким (зав. А. Н. Кононов)¹⁰⁸; оба кабинета практически продолжали существовать как самостоятельные тюркологические ячейки.

После решения Президиума АН СССР (июль — август 1950 г.) о реорганизации ИВ в Ленинграде был организован Сектор (Музей) восточных рукописей; из тюркологов в состав сектора вошли: А. К. Боровков, А. М. Мугинов, А. С. Тверитинова (до переезда в Москву в 1952 г.), А. Н. Кононов, А. Х. Рафиков, которые продолжали работу в области тюркского языкознания (А. К. Боровков, А. Н. Кононов), истории Турции (А. С. Тверитинова, А. Х. Рафиков), описания тюркских и ираноязычных рукописей собрания ИВ (А. М. Мугинов).

В октябре 1956 г. Сектор восточных рукописей был пре-

¹⁰⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1945), № 2.

¹⁰⁸ В ряде протоколов заседаний сектора он именуется Сектор тюркской филологии (ЛО ААН, ф. 7, оп. 1, № 513, лл. 82—83).

образован в ЛО ИВ, в котором в числе других кабинетов был создан Тюрко-монгольский кабинет. В него вошли тюркологи А. Н. Кононов (зав.), А. К. Боровков (в 1957 г. перешел в ЛОИЯ АН СССР), А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева; позднее кабинет пополнился молодыми тюркологами-филологами С. Н. Муратовым, А. Х. Нуриахметовым, Ю. А. Целуевой (Ли), историками С. Г. Кляшторным и С. З. Закировым.

В настоящее время в кабинете работают следующие сотрудники-тюркологи: С. Г. Кляшторный (зав.), А. Н. Кононов, Ю. А. Петросян, С. З. Закиров, В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Я. Медведева, Г. В. Сорокоумовская, Л. Ю. Тугушева, аспирант И. Е. Палкина.

Последнее десятилетие основное место в планах всех филологов ЛО ИВ занимало описание восточных рукописей собрания ИВ; эта же тема была основной и в планах тюркологов. В конце 1957 г. была создана бригада в составе А. М. Мугинова, Л. В. Дмитриевой, С. Н. Муратова, А. Х. Нуриахметова, А. Н. Коконова (рук.) для описания коллекции тюркских рукописей. В результате длительной и напряженной работы, усилиями главным образом А. М. Мугинова, С. Н. Муратова, Л. В. Дмитриевой (с 1966 г.—сотрудники ЛО ИЯ АН СССР) эта большая и трудоемкая работа в основном была закончена и два тома описаний уже опубликованы¹⁰⁹.

Новое направление в деятельности кабинета — издание памятников — представлено пока двумя работами: 1) «Хюсейн, Беда'и ул-века'и» («Удивительные события»). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна, ч. 1—2 (М., 1961)¹¹⁰; 2) «Алишир Наваи, Диван», издание текста, предисловие и указатели Л. В. Дмитриевой (М., 1964).

Другой большой и важной темой в плане кабинета является биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период), подготовкой которого несколько лет занимались А. Н. Кононов, Ю. А. Целуева (Ли), Н. А. Дулина, В. Г. Гузев. Эта трудоемкая и кропотливая работа была завершена в 1968 г.

Еще одной большой — и по значению и по объему — работой являются проверка и рекаталогизация книжных фондов ЛО ИВ на тюркских языках, которые осуществляются Л. Я. Медведевой, Н. А. Дулиной и И. П. Лемешевой.

---

¹⁰⁹ А. М. Мугинов, Описание уйгурских рукописей Института народов Азии, М., 1962; Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История, М., 1965.

¹¹⁰ Реу, Faik Reşit Unat, — «Buletten», cilt. XXVII, № 106, Ankara, 1963, стр. 309—327.

Ю. А. Петросян в течение ряда лет занимается углубленной разработкой одной из важнейших проблем истории Турции — изучением основных вопросов истории буржуазно-либерального и буржуазно-революционного движения в Османской империи во второй половине XIX — начале XX в.

С. Г. Кляшторный, основной областью научных интересов которого является история древних тюрков, занимается историко-культурной интерпретацией орхонских памятников и историей тюркских племен Центральной и Средней Азии в средние века.

С. З. Закиров изучал ряд лет различные аспекты истории Золотой Орды; одна из этих тем была успешно закончена и опубликована¹¹¹. Последние годы С. З. Закиров занимался историей Хивы и хивинско-иранскими отношениями.

В 1966 г. из ЛО ИЯ перешла в Тюрко-монгольский кабинет Л. Ю. Тугушева, которая в 1967 г. закончила кандидатскую диссертацию «Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка)». Основная задача Л. Ю. Тугушевой на ближайшие годы — описание коллекции уйгурских рукописей ЛО ИВ.

В. Г. Гузев продолжает заниматься исторической фонетикой староосманского языка, которой была посвящена его кандидатская диссертация (1966).

Тюрколог-литературовед Г. В. Сорокоумовская продолжает работать над историей турецкой литературы новейшего времени.

В Рукописном отделе ЛО ИВ фондом тюркских рукописей ведала (до 1971 г.) и тюрколог-историк Р. Д. Иванова.

Тюркологи ЛО ИВ принимают деятельное участие в работе Ленинградского семинара тюркологов.

* * *

Наличие солидной научно-исследовательской базы в виде богатых рукописных фондов ИВ предопределяет основные направления деятельности тюркологов ЛО ИВ в будущем.

После завершения каталогизации тюркских рукописей, чему тюркологи ЛО ИВ посвятили последние 10 лет, следующим этапом, естественно, должны быть изучение и издание отдельных памятников тюркской письменности из коллекции ИВ и, как необходимое продолжение этой работы, исследование памятников для целей лингвистических, исторических и литературоведческих. Строго научное издание памятников тюркской письменности введет в научный обиход необходимый материал для составления исторических грамматик от-

---

¹¹¹ С. З. Закиров, *Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом*, М., 1966.

дельных тюркских языков, сравнительно-исторической грамматики семьи тюркских языков, а равно и для изучения тюркской лексики в историческом плане. Эти же издания явятся, как сказано, надежным источником для исторических и литературоведческих исследований.

Таковы главные направления деятельности тюркологов, но они не исключают, а, наоборот, предполагают также и второстепенные задачи, подсказываемые жизнью и естественным развитием науки ¹¹².

---

¹¹² Подробнее о работах тюркологов-историков см. статьи А. Д. Желтякова и В. А. Ромодина.

А. Д. ЖЕЛТЯКОВ

Изучение истории Турции

Созданный в 1818 г. АМ, ставший первым центром научного востоковедения в России, далеко не сразу сделался также и очагом изучения истории турецкого народа и его государства. В составе АМ не было постоянных сотрудников, которые посвятили бы себя систематическим научным изысканиям в области истории Турции, ее экономики, культуры и этнографии. Местом, где начали заниматься планомерными научными исследованиями истории стран Востока, в том числе Турции, в Петербурге в XIX в. стал Факультет восточных языков университета¹.

Тем не менее АМ на протяжении всего периода своего существования играл важную роль в изучении Османской Турции, ее вассальных территорий и сопредельных с нею стран, поскольку в его фондах были сосредоточены богатейшие собрания тюркских и других восточных рукописей, а также восточных и европейских печатных изданий. Собрания этих рукописей и печатных книг уже полтора столетия служили и продолжают служить базой для научной работы многих поколений отечественных историков-востоковедов, специалистов по Ближнему Востоку. В фонде АМ работали, в частности, заведующий кафедрой турецко-татарской словесности ФВЯ А. О. Мухлинский, читавший в 60-х годах XIX в. историю и географию Турции; И. Н. Березин, историк Средней Азии и Ирана, автор ряда работ о Турции; основатель первой в России кафедры истории Востока В. В. Григорьев и его преемник, исследователь Средней Азии и Ирана Н. И. Веселовский; османист-филолог и историк В. Д. Смирнов; акад. В. В. Бартольд и другие ученые, положившие начало изучению прошлого и настоящего тюркских народов, в том числе османских турок и крымских татар².

¹ См. об этом: «Востоковедение в ЛГУ», — УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960.

² Подробнее об изучении истории стран Ближнего Востока на ФВЯ, характеристику основных работ и библиографические отсылки см.: А. М. Голдобин, А. Д. Желтяков, Л. В. Строева, Кафедра истории стран Ближнего Востока, — «Востоковедение в ЛГУ», стр. 143—159.

В дореволюционный период только В. Д. Смирнов систематически изучал тюркоязычные рукописи АМ. Результатом его многолетних научных изысканий были первые в русской тюркологии исследования по истории Османской Турции и Крыма. В. Д. Смирнов хорошо знал рукописи Турецкого фонда музея и широко использовал их в таких своих блестящих трудах, как «Кучибей Гемюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции» (СПб., 1873), «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVII века» (СПб., 1887)³, «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии» (Одесса, 1889), в ряде других опубликованных им работ, а также в лекциях по истории Турции⁴.

После Октябрьской революции в востоковедении произошли большие организационные перемены. Особое значение приобретает организованный в 1930 г. на базе АМ Институт востоковедения. Изучением Турции, в том числе ее истории, занимался Турецкий кабинет, который стал подлинной ячейкой научно-исследовательской деятельности ленинградских тюркологов. Начиная с 1932 г. в кабинете постепенно были собраны почти все тюркологи — историки и филологи, работавшие в то время в Ленинграде. В составе кабинета в довоенное время работали А. А. Алимов, Х. М. Цовикян, Х. И. Муратов, А. Е. Мочанов, А. Н. Кононов, А. Д. Новичев, Т. П. Черман, А. С. Тверитинова и штатно работник Эрмижа А. А. Аджян⁵.

Объединение историков Турции в одном центре — Турецком кабинете ИВ — было необходимым условием успешного выполнения тех больших задач, которые встали перед советскими учеными в послеоктябрьскую эпоху, когда вся научная исследовательская работа в области востоковедения перестраивалась на базе марксистско-ленинской методологии. Небольшой коллектив историков кабинета смог приступить к разработке таких коренных научных проблем, как эволюция феодальной и капиталистической формаций в Турции, развитие ее производительных сил, классовая борьба и национально-освободительные движения. Изучая историческое прошлое Турции, ленинградские востоковеды-историки откликнулись вместе с тем и на злободневные политические вопросы, связанные с возникновением и развитием Турецкой Республики.

³ Докторская диссертация В. Д. Смирнова, рец. Н. И. Веселовского на нее см.: ЖМНП, ч. ССLXI, 1889, стр. 168—203.

⁴ Из университетских курсов В. Д. Смирнова опубликован лишь курс истории литературы: «Очерк истории турецкой литературы», СПб., [1891].

⁵ Многими фактическими сведениями о работе Турецкого кабинета в 30-е годы автор обязан А. Н. Кононову и А. Д. Новичеву, за что приносит им свою благодарность. Для справок и уточнений использована также ст.: А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — ВЗИВАН, т. XXV, М., 1960, стр. 278—290.

А. А. Алимов, которому принадлежит заслуга разработки и постановки в ЛВИ и ЛГУ первого марксистского курса общей истории Турции, а также его ученики Х. М. Цовикян и Х. И. Муратов главное внимание уделяли изучению истории Турции в эпоху империализма, народным движениям последней трети XIX — начала XX в. Прекрасно владея турецким и европейскими языками (Х. М. Цовикян — и армянским), они много работали также над архивными материалами. В 1934 г. А. А. Алимов опубликовал очерк истории Турции более чем за полвека⁶. В нем были даны характеристики конституционного движения 60—70-х годов⁷, превращения Турции в полуколонию, младотурецкой революции 1908 г., национально-освободительного движения 1918—1923 гг. и последовавших за ним реформ в области строительства новой Турции. Год спустя было опубликовано его специальное исследование о младотурецкой революции 1908 г.⁸

Ученики и коллеги А. А. Алимова продолжили начатые им исследования фундаментальных проблем турецкой истории. Х. И. Муратов, автор раздела об Османской империи с 1870 по 1917 г. в первом советском специальном вузовском учебнике⁹, в последние годы своей жизни много работал над исследованием движения «новых османов» и одного из его деятелей — Али Суави¹⁰. Х. М. Цовикян в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию «Младотурецкая революция и национальный вопрос». Из этой интересной, хорошо документированной работы был опубликован лишь один небольшой раздел¹¹. После смерти А. А. Алимова, гибели на фронте Х. И. Муратова, кончины от истощения во время блокады Ленинграда Х. М. Цовикяна исследования по проблемам первого конституционного движения и младотурецкой революции возобновились в Ленинграде только через 15 лет.

С 1932 г. в Турецком кабинете работал экономист и историк

---

⁶ Аб. Алимов, Турция, — «Очерки из истории Востока в эпоху империализма», [М.], 1934, стр. 3—92.

⁷ Этому вопросу посвящена также его статья «Борьба за конституцию 1876 г. в Турции», — «Историк-марксист», т. 14, 1929, стр. 36—67.

⁸ А. А. Алимов, Революция 1908 года в Турции, — «Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке», [М.], 1935, стр. 1—93. Эта работа после смерти автора была подготовлена к печати А. Д. Новичевым и Х. И. Муратовым, который написал последнюю главу. Материалы о жизни и деятельности А. Алимова см. в его личном фонде: АВ, ф. 68, а также статью о нем Х. И. Муратова (там же, ф. 98, оп. 1, № 7).

⁹ «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., 1940, стр. 421—452.

¹⁰ Побочным продуктом этих исследований Х. И. Муратова явилась его статья «Роль Англии в „восточном кризисе“ (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 годов)», — «Историк-марксист», 1940, № 7 (83), стр. 65—81.

¹¹ Х. М. Цовикян, Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции, — СВ, 1945, т. III, стр. 15—35.

Турции А. Д. Новичев, занимаясь исследованием важнейших проблем экономического и социального развития Турции в новое и новейшее время. В 30-е годы помимо многих статей о промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и аграрном строе А. Д. Новичев опубликовал две крупные монографии по экономике Турции от танзиматских реформ до первой мировой войны¹². В этих двух первых обобщающих марксистских трудах, основанных на значительном круге первоисточников, в том числе архивных документах, автор стремился обрисовать в главных чертах состояние и эволюцию сельского хозяйства, ремесла и промышленности, транспорта и финансов Османской Турции, дать характеристику социальным сдвигам в турецком обществе, показать процесс созревания новых классовых сил, выступивших впоследствии за ликвидацию феодально-теократических порядков в Турции. Эти исследования А. Д. Новичева по истории экономического развития Турции в новое время позволили более плодотворно вести разработку политической истории этой страны. Накануне и в самом начале Отечественной войны А. Д. Новичев завершил два общих очерка о Турции и книгу об аграрном законодательстве Турецкой Республики, которые были изданы, когда их автор уже находился в рядах Советской Армии¹³.

Два сотрудника кабинета — А. Е. Мочанов и А. С. Тверитинова — занимались средневековой историей Османской империи — народными движениями в эпоху феодализма. В 1939 г. А. Е. Мочанов закончил исследование «Восстание Патрона Халиля в Стамбуле в 1730 г.» (кандидатская диссертация), которое, к сожалению, не увидело света из-за последовавшей вскоре кончины автора¹⁴. В том же году защитила свою кандидатскую диссертацию о народном восстании в Турции на рубеже XVI—XVII вв. и А. С. Тверитинова¹⁵. В тесном контакте с этой группой членов кабинета работал сотрудник Эрмитажа А. А. Аджян. Критически проанализировав большой материал «Книги путешествия» знамени-

---

¹² А. Д. Новичев, Экономика Турции в период первой мировой войны, М.—Л., 1935; его же, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937.

¹³ А. Д. Новичев, Турция. Политико-экономический очерк, Тбилиси, 1941; его же, Турция. Государственный строй, экономика, этнография, Тбилиси, 1942 (последний раздел был написан при участии А. Н. Кононова, Х. М. Цовикяна, А. С. Тверитиновой); его же, Аграрное законодательство современной Турции, Тбилиси, 1942.

¹⁴ Еще в 1926 г. А. Е. Мочанов приступил к сбору архивных и печатных материалов для задуманной им «Истории крымских татар», но написал лишь небольшой очерк «Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством», Симферополь, 1929.

¹⁵ А. С. Тверитинова, Восстание Кара-Языджи-Дели Хасана в Турции (1599—1603), М.—Л., 1946.

того турецкого путешественника Эвлия Челеби, А. А. Аджян написал ценное исследование о ремесленной промышленности Стамбула в первой половине XVII в.¹⁶

Великая Отечественная война затормозила или прервала научные исследования сотрудников кабинета. Когда она кончилась, многих из них уже не было в живых. Оценивая сейчас работу этого небольшого коллектива, необходимо отметить прежде всего важность поставленных ими проблем, начало серьезной разработки ряда коренных вопросов истории и экономики Турции. Их исследования были немалым вкладом в советское востоковедение, многие из них не утратили своего значения и поныне. Достаточно указать на то, что общие очерки А. А. Алимова и Х. И. Муратова по истории Турции в эпоху империализма в течение многих предвоенных и военных лет стояли в ряду важнейших учебных пособий для студентов, что любой современный советский историк учитывает труды А. А. Алимова и Х. М. Цовикяна о младотурецкой революции 1908 г. или работы А. Д. Новичева по экономике Турции. Исследование А. С. Тверитиновой о народном восстании в средневековой Турции пока единственное. Ждут своего продолжения исследования, начатые А. А. Аджяном и А. Е. Мочановым. Одно это свидетельствует о значительности работы, проделанной старшим поколением историков Турции до войны.

В послевоенный период исторические исследования в Турецком кабинете начали возрождаться. Вернувшись из армии, Т. П. Черман написал и в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию об аграрной реформе 1945 г. в Турции. А. Д. Новичев, продолжая основную линию своих научных исследований, приступил к фундаментальной разработке аграрно-крестьянского и рабочего вопросов в республиканской Турции¹⁷. А. С. Тверитинова начала исследования аграрных отношений в феодальной Османской империи (XV—XVII вв.) — тематика, которая стала основной в ее работе с середины 50-х годов¹⁸.

После реорганизации ИВ в 1950 г. из Турецкого кабинета выбыли А. Д. Новичев (в Дагестан) и А. С. Тверитинова

---

¹⁶ Эта работа была защищена как канд. диссертация в 1936 г.

¹⁷ В итоге многолетних исследований, завершенных уже вне стен ИВ, А. Д. Новичев опубликовал две крупные монографии: «История рабочего класса Турции», Л., 1958 (докторская диссертация, защищена в 1959 г.); «Крестьянство в Турции в новейшее время», М., 1959 — и серию статей по крестьянскому и рабочему вопросам. Список основных трудов проф. А. Д. Новичева см.: ВЛУ, 1962, № 20, стр. 170.

¹⁸ В числе важнейших работ А. С. Тверитиновой, опубликованных ею по этой теме уже после переезда в Москву, следует назвать «Второй трактат Кочибей» (УЗИВАН, т. VI, М.—Л., 1953); главу «Османская феодальная империя в XV—XVII вв.» («Всемирная история», т. IV, М., 1958); статью «К вопросу о крестьянстве и крестьянском землепользовании в

(в Москву) и в нем осталось слишком мало сил, чтобы продолжать исторические исследования по широкому плану; лишь Т. П. Черман работал над составлением библиографии русских изданий о Турции, а А. Х. Рафиков был занят административными делами¹⁹.

Благоприятная обстановка для возобновления исследований по истории Турции стала складываться с 1956 г. В Турко-монгольском кабинете (ЛО ИВ) под руководством А. Н. Кононова были начаты работы по описанию и изучению тюркских рукописей. Группа сотрудников кабинета в составе Л. В. Дмитриевой, А. М. Мугинова, С. Н. Муратова подготовила аннотированный каталог тюркоязычных рукописей по истории народов СССР, Синьцзяна, арабских стран, Ирана и Турции²⁰. Т. П. Черман завершил (совместно с А. К. Сверчевской) работу над двумя выпусками библиографии Турции²¹. В составе кабинета появились два новых сотрудника — историк Турции Ю. А. Петросян (с декабря 1956 г.) и Н. А. Дулина (с 1960 г.).

В 1957 г. Ю. А. Петросян подготовил к печати монографическое исследование о «новых османах» и борьбе за конституцию 1876 г.²², защищенное им в качестве кандидатской диссертации годом раньше. В последующие два года Ю. А. Петросян вместе с А. С. Тверитиновой подготовил к изданию уникальную турецкую рукопись Ходжи Хусейна, представляющую собой наиболее полный известный свод истории Османского государства до 1520 г.²³. С 1960 г. Ю. А. Петросян успешно работает в области изучения социально-политического развития и идей буржуазно-либерального реформизма в Турции второй половины XIX — начала XX в., а также истории куль-

---

Османской империи (XV—XVI вв.)» (УЗИВАН, т. XVII, М., 1959); книгу «Аграрный строй Османской империи XV—XVI вв. Документы и материалы» (М., 1963).

¹⁹ А. Х. Рафиков в 1940 г. защитил канд. диссертацию о младотурецкой революции. С 1946 по 1952 г. — мл. научный сотрудник Турецкого кабинета (тема — «История кемалистской революции 1918—1923 гг.»), в 1947—1948 гг. — ученый секретарь ИВ, в 1951 г. — директор Библиотеки ИВ., с 1952 г. — сотрудник БАН СССР.

²⁰ Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, т. I. История, М., 1965.

²¹ А. К. Сверчевская, Т. П. Черман, Библиография Турции (1917—1958), М., 1959; они же, Библиография Турции (1713—1917), М., 1961.

²² Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958, Рец.: Э. Эфендиев, — ПВ, 1959, № 2; Serif Mardin, The Genesis of Young Ottoman Thought, Princeton, 1962, стр. 4.

²³ Хюсейн, Бада'и ул-века'и (Удивительные события), ч. I—II, М., 1961. Рец.: А. Д. Желтякова, — НАА, 1962, № 2, стр. 243—244; M. Guboglu, — «Studii revista de istorie», XV, 4, București, 1962, стр. 1032—1042; F. R. Unat, Belleten, с. XXVII, Sayı: 106, Ankara, 1967, стр. 310—319.

туры Турции в новое время. Им опубликован ряд статей по вопросам, связанным с изучением идеологии младотурецкого движения и развития общественно-политической мысли Турции в новое время²⁴. Развивая это направление своих исследований, Ю. А. Петросян подготовил большую работу о младотурецком движении и его идеологии до революции 1908 г., которая защищена им в качестве докторской диссертации в июле 1970 г.

В последние годы тюркологи ЛО ИВ стали уделять большое внимание ранее весьма мало изучавшейся истории культуры Турции. Совместно с автором этих строк Ю. А. Петросян в течение двух лет занимался изучением ряда аспектов культурного развития Турции в новое время. Одним из результатов этой совместной работы явилось издание книги по истории просвещения в Турции в новое время²⁵. Сотрудница Тюрко-монгольского кабинета Н. А. Дулина приняла участие в составлении библиографии к этой работе и перевела с турецкого устав о просвещении 1869 г.

Важное место в работе ленинградских тюркологов занимает изучение истории отечественного востоковедения. Эта работа была начата и успешно осуществляется по инициативе и под руководством А. Н. Кононова, крупнейшего советского исследователя грамматики тюркских языков и вместе с тем автора ряда работ по истории русской и советской тюркологии. При участии и под редакцией А. Н. Кононова в 1960 г. вышел сборник «Востоковедение в Ленинградском университете»²⁶, подготовлен обширный, основанный на архивных материалах коллективный труд по истории востоковедения в Санкт-Петербургском — Ленинградском университете (к 150-летнему юбилею ЛГУ), ведется ряд других исследований в этом направлении.

Изучение истории Турции в ЛО ИВ имеет благоприятные перспективы дальнейшего развития.

---

²⁴ Среди них следует отметить статьи: «Из истории общественно-политической мысли в Турции в XIX в.» (КСИНА, 1964, № 71, стр. 87—98); «Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции» (НАА, 1963, № 4, стр. 184—188); брошюру «Ideology of the Young Turk Movement (Outline of its Essential Features)», Moscow, 1967.

²⁵ А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.), М., 1965. Рец.: А. Джафарова, — НАА, 1966, № 1, стр. 198—199; Ст. Дмитрова в «Исторический преглед» (София, година XXII, книжка 3, 1966, стр. 132—134); H. Evans, — «Middle Eastern Studies», London, 1966, vol. 2, № 3, стр. 250—252; L. Veselá-Rênosilová, — AOr., 1967, № 35, стр. 326—328.

²⁶ См. прим. 1.

Изучение истории Ближнего и Среднего Востока

На ранних этапах развития русского востоковедения, одним из центров которого был АМ, первостепенную роль играла тематика «мусульманской ориенталистики», т. е. истории и культуры мусульманских стран. Первые десятилетия существования АМ тесно связаны с именем и деятельностью Х. Д. Френа, учениками которого были многие известные ученые-востоковеды. В изучении истории стран Ближнего и Среднего Востока в дореволюционный период можно выделить следующие основные направления: история культуры, крупный вклад в изучение которой внесли В. Р. Розен, В. А. Жуковский, И. А. Орбели, К. И. Иностранцев и ряд других ученых; исламоведение, представленное трудами В. В. Бартольда, А. Э. Шмидта и их учеников; историко-географические исследования, в которых прослеживается непосредственная преемственность от работы В. А. Жуковского о Старом Мерве к изысканиям Бартольда, охватывающим Среднюю Азию, Иран и Афганистан. Предшественниками этих ученых были ученики Френа — В. В. Григорьев, П. С. Савельев, П. И. Лерх, Н. В. Ханьков, В. Г. Тизенгаузен.

Интересы Григорьева как историка-востоковеда были широки. Его внимание привлекала история монголов, татар, Золотой Орды. Результатом его занятий древней историей Средней Азии явилась монография о саках¹. Ему принадлежит также честь опубликования первого источника на таджикском языке XIX в. и характеристики этого языка².

Одним из самых младших учеников Х. Д. Френа был В. Г. Тизенгаузен. В 1893 г. он был избран членом-корр. АН

¹ «О скифском народе саках», СПб., 1871; по древней истории Средней Азии В. В. Григорьев опубликовал также статью о греко-бактрийском царстве (ЖМНП, 1867, ч. 136).

² «О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева», Казань, 1861.

по разряду восточной словесности³. В своей научной деятельности Тизенгаузен был продолжателем Френа по нумизматике и по изучению восточных письменных источников, чем он и занимался в АМ.

Самая большая из его востоковедных работ — сбор материала для составления свода извлечений из арабских, персидских и тюркских источников по истории Золотой Орды — велась на средства мецената С. Г. Строганова — председателя «Археологической комиссии». Для выполнения этой работы Тизенгаузен в 1880 г. выехал в Европу, чтобы сделать извлечения из рукописей европейских собраний. Он привез множество выписок, существенно дополняющих материал, собранный им из доступных ему прежде источников. В первый том «Сборника» вошли извлечения из арабских источников. Всего предполагалось издать 4 тома, но остальные оставались неопубликованными⁴.

Бумаги В. Г. Тизенгаузена, основная часть которых была передана его дочерью в 1908 г. в АМ, хранятся ныне в АВ. Среди них есть как его изданные труды (в частности, печатные экземпляры с его правками и авторскими дополнениями), так и оставшиеся в рукописях⁵. Интересны тематически подобранные извлечения из арабских и персидских сочинений, посвященные торговле и ремеслам⁶, посольствам⁷, свадебным праздникам и подаркам⁸, одежде⁹ и т. д. Он оставил после себя не только добрую память и свои работы, но и традиции в восточной нумизматике, дошедшие до наших дней.

Видную роль в развитии исторических знаний о Среднем Востоке сыграл акад. Б. А. Дорн. Окончив в 1825 г. Лейпцигский университет, он вскоре был приглашен на работу в Россию, где остался навсегда, получив широкие возможности для исследовательской деятельности в области востоковедения. С 1829 по 1835 г. он занимал кафедру восточных языков в Харьковском университете, преподавал там арабский и персидский языки, а также вел факультативные занятия по древнееврейскому, эфиопскому языкам и санскриту¹⁰. Затем он переехал в Петербург, куда был приглашен на долж-

³ Биографические сведения о нем см. прежде всего в анонимном некрологе, напечатанном в «Известиях Археологической комиссии», вып. 2, 1902, стр. 112—126 (там же список трудов). Перечень литературы о нем см. в кн.: Луниин, Средняя Азия, Ташкент, 1965, стр. 327, прим. 265.

⁴ СМАЗО, I; о заслугах В. Г. Тизенгаузена, впервые определившего ценность некоторых источников для этого «Сборника», см.: И. Ю. Крачковский, Избр. сочинения, т. IV, стр. 407, 480. Об издании СМАЗО, II см. ниже.

⁵ АВ, ф. 52, оп. 1, № 1, 2, 108—119, 120—123, особенно 115.

⁶ Там же, № 38.

⁷ Там же, № 31.

⁸ Там же, № 33.

⁹ Там же, № 37.

¹⁰ И. Ю. Крачковский, Очерки, стр. 54.

ность профессора Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. С 1839 г. Б. А. Дорн — адъюнкт АН, а с 1842 г. — академик.

За время своей работы в АН и в АМ Дорн многое сделал для пополнения коллекции восточных рукописей, их описания и исследования, ввел в научный обиход ценные источники и опубликовал более 140 трудов¹¹. Он занимался описанием и исследованием восточных рукописей не только в АМ, но и в Публичной библиотеке.

Своими трудами Дорн внес значительный вклад в расширение имевшихся в науке сведений по истории Кавказа и прикаспийских провинций Ирана, а также по истории афганцев. Он первым в европейской науке начал глубоко исследовать афганский язык. Он же положил начало изучению истории афганцев по их источникам.

Главной работой Дорна по средневековой истории афганцев были обширные комментарии, которые он дал к изданию своего перевода на английский язык с персидского исторического сочинения, написанного в Индии в XVII в. и определенного им как «Махзан-и Афгани» Ни'матуллы¹². Многие из этих комментариев — глубокие исследования различных сторон истории афганцев. В них Дорн рассматривает первые упоминания этнического названия «афган» и термина «Афганистан» в известных в то время источниках, критически разбирает легенды о происхождении афганцев, приводит большой материал по генеалогиям афганских племен, анализирует противоречивые данные об афганцах, хазарейцах и монголах в Кермане и Ширазе XIV в. и т. д. В этих комментариях Дорн, критически сопоставляя данные письменных источников, впервые осветил определенный круг вопросов средневековой истории афганских племен. Этот период истории афганцев до сих пор еще мало изучен и его исследовательские комментарии сохраняют немалое значение и в наши дни.

Дорн оставил еще несколько работ по истории афганцев. Своим докладом по истории афганского племени юсуфзаев, прочитанным в Петербурге в 1838 г., он ввел в научный обиход ценный источник по истории этой крупной группы афганских племен — «Тарих-и Хафиз-Рахмат-хани», изученный им по лондонской рукописи, и опубликовал составленный по письменным источникам список афганских племен¹³. Будучи директором АМ, Дорн собрал коллекцию рукописей на языке

¹¹ Список трудов Б. А. Дорна, опубликованный Академией наук, см.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 701—820.

¹² «The History of Afghans». Translated from the Persian of Neamat Ullah by Bernhard Dorn, vol. II, London, 1836.

¹³ B. Dorn, Beitrag zu der Geschichte des Afghanischen Stammes der Jusufzey, — Bull. sc., t. IV, St.-Pbg., 1838, № 1—2; B. Dorn, Verzeichniss Afghanischer Stämme, — там же, t. III, 257—267.

пашто, сравнительно небольшую, но включающую несколько редких списков важных источников для истории афганской культуры. Коллекция создавалась при содействии учитывавших научные интересы Б. А. Дорна, ученых — Х. Д. Френа и Н. В. Ханыкова ¹⁴.

Много сил и труда положил Дорн на сбор, обработку и исследование материалов по средневековой истории и исторической географии прикаспийских провинций Ирана и Азербайджана. Он опубликовал в критическом издании свод источников по истории Гиляна и Мазандерана и издал тексты и переводы (на немецкий язык) из исторических и географических сочинений средневековых авторов по другим областям Кавказа и прилегающих провинций Ирана ¹⁵. Дорн систематически занимался изучением эпиграфических материалов, связанных с Кавказом ¹⁶. Из его исторических трудов до сих пор не потеряло значения исследование о походах древних руссов в Табаристан — «Каспий», отличающееся полнотой использования источников ¹⁷.

Дорн (в отличие от Френа) не обладал даром объединять научные силы, привлекать к себе молодых ученых, обучать их и воспитывать в них продолжателей своего дела. Поэтому и в афганистике, в той области, в которой он выступал новатором, Дорн не оставил преемников. После того как в 1857 г. он прекратил преподавание афганского языка в Петербургском университете, также надолго оказались прерванными и исследования по средневековой истории афганских племен ¹⁸.

Дорн не ограничивался только книжным изучением Востока. Так, в 1860 г. он совершил поездку по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Одной из задач этой поездки

---

¹⁴ Ныне коллекция эта описана и некоторые ее рукописи исследуются сотрудником Иранского кабинета В. В. Кушевым.

¹⁵ B. Dorn, *Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres*, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn, t. I—IV, St.-Pbg., 1850—1858: его же, *Die Geschichte Tabaristan's und der Serbedare nach Chondemir*, Persisch und Deutsch von B. Dorn, — *Mém.*, sér. VI, t. VIII, 1885, стр. 1—182; его же, *Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen*. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe, — там же, t. IV, 1841, стр. 523—602; его же, *Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen*, V. *Geographica*, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Rasy, — там же, t. VII, 1848, стр. 465—569; Nachtrag — стр. 654—658.

¹⁶ Заслуги Дорна (наряду с Френом) в изучении связанных с Кавказом арабских эпиграфических материалов высоко оценены И. Ю. Крачковским. См.: Крачковский, *Очерки*, стр. 88.

¹⁷ Б. Дорн, *Каспий. О походах древних руссов в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря*, СПб., 1875 (прил. к ЗИАН, т. XXVI, № 1).

¹⁸ Отдельных вопросов этой истории попутно касались в своих работах на более общие темы В. В. Григорьев, Н. В. Ханыков, В. В. Бартольд.

был сбор материала по гилянскому, мазандеранскому, семнанскому, талышскому и татскому языкам¹⁹. Широту его эрудиции и научных интересов показывает круг его занятий: наряду с изучением языков, нарративных памятников и истории он уделял внимание исследованиям арабских астролябий, эпиграфике, нумизматике и т. д. В истории востоковедения он оставил значительный след как исследователь малоизвестных в его время стран и народов Азии и память о себе как об ученом, который работал упорно и неутомимо всю свою жизнь.

В изучении средневековой истории и исторической географии прикаспийских областей и в исследовании арабской и персидской эпиграфики Кавказа рядом с именем Дорна стоит имя Н. В. Ханыкова — выдающегося русского востоковеда XIX в., путешественника и дипломата, деятеля Русского географического общества и члена-корр. Академии наук²⁰. Н. В. Ханыков получил образование в Царскосельском лицее, два года в качестве вольнослушателя Петербургского университета занимался восточными языками у Сенковского²¹. Изучая восточные языки, в основном самостоятельно, Н. В. Ханыков уже в юные годы достиг больших успехов и в 19 лет принял участие в поездке в Бухару в составе миссии К. Ф. Бутенева (1841—1842), а по возвращении из путешествия опубликовал книгу о Бухарском ханстве²². Работа эта, задуманная автором как «опыт систематического описания ханства» на основе не только личных впечатлений и расспросных сведений, но также письменных источников и с учетом результатов предшествующих исследователей, сразу выдвинула Ханыкова в первые ряды русских востоковедов. Работа была высоко оценена современниками, а ныне считается лучшим описанием ханства и города Бухары XIX в., сделанным в дооктябрьский период и поныне не утратившим своего значения²³.

Начиная с 1845 г. Ханыков в течение 15 лет работал на дипломатических и отчасти административных должностях,

---

¹⁹ См. Соколова, Грюнберг, История изучения бесписьменных иранских языков, — ОИИИЯ, стр. 135—137.

²⁰ В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, — Бартольд, Соч., т. II, ч. I, стр. 770.

²¹ Крачковский, Очерки, стр. 88; перечень материалов, содержащих биографические и другие сведения о Н. В. Ханыкове (некрологи, воспоминания о нем, некоторые архивные данные библиографического и биографического характера), см. в кн.: Лукин, Средняя Азия, стр. 327, 328, прим. 272.

²² «Описание Бухарского ханства, составленное Н. В. Ханыковым», СПб., 1843. В этой книге Ханыков привел, в частности, вариант традиционного списка узбекских племен, извлеченный из сочинения об узбекских родословных (стр. 58—63).

²³ В. В. Бартольд, История изучения Востока, стр. 256; его же, Иран. Исторический очерк, Ташкент, 1926, стр. 127; О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 66.

находясь главным образом на Кавказе, а также совершая выезды в Иран на длительное время²⁴. В марте 1851 г. при создании Кавказского отдела РГО Ханыков был избран помощником председателя отдела, а в сентябре 1857 г. ему было поручено разработать проект Хорасанской научной экспедиции, который был утвержден Советом общества²⁵. Подготовка этой экспедиции, финансируемой государством, проходила при участии многих ведомств и научных учреждений (в их числе АН), выделявших необходимые инструменты и материалы.

К началу 1858 г. подготовка Хорасанской экспедиции была закончена, и она отправилась в путь во главе с Ханыковым. В конце марта экспедиция прибыла в Астрабад, а к началу сентября 1858 г. — в Герат, где успешно вела научную работу до конца января 1859 г.; затем, посетив юго-восточные области Ирана, проследовала через Исфahan и Кум на Тегеран; в конце 1859 г. Ханыков возвратился в Россию. Научные результаты Хорасанской экспедиции по всестороннему исследованию Восточного Ирана и Гератского оазиса были очень велики. Но, к сожалению, они только частично были опубликованы, а остальные (собранные экспедицией ценные этнографические и археологические коллекции) остались необработанными. Попытки руководителей РГО собрать все материалы для опубликования оказались безуспешными в значительной мере в связи с отъездом Ханыкова из России.

Вскоре после окончания экспедиции он переехал в Париж и не возвратился в Россию до конца своей жизни, поддерживая лишь научные контакты в основном путем переписки с АН и РГО, а также с МНП (корреспондентом которого он состоял) и Публичной библиотекой Петербурга²⁶. Отъезд Ханыкова во Францию был, по всей вероятности, вызван идейными причинами, неприятием российской действительности. Известно, что Н. В. Ханыков и его брат Я. В. Ханыков сочувствовали петрашевцам, а еще один из братьев — А. В. Ханыков — был активным участником кружка Петрашевского²⁷.

Каковы бы ни были причины отъезда Н. В. Ханыкова, историкам русского востоковедения оставалось только жалеть об этом, исходя из интересов русской науки. Так, Н. И. Весе-

---

²⁴ С 1853 до 1857 г. он руководил Российским генеральным консульством в Тебризе, а в сентябре 1857 г. был назначен драгоманом Азиатского департамента в канцелярию Кавказского наместничества (см.: Н. А. Халфин, *Политика России в Средней Азии*, М., 1960, стр. 79).

²⁵ Подлинник проекта — докладная записка Н. В. Ханыкова «Предложение об ученой экспедиции в Хорасан» — находится в АВГО, ф. 1, 1857, оп. 1, № 24, лл. 1—6.

²⁶ См.: Крачковский, *Очерки*, стр. 194.

²⁷ Н. Г. Чернышевский, *Дневник второй половины 1848 и первой половины 1849 г.*, — Полное собрание сочинений, т. I, М., 1939, стр. 188, 196; «Дело петрашевцев», т. II, М.—Л., 1941, стр. 428.

ловский писал: «Ханыков был один из замечательных русских ориенталистов; к сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции»²⁸.

Находясь во Франции, Ханыков опубликовал на основе материалов Хорасанской экспедиции книгу по этнографии Персии²⁹. Из крупных работ, изданных в последние годы его жизни, следует назвать том «Иран» из серии переводов (относящихся к соседям России) частей «Землеведения» К. Риттера. Том этот с комментариями и дополнениями Ханыкова вышел в свет в Петербурге в 1874 г. в издании РГО. Значительное место среди опубликованных научных трудов Ханыкова занимают его письма к крупным востоковедам (Б. А. Дорну и др.), в которых сообщалось об обнаруженных им ценных рукописях, об открытых эпиграфических материалах и т. п. Ряд отдельных заметок и сводных статей Ханыкова, посвященных памятникам арабской и персидской эпиграфики Кавказа, как подчеркивает И. Ю. Крачковский, имеет особенно большое значение в связи с тем, что многие памятники, зафиксированные Ханыковым, впоследствии погибли и сообщения о них Ханыкова «иногда оказываются единственными свидетельствами»³⁰. Во время путешествий, имея возможность сравнить известия исторических источников с современными маршрутами, Ханыков многое сделал в исторической географии. В. В. Бартольд называл его наиболее выдающимся деятелем из лиц, служивших в России по министерству иностранных дел и «пользовавшихся своими командировками для производства историко-географических работ»³¹. В области историко-географических исследований Ханыков был одним из предшественников В. В. Бартольда, высоко ценившего его деятельность.

Говоря о месте научной деятельности Ханыкова в истории русского востоковедения, следует подчеркнуть, что по образованию он был, как упоминалось, связан с Петербургским университетом, а впоследствии познакомился с Х. Д. Френом и пользовался его советами. Как член-корр. АН и в силу личного знакомства с Б. А. Дорном Ханыков был тесно связан с АМ. С Дорном он постоянно вел переписку, имеющую большое научное значение и интересную для истории русского востоковедения. Изданные письма Ханыкова к Дорну составляют лишь незначительную часть их переписки, хранящейся в академических архивах.

Тесно связан был с Ханыковым В. В. Вельяминов-Зернов,

²⁸ Цит. по работе: Крачковский, Очерки, стр. 89.

²⁹ N. de Khanikoff, Mémoire sur l'éthnographie de la Perse, Paris, 1866.

³⁰ Крачковский, Очерки, стр. 89—90.

³¹ В. В. Бартольд, Иран, Исторический очерк, стр. 127.

избранный в 1861 г. академиком. Он многое сделал для АМ, пользуясь своим влиянием в руководящих сферах АН и выступая в защиту существования АМ как научно-исследовательского центра востоковедения в России. Восточными языками Вельяминов-Зернов начал заниматься, вероятно, под влиянием Н. В. Ханыкова, который был его двоюродным братом. Еще в Александровском лицее Вельяминов-Зернов изучал персидский и арабский, а в тюркских языках усовершенствовался, находясь на службе на восточных окраинах России с 1851 г., когда он был откомандирован Азиатским департаментом в Оренбург в распоряжение В. А. Перовского³². В 50—60-х годах Вельяминов-Зернов совершил ряд поездок. Он выезжал в глубь казахских степей, путешествовал по Западной Сибири, участвовал в историко-этнографических экспедициях в Рязанскую губернию и в губернии центральной части Европейской России, изучал быт казахского, башкирского, татарского населения, живую речь и письменные источники, подбирая и исследовал документы на восточных языках, штудировал исторические сочинения восточных авторов по рукописям и разрабатывал материалы русских архивов, содержащие сведения по истории татар и соседних с Россией восточных народов.

На основе тщательного изучения русских материалов (главным образом хранившихся в архиве Уфы) и параллельного исследования восточных письменных источников Вельяминов-Зернов написал работу об исторических известиях о киргиз-кайсаках (казахах) и сношениях России со Средней Азией³³. По содержательности и степени достоверности фактического материала эта работа — одна из лучших среди исторических трудов XIX в., посвященных соседним с Россией странам и народам Востока. В приложении к ней В. В. Вельяминов-Зернов опубликовал рассказ жившего в Бухаре в середине XVIII в. греческого купца Н. Григорьева, содержащий ценные данные о хозяйстве и социально-экономических отношениях в Бухарском ханстве того времени.

В числе ранних работ Вельяминова-Зернова было несколько статей о Кокандском ханстве, в которых рассматривались на основе расспросных данных, собранных им от русских и азиатских купцов и других сведущих лиц, события последних десятилетий, происходившие в ханстве, а также изучавшиеся им кокандские монеты; он писал также и о монетах Бухары

---

³² Биографические данные см. прежде всего: Н. И. Веселовский, В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). Некролог, — ЖМНП, ч. CCCLII, 1904, стр. 197—212; перечень остальных печатных материалов о жизни и научной деятельности В. В. Вельяминова-Зернова см.: Ливотова, Основная литература, стр. 496.

³³ В. В. Вельяминов-Зернов, Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношение России с Среднею Азиею, ч. 1—2, Уфа, 1853—1855.

и Хивы³⁴. Свои нумизматические статьи Вельяминов-Зернов в ряде случаев сопровождал историческими очерками, переводами отрывков из восточных рукописей, публикациями русских материалов.

Находясь на службе в Оренбурге, Вельяминов-Зернов познакомился с В. В. Григорьевым, пользовался его советами и поддержкой в своих научных начинаниях, а после возвращения в Петербург в 1856 г. переписывался с ним. В Петербург Вельяминов-Зернов привез несколько рукописей исторических сочинений на восточных языках, приобретенных им во время службы в Оренбургском крае, в частности рукопись «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша по истории Средней Азии XVI в. Эту рукопись Вельяминову-Зернову удалось достать в 1854 г., и еще до приезда в Петербург он много работал над ней, намереваясь подготовить к печати персидский текст и русский перевод. Продолжая служить в Азиатском департаменте, он занимался переводом и изучением «Абдулла-наме» в вечерние часы³⁵. В ЛО ААН имеются сведения (документ датирован 13 ноября 1857 г.) о том, что Вельяминов-Зернов отправил Дорну свою работу «Несколько замечаний о рукописи Абдулла-наме», а также письмо Дорну от Ханькова (от 20.XII.1857) с положительным отзывом об этом источнике и о результатах работы Вельяминова-Зернова по его переводу³⁶. По-видимому, после рекомендации Ханькова и состоявшегося знакомства Дорна с Вельяминовым-Зерновым³⁷.

Вельяминову-Зернову не удалось издать ни текст, ни свой перевод «Абдулла-наме»³⁸, но он использовал данные этого источника в фундаментальном труде о касимовских царях, а также в вышедшей несколькими годами ранее нумизматической работе о бухарских и хивинских монетах³⁹.

В конце 1857 г. Вельяминов-Зернов наряду с крупнейшими специалистами в области географии, ботаники и т. п. был привлечен к подготовке упоминавшейся экспедиции в Хорасан, возглавленной Н. В. Ханьковым. В 1861 г. в связи с успешным выполнением большой работы по подготовке к изданию персидского текста важнейшего источника по средневековой

---

³⁴ Список трудов В. В. Вельяминова-Зернова опубликован в приложении к кн.: «Материалы для биографического словаря д. ч. Академии наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 143—146.

³⁵ И. И. Умняков, *Абдулла-наме Хафиз-и-Таныша и его исследователи*, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 316; Веселовский, Некролог о В. В. Вельяминове-Зернове, стр. 199, 201.

³⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 4, л. 77.

³⁷ Сохранилась переписка между ними. Четыре письма Вельяминова-Зернова к Дорну хранятся в ЛО ААН, ф. 776, оп. 2, № 41.

³⁸ Веселовский, Некролог о В. В. Вельяминове-Зернове, стр. 201.

³⁹ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI); его же, *Монеты бухарские и хивинские*, — ТВОРАО, т. IV, 1859, стр. 328—456.

истории курдов — «Шараф-наме» Шараф-хана ибн Шамс ад-дина Бидлиси Вельяминов-Зернов был избран экстраординарным академиком⁴⁰. С 1863 по 1868 г. Вельяминов-Зернов неоднократно выезжал в историко-этнографические экспедиции. Экспедиционные работы велись им в непосредственной связи с осуществлявшимся изданием его капитального труда «Исследование о Касимовских царях и царевичах» и с подготовкой им джагатайско-турецкого словаря⁴¹. В исследовании о касимовских царях Вельяминов-Зернов широко привлекал как русские источники, так и источники на восточных языках.

Использование материала тюркских ярлыков и надписей сопровождалось большой работой по выяснению терминов, сохраняющей и поныне научное значение для лингвистов, занимающихся изучением лексики и терминологии тюркских языков в историческом плане. В этом исследовании Вельяминов-Зернов ввел в научный обиход сочинение «Тарих-и Рашиди» Мухаммад-Хайдара Дуглата, обширные выдержки из которого приводятся во второй части «Исследования». Он обратил внимание и на некоторые другие мало использованные и неиспользованные еще востоковедами письменные источники, в частности на сочинение «Тарих-и Хайдари» автора XVI в. Хайдара Рази⁴². «Исследование о Касимовских царях и царевичах» охватывает большой хронологический период, имеет значение не только для истории восточной части Европейской России и татар, но также и для истории Казахстана и Средней Азии и прочно занимает место в ряду лучших исторических трудов, написанных русскими востоковедами⁴³.

Вельяминов-Зернов оставил еще ряд трудов, так или иначе связанных с историей народов Востока, вошедших в состав России. Некоторые из его работ посвящены исследованию источников⁴⁴. Его методика, основанная на критическом сопоставлении русских и восточных источников, очень плодотворна. К сожалению, в последующих работах по истории соседних с Россией народов Востока позднего средневековья и нового времени такой исследовательский подход не применялся столь полно и систематично, как Вельяминовым-

---

⁴⁰ См.: Е. И. Васильева, Предисловие к переводу: Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси, Шараф-наме, т. I, М., 1967, стр. 22, 23.

⁴¹ См. ТААН, вып. 4, стр. 227.

⁴² Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 2, стр. 271.

⁴³ Труд этот сразу же был высоко оценен в России и в Западной Европе. Через год после завершения русского издания был опубликован его немецкий перевод.

⁴⁴ В. В. Вельяминов-Зернов, Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями, СПб., 1864.

Зерновым⁴⁵. С 70-х годов Вельяминов-Зернов отошел от активной научной деятельности в АН.

После Дорна среди руководителей АМ преобладали ученые, исследовательские интересы которых были направлены преимущественно в область лингвистики (Радлов, особенно Залеман). Историческими исследованиями и работой над историческими источниками из ученых старшего поколения до конца XIX в. в АМ занимался Тизенгаузен, а из ученых нового поколения с 80-х годов — Розен, его ученики и востоковеды его школы. В Петербургском университете преемником В. В. Григорьева по кафедре истории Востока был его ученик Н. И. Веселовский, читавший курсы по истории Средней Азии, Восточного Туркестана, кочевых народов Северо-Восточной Азии. Веселовский разрабатывал и издавал восточные и русские источники, опубликовал ряд трудов по истории русского востоковедения, занимался археологией Южной России и Средней Азии, вел раскопки курганов (в частности, знаменитых курганов Солоха и Майкопского) и самаркандского городища Афрасиаб, подготовил издание альбома мечетей Самарканда⁴⁶.

Поскольку Веселовский сравнительно мало был связан с АМ и его научная деятельность относится прежде всего к Петербургскому университету, а в области археологии — к РАО, ограничимся здесь приведенным кратким перечислением основных направлений его научной деятельности. Важно отметить, однако, линию научной преемственности в тематике и отчасти в постановке научных задач, которая ведет от Григорьева через Веселовского к Бартольд.

Будучи студентом ФВЯ Петербургского университета, Бартольд слушал читавшиеся Веселовским курсы по истории Средней Азии и обзор европейских путешествий на Восток, при изложении которого приводились сведения по географии Азии и характеризовались исторические источники⁴⁷. Бартольд уже в студенческие годы избрал историю Средней

---

⁴⁵ Ценных результатов при изучении ряда вопросов путем сопоставления русских и восточных источников добились в наше время многие ученые, исследовавшие историю Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Средней Азии: А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский, Н. Д. Миклухо-Маклай, И. П. Петрушевский, Ю. В. Ганковский, М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян и др.

⁴⁶ Биографические данные о Веселовском и список его трудов см. в статьях, опубликованных в ЗВОРАО (т. 25, 1921, стр. 337—398). Под его редакцией издан альбом «Мечети Самарканда», вып. 1, СПб., 1905.

⁴⁷ Курсы лекций по истории Востока, читанные Веселовским (в них более всего внимания уделялось Средней Азии), несколько раз публиковались; в подготовке одного из изданий принял участие Бартольд: «Лекции по истории Востока, читанные профессором Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовским». Просмотрены В. В. Бартольдом (Кружок ориенталистов при Восточн. факультете Санкт-Петербургского университета, 1910), СПб., 1910.

Азии основной своей специальностью и был ей верен всю свою жизнь. Обращаясь к этой тематике, Бартольд продолжал дело своих предшественников — Веселовского и Григорьева, но на иной, новой основе, овладев всеми достижениями в востоковедении, достигнутыми в результате развития иранистики, арабистики и тюркологии⁴⁸. При характеристике научного направления Григорьева Бартольд отмечал его «стремление к синтезу», к историческим обобщениям. И хотя Бартольд полагал, что во времена Григорьева «стремление к синтезу» было в целом еще преждевременным, тем не менее он высоко оценивал дарования Григорьева как историка, а также его смелые, хотя и далеко не всегда обоснованные выводы и гипотезы, а также воздавал должное заслугам его школы. Себя же Бартольд причислял к другой школе, к «новому направлению» в востоковедении, главой которой в России был В. Р. Розен, и не считал себя последователем Григорьева (во всяком случае, в той мере, в какой являлся Веселовский)⁴⁹.

В. Р. Розен как арабист постоянно включал в обширный круг своих научных интересов исследовательскую работу в области истории и истории культуры, изучения арабо-византийских отношений, сведений арабских источников по истории России. Возглавляя русское востоковедение в целом как выдающийся организатор и педагог, он воспитал многих ученых, прославивших русскую науку, и поставил перед ними исследовательские задачи, в числе которых были «собрание и объяснение арабских известий о Средней Азии» и изучение ислама и его истории, которое он считал «настоящей и благодарнейшей задачей» историка-арабиста⁵⁰. В статье, посвященной анализу исследовательских приемов Розена, А. Ю. Якубовский проанализировал применявшиеся Розеном методы критики источников и охарактеризовал его как выдающегося историка, который «умел и любил ставить большие и ответственные в научном отношении проблемы»⁵¹. Один из выводов Якубовского в этой историографической статье касается значения наследия Розена для истории Востока: «Многие мысли этого ученого способны и в наши дни направлять работу как

---

⁴⁸ Эти результаты были достигнуты в связи с «поворотом в сторону специализации», наметившимся в востоковедении, как считал Бартольд, в 60-х годах XIX в. (см.: В. Бартольд, Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки, — ЗВОРАО, т. 25, 1921, стр. 354).

⁴⁹ Там же, стр. 339—343, 354, 355.

⁵⁰ В. В. Бартольд, Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм, — Приложение к XVIII т. ЗВОРАО. Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена, СПб., 1909, стр. 34, 36.

⁵¹ А. Ю. Якубовский, Розен как историк, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена», М.—Л., 1947, стр. 34.

постановкой вопроса, так и оригинальным взглядом, помогающим понять то или иное явление, казавшееся до этого неясным»⁵².

В 80-х годах XIX в. ФВЯ Петербургского университета и АМ настолько сближаются и дополняют друг друга в научно-исследовательской деятельности, что с этого времени есть основания говорить о едином петербургском центре научного востоковедения; одни и те же крупнейшие ученые-востоковеды работали (как правило) в университете и в АН. Розен был адъюнктом АН с 1879 до 1882 г., затем с 1890 г.— вновь в АН, в университете он профессор с 1883 г., с 1885 г.— возглавлял Восточное отделение РАО и сумел сплотить силы исследователей Востока вокруг руководимого им печатного органа — ЗВОРАО⁵³. Многие востоковеды, группировавшиеся вокруг Розена и ЗВОРАО, были, как и он сам, одновременно и филологами и историками, работали на кафедрах словесности ФВЯ, в то же время вели исследовательскую работу в области истории и нередко читали курсы по истории отдельных стран Востока. Из учеников Розена значительный вклад в изучение средневековой истории арабских стран внес Н. А. Медников, профессор кафедры арабской словесности ФВЯ, своим фундаментальным трудом по истории Палестины VII—XI вв., в котором исследованы данные весьма обширно круга источников о Палестине и соседних с нею странах — Ливане, Сирии и отчасти Египте⁵⁴.

Иранист В. А. Жуковский — ученик В. Р. Розена — наряду с исследованиями в области персидского языка, диалектологии и литературоведения занимался изучением многих вопросов истории и истории культуры Ирана (в частности, идеологией суфизма и бабидами)⁵⁵. Труд Жуковского «Развалины Старого Мерва» был первым в русском востоковедении исследованием, в котором планомерно и систематично, по возможности с исчерпывающей полнотой разработаны данные средневековых арабских и персидских источников об одном из городов Средней Азии⁵⁶. Монография Жуковского стала настольной книгой для археологов, работавших в Мервском (Марыйском) оазисе, и послужила образцом для последующих историко-географических исследований, прежде всего по истории среднеазиатских городов. Существует непо-

⁵² Там же, стр. 37.

⁵³ Кононов, Восточный факультет ЛГУ, стр. 13, 14.

⁵⁴ Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. I. Исследование, СПб., 1903; т. II, ч. 1—3, Приложения, СПб., 1897 («Православный Палестинский сборник», вып. 50, 1—2).

⁵⁵ В. А. Жуковский был обязан своими знаниями в основном В. Р. Розену (см. Крачковский, Очерки, стр. 102).

⁵⁶ В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

средственная преемственность между работой В. А. Жуковского о Мерве и частью труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», посвященного вопросам исторической географии. Эта преемственность прослеживается в приемах обработки и критического использования однородного по характеру материала⁵⁷. К более отдаленным предшественникам В. В. Бартольда в его работах по исторической географии Средней Азии относятся Н. В. Ханьков и П. И. Лерх⁵⁸, отчетливо представлявшие себе необходимость изучения средневековых письменных источников для изысканий по исторической географии и топографии Средней Азии и сделавшие первые шаги в этом направлении⁵⁹.

Ограничиваясь приведенными замечаниями, мы не останавливаемся здесь на изложении данных о жизни и деятельности В. В. Бартольда, довольно полно освещенных в литературе, к которой и отсылаем читателя⁶⁰.

Деятельность В. В. Бартольда в ее основных направлениях получила широкий размах уже после Октябрьской революции и была продолжена работавшими в ИВ историками и филологами.

Великий Октябрь стал знаменательной вехой в истории русского востоковедения. Государственное и культурное строительство, развернувшееся в ранее отсталых национальных районах России, а также бурно развивавшееся национально-освободительное движение в странах пробудившегося Востока выдвинули новые задачи перед советским востоковедением и поставили его в первый ряд гуманитарных наук.

В изучении стран Ближнего и Среднего Востока в ИВ главная роль принадлежала Среднеазиатскому и Иранскому кабинетам. Так, силами их коллективов выполнялись большие работы по изданию текстов и переводов.

В течение 30-х годов в ИВ было издано несколько сборников материалов по истории тюркоязычных народов советского Востока. Первым из них был сборник материалов по истории каракалпаков, в составлении которого приняли участие акад. А. Н. Самойлович, П. П. Иванов, Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, входившие в состав группы ученых,

---

⁵⁷ О. И. Смирнова, Место труда В. А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва» в истории среднеазиатских городов, — ОИРВ, V, стр. 58.

⁵⁸ П. Лерх, Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г., СПб., 1870, стр. 5—39 (примечания и приложения).

⁵⁹ Мысль заняться арабскими источниками специально для истории Средней Азии была впервые подана В. В. Бартольду Д. А. Хвольсоном (см.: Крачковский, Очерки, стр. 92).

⁶⁰ См. прежде всего в Сочинениях Бартольда, особенно в т. I; перечень основной литературы о жизни и деятельности В. В. Бартольда см. в кн.: Луниц, Средняя Азия, стр. 364, прим. 876—889.

созданной при ИВ для исследования истории каракалпаков⁶¹.

Создание следующих двух сборников материалов по истории туркмен и Туркмении и по истории Золотой Орды⁶² было связано прежде всего с деятельностью Среднеазиатского кабинета. Этот кабинет, немногочисленный по составу научных сотрудников (7 человек), был научным центром, вокруг которого объединялись исследователи, занимавшиеся историей, языками и литературами народов Средней Азии. Исследовательская работа велась по двум секциям: тюркологической и таджикской⁶³.

Как видно из первого производственного плана кабинета, в 1935 г. в нем велась широкие исследования по истории раннефеодального периода Средней Азии и Арабского халифата (А. Ю. Якубовский), по источникам позднефеодальной Средней Азии (А. Н. Самойлович и П. П. Иванов)⁶⁴. Темой, в выполнении которой принимали участие все сотрудники кабинета, была подготовка «Материалов по истории Туркмении»⁶⁵. В дальнейшем историей Средней Азии в этом кабинете кроме А. Ю. Якубовского и П. П. Иванова занимались С. Л. Волин и Д. И. Тихонов (последний — историей уйгуров)⁶⁶.

Успеху работы Среднеазиатского кабинета в значительной мере способствовало то, что он смог объединить для научно-исследовательской деятельности силы многих интересовавшихся изучением Средней Азии специалистов и энтузиастов. В деятельности кабинета принимали активное участие многие люди, не входившие в его штат. Особенно большое значение имело привлечение исследователей смежных специальностей.

В составление упомянутого выше сборника материалов по истории каракалпаков наряду с историком П. П. Ивановым много кропотливого труда вложил А. И. Пономарев, подобравший напечатанную в сборнике библиографию и выполнивший совместно с Н. Н. Пальмовым большую работу по извлечению сведений, относящихся к каракалпакам, из печатных и рукописных русских источников. Впоследствии, до конца своей жизни, А. И. Пономарев постоянно участвовал в иссле-

⁶¹ «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 (ТИВАН, т. VII); ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 13.

⁶² МИТТ, I—II, СМИЗО, II.

⁶³ А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 285, 286.

⁶⁴ В план была включена также работа аспирантки З. Д. Кагельской об экономических предпосылках узбекского крестьянского движения в 1916 г. (по теме диссертации) (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 37). Кандидатская диссертация была защищена летом 1935 г. в Ленинграде и издана в 1937 г. в Ташкенте как часть монографии «Восстание 1916 г. в Узбекистане».

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См.: А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде, стр. 286.

довательской работе кабинета. По должности он работал в ИВ бухгалтером, но по образованию и по призванию был историком-востоковедом; в 1924 г. он окончил ЛИЖВЯ по турецкому разряду со специализацией по Средней Азии и, хотя в дальнейшем жизненные обстоятельства не благоприятствовали его научным занятиям, опубликовал несколько серьезных и интересных исследований⁶⁷.

Объединения сил многих специалистов потребовала также подготовка «Материалов по истории туркмен и Туркмении». В редактировании т. I этого сборника, содержащего извлечение (в русском переводе) сведений из арабских и персидских источников VII—XV вв., приняли участие С. Л. Волин, А. А. Ромаскевич и А. Ю. Якубовский. В качестве переводчиков к работе над этим томом, ставшим настольной книгой историков, были привлечены В. И. Беляев, Г. В. Птицын, О. И. Смирнова и другие; несколько специалистов работали над составлением примечаний, в их числе А. М. Беленицкий. Издание «Материалов» сыграло большую роль в расширении и углублении знаний по истории не только туркмен и Туркмении, но и соседних народов.

В подготовке другого важного свода исторических сведений из персидских источников по истории Золотой Орды очень большую работу выполнил С. Л. Волин, работавший в ИВ в 1937—1941 гг.⁶⁸ Материалы для этого сборника были собраны еще в 80-х годах прошлого века В. Г. Тизенгаузеном, но оставались неопубликованными и не подготовленными к печати. Доработка извлечений и перевод части текстов, оставшихся непереведенными, были выполнены С. Л. Волиным; он же написал введения к переводам, содержащие характеристики источников и рукописей; составил пояснения к терминам и географическим названиям. С. Л. Волин усердно работал над арабскими и персидскими источниками по истории Средней Азии преимущественно раннефеодального периода и опубликовал несколько исследований, вводящих в научный обиход новый материал (некоторые его работы были изданы посмертно)⁶⁹.

⁶⁷ Биографические сведения о нем см. в ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 481. Из его работ кроме упомянутого раздела «Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке» в сборнике материалов по истории каракалпаков следует отметить еще: А. И. Пономарев, Куманполовцы, — ВДИ, 1940, стр. 366—370; его же, Поправка к чтению «Надписи Тимура», — СВ, т. III, 1945, стр. 222—224.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 131.

⁶⁹ С. Волин, К истории древнего Хорезма, — ВДИ, 1941, № 4, стр. 192—196; его же, К истории среднеазиатских арабов, — «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.» (ТИВАН, т. XXXVI, 1941), стр. 111—126; его же, Новый источник для изучения хорезмийского языка, — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91; его же, Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах, — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казах-

Крупнейшей коллективной работой, предпринятой Иранским кабинетом ИВ, была подготовка критического текста и перевода сочинения Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»). Вопрос об организации этой работы был поставлен в кабинете в 1936 г., вызвал одобрение и поддержку со стороны Среднеазиатского, Монгольского и Кавказского кабинетов⁷⁰. Работа вследствие больших масштабов и сложности предстоявших задач выходила за пределы возможностей одного кабинета и рассматривалась как общеполитинститутское дело. Была создана редколлегия: Е. Э. Бертельс, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, А. А. Фрейман, А. Ю. Якубовский и др.

Главные трудности стояли перед составителями критического текста. В основу должны были быть положены самые ранние и лучшие рукописи, но одной из них — стамбульской, переписанной в 1317 г., т. е. при жизни самого Рашид ад-дина, еще не было при начале работы. Фотокопия этой рукописи была выписана дирекцией ИВ, после чего в руках составителей оказались лучшие рукописи из собраний СССР и зарубежных⁷¹. Работа продолжалась на надежной основе, но была очень трудоемкой, так как привлеченные рукописи (семь) изобиловали разночтениями. Однако это была благодарная работа — в результате ее был получен впервые надежный текст важного источника, сочинения, представляющего первую попытку создать всемирную историю стран и народов от Атлантического до Тихого океана.

С самого начала деятельности коллектива по подготовке «Сборника летописей» Рашид ад-дина к переводу был привлечен А. К. Арендс, а редактирование текста было поручено А. А. Ромаскевичу⁷². В составлении критического текста и в качестве переводчиков участвовали А. А. Али-заде, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров.

К изданию были привлечены лучшие специалисты по истории Среднего и Ближнего Востока и Средней Азии — А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский, к редактированию (т. III) — выдающийся иранист Е. Э. Бертельс, а при составлении примечаний большую пользу прине-

---

стана», Алма-Ата, 1960 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 8). Кроме того, С. Л. Волиным в результате длительной работы по разбору, описанию и исследованию архива В. В. Бартольда (ЛО ААН, ф. 68) было подготовлено к печати краткое описание этого архива. Оно было уже набрано, но осталось неопубликованным (сохранились лишь гранки) в связи с началом войны. Впоследствии краткий обзор фонда В. В. Бартольда был издан (ТААН, вып. 1 и 5, М.—Л., 1946, стр. 225—228), однако без упоминания имени С. Л. Волина.

⁷⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 19.

⁷¹ Характеристику рукописей см. в предисловии А. А. Ромаскевича к т. III критического текста «Джами ат-таварих», Баку, 1957, стр. 7—14.

⁷² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 19.

сло участие Б. И. Панкратова, знатока монгольского и китайского языков и исторических источников на этих языках⁷³. В итоге многолетнего труда был выполнен самый полный русский перевод «Сборника летописей».

Осуществление этого издания было шагом вперед по пути дальнейшего изучения и более широкого использования данных, содержащихся в одном из главных источников по истории Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Кавказа, Поволжья и Восточной Европы эпохи монгольского нашествия и последовавших за ним событий. К сожалению, критический текст, необходимый для исследовательской работы по этому источнику, опубликован только частично⁷⁴ и изданная его часть остается недоступной для широкого использования историками народов СССР и зарубежного Востока.

Кроме подготовки критического текста и перевода «Собрания летописей» Рашид ад-дина в Иранском кабинете в 30-е годы проводилась работа еще над одним источником, очень важным для изучения социально-экономической истории Средней Азии позднефеодального периода,— документами джуйбарских шейхов. Благодаря исследованию и публикации текста и русского перевода этих документов, подготовленных Ф. Б. Ростопчиным, в научный обиход был введен материал, позволяющий характеризовать устройство и хозяйственную жизнь крупного комплекса феодальных поместий XVI—XVII вв. в Средней Азии⁷⁵. Русский перевод этих документов предполагалось издать как т. II материалов из архива джуйбарских шейхов. Однако в связи с началом Великой Отечественной войны опубликование перевода задержалось надолго и было осуществлено только в 1954 г., когда он был (после дополнительного редактирования Ю. П. Верховским) напечатан в одной книге с исследованием П. П. Иванова⁷⁶. Ф. Б. Ростопчин в 1931—1935 гг. был сотрудником ИВ⁷⁷.

⁷³ См.: Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960; т. III, М.—Л., 1946.

⁷⁴ Фазлуллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих (Сборник летописей), т. III. Составитель научно-критического текста на персидском языке А. А. Али-заде. Перевод с персидского языка А. К. Арендса, Баку, 1957; Фазлуллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих, т. I, ч. 1. Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хетагурова, А. А. Али-заде, М., 1965.

⁷⁵ Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., М.—Л., 1938.

⁷⁶ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; в этой книге, после опубликованного посмертно исследования П. П. Иванова, напечатаны переводы документов; в предисловии (от редакции) указано только, что переводы эти были выполнены «еще в 1937 г. коллективом научных сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР» (стр. 4); о том, что перевод выполнялся Ф. Б. Ростопчиным, см.: ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 514.

⁷⁷ Там же.

В течение длительного времени он под повседневным руководством Е. Э. Бертельса работал над переводом документов из архива джуйбарских шейхов: его успехи в выполнении этой работы были отмечены С. Ф. Ольденбургом⁷⁸. Ф. Б. Ростопчину было поручено также сделать перевод «Шараф-наме», основного источника по средневековой истории курдов⁷⁹.

Из важных для истории и истории культуры исследований персидско-таджикских памятников письменности, проводившихся в 30-х годах сотрудниками Иранского кабинета, следует отметить труды ираниста-литературоведа А. Н. Болдырева над мемуарами Зайн ад-дина Васифи и над «Тарих-и Бадахшан». Исследуя мемуары как литературный и историко-культурный памятник, А. Н. Болдырев опубликовал работу о нем⁸⁰. Он изучал также историческое сочинение «Тарих-и Бадахшан», содержащее описание событий, происходивших в Бадахшане с конца XVII до начала XX в., обстоятельно проанализировал его и сделал полный перевод (отредактированный в рукописи Е. Э. Бертельсом) с историко-филологическими комментариями. Впоследствии А. Н. Болдырев издал текст (факсимиле) этого редкого и ценного источника по локальной истории со своей вступительной статьей. Перевод, к сожалению, остался неопубликованным.

В области исторических исследований работа в Иранском кабинете велась в основном в плане приближения к современности и изучения новой и новейшей истории Ирана, проблем истории социально-экономических отношений, классовых борьбы, бабидского движения, иранской революции 1905—1911 гг. и т. п. Над этими проблемами работали несколько историков нового поколения, овладевавших марксистской методологией и стремившихся применять ее в своих исторических исследованиях. В этом новом деле не обошлось без недостатков, особенно на первых порах, одним из которых был социологический схематизм и поспешность в выводах, не всегда подкрепленных всесторонним изучением материала.

Изучением истории бабидского движения, исследование которого имело традицию еще в старом русском востоковедении, занимался М. С. Иванов⁸¹, окончивший ЛИЛИ и работавший в ИВ с 1937 по 1940 г.⁸² В отличие от прежних

---

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ См.: Е. И. Васильева, Предисловие к «Шараф-наме», т. I, стр. 23; Ф. Б. Ростопчин занимался изучением курдов, и среди его опубликованных работ есть несколько статей, посвященных им.

⁸⁰ А. Н. Болдырев, Мемуары Зайн ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI вв., — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 203—274.

⁸¹ М. С. Иванов, Бабидские восстание в Иране 1848—1852 гг., М.—Л., 1939.

⁸² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 258.

русских исследователей, изучавших бабизм (им занимались еще А. Казем-Бек и В. Р. Розен), М. С. Иванов подошел к идеологии бабидов и к анализу их восстаний как историк, стремясь выявить социальную основу явлений. Затем М. С. Иванов работал в ИВ над собиранием материалов по истории иранской революции 1905—1911 гг.⁸³ Впоследствии он издал обширную монографию, посвященную истории этой революции, а также опубликовал сводную работу «Очерк истории Ирана»⁸⁴.

Новой историей Ирана и вопросами иранской революции 1905—1911 гг. занимались также Г. В. Шитов и Г. М. Петров. Г. В. Шитов в 1930—1932 гг. проходил аспирантуру в ИВ по истории Ирана, а потом работал в ИВ в 1932—1936 и 1956—1965 гг. В 1933 г. он опубликовал книгу «Персия под властью последних Каджаров»⁸⁵, одну из первых крупных работ по истории иранской революции. В книге довольно подробно рассматривались социально-экономические условия и политическая обстановка в Иране перед началом революции. Главное место было уделено изложению политических событий революционных лет, причем автор старался показать участие в них различных классов иранского общества на разных этапах революции и объяснить причины, приостановившие дальнейшее развитие революции.

Г. М. Петров работал в ИВ с 1936 до 1951 г.⁸⁶, занимаясь изучением экономики Ирана, истории революционного движения и русско-иранских отношений⁸⁷.

Экономику Ирана, аграрные отношения, промышленность, рабочее и профсоюзное движение, а также новую историю и национально-колониальные проблемы изучал А. В. Башкиров, окончивший ЛВИ и работавший в ИВ с 1936 г. до марта 1945 г.⁸⁸ Впоследствии, продолжая работать над вопросами того же круга, Башкиров опубликовал книги о рабочем и профсоюзном движении в Иране и об империалистической экспансии в Иран⁸⁹.

⁸³ Там же, л. 22.

⁸⁴ М. С. Иванов, Иранская революция 1905—1911, М., 1957; его же, Очерки истории Ирана, М., 1952. М. С. Иванову принадлежат также главы в учебниках и учебных пособиях для высших учебных заведений, посвященные новой и новейшей истории Ирана. Систематическое изложение новой истории Ирана дано им, в частности, в учебном пособии «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1959, стр. 168—188, 481—505 (со сведениями по историографии).

⁸⁵ Г. В. Шитов, Персия под властью последних Каджаров, Л., 1933.

⁸⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 463.

⁸⁷ Об основных работах Г. М. Петрова см.: НАА, 1962, № 2, стр. 259—260.

⁸⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 70.

⁸⁹ А. В. Башкиров, Рабочее и профсоюзное движение в Иране, М., 1948; его же, Экспансия английских и американских империалистов в Иране, М., 1954.

Заведующий Иранским кабинетом Е. Э. Бертельс наряду со многими вопросами иранистики, исследованием которых он постоянно занимался, с начала 30-х годов также включился в изучение современного Востока, избрав новым полем своей научной деятельности афганистику. Плодами его занятий афганским языком (пашто) были работы о кандахарском наречии и о строе этого языка. Интерес, проявлявшийся Е. Э. Бертельсом к изучению Афганистана, отразился в опубликованных им в 1932—1934 гг. рецензиях на книги по истории и этнографии этой страны⁹⁰. Наконец, Бертельс издал небольшую, но очень содержательную работу об афганской прессе⁹¹, первое в нашей науке исследование одной из важных сторон культуры современного Афганистана.

Возвращаясь к характеристике исследовательской работы, проводившейся в 30-х годах в Среднеазиатском кабинете, отметим, что здесь в основном сохранялись традиционные хронологические рамки — занимались преимущественно средневековой тематикой. В кабинете работал (докторант ИВ с конца 1935 г.) археолог А. Н. Бернштам, исследователь памятников материальной культуры Тянь-Шаня, Памира и других тогда еще труднодоступных районов Средней Азии. Его интерпретация материала, полученного в археологических экспедициях, постоянно сопровождалась изучением письменных источников. Будучи в докторантуре ИВ, он занимался уйгурским и китайским языками⁹².

Свою наиболее значительную работу в 30-х годах А. Н. Бернштам посвятил исследованию структуры общества в Тюркском каганате, применяя марксистско-ленинское учение к объяснению ранних этапов истории тюркских народов и пытаясь проследить динамику социально-экономической жизни тюркских племен VI—VIII вв.⁹³ Из письменных источников, использованных им в этой работе, основными были древнетюркские рунические тексты.

Главные выводы, сделанные А. Н. Бернштамом в этой работе, близки к заключениям, к которым пришли советские исследователи раннесредневековой истории смежных больших областей (С. В. Киселев, С. П. Толстов), также обратившие внимание преимущественно на социальный аспект проблематики. Все они дали совершенно новое объяснение характера древнетюркского общества и истории первых тюркских государств, связывая их прежде всего с перераста-

---

⁹⁰ См.: «Библиография Афганистана. Литература на русском языке». Составитель Т. И. Кухтина, стр. 210, №№ 5654—5657.

⁹¹ Е. Э. Бертельс, Афганская пресса, — БВ, вып. 5—6, 1936, стр. 9—26.

⁹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 80.

⁹³ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VII веков, М.—Л., 1946.

нием военно-демократического и патриархально-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений. Были приведены исторические и этнографические данные, показывающие, что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим развитием земледельческих центров Средней и Центральной Азии, что и в степи и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба.

Важнейшие проблемы социально-экономической истории средневекового Востока были подняты и в значительной мере решены в трудах А. Ю. Якубовского и П. П. Иванова для периодов, по которым есть возможность привлечь гораздо больший материал письменных источников. Оба они были историками Средней Азии. Однако А. Ю. Якубовский занимался очень большим кругом стран Среднего и Ближнего Востока. Он одним из первых глубоко изучал социально-экономические проблемы истории арабского халифата по первоисточникам (в работах по Ираку)⁹⁴.

П. П. Иванов изучал среднеазиатские материалы, впервые используя документальные данные о позднефеодальном хозяйстве типа поместья (исследование о джуйбарских шейхах), установил его сущность и особенности, что важно и для стран зарубежного мусульманского Востока.

А. Ю. Якубовский был сотрудником ИВ в 1933—1938 гг., а затем с 1942 г. в эвакуации в Ташкенте руководил Среднеазиатским кабинетом. В научной жизни ИВ Якубовский постоянно принимал самое живое участие и бесценно считался «основным руководителем работ, связанных со Средней Азией»⁹⁵.

Якубовский, всегда откликавшийся на запросы советской науки, посвятил специальные исследования народным движениям в средневековой Средней Азии, занимался вопросами изучения этногенеза узбеков, туркмен, киргизов, казахов, проблемой периодизации истории Средней Азии эпохи феодализма и рядом других проблем⁹⁶.

Работая в течение многих лет в ГАИМК, а также в Эрмитаже, Якубовский показал себя одновременно и тонким исследователем письменных источников и археологом, привлекаяшим наравне с данными письменных источников и па-

---

⁹⁴ А. Ю. Якубовский, Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах), — ТИВАН, вып. XXIV, 1937, стр. 25—49; его же, Об исполных арендах в Ираке в VIII в., — СВ, т. IV, 1947, стр. 171—184.

⁹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 708.

⁹⁶ Некоторые важнейшие работы А. Ю. Якубовского на эти темы: «Восстание Тараби в 1238 г. К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии» (ТИВАН, т. XVII, 1936, стр. 101—135); «Восстание Муканны — движение людей в „белых одеждах“» (СВ, т. V, 1948, стр. 35—54); «Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.)» (КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 30—43).

мятники материальной культуры. Якубовский был активным участником и организатором ряда экспедиций в Среднюю Азию, из которых широко известны экспедиции в Пенджикент, открывшие замечательные памятники изобразительного искусства⁹⁷.

Якубовского постоянно привлекала история русского востоковедения, и его исследования в этой области заслуживают большого внимания. Важное значение для историографии Среднего и Ближнего Востока имеет критическая оценка Якубовским взглядов и концепцией В. В. Бартольда с точки зрения марксистской теории общественного развития⁹⁸. В последнем своем историографическом исследовании, опубликованном посмертно, Якубовский дал обзор изучения монголов XI—XIII вв. западноевропейской и русской дооктябрьской, а также советской наукой⁹⁹. В этой работе Якубовский касается общих проблем истории кочевников, весьма существенных для изучения прошлого многих народов Среднего и Ближнего Востока.

Одним из самых выдающихся историков, работавших с 1934 по 1942 г. в ИВ, был П. П. Иванов¹⁰⁰. В годы работы в ИВ П. П. Иванов занимался исследованием истории Средней Азии XVI—XIX вв., углубленно изучая историю хозяйства, феодальное землевладение, положение крестьян, социально-экономическую терминологию и весь комплекс проблем, выяснение которых дает ключ к пониманию сущности общественно-хозяйственного строя и его особенностей. Широту научных интересов П. П. Иванова как исследователя истории Средней Азии позднефеодального периода, которым до него никто столь глубоко не занимался, показывает тематика его работ. Наряду с социально-экономическими проблемами и историей народных движений он разрабатывал также вопросы этнической и политической (в широком значении этого слова) истории, а на ранних этапах своей научной деятельности (до поступления в ИВ) опубликовал несколько археологических и историко-географических исследований¹⁰¹.

В 1935 г. было опубликовано исследование Иванова о караалпаках. В этом исследовании тщательно проанализированы ранние упоминания о караалпаках в источниках и ги-

---

⁹⁷ Подробнее о деятельности Якубовского как археолога см.: «Памяти Александра Юрьевича Якубовского», — КСИИМК, вып. 61, стр. 5—7.

⁹⁸ А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах В. В. Бартольда, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

⁹⁹ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — ОИРВ, 1, стр. 31—95.

¹⁰⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261; А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 283.

¹⁰¹ Данные об основных научных трудах П. П. Иванова и биографические сведения о нем см. в ст.: А. Ю. Якубовский, Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, — СВ, т. 5, 1948, стр. 313—320.

потезы об их происхождении в связи с материалами о печенегах и ногах, а затем дан обстоятельный критический обзор более поздних сведений о каракалпаках, встречающихся в восточных и русских источниках. В 1939 г. вышла в свет его статья о политических взаимоотношениях между казахами и Кокандским ханством, основанная главным образом на данных, извлеченных из неопубликованных кокандских повествовательных источников¹⁰².

Начало исследований Иванова по истории экономики и общественного строя Средней Азии было отражено в его статьях о среднеазиатской хозяйственной терминологии XVIII—XIX вв. и о ханских землях в Хиве середины XIX в.¹⁰³ В первой из них П. П. Иванов рассматривает некоторые термины, относящиеся к земледелию и характеризующие социально-экономические отношения, во второй — анализирует крупное феодальное землевладение в Средней Азии на материале об «удельных землях» правившего в Хиве Сейид-Мухаммед-хана (1856—1865), заканчивая исследование выяснением вопросов об издольных арендах и о роли рабского труда на этих землях.

Первые результаты исследований по социально-экономической истории были использованы Ивановым для написания им очерка состояния Бухарского ханства в начале XIX в., служащего введением к его монографии о восстании китай-кипчаков¹⁰⁴. Значение этой работы для историографии Средней Азии было высоко оценено в свое время¹⁰⁵.

Подходя при дальнейшем изучении источников к решению основных проблем социально-экономической истории позднефеодальной Средней Азии и все в большей мере опираясь (наряду с нарративными источниками) на документальный материал, П. П. Иванов к началу Отечественной войны подготовил фундаментальное исследование о хозяйстве джуйбарских шейхов. В этом исследовании характеризуется устройство и хозяйственная жизнь крупного комплекса феодальных поместий середины XVI — первой половины XVII в., выявляются категории крестьян-издольщиков, опи-

¹⁰² Напечатано в сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 (ТИВАН, т. VII), стр. 9—89; П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 92—128.

¹⁰³ П. П. Иванов, Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, — ИАН СССР, ООИ, сер. VII, 1935, № 8, стр. 745—758; «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856—1865). В порядке постановки вопроса о так называемых ханских землях в Средней Азии, — ЗИВАН, т. VI, 1937, стр. 27—59.

¹⁰⁴ П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. 1821—1825 (Источники и опыт их исследования), М.—Л., 1937 (ТИВАН, т. XXVIII).

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261 (отзыв на работы П. П. Иванова, подписанный В. В. Струве и А. Ю. Якубовским).

сывается аппарат управления поместьями¹⁰⁶. Важным этапом в историографии Средней Азии было открытие Ивановым в 1936 г. архива хивинских ханов и осуществленное им в течение трех последующих лет описание и исследование документов этого архива. С выходом в свет в 1940 г. подготовленного им описания этих документов (с историческим введением) П. П. Иванов выдвинулся в ряды крупнейших историков-востоковедов¹⁰⁷.

Свою работу об архиве хивинских ханов Иванов защищал в качестве докторской диссертации в суровую зиму 1941/42 г. в осажденном Ленинграде. Решением Ученого совета степень доктора исторических наук была присуждена П. П. Иванову единогласно¹⁰⁸. Через несколько месяцев после защиты диссертации оставшийся в блокированном Ленинграде П. П. Иванов погиб¹⁰⁹.

После войны кроме упомянутого выше исследования Иванова о хозяйстве джуйбарских шейхов была издана (посмертно) его крупная работа — обобщающий труд по истории Средней Азии с XVI до середины XIX в., подготовленный к печати в 1941 г. и неопубликованный тогда в связи с началом войны¹¹⁰. В этом труде П. П. Иванову впервые в советской историографии удалось дать цельный очерк событий, происходивших во всех трех среднеазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, — со времени их возникновения и до завоевания царской Россией. Судьбы ханства рассматриваются в тесной связи с историей кочевых и полукочевых народов — казахов, туркмен, киргизов, каракалпаков. Глубокое исследование социально-экономических отношений в неразрывном сочетании с изучением событий политической истории и творческое применение методологии марксизма-ленинизма дали возможность автору проследить общее в ходе истории позднефеодального периода для всех народов Средней Азии и верно выделить многие особенности, свойственные развитию отдельных народов.

По некоторым частным вопросам в «Очерки» П. П. Иванова теперь, через четверть века после их написания, конечно, должны быть внесены уточнения и исправления, многое может быть дополнено и расширено, но эта его книга не

---

¹⁰⁶ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; характеристику этого исследования П. П. Иванова см. в работе: И. П. Петрушевский, Деревня и крестьяне Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов, — УЗИВАН, т. XXV, М., 1960, стр. 209.

¹⁰⁷ П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением), М.—Л., 1940.

¹⁰⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261, л. 50.

¹⁰⁹ Жононов, Тюркология в Ленинграде, стр. 283.

¹¹⁰ П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958.

только по праву заняла почетное место в нашей историографии, но и поныне остается незаменимым пособием как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся прошлым народов Средней Азии. «Очерки» П. П. Иванова показали, что и после создания сводных трудов, посвященных отдельным народам Средней Азии, опубликованных в нашей стране в течение последних десятилетий (история таджикского народа, история Узбекистана, Туркмении и т. д.), остается целесообразной и разработка истории народов Средней Азии в целом, именно в том плане, как это делал П. П. Иванов.

Значительную ценность имеет рукописное наследие П. П. Иванова. Собранные им материалы и некоторые его исследования, оставшиеся неопубликованными, хранятся в АВ¹¹¹.

Наряду с научно-исследовательской деятельностью П. П. Иванов вел большую преподавательскую работу. Он читал курс истории среднеазиатских ханств для аспирантов АН СССР и был руководителем работ по специальности группы аспирантов-узбеков¹¹². Ученики и товарищи по работе любили и уважали П. П. Иванова и сохранили о нем благодарную память.

После эвакуации ИВ в Ташкент деятельность Среднеазиатского кабинета продолжалась там. Первое научное заседание кабинета в Ташкенте состоялось 5 октября 1942 г., и первый заслушанный на нем доклад А. М. Беленицкого об официальной переписке Бухарского ханства XIX в. как историческом источнике был посвящен памяти П. П. Иванова¹¹³.

На втором заседании кабинета в Ташкенте, состоявшемся 11 октября 1942 г., с докладом «Чтение надписей Гур Эмира» выступил А. А. Семенов¹¹⁴, на третьем (2 ноября) — был заслушан совместный доклад В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекские народные сказители и их репертуар». Таким образом, с самого начала деятельности Среднеазиатского кабинета в Ташкенте в ней приняли участие как эвакуированные из Ленинграда ученые, так и исследователи, ра-

¹¹¹ Дневник с путевыми записями 1920—1921 гг., веденный в командировке в Восточной Бухаре; историко-этнографические материалы о киргизах; данные о Ташкенте и т. п.

¹¹² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 261.

¹¹³ Там же, оп. 1 (1942), № 23.

¹¹⁴ Там же. Данные о работах А. А. Семенова (до 1953 г.) см.: Д. Г. Воронковский, Библиография научных работ А. А. Семенова, — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII), стр. 7—24; дополнения к этой библиографии см.: ПВ, 1959, № 1, стр. 242, 243, там же (стр. 240—242) — биографические сведения об А. А. Семенове (некролог); перечень литературы, содержащей биографические данные об А. А. Семенове, см. в кн.: Лунин, Средняя Азия, стр. 373, прим. 1020.

ботавшие в Узбекской ССР. А. А. Семенов стал сотрудником ИВ с середины июня 1942 г. и представил отчет о своей работе в этом году по Среднеазиатскому кабинету¹¹⁵. Работа Среднеазиатского кабинета в Ташкенте продолжалась до возвращения ИВ в Ленинград.

В последующие годы масштабы научно-исследовательской деятельности кабинета были гораздо более скромными, чем прежде, но в ней продолжали принимать участие видные специалисты. Так, в 1949 г. научными сотрудниками кабинета были А. Н. Болдырев¹¹⁶ и А. Л. Троицкая, которая впоследствии, работая в Иранском кабинете, закончила и подготовила к печати большой труд (начатый во время работы в Рукописном отделе ГПБ) — «Описание архива кокандских ханов». А. Л. Троицкая работала в ИВ в 1942—1950 и 1958—1963 гг. Среди ее печатных работ, посвященных этнографии и истории Средней Азии XIX в., имеется несколько статей, написанных с использованием материала из разрабатывавшегося ею в течение многих лет архива кокандских ханов; она опубликовала также предварительный обзор этого архива¹¹⁷.

В конце 1968 г. вышел в свет «Каталог архива кокандских ханов», содержащий документы, относящиеся к 40—70-м годам XIX в. (основная масса их датируется 1866—1875 гг.). А. Л. Троицкой описано около 3800 документов, по рубрикам существовавших в Кокандском ханстве.

После того как Среднеазиатский кабинет прекратил свою деятельность, работу над источниками по истории народов Средней Азии продолжали главным образом иранисты и тюркологи. В результате издания текстов и переводов иранских и тюркских источников за последние десять лет создались возможности для более углубленного изучения различных периодов истории народов зарубежного Востока и советской Средней Азии. Из изданий тюркских источников большое значение для позднефеодального периода истории Средней Азии имеет публикация А. Н. Кононовым критического текста с переводом и комментариями сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен»¹¹⁸. Благодаря этой публикации

---

¹¹⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1942) № 23, лл. 33, 18.

¹¹⁶ Здесь отметим лишь содержательное исследование А. Н. Болдырева по истории культуры средневекового Герата: «Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.», — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422.

¹¹⁷ А. Л. Троицкая, Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор, — «Труды ГПБ», т. II (V), Л., 1957; ее же, Заповедники — курук кокандского хана Худояра, — сб. ГПБ, III, Л., 1955, стр. 122—156; ее же, Ганчи, чанчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.), — кн. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 250—255.

¹¹⁸ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958.

историки впервые получили основательную базу для дальнейшего исследования этого важного источника.

Для решения многих остающихся еще не выясненными проблем истории Средней Азии эпохи раннего средневековья новые возможности исследования были созданы трудами А. А. Фреймана, М. Н. Боголюбова, В. А. Лившица и О. И. Смирновой, осуществивших издание и перевод мугских документов. При изучении этих источников особенно велики заслуги В. А. Лившица. Большое значение имеет также комплексное изучение эпохи с использованием данных вспомогательных исторических дисциплин и привлечением ученых смежных специальностей. На примере работ О. И. Смирновой видно, как пути исследования столь нового материала приводят и согдологов, принимающих непосредственное участие во введении его в научный обиход, к специализации в таких областях, как нумизматика, историческая география, топонимика.

О. И. Смирнова в 1934 г. поступила на работу в ИВ как иранист-филолог. В 1945 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Согдийский нумизматический материал как источник по истории Средней Азии доисламского периода». В 1935—1937 гг. О. И. Смирнова принимала участие в работе над подготовляемым А. А. Фрейманом согдийским словарем. Согдийской нумизматикой О. И. Смирнова занялась с 1936 г. Она приняла также участие в согдо-таджикской комплексной экспедиции (раскопки в Пенджикенте) и опубликовала несколько статей по исторической географии. Первые работы О. И. Смирновой, опубликованные в 1938—1939 гг., были посвящены согдийским монетам и содержали новые данные по истории Согда VIII в. В дальнейшем ею был опубликован ряд работ по нумизматике и издан каталог монет с городища Пенджикент, значительная часть находок на котором состояла из согдийских монет¹¹⁹. Она опубликовала также несколько статей о титулатуре согдийских правителей и по вопросам исторической географии верховьев Зеравшана, а также исследование о сочинении Табари Балами как источнике для изучения экономических ресурсов Согда¹²⁰. Ей принадлежат также статьи по вопросам политической истории Средней Азии времени арабского завоевания, в основу которых положен материал, извлеченный из арабских

¹¹⁹ О. И. Смирнова, Новые данные по истории Согда VIII в., — ВДИ, 1939, № 4, стр. 97—102; ее же, Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963.

¹²⁰ О. И. Смирнова, Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зеравшана, — «Труды СТАЭ», т. 1, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 56—66; ее же, Карта верховьев Зеравшана по данным мугских документов, М., 1960 (XXV МКВ); ее же, Труд Табари-Бел'ами как источник для изучения экономических ресурсов Согда, — МПВНКВ, стр. 947—952.

письменных источников¹²¹. О. И. Смирнова сдала в печать работу «Очерки по истории Согда» и подготовила сводный каталог согдийских монет.

Изучением во многом еще неясного переходного периода от древней к феодальной Средней Азии занимается историк-тюрколог С. Г. Кляшторный, внося своими работами, основанными прежде всего на древнетюркских рунических текстах, полезный вклад в изучение тюрко-согдийских взаимосвязей и тем самым в общее большое дело восстановления исторической картины этого периода, новый свет на которую проливают документы с горы Муг¹²². С. Г. Кляшторный работает в ЛО ИВ с 1957 г.; в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии», которая послужила основой для монографии, опубликованной под тем же названием (М., 1964). Кроме того, С. Г. Кляшторный, занимаясь в течение ряда лет отдельными аспектами тюрко-согдийской темы, опубликовал результаты своих исследований в нескольких статьях и заметках¹²³. С. Г. Кляшторный с 1964 г. заведует Тюрко-монгольским кабинетом.

Над некоторыми тюркскими источниками по истории позднефеодальной Средней Азии работала сотрудник Иранского кабинета М. А. Салахетдинова, опубликовавшая русские переводы (со своими комментариями) извлечений из тюркских и персидско-таджикских источников, содержащих сведения по истории киргизов, а также несколько статей и заметок о неизвестных и малоизвестных источниках¹²⁴. М. А. Салахетдинова работает в ЛО ИВ с 1954 г., а в 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Об артикле в современном персидском языке».

В Иранском кабинете была завершена большая коллективная работа по созданию сборника переводов извлечений

¹²¹ О. И. Смирнова, Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, — СВ, 1957, № 2, стр. 119—134; е е же, К истории Самаркандского договора 712 г., — КСИВАН, вып. XXVIII, 1960, стр. 69—79.

¹²² У С. Г. Кляшторного были предшественники тюркологи, начавшие тюрко-согдийские исследования. См.: А. Н. Бернштам, Древнетюркский документ из Согда, — ЭВ, т. V, 1951, стр. 65—75; рец. на эту работу с поправками в чтении документа; С. Е. Малов, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1954, т. XIII, № 2, стр. 197—198.

¹²³ С. Г. Кляшторный, Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам), — ЭВ, т. IX, 1954, стр. 55—64; е го же, Согдийцы в Семиречье, — СЭ, 1959, № 1, стр. 7—11; е го же, Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте, — ПВ, 1960, № 6, стр. 134—135; е го же, Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам), — ЭВ, т. XIV, 1961, стр. 29—31.

¹²⁴ Переводы М. А. Салахетдиновой (из «Тазкира-и Ходжаган» Мухаммед Садыка Кашгари, из «Абдулла-наме» Хафиз-и Таныша и из «Хидаят-наме» Мир Халь ад-дина) были опубликованы в ИАН КиргССР, II—III за 1959—1961 гг. и вызвали высокую оценку в историографической работе: В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник,

из арабских, персидских и тюркских источников по истории киргизов с X до XIX в. Эта работа была начата Киргизской группой, существовавшей при Секторе восточных рукописей в 1954—1955 гг. и работавшей тогда под руководством М. Ю. Юлдашева. После организации ЛО ИВ большинство участников Киргизской группы были включены в состав сотрудников Иранского кабинета. В переводах извлечений, вошедших в сданный в печать в 1964 г. вып. I сборника «Материалы по истории киргизов и Киргизии», участвовали О. Ф. Акимушкин, З. Н. Ворожейкина, Л. Н. Покровская, Л. З. Писаревский, В. А. Ромодин, М. А. Салахетдинова, К. Б. Старкова ¹²⁵.

О. Ф. Акимушкин (работает в ЛО ИВ с 1953 г.), которому в этом сборнике принадлежат переводы извлечений из источников тимуридской эпохи, занялся изучением источников по истории Восточного Туркестана и подготовил полный перевод (с историко-филологическим комментарием) сочинения Махмуда Чураса — единственного персоязычного источника по политической истории Восточного Туркестана XVI—XVII вв.

Нарративные источники XVI—XIX вв. по истории Средней Азии, прежде всего ее северо-восточной части, изучались В. А. Ромодиным, опубликовавшим о них несколько статей и доклад, прочитанный на XXV МКВ в Москве ¹²⁶. В. А. Ромодин работает в ЛО ИВ с 1955 г. После кандидатской диссертации «Социально-экономический строй юсуфзайских племен (сравнительно с другими афганскими племенами) в XIX в.» результатом его многолетних занятий новой и средневековой истории Афганистана явился сводный труд «История Афганистана» (т. I—II), том I которого написан В. А. Ромодиным вместе с В. М. Массоном ¹²⁷. Главной задачей, поставленной перед собой авторами этого труда, было дать общий обзор истории Афганистана, основываясь на исследованиях и материалах, имеющихся в советской и зарубежной специальной литературе. При освещении ряда вопросов политической, социально-экономической истории и

Очерк истории исторической науки в советском Киргизстане (1918—1960 гг.), Фрунзе, 1961.

¹²⁵ Значительную часть извлечений, подготовленных для II вып. «Материалов», составляют переводы из китайских источников, выполненные А. А. Кондратьевым.

¹²⁶ В. А. Ромодин, Новый источник по истории Кокандского ханства. — ПВ, 1959, № 3, стр. 110—113; его же, Некоторые источники по истории Ферганы и Кокандского ханства (XVI—XIX вв.) в рукописных собраниях Ленинграда, М., 1960; см. также: В. А. Ромодин и А. А. Кондратьев, Опыт сопоставления сведений, — СВ, 1958, № 4, стр. 125—136.

¹²⁷ В. М. Массон, В. А. Ромодин, История Афганистана, т. I—II, М., 1964—1965.

истории культуры и искусства авторы опирались также и на результаты собственных исследований.

Важный источник по истории средневекового Ирана — «Тарих-и Систан» разрабатывается Л. П. Смирновой. Л. П. Смирнова окончила аспирантуру ЛО ИВ в 1963 г., с 1965 г. после защиты диссертации¹²⁸ работает в ЛО ИВ. Ею подготовлен и сдан в печать перевод хроники «Тарих-и Систан» — первый перевод на европейские языки. Этот историко-географический свод по Систану, содержащий данные по его истории с VII в. до 1324 г., дает богатый фактический материал по политической истории Саффаридов.

Ряд вопросов истории Ирана позднего средневековья и начала нового времени успешно разрабатывался в ЛО ИВ Н. Д. Миклухо-Маклаем, опубликовавшим несколько работ по источниковедению, по истории Сефевидов, о взаимоотношениях Ирана со Средней Азией и по истории Ирана в XVIII в. Н. Д. Миклухо-Маклай работает в ИВ с 1942 г., в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «Афганское завоевание Ирана (1723—1730)». В опубликованных Миклухо-Маклаем исторических работах анализируются социально-экономические вопросы, изучаются народные движения¹²⁹. Значительное место среди исследований Миклухо-Маклая занимают его источниковедческие работы.

Среди исследователей феодальной эпохи Среднего и Ближнего Востока видное место в советской медиевистике в течение последних десятилетий занимает И. П. Петрушевский. В ИВ он работал в 1945—1947 и в 1950—1961 гг.

Будучи специалистом прежде всего по истории Ирана и Закавказья, И. П. Петрушевский опубликовал ряд трудов, имеющих важное значение не только для социально-экономической истории непосредственно изучаемых им стран и народов, но и для разработки теоретических проблем развития феодализма на всем Среднем и Ближнем Востоке¹³⁰. В своих работах И. П. Петрушевский уделил внимание в первую очередь истории хозяйства, анализу социально-экономических отношений, исследованию аграрных проблем и положения крестьян, рассматривая на основе этого историю народных движений и идеологических течений.

В тематике исследований И. П. Петрушевского источниковедение занимает видное место. Он опубликовал работы о Хамдаллахе Казвини, о персидских официальных документах

---

¹²⁸ Л. П. Смирнова, Язык «Тарих-и Систан» (грамматика, лексика), Сталинабад, 1959; рец.: Т. Джуроев, — газ. «Маориф ва маданият», Душанбе, 1960, № 156.

¹²⁹ См.: «Библиография Ирана. Сост. Л. К. Сверчевская», М., 1967, № 968—972, 978, 1036, 1052—1056, 1541—1543, 1588, 5223.

¹³⁰ См. «Список основных научных трудов профессора И. П. Петрушевского (к 60-летию со дня рождения)», — ПВ, 1959, № 2, стр. 254—256.

XVI — начала XIX в., о Рашид ад-дине и его историческом труде, о персидском трактате по истории агротехники времен Газан-хана и другие источниковедческие исследования. В своей работе о труде Сейфи И. П. Петрушевский впервые обстоятельно проанализировал до того малоизвестный и недостаточно использованный историками источник, дающий возможность пополнить многими интересными деталями картину внутренней жизни Хорасана и соседних с ним областей на рубеже XIII—XIV вв. и содержащий большой материал по политической истории княжества гератских правителей династии Куртов¹³¹.

И. П. Петрушевский был одним из основных авторов и редакторов вышедшего в качестве учебного пособия сводного труда по истории Ирана¹³², а также опубликовал на основе читанного им на восточном факультете ЛГУ спецкурса книгу «Ислам в Иране в VII—XV вв.» в качестве учебного пособия «по истории ислама, истории Ирана и сопредельных стран, их культуры и идеологических учений»¹³³.

Свои многолетние исследования по истории сельского хозяйства, социально-экономических отношений, народных движений и идеологических течений средневекового Ирана И. П. Петрушевский подытожил в монографии «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XV вв.» (М., 1960).

Для раскрытия сущности социально-экономических процессов, происходивших не только в Иране, но и во многих других феодальных странах Востока, первостепенное значение имеет обоснованный Петрушевским на большом фактическом материале вывод об отсутствии в Иране, Средней Азии, Афганистане и арабских странах крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде. Вследствие этого в этих странах (в отличие от большинства стран феодальной Европы) феодальное поместье не было основной хозяйственной единицей¹³⁴.

И. П. Петрушевский подготовил к печати т. I «Сочинений» В. В. Бартольда, включающий классический труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Труд этот вышел в более полном виде — впервые опубликована последняя его

---

¹³¹ И. П. Петрушевский, Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана, — «Труды ЮТАКЭ», т. V, 1955, стр. 130—162.

¹³² Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958.

¹³³ И. П. Петрушевский, Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций), Л., 1966.

¹³⁴ О значении этого вывода см.: Р. А. Ульяновский, Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о формациях и проблемы современного аграрного строя в странах Востока, — «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966, стр. 188—189.

глава, не завершенная автором. Впервые также напечатана в приложениях речь В. Бартольда перед защитой диссертации, когда ему вместо степени магистра была присуждена степень доктора. Речь эта важна для суждения об исторических взглядах ученого и является ценным документом истории передовой русской культуры.

Для этого тома И. П. Петрушевский написал краткую «Биографическую справку» и предисловие, в котором дана научная характеристика труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и четко выявлено то новое, что внес Бартольд своим трудом в историческую науку.

Академическое издание «Сочинений» В. В. Бартольда имеет большое значение в советской историографии Востока. Большинство переиздаваемых трудов Бартольда относится к тем необходимым пособиям, которыми продолжают пользоваться историки, этнографы, археологи и другие специалисты, изучающие прошлое народов советского и зарубежного Востока. При издании используется архив Бартольда, и часть его работ выходит с его дополнениями и исправлениями, публикуются ранее не изданные работы. В примечаниях составителей указываются основные публикации источников и исследований, вышедшие в свет после смерти Бартольда, а в необходимых случаях даются дополнения и исправления к тексту (только в примечаниях).

Для того чтобы успешно продвигаться вперед в любой науке, необходимо хорошо знать, что уже сделано предшественниками. Издание «Сочинений» В. В. Бартольда дает возможность основательно разобраться в этом историкам Востока и исследователям смежных специальностей.

Кавказоведение

В истории русского кавказоведения деятельность АМ является одним из звеньев, связанным как преемственно, так и активно с работой других ученых организаций и отдельных лиц, находившихся в России, в Закавказье и за рубежом.

Практически нередко одни и те же ученые-кавказоведы работали одновременно в АМ и в Петербургском университете, в Русском и Московском археологических обществах, Кавказской археографической комиссии или в других учреждениях.

Однако, для того чтобы оценить роль АМ в истории изучения Кавказа, нужно, хотя бы приблизительно, представить себе, что уже было сделано в России к концу 30-х годов XIX в., т. е. ко времени, когда Кавказ стал предметом изучения в АМ.

Истоки научного кавказоведения в России восходят к памятникам древней русской письменности, упоминающим народы Кавказа начиная со второй половины X в. летописные (X—XIV вв.) и документальные (XIV—XVII вв.) источники, а также записки русских путешественников и послов XV—XVII вв. свидетельствуют о ранней осведомленности русских о Кавказе, о их торговых, политических и культурных связях с Грузией. Однако это только предыстория последующего изучения Кавказа в России. Изучение началось в XVIII в., и важнейшая роль в его организации принадлежала Петру I, а затем АН.

Богатейшие материалы были собраны академическими экспедициями, в особенности второй экспедицией 1768—1774 гг., возглавлявшейся П. С. Палласом¹.

Как ученые трактаты, так и материалы экспедиций, по-

---

¹ Подробнее об этой экспедиции см., например: М. А. Полиевктов, Из истории русского академического кавказоведения XVIII в., — ИАН СССР, сер. VII, 1935, № 8, стр. 759—774.

ходные дневники, записки путешественников и посольские журналы, составившие основной фонд кавказоведной литературы XVIII в., содержали весьма разнообразные сообщения. Среди них мы находим географические описания с картографическими материалами, сведения исторические и очерки современного административно-политического состояния населения, этнографические и статистические обзоры и другие, часто разрозненные, но интересные описания, относящиеся к народам Кавказа.

Естественноиспытатели-энциклопедисты, такие, как В. Ф. Зуев, С.-Г. Гмелин, И.-А. Гюльденштедт, Ф. К. Маршал фон Биберштейн, врачи Г. Шобер и И. Я. Лерх, офицеры И.-Г. Гербер, П. Г. Бутков, Н. Д. Языков и С. Д. Бурнашев, военно-политический деятель П. С. Потемкин и многие другие деятели XVIII в., в том числе историк Т.-З. Байер положили начало изучению истории и культуры народов Кавказа.

Кавказоведение, определившееся в XIX в. как область гуманитарных знаний, развивалось в преемственной связи с трудами этих первых исследователей. Различная ценность составленных ими описаний, подчас поверхностных и не всегда достоверных, не умаляет их значения в истории науки.

Коренные изменения всех условий для развития кавказоведения в России наступили в начале XIX в.

К концу первой трети XIX в. достижения в области изучения Кавказа по сравнению с результатами изысканий, произведенных за предшествующее столетие, уже были очень значительны. За этот короткий период обозначилась дифференциация областей изучения и усилилось гуманитарное направление интересов. Изменилась методика наблюдений и записей, потребовавшая знания языков, что для русских облегчалось непосредственным и длительным пребыванием в местной среде. Со специально лингвистическими и этнографическими целями АН организовала путешествия двух академиков — в 1807—1808 гг. Г.-Ю. Клапрота и в 1835—1837 гг. А. М. Шёгрена.

Успешному развитию кавказоведения в этот период способствовали и следующие обстоятельства: контакты живших в Грузии русских с местными учеными и появление в русской чиновничьей среде дилетантов — собирателей древностей. Важнейшую роль в развитии изучения Кавказа сыграли увеличение в Тифлисе количества изданий на русском, грузинском и армянском языках и появление периодической печати. Изучение Кавказа не только находилось в руках представителей АН или местных ученых и любителей, но и шло в русле официальных правительственных мероприятий. В целом этот период может быть охарактеризован как период

организованного сбора материалов о Кавказе с уже ярко выраженным интересом к его населению.

На первом месте должно быть поставлено сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823), значительную ценность представляет и «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», составленное несколькими авторами (1831). Несомненный интерес сохраняют и описания путешествий Г.-Ю. Клапрота и А. М. Шёгрена.

Возникновение кавказоведных интересов и практических работ в АМ было вызвано двумя основными причинами. Во-первых, к середине 30-х годов директор музея Х. Д. Френ, основываясь на данных своих исследований в области истории Ближнего Востока, пришел к убеждению о необходимости специального изучения Кавказа и Закавказья. Во-вторых, история и культура народов, населявших территории, вошедшие в состав Российской империи, представляли политический интерес для русского правительства. Таким образом, начало кавказоведных исследований в АМ имело научное основание и нашло административную поддержку.

С конца 30-х годов XIX в. кавказоведение в АМ шло рука об руку со смежными дисциплинами, как неотъемлемая часть востоковедения.

На протяжении многолетней истории кавказоведения в АМ то занимало одно из наиболее значительных мест, то приходило в упадок, уступая ведущую роль в изучении Кавказа другим организациям. Периоды успехов и упадка кавказоведных исследований в АМ находились в зависимости и от смены научных задач, и от смены организаторов исследований, и, наконец, от общих путей развития кавказоведения в России, но в истории науки за АМ должно быть признано особое значение, так как именно на его базе произошло формирование русского гуманитарного кавказоведения и сложилась его первая научная школа.

Впервые в истории русского кавказоведения интерес ученых обратился к памятникам письменности, к исследованию исторических летописей и всех доступных историко-археологических источников. Впервые языки изучаемых народов стали важнейшим средством исследования, как и предметом специального интереса. Впервые изучение духовной культуры народов Кавказа получило полное признание в русской науке.

Кавказоведение в АМ очень быстро завоевало признание ориенталистов и славистов как самостоятельная область востоковедения. Этому немало способствовала энергия первых кавказоведов АМ, которые раскрывали как исторические связи древних народов Кавказа с народами Востока и с Россией, так и яркую самобытность их национальных культур.

Грузия и Армения, с самого начала бывшие в центре внимания кавказоведов АМ, воспринимались ими как страны, связанные между собой не только близостью географического положения, но во многом и общностью культурно-исторических судеб. Интерпретация источников под этим углом зрения характерна для кавказоведения в АМ.

В истории развития кавказоведения на базе АМ и ИВ можно наметить следующие периоды: 1. 1837—1879 гг. — собирание и исследование письменных источников (грузинских и армянских), публикация их с переводами. Формирование гуманитарного кавказоведения. Время деятельности М. Броссе и его научной школы. 2. 80-е годы XIX в. — 20-е годы XX в. — АМ по традиции сохраняет значение центра кавказоведения в АН, но его деятельность сводится к хранению рукописей. Ученики М. Броссе, позднее Н. Я. Марр и его ученики используют рукописи АМ для отдельных исследований. 3. 30-е годы — 1941 г. — организация ИВ и Кавказского кабинета в его системе. Кабинет занимается историко-филологическим изучением Грузии, Армении и Азербайджана и принимает участие в составлении алфавитов, грамматик и словарей бесписьменных языков Северного Кавказа и Дагестана. 4. 1946—1968 гг. — систематическое описание и исследование грузинских и армянских рукописей ЛО ИВ. Работа в области истории и литератур Грузии и Армении. В 1958 г. И. А. Орбели восстанавливает Кавказский кабинет, предполагая положить в основу его исследовательской работы комплексный метод изучения Кавказа.

Краткий очерк истории кавказоведения в АМ—ИВ построен в соответствии с предлагаемой периодизацией.

* * *

Научная литература подсказала Х. Д. Френу имя нужного ему специалиста — французского ученого Мари-Филисите (Мария Ивановича) Броссе (1802—1880), автора двух монографий и статей². Идея приглашения М. Броссе в Петербург для работы в АМ нашла горячую поддержку ираниста Ф.-Б. Шармуа и жившего в Петербурге грузинского ученого, царевича Теймураза Багратиони, хорошо известного Х. Д. Френу. В 1836 г. Х. Д. Френ вступил в переписку с ориенталистом Сильвестром де Саси и самим М. Броссе, а затем начал переговоры с президентом Петербургской АН. Вопрос о переезде ученого в Петербург был решен, и летом 1837 г. М. Броссе приступил к работе в АМ в качестве адъюнкта АН.

Ученик армениста А. Сен-Мартена, М. Броссе, находясь

---

² Опубликованных в JA.

во Франции, имел весьма ограниченные возможности для удовлетворения своих определившихся интересов в области грузиноведения. Тем разительнее были успехи, достигнутые им в изучении языка, литературы и истории Грузии. Начав занятия грузинским языком в 1826 г., он уже в 1834 г. мог опубликовать составленную им грамматику³, а в 1837 г. — исследование⁴. С 1826 по 1837 г. М. Броссе издал 57 работ, основанных на литературных, эпиграфических и нумизматических источниках, большую часть по грузиноведению. Начав с византийских материалов, М. Броссе перешел к грузинским, армянским, китайским, касался в своих исследованиях материалов арабских, турецких, осетинских и лезгинских.

На поприще русской науки М. Броссе вступил как эрудированный ученый с широкими востоковедными интересами и член двух научных обществ⁵.

По своим научным интересам М. Броссе был прежде всего грузиновед и на протяжении своей жизни сделал в области грузиноведения более, чем в какой-либо иной. Грузиноведом он стал как автодидакт, начав освоение языка с параллельного чтения грузинского текста Библии и Септуагинты. Позднее практическую помощь в активном знании языка ему оказывали жившие в Париже грузинские царевичи, но важнейшую роль в формировании М. Броссе как грузиноведа сыграл Теймураз Багратиони, находившийся в России.

Знакомство с Т. Багратиони по переписке, начатой 18 июля 1830 г.⁶, перешло с 1837 г. в многолетнее сотрудничество двух ученых в Петербурге. Т. Багратиони писал М. Броссе до конца 1845 г.

Личное и косвенное участие Т. Багратиони в деятельности АМ и его роль в выработке основного направления кавказоведения в АМ в 40-х годах настолько значительны и в то же время неизвестны, что требуют хотя бы краткой характеристики.

Вопрос о роли Теймураза Багратиони в истории русского кавказоведения до настоящего времени еще не был поставлен. Между тем этот яркий и самобытный ученый оказал исключительное воздействие на развитие научной деятельности М. Броссе не только в ее ранний период, но и позднее. Письма Теймураза сыграли направляющую роль в научной подготовке французского ученого, для которого Россия стала вторым отечеством.

---

³ «L'Art Libéral, ou Grammaire géorgienne par M. Brosset jeune, membre de Conseil de la Société Asiatique», Paris, 1834 (литогр. изд.).

⁴ «Eléments de la langue géorgienne par M. Brosset jeune», Paris, 1837.

⁵ Société Asiatique de Paris (с 1825 г.), Société des Sciences, Belles-Lettres et Arts d'Orleans (член-корр. с 1829 г.).

⁶ «Письма Теймураза Багратиони акад. М. Броссе». Подг. текста к изд., предисл., прим. и прил. С. Кубанейшвили, Тбилиси, 1964. На груз. яз.

Будет уместным остановиться на содержании хотя бы двух ранних писем-статей Теймураза, отправленных им на имя М. Броссе из Петербурга в Париж, а ныне хранящихся в собрании ЛО ИВ⁷.

Письмо (Е 52) на 28 листах в тетради с золотым обрезом, написанное зимой 1832 г., озаглавлено М. Броссе на французском языке: «Ответы на различные вопросы по грамматике, истории и хронологии, заданные г. Сен-Мартеном и мной царевичу Теймуразу в январе 1832 г.». Письмо содержит отдельные сведения по морфологии грузинского языка и грамматические примеры к ним, сведения о принципах грузинского летосчисления, грузинские названия месяцев и толкования этих названий с краткими историческими справками, грузинскую астрономическую терминологию и грузинские названия знаков зодиака. Письмо (Е 53) на 44 листах, в тетради, полученное М. Броссе 18 марта 1833 г., озаглавлено Теймуразом «Письмо в ответ на написанное (мне) в 1832 году, хроникона 520, господином ученым Броссе, членом знаменитого Парижского Азиатского общества и моим исключительнейшим другом, содержащее извещение о некоторых ученых вопросах». Оно содержит теорию грузинского стихосложения и сведения из истории грузинского языка, замечания по вопросам грузинской нумизматики и исследование легенды на монете царя Георгия Лаша, исследование «Мученичества Давида и Константина» как исторического источника, критику книги Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии» (Спб., 1802).

Этого достаточно для того, чтобы составить себе представление о характере и объеме писем грузинского ученого, полученных М. Броссе еще задолго до начала его деятельности в АМ.

Фрагменты из писем Теймураза и некоторые его сочинения М. Броссе переводил с грузинского на французский язык и публиковал в журнале Азиатского общества⁸, а также в своем издании 1833 г.⁹

Т. Багратиони провел в Петербурге 35 лет, находясь в

---

⁷ Несколько писем Теймураза хранится в собрании грузинских рукописей ЛО ИВ, остальные — в Институте рукописей АН ГрузССР.

⁸ «Additions au Mémoires sur les documents originaux concernant la Géorgie», — JA, 1832, tt. III—V, 1-er appendice, «Calcul chronologique des Géorgiens, extrait d'un manuscrit, envoyé par le prince royal Théimouraz», II-me appendice; «Sur les cachets géorgiens avec l'extrait d'une lettre du Prince royal Théimouraz», — Nouv. JA, sér. 2, 1832, t. X, стр. 168—190; «Dissertation sur les monnaies géorgiennes, traduite d'une lettre du Prince Théimouraz avec des éclaircissements, par M. Brosset jeune», — Nouv. JA, 1835, t. XV, стр. 401—445; JA, sér. 3, 1836, t. 2, стр. 5—35 и др.

⁹ «Memoires inedites à l'histoire et à la langue géorgienne», Paris, 1833 (литогр. изд.).

постоянном контакте с широким кругом русских и грузинских ученых; в 1836 г. он совершил путешествие в Германию. С декабря 1831 г. Т. Багратиони был почетным членом Азиатского общества в Париже, а с декабря 1837 г. — Петербургской АН, в 1844 г. он был избран членом Датского антикварного общества в Копенгагене.

Т. Багратиони внес вклад в науку не только своими знаниями. Он способствовал изготовлению грузинского шрифта в Париже, что дало М. Броссе возможность издать свои работы с грузинскими текстами, снабжал М. Броссе необходимыми книгами и рукописями, отправляя их в Парижское Азиатское общество¹⁰, а по приезде М. Броссе в Петербург предоставил ему в пользование свою библиотеку. Уже в первые месяцы работы в АМ М. Броссе смог ознакомиться с составом этой библиотеки *de visu* и опубликовать ее каталог, составленный владельцем и известный ему еще в Париже, дополнив его сведениями о грузинских книгах и рукописях в других частных библиотеках и переведя на французский язык¹¹. После смерти Т. Багратиони эта библиотека стала собственностью АМ и до настоящего времени служит предметом изучения.

Но работа в АМ не могла быть начата, пока не были собраны достаточные материалы. Поэтому все внимание М. Броссе обратился на соби́рание рукописей. К этому времени в АМ хранились три грузинские рукописи: две были переданы библиотекой АН, а третья в 1829 г. поступила от археографа П. М. Строева. Это были уникальная рукопись хроник XVIII в., вывезенная из Грузии И.-А. Гюльденштедтом, и отдельный экземпляр ее русского перевода, сделанного по его же заказу в 1777 г. Найденная П. М. Строевым в Вологде древняя грузинская рукопись содержала перевод «Номоканона». С 1828 г. в АМ хранилась рукопись XIX в. с копиями надписей средневековых армянских монастырей — Ахпата и Санаина, переданная в АМ К. Х. Бенкендорфом, а в 1837 г. АМ обогатилась небольшой (11 экземпляров), но ценной коллекцией армянских рукописей, ранее принадлежавших П. П. Сухтелену.

¹⁰ M. Brosset, Notice des manuscrits géorgiens envoyés en France par le prince Théimouraz, membre de la Société Asiatique, — Nouv. JA, 1833, t. 12, стр. 155—162; M. Brosset, Rapports sur les livres en langue de l'Osséthi, offerts à la Société par le prince Théimouraz, — JA, sér. 3, 1836, t. 1, стр. 202—205.

¹¹ «Catalogue de livres géorgiens tant imprimés que manuscrits, ancien et modernes», — Rec. d-act. 1837, Sl.-Pbg., 1838, стр. 119—178. В оригинале без дополнений М. Броссе каталог был опубликован позднее: 1) Список грузинских рукописей и старопечатных книг, хранившихся в библиотеке царевича Теймураза Георгиевича, — А. Цагарели, Сведения о памятниках грузинской письменности, вып. III, СПб., 1894, стр. 149—186. 2) Каталог библиотеки царевича Теймураза. Изд. С. Иорданишвили. Тбилиси, 1948. Авторграф хранится в собрании ЛО ИВ.

При энергичной поддержке со стороны Х. Д. Френа М. Броссе приступил к пополнению фондов. Научная база грузиноведения и арменистики создавалась не только по инициативе и личными трудами М. Броссе, но и при деятельнейшем участии грузинских, армянских и русских ученых, библиофилов и коллекционеров, дилетантов-чиновников и таких тружеников, как копиисты рукописей. Работа велась интенсивно и планомерно, в соответствии с научными замыслами первого ученого собирателя памятников письменности Армении и Грузии в АМ.

Большая часть грузинских рукописей была собрана в АМ за время деятельности М. Броссе. Это были коллекции библиофилов Петрэ Кебадзе и Георгия Авалишвили, поздние рукописи и книги Теймураза Багратиони, отдельные экземпляры и копии, снятые по заказу АМ. В итоге образовалось замечательное собрание, сохранившее научный интерес до наших дней.

Поскольку важнейшей задачей основоположников кавказоведения в АМ в 30—40-х годах было накопление оригинальных письменных источников об Армении и Грузии, то рукопись интересовала их прежде всего своим содержанием. В связи с этим в АМ было организовано копирование рукописей, находящихся в других хранилищах и в частных библиотеках Грузии и Армении, Петербурга и Москвы, Венеции и Парижа. Такая постановка дела потребовала немалых усилий и заняла несколько лет, но собрания армянских и грузинских рукописей пополнились списками, содержащими тексты первостепенной научной важности. Особое значение это имело для собрания армянских рукописей, которое вплоть до 1893 г. и состояло преимущественно из копий, но не меньшее значение имело и приобретение текстов грузинских исторических документов.

В рукописных коллекциях АМ будущие арменисты Петербурга получили серию трудов армянских историков-классиков VII—XVII вв. и средневековые надписи, а грузиноведы — также надписи и тексты во многих случаях уже утраченных подлинных документов XI—XIX вв. (копии с копий) общим числом свыше 700. В Петербурге для копирования рукописей были привлечены переводчик Азиатского департамента МИДа Георгий Майсурадзе, чиновник Иосиф Назаров и наборщик типографии АН Симон Табидзе. В Москве перепиской рукописей для АМ неоднократно занимался Петрэ Кебадзе, а документы копировал лексикограф Давид Чубинов. Из Грузии копии документов направлялись в АМ экзархом Евгением, историком Платоном Йоселиани и председателем Кавказской археографической комиссии А. П. Берже.

Копии снимались по заданию АН с экземпляров, хранившихся в Тифлисской синодальной конторе и в некоторых мо-

настырях Западной Грузии. Кроме того, Платон Иоселиани, археолог Дмитрий Мегвинетхуцесов (Мегвинетхуцишвили) и нумизмат М. Барагаев (Бараташвили), с которыми М. Броссе сотрудничал во время своего археологического путешествия в Грузию и Армению в 1847—1848 гг., посылали в АМ копии лично им принадлежавших документов. Копии грузинских надписей в АМ посылали историк П. Иоселиани, востоковед Н. В. Ханыков, археолог и нумизмат И. А. Бартоломей, тифлисский чиновник В. Ф. Переваленко, капитан А. Ф. Тшасковский и другие лица. Находясь в научной переписке с арменистом Ф. Коргановым, М. Броссе получил из Армении копии трудов армянских ученых О. Шахатуняна, О. Кримеци и А. Ерзнкянца, посвященные архитектурным памятникам Армении.

Для М. Броссе в первые годы его деятельности в АМ это были интереснейшие исторические источники, содержавшие большой эпиграфический материал, собранный в средневековых армянских монастырях. Помимо рукописей эпиграфического содержания при посредстве Ф. Корганова в АМ поступали и копии экземпляров, главным образом Эчмиадзинского хранилища, среди них труды армянских историков. Тогда же, в 40-х годах, по заказу М. Броссе в АМ высылались копии армянских рукописей из Венецианской конгрегации мхитаристов, из Парижской Национальной библиотеки и из Румянцевского музея в Москве. Помимо нарративных и документальных источников М. Броссе высоко ценил сведения колофонов и приписок к рукописям, поэтому из Венецианской конгрегации в АМ были присланы и копии колофонов.

Обладая недюжинными организаторскими способностями, глава первой русской научной школы кавказоведения сумел в течение первых пятнадцати лет своей деятельности в АМ создать первоклассное собрание памятников письменности, которое с годами пополнялось.

Некоторые грузинские и армянские рукописи, поступившие в АМ при жизни М. Броссе, и рукописи из его личной коллекции явились базой научной литературы того времени как источники для исследований и материалы для публикаций. В этом заключается их важная роль в истории русского кавказоведения.

Изучение все новых произведений грузинской литературы первым их исследователем в АМ немедленно находило отражение на страницах академических журналов и отдельных изданий. Используемые в научной литературе рукописи АМ способствовали не только развитию науки, но и ознакомлению представителей передовых кругов России с историей грузинского и армянского народа и достоянием их древней культуры. Романтический интерес к природе и быту Кавказа, возникший в России с присоединением к ней Грузии и в свя-

зи с длительной Кавказской войной, питался главным образом рассказами побывавших за Кавказским хребтом военных и чиновников и произведениями русской художественной прозы и поэзии. Представления об истории и культуре Грузии были поверхностны и смутны. В этом отношении характерна статья даже разносторонне образованного ориенталиста О. И. Сенковского «Некоторые сомнения касательно истории Грузинов» (1838)¹². Ответом на выводы О. И. Сенковского послужила статья М. Броссе, доложенная в том же году в АН¹³. Таким образом, рукописи АМ служили и для распространения научно обоснованных сведений о стране, присоединенной к Российской империи, что говорит об общественной роли деятельности АМ в области кавказоведения.

Авторитет АМ, как и личный авторитет его директора нумизмата Х. Д. Френа, а также М. Броссе, поощряли собирателей монет не менее, чем владельцев библиотек или собирателей документов и надписей. Поступления грузинских монет в коллекции музея начались в 1820 г., когда АМ приобрел 13 монет от московского нумизмата Шпревитца¹⁴. Первые армянские монеты поступили в АМ в 1833 и 1834 гг. от русского генерального консула в Генуе Гейдеkena¹⁵. В дальнейшем, с 1821 г., грузинская нумизматическая коллекция пополнялась регулярно и к приезду М. Броссе в 1837 г. насчитывала свыше 80 экземпляров. В результате деятельности М. Броссе коллекция в 1839 г. пополнилась 40 монетами. В 1842 г. грузинский нумизмат М. Баратаев передал в АМ гальванопластические копии отдельных экземпляров из своей личной коллекции¹⁶. Пополнение армянской коллекции АМ в эти годы шло значительно менее интенсивно; так, лишь в 1838 г. арменист А. Худобашев подарил музею шесть монет¹⁷.

Нумизматические и эпиграфические материалы привлекли исследовательский интерес М. Броссе еще в бытность его во Франции. Ряд его ранних работ посвящен описанию известных ему грузинских коллекций, публикации труда Т. Багратиони, наконец, исследованию монет. Значение нумизматических данных как исторических свидетельств в этот период уже вполне выясняется для М. Броссе. В дальнейшем нумизматика и в особенности эпиграфика занимают одно из центральных мест в его занятиях — их данными он проверяет

¹² «Библиотека для чтения», т. XXX, 1838, разд. III, стр. 151—172.

¹³ «Revue des antiquités géorgiennes», — Bull. sc., 1839, t. V, № 3, стлб. 35—48.

¹⁴ *Dogn. As. Mus.*, стр. 236.

¹⁵ Там же, стр. 433, 448.

¹⁶ Там же, стр. 86, 100.

¹⁷ Там же, стр. 81.

сведения летописей, уточняет датировки, устанавливает генеалогии. В силу этого активная деятельность на Кавказе М. Баратаева, Н. В. Ханькова, И. А. Бартоломея, И. И. Ходзько, В. Ф. Переваленко и ряда других лиц представляла для М. Броссе живейший интерес. Придавая письмам своих корреспондентов большое научное значение, М. Броссе неоднократно публиковал их до 1837 г. в Париже, а позднее — в изданиях АН. Так, в 1854 г. он издал со своими комментариями письма И. А. Бартоломея и ряд материалов по грузинской эпитафике, присланных ему в Петербург¹⁸. Это издание содержит важнейший материал, освещающий организацию и научные результаты изучения памятников материальной культуры Восточной и Юго-Восточной Грузии, Имеретии и Сванетии и одновременно связи АМ через посредство М. Броссе с учеными, работавшими на Кавказе. Комментарий М. Броссе к этому изданию отражает его личный опыт в области эпитафики, приобретенный за время пребывания в Грузии и Армении в конце 40-х годов¹⁹. Тщательнейшее ознакомление с памятниками письменности и материальной культуры Грузии и Армении позволило М. Броссе собрать материалы исключительной научной ценности.

В подробном описании, изложенном в форме двенадцати отчетов, содержится множество текстов грузинских и армянских надписей, сохранившихся на стенах монастырей, церквей и могильных плитах, описания рукописей и документов, характеристики лиц, с которыми М. Броссе встречался и беседовал, картины быта Армении и Грузии. Наиболее ценная часть отчетов относится к эпитафике. Уже в 1849 г. М. Броссе издает результаты работы грузинского археолога А. М. Мегвинетхуцесова, который в 1850 г. по заданию АМ и научной инструкции М. Броссе продолжал сбор эпитафических текстов в Грузии²⁰. Что касается армянской археологии, то помимо эпитафики М. Броссе уже в 60-х годах издает работу, выполненную по материалам Минаса Бжшкяна, Ю. Кестнера, Н. В. Ханькова, Г. В. Абиха²¹.

---

¹⁸ «Lettres de M. Bartholomaei, relatives aux antiquités géorgiennes», envoi de M. de colonel Khodzko; inscriptions d'Akhal-Kalak, par M. Pérevalenko. — Bull. hist.-phil., 1854, t. XI, № 16—17, стлб. 241—272; № 18—19, стлб. 273—299; 1855, № 7—8, стлб. 128.

¹⁹ «Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848 sous les auspices du prince Vorontzof, lieutenant du Caucase, par M. Brosset», Livr. 1—3, St.-Pbg., 1849—1851.

²⁰ «Inscriptions recueillies par M. Dimitri Méghwineth-Khoutzesischwili», — Bul. hist.-phil., 1849, t. VI, № 11, стлб. 164—176; № 12, стлб. 177—190; № 13—14, стлб. 219—222; «Instruction et itinéraire pour le voyage archéologique de M. Dimitri Méghwinethkhoutzesof», — Bull. hist.-phil., 1850, t. VII, № 1—2, стлб. 27—32.

²¹ «Ruines d'Ani, capitale de l'Arménie sous les rois Bagratides aux X-e et XI siècles; histoire et description», pt. 1—2, St.-Pbg., 1860—1861.

Свыше двадцати работ М. Броссе посвятил исследованию грузинских и армянских документов, в частности связанных со взаимоотношениями Грузии с Россией. Его работы, выполненные за время деятельности в АМ, освещали связи Грузии с Россией XVII—XVIII вв., период все большего сближения Грузии с Россией и обострения ее отношений с Ираном. Эти документы были обнаружены М. Броссе в московских архивах²².

Работа М. Броссе за время деятельности в АМ, будь то широко комментированное издание грузинских летописей и хроник с переводами²³ или издание серии трудов армянских историков²⁴, как и многие другие публикации и исследования М. Броссе, отражает его научные контакты с другими учеными и тем самым их косвенное участие в кавказоведной деятельности АМ. Так, при подготовке грузинских летописей М. Броссе, несомненно, консультировался с Теймуразом Багратиони (тем более что для критики текста тот предоставил ему свой экземпляр «Картлис цховреба»), в комментариях использовал переводы с восточных языков, сделанные для него Б. А. Дорном и И. Готвальдом; т. IV был подготовлен Д. Чубиновым. Серия трудов армянских историков, как и другие публикации армянских исторических сочинений, была подготовлена М. Броссе в самом тесном общении с арменистом К. П. Паткановым. В свою очередь переводы К. П. Патканова трудов Гевонда, Себеоса, Моисея Каланкатуйского, Аракела Тавризского и ряд других арменистических работ этого ученого были сделаны по совету М. Броссе и по его рекомендации изданы АН. Также по его рекомендации АН выпустила в свет ряд работ французского армениста В. Ланглуа, посвященных одна источникам «Истории Армении» Моисея Хоренского, остальные — отдельным вопросам и периодам истории Киликии. М. Броссе внес свой вклад и в уже подготовленный до его приезда в Россию грузинско-русско-французский словарь Давида Чубинова, в котором третью, латинскую часть М. Броссе заменил французской. Словарь был издан в 1840 г. АН и удостоен полной Демидовской премии. Как кавказовед, М. Броссе снабдил замечаниями и труд Б. А. Дорна «Каспий». Он работал в научном общении с П. И. Демезоном, Н. П. Кондаковым,

---

²² «Correspondance en grec des rois géorgiens du Cakhet avec la Russie, pendant le XVII siècle», — Bull. sc., 1842, t. IX. № 23—24, стлб. 349—380; 1842, t. X, № 7—8, стлб. 112—128. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. Под ред. и с предисл. на русск. и франц. яз. М. Броссе, СПб., 1861.

²³ «Histoire de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'au XIX-e siècle», t. 1—7, St.-Pbg., 1849—1857 (publ. et trad. par M. Brosset; t. IV publ. par D. Tchoubinof).

²⁴ «Collection d'historiens arméniens», t. I—II, St.-Pbg., 1874—1876.

П. И. Кеппенем, А. А. Куником и многими другими петербургскими учеными различных гуманитарных специальностей.

В АМ М. Броссе имел постоянную поддержку в лице Х. Д. Френа и Б. А. Дорна, вклад которых в развитие кавказоведения был также значителен. Х. Д. Френ каталогизировал армянские рукописи и не раз интересовался грузинскими, что видно из его приписок на переплетах. В 1836 г. он информировал М. Броссе о замечательной коллекции древних грузинских рукописей, принадлежавших Г. Авалишвили, отправив в Париж их перечень, который сохранился в собрании грузинских рукописей ЛО ИВ (Н 69). Х. Д. Френ был в курсе всех новейших армянских и грузинских нумизматических поступлений и изучал их совместно с Т. Багратиони и М. Броссе. В период с 1836 по 1838 г. Х. Д. Френ опубликовал три свои работы, связанные с кавказскими материалами²⁵.

Значительный вклад в развитие кавказоведения внес и Б. А. Дорн, совершивший в начале 60-х годов путешествие на Кавказ, подробный отчет о котором был представлен в специальной статье²⁶. Это путешествие принесло ему материалы, частично использованные в позднейшем фундаментальном труде²⁷. За рассматриваемый период истории кавказоведения в АМ Б. А. Дорн, более чем кто-либо из ученых, занимался проблемой Каспия и его южных областей. Подходя к изучению Кавказа как востоковед, Б. А. Дорн объективно обогатил новыми исследованиями и востоковедение, и кавказоведение, и историю России. Б. А. Дорн первый в АМ исследовал восточные источники в целях изучения областей и народов Кавказа, что необходимо отметить как важный этап в развитии кавказоведения в 40-х годах XIX вв.²⁸

Заслуги перед кавказоведением имел и востоковед Н. В. Ханыков, письма которого, посвященные надписям

---

²⁵ «Erklärung der arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelathi in Imerethi», — *Mém.*, sér. VI, t. III, 1836, стр. 531—546; «Ueber zwei Inschriften von Nachitschewan», — *Bull. sc.*, 1837, t. II, № 1, стлб. 14—16; «Ueber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi», — там же, 1838, t. IV, № 3, стлб. 33—45; № 4, стлб. 49—53.

²⁶ «Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meers», — *Bull. de l'Acad.*, t. IV, 1862, стлб. 344—393.

²⁷ «Каспий. О походах древних руссов в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря», СПб., 1875.

²⁸ «Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen», — *Bull. sc.*, 1840, t. VII, № 8—9, стлб. 101—104; *Mém.*, sér. VI, t. V, 1845, стр. 317—434; t. VI, 1844, стр. 325—443; *Bull. hist.-phil.*, 1844, t. I, № 3, стлб. 43—46; *Mém.*, sér. VI, t. VII, 1847, стр. 465—569.

средневековой столицы Армении Ани и окрестностей Баку, при содействии М. Броссе были изданы АН²⁹.

В лице историков П. Иоселиани и Д. Бакрадзе (1827—1890) М. Броссе имел многолетних и активных помощников. Письма П. Иоселиани содержат интереснейший материал по истории кавказоведения в АМ за период с 1838 по 1867 г. П. Иоселиани пропагандировал грузинскую историю и культуру, написав ряд работ на русском языке. Отметим, что к исследованию истории Грузии он привлек античные источники. Работы П. Иоселиани содержат материалы по истории, археологии и этнографии Грузии. П. Иоселиани был членом Одесского общества истории и древностей с 1848 г. и членом других ученых обществ. Д. З. Бакрадзе, историк и археолог, член-корр. Петербургской АН с 1879 г., внес в грузиноведение ряд ценных исследований, представляющих интерес и в наши дни. К ним относится описание Сванетии, «Кавказ в древних памятниках христианства» (1875), «Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре», изданное в 1878 г. АН. Д. З. Бакрадзе был постоянным членом Кавказской археологической комиссии, основателем Общества любителей кавказской археологии и одним из организаторов V всероссийского археологического съезда в Тифлисе (1881). Участие Д. З. Бакрадзе в деятельности АМ было плодотворно и несомненно сказалось на формировании интересов этого ученого.

Работая у себя на родине, а затем в сотрудничестве с АМ в Петербурге, многие ученые-кавказцы внесли свой вклад в развитие кавказоведения в России. Так, в частности, на раннем этапе кавказоведных исследований в АМ их свободное владение языками, знание памятников письменности, знакомство с методами уже сложившейся национальной филологии помогали петербургским исследователям в поисках и в изучении источников. Влияние их распространялось и шире.

До начала 80-х годов, т. е. в период деятельности М. Броссе, кавказоведение в АМ не вышло за пределы традиционного понимания истории народов Кавказа (Армении и Грузии).

Задачи соответствовали требованиям времени и подготовленности науки для их осуществления. М. Броссе был не только ученым-исследователем, но и организатором науки. Его интерес и внимание были сосредоточены на изучении двух народов, наследников древней культуры с развитой письменностью. Историческое прошлое бесписьменных народов Кавказа, их быт и язык не вошли в сферу его научных

²⁹ «Quelques inscriptions musulmanes d'Ani et des environs de Bakou, extrait d'une lettre de M. Khanikof», — Bull. hist.-phil., 1849, t. VI, № 13—14, стлб. 193—200.

интересов. Роль М. Броссе в АМ была прежде всего ролью первооткрывателя источников и подготовителя их комментированной публикации с переводами. Переводы М. Броссе с армянского языка были подвергнуты суровой критике его современником и сотрудником К. П. Паткановым³⁰, а с грузинского — М. Г. Джанашвили³¹. Однако, несмотря на отдельные погрешности, переводы М. Броссе заслуживают полного признания, так как они ввели новые источники в оборот европейской науки. Комментарии М. Броссе оставались преимущественно в рамках сопоставления данных исторических источников и дополнения их сведений, проверки дат и т. д., но и это было важнейшим этапом в изучении истории Грузии и Армении. За время деятельности М. Броссе были заложены основы вспомогательных исторических дисциплин — хронологии, палеографии, нумизматики, эпиграфики, сфрагистики. Понимание языка как исторического источника было делом будущего. Делом будущего было и понимание Кавказа как исторически сложившегося единого культурного целого. Важно то, что М. Броссе понимал единство культурного мира Армении и Грузии, как и самостоятельную роль Кавказа в истории мировой культуры. Н. Я. Марр справедливо оценил научную деятельность М. Броссе: «Для нас,— писал он,— Броссе еще особенно ценен как европейский ученый, впервые проложивший путь к признанию единства задач армянской и грузинской филологии. Эта черта ярко выступает во всех основных трудах Броссе»³². Но подлинная критика источников наступила позднее, с развитием востоковедения, с развитием исторической науки и всех ее дисциплин. Новатором в научном понимании истории и культуры народов Кавказа явился Н. Я. Марр. Однако новый этап в истории науки не может умалить значения прошлого. Реальное наследие первой школы гуманитарного кавказоведения послужило основанием для создания второй научной школы, которую возглавил Н. Я. Марр, преемственность их задач определяется вполне отчетливо.

* * *

Второй период в истории кавказоведения в АМ, охвативший свыше сорока лет, был временем почти полного затишья. Центр активной деятельности кавказоведов Петербурга во

---

³⁰ «Библиографический очерк армянской исторической литературы», СПб., 1880, стр. 17—18.

³¹ Вахушти, География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашвили, — ЗКОИРГО, вып. 5, 1904, кн. XXIV, стр. XVIII—XXIV.

³² «К столетию со дня рождения М. И. Броссе», — ЗВОРАО, XIV, 1902, стр. 073—078.

главе с Н. Я. Марром переместился из АМ на ФВЯ и ВОРАО. Роль АМ свелась к хранению грузинских и армянских рукописей, собрания которых (главным образом армянских) начиная с 1884 г. время от времени пополнялись. За исключением коллекции М. Броссе, поступившей в АМ в 1884 г. согласно его завещанию, все последующие приобретения рукописей происходили при участии и по рекомендации Н. Я. Марра. Сам Н. Я. Марр много работал над рукописями АМ еще в студенческие годы и позднее и по их материалам опубликовал несколько весьма ценных работ. К столетию АМ Н. Я. Марр подготовил статью «Кавказ», посвященную обзору армянских и грузинских рукописей и книг³³.

* * *

Важнейший, принципиально новый этап развития кавказоведения наступил после Великой Октябрьской социалистической революции, которая поставила исследования в этой области на службу народам Кавказа и Закавказья.

Понимание новых задач, вставших перед наукой, помогло Н. Я. Марру — главе советской школы кавказоведения — перейти к их практическому осуществлению. Выдающаяся по широте проблем научно-организационная работа Н. Я. Марра, его личное участие в деятельности многих научных и учебных учреждений и коллективов в Петрограде — Ленинграде, в Москве, на Кавказе и в Закавказье давали результаты большой практической важности. Составленные Н. Я. Марром «Записки» в связи с созданием в Тифлисе в 1917 г. Кавказского историко-археологического института (КИАИ) представляли собой широкую программу действий кавказоведения³⁴. Участие Н. Я. Марра в образованной в феврале 1917 г. при АН Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС) и организация работы по изучению и определению племенного состава Кавказа при КИАИ имели большое научное и практическое значение. Назовем такие работы Н. Я. Марра, как «Племенной состав населения Кавказа»³⁵, «Талыши»³⁶ и «Кавказские племенные названия и местные параллели»³⁷.

После Великой Октябрьской социалистической революции прямо или косвенно Н. Я. Марр принимал участие в большинстве мероприятий, связанных с организацией новых культурных центров в Грузии, Армении и Азербайджане и в созда-

³³ *Аз. Муз. Памятка*, стр. 91—99.

³⁴ *ИАН*, 1917, № 13, стр. 962—994, 1000—1006; 1918, № 14, стр. 1410—1411, 1472—1473. Отчеты о работе КИАИ (с 1931 г. — ЗИАИ) см. в отчетах о деятельности РАН — АН СССР с 1917 г.

³⁵ «Труды КИПС», т. 3, Пг., 1920.

³⁶ Там же, т. 4, Пг., 1922.

³⁷ Там же, т. 5, Пг., 1922.

нии первых национальных научно-исследовательских и краеведческих учреждений в этих республиках.

Изучение Кавказа и Закавказья в стенах АМ за время с 1917 по 1930 г. входило по давней традиции в круг задач отдела «Кавказ и Христианский Восток» IV Отделения АМ «Восточные рукописи и книги, печатанные на Востоке».

Единственным штатным сотрудником, исследователем кавказских материалов с 1924 г. был хранитель отдела А. Н. Генко. Изредка на договорных началах в работе отдела принимали участие К. Д. Дондуа, Р. М. Шаумян и А. А. Калантар. Работа сосредоточивалась на комплектовании библиотеки книгами на армянском, грузинском, а позднее — на северо-кавказских языках и специальной литературой по кавказоведению. Пополнялось и собрание рукописей. Над армянскими и в особенности над грузинскими рукописями много работал Н. Я. Марр, а также И. А. Орбели, Ю. Н. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Бенешевич, А. Г. Шанидзе, А. Н. Генко, К. Д. Дондуа и др.

Азиатский архив с его чрезвычайно интересными материалами по Кавказу также не оставался вне поля зрения ученых. Они работали над языковедческими исследованиями Р. Эрккерта, посвященными языкам Северного Кавказа; над анонимной рукописью по истории и географии Кавказа, в которой А. Н. Генко определил третью часть сочинения Броневского, считавшуюся утерянной; над русско-тушинским словарем и тушино-цовской грамматикой И. Цискарова и многими другими архивными материалами.

Таким образом, рукописи АМ продолжали служить источниками, однако начало их научному описанию было положено только в конце 20-х годов. Под руководством Н. Я. Марра А. А. Калантар составил описание 15 армянских рукописей, но работа эта вскоре прервалась. В 1935 г. Р. М. Шаумян описал 49 пергаменных фрагментов из коллекции К. Костяняна. Это описание, как и работа А. А. Калантара, сохранилось до настоящего времени.

С организацией ИВ в 1930 г. в его системе был создан Кавказский кабинет, а заведующим его назначен А. Н. Генко³⁸.

В 1931 г. в штат кабинета был принят первый сотрудник — А. Г. Башинджагян, которому была поручена работа над армянским книжным фондом. В продолжение этого же года на договорных началах обработкой грузинского книжного фонда занималась К. А. Ракитина, с января 1932 г. зачисленная в штат. В 1932 г. в состав кабинета временно вошел филолог К. Д. Дондуа, работавший над отдельными темами в области грузинской литературы; одновременно он

³⁸ Начиная с 1930 г. материалы о работе Кавказского кабинета хранятся в ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 под соответствующими номерами.

руководил работой К. А. Ракитиной. Таким образом, в организации работ по кабинету в первую очередь удалось обеспечить его работниками в библиотечной и библиографической части по армянскому и грузинскому языкам.

В начале 1934 г. в кабинет были приняты В. Д. Дондуа — по специальности история Грузии и Р. Р. Орбели — на место А. Г. Башинджагяна, поступившего в аспирантуру. На В. Д. Дондуа были возложены обязанности ученого секретаря кабинета.

Осенью 1935 г. по окончании аспирантуры в ГАИМК в состав кабинета вернулся А. Г. Башинджагян (специальность — история Армении), а по договору для обработки книжного азербайджанского фонда была привлечена З. Меликова.

В 1936 г. в состав кабинета был зачислен А. Гусейнзаде, работавший по истории Азербайджана, а также приглашен С. В. Тер-Аветисян — по археологии и истории Армении.

В 1938 г. сотрудником кабинета стал грузиновед Б. Т. Руденко, затем были приняты арменисты — литературовед С. Г. Арешян и историк А. Г. Галстян.

Осенью 1932 г. к кабинету были прикреплены аспиранты — один по истории народов Северного Кавказа (М. Андреева), другой — по истории армянской литературы (Р. Тер-Матевосян), но в конце 1933 г. они были отчислены ввиду недостаточной подготовленности по избранной специальности. Осенью 1935 г. к кабинету снова прикрепили аспирантов С. Т. Еремяна — по истории Армении и М. И. Ибрагимова — по истории азербайджанской литературы.

В результате роста числа сотрудников уже за первые шесть лет существования ИВ кабинету удалось развернуть и проделать значительную работу как в научной, так и научно-вспомогательной областях. Были обработаны большие книжные фонды на языках народов Закавказья и Северного Кавказа. Составление алфавитного и систематического каталогов и библиографий создало прочную базу для научной работы. Отстающим участком в этой области оставался Азербайджанский фонд.

Научная жизнь кабинета в значительной мере была направлена на выполнение ряда насущных задач новой, советской культуры в республиках Кавказа и Закавказья. Практически этим задачам служили работы в области кавказского языкознания, консультативная помощь и участие в жизни местных научных центров. Что же касается теоретических основ кавказоведных исследований, то работа кабинета опиралась на принципы армяно-грузинской филологии. Таким образом, предметом исследований кабинета должен был стать Кавказ в целом, сосредоточивший на сравнительно небольшом

пространстве множество языков и народов и по количеству объектов гуманитарного изучения представляющий единственный в своем роде район.

Естественно, что весь комплекс гуманитарных дисциплин не мог быть представлен в кабинете, но выполнение и более ограниченных задач требовало участия многих специалистов. Однако сложилось так, что научная работа по изучению народов Северного Кавказа и Дагестана велась в кабинете лишь одним сотрудником. По охвату материалов и продуктивности она могла соответствовать работе коллектива, но почти целиком сосредоточивалась в области лингвистики. Изучение истории северокавказских народностей, значение которой выходит далеко за пределы Кавказа, ограничивалось отдельными темами того же исследователя — А. Н. Генко. К середине 30-х годов назрел вопрос с необходимостью расширить изучение Северного Кавказа и разделить кабинет на два сектора (Закавказье и Северный Кавказ), но это организационное мероприятие, признанное очень важным, так и не было реализовано.

Руководитель кабинета был кавказоведом широкого диапазона. Классик и востоковед по образованию, ученик В. В. Бартольда, Н. Я. Марра и И. Ю. Крачковского, А. Н. Генко подошел к изучению Кавказа от классического мира, а к специальному исследованию северокавказских языков — от филологических исследований памятников письменности Грузии и Армении. Он был деятельным участником создания литературных языков и письменности для бесписьменных народов многоплеменного Кавказа.

А. Н. Генко работал на научном поприще более 20 лет, его литературное наследие насчитывает свыше 50 трудов. Вся его деятельность протекала после Великой Октябрьской социалистической революции и была связана с АМ — ИВ. Будучи в первую очередь и более всего лингвистом, А. Н. Генко в то же время занимался историей и этнографией, а также фольклором Кавказа; в ранние годы он изучал грузино-персидские литературные связи, несколько позднее исследовал древнегрузинские тексты по данным палеографии. Блестящее знание языков не только Кавказа и Закавказья, но и арабского, тюркских и иранских языков, а также многообразных источников открывали перед А. Н. Генко широкий круг тем. Сбор материалов на местах и участие в жизни местных культурных учреждений создавали ему живое представление о современном быте, духовных стремлениях и нуждах кавказских народов.

Труды Генко охватывают языкознание, историю Кавказа, этнографию Кавказа и армяно-грузинскую филологию. От специальных занятий армяно-грузинской филологией он впоследствии совсем отошел. Из работ в этой области отметим

статью «Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии»³⁹, входящую в круг исследований палимпсеста-билингвы с еврейским и грузинским текстами, над которыми работали также Р. Блейк, П. К. Коковцов, А. Г. Шанидзе. Исследование Генко, образцовое в филологическом и палеографическом отношениях, оказалось чрезвычайно ценным как для гебраистов, так и для грузиноведов.

Из работ Генко в области истории и истории культуры народов Кавказа необходимо отметить статью «Из культурного прошлого ингушей» и серию, посвященную арабским источникам. «Редко где проблема культурного смешения, в самом широком смысле слова,— писал он,— так резко выступает на первый план и приковывает к себе тотчас же исследовательское внимание, как на Кавказе: здесь заключен особый методологический интерес изучения кавказских народов»⁴⁰. Именно этот узел культурных смешений служил ему предметом исследований. Все эти исследования построены на широком привлечении греческих, арабских, турецких, армянских, грузинских, русских и других источников, на данных археологии (эпиграфика и архитектура, памятники материальной культуры), на сведениях нарративных и документальных источников, на материалах лексики, этнографии и фольклора изучаемых народов.

Чрезвычайную ценность представляют работы по исследованию и публикации арабозычных источников по истории Кавказа, проведенные Генко в тесном сотрудничестве с И. Ю. Крачковским. Это «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля»⁴¹ и «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии»⁴². Обобщение многих проблем и итогов исследований Генко в области арабских источников изложено им в статье «Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения Кавказа»⁴³. Эти работы ценны и для историков Кавказа и для арабистов. Новые фактические данные, извлеченные из публикуемых материалов и относящиеся непосредственно к эпохе мюридизма, широта поставленных вопросов и выводы, сделанные Генко, выдвигают две первые работы далеко за пределы узкой темы и задач комментария.

Сочетание исторической темы с лингвистической представляет работа Генко «О языке убыхов»⁴⁴, посвященная анали-

³⁹ ЗКВ, т. I, 1925, стр. 345—352.

⁴⁰ А. Н. Генко, Из культурного прошлого ингушей, — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 681.

⁴¹ ЗИВАН, т. II, 1933, стр. 21—36.

⁴² СВ, 1945, № 3, стр. 36—58.

⁴³ «Труды второй сессии Ассоциации арабистов», М.—Л., 1941, стр. 81—110.

⁴⁴ ИАН СССР, ОГН, 1928, № 3, стр. 227—242.

зу языка древнего кавказского народа. В данном случае мы встречаем характерный для Генко метод исследования, сформулированный им самим в следующих словах: «...в тех случаях, когда имеющиеся в нашем распоряжении источники (исторические) дают картину противоречивую и неясную, пользование фактами языков позволяет нам разрешить не один иными способами не разрешенный вопрос. Примером может служить разбор сведений, касающихся народности убыхов»⁴⁵.

Таким образом, факты языка для Генко — один из важнейших источников, служащих для выяснения фактов истории.

В равной мере Генко относил это и к методике этнографического исследования: язык изучаемого народа — важнейший источник этнографической информации⁴⁶. Большую ценность для характеристики его взглядов на этнографию Кавказа, на ее задачи и методы представляет статья «Задача этнографического изучения Кавказа»⁴⁷. Считая первейшей обязанностью этнографов дать правильную классификацию народов Кавказа, «составление... списка национальностей и пережиточных племенных или иных этнографических групп его населения»⁴⁸, Генко выдвигал этнографическое изучение Кавказа в качестве важного элемента социалистического культурного строительства. Он считал, что простое собирательство, взгляд на Кавказ как на «живую старину» должны быть заменены марксистско-ленинским, научным анализом общественной структуры народов Кавказа, усилением источниковедческой и особенно лингвистической работы.

Вся работа Генко в области лингвистики проводилась в Кавказском кабинете ИВ, занимавшем одно из ведущих мест среди новых центров кавказоведения, возникавших в национальных республиках и автономных областях Кавказа и Закавказья.

Как представитель кабинета, Генко был избран членом ЦК НА при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР. Практической грамматикой занимались главным образом на местах, но со временем выявилась необходимость разработать научные грамматики, прежде чем составлять практические и школьные. Потребовалась организационная и научная помощь центра, и в этой работе самое деятельное участие принял Кавказский кабинет ИВ. Сверх плана Генко выполнял

⁴⁵ Там же, стр. 228.

⁴⁶ Обратный пример: в своих лингвистических (а косвенно и в исторических) исследованиях Генко много занимался вопросами терминологии. Из специально разработанных им тем следует отметить тесно связанную с этнографией работу «О названии плуга в северокавказских языках» (ДАН-В, 1930, стр. 128—135).

⁴⁷ СЭ, 1936, № 4—5, стр. 6—20.

⁴⁸ Там же, стр. 12.

многочисленные работы по просьбам Дагестанского, Черкесского, Северокавказского и других институтов, особенно много было сделано им в Дагестане.

Среди лингвистических работ кабинета особое место заняла «Грамматика грузинского языка» грузиноведа-филолога Б. Т. Руденко, изданная в 1940 г.⁴⁹ Этот обширный труд, посвященный морфологии современного литературного языка с экскурсами в область синтаксиса, имел целью дать русскому читателю систематический курс грамматики грузинского языка как для теоретических изысканий, так и для практического изучения. В основу курса была положена диссертационная работа автора, написанная еще до поступления его в Кавказский кабинет, но значительно дополненная и законченная по плану ИВ. Наиболее разработанной автором частью речи оказался глагол (тема диссертации).

Грузинский язык — предмет, многосторонне изученный в лингвистике, особенно со времени появления так называемого нового учения о языке; однако его изучение продолжается и сейчас, в частности самими грузинскими исследователями. Труд Б. Т. Руденко — первая научная грамматика современного грузинского языка, изложенная на русском языке.

Руденко занимался не только языком, но и литературой грузинского народа. В течение нескольких лет он работал над подстрочным переводом грузинской версии сюжета о Бахрам-гуре. В 1941 г. перевод был закончен (ок. 20 печ. л.) и снабжен предисловием переводчика. В настоящее время часть этого подстрочника уже получила стихотворное переложение, сделанное А. И. Корсуном. Перевод публикует АН Грузинской ССР.

Еще до выхода в свет грамматики, в 1938 г. был издан перевод Руденко (частично переложение) грузинского романа XII в. «Висрамиани» — прозаической версии поэмы иранского поэта XI в. Гургани «Вис и Рамин»⁵⁰.

Перевод и издание «Висрамиани» были связаны с празднованием 750-летнего юбилея памятника мировой литературы — поэмы грузинского поэта XII в. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Три сотрудника кабинета — Б. Т. Руденко, А. Г. Кобахидзе и В. Д. Дондуа — внесли свой вклад в «Руставелиану» — литературу о поэме, об ее авторе, о его эпохе.

Тогда же Государственный Эрмитаж издал сборник «Памятники эпохи Руставели»⁵¹, в число авторов которого вхо-

⁴⁹ Б. Т. Руденко, Грамматика грузинского языка, М.—Л., 1940.

⁵⁰ «Висрамиани. Грузинский роман XII в. и персидская поэма XI в. Вис и Рамин, в изложении и переводах Б. Т. Руденко и М. М. Дьяконова», М.—Л., 1938.

⁵¹ «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938.

дил и сотрудник Кавказского кабинета, историк Грузии В. Д. Дондуа. В сборнике был опубликован перевод хроники «Жизнь царицы цариц Тамары», написанной ее бытописателем, так называемым вторым историком Тамары — Басили. Перевод вышел со вступительной статьей В. Д. Дондуа. Оригинал сочинения был обнаружен в уникальном экземпляре в 1923 г. И. А. Джавахишвили и издан им в 1945 г., т. е. много позднее русского перевода В. Д. Дондуа, сделанного по рукописи. Новый для науки исторический памятник значительно расширил фактические сведения о внутренней политической жизни Грузии и жизни грузинского царского двора эпохи Руставели, поэтому публикация его представила большой научный интерес.

Несколько статей (часть их была опубликована, а часть сохранилась в рукописях) написал А. Г. Кобахидзе: «Ленинградские архивные материалы о „Вепхисткаосани“»⁵², «Описание списков „Вепхисткаосани“ ленинградских архивохранилищ» (рукопись), «Гений грузинского народа»⁵³, «Переписка Теймураза Батонишвили с акад. Броссе в связи с необходимостью эманации текста „Вепхисткаосани“» (рукопись), «Замечание Георгия Авалишвили о „Вепхисткаосани“ в связи с первым академическим изданием 1841 г.» (рукопись). Большинство из них связано со списками поэмы Руставели собрания ИВ.

К этой же группе исследований принадлежит и работа грузиноведа-лингвиста и фольклориста И. В. Мегрелидзе, постоянно принимавшего участие в занятиях кабинета, особенно в юбилейный год Руставели. Статья И. В. Мегрелидзе «Шота Руставели и грузинский фольклор», доложенная на заседании литературной секции ИВ⁵⁴, по задачам, поставленным автором, примыкает к работе Б. Т. Руденко (его переводу «Висрамиани»), она также посвящена выявлению литературных источников поэмы Руставели, в данном случае народного творчества. В вопросе о происхождении сюжета поэмы И. В. Мегрелидзе придерживается мнения о его оригинальности, считая, однако, что Руставели несомненно использовал грузинские народные мотивы (сказки). Народные сказы цикла «Тариэлиани», так же как афоризмы, бытующие в грузинском фольклоре, автор считает заимствованием из письменного источника, любимой народом поэмы Руставели, заимствованием, получившим новую литературную обработку в устной традиции.

Историей Армении и Грузии занимались сотрудники кабинета В. Д. Дондуа и С. Т. Еремян; исследованием памятни-

⁵² «Коммунисти», Тбилиси, 1937, № 234 (на груз. яз.).

⁵³ «Смена», Л., 1937, № 294.

⁵⁴ СВ, 1940, № 1, стр. 112—146. В 1960 г. в Тбилиси вышла монография И. Мегрелидзе «Руставели и фольклор».

ков грузинской литературы — А. Г. Кобахидзе; с докладами по истории Азербайджана на заседаниях кабинета выступали И. П. Петрушевский и А. А. Али-заде.

Много внимания В. Д. Дондуа уделял выдающемуся памятнику грузинской литературы первой четверти XIX в. «Калмасоба, или Хождение по сбору» Иоанэ Багратиони. Сочинение, изложенное в форме дневника путешествия, содержит описание политической и социально-экономической жизни Грузии конца XVIII — первой четверти XIX в. Эта работа, выполнявшаяся В. Д. Дондуа по плану кабинета, была издана в Грузии только после окончания Великой Отечественной войны. В 1949 г. на грузинском языке вышло в свет второе исследование В. Д. Дондуа — «Калмасоба как бытовое явление старой Грузии». Это было продолжением работы, выполненной автором в кабинете.

Калмасоба, т. е. хождение по крестьянским дворам для поборов в пользу монастырей, рассматривается автором как один из способов организованного обложения деревни. В этой же связи В. Д. Дондуа была написана статья «К социально-экономической жизни средневековой Грузии по анийской надписи (1213) Епифания»⁵⁵, надписи, найденной и восстановленной Н. Я. Марром⁵⁶. Текст надписи отражает, по мнению В. Д. Дондуа, интересы демократических групп Ани и, рассказывая о конфликте, происшедшем между представителями церкви и народом в связи с церковными поборами, дает возможность поставить вопрос о месте народных движений в истории кризисов, пережитых христианской церковью в Закавказье.

В предпринятом АН многотомном издании «Очерков истории СССР» В. Д. Дондуа и историк-арменист С. Т. Еремян приняли активное участие: первый — в разделах, посвященных Грузии, второй — Армении.

С. Т. Еремян, прошедший научную школу в Армении и Грузии, ученик Я. А. Манандяна, С. В. Тер-Аветисяна, Л. М. Меликсет-Бека, начал свою работу в кабинете с краткого пребывания в аспирантуре и защиты кандидатской диссертации на тему «Грузия в эпоху марзпанства». Диссертация, снабженная серией исторических карт, была подготовлена в Армении и успешно защищена в ИВ. В лице С. Т. Еремяна кабинет приобрел молодого, но уже сложившегося ученого-армениста с широким кругозором, по существу историка Закавказья, хотя и с преобладанием в его работах арменистических тем.

Знакомство со специальной литературой с самого начала

⁵⁵ Сборник в честь Н. Я. Марра, Л., 1935, стр. 643—670.

⁵⁶ Н. Я. Марр, Надпись Епифания, католикоса Грузии, — ИИАН, 1910, стр. 1433—1442.

научной деятельности Еремяна сочеталось с обращением к первоисточникам. Прекрасное знание древнеармянского и грузинского языков открывало ему возможности свободного использования и толкования источников этих двух соседних народов. Восприняв традиции кавказоведной школы Н. Я. Марра, Еремян в своих историографических исследованиях сразу пошел путем широкого охвата исторических явлений кавказского мира в целом.

Особый интерес Еремян проявлял к исторической географии, что выразилось в составлении им многочисленных исторических карт. Из исследований, выполненных им за время работы в кабинете, отметим следующие: «Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу»⁵⁷, «Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов»⁵⁸ и «Проблема двуцарствия в грузинской историографии».

Первая из этих работ посвящена «Истории Албании» Моисея Каланкатуйского, первостепенному источнику для истории современного Азербайджана.

Источник, по мнению исследователей, представляет компиляцию двух трудов VII и X вв. Еремян на основании анализа текста и путем сличения его со сведениями других источников — античных, армянских, грузинских, арабских — устанавливает дату посольства албанских феодалов, отложившихся от халифата, к хазарскому хану с просьбой о покровительстве (684 г.), маршрут из Партава до Варачана (определяя его не как обычный торговый путь, а как «убежище для всех антиарабски настроенных элементов»), впоследствии (в XVI в.) представлявший интерес для Московского государства, топонимику целого ряда пунктов маршрута, действительное их расположение и другие вопросы.

Вторая работа — «Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов» — посвящена анализу «Пейтингеровой таблицы» — карты мира с дорожной сетью, составленной, как предполагается, римским географом IV в. Касторием.

В числе сотрудников Кавказского кабинета были К. А. Ракитина, А. Г. Башинджагян, Р. Р. Орбели, позднее А. Г. Галстян, С. Г. Арешян. Хотя большинство из них были научно-техническими работниками, но все они имели и самостоятельные темы научного характера⁵⁹.

---

⁵⁷ ЗКВ, т. VII, 1939, стр. 129—155.

⁵⁸ ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 79—97.

⁵⁹ К. А. Ракитина, постоянный помощник А. Н. Генко в составлении словарных карточек, имела тему «Исторические карты Северного Кавказа»; А. Г. Башинджагян собирал этнографические сведения из армянских источников; Р. Р. Орбели занималась армянским фольклором; А. Г. Галстян — историей Армении; С. Г. Арешян — армянской литературой, главным образом ее связями с русской.

С середины 1934 г. значительное место в жизни кабинета заняла созданная по его инициативе Ассоциация кавказоведов при ИВ. Такое творческое объединение научных сил Ленинграда, по образцу уже действовавших к этому времени ассоциаций арабистов и тюркологов, было признано своевременным и перспективным. Современное состояние кавказоведения, по мнению отдельных специалистов (среди них А. Н. Генко), в исследовательских институтах и в особенности в высшей школе значительно отставало от действительных научных потребностей, в частности Северного Кавказа и Дагестана.

Другие исследователи (в их числе А. Г. Башинджагян (ИЯМ) и В. Д. Дондуа) считали, что для работы в области языка, истории, фольклора и истории материальной культуры кавказоведная наука к 1934 г. располагала всеми возможностями для разработки этих дисциплин на прочной базе, созданной Н. Я. Марром и его школой. Как полагал И. И. Мещанинов, во главу угла всей работы ассоциации нужно было поставить изучение человека, а в дальнейшем, в целях большей полноты исследований, перейти к изучению производительных сил Кавказа.

Для взаимной информации и во избежание дублирования тематики одной из важнейших задач ассоциации было признано развитие контактов. В этом смысле особенно тесная связь должна была быть установлена с Закавказским филиалом Академии наук СССР и персонально с отдельными учеными.

Работой ассоциации руководило правление в составе: Н. Я. Марр (председатель), И. И. Мещанинов (заместитель председателя, позднее председатель), А. Г. Кобахидзе (секретарь); членами правления были избраны И. А. Орбели, А. Н. Генко и А. Г. Башинджагян.

Первое организационное заседание Ассоциации кавказоведов, на котором были обсуждены основные задачи ассоциации, принят ее устав и избрано правление, состоялось 8 мая 1934 г. К концу года ассоциация насчитывала свыше тридцати постоянных членов.

По роду научных занятий членов и гостей — участников заседаний — в ассоциации были представлены такие области, как лингвистика, история, фольклор, этнография, история материальной культуры и искусствоведение. В течение года ассоциация проводила пять-шесть заседаний. Из многих докладов, обсужденных ассоциацией за период с 1934 по 1941 г., назовем некоторые: Б. Т. Руденко «Функции использования глагольных основ „кп“ и „кмн“ в картвельских языках», А. Н. Генко «Глава из грамматики абазинского языка», Л. М. Меликсет-Бек «Севанская надпись от 874 г.», В. Д. Дондуа «Георгий Русский как политическая фигура в истории

Грузии», И. П. Петрушевский «О династии грузинских меликов в Южном Азербайджане в начале XIII в.», А. А. Али-заде «Налоги и способы их взимания при Хулагуидах» и др.

Полного осуществления намеченных задач ассоциация не достигла, но ее полезная роль заслужила общее признание. Информация о новейших, еще не опубликованных исследованиях, совместное обсуждение актуальных проблем изучения Кавказа, живые связи ленинградских кавказоведов между собой и с представителями ученого мира Кавказа и Закавказья, наконец, критика и рекомендация работ к печати — все это служило стимулом к развитию кавказоведной проблематики на базе ИВ.

С началом Великой Отечественной войны Кавказский кабинет имени Н. Я. Марра (с 1935 г.) и Ассоциация кавказоведов на долгие годы прекратили свою работу. Кабинет понес тяжелые утраты: погибли А. Н. Генко, Б. Т. Руденко и А. Г. Башинджагян. Некоторые сотрудники кабинета перешли на работу в научные учреждения Грузии и Армении.

На этом завершился третий период истории кавказоведения в АМ — ИВ. Он был недолгим, но творческим и принципиально новым как по задачам, поставленным перед кавказоведами, так и по результатам деятельности некоторых из них. Впервые в истории кавказоведения в АМ — ИВ научная работа на всех ее уровнях руководилась идеей практической полезности для изучаемых народов.

* * *

С возвращением ИВ в Ленинград в 1945 г. деятельность института возобновилась в привычной обстановке, но требовала безотлагательного восстановления нормальных условий работы всех его отделов.

Из числа прежних сотрудников Кавказского кабинета к работе в ИВ вернулась только Р. Р. Орбели. Кабинет был закрыт, и возобновление его деятельности в ближайшие годы не имело перспектив. Р. Р. Орбели была назначена хранителем грузинских и армянских рукописей и Архива востоковедов.

Положение кавказоведения в ИВ свелось к ситуации второго периода его истории: хранение рукописей, консультации и использование отдельных рукописей в качестве источников для исследований. Широкий приток научных работников из Грузии приводил в постоянное движение грузинский рукописный фонд. Ленинградские коллекции ИВ и ГПБ вызвали большой интерес грузиноведов, изучавших рукописи

самого разнообразного содержания, средневековые и нового времени.

Необходимость делить свои обязанности между собраниями кавказских рукописей и АВ тормозила работу Р. Р. Орбели над грузинскими и армянскими рукописями. Положение изменилось с организацией Сектора восточных рукописей ИВ, направившего работу большинства сотрудников на изучение и описание рукописных коллекций. Р. Р. Орбели, освобожденная от обязанностей по АВ, получила задание заняться описанием армянского и грузинского фондов. Первыми результатами ее работы было составление карточного каталога к армянским рукописям и сбор материалов по истории их собирания в ИВ, что послужило основой для статьи, опубликованной в УЗИВАН. Позднее, в итоге аналогичной работы, ею была написана статья, посвященная собранию грузинских рукописей ИВ, вслед за чем Р. Р. Орбели приступила к полному описанию грузинских рукописей, в настоящее время завершенному⁶⁰.

Организация ЛО ИВ, которое возглавил И. А. Орбели, открыла перед кавказоведением широкие перспективы. В конце 1958 г. Кавказский кабинет был восстановлен и начал свою работу под руководством И. А. Орбели. В штат были приняты историк-медиевист, арменист и византолог К. Н. Юзбашян и лингвист-тюрколог, специалист по азербайджанскому языку А. П. Векилов. Сотрудником кабинета стала и Р. Р. Орбели. Позднее, в конце 1960 г., в штат был принят историк-медиевист, грузиновед С. С. Какабадзе.

Уже первые шаги в подборе кадров кабинета, предпринятые И. А. Орбели, характеризуют направление, которое он предполагал придать его работе. В кабинете должны были быть представлены историки и филологи для изучения отдельных проблем истории народов Закавказья, их языков и письменности, их культуры. В будущем И. А. Орбели имел в виду укрепить штаты кабинета для работы в области арменистики и грузиноведения.

И как ученик Н. Я. Марра и на основании своих личных исследований И. А. Орбели не представлял себе Кавказ вне его связей, исторических и культурных. Дальнейшая работа кабинета, как он полагал, отнюдь не исключала исследования истории и культуры Северного Кавказа, Дагестана и Азербайджана, но рассмотрение этих вопросов предполагалось в свете комплексного изучения истории культуры всех народов Кавказа. Основным направлением было намечено

---

⁶⁰ «Собрание армянских рукописей Института востоковедения», — УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 104—130; «Собрание грузинских рукописей Института востоковедения», — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 30—66; «Грузинские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР», вып. 1, М.—Л., 1956.

изучение Армении и Грузии, их связи с Кавказом, с Востоком и с Западом, в зависимости от темы исследования. Имея в виду, что в прошлом кабинет носил имя Н. Я. Марра, И. А. Орбели хотел направить кабинет по пути лучших традиций его научной школы.

Естественно, что современное развитие науки в советских республиках Закавказья — Грузии, Армении, Азербайджане — и на Кавказе изменило традиционное содержание кавказоведения как исторически сложившейся комплексной дисциплины. На фоне региональной дифференциации, объема и важности исследований, которые проводятся большими коллективами ученых в республиканских АН и в других научных учреждениях, казалось бы, что старое кавказоведение теряет свою жизненность и уходит в область истории. Однако это не совсем так. Отдельные проблемы истории и культуры Кавказа и Закавказья еще могут потребовать своего решения путем комплексного рассмотрения.

Не ставя себе задачей возродить кавказоведение в ИВ в его прежнем объеме, И. А. Орбели считал закономерным включение проблем кавказоведения в проблематику востоковедных дисциплин.

В научных кругах Армении и Грузии, Азербайджана, Дагестана и Северного Кавказа инициатива И. А. Орбели была встречена с полным признанием ее значения.

Кончина руководителя кабинета не приостановила начатой работы. Направление было дано и должно было развиваться. Правда, немногие силы нуждались в поддержке. Основными сотрудниками кабинета остались лишь Р. Р. Орбели, К. Н. Юзбашян и С. С. Какабадзе (специалист по Азербайджану А. П. Векилов перешел на работу в ЛГУ).

К концу 1961 г. было начато издание избранных трудов И. А. Орбели, и руководство ЛО ИНА поручило Кавказскому кабинету принять участие в подготовке их к печати. С этих пор ответственный редактор издания К. В. Тревер фактически стала постоянным членом кабинета. Помещенный на временное хранение в кабинет архив И. А. Орбели требовал разбора, и в помощь ответственному редактору в штат кабинета была зачислена Э. С. Русинова. Заведующей кабинетом назначили Р. Р. Орбели.

Помимо научного архива кабинет стал хранителем мемориальных библиотек Н. Я. Марра и И. А. Орбели.

С 1961 г. по настоящее время работа кабинета сложилась в трех направлениях: выполнение плановых тем сотрудников, подготовка трудов И. А. Орбели к изданию и занятия семинара кавказоведов, организованного при кабинете в конце 1963 г.

Научная работа сотрудников кабинета прежде всего тесно связана с описанием рукописных коллекций, с изучением и

публикацией памятников письменности. На данном этапе работы источниковедение занимает основное место в занятиях кавказоведов ЛО ИВ. Многие из тем, уже выполненных или намеченных ими на будущее, в той или иной мере связаны с исследованием рукописей как ЛО ИВ, так и других хранилищ на базе предварительного палеографического и текстологического анализа. Социально-экономическая история Армении и Грузии и их историко-культурные связи с Востоком и Византией занимают не менее важное место в интересах и исследованиях двух медиевистов, в силу чего их внимание сосредоточено на памятниках исторического содержания. Оба историка, К. Н. Юзбашян и С. С. Какабадзе, за время работы в кабинете опубликовали и подготовили к печати ряд статей, а также большие работы. К. Н. Юзбашян, посвятивший несколько лет исследованию и переводу на русский язык «Повествования» армянского историка XI в. Аристаке́са Ластивертци, опубликовал оригинальный текст «Повествования» и комментированный его перевод⁶¹. Из изданных работ К. Н. Юзбашяна необходимо отметить и составленную им научную биографию И. А. Орбели, которая по широте охвата материала представляет интересную главу из истории русского и советского востоковедения⁶². К. Н. Юзбашян завершил свою работу по описанию армянских рукописей, по окончании которой приступит к монографии «Армения и Византия в XI в.». Кроме того, К. Н. Юзбашян руководил прикомандированной к ЛО ИВ аспиранткой Ф. Мамедовой, изучающей социально-экономическую историю Кавказской Албании (по армянским источникам).

С. С. Какабадзе в 1967 г. издал работу о грузинских документах ИВ, содержащую помимо описания рукописей вступительную статью и публикацию образцов грузинского документа в русском переводе⁶³. Значительное место в работе С. С. Какабадзе за последние годы заняла подготовка нового критического текста начальной части основного свода грузинских летописей «Картлис цховреба» с исследованием, комментарием и русским переводом. Русский перевод летописей сделан впервые. В настоящее время С. С. Какабадзе приступил к новой работе по грузинскому источниковедению и грузинской дипломатике.

Р. Р. Орбели, опубликовавшая и подготовившая ряд статей источниковедческого и историко-литературного характера, связанных главным образом с описанным ею ранее собранием грузинских рукописей ИВ, работает в настоящее время над

⁶¹ «Повествование Аристаке́са Ластивертци», Ереван, 1963 (на арм. яз.); «Повествование Аристаке́са Ластивертци», М., 1968.

⁶² «Академик Иосиф Абгарович Орбели», М., 1964.

⁶³ «Грузинские документы Института народов Азии АН СССР», М., 1967.

темой «Очерки грузинской литературы XVIII в. в ее связях с русской и западноевропейскими литературами».

В начале 1967 г. вышел в свет том I избранных трудов И. А. Орбели, подготовленный к печати К. В. Тревер и А. Л. Якобсоном при участии К. Н. Юзбашяна. Том содержит два обширных труда И. А. Орбели: «Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар» и «Басни средневековой Армении»⁶⁴. Том II — «Из истории культуры армянского и курдского народов» — находится в издательстве. Подготовку его осуществили Р. Р. Орбели и группа сотрудников Курдского кабинета ЛО ИВ — К. К. Курдоев, И. И. Цукерман, Ж. С. Мусаэлян, М. Б. Руденко и Е. И. Васильева. Ответственный редактор К. В. Тревер. Том содержит армянский и курдский словари мокского наречия и другие материалы лингвистического и историко-этнографического характера.

Работа кабинета протекает в постоянном общении с широким кругом специалистов в области изучения Кавказа. Прежде всего кабинет поддерживает связи с институтами АН Азербайджана, Грузии и Армении, Северного Кавказа и Дагестана, с университетами и сотрудниками республиканских педагогических институтов. Совместное обсуждение отдельных работ гостей кабинета и его сотрудников, участие кавказских ученых в научных заседаниях кабинета и постановка их докладов, научная переписка, рецензии — все это прочно вошло в жизненный обиход кабинета. Тесные связи кабинет имеет и с ленинградскими кавказоведами ЛГУ, Эрмитажа, Института этнографии АН, Музея этнографии народов СССР и других учреждений.

В конце 1963 г. при кабинете было организовано творческое объединение кавказоведов по образцу ассоциации, действовавшей в ИВ до Великой Отечественной войны, но названное семинаром. Семинар объединил специалистов, ведущих в Ленинграде исследовательскую работу в области истории, археологии, этнографии, литературы, искусства и языков народов Кавказа, и поставил своей задачей способствовать разработке проблем кавказоведения, обсуждению работ по специальностям и взаимную информацию. На заседаниях семинара читаются доклады, сообщения и рецензии, посвященные как общим, так и частным проблемам кавказоведения. В состав бюро семинара были избраны К. В. Тревер, Н. В. Пигулевская, Б. Б. Пиотровский, Л. И. Лавров, Е. Н. Студенецкая, Р. Р. Орбели, Р. А. Гусейнов, А. З. Абрамишвили, К. А. Ракитина, В. Б. Блэк, А. П. Векилов. Семинар творчески объединил рассеянных в разных ленинград-

⁶⁴ «Избранные труды в двух томах, т. I. Из истории культуры и искусства Армении X—XIII вв.», М., 1968.

ских учреждениях кавказоведов и оправдал свое назначение⁶⁵.

С 1961 г. по настоящее время кабинет, иногда совместно с группой ленинградских византистов, с Восточным отделом Эрмитажа и Семинаром кавказоведов, провел много научных заседаний и несколько сессий. Начиная с 1962 г. кабинет ежегодно проводит сессию, посвященную памяти И. А. Орбели⁶⁶; в декабре 1964 г. в связи со 100-летием со дня рождения Н. Я. Марра кабинет организовал сессию с широким участием ученых Кавказа и Закавказья⁶⁷.

В дальнейшем сотрудники кабинета предполагают продолжать изучение Кавказа в целом, в области истории и истории культуры.

---

⁶⁵ Отчеты о некоторых сессиях и заседаниях, составленные Н. В. Елисеевой, — НАА, 1964, № 4, стр. 266; 1965, № 5, стр. 250; 1966, № 2, стр. 247; 1966, № 4, стр. 290; 1967, № 3, стр. 219—220.

⁶⁶ Э. С. Русинова, 75-летие со дня рождения И. А. Орбели, — НАА, 1962, № 5, стр. 226—228.

⁶⁷ Р. Р. Орбели, Памяти Н. Я. Марра (К столетию со дня рождения. 1864—1934), — ПС, вып. 13(76), 1965, стр. 189—196 (с отчетом о сессии).

Египтология

Египтология, хотя и давно причисленная к востоковедным дисциплинам, не входила в проблематику АМ, концентрировавшего свои интересы главным образом на средневековом Востоке. Даже когда в 1883 г. в штат музея был принят египтолог О. Э. Лемм¹, ему по просьбе директора К. Г. Залема-на пришлось заняться изучением средневекового (коптского) Египта. То немногое, что Лемм успел опубликовать по египтологии, не было связано с его работой в АМ.

Между тем литературу по египтологии и коптологии музей комплектовал главным образом благодаря стараниям О. Э. Лемма, а когда уже после революции книжное собрание АМ пополнилось личными библиотеками покойных О. Э. Лемма и Б. А. Тураева, его египтологический раздел можно было прямо назвать богатым. Еще и теперь собрание египтологической литературы ЛО ИВ — одно из самых полных в нашей стране.

Как египтолог, О. Э. Лемм интересовался религией древнего Египта, в особенности культом главного божества египетского пантеона Амуна. Ритуалу Амуна и была посвящена его диссертация².

В 1883—1893 гг. Лемм издал две хрестоматии древнеегипетских текстов³, которыми пользовалось не одно поколение египтологов как в России, так и за рубежом.

В дальнейшей работе Лемм обратился еще раз к египет-

¹ Обзор египтологического наследия Лемма: Т. Н. Козьмина-Бороздина, Развитие египтологии в России, — НВ, кн. 3, 1923, стр. 350—351.

² O. v. Lemm, Studien zum Ritualbuch des Ammondienstes, Leipzig, 1882; Das Ritualbuch des Ammondienstes, Leipzig, 1882; ср. также: его же. Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzündens, — AZ, 25, 1887, стр. 113—116.

³ O. v. Lemm, Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und Privatstudium, Leipzig, 1888; Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Petropolitanae, Petropolis, 1890.

ской тематике, исследуя истоки известной легенды об Илари, дочери императора Зенона⁴. Хотя легенда дошла до нас на коптском языке, но это еще не значило, что она возникла в коптской среде. Поэтому Лемм пытался обосновать ее местное коптское происхождение чисто египетским характером сюжета, сравнивая легенду об Илари с еще более древней — о царице Бнт-рш (текст на плите в Парижской Национальной библиотеке). Поскольку коптская литература большей частью переводная, выявление оригинальных коптских произведений представляет исключительный интерес. Не удивительно, что статьей О. Э. Лемма об Илари заинтересовались чрезвычайно⁵. Однако сюжетная параллель, на которой настаивал Лемм, слишком поверхностна, чтобы служить обоснованием для такого ответственного вывода. Новый издатель текста легенды об Илари, К. Дрешер, после тщательного разбора вообще отвергает гипотезу Лемма, оставляя открытым вопрос о происхождении легенды⁶.

Но если и не велик личный вклад Лемма в египтологию, для этой науки он сделал много. Он первый начал преподавание египетского языка в России, и к нему в конечном счете восходит египтологическая традиция в нашей стране⁷.

В 1918 г. в АМ были приняты научные сотрудники Н. М. Алексеева (египтолог) и П. В. Ернштедт (коптолог)⁸. В их обязанности входила работа в библиотеке музея. Именно тогда в АМ влились библиотеки О. Э. Лемма и Б. А. Тураева. В начале 20-х годов стали заполняться пробелы в собраниях востоковедной литературы, вызванные империалистической и гражданской войнами. Н. М. Алексеева вскоре должна была по семейным обстоятельствам оставить АМ. П. В. Ернштедт до 1935 г. продолжал работать в библиотеке, а затем в Рукописном фонде АМ.

---

⁴ O. v. Lemm, Die Geschichte von der Prinzessin Bentreš und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern, — Bull. de l'Acad., t. XXXII, 1888, стр. 473—476.

⁵ Ср., например, A. J. Wensinck, Legends of Eastern Saints II. The Legend of Hilaria, Leyden, 1913 (обзор этой работы: А. Коцевовский, Coptica 1912—1915, — XV, 4, 1916, стр. 209).

⁶ K. Drescher, Three Coptic Legends, Le Caire, 1947, стр. 121 и сл.

⁷ О преподавательской деятельности О. Э. Лемма см.: О. Д. Берлев и Р. А. Грибов, Египтология и ассириология в Ленинградском университете, — УЗЛУ, 1960, № 236, стр. 162—163. Характеристику современной О. Э. Лемму египтологии в России см. в следующих работах: Т. Н. Козьмина-Бороздина, Развитие египтологии; А. В. Шмидт, Развитие египтологии в России, — НиР, 1922, № 3—4, стр. 16—20; В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира, ч. I, — «Восток», Пг., 1923, стр. 102—105; Е. Кагаров, Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1915, стр. 98—101; Б. А. Тураев, Классический Восток, I, Л., 1924, стр. 80—103 (добавления редакторов издания В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер).

⁸ Аз. Муз. Памятка, стр. 114.

На редкость разносторонний в своих интересах и прекрасно подготовленный для занятий в целом ряде отраслей востоковедения, и не только востоковедения, П. В. Эрнштедт в 1918 г. только выбирал направление дальнейшей ученой деятельности. Обстоятельства складывались так, что ему пришлось сосредоточиться на изучении среднегреческого языка, в особенности на исследовании языка папирусов Византийского Египта. Отсюда начался углубленный интерес к коптскому языку как влияющему на греческий язык Египта.

В 1913—1916 гг. П. В. Эрнштедт занимался коптским языком у Б. А. Тураева, однако тогдашняя разработанность коптской грамматики настолько его не удовлетворяла, что он сам принялся за исследование. Поступление в востоковедное учреждение закрепило эту тематику, и таким образом с 1918 по 1950 г. П. В. Эрнштедт работал как коптолог. Его грамматические работы, вскрывающие важнейшие закономерности коптского языка, представляют большой интерес для египтологии, так как коптский, собственно поздний древнеегипетский язык занимает вообще в силу ряда причин (письмо, адекватно передающее звуковой состав языка, точнейшие переводы текстов с греческого, выявляющие самые тонкие грамматические и лексические оттенки) исключительное положение в египетской филологии.

В 20-е годы при АМ функционировала КВ, на заседаниях которой ставились и египтологические доклады. В ее печатном органе — «Записках» многие из этих докладов напечатаны⁹.

В 1937 г. в ИВ образовался Кабинет древнего и средневекового Востока, возглавлявшийся В. В. Струве¹⁰. Египтология в этом кабинете была представлена только акад. В. В. Струве, но и он в те годы уже отходил от этой науки, в которой ему удалось сделать так много. Развернувшиеся в начале 30-х годов дискуссии о способе производства на древнем Востоке не только заставляли его углубленно изучать разные общества древнего Востока, но и принуждали сосредоточиться на материалах Двуречья преимущественно, ибо там

---

⁹ ЗКВ, I, 1925: В. В. Струве, Papyrus 1116В recto и пророческая литература древнего Египта, стр. 209—227 (ср.: В. В. Струве, По поводу статьи о папирусе 1116В,—ЗКВ, II, 1927, стр. 405—406); ЗКВ, II 1927: Н. А. Мещерский, К переводу «Беседы разочарованного со своим духом», стр. 365—372; ЗКВ, III, 1928: И. Г. Франк-Каменецкий, Религиозный синкретизм в Египте в Фиванский период, стр. 1—62; В. В. Струве, Манефон и его время, гл. I, стр. 109—220; Д. А. Ольдерогге, Управитель бурга, стр. 384—394; ЗКВ, IV, 1930; М. Э. Матье, Формула m-гп.к, стр. 33—50; И. М. Лурье, К вопросу о судебных оракулах в древнем Египте, стр. 51—73; В. В. Струве, Манефон и его время, гл. II, стр. 158—267.

¹⁰ См.: В. В. Струве, Х. И. Муратов, В. И. Кальянов, Институт востоковедения, — ВАН, 1937, 10—11, стр. 272.

сохранились в удивительном многообразии документы хозяйственной отчетности.

Все же и в конце 30-х годов, после перехода на работу в ИВ, В. В. Струве продолжает публиковать работы по египтологии. Выходят в свет заключительные части завершенной им еще в 1928 г. диссертации о Манефоне, в которых он попытался реконструировать хронологическую концепцию этого историка и замечательный список египетских царей, который дошел до нас со значительными искажениями в трудах ряда эксцерпторов Манефона¹¹.

Тогда же В. В. Струве публикует и результаты своих исследований по арамейским папирусам, оставленным иудейской колонией на о-ве Элефантина (эпоха XXVII египетской династии)¹².

Значительным событием в отечественной египтологии явилось предпринятое В. В. Струве и И. Л. Снегиревым в 1935 г. переиздание замечательного труда Б. А. Тураева «История древнего Востока»¹³.

Впервые египтологическая группа в Кабинете истории древнего Востока складывается только в 40-е годы. В 1942 г. в ИВ поступает В. И. Евгенова. В 1943 г. решением Президиума АН в ИВ переводятся из ИИ М. А. Коростовцев и Ю. Я. Перепелкин. В 1948 г. из ИЯМ в ИВ переходит И. Г. Лившиц, во время эвакуации в Ташкенте прикомандированный к ИВ. Наконец, в 1948 г. аспирантом по египтологии при ИВ стал Н. С. Петровский. Эта египтологическая группа просуществовала недолго.

В 1950 г. институт в Ленинграде был преобразован в Сектор восточных рукописей при ИВ. Последовало значительное сокращение штатов, задевшее особенно сильно египтологию, не имевшую рукописной базы в секторе. Однако и за такой короткий срок египтологи — сотрудники ИВ сумели

---

¹¹ В. В. Струве, Хронология Манефона и периоды Сотиса, — «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937, стр. 19—66; его же, Подлинный манефонский список царей Египта и хронология Нового царства, — УЗЛУГ, № 78, СИН, 1941, стр. 63—81; то же, — ВДИ, 1946, № 4, стр. 9—25.

¹² В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., — ВДИ, 1938, № 4, стр. 99—119.

¹³ О египтологии в Советском Союзе в 20—30-х годах см.: В. В. Струве, Советская наука о древнем Востоке в период 1917—1932 гг., — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9—10, стр. 27—29; «Итоги работ по истории древнего Востока в СССР за 20 лет», — ИАН СССР, ООН, 1937, № 5, стр. 1125—1132; «Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.», — ВДИ, 1938, № 1, стр. 13—22; «Проблемы истории древнего Востока в советской историографии», — ВДИ, 1947, № 3, стр. 17—41; «Библиография древнего Востока. Египет», — СКИДВ, 1935, № 2, стр. 59—65; В. И. Авдиев, Советская наука о древнем Востоке за 40 лет, М., 1958; Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959), М., 1961.

сделать значительный и интересный вклад в нашу науку, возрождающуюся после военных потерь и утрат¹⁴.

В. И. Евгенова продолжала начатые еще в 30-х годах занятия Ливийским Египтом¹⁵. Ей удалось показать, что уже в X—IX вв. до н. э. в Египте складывается денежное хозяйство. К сожалению, ее доклад, прочитанный на заседании кабинета, так и остался неопубликованным¹⁶. Большой интерес представляет открытие В. И. Евгеновой законодательной цитаты в надписи на статуе № 42208 Каирского музея. Независимо от нее эту же цитату позже заметили В. Хелк и Э. Отто, их наблюдение вызвало всеобщий интерес¹⁷. Цитата раскрывает характер египетского права, основывающегося на непосредственных решениях фараона по тому или иному случаю или на прецеденте такого решения. В конце 40-х годов В. И. Евгенова занималась изучением зависимых людей в Египте эпохи Среднего царства. В докладе, прочитанном на заседании кабинета в 1950 г., она показывала, насколько распространено было использование труда зависимого населения в частных хозяйствах. К сожалению, и эта интересная работа В. И. Евгеновой осталась незавершенной и неопубликованной.

Академик В. В. Струве, бывший в то время директором ИВ и заведующим Кабинетом древнего и средневекового Востока, историей Египта уже не занимался. Во время эвакуации имевшаяся в распоряжении ученого литература заставила обратить внимание на изучение империи Ахеменидов. В известной мере новая тема соприкасалась с давними интересами В. В. Струве к позднему Египту, о которых нам уже приходилось говорить. Из серии работ по этой теме, вообще небезынтесной для историка позднего Египта, непосредственно египтологии касается его исследование о восстании в Египте при Дарии I, как оно описано в надписи на статуе знаменитого Вдж'-хрв-рс-нт, любимца персидских царей¹⁸.

М. А. Коростовцев в 1943 г. уехал в Египет как корреспондент ТАСС. Напряженная журналистская работа не мешала ему уделить внимание египтологии. Он публикует в журналах французского института восточной археологии и

¹⁴ О Кабинете древнего Востока в послевоенный период см.: И. Д. А м у с и н, Сектор древнего и раннесредневекового Востока ИВАН, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 164—167. О советской египтологии в этот период см.: В. В. Струве, Проблемы истории древнего Востока, стр. 17—41; В. И. Авдиев, Советская наука; Н. М. П о с т о в с к а я, Изучение древней истории.

¹⁵ В. И. Евгенова, О меновых отношениях ливийского времени в древнем Египте, — УЗЛУГ, № 78, СИН, вып. 9, 1941, стр. 3—21.

¹⁶ Об этом докладе мне сообщил Ю. Я. Перепелкин.

¹⁷ В. И. Евгенова, Законодательная цитата в памятнике XXII династии, — СВ, VI, 1949, стр. 438—442; W. Helk, E. Otto, Kleines Wörterbuch der Ägyptologie, Wiesbaden, 1956, стр. 296.

¹⁸ В. В. Струве, Восстание в Египте в первый год царствования Дария I, — ПС, I, 1954, стр. 7—13.

египетского института в Каире статьи по египетскому иероглифическому письму, египетским памятникам, переиздает важную надпись Рамсеса IV¹⁹. Библиотека ИВ обязана ему присылкой ряда изданий по египтологии.

Ю. Я. Перепелкин еще в Ташкенте продолжал изучение эпохи фараона-солнцопоклонника Эхнейота (традиционная неверная передача — Эхнатон). Поразительное знание материала позволило ему и в эвакуации, без специальных библиотек и справочного аппарата, завершить в значительной мере исследование о перевороте, произведенном в начале XIV в. до н. э. Эхнейотом. Окончательно рукопись исследования была завершена Ю. Я. Перепелкиным уже в Ленинграде, но книга так и не увидела тогда света.

По заданию дирекции в 1945—1946 гг. Ю. Я. Перепелкин был включен в коллектив авторов планировавшейся в то время «Всемирной истории». Но вскоре планы эти были оставлены, и Ю. Я. Перепелкин должен был переключиться на новую тему, исключительно важную для египтологии вообще, а для советской исторической науки в особенности, — изучение производственных отношений в Египте эпохи Старого царства. Но и то, что было написано Ю. Я. Перепелкиным для неосуществившегося издания «Всемирной истории», представляет большой интерес, и можно только пожалеть, что получившееся таким образом небольшое самостоятельное исследование «Раннее царство в Египте» до сих пор не опубликовано, хотя и закончено. Между тем там раскрывается становление классового общества, государственного аппарата в Египте и египетской культуры.

Однако основное внимание в конце 40-х годов Ю. Я. Перепелкин уделяет изучению общества и хозяйства Старого царства. К 1951 г. (в конце этого года Ю. Я. Перепелкин был переведен в ЛОИИ с переменной темы исследования) им была уже написана значительная часть монографии. Опубликованная им в 1949 г. интересная статья о меновых отношениях в Египте эпохи Старого царства была еще дополнена изданной в 1959 г. статьей о древнеегипетских деньгах²⁰. Обе работы раскрывают нам такие стороны египетской действительности, которые необычайно глухо отражены в дошедших до нас памятниках. Собирая по крупицам из самых разнообразных источников сведения о торговле и обмене, Ю. Я. Пере-

---

¹⁹ М. А. Korostovtsev, L'hiéroglyphe pour 10.000, — BIFAO, 45, 1947, стр. 81—82; «La main dans l'écriture et la langue de l'Égypte ancienne», — BIE, 28, 1948, стр. 1—10; «Stele de Ramses IV», — BIFAO, 45, 1947, стр. 155—173; «Un étendard militaire égyptien», — ASA 45, 1947, стр. 127—131.

²⁰ Ю. Я. Перепелкин, Меновые отношения в староегипетском обществе, — СВ, VI, 1949, стр. 302—311; его же, О деньгах в древнейшем Египте, — сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 172—179.

пелкин показывает, какое заметное место занимали меновые отношения в египетской экономике, насколько они были развиты и в то же время насколько примитивны.

И. Г. Лившиц в течение многих лет занимался изучением египетской религии, и притом не с формальных позиций, а как средством познания египетского мышления. Отсюда и интерес к египетскому идеографическому письму и к дешифровке этого письма, остро ставящей ряд вопросов теории иероглифической письменности и письменности вообще.

В 40-х годах И. Г. Лившиц работал над созданием словаря египетского языка, расположенного по детерминативам (картинным пояснениям к звуковой передаче слов). Его необходимость очевидна, хотя бы в работе над восстановлением текста (задача всех обратных словарей вообще) и его интерпретацией. Но, самое главное, такой словарь дает возможность выявить принципы детерминации, до сих пор еще не изученные, показать их развитие в различные эпохи истории Египта, тем самым существенно расширить и углубить наши знания о египетском письме и даже в известной степени о мировоззрении и мышлении древних египтян. Однако эта важная работа Лившица так и не была напечатана. К сожалению, немногим доступно и сделанное им еще в эвакуации интересное разъяснение к непонятному выражению из папируса Харриса, так как сборник, в который оно предназначалось, целиком так и не увидел света²¹.

По заданию президента АН СССР С. И. Вавилова И. Г. Лившиц занялся подготовкой для серии «Классики науки» комментированного перевода знаменитого «Письма г-ну Дасье», в котором Ж.-Ф. Шампольон в 1822 г. объявил о совершенной им дешифровке египетского иероглифического письма. Перевод этого сочинения, основавшего египтологию, сопровождается обстоятельным исследованием о дешифровальной работе Шампольона и его предшественников, которое затем было дополнено рядом специальных работ²².

В 1948 г. И. Г. Лившиц публикует исследование о новом варианте мифа о рождении и гибели солнца²³, сохранившемся в надписях из кенотафа Сетхоя I (традиционная передача имени — Сети) в Абидосе.

Н. С. Петровский занимался в 1948—1951 гг. под ру-

²¹ И. Г. Лившиц, К папирусу Harris I 65a, 9, — «Сборник Института востоковедения АН в честь И. Ю. Крачковского», Ташкент, 1945 (машинопись).

²² Ж.-Ф. Шампольон, О египетском иероглифическом алфавите, М., 1950; И. Г. Лившиц, Два неизданных письма Ж.-Ф. Шампольона (из ленинградских собраний), — ПС., 2(64), 1956, стр. 115—126; его же, Nouveaux documents sur l'histoire de l'égyptologie. — СНМ, VI, 1961, № 3, стр. 605—627.

²³ И. Г. Лившиц, Новый вариант мифа о рождении и гибели солнца, — ВДИ, 1948, № 3, стр. 184—193.

ководством акад. В. В. Струве в аспирантуре ИВ. Его работа была посвящена папирусам Лейденского музея № 344, Эрмитажа № 1116 В и доске № 5645 из Британского музея; все эти памятники сообщали о каких-то смутах и волнениях в Египте, в которых акад. В. В. Струве видел восстание, победившее в долине Нила в конце Среднего царства.

В 1951 г. Н. С. Петровский завершил и защитил диссертацию «Народное восстание в древнем Египте» (опубликованы только автореферат и некоторые переводы²⁴). Оставляя в стороне датировку восстания, автор дает перевод и обстоятельный комментарий текстов и историческое исследование, в котором стремится выявить ход, движущие силы и значение восстания, его причины и последствия.

В 1949 г. Н. С. Петровский прочел доклад, в котором стремился охарактеризовать египетское общество во время XVIII династии. В 1951 г. им был прочитан доклад о нестабильности внутреннего положения в стране в эпоху XII династии. Доклады эти не были опубликованы²⁵.

После окончания аспирантуры Н. С. Петровский в 1951—1952 гг. работал в Секторе восточных рукописей по каталогизации рукописных фондов. Тогда же стараниями Ю. Я. Перепелкина и Н. С. Петровского в сектор поступил из Музея связи египетский иератический папирус, единственный в собрании ИВ. До первой мировой войны папирус хранился в Эстляндском губернском музее в Ревеле. Краткое описание папируса, содержащего главы 23—28, 30 (?) и 61 «Книги мертвых», приведено у Б. А. Тураева в его «Описании египетских памятников в русских музеях и собраниях» (ЗВОРАО, XI, 1897—1898, стр. 148—149 и 145). Н. С. Петровский занялся этим интересным описанием, выяснив его историю и его сложный и интересный путь в Россию²⁶.

В конце 40-х годов член-корр. АН СССР П. В. Ернштедт, издавна интересовавшийся проблемой влияния египетского языка на греческий, но ограничивавший сферу своих востоковедных занятий коптским языком, приступил к исследованию древнеегипетских и древнегреческих языковых встреч. Помимо увеличения числа достоверных египтизмов в греческом эта работа представляет особый интерес ввиду исключи-

---

²⁴ Н. С. Петровский, Народное восстание в Египте. Автореф. канд. дисс., ЛГУ, 1951; см.: «Хрестоматия по истории древнего Востока», под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963, стр. 73—78.

²⁵ Н. С. Петровский, Официальные памятники как источники для социальной истории первой половины XVIII династии (XVI—середина XV в. до н. э.), — «Научная сессия аспирантов, докторантов и младших научных сотрудников Института востоковедения АН СССР 7—9 июня 1949 г. Тезисы докладов»; его же, О неустойчивом внутреннем положении в Египте во время XII династии (машинопись).

²⁶ Н. С. Петровский, Из истории египтологии в России, — ПС, 4 (66), 1959, стр. 172—181.

тельной эрудиции и акрибии автора, излагающего по ходу исследования ценнейшие наблюдения над фонологией, грамматическим строем и диалектологией египетского (вместе с коптским) и греческого языков²⁷.

Свой труд о заимствованиях П. В. Ернштедт завершил уже в Институте языкознания, куда он перешел в 1950 г., и вслед за книгой опубликовал еще ряд статей по тому же вопросу²⁸.

В 1953—1956 гг. в секторе египтологией занимался только Ю. Я. Перепелкин. В эти годы он закончил в целом свой большой труд о производственных отношениях эпохи Старого царства, публикации которого давно ожидают не одни египтологи. К сожалению, из-за ведомственных неурядиц (Ю. Я. Перепелкин в 1956 г. был вновь переведен в ЛО ИИ) монография осталась неизданной, и только в 1967 году автор смог вернуться к ней, чтобы, дополнив ее новыми материалами, появившимися с тех пор, сдать в издательство.

Когда в связи с решением Президиума АН СССР в ИВ был создан Отдел древнего Востока, в ленинградскую группу отдела из ЛО ИИ вместе с акад. В. В. Струве, возглавившим отдел, перешли и египтологи И. Г. Лившиц, Ю. Я. Перепелкин и О. Д. Берлев. В аспирантуру при ЛО ИВ была переведена тогда же из ЛО ИИ Х. А. Кинк, руководителем которой был Ю. Я. Перепелкин; в следующем году, по окончании аспирантуры, она была зачислена в штат. В этом же году в отдел была принята коптолог А. И. Еланская, проходившая в 1956—1959 гг. аспирантуру при ЛО ИВ под руководством П. В. Ернштедта и В. В. Струве. В 1962 г. в число египтологов отдела вошел И. В. Виноградов.

Эти последние восемь лет были особенно плодотворны для египтологов Отдела древнего Востока ЛО ИНА²⁹. Проблема-

---

²⁷ Ср. отклик К. Даниеля на книгу Н. В. Ернштедта: С. Daniel, *Des emprunts égyptiens dans le grec ancien*, — SAO, IV, 1962, стр. 13—23.

²⁸ П. В. Ернштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.—Л., 1953; П. В. Ернштедт (P. V. Jernstedt), Южноегипетский коптизм в среднегреческом словарном составе, — ВВР, 9, 1956, стр. 154—158; его же, Греческие египтизмы времен существования греческих факторов в Египте, — ВДИ, 1956, № 2, стр. 153—160; его же, Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка, — ПС, 2 (64), 1956, стр. 12—30; его же, Из области египетских заимствований в греческом языке, — ПС, 3 (65), 1958, стр. 29—40; его же, *Aus dem Gebiet der ältesten Ägyptismen der griechischen Sprache*, — ВСО, 1961, Н. 2, стлб. 105—112; его же, «Море» и «мореплавание» в словарных египтизмах ахейской речи, — ДМ, стр. 513—519; его же, Египетские привативные прилагательные — источник греческих словарных новшеств, — сб. «История и филология стран Ближнего Востока», М., 1967, стр. 44—45.

²⁹ См.: В. И. Авдиев, Советская наука; Н. М. Постовская, Изучение древней истории; И. Г. Лившиц, Изучение египетского языка; Н. Е. Семпер, Новая советская литература по египтологии (1961—1963 гг.), — ВДИ, 1964, № 4, стр. 168—183; J. A. A. Janssen, *Annual*

тика их исследований чрезвычайно широка и охватывает почти все периоды истории древнего Египта. И хотя в центре внимания находится история, в особенности социально-экономическая, но также разрабатывается и история египетской культуры, издаются памятники, хранящиеся в музеях Советского Союза.

Особенно много в этом отношении сделал И. Г. Лившиц. Это и серия ценных статей-публикаций³⁰ и подготовленная еще в Ленинградском отделении Института истории (ЛО ИИ) большая монография — издание целой коллекции старо- и среднеегипетских саркофагов из собрания В. С. Голенищева. По техническим причинам печатание книги сильно задерживается.

Вместе с тем Лившиц подготовил к изданию интереснейший эрмитажный саркофаг № 769. Этот памятник представляет исключительный интерес, поскольку он содержит главы из древнеегипетского религиозно-магического сборника, условно именуемого «Тексты саркофагов», неистощимого источника для изучения истории древнеегипетской культуры, языка и социально-экономической истории Египта. На этот саркофаг давно уже обратили внимание, но до сих пор он был доступен только по описаниям и выборочным (но неточным) публикациям текстов на нем.

Правда, тексты эрмитажного саркофага не войдут в издание саркофага № 769, их предполагается издать отдельно с подробным текстовым и культурно-историческим комментарием. Пока публикуется подробное описание памятника и богатый так называемый «FRISE D'OBJETS» (изображение одежды, утвари и орудий, необходимых покойному), очень важный для реконструкции материальной культуры древнего Египта³¹.

Помимо публикаций И. Г. Лившиц работал и над исто-

Egyptological Bibliography. Index (1943—1959), Leiden, 1960. В дальнейшем см. ежегодники за 1961 и 1962 гг., издаваемые преемником И. Янсена д-ром М. С. Х. Г. Херма ван Вос (М. S. H. G. Heerma van Voss); И. М. Оранский, Отдел древнего Востока (ленинградская группа) ИВАН, — ПВ, 1960, № 3, стр. 325—327.

³⁰ И. Г. Лившиц, Фрагменты саркофага князя Хаф-Мина, — «Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 369—373; его же, Фрагмент саркофага с отрывком из «Текстов пирамид», — ДМ, стр. 130—143; его же, Плита из пирамиды фараона Пепи I, — ЭВ, XV, 1963, стр. 3—5; его же, Рисунки на фрагменте саркофага Хевит, — ЭВ, XVI, 1963, стр. 3—6; его же, Фрагмент саркофага из Ахмима, — ЭВ, XVII, 1967, стр. 6—17; его же, Надпись на фрагментах деревянного саркофага «князя, единственного друга (царя) Spsj-pw-Mnw», — ЭВ, XVIII, 1966, стр. 3—5, табл. 1—4.

³¹ И. Г. Лившиц, Из истории материальной культуры древнего Египта (росписи и надписи на саркофаге египтянки), — «Африканский сборник», М.—Л., 1967.

рий египтологии, египетской письменностью и интерпретацией древнеегипетских литературных текстов³².

Ю. Я. Перепелкин также еще в ЛО ИИ закончил первую часть многолетнего труда, посвященного эпохе Амарны, царствованию Эхнейота. Книга, сданная в печать в 1959 г., вышла в свет только теперь³³.

Эта книга венчает целую эпоху в изучении периода солнцепоклоннического переворота в Египте. Весь, может быть за незначительными случайными исключениями, доступный изучению материал, до сих пор неинтересный, монотонный, скупой на информацию, превратился в книге благодаря изумительной организации материала в первоклассный источник, раскрывающий перед нами шаг за шагом весь мир Амарны, поразительную солнцепоклонническую идеологию переворота, неповторимую личность ее творца, развитие событий в перевороте. Ничего подобного не было сделано еще ни для одной эпохи Египта.

В ЛО ИВ Ю. Я. Перепелкин продолжал работать над второй частью монографии. В то же время он публиковал материалы из своей монографии о производственных отношениях эпохи Старого царства. На XXV МКВ Ю. Я. Перепелкин прочел доклад «„Дом шнау“ в Старом царстве»³⁴, имеющий большое значение для познания египетского общества. Автору удалось доказать, что «шнау» отнюдь не были эргастулами, в которых содержались рабы, но представляли собой места, отведенные под производство пищи, — комплексы из хлебопекарни, пивоварни и кухни. А в 1966 г. отдельной книгой полностью была опубликована первая глава его монографии о Старом царстве³⁵. Исследование посвящено разбору единственного термина — *джт* «плоть», с помощью которого египтяне выражали отношения собственности (частной). Анализ употреблений этого слова показывает, что именно разумели под «собственностью» древние египтяне и кем были в конце концов те люди, которых историки объявляли чьей-либо частной собственностью. Оказалось, что для египтянина «собственность» — отнюдь не свобода распоряжения (вплоть до отчуждения) вещью. Но скорее «принадлежность», отноше-

---

³² И. Г. Лившиц (I. G. Livchitz), Изучение египетского языка; Nouveaux documents; его же, Об иероглифе..., — ВДИ, 1960, № 3, стр. 128—129; его же, «Бремя» Синухета, — ПСЭИДМ, стр. 47—54 (прочитано как доклад на II всесоюзной сессии по изучению древнего Востока в мае 1962 г., ср. ВДИ, 1963, № 1, стр. 173—174).

³³ Ю. Я. Перепелкин, Переворот Аменхотпа IV, ч. I, М., 1967.

³⁴ Ю. Я. Перепелкин, «„Дом шнау“ в Старом царстве», — «Труды XXV МКВ», т. I, М., 1962, стр. 138—142 (то же в брошюрах в серии «Доклады советской делегации» на русском и немецком языках: G. J. Perelkin, Das «Schnau-Haus» im Alten Reich, М., 1960).

³⁵ Ю. Я. Перепелкин, Частная собственность в представлении египтян Старого царства, — ПС, 16(79), М.—Л., 1966.

ние вещи к владельцу. Тем самым совершенно неожиданно разрешился вопрос о людях чьей-либо «собственности»: они оказывались вне частнособственнических отношений в нашем смысле слова, или, точнее, термин *джт* в приложении к ним не фиксировал наличия таковых отношений, хотя и не отрицал их, подчеркивая лишь касательство этих людей, «принадлежность» к чьей-либо «плоти»³⁶.

В 60-х годах Перепелкин выступил в лектории ЛО ИНА с рядом публичных лекций, вызвавших исключительный интерес в самых широких кругах слушателей, — «Значение древнеегипетской культуры», «Как и почему египтяне строили пирамиды?» и «Тайна золотого гроба». Последний доклад, в котором он сообщил о своих удивительных открытиях из эпохи фараона Эхнейота, несколько раз повторялся по просьбе публики, и не только в лектории ЛО ИНА, но и в студенческом лектории 1-го Медицинского института и в Доме учителя. В 1964 г. по заданию института этот доклад под названием «Тайна золотого гроба и царица Нефертити» (традиционная неправильная передача имени Нефрэт) был прочитан в Политехническом музее в Москве. Дирекцией ИНА решено было издать эту лекцию отдельной книжкой, не ожидая выхода в свет основной монографии, печатание которой задерживалось. Таким образом, в 1964 г. Ю. Я. Перепелкин был занят подготовкой доклада к печати, который был еще более расширен и богато иллюстрирован. В 1965 г. книжка «Тайна золотого гроба и соперница Нефрэт» была сдана в издательство.

Еще не появившись в свет, эта книга обратила на себя внимание прессы. Последовали публикации в советских и зарубежных журналах и газетах, раскрывающие некоторые стороны мира Амарны. Только одна статья А. Любарского была напечатана в полуторжественных газетах³⁷.

Х. А. Кинк специализировалась на изучении древнейшего Египта. Ее кандидатская диссертация об эпохе перехода от доклассового общества к классовому в Египте, опубликованная отдельной книгой³⁸, посвящена проблеме развития производительных сил и производственных отношений в этот ключе-

---

³⁶ К этой же теме (общество и хозяйство Египта в эпоху Старого царства) относится и уже упомянутая статья (прим. 34), а также статья о древнейших деньгах в Египте (см. прим. 20).

³⁷ См. например: А. В. Любарский, Кийа — соперница Нефертити. Ленинградский археолог Юрий Перепелкин, о быте древнего Египта, — «Вечерний Ленинград», 20.IV.1965; «Тайна золотого гроба». Интересная работа ленинградского археолога, — «Смена», 22.XII.1965; В. Седов, Тайна «золотого гроба», — «Огонек», 1965, № 51, стр. 18—19; В. Кононенко, Дом, где раскрывают тайны, — «Вечерний Ленинград», 23.IX.1966.

³⁸ Х. А. Кинк, Эпоха перехода от доклассового общества в Египте к классовому, Автореф. дисс., Л., 1963; е е же, Египет до фараонов, М., 1964.

вой момент истории древнего Египта. Всесторонний анализ дошедшего до нас материала показывает последовательное развитие и совершенствование орудий, техники, ремесел, завершившееся в конце IV тысячелетия резким скачком, связанным с совершающимся в то время преобразованием общества.

Х. А. Кинк опубликовала ряд статей по материалам и орудиям додинастического Египта³⁹, а также интересное специальное исследование об обработке продуктов земледелия (производство пива и соответствующая техническая терминология в сопоставлении с шумерийской и аккадской)⁴⁰. Во всех этих работах автор отмечает большую самостоятельность древнеегипетской культуры, ее независимость, в частности от великих культур Двуречья.

Х. А. Кинк прослеживает дальнейшее развитие производительных сил древнейшего Египта в небольшой, рассчитанной на широкого читателя книге о технической оснащенности строителей великих египетских пирамид⁴¹. Несмотря на внешнюю примитивность, египетские технические возможности, как показывает Кинк, были немалыми. В настоящее время Х. А. Кинк изучает доклассовое общество Сиро-Палестины (древнего Ханаана). Для египтологов особенно интересны принципиальный параллелизм двух столь отличных друг от друга культур, а также несомненные контакты между ними, не доходящие, впрочем, нигде до значительного взаимного влияния.

А. И. Еланская разрабатывает грамматику позднейшего египетского (коптского) языка.

О. Д. Берлев занимается историей и экономикой древнего Египта. Главный предмет его исследований — эпоха Среднего царства⁴². В настоящее время им подготавливается к пе-

³⁹ Х. А. Кинк, Слоновая кость в древнейшем Египте, — ВДИ, 1962, № 3, стр. 134—140; ее же, Связи Египта с окружающими странами в додинастическое время, — ПС, 7(70), 1962, стр. 3—14; ее же, Значение археологического материала для изучения истории додинастического Египта, — там же, 9(72), 1962, стр. 3—12; ее же, Производственная роль дерева в Египте в эпоху перехода от камня к меди, — КСИНА, «Древний Восток», 1962, № 46, стр. 137—147; ее же, Древнеегипетские каменные орудия III—II тысячелетия до н. э., — сб. «Древний Египет и Древняя Африка», М., 1966, стр. 74—80; ее же, О хозяйстве додинастического Египта, — сб. «Археология Старого и Нового света», М., 1966, стр. 189—197. Ср. также рец.: Х. А. Кинк, О некоторых положениях книги Н. Asselberghs, Chaos en Beheersing. Documenten uit Aeneolithisch Egypte, Documenta et Monumenta Orientalis Antiqui, Leiden, 1961, — ПС, 13(76), 1965, стр. 197—198; E. Baumgartel, Predynastic Egypt, — сб. «Библиография Востока», М., 1967 (в печати). Статьи в СИЭ: «Маади», т. VIII, стлб. 872; «Мериддо», т. IX, стлб. 212; «Меримда», т. IX, стлб. 367—368.

⁴⁰ Х. А. Кинк, К проблеме экономических связей между древним Египтом и Двуречьем, — ПСЭИДМ, стр. 25—46.

⁴¹ Х. А. Кинк, Как строились египетские пирамиды, М., 1967.

⁴² О. Д. Берлев, Дом царя в эпоху Среднего царства, — сб. «Труды XXV МКВ», т. I, М., 1962, стр. 143—148; его же, Семья царя Shm-r' šd-t3.wj šbk-m-s3, f и его место среди царей позднего Среднего царства, —

чати монография «Египетское общество в эпоху Среднего царства».

И. В. Виноградов работает в кабинете научно-техническим сотрудником. Им составлена сводная картотека литературы по древнему Востоку всех специальных библиотек Ленинграда, комплекующих книги по востоковедению (ЛО ИИ, Государственный Эрмитаж, ЛО Института языкознания, ЛО Института археологии, Музей истории религии); универсальные библиотеки (ГПБ, БАН и библиотека ЛГУ), разумеется, не могли быть учтены. Картотека постоянно пополняется сведениями о новых поступлениях. Им же составлена полная опись библиотеки акад. В. В. Струве, которая поступила на Восточный факультет ЛГУ.

В то же время И. В. Виноградов разрабатывает тему «Земельные отношения в Египте эпохи XX династии», прежде всего на материалах папируса Вильбур. В январе 1967 г. им прочитан на заседании кабинета доклад «Папирус Вильбур как источник по истории земельных отношений в Египте эпохи XX династии», который раскрывает соотношение различных частей документа, его назначение, содержание. Решение только этой источниковедческой, по существу, проблемы приведет к серьезнейшим историческим выводам, которых мы вправе ждать от дальнейшей работы И. В. Виноградова.

В 1965 г. отдел и всю советскую науку о древнем Востоке постигла тяжелая утрата — скончался акад. В. В. Струве. В последние годы жизни В. В. Струве занимался прежде всего шумерологией, но и Египет не упускал из поля зрения. В 1961 г. на чествовании М. Э. Матье в Эрмитаже он прочел доклад о том, как следует понимать описание «Дома жизни» (учреждения, в котором составлялись и переписывались религиозно-магические и медицинские сочинения) в папирусе Солт (Salt) 825 из Британского музея. Эта работа В. В. Струве теперь опубликована ⁴³.

ВДИ, 1961, № 3, стр. 100—107; Способы указания филиации в письменности Среднего царства, — ПС, 9(72), 1962, стр. 11—42; его же, Один из способов датировки стел Среднего царства, — КСИНА, 1962, № 46, стр. 45—87; его же, Замечания к папирусу Булак 18, — сб. ДМ, стр. 50—62; его же, Памятники начальни́ка пашен dd, tw, — сб. «Ассириология и египтология», стр. 81—94; его же, Новая царская семья эпохи позднего Среднего царства, — ПС, 13(76), 1965, стр. 15—31; «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства. Автореферат дисс., ЛГУ, 1965; его же, Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства, — ВДИ, 1966, № 1, стр. 28—39; его же, Древнеегипетская денежная единица, — ПС, 15(78), 1966, стр. 5—27; его же, Из социальной терминологии древнего Египта, — сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 11—14.

⁴³ В. В. Струве, «Дом жизни» в папирусе Salt 825 (папирус Британского музея 10651), — сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 8—10.

В. В. Струве планировал переиздание двух стереометрических задач из опубликованного им ранее Московского математического папируса, издание трех интереснейших демотических папирусов из собрания ГМИИ, подробное описание которых было им же издано⁴⁴. Все эти работы остались незавершенными.

Между тем при первичной разборке архива покойного ученого была найдена законченная, хотя и не отредактированная окончательно рукопись издания египетских стел из собрания Эрмитажа, над которой В. В. Струве работал, как видно, еще в 20-х годах. Стелы было решено опубликовать совместно с серией работ В. В. Струве, посвященных древнейшей истории юга нашей страны, в которых используются и египетские материалы⁴⁵.

Для египтологии также представляет большой интерес обстоятельное исследование, посвященное общественному строю эллинистического Египта, о котором автором было доложено на заседании кабинета еще в 1961 г. В этой работе В. В. Струве стремился показать, что общество Египта при Птолемах было рабовладельческим⁴⁶.

После кончины В. В. Струве⁴⁷ Отдел древнего Востока

---

⁴⁴ В. В. Струве, Значение некоторых из демотических папирусов Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина для истории и культуры Птолемеевского Египта (то же на англ. яз.: V. Struve, The Significance of Certain Demotic Papyri of State Museum of Fine Arts Named after A. S. Pushkin for the History and Culture of Ptolemaic Egypt), М., 1955 («Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме»); его же, Роль греков в эпоху Птолемея I на основании демотических папирусов ГМИИ им. А. С. Пушкина,—ФИСЗАА, стр. 86—87.

⁴⁵ В. В. Струве, Этюды истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, Приложение, стр. 269—346.

⁴⁶ В. В. Струве, Общественный строй эллинистического Египта,—ВИ, 1962, № 2, стр. 67—95.

⁴⁷ Литература об акад. В. В. Струве чрезвычайно обширна, и настоящий список не претендует на полноту. I. Списки трудов: Д. Г. Редер и Р. И. Рубинштейн, Шестидесятилетие академика В. В. Струве,—ВДИ, 1949, № 1, стр. 166—178; С. Д. Милибанд, Академик В. В. Струве. Библиографическая справка,—М., 1959; «Список трудов В. В. Струве»,—ДМ, стр. 7—22; «Список печатных работ В. В. Струве»,—сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 5—7. II. Биографические материалы: «Академик В. В. Струве»,—ВАН, 1946, № 11, стр. 113—114; Д. Г. Редер и Р. И. Рубинштейн, Шестидесятилетие академика В. В. Струве; Л. А. Липин, Чествование академика В. В. Струве,—ВАН, 1954, № 4, стр. 78—79; ОИРВ, сб. 2, М., 1956, стр. 505; Творческий путь академика В. В. Струве (к семидесятилетию со дня рождения),—ВДИ, 1959, № 1, стр. 212—218; «Чествование академика В. В. Струве»,—ПВ, 1959, № 2, стр. 258; «Чествование академика В. В. Струве»,—ВАН, 1959, № 4, стр. 112; М. А. Коростовцев, Академик В. В. Струве,—ПВ, 1959, № 1, стр. 225—227; Н. В. Пигулевская, Выдающийся советский востоковед,—«Ленинградская правда», 4.II.1959; Н. Петровский, Академик В. В. Струве,—«Современный Восток», 1959, № 1, стр. 49; его же, Академик В. В. Струве,—ВИМК, 1959, № 1, стр. 251—255; его же, Академик

возглавляет М. А. Коростовцев (Москва), а ленинградскую группу отдела — М. А. Дандамаев.

В. В. Струве,— «Преподавание истории в школе», 1959, № 1, стр. 53—55; Н. В. Пигулевская, Академик В. В. Струве,— ДМ (в честь акад. В. В. Струве), стр. 5—6; Р. А. Грибов, В. В. Струве,— ВЛУ, 1963, вып. 4, № 20, СИЯЛ, стр. 162—164; Л. А. Липин, Жизнь в науке, жизнь в труде (к семидесятилетию со дня рождения академика В. В. Струве),— сб. «Ассириология и египтология», стр. 5—18 (наиболее полная характеристика творчества В. В. Струве); Д. Г. Редер, К 75-летию академика В. В. Струве,— НАА, 1964, № 3, стр. 213; Н. С. Петровский, Годы поиска,— «Ленинградский университет», 11.II.1964; Эд. Аренин, Славен труд ученого,— «Вечерний Ленинград», 1.II.1964; Л. Успенский, Собеседник сфинксов,— «Неделя», 1964, № 11, стр. 8; «К 75-летию академика В. В. Струве»,— ВДИ, 1964, № 1, стр. 218—220; С. Л. Утченко, Некоторые черты образа ученого и человека,— ВИ, 1964, № 5, стр. 117—120. III. Некрологи: НАА, 1965, № 6, стр. 241—242; ВАН, 1965, № 12, стр. 118; ВДИ, 1966, № 1, стр. 3—8; ВИ, 1965, № 11, стр. 218; ПС, 15(78), 1965, стр. 3—4; ВЛУ, вып. 4, 1965, № 20; СИЯЛ, стр. 167—168; «Известия», 1965; «Ленинградская правда», 1965; ИАН ТуркмССР, СОН, 1965, № 6, стр. 66—69 (М. Е. Массон); СЭ, 1966, № 2, стр. 148—150 (Д. А. Ольдерогге — В. В. Матвеев); «Przegląd orientalistyczny», № 1 (157), стр. 66—67 (В. Nadel); «Das Altertum», Bd 13, Hft. 4, Berlin, 1967, стр. 251—256 (I. F. Fichman).

Коптология

Коптология в АМ в дореволюционный период связана с именем О. Э. Лемма, единственного специалиста, работавшего в этой области до 1918 г. Однако так велики были его научные заслуги, такими глубокими познаниями и колоссальной эрудицией он обладал, что благодаря ему АМ стал одним из крупнейших мировых коптологических центров.

О. Э. Лемм¹ был зачислен в АМ на должность ученого хранителя 29 октября 1883 г. и оставался на этом посту почти до самой смерти — 21 мая 1918 г.² В течение многих лет (с 1886 по 1902 г.) он совмещал свои занятия в музее с чтением лекций на ФВЯ Петербургского университета³.

Ко времени поступления О. Э. Лемма в АМ последний располагал всего тремя коптскими рукописями, попавшими туда в 1837 г. из наследства Сухтелена; судя по арабским припискам, они ранее принадлежали униатскому копто-эфиопскому подворью св. Стефана в Ватикане, куда пожертвованы

¹ Об ученом и его трудах см.: П. К. Коковцов, Оскар Эдуардович фон Лемм (некролог), — «Азиатский сборник», т. I, 1918, стр. 1755—1758; Б. А. Тураев, Оскар Эдуардович Лемм (некролог), — ХВ, т. 6, 1922, стр. 325—333; А. В. Шмидт, Развитие египтологии в России, — Нир, 1922, № 3—4, стр. 16—27; Т. Н. Козьмина-Бороздина, Развитие египтологии в России, — НВ, кн. 3, 1923, стр. 350—351; А. Коцейовский, *Coptica* за 1912—1915 гг., — ХВ, т. 4, 1916, стр. 200—225; Seymour de Ricci, *Les études coptes en Russie et les travaux de M. von Lemm*, — «Revue archéologique», ser. IV, 2, 1903, стр. 302—318; W. Kammerer, *A Coptic Bibliography*, Ann Arbor, 1950, стр. 187; Ливотова и Португаль, Востокведение, № 1066—1079.

² Аз. Муз. Памятка, стр. 114. О. Э. Лемм умер в июне 1918 г. (см.: В. А. Тураев, *Les pertes récentes de l'orientalisme en Russie*, — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes», vol. 39, Paris, 1921, стр. 112).

³ См. автобиографию О. Э. Лемма, хранящуюся в АВ (ф. 35, оп. 3, № 77/808); ср.: О. Д. Берлев и Р. А. Грибов, Египтология и ассириология в Ленинградском университете, «Востокведение в Ленинградском университете», — УЗЛГУ, 1960, № 296, стр. 163; И. Г. Лившиц, Изучение египетского языка в СССР (краткий очерк), — ПС, вып. 5, 1960, стр. 24. О. Э. Лемм составил также пособия для студентов-египтологов.

д-ром Несимом Абу Бешарит ан-Никкаса⁴. Эти рукописи, описанные сначала вкратце Б. Дорном, а впоследствии, уже после смерти Лемма, подробнейшим образом — Б. А. Тураевым⁵, представляют собой поздние богослужебные рукописи (на бумаге) с текстом на бохайрском диалекте, с арабскими приписками, и не имеют большой научной ценности. Часть второй из них, содержащая «Литургию Великой Субботы» и «Пасхальную службу» (fol. 196—233), была еще в 1897 г. издана Б. А. Тураевым⁶. В том же году АМ приобрел у А. И. Пападопуло-Керамевса еще пять коптских рукописей (на бумаге), также поздних богослужебных бохайрских книг с арабскими приписками и переводами⁷.

Конечно, многолетняя работа О. Э. Лемма не могла базироваться на таком скудном коптском материале. Эти поздние тексты, написанные на искусственном мертвом церковном языке, к тому же узко богослужебного назначения, не могли представлять интереса для такого филолога, каким был О. Лемм, который в противоположность Б. А. Тураеву не интересовался историей церкви. В области коптологии, которой он, египтолог по образованию⁸, стал заниматься скорее по обязанности (по заданию дирекции АМ), чем по собственной охоте, его привлекали, естественно, древние коптские тексты первых веков нашей эры и, во всяком случае, ранее конца I тысячелетия, т. е. той эпохи, когда коптский язык был еще живым разговорным языком египтян.

Вполне понятно, что в первую очередь О. Э. Лемм обратил внимание на коптские рукописи Санкт-Петербургской Публичной библиотеки. В первый раз Лемм выступил как коптолог в 1883 г., прочитав на VI МКВ в Лейдене сообщение о коптских рукописях ПБ⁹. Уже тогда его внимание привлекла интереснейшая рукопись — несколько десятков пергаментных листков из кодекса, написанного, судя по палеографическим данным, в IX—X вв. Эти листки сохранили почти полно-

⁴ Б. А. Тураев, Коптские рукописи Азиатского музея Российской Академии наук, — ИРАН, сер. VI, т. 13, 1919, стр. 427; Аз. Муз. Памятка, стр. 103.

⁵ В. Дорн, *As. Mus.*, стр. 114; Б. А. Тураев, Коптские рукописи, стр. 428—438.

⁶ Б. А. Тураев, Пасхальная служба Коптской церкви, — «*Commentationes Philologicae*», сборник в честь И. В. Помяловского, СПб., 1897, стр. 1—20.

⁷ После смерти О. Э. Лемма в АМ поступили из его архива еще три листка из коптского Лекционария (см.: Б. А. Тураев, Коптские рукописи, стр. 440).

⁸ О. Э. Лемм учился в Лейпциге и Берлине у знаменитых египтологов Р. Лепсигуса и Г. Эберса. В 1882 г. он получил ученую степень доктора философии Лейпцигского университета; диссертация его была посвящена ритуальным текстам служения Амону (*Das Ritualbuch des Ammondienstes*, Leipzig, 1882).

⁹ *Actes CIO*, VI, pt I, 1884, стр. 143.

стью мучеников св. Виктора и Стефаниды и отрывок (большая часть эсхатологического содержания), повествующий об архангеле Михаиле. Заинтересовавшись в связи с этим ролью Михаила в коптской агиологии, Лемм выступил на Лейденском конгрессе с предложением расшифровать часто встречающиеся в коптских рукописях знаки ХМГ не как было принято тогда: «Христос, Мария, Гавриил», а как «Христос, Михаил, Гавриил» на том основании, что как в названной рукописи, так и в некоторых других апокрифических текстах Михаил и Гавриил являются традиционными спутниками Христа.

В первые же годы работы в АМ О. Э. Лемм занялся изданием рукописей ПБ. Публикация отрывков из Нового Завета на саидском диалекте (*Codex Copticus Tischendorfianus I*) была его первой коптологической работой¹⁰. В предисловии он дал описание хранящихся в библиотеке коптских рукописей, главным образом из коллекции Тишendorфа, и частично иллюстрировал описание отрывками из них; в конце предисловия Лемм поместил несколько отрывков из книги «Ката мерос» на саидском диалекте. В том же году он издал остальные¹¹, а также опубликовал сильно фрагментированное фаяюмское Евангелие от Марка (*Codex Copticus Tischendorfianus V*)¹². Затем Леммом была издана еще одна рукопись из этого собрания (IV) — отрывки из истории александрийских патриархов (впоследствии он не раз возвращался к этому изданию)¹³.

В 1890 г. Лемм издал пергаментные листы (содержащие отрывки из Притч и Евангелия от Иоанна на саидском диалекте), привезенные хранителем Средневекового отдела Эрмитажа В. Г. Боком из Египта и переданные им в дар Императорскому обществу любителей древней письменности (ныне хранятся в Рукописном отделе ГПБ под шифрами ОЛДП, F 143 и 144, Q 209)¹⁴.

Одновременно Лемм занялся и коптскими рукописями из собрания В. С. Голенищева (хранящимися ныне в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве). Сначала он издал отрывки из

¹⁰ O. von Lemm, Bruchstücke der sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg, Leipzig, 1885.

¹¹ O. Lemm, Sieben sahidische Bibelfragmente, — AZ, 23, 1885, стр. 19—22.

¹² O. Lemm, Mittelägyptische Bibelfragmente, — Études archéologiques, linguistiques et historiques dédiées à M. le Dr. Lemmans, Leide, 1885, стр. 95—102. В настоящее время переиздана, см. стр. 526, прим. 47.

¹³ O. Lemm, Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens, — Mém., VII sér., СПб., 1888, т. XXXVI, № 11; см. вторую заметку из его Miscellanea — Nachtrag zu den «Koptischen Fragmenten zur Patriarchengeschichte Alexandriens», — ИАН, сер. V, т. IV, 1896, стр. 237—243.

¹⁴ O. Lemm, Sahidische Bibelfragmente, I, — Bull. de l'Acad., Nouv. sér., т. I, 1890, стр. 257—268.

псалмов и часть саидских новозаветных фрагментов (остальные были им опубликованы в 1906 г.)¹⁵. Ведя работу параллельно над рукописями обеих коллекций, О. Лемм предпринял издание апокрифических деяний апостолов сначала из собрания Тишендорфа (Codex Copticus Tischendorfianus VI), затем — Голенищева (Codex Copticus Golenischeffianus XI, ныне $\frac{I.1.6.}{686}$)¹⁶.

Так в начальный период занятий Лемма коптологией определилось основное направление его исследований. Работая над коптскими рукописями, тщательнейшим образом изучая издаваемые коптские тексты, он концентрировал внимание на конкретных, практических лексико-грамматических проблемах. Его интересовали значение и написание слов, их этимология, греческие слова в коптском, различные грамматические формы¹⁷, встречающиеся в текстах. В то же время — что также было вызвано практическими потребностями при работе над текстами — Лемм фиксировал сходные выражения и обороты речи, родство сюжетных линий и образов¹⁸. Накопленный им с годами колоссальный опыт и огромный материал, отраженный им позже в значительной части в «*Studiën*» и «*Miscellen*» (о чем ниже), сделали его впоследствии одним из крупнейших авторитетов в мировой коптологической науке. Но занятия грамматикой, как таковой, исследование строения коптского языка, теоретические обобщения лежали вне круга интересов Лемма. Он неоднократно бывал за границей. Многие рукописи европейских музеев были им переписаны и затем изданы. Он обменивался также списками и фотографиями коптских текстов со своими зарубежными коллегами, а иногда получал для издания и оригиналы памятников¹⁹.

¹⁵ O. L e m m, *Sahidische Bibelfragmente*, II—III, — там же, т. I, 1890, стр. 373—391; ИИАН, сер. V, т. XXV, 1906, стр. 093—0137.

¹⁶ O. L e m m, *Koptische apokryphe Apostelacten*. I—II, — *Bull. de l'Acad. Nouv. sér.*, т. I, 1890, стр. 509—581; т. III, 1894, стр. 233—326.

¹⁷ Первая из грамматических работ О. Лемма: «*Miscellanea Coptica*», — «*Aegyptiaca*», *Festschrift für Georg Ebers*, Leipzig, 1897, стр. 37—40.

¹⁸ См., например, его работы: Коптская легенда о нахождении Гроба Господня, ЗВОРАО, т. 4, 1889, стр. 1—18 (единственная работа Лемма на русском языке); *Die Geschichte von der Prinzessin Bentreš und die Geschichte von Kaiser Zeno und seinen zwei Töchtern*, — *Bull. de l'Acad.* т. XXXII, 1888, ст.лб. 473—476.

¹⁹ Так, например, он послал У. Буриану копию фрагмента из собрания Голенищева (Cod. Copt. Gol. 8, fol. 1) с отрывком гомилии о св. Викторе. И. Лейпольдту, предпринявшему издание сочинений коптского классика Шенуте, он выслал списки отрывков произведений самого Шенуте и посвященных ему гимнов из коллекции Голенищева (Cod. Copt. Gol. 8, 21, 22, 49) и из собрания АМ (Cod. Copt. Musei Asiatici Petropolitani III). Самому же Лемму по ходатайству акад. К. Залемана были присланы в Петербург фрагменты Романа об Александре из Парижской Национальной библиотеки и Берлинской имп. библиотеки, а Э. Доссетер прислал ему фотографию рукописи Британского музея (Cod. Mus. Brit. or. 3367).

В 1899 г. Лемм издал отрывки легенды о Киприане Антиохийском — парижскую рукопись (Cod. Sopt. Parisinus 129¹⁵, foll. 1r—10v) и два фрагмента из посланий Афанасия Александрийского — неаполитанскую рукопись (Cod. Borgianus CCXLIX—CCL)²⁰.

В следующем, 1900 г. Лемм опубликовал парижскую коптскую рукопись (Cod. Sopt. Parisinus 129¹⁸, foll. 141—150), содержащую отрывок из сочинения, приписываемого Дионисию Ареопагиту²¹.

Через три года он выпустил в свет две книги — также издания коптских рукописей из музеев разных стран. Первая содержала публикацию сохранившихся фрагментов Романа об Александре (Cod. Sopt. Parisinus¹⁵, foll. 3—8; Cod. or. Berolinensis 409, foll. 29—30; Cod. Mus. Brit. or. 3367)²², часть из которых ранее была издана У. Бурианом и комментирована и дополнена Г. Масперо. Другая представляла собой издание одного из интереснейших памятников коптской литературы — большой поэмы «Триадон» (XIV в.)²³, последнего литературного произведения на саидском диалекте, созданного уже на искусственном мертвом языке автором, стремившимся возродить коптскую культуру. Эта коптская рукопись с арабским переводом была переписана Леммом во время его пребывания в Неаполе в 1896 г. В публикации воспроизводились коптский и арабский тексты поэмы (в работе над арабским текстом Лемму помогал В. Розен). Вторая часть работы — перевод и комментарии — так и не была осуществлена.

Как упоминалось выше, Лемм, тщательнейшим образом изучая тексты и классифицируя их данные, накапливал огромный и чрезвычайно интересный материал. В 1906 г. он издал работу, где собрал все известные ему упоминания об Ибернии и иберах в коптских текстах²⁴ (в том числе и в Cod. Sopt. Tisch. III, текст которого приводится там в сопровождении фотографии; он содержит отрывки легенд о святых). С 1899 г. О. Э. Лемм регулярно помещал в «Известиях» и «Записках» АН серию заметок и статей, сначала под общей рубрикой

---

²⁰ O. L e m m, Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien, — ЗИАН, сер. VIII, 1899, т. IV, № 6; его же, Zwei koptische Fragmente aus den Festbriefen des heiligen Athanasius, — «Recueil de travaux rédigés en mémoire du jubilé scientifique de M. Daniel Chwolson», Berlin, 1899, стр. 189—197.

²¹ O. L e m m, Eine dem Dionysius Areopagita zugeschriebene Schrift in koptischer Sprache, — ИИАН, сер. V, 1900, т. XII, № 3, стр. 267—306.

²² O. L e m m, Der Alexanderroman bei den Kopten. Ein Beitrag zur Geschichte der Alexandersage in Orient, St.-Pbg., 1903.

²³ O. L e m m, Das Triadon. Ein sahidisches Gedicht mit arabischer Übersetzung, I, Text, St.-Pbg., 1903.

²⁴ O. L e m m, Iberica, ЗИАН, сер. VIII, 1906, т. VII, № 6. Ср. его заметку «Indien und Inder in der koptischen Literatur», — «Kleine koptische Studien», II, ИИАН, сер. V, 1899, т. X, № 5, стр. 405—407.

«Kleine koptische Studien»²⁵, затем — «Koptische Miscellen»²⁶. Содержание их было самым разнообразным, начиная от маленьких заметок лексико-грамматического характера, где он разбирал значение отдельных слов, их этимологию, их формы и употребление, и кончая большими статьями, содержащими публикацию коптских рукописей. Однако большинство их преследовало цель исправления и дополнения вышедших в свет изданий коптских текстов (например, работ Тураева, Эрмана, Штейндорффа, Гвиди, Росси и многих других)²⁷.

В 1906 г. О. Э. Лемм был избран членом-корр. АН. В этом году он опубликовал третью часть саидских новозаветных фрагментов (из коллекции Голенищева), а затем в течение нескольких лет издавал только свои «Koptische Miscellen», исподволь готовя к публикации Cod. Kopt. Tisch. II, часть кодекса, содержащую мартирий св. Виктора и Стефаниды и окончание гомилии об архангеле Михаиле.

Гомилию О. Лемм именовал «апокрифическим апокалипсисом» из-за заключительной эсхатологической части, посвященной роли Михаила во время Страшного суда, несмотря на то что сохранилась и часть предшествующего текста, которая описывает деяния Михаила совершенно иного характера. Именно этот небольшой отрывок, рассказывающий о том, как помог Михаил мальчику, сыну бедной вдовы. Лемм поместил в первом томе серии, посвященной исследованию сюжетных линий, родственных истории Гамлета; в этом томе были собраны восточные варианты истории о юноше, несущем письмо, в котором заключен смертный приговор ему²⁸. Целиком гомилию Лемм так и не успел издать²⁹.

В 1912 г. О. Лемм опубликовал еще один новозаветный фрагмент из коллекции Голенищева, а через год — отрывки из коптских мартириев собраний Голенищева, Неаполитанской

---

²⁵ ИАН, сер. V, 1899, т. X, стр. 403—434; 1900, т. XIII, стр. 1—163, 1901; т. XIV, стр. 289—313; 1904, т. XXI, стр. 041—0239; 1906, т. XXV, стр. 0151—0193; ЗИАН, сер. VIII, 1908, т. VIII, № 12, 1912, т. XI, № 4.

²⁶ ИАН, сер. VI, 1907, т. I, стр. 141—151, 495—510; 1908, т. II, стр. 55—72, 191—208, 589—605, 1067—1089, 1323—1354; 1909, т. III, стр. 341—364, 393—404; 1910, т. IV, стр. 61—86, 169—185, 347—370, 1097—1128, 1461—1468; 1911, т. V, стр. 327—348, 453—468, 927—940, 1135—1158, 1237—1266; 1912, т. VI, стр. 163—180, 517—529; 1913, т. VII, стр. 533—554, 627—638; 1914, т. VIII, стр. 485—513, 525—540, 915, 934; 1915, т. IX, стр. 205—226.

²⁷ Такое направление основной работы О. Лемма в эти годы дало право В. Краму впоследствии заметить, что «предпочтительным занятием этого выдающегося коптолога было критиковать других» (W. E. Crum, *La magie copte*, — «Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J.-Fr. Champollion», Paris, 1922, стр. 537, прим. 1).

²⁸ O. L e m m, *Die Thalassion-Legende bei den Kopten*, — «Corpus Ham-leticum», I, Berlin, 1912, стр. 365—373.

²⁹ Она была издана только в 1962 г. А. И. Еланской.

Национальной библиотеки, Лувра и Британского музея³⁰. Это был его последний печатный труд.

О. Э. Лемм продолжал работать над мартирием св. Виктора. В то время были известны только два отрывка из коптских версий этого мартирия: туринский (Cod. Copt. Taurinensis. Bibl. Naz., foll. 1—4), и парижский (Cod. Copt. Parisinus 129¹⁵, foll. 37r—37v). Парижская рукопись, содержащая начало мартирия, по тексту близка к нашей, и это позволило Лемму заполнить почти все лакуны в первых трех столбцах. Туринская, содержащая конец рукописи (но на бохайрском, не на саидском диалекте, как наша и парижская), тоже местами приближается к нашей, и, разумеется, она также привлекалась Леммом. Он широко использовал и гомилию о св. Викторе, опубликованную еще в 1893 г. У. Бурианом с учетом присланной ему Леммом копии листа из коллекции Голенищева. В 1911 г. Лемм издал этот (отметив, что Бурианом он был издан «несколько неточно») и другой лист из коллекции Голенищева (Cod. Copt. Gol. 18, foll. 2), служащий его продолжением, вместе с неопубликованными еще отрывками той же гомилии — парижскими (Cod. Copt. Parisinus 129¹⁵, foll. 39—123; 129¹⁶, foll. 53—54) и берлинским (Cod. Orient. Berlinensis in folio, 1611, foll. 3)³¹, но не упомянул о том, что собирается издать и мартирий. Вместе с последним Лемм хотел опубликовать и несколько бохайрских гимнов, посвященных Виктору, хранящихся также в ПБ. Работа должна была уже выйти в свет — в типографии были готовы чистые листы, когда в печати появилась (в 1914 г.) одна из книг Э. Баджа, в течение многих лет регулярно издававшего коптские рукописи Британского музея. В ней среди прочих рукописей была опубликована и саидская версия мартирия св. Виктора и Стефаниды (Bgr. Mus, ог. 7022), во многих местах полностью или почти полностью совпадающая с нашей и к тому же сохранившая полный текст мартирия от начала до конца. Само собой разумеется, ряд восстановлений О. Лемма теперь нуждался в пересмотре. Он выкупил чистые листы и приостановил издание, намереваясь заново переработать свой труд, но так и не успел выполнить свое намерение³². Между тем ученый мир знал о существовании петербургской рукописи мартирия хотя бы уже из того, что она описывалась в

³⁰ O. L e m m, Bruchstück der Epistel des Apostels Jakobus in koptischer Sprache (Sammlung Golenischeff), — «Памятники Музея изящных искусств». вып. 1—2, Москва, 1912; его же, Bruchstücke koptischer Märtyrerakten, I—V, — ЗИАН, VIII сер., 1913, т. XII, № 1.

³¹ O. L e m m, Zu einem Enkomium auf den hl. Viktor, — AZ, 48, 1911, стр. 81—86.

³² В АВ хранится тетрадь покойного коптолога (ф. 35, оп. 1, № 44), куда он переписал весь текст мартирия уже в чистом виде, изъяв почти все свои восстановления, и параллельно — текст лондонской рукописи из издания Баджа.

числе других коптских рукописей ПБ О. Леммом еще в 1885 г. Было также известно, что Лемм готовит мартирий к публикации. И уже после смерти Лемма один из крупнейших коптологов, составитель фундаментального коптского словаря В. Ю. Крам, с большим сожалением заявил о том, что Лемм не успел издать эту интересную рукопись³³.

Как в дореволюционный период занятия коптской филологией в АМ были связаны с именем О. Э. Лемма, так после Октябрьской революции научные исследования в этой области связаны с именем П. В. Ернштедта, который работал в АМ — ИВ более тридцати лет (1918—1950).

П. В. Ернштедт³⁴ был принят в штат АМ в августе 1918 г. на должность младшего ученого хранителя (научного сотрудника 2-го, а с 1931 г. — 1-го разряда) и долгое время исполнял в библиотеке, а затем в отделе рукописей техническую работу что, конечно, не могло не препятствовать его научным занятиям, которым фактически он мог посвящать только вечерние и ночные часы. Классик-филолог по образованию, П. В. Ернштедт в первые годы научной деятельности своей основной специальностью считал греческую филологию, хотя изучал и многие восточные языки (семитские, осетинский, санскрит, среднеперсидский), в том числе древнеегипетский и коптский. Однако исследуя среднегреческую речь Египта и встречаясь с многочисленными фактами влияния на нее коптского языка, он все более углубленно занимался последним, и постепенно коптский, игравший ранее служебную роль, становится основной темой его исследований, а греческий отходит на второй план.

Появление первых трудов П. В. Ернштедта по коптской филологии совпадает с началом его преподавательской деятельности в ЛГУ, где он читал курс коптского языка с 1924 по 1930 г.³⁵ Его работы этих лет посвящены исследованию

³³ W. E. Stum, *Bibliography: Christian Egypt*, — JEA, 5, 1919, стр. 214—215. В настоящее время мартирий издан (см. ниже, стр. 526).

³⁴ Об ученом и его работах см.: В. В. Струве, Член-корреспондент Академии наук СССР П. В. Ернштедт, — ВЛУ, 1946, № 4—5, стр. 212; И. Д. Амусин, Сектор древнего и раннесредневекового Востока ИВАН, — ВДИ, 1948, № 2(24), стр. 166; О. Д. Берлев и Р. А. Грибов, Египтология и ассириология, стр. 168; И. Г. Лившиц, Изучение египетского языка в СССР, стр. 130—131; В. И. Авдиев, Советская наука о древнем Востоке за 40 лет, М., 1958, стр. 63—64; W. Kammerer, *A Coptic Bibliography*, стр. 182—183; А. И. Еланская, Петр Викторович Ернштедт, — НАА, 1967, № 3, стр. 224—227; Е. Э. Гранстрем, Петр Викторович Ернштедт (памяти учителя), — ИАН СССР, вып. 3, 1967, т. XXVI, стр. 294—295; [И. Ф. Фихман], Памяти Петра Викторовича Ернштедта (1890—1966), — ВДИ, 1967, № 3, стр. 168—169. Автобиографические материалы П. В. Ернштедта хранятся в ЛО ААН.

³⁵ Спустя более двадцати лет он вторично в течение нескольких лет преподавал в ЛГУ коптский язык (с апреля 1945 до февраля 1950 г.); см.: О. Д. Берлев и Р. А. Грибов, Египтология и ассириология, стр. 168, 174—175.

грамматических и лексических явлений в коптском языке и изданию коптских письменных памятников.

Он издал папирусы из собрания Лихачева (фрагмент делового письма) и из числа привезенных из Египта В. Г. Бокком (частное письмо) и написал несколько статей по грамматическим вопросам³⁶.

Первые же работы Ернштедта по коптской филологии показали, насколько глубоко он сумел проникнуть в суть грамматических явлений древнего языка. Он выявил ряд закономерностей, в особенности в области спряжения коптского глагола. Его труды сразу же получили всеобщее признание. Подобно Лемму, Ернштедт быстро завоевал авторитет среди коптологов мира.

В коптологических занятиях Ернштедта определились три основных направления: работа над изданием коптских папирусов (параллельно с изданием греческих), изучение грамматических явлений коптского языка и исследование различных вопросов египетско-греческого языкового влияния (в основном лексического характера). В отличие от О. Э. Лемма, которого интересовали главным образом литературные коптские тексты, Ернштедт как издатель основное внимание уделял папирусным источникам. Однако исследование грамматики коптского языка он проводил почти исключительно на базе литературных памятников, прежде всего оригинальных коптских произведений на саидском диалекте. В этой области также в отличие от О. Э. Лемма его привлекали теоретические проблемы.

В последующие годы, продолжая публиковать отдельные папирусы и фрагменты рукописей³⁷, а также статьи по грамматическим и лексическим вопросам³⁸, П. В. Ернштедт работает над подготовкой к изданию двух крупнейших совет-

---

³⁶ P. Jernstedt, Aus den Coptica der Sammlung Lichačov, — ДАН-В, 1924, стр. 99—100; P. Jernstedt, Ein Koptisches Ineditum der Eremitage, — «Raccolte di scritti in onore di Giacomo Lumbroso», Milano, 1925, стр. 282—286; его же, Koptische **меше** «du (Frau) weisst nicht», — ДАН-В, 1925, стр. 23—26; «Zum Gebrauch des Koptischen Qualitativs», — там же, стр. 74—77; «Die grammatische und lexikalische Stellung des koptischen verbum NA; „gehen“», — ДАН-В, 1927, стр. 33—35; «Das koptische Praesens und die Anknüpfungsarten des näheren Objekts», — там же, стр. 69—74.

³⁷ P. Jernstedt, Zwei neue Bruchstücke der koptischen **EPΩTAPO-EIΣ**, — «Aegyptus», X, 1929, стр. 80—86; «Graeco-Coptica», — AZ, 64, 1929, стр. 122—135; «Die koptischen Papyri des Asiatischen Museums», — СЕКЛУ, вып. 6, 1930, стр. 21—44; «Zu einem koptischen Papyrus der Eremitage», — СКИДВ, вып. 2(9), 1935, стр. 54—57.

³⁸ P. Jernstedt, Frage **еквн етон**. Antwort **εμαβωχε**, — СЕКЛУ, вып. 2, 1929, стр. 4—5; **отезпац**, — там же, вып. 4, 1930, стр. 1—2; Zur lexikalischen Neuschöpfung im Koptischen, — AZ, 65, 1930, стр. 127—128.

ских собраний коптских папирусов — Государственного Эрмитажа и ГМИИ им. А. С. Пушкина.

К 1935 г. он завершил работу над эрмитажной коллекцией. В этом же году ему была присуждена (без защиты диссертации) ученая степень кандидата филологических наук, и в 1936 г. он был переведен из Рукописного отдела, где выполнял техническую работу, в Кабинет по изучению древнего Востока, возглавляемый В. В. Струве.

К 1937 г. Ернштедт подготовил к изданию также и тексты ГМИИ. Издание обеих коллекций было осуществлено лишь много лет спустя³⁹ и явилось крупным событием в мировой коптологии, обогатив науку ценным историческим материалом, особенно важным для исследователей экономики и социального строя Египта эпохи раннего средневековья.

Основным предметом научных исследований в эти годы Ернштедт избрал грамматику (главным образом синтаксис коптского языка). Эти занятия он продолжал во время блокады Ленинграда (наряду с оборонной темой — словарем новогреческого языка⁴⁰) и в эвакуации в Ташкенте.

В 1942 г. П. В. Ернштедту была присуждена степень доктора филологических наук, а в 1946 г. он был избран членом-корр. АН СССР.

Вернувшись в Ленинград, Ернштедт продолжал свои занятия в области коптского синтаксиса, которые оставались основной темой его работы до конца его пребывания в ИВ⁴¹. Последним опубликованным трудом до его ухода из института была важная грамматическая статья⁴². Помимо большого исследования по синтаксису коптского языка он составил еще учебник для начинающих⁴³.

В 1956 г. по специальности «коптская филология» в аспирантуру ИВ была зачислена А. И. Еланская; после окончания аспирантуры она была принята в институт с 1 января 1960 г.

Руководителями ее во время пребывания в аспирантуре были П. В. Ернштедт и В. В. Струве. Основной темой ее занятий была грамматика коптского языка, и в 1962 г. она за-

³⁹ П. В. Ернштедт, Коптские тексты Государственного Эрмитажа, М.—Л., 1959; его же, Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, М.—Л., 1959.

⁴⁰ «Ученые Ленинграда в годы блокады 1941—1943», М.—Л., 1962, стр. 83. За работу в военные годы П. В. Ернштедт был награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

⁴¹ В ноябре 1950 г. П. В. Ернштедт перешел в Институт языка и мышления, где работал до ухода на пенсию в 1954 г.

⁴² П. В. Ернштедт, К детерминации в коптском языке, — СВ, т. VI, 1949, стр. 52—62.

⁴³ Среди его рукописных трудов хранятся большая монография «Очерки синтаксиса коптского языка» и «Учебник коптского языка для начального курса».

щитила кандидатскую диссертацию «Определение в коптском языке».

А. И. Еланская занимается исследованием грамматического строя и фонетики коптского языка и изданием коптских письменных памятников⁴⁴.

В течение 1960—1965 гг. ею была написана полная научная грамматика саидского диалекта (игравшего роль литературного коптского языка), по многим отдельным вопросам коптской грамматики опубликованы статьи и написан общий очерк коптского языка⁴⁵.

Помимо исследований в области коптской грамматики Еланская ведет работу над изданием коптских письменных памятников советских собраний ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и ГМИИ им. А. С. Пушкина. В частности, ею изданы гомилия об архангеле Михаиле⁴⁶, мученик св. Виктора и Стефаниды и переиздано файюмское евангелие от Марка⁴⁷.

В 1957/58, 1964 и 1968 гг. Еланская читала курс коптского языка для студентов-египтологов Восточного факультета ЛГУ.

---

⁴⁴ О работе А. И. Еланской см.: «Byzanz und byzantinischer Orient in der Sowjetischen Wissenschaft» Halle — Wittenberg, 1968, стр. 28—30, 33.

⁴⁵ А. И. Еланская, Синтаксическая роль определительных предложений в коптском языке, — ПС, вып. 5(68), 1960, стр. 32—44; ее же, Специфика придаточных предложений, вводимых *nee* в коптском языке, — там же, вып. 15 (78), 1966, стр. 28—35; ее же, Происхождение настоящего времени определительного предложения, — НАА, 1961, № 3, стр. 170—178; ее же, Связь и согласование приложений с определяемыми в коптском языке, — КСИНА, 1962, № 46, стр. 88—103; ее же, Строение ирреальных условных предложений в коптском языке, — ИАН, ОЛЯ, вып. 2, 1963, т. XXII, стр. 110—118; ее же, Специфика коптских придаточных форм временного значения, — «Ассириология и египтология», сборник статей Востфака ЛГУ, Л., 1964, стр. 95—105; ее же, Случаи несогласования «подхватывающего местоимения», с antecedentом определительного предложения в коптском языке, — «Древний Египет и древняя Африка», М., 1966, стр. 27—29; ее же, Основные особенности синтаксиса сложноподчиненных предложений в коптском языке, — сб. «Языки Африки», М., 1966, стр. 183—204; ее же, Коптский язык, М., 1964.

⁴⁶ А. И. Еланская, Неизданная коптская рукопись из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (коптская новая серия, № 15—21), — ПС, вып. 9(72), 1962, стр. 41—66.

⁴⁷ А. И. Еланская, Коптские рукописи Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, — ПС, вып. 20(83), 1969.

И. Ф. ФИХМАН

Папирология

Формально папирология сравнительно длительное время не числилась среди дисциплин, представленных в АМ. Это объясняется рядом причин: более поздним оформлением папирологии в самостоятельную научную дисциплину, отсутствием в течение решающих для развития советской папирологии лет собственной папирологической коллекции и отсутствием отдела, в составе которого она могла бы разрабатываться,— Кабинет истории древнего Востока начал работать только в 1937 г.

Но, естественно, наука, освещающая тысячелетний период истории Египта и столь тесно связанная по самым различным каналам со многими востоковедными дисциплинами, не могла не привлекать интерес востоковедов, и ею активно и плодотворно занимались как ученые, работа которых непосредственно примыкала к деятельности АМ — ИВ (акад. В. В. Струве), так и некоторые сотрудники АМ — ИВ вне плана (П. В. Эрншtedт). Не случайно, что среди учреждений и лиц, которым в связи с преобразованием АМ в ИВ было послано предложение о сотрудничестве и координации, был и тогдашний глава советской папирологии Г. Ф. Церетели¹.

К сожалению, и после образования Кабинета истории древнего Востока папирология не смогла развиваться в ИВ в должной мере. Сказались, с одной стороны, полное прекращение деятельности Г. Ф. Церетели и длительный перерыв в работе О. О. Крюгера, а с другой — переключение научных интересов папирологов — сотрудников ИВ. Так, В. В. Струве, хотя и не переставал заниматься папирологией, все же основное внимание уделял шумерологии, П. В. Эрншtedт же почти полностью переключился на коптологию и изучение египетских заимствований в греческом языке.

---

¹ Письмо акад. С. Ф. Ольденбурга от 22 августа 1930 г. за № 350. Экземпляр хранится в Институте рукописей им. К. Кекелидзе АН ГрузССР, ф. Г. Ф. Церетели. № 10.

Но акад. В. В. Струве не оставил мысли о необходимости развития папирологии. Всячески подчеркивая ее значение для разработки основных проблем истории Древнего мира, в первую очередь проблемы эллинизма и перехода от рабовладельческого строя к феодальному², он в то же время неоднократно указывал на невозможность последовательного и целеустремленного изучения истории древнего Египта без папирологии, без тесного сотрудничества египтологов, папирологов, коптологов и арабистов. Этот постоянный его интерес к папирологии нашел отражение и в папирологических диссертационных темах его аспирантов (И. Д. Амусин, И. Ф. Фихман). С первых же дней существования созданного им отдела древнего Востока акад. В. В. Струве поставил перед собой задачу развития папирологии в ЛО ИВ, и его усилия в этом направлении увенчались некоторым успехом³. Поэтому развитие папирологии в АМ — ИВ неразрывно связано с его именем, а также с именем П. В. Эрнштедта.

С папирологии, собственно говоря, В. В. Струве и начал свой творческий путь выдающегося ученого. В отличие от других папирологов он обладал глубокой исторической и филологической подготовкой не только в области греко-римских древностей, но и египтологии и ряда других древневосточных дисциплин. Он был единственным советским, может быть и не только советским, папирологом, который с одинаковой компетентностью мог работать над материалом иероглифических, иератических, демотических и иного рода текстов, относящихся к Египту. Это позволяло ему анализировать папирологический материал самым тщательным образом.

Первой папирологической работой В. В. Струве было издание коптского папируса⁴, но в центре его папирологических интересов всегда находился птолемеевский Египет. Уже первые его большие папирологические исследования — «К истории *Апѳомора*»⁵, «Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте»⁶, «Развитие храмового иммунитета в Птолемеевском Египте»⁷, написанные после выхода в свет монографий В. Отто и М. И. Ростовцева, обратили на себя внимание тщательностью и самостоятельностью исследования. В них В. В. Струве уточнил некоторые из выводов своих предшественников, дал свою трактовку истории *апѳомора*, проследил сложный и противоречивый процесс

² В. В. Струве, Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма, — ВИ, 1956, № 9, стр. 186—187, 191.

³ См. переписку по вопросам папирологии акад. В. В. Струве (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1960), № 43).

⁴ В. В. Струве, Коптский папирус из коллекции проф. Тураева, — ХВ, I, вып. 2, СПб., 1912, стр. 207—211.

⁵ ЖНМП, нов. сер., 1913, ч. 48, стр. 499—511.

⁶ Там же, 1915, ч. 55, стр. 1—64.

⁷ Там же, 1917, ч. 70, стр. 223—255.

укрепления власти жречества и рост храмового иммунитета, подробно рассмотрел различные категории земель в зависимости от объема прав на них владельцев. Проблема социально-экономических отношений в птолемеевском Египте продолжали интересовать его на протяжении всей его деятельности, и, как видно теперь из его архива, опубликованная статья «Общественный строй эллинистического Египта»⁸, представляет собой обработку только части объемистой внутренней рецензии, написанной им еще в 1940 г.⁹ на соответствующий раздел «Всемирной истории»¹⁰.

На протяжении многих лет В. В. Струве готовил также публикацию трех демотических папирусов из собрания ГМИИ. Папирологический материал часто привлекался им и при рассмотрении проблем общего развития древнего Востока, в особенности развития общины¹¹. В тесной связи с чисто папирологическими работами стоят исследования, посвященные истории до- и раннептолемеевского Египта¹², в частности иудейской колонии в Элефантине¹³, а также работы, рассматривающие происхождение «Пророчества горшечника», «Романа об Александре»¹⁴.

⁸ ВИ, 1962, № 2, стр. 67—95.

⁹ На рукописи стоит дата: 14.V.40.

¹⁰ Другую часть работы В. В. Струве предполагал оформить в виде статьи «Значение Киренской конституции для определения общественного строя эллинистического Египта». Среди его бумаг имеются и тезисы работы «Определение связи непосредственного производителя со средствами производства в эллинистическом Египте» и программа спецкурса «История птолемеевского Египта», которые, по-видимому, относятся к этому же времени. Папирологический материал лег в основу его доклада «Становление феодализма в Египте», прочитанного 3 февраля 1941 г. на научной сессии ИВ, посвященной проблеме феодальных отношений в странах Востока. Материалы обсуждения (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1941), № 24). Первоначальное название доклада было: «Кризис рабовладельческого Египта времени Птолемеев и зарождение феодализма» (там же, оп. 1 (1940), № 41).

¹¹ В. В. Струве, Некоторые аспекты социального развития древнего Востока, — ВИ, 1965, № 5, стр. 104—105; его же, Общины Египта и Шумера и общины Индии, — ВЛУ, XVIII, вып. 4, 1965, № 20, СИЯЛ, стр. 52. 56. Проблемы общины в птолемеевском Египте В. В. Струве касался и в более ранних работах.

¹² В. В. Струве, Манефон и его время, — ЗКВ, III, вып. 1, 1928, стр. 109—185; там же, IV, 1930, стр. 159—248; W. Struve, Zur Geschichte Agyptens der Spätzeit, — ИАН, СССР, сер. VII, ОГН, 1928, стр. 197—212.

¹³ W. Struve, Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine, — ИАН СССР, сер. VI, 1926, т. XX, № 5—6, стр. 445—454; его же, Подлинная причина разрушения иудейского храма в Элефантине в 410 г. до н. э., — ВДИ, 1938, № 4, стр. 99—119. Предполагалась еще статья «Праздник Пасхи по элефантинским документам», но по просьбе В. В. Струве от 7 мая 1937 г. она была ему заменена другой темой (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 40).

¹⁴ W. Struve, Zur Töpferakel, — «Raccolta di scritti in onore di G. Lumbroso (1844—1925)», Milano, 1925, стр. 273—281; В. В. Струве, У истоков романа об Александре, — «Восточные записки», I, Л., 1927, стр. 131—146.

Сына основоположника русской папирологии акад. В. К. Эрнштедта и любимого ученика главы советской папирологической школы Г. Ф. Церетели — П. В. Эрнштедта привел к папирологии глубокий интерес к истории среднегреческого языка¹⁵. Этим объясняется, с одной стороны, характер и хронологический охват изданных им папирусов (документы и письма позднеримского, византийского и раннеарабского времени)¹⁶, с другой стороны — содержание введений и комментариев к ним, а также его папирологических статей. Его работы отличаются подробными, тщательно и на высоком уровне сделанными палеографическими описаниями и грамматическими рассуждениями, к тому же без какого бы то ни было ущемления реального, историко-экономического и юридического комментария¹⁷. И в данном случае знание греческого, коптского, среднеперсидского, арабского и других языков и прекрасная общелингвистическая подготовка оказали неоценимую услугу.

Папирологическая деятельность П. В. Эрнштедта началась за несколько лет до его поступления на работу в АМ¹⁸, и почти все его папирологические работы были выполнены

---

¹⁵ Об этом свидетельствуют неоднократные высказывания Г. Ф. Церетели в письмах жене — С. И. Церетели — и П. В. Эрнштедту. Приведем только две цитаты: «Он (П. В. Эрнштедт. — И. Ф.) мне на днях большую службу сослужил. Прочел в одном папирусе все, чего я не мог, и благодаря этому рваный папирус воссиял полностью: все лакуны восполнены! Я рад, ибо папирус unicum! Вообще мы с ним сработались отлично и наша entente cordiale только усилилась... и таким образом из него образовался настоящий рыцарь без страха и упрека» (Письмо С. И. Церетели от 9 февраля 1928 г. Институт рукописей АН ГрузССР, ф. Г. Ф. Церетели, № 1724); «Хочется, чтобы Вы скорее сделали широкий шаг на поприще папирологии: это моя главная мечта» (письмо П. В. Эрнштедту от 2 января 1916 г., ЛО ААН, ф. 877, оп. 1, № 17, л. 45); автобиография П. В. Эрнштедта (там же, ф. 152, оп. 3, № 25).

¹⁶ Литературные папирусы его не интересовали, и П. В. Эрнштедт говорил об этом со свойственной ему прямоотой: «Они для меня полностью безразличны, и участвовать в их обработке никогда не было в моих мыслях» (письмо Г. Ф. Церетели от 21 июня 1933, там же, ф. 877, оп. 1, № 17, л. 154). Восхищаясь грамматическими работами П. В. Эрнштедта, Г. Ф. Церетели тяжело переживал это сознательное ограничение научных интересов: «А здорово любите Вы своего грамматического коня. Эх, если бы так же любили Вы и коня литературного! Какие бы конъектуры делали» (письмо П. В. Эрнштедту от 29 ноября 1928 г., там же, л. 89)..

¹⁷ Иногда комментарий имеет даже большее значение, чем папирус, или, говоря словами Г. Ф. Церетели: «Порой сам папирус не стоит „поданного к нему соуса“, как некогда сказал Скалигер...» (письмо П. В. Эрнштедту от 28 ноября 1928 г., там же, л. 87); см. и письмо от 15 декабря 1928 г. (там же, л. 23).

¹⁸ П. В. Эрнштедт, *Hellenica Oxyrhynchia*, XI, 2, ЖМНП, 1914, стр. 524; его же, О тексте и языке письма Феона, — ЖМНП, 1915, стр. 289—294; его же, Папирусные памятники среднегреческого языка. Письмо Схоластикия к его матери Филосторгии, — ЖМНП, 1917, стр. 287—298.

во время его пребывания в штате АМ и ИВ. Выдающейся заслугой Ернштедта следует признать участие в издании трех из опубликованных в СССР пяти томов «Папирусов русских и грузинских коллекций», осуществленном Г. Ф. Церетели¹⁹. Первым увидел свет в 1927 г. т. IV, целиком подготовленный П. В. Ернштедтом и посвященный им акад. Н. П. Лихачеву²⁰. Том содержит папирусы арабского времени из деревни Афродито, входившие в состав коллекции Н. П. Лихачева и тесно примыкающие к изданным в 1910 г. Х. И. Бэллом P. Lond., IV с некоторыми из которых Ернштедту удалось их воссоединить²¹. Эти папирусы вместе с P. Lond., IV и P. Apoll. Apô составляют наиболее полные и ценные коллекции греческих папирусов арабского времени²². К тому приложена публикация «Фрагмент прошения времени сасанидского вторжения», представляющая большой интерес с точки зрения языковых и культурных греко-коптских связей²³. III²⁴ и V²⁵ тома были подготовлены П. В. Ернштедтом и Г. Ф. Церетели²⁶ и охватывают литературные и в основном документальные папирусы, пергамены, деревянные дощечки, вошенные таблички I—VIII вв. н. э. К III т. приложен экскурс о значении слова 'αυδρος.

¹⁹ «Papyri russischer und georgischer Sammlungen (P. Ross. Georg.) hrsgb. von Gregor Zereteli», I—V, Tiflis, 1925—1935. Переиздание: Amsterdam, 1966.

²⁰ «Die Kome-Aphrodito Papyri der Sammlung Lichačov, bearbeitet von Peter Jernstedt», Tiflis, 1927, Рец.: JEA, XIII, 1927, стр. 269—271; APF, VIII, 1927, стр. 315—316; BFC XXXIV, 1927, стр. 264; Gnomon, IV, 1928, стр. 151—153; BZ XXVIII, 1928, стр. 425—427.

²¹ И. Ф. Ф и х м а н, Советская папирология и изучение социально-экономической истории греко-римского Египта в 1917—1966 гг., — ВДИ, 1967, № 4, стр. 102, прим. 19. Такую же работу проделал П. В. Ернштедт и в отношении коптских папирусов (см.: М. Э. М а т ъ е, И. Ф. Ф и х м а н, — ВВр., XXI, 1962, стр. 223—224, рец.).

²² Сообщая в своем докладе о развитии папирологии в СССР на совместной сессии четырех университетов, Г. Ф. Церетели писал П. В. Ернштедту: «Особенно подействовали на арабистов Ваши Корровские папирусы: пришлось подарить по экземпляру» (письмо от 9 июня 1936 г., ЛО ААН, ф. 877, оп. 1, № 17, л. 133).

²³ См. подробнейший комментарий к ed. princeps: Е. В. Ернштедт, Памятники греческой речи Египта, — ИРАН, XV, 1921, стр. 677—724.

²⁴ «Spätromische und byzantinische Texte bearbeitet von G. Zereteli und P. Jernstedt», Tiflis, 1930. Рец.: ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 204—206; APF X, 1932, стр. 259—261; BZ XXXII, 1932, стр. 85—89.

²⁵ «Varia bearbeitet von G. Zereteli und P. Jernstedt», Tiflis, 1935. Рец.: APF, XII, 1936, стр. 98—102; ChE, XI, 1936, № 22, стр. 557—558; DLZ, LVIII, 1937, стр. 851—852; Gnomon, XVII, 1941, стр. 333—335.

²⁶ Доля труда П. В. Ернштедта была столь значительна, что Г. Ф. Церетели писал ему о III т.: «Ознакомься со всей проделанной Вами работой, вижу, что моего осталось, к выгоде выпуска, очень мало, и потому думаю, что правильнее будет поставить на обложке книги только Вашу фамилию. И в самом деле, мое растворяется в Вашем!» (письмо от 23 июля 1930, ЛО ААН, ф. 877, оп. 1, № 17, л. 94).

Это папирологическое издание²⁷, исключительно разнообразное по содержанию документов, языку, письму, существенно дополняет, исправляет, уточняет наши представления о различных аспектах материальной и духовной жизни населения Египта. Выполненное на общепризнанном высоком научном уровне, оно заслуженно привлекает к себе внимание исследователей²⁸ и широко ими используется²⁹.

Опыт, накопленный Ернштедтом во время работы над греческими папирусами, был им применен при издании коптских папирусов, подготовленных им к печати еще до войны, но увидевших свет только в 1959 г. Ернштедтом издан и фрагмент арабского папируса³⁰.

Папирологическая деятельность Ернштедта не ограничивается публикацией текстов. Его перу принадлежит и ряд папирологических статей³¹. П. В. Ернштедт выступал с папирологическими докладами даже после переключения на коптскую тематику³², а в Ленинградском государственном университете одно время читал курс папирологии на Историческом факультете.

---

²⁷ К нему примыкает и статья: П. В. Ернштедт, Два греческих папируса византийского периода из советских собраний, — ВДИ, 1952, № 2, стр. 201—215, в которой автор воссоединяет P. Ross. Georg. III, 39+SB, I, 4489 и V, 4+BGU, III, 972.

²⁸ Г. Ф. Церетели писал П. В. Ернштедту: «Мы не можем сказать про себя: *laudamus ab his, culpatum ab illis* нас только хвалят!» (письмо от 9 июля 1933 г., ЛО ААН, ф. 877, оп. 1, № 17). Но П. В. Ернштедту, которому приходилось всю работу делать во внеплановом порядке, это стоило много сил и здоровья: «Плохо выжется отпуск с бременем ответственности за славу *musterhafte Gründlichkeit*» (письмо Г. Ф. Церетели от 26 июля 1933 г., там же, л. 156).

²⁹ Например: С. Н. Roberts, An Army Doctor in Alexandria. Aus Antike und Orient. Festschrift Wilhelm Schubart zum 75. Geburtstag, Leipzig, 1950, стр. 112—115 (о P. Ross. Georg. III, 1 и 2).

³⁰ P. Ross, Georg., III, 27, I см. и греко-арабский P. Ross, Georg., V, 73. Ернштедт очень интересовался также пехлевийскими папирусами и указывал на необходимость их издания. Они были опубликованы А. Г. Периханян («Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина», — ВДИ, 1961, № 3, стр. 78—93) и представляют ценное дополнение к греческим и коптским папирусам, изданным Ернштедтом.

³¹ P. Jernstedt, Ngr. ἀλέτροι «Pflug», — «Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921», Kraków, стр. 92—94 (отд. отт.); Kritisches-lexicallisches, — Aegyptus. X, 1929, стр. 73—79; Graeco-coptica, — AZ, LXIV, 1 1929, стр. 122—135; *Ἀπὸς εἰρημνῆς* in griechischen Papyri, — Сборник в честь Г. Ф. Церетели (сборник был набран, но не издан, отпечаток статьи находится в библиотеке Института рукописей АН ГрузССР); «Этимология новогреческого глагола *μαγάρισω*», — Институт языкознания АН СССР, Доклады и сообщения, 1952, № 1, стр. 120—131; Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах, — ВВр, XII 1957, стр. 218—231 и т. д.

³² Например: П. В. Ернштедт, Новые данные (в греческих и коптских папирусах) о сасанидской оккупации Египта; его же, Изучение социально-экономической терминологии греческих папирусов римской эпохи (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1940), № 41).

Начиная с конца 40-х годов папирологи ИВ ставят перед собой задачу изучения социально-политической и социально-экономической истории Египта. Сюда следует отнести помимо работ акад. В. В. Струве, о которых говорилось выше, диссертацию И. Д. Амусина³³ и его статьи по истории Римского Египта и другим вопросам³⁴, а также диссертацию³⁵, монографию³⁶ и статьи И. Ф. Фихмана, который рассматривает в этих работах интересные проблемы социально-экономической истории Египта на рубеже древнего и средневекового периодов³⁷.

К числу папирологических работ, выполненных сотрудниками института, следует добавить биобиблиографические и

---

³³ И. Д. Амусин, Послание императора Клавдия к александрийцам (41 г. до н. э.) как источник для социально-политической истории I в. н. э., Л., 1949.

³⁴ И. Д. Амусин, Послание императора Клавдия (К вопросу о подлинности эдикта у Флавия), — ВДИ, 1949, № 2, стр. 221—228; его же, К эдикту Тиберия Юлия Александра (OGIS, II, 669) (68 г. н. э.), — ВДИ, 1949, № 1, стр. 73—75; его же, К вопросу о датировке флорентийского папируса PSI X, 1160, — ВДИ, 1951, № 4, стр. 208—219; его же, Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуагинты, — ВДИ, 1952, № 3, стр. 46—67; его же, Ad P. Lond. 1912, — JJP, IX—X, 1956, стр. 169—1209.

³⁵ И. Ф. Фихман, Вопросы ремесла византийского Египта (По данным законодательства и греческих папирусов), Л., 1962.

³⁶ И. Ф. Фихман, Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII в. н. э., М., 1965.

³⁷ И. Ф. Фихман, К характеристике корпораций византийского Египта, — ВВр., XVII, 1960, стр. 17—27; его же, Ремесло и крупное имение в византийском Египте (по данным греческих папирусов), — ПС, вып. 7 (70), 1962, стр. 51—88; его же, К проблеме социального состава ремесленников в Египте IV — середины VII в. н. э., — ПСЭИДМ, 1963, стр. 355—366; его же, Некоторые вопросы хозяйственной деятельности ремесленных корпораций позднеримского Египта, — ВДИ, 1965, № 3, стр. 146—153; его же, К вопросу о корпоративной взаимопомощи в византийском Египте, — JJP, XV, 1965, стр. 91—97; его же, К вопросу о трех фазах в развитии египетских патрониев, — ВДИ, 1966, № 1, 110—112; его же, Египетский архив середины IV в. н. э., — ВВр., XXVII, 1967, стр. 295—305; его же, Аренда мастерских в византийском Египте, — сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967, стр. 56—66; его же, К структуре египетского крупного имения VI в. н. э., — ПИКНВ, III, стр. 63—64; его же, Ремесленники позднеримского Египта по данным папирусов, — сб. «Античное общество», М., 1967, стр. 67—74; его же, К развитию патрониев в византийском Египте, — ВВр., XXVIII, 1968, стр. 45—52; его же, Еще раз о ремесленном производстве в римском и позднеримском Египте, — ВДИ, 1968, № 3, стр. 143—146; его же, Земельные отношения в Оксирихе IV—VI вв. н. э., — «IV сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов», М., 1968, стр. 14—15. F. Fikhman, On the Structure of the Egyptian Large Estate in the Sixth Century, — BASP, V, 1968, стр. 59—60; его же, Данные о рабстве позднеримского Египта в новейших папирологических публикациях, — Труды III Всесоюзной конференции по изучению истории и культуры Древнего Востока, М. (в печати).

историографические работы И. Д. Амусина³⁸ и И. Ф. Фихмана³⁹.

³⁸ И. Д. Амусин, Новые работы по истории греко-римского Египта,— ВДИ, 1950, № 4, стр. 125—132; его же, (совместно с А. И. Глускиной), рец. на кн.: R. Taubenschlag, *The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 332 BC—640 AD, vol. II, Warsaw, 1948*,— ВДИ, 1952, № 2, стр. 108—115; его же, Памяти академика Таубеншлага,— ВДИ, 1958, № 4, стр. 172—173; его же, Из новых работ по папирологии.— ВДИ, 1959, № 2, стр. 192—203 и др.

³⁹ И. Ф. Фихман (совместно с М. Э. Матъе), рец. на кн.: П. В. Ернштедт, *Коптские тексты Государственного Эрмитажа*, М.—Л., 1959; его же, *Коптские тексты Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина*, М.—Л., 1959,— ВВр, XXI, 1962, стр. 218—225; его же, *Survey of Soviet Papyrology*,— JJP, XV, 1965, стр. 417—427; его же, рец. на кн.: E. Wipszyska, *L'industrie textile dans l'Égypte romaine*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965,— ВДИ, 1966, № 4, стр. 191—198; его же, Советская папирология и изучение социально-экономической истории греко-римского Египта,— ВДИ, 1967, № 3, стр. 100—107; «Памяти Петра Викторовича Ернштедта»,— ВДИ, 1967, № 3, стр. 168—169; «Отто Оскарлович Крюгер»,— там же, стр. 170—171; «Akademietglied Wassili Wassiljewitch Struwe»,— *Das Altertum*, XIII (1967), стр. 251—256; рец. на кн. S. Daris, *Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto*, Milano, 1964—OLZ, LXIII (1968), стр. 445—447; «*Survey of Soviet Papyrology*», II,— JJP, v. XVI—XVII, 1971, стр. 195—207.

Ассириология

Среди сотрудников АМ не было ассириологов. В составе Кабинета древнего Востока ИВ, за исключением В. В. Струве, не было ни одного специалиста по истории древнего Двуречья¹. Однако изучением Ассирии занимались в других учреждениях Петрограда — Ленинграда. Так, еще в 1919 г. центром изучения древнего Востока в нашей стране стала секция археологии и искусства древнего Востока в составе РАИМК. Секцию эту возглавлял В. К. Шилейко, замечательный ассириолог-самоучка, публикации которого не уступали лучшим работам современных ему западных специалистов. Он издал много шумерских, вавилонских, ассирийских и хеттских клинописных текстов, хранящихся в музеях Ленинграда и Москвы, а также первым стал переводить с оригинала на русский язык лучшие образцы шумерской и вавилонской литературы².

Продолжателем В. К. Шилейко стал его ученик А. П. Рифтин, крупный ассириолог и специалист по общему языкознанию и семитским языкам. Хотя А. П. Рифтин не являлся сотрудником ИВ, но он, как и В. К. Шилейко, был связан с его деятельностью и посещал научные заседания³.

В. В. Струве, который занимался семитологией у акад. П. К. Коковцова, стал основоположником нового направления советской ассириологии, а именно изучения социальной и экономической истории древнего Двуречья на основе систематического исследования богатейших архивов.

¹ «Изучение древней истории в Институте востоковедения АН СССР» (без подписи), — ВДИ, 1938, № 3, стр. 255—257.

² А. П. Рифтин, В. К. Шилейко (некролог). Список работ профессора В. К. Шилейко, — СЕКЛУ, вып. 6, 1930, стр. 1—4.

³ И. Ю. Крачковский, Памяти ученика, — Избр. сочинения, V, 1958, стр. 435—439; В. М. Жирмунский, А. П. Рифтин, — УЗЛГУ, № 69, СФН, вып. 10, 1946, стр. 8—11; П. Н. Берков, Аннотированный список печатных трудов А. П. Рифтина, — там же, стр. 12—14.

После реэвакуации ИВ в 1945 г. был создан Сектор древнего и раннесредневекового Востока, в котором В. В. Струве все еще являлся единственным ассириологом⁴. В 1952 г. сектор был закрыт и В. В. Струве перешел в Институт истории АН СССР.

В 1957 г. в ЛО ИВ была создана группа по ассириологии и смежным дисциплинам, которую возглавил И. М. Дьяконов. И. М. Дьяконов, ученик А. П. Рифтина, окончил ЛГУ в 1938 г. и в том же году начал там читать лекции по истории Вавилонии и Ассирии, истории вавилонской религии и мифологии, а также по шумерскому языку, истории и диалектологии аккадского языка и т. д.⁵. С 1953 г. И. М. Дьяконов работает в ЛО ИВ. В состав группы по ассириологии вошли С. М. Бациева (позднее стала заниматься арабистикой), И. М. Дунаевская, В. А. Лившиц и А. Г. Периханян.

В 1959 г. по решению Президиума АН СССР в ИВ был создан Отдел древнего Востока, который возглавлял до своей кончины В. В. Струве. Отдел состоит из Сектора древнего Востока в ИВ, в который входят историческая группа и группа древневосточной филологии.

В Кабинет древнего Востока ЛО ИВ вошли сотрудники упоминавшейся группы ассириологии и смежных дисциплин, а также перешли вместе с В. В. Струве в 1959 г. из ИИ О. Д. Берлев, М. А. Дандамаев, И. Г. Лившиц и Ю. Я. Перепелкин. В настоящее время в кабинете работают более 20 сотрудников — специалисты по египтологии, шумерологии, ассириологии, хеттологии, семитологии, древнему Ирану и древней истории стран Дальнего Востока.

Лингвисты и филологи кабинета занимаются исследованием древневосточных языков, а историки сосредоточили свои усилия на проблемах, которые имеют большое значение для понимания характера общественных формаций: предпосылки и условия возникновения государства, генезис общины, храмовая собственность, земельные отношения, труд рабов и свободных, проблема возникновения и развития городов в странах древнего Востока⁶.

Сотрудники кабинета достигли значительных успехов в изучении древней истории Передней Азии. Книги сотрудников часто рецензируются в ведущих западных журналах. В жур-

---

⁴ И. Амусин, Сектор древнего и раннесредневекового Востока ИВАН, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 164—167; его же, Институт востоковедения АН СССР, — ВДИ, 1949, № 3, стр. 192—193.

⁵ Берлев, Грибов, Египтология и ассириология в Ленинградском университете, — УЗЛГУ, № 296, СВН, вып. 13, 1960, стр. 160 сл.

⁶ И. М. [Оранский], Отдел древнего Востока (Ленинградская группа Института востоковедения в 1959 г.), — ПВ, 1960, № 3, стр. 325—327; М. А. Дандамаев, Основные проблемы исследования древнего Востока в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР, — ВДИ, 1967, № 1, стр. 107—115.

нале «Orientalia» регулярно отводится место для хроники научной жизни кабинета. Традиционные направления нашей науки становятся предметом острого интереса зарубежных ученых.

В 1957 и 1962 гг. в стенах ЛО ИНА были проведены I и II всесоюзные сессии по изучению древнего Востока, которые позволили установить научные контакты специалистов по древнему Востоку, работающих в различных городах Советского Союза. На III всесоюзной сессии по древнему Востоку, состоявшейся в феврале 1966 г. в Москве, читали доклады почти все сотрудники кабинета.

В 1960 г. на XXV МКВ также было много выступлений сотрудников кабинета (В. В. Струве, О. Д. Берлев, М. А. Дандамаев, И. М. Дунаевская, И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, И. М. Оранский и Ю. Я. Перепелкин). Для знакомства с достижениями советской науки в области социально-экономических исследований в 1960 г. в ЛО ИНА приезжал профессор Чикагского университета И. Гельб, а в 1964 г. с той же целью для работы в Чикагском университете был приглашен И. М. Дьяконов. Последний был также основным докладчиком на III Международном конгрессе по экономической истории в Мюнхене в 1965 г. с темой «Основные черты экономики монархий древней Западной Азии»⁷.

Из остальных (помимо И. М. Дьяконова) ассириологов, работающих в ЛО ИВ, М. А. Дандамаев занимается древним Ираном и поздней Вавилонией, И. М. Дунаевская — хеттским языком так называемых хеттских иероглифических надписей, И. Т. Канева — шумерской грамматикой и публикацией шумерских литературных текстов, Г. Х. Каплан — среднеассирийским диалектом аккадского языка, В. А. Якобсон — историей и правом поздней Ассирии⁸.

Шумер. На основе детального исследования главным образом шумерских документов хозяйственной отчетности, а также большого материала из истории Вавилонии, Ассирии, Египта и Малой Азии В. В. Струве в 1933 г. выступил со своим знаменитым докладом «Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока»⁹. До начала 30-х годов советские востоковеды считали, что для всей пяти тысячелетней истории Востока характерно господство феодализма. В своем докладе В. В. Струве показал, что первым классовым делением было деление на рабов и рабовладельцев. По его мнению, древневосточные об-

⁷ НАА, 1966, № 2, стр. 44—58.

⁸ См.: Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, М., 1961, стр. 174, 339. Книга содержит подробную сводку работ по древней истории Передней Азии, опубликованных в нашей стране с 1917 по 1960 г.

⁹ ИГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 32—181.

щества являлись рабовладельческими. Как полагал докладчик, в Шумере и Египте классовое общество возникло в результате развития ирригационного земледелия, давшего возможность поработить военнопленных. В период III династии Ура в Шумере существовала рабовладельческая эксплуатация труда, и царские хозяйства этого времени были рабовладельческими латифундиями, работники которых были лишены средств производства и жили на скудном довольствии, выдававшемся дворцом.

В статье «„Наемный труд“ и сельская община в южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э.»¹⁰ В. В. Струве показал, что в период III династии Ура наемные работники были «мельчайшими» земледельцами, которые были объединены в сельские общины, связанные с царским хозяйством. Он обратил внимание также на принципиальное различие между оплатой труда наемных работников и выдачей «корма» для рабов¹¹.

В статье «Лагерь военнопленных женщин в Шумере конца III тысячелетия до н. э.»¹² В. В. Струве путем сравнительного изучения документов, отдаленных друг от друга временем в четыре месяца, показал, что за это время в лагере погибло около двух третей женщин и детей, захваченных в плен во время войны.

В работе «Термин *gana-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере»¹³ В. В. Струве привел данные, свидетельствующие о том, что частное землевладение зародилось прежде всего на «высоких полях», на которых необходимо было проводить трудоемкие работы по орошению.

В монографии В. В. Струве «Государство Лагаш» (М., 1961) исследована проблема борьбы за расширение гражданских прав в Лагаше в XXV—XXIV вв. до н. э. Автор, рассмотрев социальные реформы, проведенные правителем города Лагаша — Урукагиной, установил, что они были в интересах низших слоев общества: пастухов, корабельщиков, рыбаков, ремесленников и т. д., на которые и опирался Урукагина при захвате власти. Эти реформы, являвшиеся первыми известными до сих пор крупными социальными реформами древности, привели, по мнению В. В. Струве, к тому, что число полноправных граждан увеличилось в 10 раз — с 3600 до 36 тыс. человек.

Наконец, исследование В. В. Струве «Община, храм и

---

¹⁰ ВДИ, 1948, № 2, стр. 13—33.

¹¹ В. В. Струве, Новые данные об организации труда и социальной структуры общества Сумера эпохи III династии Ура, — СВ, 1949, № 4, стр. 149—184.

¹² ВДИ, 1952, № 1, стр. 26—48.

¹³ ВДИ, 1959, № 2, стр. 53—74.

дворец»¹⁴ освещает взаимоотношения государства, храма и общины в Шумере и показывает, что члены общины в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV в. до н. э. не полностью противопоставлялись храму, землям и людям последнего. Общинники и представители храмового персонала считались собственностью отдельных богов пантеона Лагаша.

И. М. Дьяконов в книге «Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер» (М., 1959) исследовал процесс зарождения классового общества и государства в конце IV тысячелетия в Шумере и его развитие до начала II тысячелетия до н. э. Автор показал, что вопреки распространенным представлениям в древнейшем Шумере не было деспотии и шумерские правители не были собственниками всей земли. Глава государства избирался народным собранием и советом старейшин. Общинными делами управляли совет и отчасти народное собрание, а не единолично царь. До середины III тысячелетия в стране господствовала родовая аристократия. Уже появились средства насилия — войско и администрация, чтобы держать в подчинении эксплуатируемых. Но необходимо было объединить страну и создать единую ирригационную сеть. Эту тенденцию к объединению страны и усилению центральной власти осуществляли правители, которые боролись с влиянием родовой знати. Процесс усиления царской власти привел к тому, что при династии Аккада (XXIV—XXI вв.) начался процесс перехода государства в типичную восточную деспотию, и этот процесс завершился в период III династии Ура (XXI в.). Все Двуречье было объединено в одно государство, создан аппарат управления, целиком подчиненный царю, а страна была разделена на территориальные округа. Непосредственные производители эксплуатировались как рабы. Собственно рабов было относительно мало, и они были заняты главным образом не в ведущих отраслях производства.

Вавилония. В. В. Струве исследовал также оригинальное произведение вавилонской литературы «Диалог господина с рабом». По мнению автора, в этом произведении нашло отражение недовольство аристократии политикой центральной власти в период Первой вавилонской династии¹⁵.

В работе, посвященной долговому рабству, В. В. Струве показал, что в старовавилонский период имела место принудительная продажа членов семьи должника третьему лицу для покрытия вырученной суммой долга кредитору. Члены семьи должника, просрочившего срок возврата долга, должны были

---

¹⁴ ВДИ, 1963, № 3, стр. 11—34.

¹⁵ В. В. Струве, Диалог господина и раба о «смысле жизни» (по новому вавилонскому памятнику), — сб. «Религия и общество», стр. 41—59.

работать на кредитора три года, а рабы должника в аналогичных случаях могли быть проданы¹⁶.

И. М. Дьяконов в статье «*Mušškēnum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби»¹⁷ показал, что в старовавилонский период участки царской земли раздавались в пользование за плату и за службу. Наделы за службу получали представители царской администрации, жрецы и жрицы, воины, ремесленники и земледельцы. Эти наделы можно было передавать по наследству или продавать, но в таких случаях их новый владелец обязан был нести повинности, связанные со своим наделом. Подробно исследовав положение социального слоя мушкенум, автор пришел к выводу, что это были лица, получившие наделы царской земли на условиях владения, но стоявшие вне общины и тесно связанные с царским хозяйством.

И. М. Дьяконов исследовал найденную в библиотеке Ашшурбанапала табличку, на которой записано политическое произведение, и показал, что последнее является сочинением вавилонского жреца и датируется концом VIII или началом VII в. до н. э. По мнению автора, это сочинение, адресованное ассирийскому царю Синаххерибу, — наставление, чтобы последний воздержался от действий против вавилонской знати, которая была заинтересована в сохранении самоуправления в Вавилоне, Сиппаре, Ниппуре и других городах¹⁸.

Сотрудник кабинета И. Д. Амусин, сопоставив найденный в 50-х годах нашего века фрагмент сочинения, содержащего молитву вавилонского царя Набонида, и его надписи, пришел к выводу, что Набонид стремился утвердить культ бога луны Сина во всей Месопотамии в качестве культа верховного бога, надеясь усилить с помощью своих религиозных реформ государственную централизацию¹⁹.

Взаимоотношения между храмами и дворцом в Вавилонии в VI—V вв. до н. э. исследованы в работе М. А. Дандамаева «Храм и государство в поздней Вавилонии»²⁰. В статье «Свободные наемные работники в поздней Вавилонии»²¹ М. А. Дандамаев попытался выяснить масштабы применения труда свободных наемных работников в Вавилонии в VI—IV вв. до н. э.

¹⁶ В. В. Струве, *Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине*, — ПС, 3 (65), 1958, стр. 3—28.

¹⁷ Eos, XLVIII, 1956, № 1, стр. 37—62.

¹⁸ И. М. Дьяконов, *Вавилонское политическое сочинение VIII—VII вв. до н. э.*, — ВДИ, 1946, № 4, стр. 41—53; I. M. Diakonoff, *A Babylonian Political Pamphlet from about 700 B. C.*, — *Studies B. Landsberger*, стр. 343—349.

¹⁹ И. Д. Амусин, *Кумранский фрагмент «молитвы» вавилонского царя Набонида*, — ВДИ, 1958, № 4, стр. 104—117.

²⁰ ВДИ, 1966, № 4, стр. 17—39.

²¹ Сб. «Ассириология и египтология», стр. 31—50.

Ассирия. И. М. Дьяконов выпустил в 1949 г. монографию «Развитие земельных отношений в Ассирии», в которой рассмотрел изменения в социальной структуре Ассирии начиная со староассирийского времени. По мнению автора, в новоассирийское время все завоеванные земли Ассирийской державы находились во владении самого царя, его сановников, храмов и частных лиц. Рабы, которые были поселены на этих землях, могли иметь движимую и недвижимую собственность, в том числе и рабов, и несли государственные повинности. Однако таких рабов можно было продавать вместе с землей или без нее.

В. А. Якобсон защитил кандидатскую диссертацию «Право и социальная структура Ассирии (новоассирийское царство)». Основные положения этой диссертации изложены им в статье «Социальная структура новоассирийского царства»²².

С. М. Бациева в статье «Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию»²³ показала, что основной причиной войн Ассирии с Урарту являлась борьба за центры транзитной торговли железом, которое добывали в Малой Азии.

Большое значение для выяснения общественно-экономического и государственного строя стран древней Передней Азии имеет труд «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», который содержит перевод шумерских, вавилонских, ассирийских и хеттских законов (осуществленный И. М. Дьяконовым и И. М. Дунаевской) с подробным филологическим и историко-юридическим комментарием, написанным И. М. Дьяконовым при участии юриста Я. М. Магазинера²⁴.

И. М. Дьяконов совместно с С. М. Бациевой, К. Б. Старковой и Н. Б. Янковской составил комментированный сборник переводов ассирийских, нововавилонских и древнееврейских текстов, содержащих сведения об Урарту²⁵. И. М. Дьяконов дал также реконструкцию событий времени падения Урартского царства, ставшего в 590 г. частью Мидийской державы²⁶. Он же опубликовал «Урартские письма и документы» (Л., 1963), которые дают уникальный материал для изучения экономики Урарту.

Иран. В. В. Струве написал серию ценных работ по исследованию религии и культуры древнего Ирана. Рассмотрев религиозные воззрения древних иранцев, он высказал предположение, что в Антидэвовской надписи Ксеркса речь идет о

---

²² ВДИ, 1965, № 1, стр. 100—117.

²³ ВДИ, 1953, № 2, стр. 17—36.

²⁴ ВДИ, 1952, № 3, стр. 199—303; № 4, стр. 205—320.

²⁵ «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту». — ВДИ, 1951, № 2, стр. 255—356; № 3, стр. 205—252; № 4, стр. 283—305.

²⁶ И. М. Дьяконов, Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, — ВДИ, 1951, № 2, стр. 19—32.

разрушении храмов мидийских племенных божеств²⁷. По его мнению, между зороастризмом и официальной ахеменидской религией существовали значительные расхождения и Ахемениды не признавали роль Заратуштры как посредника между людьми и верховным богом Ахура-Маздой²⁸.

В. В. Струве полагал, что в начале царствования Дария I в Персии стали применять арамейское письмо для составления документов на древнеперсидском языке²⁹.

И. М. Дьяконов исследовал историю Мидии начиная с древнейших времен, а также подробно рассмотрел проблему древнеиранской религии³⁰.

История Ирана конца 20-х годов VI в. до н. э. исследована в книге М. А. Дандамаева «Иран при первых Ахеменидах» (М., 1963).

И. М. Дьяконов дал обзор арамейских писем персидского сатрапа Аршамы к управляющим его имениями в Египте и показал, что в этих имениях работали военнопленные, обращенные в рабов³¹.

Шумерский, аккадский и урартский языки. В. В. Струве в статье «Проверка теории о значении глагольных префиксов ти- и е-»³² выявил закономерности в употреблении этих префиксов в древнейших шумерских текстах.

И. Т. Канева в большой работе о шумерском глаголе³³ показала существование в шумерских героико-эпических текстах в записях начала II тысячелетия до н. э. формального различия между переходными и непереходными глаголами, так как непереходный глагол в противоположность переходному имел только одну форму спряжения. Автор также показал ошибочность положения крупного шумеролога А. Пёбеля о том, что в «послешумерский период» непереходные глаголы спрягались по типу переходных. В этот период процесс ассимиляции спряжения непереходного глагола спряжением переходного только начинался и происходил, очевидно, под влиянием аккадского языка. Г. Х. Каплан подготовила кан-

---

²⁷ В. В. Струве, Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, — ИАН СССР, СИФ, I, 1944, № 3, стр. 128—140.

²⁸ В. В. Струве, Родина зороастризма, — СВ, 1948, № 5, стр. 5—34.

²⁹ В. В. Струве, Реформа письменности при Дарии I, — ВДИ, 1951, № 3, стр. 186—191.

³⁰ И. М. Дьяконов, История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э., М.—Л., 1956.

³¹ И. М. Дьяконов, Рабовладельческие имения персидских вельмож, — ВДИ, 1959, № 4, стр. 70—92.

³² ВДИ, 1964, № 2, стр. 107—118.

³³ И. Т. Канева, Спряжение шумерского глагола, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 16—96; см. также: И. Т. Канева, Глаголы движения (на материале шумерского героического эпоса), — «Ассириология и египтология», стр. 51—59; ее же, Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы «Писец и его непутевый сын», — ВДИ, 1966, № 2, стр. 68—78.

дидатскую диссертацию, посвященную среднеассирийскому диалекту аккадского языка.

И. М. Дунаевская в большом исследовании, посвященном хеттскому глаголу, установила принципы размещения глагольных формантов, а также сделала попытку выяснить значение глагольных префиксов и префиксальных групп³⁴. Кроме того, И. М. Дунаевская издала фрагмент хеттской иероглифической надписи³⁵.

В 1957 г. на XXIV МКВ И. М. Дьяконов прочел доклад о сходстве и различии между урартским и хурритским языками, в котором он предложил восстановление фонетической системы урартского языка и пришел к выводу, что урартский и хурритский языки произошли от одного и того же языка-основы³⁶.

Как видно из сказанного выше, в течение последнего десятилетия, особенно после создания Отдела древнего Востока, в ЛО ИВ ведется систематическое исследование истории и языков Шумера, Вавилонии, Ассирии, царства хеттов и Ирана.

---

³⁴ И. М. Дунаевская, Принципы хеттского (протохеттского) глагола, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 51—160.

³⁵ И. М. Дунаевская, Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 97—102.

³⁶ I. M. Diakonoff, A comparative survey of the Hurrian and Urartean Languages, — «Paper for the XXIV International Congress of Orientalists», Moscow, 1957. См. более подробно: И. М. Дьяконов, Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков, — «Переднеаз. сб.», II, стр. 369—423.

Гebraистика

Среди востоковедных наук гebraистике издавна приписывалось большое значение.

Еще во второй половине XVIII в. при Московской университетской гимназии пытались подготовить квалифицированные кадры семитологов-гебраистов из числа учащихся, пожелавших бы заниматься еврейским и халдейским¹ языками. Но таковых не оказалось². Вскоре после этого Екатерина II отправила 12 семинаристов в заграничную командировку для изучения семитских языков, между которыми древнееврейский язык считался тогда важнейшим. Через несколько лет командированные вернулись в Россию основательно подготовленными, как показали испытания, произведенные специальной комиссией при АН в Петербурге. Тем не менее эти несколько человек не нашли применения своим знаниям и не имели преемников³.

Со дня основания АМ до конца XIX в. в нем отсутствовали письменные памятники, какие могли бы служить базой для развития интереса к северо-западной ветви семитских языков и литератур. Отчет Б. А. Дорна в 1845 г. называет в перечне коллекций лишь 15 еврейских монет⁴.

В ряду русских гebraистов-семитологов, связанных с АМ, первым стоит Даниил (Иосиф) Абрамович Хвольсон, личность и деятельность которого определили на многие десятилетия вперед направление развития гebraистики и семитологии как в стенах АН, так и университете.

Выходец из бедной еврейской семьи в Вильно, Д. А. Хвольсон самоучкой прошел курс гимназии, экстерном сдал экзамены и с помощью выдающегося гebraиста А. Гейгера поступил в Бреславльский университет, где занимался восточными

¹ Т. е. библейско-арамейским.

² Крачковский, Очерки, стр. 39.

³ Там же, стр. 38.

⁴ Дорн, Аз. Муз., стр. 28.

языками, уделив больше всего внимания арабскому. В Германии и Австрии Д. А. Хвольсон работал над рукописными источниками по истории еврейско-арабских литературных связей, стремясь проследить также следы древневосточных культур в средневековой арабской литературе. В короткий срок Хвольсон завоевал себе почетное имя среди выдающихся арабистов того времени. Их отзывы о нем способствовали тому, что АН России напечатала в серии своих публикаций его двухтомный труд⁵. К тому времени Д. А. Хвольсон переехал в Россию и возглавил кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности только что открытого ФВЯ Санкт-Петербургского университета. В течение 25 лет (1858—1884) он вел также кафедру еврейского языка и библейской археологии в Петербургской духовной академии.

Основная линия научных интересов Хвольсона лежала в области арабоязычной культуры и ее связей с культурой других народов. Его труды ввели в науку целые группы открытых на территории России и за ее пределами новых памятников семитической письменности. Сюда относятся исследование надгробных надписей из Крыма на древнееврейском языке⁶, перевод надписи моавитского царя Меша⁷. Это лишь наиболее значительные из его трудов.

Для истории русской культуры имеет большое значение перевод Библии с еврейского оригинала на современный русский язык, выполненный под руководством и при непосредственном участии Д. А. Хвольсона. Сам Хвольсон единолично перевел труднейший текст Кн. Иова и Притчей Соломоновых.

В течение своей долгой жизни Хвольсон многократно использовал собрание арабских рукописей АМ. Будучи любителем старинных книг, он сам собирал их и перед смертью передал свою коллекцию музею.

Еще при жизни Хвольсона его преемником в науке стал его ученик П. К. Коковцов, который был также учеником и В. Р. Розена. После окончания гимназии он поступил на ФВЯ Петербургского университета по еврейско-арабско-сирийскому разряду. Он единственный среди известных русских семитологов владел всеми семитскими языками и видами письменности, включая ассиро-вавилонскую клинопись и эфиопское письмо. Сверх того, в университетские годы он прослушал полный курс арабско-персидско-турецкого разряда и занимался санскритским языком⁸. В своих первых работах он выступал как эфиопист, но основные его интересы лежали в

⁵ «Die Ssabier und der Ssabismus», Bd 1—2, St.-Pbg., 1856.

⁶ «Achtzehn hebräische Grabinschriften aus der Krim», St.-Pbg., 1860.

⁷ «Новооткрытый памятник моавитского царя Меша», — «Христианское чтение», 1870, № 8, стр. 1—131.

⁸ П. К. Коковцов, Автобиография, — Материалы для биографического словаря действ. чл. АН, ч. I, Пг., 1916, стр. 326—329.

области изучения еврейско-арабской письменности и семитской эпиграфики. Его исследования средневековой еврейской филологии были построены целиком на новых источниках, извлеченных им из богатейшего собрания Фирковича. Опубликованные два тома «К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы», отделенные друг от друга большим промежутком времени⁹, остаются свидетельством его таланта, эрудиции и научной строгости исследования. П. К. Коковцов наметил также материалы для девяти томов задуманной им серии, как видно из его архива. Как Д. А. Хвольсон, Коковцов был крупнейшим семитологом-эпиграфистом, его работы интерпретировали финикийские, еврейские и арамейские надписи, в том числе самый большой по объему памятник семитской эпиграфики, так называемый «Пальмирский тариф». В своей профессорской деятельности Коковцов также стал преемником Хвольсона — с 1884 г., когда он был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности, и до начала 30-х годов XX в. Он вел занятия по всему курсу семитологической письменности и еврейской литературы библейского, мишнаидского и средневекового периодов. Сотни листов, заполненных выписками и заметками по каждому кругу лекций и семинаров, сохранившиеся в его архиве, показывают необычайный диапазон его знаний.

С 1903 г. Коковцов принимал участие в работе АН как адъюнкт, в 1906 г. — экстраординарный академик, в 1919 г. был избран действительным ее членом¹⁰. По этой линии ему приходилось соприкасаться с деятельностью еврейского и мусульманского отделов АМ¹¹.

Однако научное изучение еврейской письменности в стенах АМ на рубеже XIX—XX вв. начали не гебраисты. Материалами для них послужили памятники еврейско-персидской литературы, которыми в конце прошлого века заинтересовался директор музея иранист К. Г. Залеман. Он отлично понимал важность для иранской филологии издания и изучения еврейско-персидских текстов и посвятил им ряд своих трудов. В его планы входило издание серии *Judaeo-Persica*, первым выпуском которой в 1897 г. явилась «Худайдат-наме», поэма, написанная на бухарском диалекте еврейско-персидского языка и хранившаяся в рукописи в собрании Фирковича¹². Второй

⁹ «Книга сравнения еврейского языка с арабским» Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, СПб., 1893; «Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках», Пг., 1916.

¹⁰ К. Б. Старкова, Семитология в СССР за 40 лет, — ЗИВАН, XXV, 1960, стр. 263—267.

¹¹ С 10 января 1910 г. по поручению ОИФ наблюдал за каталогизацией «Библиотеки Фридланда» (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 54).

¹² S a l e m a n, *Judaeo-Persica*, I, *Chudaidat*, St.-Pbg., 1897.

выпуск включил стихи еврейского поэта Ибрахима бен Абдулхейра по рукописи АМ из собрания А. Л. Куна. В 1901 г. уже было сверстано издание «Малых Пророков» по еврейско-персидским рукописям ГПБ, но книга не появилась, причины остались невыясненными. К этой работе К. Г. Залеман готовился около 20 лет, как видно из тетради его архива, содержащей начало Glossarium Judaeo-Persicum на буквы алеф — гимел к переводам книг пророков с датой «1885»¹³. В дальнейшем дело, начатое Залеманом, частично продолжили А. А. Фрейман и И. И. Зарубин. К тому же кругу работ Залемана принадлежит предложенное им чтение и филологический анализ древнейшего документа на еврейско-персидском языке, привезенного Аурелем Штейном из Хотана (VIII в.)¹⁴. Некоторую помощь в изучении текста К. Г. Залеману оказали С. Е. Винер и П. К. Коковцов¹⁵.

В 1892 г. АМ получил в дар обширную библиотеку еврейских книг и рукописей Л. П. Фридланда. Над ее систематизацией и описанием работал библиограф, знаток еврейской печатной книги С. Е. Винер (1860—1923). Он продолжал это дело в музее на средства, специально выделенные для этого по завещанию Л. П. Фридланда. В 1914 г. он получил звание младшего ученого хранителя, оставаясь сверхштатным сотрудником¹⁶. Кроме того, он разбирал и регистрировал еврейские книги и рукописи, продолжавшие поступать в АМ. В 1918 г., сделавшись штатным сотрудником АМ, он инвентаризировал все еврейские рукописи собрания¹⁷. Его упорная и систематическая работа потребовала огромных знаний и принесла плоды, которыми до сих пор пользуются все интересующиеся еврейскими печатными источниками, хранящимися в нашей библиотеке. За годы своей работы в музее С. Е. Винер подготовил и издал семь выпусков каталога еврейских книг «Bibliotheca Friedlandiana»¹⁸. По замыслу издания, в завершеном виде каталог должен был служить «одним из первоисточников еврейской библиографии»¹⁹. К сожалению, после смерти С. Е. Винера работа продолжалась с такими перерывами, что в настоящее время находится почти на том же месте, где он ее оставил.

Революция внесла существенные изменения в развитие гебраистики-семитологии в АМ, который стал еще в боль-

¹³ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, 1959, стр. 93—95.

¹⁴ К. Г. Залеман, По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана, — ЗВОРАО, XVI, 1904, стр. 046—057.

¹⁵ Там же, стр. 046.

¹⁶ Отчет АМ, 1914, стр. 4; см. также: ЛО ААН, ф. 4, оп. 4, № 722.

¹⁷ Отчет АМ, 1918, стр. 8.

¹⁸ «Catalogus librorum impressorum hebraeorum in Museo Asiatico. Opera et studio Samuelis Wiener», Fasc. 1—7, Petropoli, 1893—1918.

¹⁹ Отчет АМ, 1916, стр. 231.

шем масштабе, чем раньше руководящим центром востоковедения²⁰. В результате структурных изменений был создан специальный Еврейский отдел. С этого времени часть научной деятельности акад. П. К. Коковцова была связана с АМ, так как он редактировал подготовленные к изданию выпуски каталога библиотеки Фридланда и руководил подготовкой новых выпусков ее. Кроме того, его последняя крупная печатная работа, установившая историческое значение переписки между хазарским царем Иосифом и политическим деятелем Кордовского халифата Хасдаи Ибн Шафрутом (X в.) и содержащая критическое издание этих документов с русским переводом, была издана уже ИВ²¹.

После С. Е. Винера для продолжения каталога печатных книг на еврейском языке в штат АМ был зачислен в 1924 г. по рекомендации П. К. Коковцова его ученик М. Н. Соколов. Первоначальную подготовку в древнееврейском и сирийском языках он получил в Московской духовной академии. Окончив ее курс в 1915 г., он продолжал свои занятия в Петроградском университете. Ускоренный курс по разряду еврейско-арабско-сирийской филологии он прошел в два года под руководством П. К. Коковцова и И. Ю. Крачковского и был оставлен при университете для подготовки к профессуре. В 20-х годах он развернул многостороннюю научную и практическую деятельность: на факультете был председателем секции древневосточных культур, в качестве доцента вел курсы еврейского и арабского языков, читал со студентами Библию и средневековые комментарии к ней. В то же время он нес обязанности помощника хранителя Семинарии восточных языков и Восточного музея при университете, был также научным сотрудником ИЛЯЗВ, где состоял председателем Секции семито-хамитского языкознания²², был секретарем КВ.

В АМ М. Н. Соколов был хранителем Еврейского отдела. Продолжая работу по каталогизации «*Bibliotheca Friedlandiana*», он завершил расстановку книг по алфавиту внутри раздела буквы (расстановку книг по буквам завершил С. Е. Винер). На его обязанности лежала также регистрация всех новых поступлений на еврейском языке. С именем М. Н. Соколова связаны новые крупные приобретения АМ. В летние месяцы 1926 и 1927 гг., по предложению Этнографического музея в Евпатории, он был командирован в Крым для знакомства с рукописными материалами Караимской национальной библиотеки (Карай-Битиклиги), хранившимися при музее. Совместно с хранителем библиотеки Б. С. Елья-

²⁰ Крачковский, Очерки, стр. 87, 100.

²¹ П. К. Коковцов, Еврейско-хазарская переписка в X веке, М.—Л., 1932.

²² Отчет АМ за 1927 г., стр. 215.

шевичем (Эльяшевичем) он подготовил опись всех рукописей, включавшую свыше тысячи названий²³. В ноябре 1927 г. он был командирован в Казань для определения научной ценности библиотеки упраздненной Казанской духовной академии. Как отметило руководство АМ, только благодаря стараниям М. Н. Соколова выяснилось ее подлинное значение и она поступила в собрания АМ²⁴. Для лучшего освоения литературного наследия караимов М. Н. Соколов потратил много времени и сил на изучение караимского языка, которым занимался даже в труднейших условиях жизни²⁵.

М. Н. Соколов оставил после себя лишь несколько статей источниковедческого характера. Важнейшая из них публикует новые отрывки из законоуложения номинального основоположника и вождя караимского раскола в VIII в. Анана ха-Наси по неизвестной до тех пор рукописи Караимской библиотеки²⁶. Он же исследовал средневековое дидактическое сочинение «Мибхар ха-пениним», приписывавшееся поэту Соломону Ибн Габиролю (XI в.), и пришел к отрицательному выводу относительно авторства поэта-философа²⁷. Его статья дополняет известный уже текст арабского оригинала сочинения новыми его фрагментами, обнаруженными во II собрании Фирковича. Первый опыт научной публикации он посвятил гадательному документу пушкинского времени на еврейском языке, документ принадлежал Г. П. Блоку, двоюродному брату поэта²⁸.

Последние годы своей научной деятельности Соколов готовил к изданию в серии «К истории средневековой еврейской филологии», начатой П. К. Коковцовым, трактаты средневекового грамматика Абу-л-Фараджа Харуна. По замечанию его учителя для этой работы вполне подходило его блестящее знание арабского языка и истории средневековой еврейской филологии²⁹.

В последние месяцы существования АМ его сотрудником стал советский семитолог А. Я. Борисов. Как и его учитель П. К. Коковцов, он был энциклопедистом и основные интересы увлекали его в область еврейско-арабской литературы. Помимо того он основательно изучил пехлевийскую письмен-

²³ Там же, стр. 214—215.

²⁴ Там же, стр. 215; 1928, стр. 195.

²⁵ Письмо П. К. Коковцову от 4.IX.1934 (ЛО ААН, ф. 779, оп. 3, № 389).

²⁶ М. Н. Соколов, Фрагмент «Книги Законов» Анана га-Наси, — ИАН СССР, 1928, стр. 243—253.

²⁷ «Арабский оригинал сочинения „Mibhar ha-penim“, приписываемого Соломону Ибн-Габиролю», — ИАН СССР, 1929, стр. 287—300.

²⁸ «Один гадательный документ начала прошлого столетия», — ЗКВ, I, 1925, стр. 375—380.

²⁹ «Отзыв П. К. Коковцова о работе М. Н. Соколова», — ЛО ААН, ф. 779, оп. 3, № 30; см. также: там же, ф. 4, оп. 4, № 2385.

ность и оставил несколько статей по связанным с ней проблемам. Особенно известен А. Я. Борисов открытием особой версии так называемой «Теологии Аристотеля», одного из важнейших памятников неоплатонизма. Кроме опубликованных работ он написал несколько исследований по истории арабского неоплатонизма. Их издание подготовлено к печати³⁰.

После создания ИВ Еврейский отдел превратился в Еврейский кабинет, которому помимо систематизации и описания книжного и рукописного фондов на еврейском языке были предложены новые научные задачи, в том числе изучение социологии и истории революционного движения в еврейской среде³¹. Были привлечены новые кадры гебраистов. В феврале 1930 г. в ИВ был принят новый сотрудник — В. Л. Дашевский.

В. Л. Дашевский, окончив курс Историко-филологического института в Нежине, поступил на ФВЯ Петербургского университета, где занимался по еврейско-сирийско-арабскому разряду и одновременно по арабско-персидско-турецкому. После этого он был учителем, затем служил в армии, участвуя в это же время в революционном движении. В 1917 г. он вступил в ряды партии, командовал частями Красной Армии во время гражданской войны. В. Л. Дашевский возглавил Рукописный отдел и в то же время принял участие в работе Еврейского кабинета в качестве научного сотрудника. Он сотрудничал с М. Н. Соколовым в описании и подготовке к передаче Караимской библиотеки в Евпатории и рукописей из Карасу-Базара. К сожалению, в последующие годы описи-инвентари этих двух собраний были утеряны и сохранился лишь инвентарь Караимской национальной библиотеки, составленный Б. С. Эльяшевичем.

Научная деятельность В. Л. Дашевского была направлена на изучение быта и социальных движений среди евреев юго-восточных окраин России: крымских, горских, грузинских, бухарских; кроме того, он занимался историей хазар. К его биографии приложен список восьми работ на эти темы и названо около 200 переводов источников по истории восточных евреев с арабского, древнееврейского, еврейско-персидского и тюркских языков³². Были ли эти работы напечатаны, выяснить не удалось. В 1935 г. В. Л. Дашевский вышел на пенсию по болезни.

В 1932 г. в штат Еврейского кабинета вошли И. Г. Бендер и Ю. А. Солодухо.

И. Г. Бендер окончил ФВЯ, где его учителями были

---

³⁰ А. Я. Борисов, К истории неоплатонизма в странах Арабского Востока. Сборник статей.

³¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1, 1930, № 23.

³² ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 196.

П. К. Коковцов, И. Ю. Крачковский и В. В. Струве. И. Г. Бендер занимался семитскими языками. Его призванием была древнейшая история еврейского народа, изучаемая в тесной связи с историей других народов древнего Востока и их культур. С 1 января 1932 г. Бендер был зачислен в Еврейский кабинет ИВ³³. Он принял после М. Н. Соколова обязательство подготовить к печати очередные выпуски каталога библиотеки Фридланда, издание которых прекратилось с 1918 г. В 1936 г. он опубликовал VIII выпуск под редакцией П. К. Коковцова и подготовил выпуски IX—X, изданию которых помешала война³⁴. Помимо того он собирал материалы для книги «Иудея в VII—V вв. до н. э.». В науку он вошел как критик Библии, опубликовав в качестве первой своей статьи исследование «К вопросу о делении источников Книги Бытия»³⁵. Эта работа опирается на теорию Графа-Вельгаузена и приводит некоторые дополнения к доказательствам взаимосвязи первичных источников Пятикнижия. Он был прирожденным историографом, при этом очень широкого диапазона, как показывает его кандидатская диссертация, посвященная Азарии де Росси, еврейскому историку эпохи Возрождения³⁶.

В конце 1934 г. к работе в ИВ приступил историк Ю. А. Солодухо³⁷.

Получив традиционное в еврейской среде того времени образование и свободно владея еврейскими языками, он экстерном прошел курс и в 1907 г. сдал экзамены за Учительский институт Рижского учебного округа. После этого он преподавал в еврейских школах, давал частные уроки и сотрудничал в еврейских журналах и газетах. В начале 30-х годов он служил секретарем Локального бюро СНР АН СССР. Ю. А. Солодухо сосредоточил внимание на проблемах социальной истории древности и раннего средневековья. Круг знаний дал ему возможность использовать в качестве источников малоизученные в этом плане канонические руководства еврейского народа, образующие Мишну, Талмуд и дополнения к ним. Огромное количество правовых постановлений, справок, примеров, взятых из действительной жизни и народных преданий, предоставляли богатый материал для изв-

---

³³ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 79.

³⁴ «Bibliotheca Freidlandiana». Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) библиотеки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. VIII. Составил И. Г. Бендер под ред. акад. П. К. Коковцова.

³⁵ ЗКВ, III, 1928, стр. 395—416.

³⁶ «Азария де Росси (1513—1578) как исследователь древней истории евреев». Защита с присуждением степени кандидата исторических наук состоялась 5 июня 1935 г. Опубликованы тезисы диссертации.

³⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 116.

лечения сведений о рабстве и наемничестве, землевладении, торговле и ремеслах, о семейных отношениях и социальных движениях на территории Палестины, Сирии и Ирака в эпоху эллинизма и средних веков. С полным основанием Ю. А. Солодухо проводит в своих работах ту мысль, что своды еврейского канонического права часто отражают правовые нормы и социальный уклад народов, среди которых жили евреи Ирака, в первую очередь парфян и персов, и потому могут служить дополнением к ираноязычным историческим источникам.

В одно время с И. Г. Бендером Ю. А. Солодухо защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Рабство в еврейском обществе Ирака и Сирии II—V вв. н. э.» В дальнейшем Ю. А. Солодухо наметил создать большую монографию, охватывающую исследованием все стороны социального уклада еврейского народа в Ираке и Сирии в первой половине I тысячелетия н. э.

В 1937 г. Еврейский кабинет был преобразован в Кабинет древнего Востока под руководством В. В. Струве. Секретарские обязанности исполнял И. Г. Бэндер, сочетая их с новой работой, посвященной новооткрытым угаритским текстам «Расшифровка алфавита Рас-Шамры». В следующем, 1938 г. в состав кабинета вошла Н. В. Пигулевская, сириолог и византист, принеся с собой два подготовленных к изданию исследования. Свою научную деятельность она начала как историк³⁸ и критик Библии.

В гебраистике ИВ не была представлена лингвистическая струя, несмотря на общий интерес к лингвистике в те годы, когда «новое учение» о языке, созданное Н. Я. Марром, господствовало в гуманитарной науке. Однако ряд проблем семитского языкознания разрабатывал в своих лингвистических трудах талантливый арабист Я. С. Виленчик. К сожалению, его капитальное исследование о происхождении арабского артикля до сих пор остается в рукописи и, вероятно, частично утратило значение.

Продолжение работ по систематизации и описанию еврейских рукописей, начатых М. Н. Соколовым и В. Л. Дашевским, было поручено в 1936 г. новому сотруднику-гебраисту — Ионе Иосифовичу (Осиповичу) Гинцбургу. С 1936 по 1941 г. он составил систематическое описание всех рукописей еврейского фонда ИВ. К началу войны каталог был подготовлен в машинописи с рукописными указателями сочинений и авторов. За это же время И. И. Гинцбург напечатал несколько статей, привлекающих внимание к некоторым важным спискам еврейских и еврейско-арабских сочинений из собрания

---

³⁸ «Восток и евреи в Книге Исая», — «Восток», 5, М.—Л., 1925, стр. 132—139.

ИВ³⁹. Первое место по объему и значению занимает его монография, исследующая уникальный список еврейского перевода, так называемые «Утешения Боэция». Она должна была стать его докторской диссертацией⁴⁰. Необходимо упомянуть также о начатой им работе по подготовке к критическому изданию исторической хроники крымчака Давида Лехно, современника завоевания Крыма Россией. Почти все источниковедческие работы И. И. Гинцбурга касаются исследования рукописных сочинений из собрания АМ—ИВ, тогда как большинство востоковедов обращается за материалом к собранию А. С. Фирковича в ГПБ.

Война прервала десятилетний период углубленного развития гебраистики, впервые поставленной на рельсы планомерного изучения главных направлений культуры еврейского народа. Вместе с продолжением библиографии библиотеки Фридланда в предельно краткий срок был создан каталог фонда еврейских рукописей. Историческое прошлое евреев впервые получило освещение с позиций марксистско-ленинской теории в трудах И. Г. Бендера, В. Л. Дашевского, Ю. А. Солодухо. Мировоззрение евреев Западной Европы в средние века и в эпоху Возрождения отразилось в исследованиях И. И. Гинцбурга и И. Г. Бендера. Языкознанием занимался Я. С. Виленчик, некоторые проблемы языка были затронуты также в неопубликованных статьях И. И. Гинцбурга⁴¹.

Война нанесла кадрам семитологов и гебраистов ИВ огромный ущерб.

Блокадные осень и зима 1941/42 г. принесли тяжелые потери. В ночь на новый, 1942 г. скончался престарелый П. К. Коковцов, последние годы не принимавший активного участия в жизни ИВ, но тем не менее вдохновлявший советских семитологов. Зимой умер И. Г. Бендер, отличавшийся слабым здоровьем. Не выдержал испытаний И. И. Гинцбург, умерший весной 1942 г. После эвакуации университета с ИВ связал свою деятельность А. Я. Борисов, который прочел здесь свой последний доклад о восточных связях древнерусской литературы. Через несколько недель он умер по дороге из Ленинграда. Из небольшой группы гебраистов ИВ остался Ю. А. Солодухо, который возобновил и продолжил свою деятельность в Ташкенте.

В конце 1942 г. коллектив ИВ пополнился семитологом

---

³⁹ И. И. Гинцбург, Каталог еврейских рукописей собрания ИНА, т. I (печатается); его же, Краткий обзор Еврейского фонда Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР,—БВ, № 11, в. 10, 1936, стр. 125—130.

⁴⁰ Хранится в АВ, ф. 79, оп. 1, № 11.

⁴¹ Список трудов, приложенный к автобиографии, см.: АВ, ф. 79; см. также оп. 1, № 1—22.

И. Н. Винниковым. Ученик П. К. Коковцова, И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда и Л. Я. Штернберга, он совместил в себе этнографа и лингвиста и благодаря отличному знанию арабского, еврейского и арамейских языков выполнит ряд филологических работ. В эвакуации он продолжал свое большое исследование языка и культуры среднеазиатских арабов. Тогда же он подготовлял материалы к словарю некоторых арамейских наречий.

В марте 1944 г. сотрудницей ИВ стала гебраистка-арабистка К. Б. Старкова (род. в 1915 г.), принадлежавшая к младшему поколению ленинградских семитологов, ученица А. Я. Борисова, И. Ю. Крачковского и В. И. Беляева. Закончив курс аспирантуры при университете в 1941 г., она привезла в Ташкент приготовленную к защите диссертацию, основанную на литературном и текстологическом анализе стихотворных произведений Иехуды Халеви (XII в.)⁴². В Ташкенте она была секретарем Кабинета древнего Востока и работала под руководством В. И. Беляева над описанием арабских рукописей ташкентской Публичной библиотеки.

Возвращение в Ленинград особенно остро дало почувствовать недостаток специалистов. Текущие библиотечные дела принял на себя Ю. А. Солодухо наряду со своей научно-исследовательской работой. К. Б. Старкова с середины 1945 г. стала докторантом, работая снова над темой из истории средневековой еврейской литературы и посвященной поэтическому творчеству Соломона Ибн Габироля (XI в.). Одновременно в аспирантуру ИВ поступил ученик В. В. Струве историк И. Д. Амусин.

В аспирантуре он продолжил занятия древнееврейским языком, который до этого изучал на старшем курсе Исторического факультета ЛГУ. Весной 1949 г. он защитил диссертацию на тему «Послание императора Клавдия александрийцам (41 г. н. э.) как источник для социально-политической истории I в. н. э.».

И. Н. Винников после войны продолжал сотрудничать в Арабском кабинете. В этот период он начал подготовительную работу к составлению сводного словаря арамейских эпиграфических памятников⁴³. В то же время он издал ряд исследований финикийских и арамейских надписей.

К важнейшим заданиям послевоенного времени относился разбор архива П. К. Коковцова. Весной 1942 г. обширные материалы архива, накопившиеся за долгую жизнь составителя, так же как и его библиотека, благодаря инициативе и личным усилиям Н. В. Пигулевской поступили в ИВ. С 1946

⁴² «Ленинградские фрагменты „дивана“ Иехуды Халеви».

⁴³ И. Н. Винников, Словарь арамейских надписей, — ПС, вып. 3—4, 7, 9, 11, 13 (1958—1965).

по 1949 г. над его разбором и систематизацией трудилась сотрудник Рукописного отдела кавказовед Р. Р. Орбели, оказавшая тем самым семитологии неоценимую услугу. Осенью 1949 г. разобранные и описанные бумаги П. К. Коковцова были переданы в Архив АН в Ленинграде⁴⁴.

Новый подъем семитологических дисциплин начался примерно в середине 50-х годов. Образование ЛО ИВ создало возможности для расширения круга специалистов по всем отраслям востоковедной науки.

После восстановления системы специальных кабинетов семитологические дисциплины разместились в кабинетах Древнего и Ближнего Востока, с выделением, как и в прежние годы, Арабского кабинета. Глава и организатор Кабинета Ближнего Востока Н. В. Пигулевская (1894—1970) как сириолог-византист в основу своей научной деятельности положила изучение социальных проблем, связывающих в один круг Византию, Аравию, Сирию, Иран и другие страны бассейна Средиземного моря — Индийского океана. Секретарем кабинета был ее ученик, историк-сабеист А. Г. Лундин, поступивший в аспирантуру под руководство Н. В. Пигулевской в 1955 г. В первичный состав кабинета вошла в 1958 г. сириолог-арабист Р. Г. Рылова (Бикмухаметова), лингвистка, занимавшаяся историей сирийской филологии.

Несколько позднее (в 1960 г.) аспирантуру по сирийской филологии прошла А. В. Пайкова, избравшая специальностью историю сирийской литературы. Закончив курс аспирантуры, она стала научным сотрудником кабинета. В 1959 г. в состав кабинета по разряду сириологии вошла также Г. М. Глушкина, сириолог с основательной гебраистической подготовкой, ученица И. Н. Винникова и Н. В. Пигулевской. Преподавая по совместительству сирийский язык на Восточном ф-те, она через два года, согласно закону о совместительстве, оставила работу в Кабинете, где она занималась составлением сирийской грамматики.

По линии гебраистики в состав Кабинета Ближнего Востока вошел М. Н. Зислин. В 1957 г. к нему присоединился лингвист А. М. Газов-Гинзберг. Позднее туда перешла из Рукописного отдела К. Б. Старкова, и почти одновременно с ней был зачислен в штат кабинета историк И. Ш. Шифман (род. в 1930 г.).

В Кабинете Древнего Востока с 1960 г. гебраистику представлял И. Д. Амусин, под руководство которого была зачислена в аспирантуру для изучения древнееврейского языка М. М. Елизарова, с 1968 г. кандидат исторических наук, ра-

---

⁴⁴ Р. Р. Орбели, Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство, — ОИРВ, II, 1956, стр. 341—359.

ботающая над проблемами, связанными с изучением рукописей Мертвого моря.

Сравнивая состояние гебраистики в настоящем и прошлом, мы отмечаем прежде всего рост количества специалистов. Наличие семи гебраистов одновременно в востоковедном коллективе является несомненным показателем развития дисциплины. Если среди них преобладают историки (И. Д. Амусин, М. М. Елизарова, М. Н. Зислин, И. Ш. Шифман), то в тематике научной работы преобладают проблемы, разрабатываемые на основе и средствами филологии (И. Д. Амусин, А. М. Газов-Гинзберг, М. Н. Зислин, К. Б. Старкова и другие).

Еврейско-арабской филологией, исследование которой выдвинуло в прошлом русскую науку на одно из первых мест в мире, планомерно занимается теперь М. Н. Зислин. Начав свое востоковедное поприще с упорядочения печатных изданий на еврейском языке, в дальнейшем он избрал научной темой изучение литературного наследия средневекового грамматика Абу-л-Фараджа Харуна, с которым его познакомил архив П. К. Коковцова. Он должен был овладеть арабским языком, без основательного знания которого работа в избранной им области невозможна. Занимаясь трудами Абу-л-Фараджа, он сумел выявить неизвестное грамматическое сочинение той же школы и проследить на нем влияние идей этого малоизученного средневекового филолога. Печатные работы М. Н. Зислина являются результатом предвзвешенного изучения памятников, предшествующего критическому изданию полного текста трактата «ал-Кафи» Абу-л-Фараджа.

Проблемами истории древности на основе памятников северо-западной семитской эпиграфики, нарративных источников и документов на древнееврейском и арамейском языках занимается И. Ш. Шифман, которого особенно привлекают важнейшие вопросы социального уклада государств Финикии, Сирии и Палестины. С 1960 г. он опубликовал свыше 50 статей по этим проблемам, не считая монографии о возникновении карфагенского государства⁴⁵ и популярных очерков о мореплавании финикийцев⁴⁶ и финикийском языке⁴⁷.

Ослабление в области исследования средневековой филологии отчасти компенсируется тем, что гебраисты активно включились в изучение крупнейшего открытия современности — рукописей и документов, найденных на побережье Мертвого моря (Хирбет-Кумран и Вади Мурраббат). После

---

⁴⁵ И. Ш. Шифман, Возникновение карфагенской державы, — ПС, вып. 12, М.—Л., 1963.

⁴⁶ «Финикийские мореходы», М., 1965.

⁴⁷ «Финикийский язык» (Языки зарубежного Востока и Африки), М., 1963.

первых работ информационного характера ⁴⁸ появилась серия статей (свыше 20) И. Д. Амусина по различным вопросам истории и идеологии кумранской секты ⁴⁹. Ему же принадлежит заслуга издания первых по этой теме научно-популярных монографий, предложивших советскому читателю перво-классную информацию с самостоятельным освещением ряда сложных проблем ⁵⁰. За труды в этой области И. Д. Амусину присуждена докторская степень.

В настоящее время соединенными силами И. Д. Амусина, А. М. Газова-Гинзберга и К. Б. Старковой с участием М. М. Елизаровой подготовлено издание основных сочинений из Кумранской библиотеки в русском переводе с комментариями. Издание подводит некоторые итоги пятнадцатилетней работы советских гебраистов-кумрановедов.

Помимо участия в работе над кумранскими рукописями А. М. Газов-Гинзберг впервые после смерти арабистов Я. С. Виленчика и Н. В. Юшманова начал разрабатывать проблемы общего языкознания на материале семитских языков. Его разыскания, посвященные кардинальному вопросу происхождения языка, опираются на опыт фонетики и лексики в первую очередь древнееврейского языка, привлекая материал других семитских языков и иных языковых семей. Его основное исследование, являющееся кандидатской диссертацией, рассматривает возможность словообразования путем звукоподражаний ⁵¹. Другие его работы касаются топонимики и племенных отношений древнего Израиля ⁵².

За последнее десятилетие систематические исследования А. Г. Лундина способствовали созданию в советской семитологии новой отрасли — сабеистики. Следуя пути, впервые проложенному И. Ю. Крачковским и Н. В. Пигулевской, А. Г. Лундин сочетает в своих работах историка и филолога-эпиграфиста настолько успешно, что международная сабеистика должна серьезно считаться с научными достижениями ее представителя в Советском Союзе. Основное его внимание направлено на историю сабейского и химьяритского государств ⁵³, но сложность эпиграфических источников, ко-

⁴⁸ К. Б. Старкова, *Рукописи из окрестностей Мертвого моря*, — ВДИ, 1956, № 1, стр. 87—102; е е же, *Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря*, — ВДИ, 1958, № 1, стр. 96—111.

⁴⁹ Обзор и характеристике см.: И. Д. Амусин, *Рукописи Мертвого моря. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук*, Л., 1965.

⁵⁰ И. Д. Амусин, *Рукописи Мертвого моря*, М., 1960 (повторное изд., М., 1961); е го же, *Находки у Мертвого моря*, М., 1964.

⁵¹ А. М. Газов-Гинзберг, *Был ли язык изобразителен в своих истоках?*, М., 1965.

⁵² «Ар-страна Мо'аба», — ПС, 4(67), 1959, стр. 12—16; «Борьба этнических групп („колен“) за власть в Израильском царстве», — ПС, 11, (74), 1964, стр. 25—38.

⁵³ А. Г. Лундин, *Южная Аравия в VI веке*, — ПС, 8(71), 1961.

торые еще находятся в стадии первичного изучения, вызывает необходимость в разносторонних исследованиях хронологии, социальной истории и религии Южной Аравии в древности⁵⁴.

Большинство печатных работ, отмеченных выше, опубликованы в журналах и сериях ПС, ВДИ, ЭВ, НАА и др. Особенно ценно для семитологов восстановление с 1954 г. издания ПС, в чем была немалая заслуга Н. В. Пигулевской, взявшей на себя обязанности ответственного редактора. В настоящее время сборники статей равномерно чередуются с монографиями различного содержания, связанными с историей культуры стран Переднего Востока. Помимо того, советские семитологи за последнее десятилетие не раз сотрудничали в зарубежных изданиях. Не говоря о трудах Н. В. Пигулевской, переведенных на основные европейские языки, следует отметить, что Австрийская АН пригласила А. Г. Лундина опубликовать неизданную часть эпиграфического собрания Э. Глазера⁵⁵. Работы И. Д. Амусина, А. М. Газова-Гинзберга, А. Г. Лундина, И. Ш. Шифмана появились в печати за рубежом в периодических изданиях международного значения. Две статьи К. Б. Старковой опубликованы в Израиле в переводе на еврейский язык⁵⁶.

Прочные связи установились у академической семитологии с Российским Палестинским обществом. Этому особенно способствовала деятельность вице-президента общества Н. В. Пигулевской, учитывавшей общие интересы семитологических организаций. Так, специальное заседание РПО отметило столетие со дня рождения акад. П. К. Коковцова⁵⁷.

Связи с семитологами СССР, работающими в других городах, осуществляются теперь через всесоюзные семитологические конференции, которые намечено собирать каждые два года. Первые две конференции состоялись в 1964 г. в Москве и в 1966 г. в Тбилиси. Почти все гебраисты и семитологи представили доклады и сообщения на обеих конференциях. Точно так же гебраисты и сириологи принимали деятельное участие в возобновившейся работе Ассоциации арабистов.

Как упоминалось, базой развития гебраистики в АМ явилась коллекция печатных книг и рукописей из собрания Л. П. Фридланда. После 1892 г. собрание еврейских книг и рукописей стало быстро пополняться за счет приобретений

⁵⁴ А. Г. Лундин, Сабейский эпонимат и сабейская хронология, — XXVI МКВ. ДД СССР, М., 1963; Иад'ил Зарих сын Сумху 'алай мукарриб Саба', — XXV МКВ. ДД СССР, М., 1960; «Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Hali)», — SBAW, Wien, Phil.-hist. Kl. B., Bd 248 и др.

⁵⁵ См. прим. 54.

⁵⁶ «Кол ха-'ам», 1961, 27.1., стр. 4—5; «Мознаим», 1961, т. 12, № 4, стр. 296—300.

⁵⁷ См. ПС. 11(74), 1964 (История и филология стран Ближнего Востока), стр. 170—181.

от частных лиц (бр. Яхуда, Д. А. Хвольсон) и планомерных закупок восточных материалов по поручению дирекции АМ (В. Ф. Минорский в Иране, В. А. Иванов в Бухаре). В первые годы после революции еврейские рукописи поступали небольшими группами в дар (Я. М. Гинцбург из Бобруйска) или от государственных учреждений, ведавших приемом материалов из частных библиотек, брошенных после революции владельцами или конфискованных у них. Наиболее значительные поступления послереволюционного периода падают на 1930—1931 гг., когда в ИВ были переданы, как уже отмечалось, караимские и крымчакские рукописи из Евпатории и Карасу-Базара. Во время войны наследники гебраиста-этнографа Д. Г. Маггида подарили ИВ собранную им коллекцию рукописей. Последнее крупное приобретение падает на 1957 г., когда Музей истории религии в Ленинграде передал в ИВ 60 пергаментных свитков Пятикнижия и Книги Эсфири богослужебного назначения. В настоящее время ЛО ИВ располагает собранием еврейских рукописей числом около 1200 томов в хорошей сохранности и разнообразного происхождения и содержания.

Отмечая в настоящем очерке несомненные успехи дореволюционной и советской семитологии-гебраистики, мы должны указать, что в настоящее время при естественном стремлении исследователей отзываться на появление новых интересных источников на семитских языках чувствуется потребность в трудах, иногда более основательно опирающихся на филологическое исследование и отражающих еще более серьезное и точное использование сравнительного материала семитских языков и литературы.

Сириология

Возникновение и развитие новых научных дисциплин всегда представляет большой интерес. К их числу следует отнести историю и историю культуры Ближнего Востока, изучение которых последние три десятилетия дали поистине поразительные результаты, раскрывающие неизвестные до того области знания. Достаточно назвать кумранистику, сабеистику, сириологию, заставляющих во многом пересмотреть проблемы истории древности и средневековья.

Развитие новых отраслей и направлений обусловлено открытием материалов, до того неизвестных, как, например, находки кумранских пещер или группы южноарабских надписей — сабейских, катабанских, химьяритских. Все это вызвало необходимость освоения палеографических особенностей этих находок, характера их языка, диалектов. Что же касается сирийского языка, то ему не уделяли должного внимания, несмотря на то что это язык, на котором говорили и писали не только в Сирии, но и в Византии, Иране и где он был вытеснен арабским языком лишь к XI в. Исследование исторических источников на сирийском языке поставило перед учеными много новых проблем.

В ИВ развилась целая группа ближневосточных дисциплин. Появились источники, до того неизвестные, не привлекавшиеся наукой. В связи с их изучением интересы исследователей сосредоточились на определенном хронологическом периоде истории. Кумранистика связана с первыми двумя столетиями христианской эры, сабеистика изучает материалы глубокой древности, химьяритская эпиграфика не переходит рубежа VI и VII вв., памятники сириологии наиболее интересны для истории средневековья.

Кабинет Ближнего Востока как самостоятельная единица в составе института числится с 1955 г., но дисциплины, которые стали предметом изучения в нем, имеют свою историю. Многие годы шла интенсивная подготовка кадров; ряд проблем стал занимать все более значительное место в общем

развитии востоковедения. В настоящее время созданы все условия для его дальнейшего развития.

Прежде всего это следует сказать относительно сириологии, которая заняла значительное место в общем составе ближневосточных дисциплин. В дореволюционной России было несколько центров, в которых изучали сирийский язык и его памятники (АН, Петербургский университет (ФВЯ), Духовная академия).

Профессор Д. А. Хвольсон положил начало изучению памятников на сирийском языке, который он освоил. Одной из причин, побудившей его заняться этим языком, были надписи на замечательных сиро-тюркских христианских надгробьях из Средней Азии, требовавшие расшифровки. Д. А. Хвольсон блестяще справился с этой задачей. Серия «Семиреченских надписей»¹, как он их назвал, привлекла внимание научного мира к этим замечательным памятникам эпиграфики, свидетельствующим о раннем проникновении христианства в Семиречье. Филологический интерес надписей заключался в воспроизведении древнего языка тюрков сирийскими буквами.

После кончины Хвольсона этим памятникам уделил внимание его ученик П. К. Коковцов.

Редактируя перевод «Истории сирийской литературы» Райта, Коковцов сделал к ней множество дополнений, указаний, чем положил начало изучению сироязычных памятников². Необходимо отметить, что, по общему мнению ученых, русское издание значительно превзошло английский подлинник многими дополнениями редактора-эрудита, библиографией, справками; оно способствовало более успешному проникновению в отечественное востоковедение сириологии. В частности, на ФВЯ университета П. К. Коковцов вырастил своего ученика и преемника по кафедре А. П. Алявдина. Открытия, сделанные Коковцовым, были связаны с работой над надписями, которые дали ему возможность написать новые страницы из области средневековой филологии³.

Вкус к изучению рукописей, их значение как уникальных памятников письменности и культуры, Коковцов в той или иной степени привил всем своим ученикам. Не занимаясь непосредственно сирийскими рукописями, он, однако, приветствовал первые опубликованные по нашим манускриптам сирийские тексты, как и описание рукописных сокровищ наших библиотек, считая это важной и нужной работой, требовав-

---

¹ Д. А. Хвольсон, Несторианские надписи из Семиречья, — ЗВОРАО, т. I, 1886, стр. 217—221.

² В. Райт, Краткий очерк истории сирийской литературы, СПб., 1902.

³ П. К. Коковцов, Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка, — ЗВОРАО, т. XVI, 1905, стр. 0190—0200.

шей, по его собственному выражению, «терпения и прилежания».

Коковцов вел также курсы по библеистике, эпиграфике и другим специальным дисциплинам в университете, передав позднее занятия по сирийскому языку А. П. Алявдину. А. П. Алявдин был также и сотрудником АМ, на его попечении находились сирийские рукописи⁴. Таким образом, традиция сириологических штудий, созданная П. К. Коковцовым, продолжалась в обоих научных центрах. Аудиторию, где читался сирийский, посещал проф. В. Н. Бенешевич, выдающийся специалист по истории канонического права, который благодаря этому сумел привлечь восточные материалы к своим основным — греческим⁵.

Ученицей акад. П. К. Коковцова была также Н. В. Пигулевская, окончившая в 1918 г. исторический факультет Бестужевских курсов и проходившая аспирантуру в университете (1918—1922), где она занималась по кафедре византиноведения у акад. А. А. Васильева и на Восточном факультете у акад. П. К. Коковцова, специализируясь по сириологии. Собрание рукописей АМ и ГПБ привлекли ее внимание. Пигулевская, будучи хранителем Отдела рукописей ГПБ (1922—1928), составила сводный каталог сирийских рукописей Ленинграда (опубликованный много позднее)⁶ и издала ряд таких уникальных текстов, как житие Кириака Иерусалимского, конец рукописи Сахдоны с колофоном, сиро-палестинский фрагмент, фрагменты из Турфана и Хара-Хото⁷. Это направление работ, продолжавшее традиции П. К. Коковцова, сохраняется в дальнейшем в кабинете Ближнего Востока и в работах тех, кто прошел сириологическую подготовку в университете (Л. Вильскер — ГПБ, Г. М. Глускина — ЛГУ). Исследования по сиро-тюркским текстам нашли свое продолжение в публикации уникального рукописного сиро-тюркского фрагмента из Хара-Хото и надгробий из Киргизии, прочитанных А. В. Пайковой (Кабинет Ближнего Востока⁸). Традиция П. К. Коковцова была продолжена и в работах А. Я. Борисо-

⁴ См. ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, № 37; там же, ф. 4, оп. 4, № 839.

⁵ В. Н. Бенешевич, Новые данные для исторической географии Ближнего Востока (из греко-сирийского списка отцов Никейского I Вселенского собора), — ИКИАИ, т. 2, 1917—25 (1927), стр. 110—134.

⁶ Н. В. Пигулевская, Каталог сирийских рукописей Ленинграда, — ПС, 6 (69), 1960.

⁷ Н. П. Пигулевская, Le Martyre de saint Cyriaque de Jérusalem, — ROC, VI, 1929, стр. 305—356; ее же, Das Ende der Strassburger Sahdona-Handschrift, — «Oriens christianus», ser. III, Bd I, 1927, стр. 293—309; ее же, Fragments syriaques et syro-turque de Hara-Hoto et de Turfan — ROC, VIII, 1938, стр. 1—46.

⁸ Н. В. Пигулевская, Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана, — СВ, 1940, № 1, стр. 212—234; «Эпиграфика Киргизии», Фрунзе, 1964, стр. 45—58.

ва (ЛГУ, Эрмитаж) по опубликованию рукописей и надписей, а за ним — К. Б. Старковой (Кабинет Ближнего Востока)⁹.

Н. В. Пигулевская много лет занималась исследованиями по истории Византии, пользуясь материалами на восточных языках. Ее докторская диссертация была посвящена византийской провинции Месопотамии и ее центру Эдессе¹⁰. В основу работы была положена сирийская хроника, составленная в первой четверти VI в. Русский перевод этого документа и его истолкование ввели в оборот византиеведов новый памятник. В то же время эта работа положила начало специальному изучению византийского города и городов Ближнего Востока вообще. Сирийские памятники V—VII вв. позволили тому же автору перевести и исследовать те из них, которые содержали сведения о далеком прошлом народов, населяющих Советский Союз, — славян и аваров, тюрков и эфталитов, армян и грузин¹¹. Их издание вызвало большой интерес и было премировано Отделением истории АН СССР.

Война прервала мирную жизнь нашей страны, но и в условиях блокады Ленинграда и в эвакуации работа ИВ продолжалась. Летом 1944 г. в Ленинград вернулась группа востоковедов во главе с акад. И. Ю. Крачковским, С. А. Козиным, А. П. Баранниковым и др. Тогда же началась систематическая подготовка специалистов-сириологов, которая широко велась до 1955 г. После этого года сирийский язык изучался лишь как дополнительный на кафедре арабской филологии.

Следующим этапом в работе Н. В. Пигулевской было исследование экономического состояния и военных столкновений между гегемонами Передней Азии¹², а затем вопрос о торговых и культурных связях Византии со Средним Востоком, в первую очередь с Индией, основной поставщицей шелка и пряностей в империю. Разработке этой темы способствовало привлечение ряда малоизученных греческих, латинских,

---

⁹ А. Я. Борисов, Список печатных работ в кн.: «Материалы и исследования по истории неоплатонизма на Арабском Востоке» (печ.) Следует выделить статьи: «Sur le nom Tankaloûchâ», — JA, 1935, fasc. II, Mélanges, стр. 300—305; «Эпиграфические заметки», — ТОВЭ, т. I, 1940, стр. 221—242; ЭВ, XV, 1963, стр. 51—57; «О значении слова „наус“», — там же, т. III, 1940, стр. 301—311; «Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении», — ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104; «Сирийская надпись на сосуде из Тараза», — ИАН КазахССР, 1948. Серия археологическая, вып. 1, (№ 46), стр. 105—108; «Собрание самаританских рукописей А. Фирковича» (Отделы VI, VIII), — ПС, 15(78), 1966, стр. 60—73.

¹⁰ Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V и VI веков, Л., 1940.

¹¹ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.

¹² Н. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, М.—Л., 1946.

сирийских памятников, которые дали возможность проследить морские и сухопутные дороги в Индию, а также определить представления той эпохи о Земле и Вселенной¹³. В этой книге особое положение заняла глава «Перепутье», посвященная роли Южной Аравии в международной торговле до VII в. н. э., для чего были впервые привлечены греческие агиографические источники и южноарабские надписи. Изучение последних стало специальной отраслью арабистики, успешно развиваемой как зарубежными, так и советскими учеными.

Широкий интерес вызвала работа Пигулевской о роли городов в истории средневекового Востока¹⁴. Изучение истории Византии и Ирана неизбежно привело к необходимости выяснить роль арабов — третьей силы на Ближнем Востоке, их участие в жизни великих держав, уровень их социального и культурного развития¹⁵.

В Кабинете Ближнего Востока по-прежнему продолжала развиваться сириология. Углубленным грамматическим исследованиям с привлечением рукописей и сравнительного материала других языков занималась Р. Г. Рылова. Ею была издана и защищена в качестве кандидатской диссертации книга «Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского»¹⁶, содержащая перевод и комментарии трактата автора XI в., которые позволили установить теоретические взгляды сирийцев на строй их языка, зависимость от теории Аристотеля и греческих грамматиков, с одной стороны, и связь с грамматическими воззрениями арабов — с другой. В настоящее время Р. Г. Рылова составляет грамматику сирийского литературного языка.

А. В. Пайкова проделала большую работу по переводу и анализу древнейшей сирийской версии сборника сказок «Калила и Димна», выяснению времени переводов первой и второй версий, их прототипов, сравнению их по содержанию и по языку. Ее диссертация стала новым этапом в изучении этого замечательного памятника — «зеркала князя»¹⁷. Ей принадлежат главы по истории сирийской литературы в общей истории восточных литератур.

В Баку работает Р. А. Гусейнов, прошедший аспирантуру при Кабинете Ближнего Востока. Им изданы книга «Сирий-

¹³ Н. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951.

¹⁴ Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, М.—Л., 1955; N. Pigulevskaja, Les villes de l'État iranien aux époques Parthe et Sasanide, Paris, 1963.

¹⁵ Н. В. Пигулевская, Арабы у границ Ирана и Византии в IV—VI вв., М.—Л., 1964.

¹⁶ Р. Г. Рылова, Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского, XI в., — ПС, 14(77), 1965.

¹⁷ А. В. Пайкова, Древнесирийская версия сборника «Калила и Димна» и ее значение, Автореферат, Л., 1967.

ские источники XII—XIII вв. об Азербайджане»¹⁸ и ряд статей, которые продолжают традицию изучения сирязычных памятников в связи с историей народов СССР. Им подготовлена также большая работа по истории сельджуков в Закавказье¹⁹. В Баку работает также другой специалист, Аскер Сулеймани, закончивший аспирантуру под руководством Н. В. Пигулевской и защитивший диссертацию на тему о частном праве и семейных отношениях в сасанидском Иране в связи с движением маздакитов²⁰.

В Матенадаране (Ереван) над сирийскими рукописными материалами работает прошедший аспирантуру в ИВ Гайк Мелконян, защитивший диссертацию на тему о сиро-армянских культурных связях в раннем средневековье²¹. Таким образом, сириологические штудии вышли за пределы Ленинграда и нашли себе место в научных центрах союзных республик.

Следует отметить, что сирийская народная литература, путешествия, фольклор в русском переводе завоевали себе место на книжных полках читателей²².

Как тематика, так и источники, которые ввела в научный оборот, использовала или перевела Н. В. Пигулевская, не только вызвали интерес, но и послужили толчком к их дальнейшему изучению. Так, главы работы «Города Ирана» побудили А. Г. Бокщанина развить тему о селевкидском Иране, которая стала его докторской диссертацией²³. Значение маздакитского движения, освещенное Н. В. Пигулевской, позволило проф. О. Клима (Прага) вернуться к этому вопросу²⁴.

Плодотворным оказалось исследование пехлевийского судебного Матикан-и-хазар датастан в связи с сирийским юридическим сборником Ишобохта²⁵. В ЛО ИНА эта работа

¹⁸ А. В. Гусейнов, Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане, Баку, 1960.

¹⁹ А. В. Гусейнов, Сельджуки в Закавказье. Автореферат докт. дисс., Баку, 1969.

²⁰ А. Ю. Сулеймани, Маздакитское движение и вопросы семьи. Автореферат, Баку, 1963.

²¹ Г. Мелконьян, Армяно-сирийские связи в III—V вв. (автореферат), Ереван, 1967.

²² Н. В. Пигулевская, История Мар Ябаллахи III и раббан Саумы, М., 1958; «Абульфарадж. Книга занимательных историй». Перевод с сирийского А. Белова и Л. Вильскера, М., 1957, М.—Л., 1961; ее же, От Ахикара до Джано. Перевод с сирийского А. Белова и Л. Вильскера, М.—Л., 1960.

²³ А. Г. Бокщанин, Парфия и Рим., М., 1960; его же, Парфия и Рим (Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира), М., 1966.

²⁴ О. Klima, Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien, Praha, 1957.

²⁵ N. Pigulevskaja, Die Sammlung der syrischen Rechtsurkunden des Ischobocht und der Matikan, — «Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress», Moskau, 1957; Н. Пигулевская, Города Ирана, стр. 122—137; N. Pigulevskaja, Les villes de l'Etat iranien..., стр. 102—111.

получила развитие в трудах переводчицы Матикана на русский язык А. Г. Периханян.

Как частность большой темы о роли городов Ближнего Востока стал ранневизантийский город, который изучал на материалах об Антиохии Г. Л. Курбатов²⁶. За эту работу ему была присуждена степень доктора исторических наук. Переходный период в истории сиро-финикийских центров, когда стала замирать полисная организация, а в Пальмире, Петре, Гераше нарождались ростки новых отношений, стал изучать И. Ш. Шифман.

Автор двух книг и ряда статей, И. Ш. Шифман готовит свою докторскую диссертацию.

Наряду с тематикой сотрудников кабинета привлекли к себе живейшее внимание не только советских, но и зарубежных ученых также и использованные ими источники. Так, «Топография» Козьмы Индикоплова (см. «Византия на путях в Индию») с его полемикой против александрийского философа Иоанна Филопона стала предметом специального исследования и докторской темой Ванды Вольской (Сорбонна, Париж)²⁷. Памятники IV в. и замечательные итинерарии были переизданы и исследованы Руже²⁸.

Кандидатская диссертация А. Г. Лундина «Южная Аравия в VI в.» тесно связана с главой из вышеупомянутой монографии Пигулевской «Перепутье»²⁹. В дальнейшем внимание исследователя было сосредоточено на древнем периоде истории Сабейского государства, тем более что А. Г. Лундин опубликовал группу надписей, привезенных Глазером и хранящихся в Академии наук Австрии, на основании которых, как и других ранее известных памятников эпитафии, автор предложил хронологическую систему эпонимата древнего царства царицы Савской³⁰. Этот труд лег в основу докторской диссертации А. Г. Лундина «Государство мукаррибов Саба»³¹.

В настоящее время названная выше монография Н. В. Пигулевской «Византия на путях в Индию» вышла вторым изданием с дополнениями в немецком авторизованном перево-

---

²⁶ Г. Л. Курбатов, Ранневизантийский город (IV—VI вв.): Антиохия IV—VI вв. и основные проблемы внутреннего развития города, Л., 1966 (автореферат).

²⁷ Wolska Wanda, La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes Théologie et science au Vls., Paris, 1962.

²⁸ J. Rougé, Expositio totius mundi et getium. Sources chrétiennes, № 124, Paris, 1966.

²⁹ А. Г. Лундин, Южная Аравия в VI веке н. э.,—ПС, вып. 8, 1961.

³⁰ А. Г. Лундин, Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil),—«Sammlung E. Glaser». V. Wien, 1965 (SBAW, Bd 248, Wien).

³¹ А. Г. Лундин, Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат), М., 1971.

де в издательстве Академии наук Берлина³². Научный сотрудник Кабинета Ближнего Востока А. И. Колесников занимается изучением сасанидского Ирана накануне завоевания арабами³³. Вслед за этой темой А. И. Колесников разрабатывает историю завоеваний арабами Ирана на основе пехлевийских и арабо-персидских источников, которые он с успехом привлек уже в своей диссертации.

С 1958 г. Кабинет Ближнего Востока с сотрудниками других кабинетов ЛО объединил межведомственную группу византистов Ленинграда, в которую вошли специалисты по истории, литературе и искусству Византии из ЛО ИИ и БАН, ЛГУ, Государственного Эрмитажа, ГПБ. Утвержденная академиком-секретарем и Бюро Отделения истории АН группа систематически собирается, обсуждает работы своих членов, дает отзывы и представляет диссертации к защите.

Научный сотрудник Государственного Эрмитажа В. С. Шандровская успешно защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук и работает над исследованием византийских печатей.

Следует отметить, что Кабинет Ближнего Востока является научным центром, достаточно известным за рубежом. Сотрудники кабинета обмениваются книгами и статьями с зарубежными учеными, печатают свои работы в периодических изданиях Франции, Бельгии, Англии, Австрии, ГДР, ФРГ, ЧССР, Ирака, АРЕ, Ирана, Японии.

Ряд зарубежных ученых посетили кабинет, читали на заседаниях доклады, делали сообщения; со своей стороны сотрудники кабинета оказывали помощь в разыскании библиографических справок, книг, давали консультации по рукописным собраниям Ленинграда.

Кабинет и все, кто примыкает и тяготеет к его тематике и разрабатываемым им научным проблемам, являются авторами статей и монографий, которые печатаются в «Палестинских сборниках». Палестинское общество объединяет специалистов по Ближнему Востоку, работающих в области древней и средневековой истории, истории культуры и филологии, его сборники широко охватывают египтологию и коптологию, византиноведение и сириологию, арабистику и сабеистику. Планомерно и систематически издаваемые сборники являются организующим началом, тем более что в них печатаются работы как известных ученых, так и начинающих, молодых, впервые выступающих в печати исследователей.

---

³² N. Pigulevskaja, *Byzanz auf den Wegen nach Indien*, Akademie-Verlag, Berlin, 1969.

³³ А. Н. Колесников, *Иран накануне арабского завоевания* (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Автореферат канд. дисс., Л., 1969.

СПИСОК ДИРЕКТОРОВ И ЗАВЕДУЮЩИХ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ

1. *Френ Христиан Данилович* — 11 ноября 1818—20 мая 1842 г.
2. *Дорн Борис Андреевич* — 20 мая 1842—19 мая 1881 г.
3. *Розен Виктор Романович* — 19 мая 1881—8 марта 1882 г.
4. *Видеман Федор Иванович* — 12 апреля 1882—22 января 1885 г.
5. *Радлов Василий Васильевич* — 22 января 1885—9 января 1890 г.
6. *Залеман Карл Германович* — 9 января 1890—30 ноября 1916 г.
7. *Ольденбург Сергей Федорович* — 7 декабря 1916—4 апреля 1930 г.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

8. *Ольденбург Сергей Федорович* — 4 апреля 1930—28 февраля 1934 г.
9. *Самойлович Александр Николаевич* — 28 апреля 1934—5 августа 1937 г.
10. *Струве Василий Васильевич* — 5 августа 1937—28 мая 1938 г.
(Вр. исп. об.).
11. *Баранников Алексей Петрович* — 27 мая 1938—24 декабря 1940 г.
12. *Струве Василий Васильевич* — 24 декабря 1940—1 июля 1950 г.
13. *Толстов Сергей Павлович* — 1 июля 1950—13 февраля 1953 г.
14. *Авдиев Всеволод Игоревич* — 13 февраля 1953—7 мая 1954 г.
15. *Губер Александр Андреевич* — 7 мая 1954—16 июля 1956 г.
16. *Гафуров Бободжан Гафурович* — 16 июля 1956 г.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

1. *Орбели Иосиф Абгарович* — 26 октября 1956—2 февраля 1961 г.
2. *Кононов Андрей Николаевич* — 2 июня 1961—14 июня 1963 г.
3. *Петросян Юрий Ашотович* — 14 июня 1963 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР.
АВГО — Архив Всесоюзного географического общества.
АВПР — Архив внешней политики России.
АзГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт.
Аз. Муз. Памятка — Азиатский музей Российской академии наук (1818—1918). Краткая памятка, Пг., 1920
«Азиатский сборник» — «Азиатский сборник». Из «Известий Российской академии наук». Новая серия, 1918 (*Mélanges Asiatique tirés du Bulletin de l'Académie des sciences de Russie. Nouvelle Série*).
АМ — Азиатский музей имп. (Российской — с 1917 по 1925 г.) АН.
АН — Академия наук.
«АН СССР за десять лет» — «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917—1927», Л., 1927.
АН СССР, 1925 — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, ее задачи, разделение и состав», Л., 1925 (Комиссия «Наука и научные работники СССР».)
«Анналы» — «Анналы». Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской академией наук. Под ред. акад. Ф. И. Успенского и члена-корр. Е. В. Тарле, Пг.—Л.—М.
«Ассириология и египтология» — «Ассириология и египтология». Сборник статей (посвящ. акад. В. В. Струве. Отв. ред. доц. Л. А. Липин), Л., 1964.
БАВ ЛО ИНА — Бюллетень Архива востоковедов ЛО ИНА АН СССР (на правах рукописи).
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
БВ — «Библиография Востока». Институт востоковедения Академии наук СССР, Л.
БКНИИ СО АН СССР — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР; ныне БИОН — Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР.
БО — «Библиотечное обозрение». Издание комитета государственных библиотек в Петрограде.
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВАН — Вестник Академии наук СССР, Л.—М.
ВАРНТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству.
ВВр.— «Византийский временник», издаваемый при имп. Академии наук, СПб.

- ВГО — Всесоюзное географическое общество.
- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ВДФАН СССР — «Вестник Дальневосточного филиала АН СССР».
- ВЕ — «Вестник Европы», издававшийся Михаилом Каченовским, М.
- ВИ — «Вопросы истории», М.
- ВИЕТ — «Вопросы истории, естествознания и техники», М.
- ВИИЯ — Военный институт иностранных языков, М.
- ВИЛ — «Вестник иностранной литературы».
- ВИМК — «Вестник истории мировой культуры», М.
- ВЛ — «Вопросы литературы», М.
- ВЛУ — «Вестник Ленинградского гос. университета».
- ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
- ВОРАО — Восточное отделение (имп.) Русского Археологического общества.
- «Восток» — «Восток. Журнал литературы, науки и искусства», Пг.-М.-Л.
- «Востоковедение в ЛГУ» — «Востоковедение в Ленинградском университете», Л., 1960 (УЗЛГУ, № 296, Восточный факультет, СВН, вып. 13).
- «Восточные заметки» — «Восточные заметки». Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей Факультета восточных языков имп. Санкт-Петербургского университета.
- «Восточные записки» — «Восточные записки». Ленинградский институт живых восточных языков.
- «Восточный театр» — «Восточный театр». Сборник статей, Л., 1929.
- ВУАН — Всеукраинская академия наук.
- ВФИСЗВ — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961.
- ВЦК НА — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита.
- ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
- ГАИМК — см. РАИМК
- ГВ — Группа востоковедов АН СССР (состояла при ОГН, с 1930 г. — при ООН).
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва).
- ГО СССР — Географическое общество СССР.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; ранее ПБ.
- «Дальний Восток» — «Дальний Восток». Сборник статей по филологии, истории, философии (отв. ред. В. М. Штейн), М., 1961.
- ДАН-В — «Доклады Академии наук СССР», серия В, Л.
- ДАН ТаджССР — «Доклады Академии наук Таджикской ССР». Сталинабад.
- ДВК НА — Дальневосточный комитет нового алфавита.
- ДВФАН — Дальневосточный филиал Академии наук СССР им. В. А. Комарова.
- ДД СССР — Доклады делегации СССР.
- Дорн, Аз. Муз. — Б. А. Дорн, Азиатский музей, — ЗИАН, 1864, т. V, стр. 163—174; или: Б. А. Дорн, Азиатский музей, — «Очерк истории музеев Академии наук», СПб., 1865, стр. 76—86.
- ДРАН-В — «Доклады Российской академии наук», серия В, Пг.
- ДМ — «Древний мир». Сборник статей (посвящ. акад. Василию Васильевичу Струве), М., 1962.
- ДЭГО СССР — Доклады по этнографии Географического общества СССР, Л.
- ЖЗЛ — «Жизнь замечательных людей». Серия биографий.
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- Зап. КНИИЯЛИ — «Записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории», Элиста.
- ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (имп.) Русского археологического общества», СПб. — Пг.
- ЗИАН — «Записки имп. Академии наук», т. I — 75, СПб., 1862—1895.
- ЗИАН, VIII сер. — «Записки имп. Академии наук по Историко-филологиче-

- скому отделению», VIII сер. («Mémoires de l'Académie imp. des sciences de St.-Petersbourg, Classe historico-philologique», VIII série).
- ЗИВАН — «Записки ИВ», Л.
- ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук (Академия наук СССР)», Л.
- ЗКОИРГО — «Записки Кавказского отделения имп. Русского Географического общества», Тифлис.
- ИАИ — Историко-Археографический институт.
- ИАН АрмССР — «Известия Академии наук Армянской ССР», Ереван.
- ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской ССР», Фрунзе.
- ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
- ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР» (Душанбе).
- ИАН ТуркмССР — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад.
- ИАЭ — Институт антропологии и этнографии.
- ИВ — Институт востоковедения АН СССР; соотв. ЛО ИВ — Ленинградское отделение ИВ.
- ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества», Л.
- ИВЛ — Издательство восточной литературы.
- ИЕР — Институт восточных рукописей АН УзССР (1944 г.).
- ИВФ — «Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета», Баку.
- ИГАИМК — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», М.—Л.
- ИЖ — «Исторический журнал», М.
- ИИ — Институт истории АН СССР, соотв. ЛО ИИ — Ленинградское отделение ИИ.
- ИИАН V сер.— «Известия имп. Академии наук», V серия («Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, V série).
- ИИАН, VI сер.— «Известия имп. Академии наук», VI серия («Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, VI série).
- ИИРГО — «Известия имп. Русского географического общества», СПб.
- ИК — Институт китаеведения АН СССР.
- ИКИАИ — «Известия Кавказского историко-археологического института», Тифлис.
- ИКНВ — «Исследования по истории культуры народов Востока». Сборник в честь академика И. А. Орбели, М.—Л., 1960.
- ИКП — Институт красной профессуры.
- ИЛЯЗВ — НИИ сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при ПГУ (позднее — ЛГУ).
- ИМ — «Историк-марксист», М.
- ИМЛ — Институт мировой литературы им. М. Горького АН СССР.
- ИМХМП — Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.
- ИНА — Институт народов Азии АН СССР; ЛО ИНА — Ленинградское отделение.
- ИНБУК — Институт буддийской культуры.
- ИНЛИ — Институт новой русской литературы.
- ИНС — Институт народов Севера.
- ИОИТИН — «Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», Ташкент.
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности», Л.
- ИРАИМК — «Известия Российской академии истории материальной культуры», Пг. Л.
- ИРАН — «Известия Российской академии наук», Пг.
- Иран — «Иран», Л. (АН СССР).
- Ир. сб.— «Иранский сборник. К семидесятипятилетию проф. И. И. Зарубина» (отв. ред. В. И. Абаев), М., 1963.
- Ир. фил.— «Иранская филология». Труды II научной конференции по иранской филологии (24—27/I 1962 г.), Л., 1964.
- ИРГО — Имп. Русское географическое общество.

- ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении», СПб.
- ИСОНИИ — «Известия Североосетинского научно-исследовательского института», Орджоникидзе.
- История АН СССР — История Академии наук СССР в трех томах, т. I (1724—1803), М.—Л., 1958; т. II (1803—1917), М.—Л., 1964.
- ИТН — История таджикского народа. Под ред. члена-корр. АН СССР Б. Г. Гафурова и канд. истор. наук Б. А. Литвинского, т. I — III, М., 1963—1965.
- ИТуркмФАН — «Известия Туркменского филиала АН СССР», Ашхабад.
- ИЮОНИИ — «Известия Южноосетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР», Цхинвали.
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории (Ташкент).
- ИЯМ — Институт языка и мышления (см. ЯИ).
- КВ — Коллегия востоковедов при АМ.
- КИАИ — Кавказский историко-археологический институт (с 1931 г. — ЗИАИ).
- КИНХ — Киевский институт народного хозяйства.
- КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР.
- Китай — «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под ред. акад. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова», М.—Л., 1940.
- КПК — Комиссия по подготовке кадров АН СССР.
- Крачковский, Очерки — И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, — И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 9—192.
- КСИВАН — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
- КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
- КТ — «Коммунист Таджикистана» (газета), Сталинабад — Душанбе.
- КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока.
- КЭ — Комиссия по научным экспедициям АН СССР.
- ЛАКОРЕД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР.
- ЛВИ — Ленинградский восточный институт (ранее ПИЖВЯ, затем ЛИЖВЯ).
- ЛГИВ — Ленинградская группа ИВАН СССР.
- ЛГИЛИ — Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (позднее ЛИФЛИ).
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- Ливотова, Издания АМ и ИВ — О. Э. Ливотова, Библиография изданий Азиатского музея и Института востоковедения Академии наук СССР (1917—1958), — ОИРВ, III, М., 1960, стр. 196—297.
- Ливотова, Основная литература — О. Э. Ливотова, Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954), — ОИРВ, II, 1956, стр. 469—511.
- Ливотова и Португаль, Востоковедение — О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография, М., 1966.
- ЛИЛИ — затем ЛИФЛИ, затем филологический факультет ЛГУ.
- ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, филологии и лингвистики (с 1938 г. — Филологический факультет ЛГУ).
- ЛО — Ленинградское отделение.
- ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР.
- ЛО ИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ЛО ИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
- ЛО ИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР.

- ЛО КА — Ленинградское отделение Коммунистической академии.
 ЛЭ — «Литературная энциклопедия», тт. 1—11, М., 1930—1939.
 МАР — «Материалы по археологии России», СПб.
 Марр, Статьи, т. I—II — Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, т. I, М.—Л., 1936; т. II, 1939.
 Материалы — «Материалы для истории имп. Академии наук», т. I—X, СПб., 1885—1900.
 Материалы ЮТАКЭ — «Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», Ашхабад.
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
 МГИВ — Московская группа ИВАН СССР.
 МИА СССР — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л.
 МИИКК — «Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана», Фрунзе.
 МИКК — «Материалы по истории киргиз и Киргизстана» (находится в издательстве).
 МИТТ, I—II — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.
 МИФВЯ — «Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета», СПб.
 МКВ — Международный конгресс востоковедов.
 МНКП — «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., 1935.
 Молзалецкий, Список, 1925 г.—Список действительных членов Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1725—1925 [сост. Б. Л. Молзалецкий], Л., 1925; см. также: Список действительных членов АН XVIII в.,—«История АН СССР», I, стр. 453—460; то же с 1803 по 1917 г.—там же, II, стр. 711—726.
 МПВНКВ — «Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958.
 Ал-Музаффарийа — Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 ноября. 1872—1897, СПб., 1897.
 НАА — «Народы Азии и Африки». История, экономика, культура, М. (Институт народов Азии, Институт Африки АН СССР).
 НАВ — Всероссийская (позднее всесоюзная) научная ассоциация востоковедения.
 НВ — «Новый Восток». Журнал всероссийской научной ассоциации востоковедения при НКН, под ред. М. Павловича (Вельтмана), М.
 НИИ — Научно-исследовательский институт.
 НнР — «Наука и ее работники», Пг., 1920.
 НКИФ, II — II научная конференция по иранской филологии». Тезисы докладов, Л., 1962.
 НКИФ, V — V межвузовская научная конференция по иранской филологии». Тезисы докладов, Душанбе, 1966.
 НР — «Научный работник». Ежемесячный журнал. Орган центрального совета Секции научных работников Союза работников просвещения СССР, М.
 НС — Непременный секретарь АН.
 н. с.— Новая серия.
 НСАК — «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I—II, М., 1962—1963.
 ОГН — Отделение гуманитарных наук.
 ОИ — Отделение истории.
 ОИИИЯ — «Очерки по истории изучения иранских языков», М., 1962.
 ОИН — Отделение исторических наук.
 ОИРВ — «Очерки по истории русского востоковедения» (сборники), М.
 ОИФ — Отделение исторических наук и филологии; Историко-филологиче-

- ское отделение имп. АН, а также: Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg; позднее — Отделение истории и философии АН.
- С. Ф. Ольденбургу — «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932», Л., 1934.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка (с 1965 г.—Серия литературы и языка — СЛЯ).
- ОМВ — Общество марксистов-востоковедов при ЛОКА.
- ООН — Отделение общественных наук.
- оп. — опись.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук.
- ОС — Общее собрание АН.
- Отчет АМ — Отчет о деятельности Азиатского музея имп. (с 1917 г.—Российской) Академии наук, СПб.—Пг.
- Отчет АН СССР — Отчеты о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик (с 1925 г.)
- Отчет по ОФМ и ОИФ — Отчет имп. Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям (с 1859 г.).
- Отчет РАН — Отчеты о деятельности Российской академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии, Пг., 1917—1920; отчет о деятельности Российской академии наук, Л., 1924—1925*.
- ОФМ — Отделение физико-математических наук.
- ОЭП — Отделение экономики и права.
- «Письменность и революция» — «Письменность и революция». Сборник I (к VI пленуму ВЦК НА), М.—Л., 1933 (ВЦК НА при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР).
- «Памяти акад. В. Р. Розена» — «Памяти акад. В. Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти (1908—1948)». Под редакцией И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1947.
- ПБ — см. ГПБ.
- ПВ — см. СВ.
- ПД — Пушкинский дом.
- Переднеаз. сб., II — «Переднеазиатский сборник II. Дешифровка и интерпретация письменностей древнего Востока». Отв. ред. И. М. Дьяконов, М., 1966.
- ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л.
- ПИЖВЯ — см. ЛВИ.
- ПИКНВ, I — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов I годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1965», Л., 1965.
- ПИКНВ, II — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1966», Л., 1966.
- ПИКНВ, III — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов III годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1967», Л., 1967.
- ПИШ — «Преподавание истории в школе», М.
- ПК — «Проблемы Китая», М.,
- Планов. хоз.—«Плановое хозяйство». Ежемесячный политико-экономический журнал, М.
- ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.
- ПМ — «Проблемы марксизма», Л.
- ПМИИ — «Памятники Музея изящных искусств», М.
- ПНКЯИ — «Программа научной конференции по языкам Индии, Непала и Цейлона», М., 1965.
- Протоколы АН — «Протоколы конференции имп. Академии наук», 1725—1803, СПб., 1897—1911 гг. (печатные). 1804—1841 (рукописные).

* Отчеты РАН за 1920—1922 гг. не печатались.

- Протоколы ОИФ — Протоколы Отделения истории и филологии (1842—1890 гг.— рукописные, с 1890 г.— печатные, на правах рукописи).
- Протоколы ОС — Протоколы общего собрания АН. 1842—1890 — рукописные; 1890—1917 — печатные, на правах рукописи.
- ПС — «Палестинский сборник», М.— Л.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.
- ПСЭИДМ — «Проблемы социально-экономической истории Древнего мира». Сборник памяти академика А. И. Тюменева, М.— Л., 1963.
- Рабочая хроника ИВ, I — «Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г.», I, Ташкент, 1944 (на правах рукописи).
- Рабочая хроника ИВ, II — «Рабочая хроника Института востоковедения за I полугодие 1944 г.», II, Ташкент, 1944 (на правах рукописи).
- Р — Разряд.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры, Пг. (преобразована в 1919 г. из Археологической комиссии), позднее — ГАИМК.
- РАН — Российская академия наук (с августа 1917 г.).
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РБС — «Русский биографический словарь». Издание Исторического общества, СПб., 1896—1918, 25 т.
- РВ — «Русский вестник», М., СПб.
- Рев. и нац.— «Революция и национальности». Ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии, М.
- «Религия и общество» — «Религия и общество. Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений Древнего мира», Л., 1926 (НИИ при Ленинградском университете. Секция Древнего мира).
- РИСО — Редакционно-издательский совет.
- РКСА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении.
- РПО — Российское Палестинское общество.
- САВО — Среднеазиатский военный округ.
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте.
- Сб. МГА МИД — «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел», М.
- СВ (жур.) — «Советское востоковедение» (журнал), М. (ИВАН СССР); с 1959 по 1961 г. (№ 1) — «Проблемы востоковедения» (ПВ); с 1961 г.— НАА (см.).
- СВ (сб.) — «Советское востоковедение» (сборник), М.— Л. (ИВАН СССР).
- СВН — Серия востоковедческих наук.
- СГАИМК — «Сообщения Государственной академии истории материальной культуры», Л.
- СГН — Серия гуманитарных наук.
- СЕК ЛУ — Сборник Египтологического кружка при Ленинградском государственном университете.
- СИН — Серия исторических наук.
- СИФ — Серия истории и философии.
- СИЯЛ — Серия истории языка и литературы.
- СК — «Советское китаеведение», М.
- СКИДВ — Сборник кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже, Л.
- СЛЯ — см. ОЛЯ.
- СМ — «Современная Монголия», Уланбатор.
- СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии при имп. Академии наук», СПб.
- СМИЗО, I — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884.
- СМИЗО, II — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Ор-

ды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Ти-
зенгауеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным,
М.—Л., 1941.

СНР — Секция научных работников Союза работников просвещения
СССР.

«Согд. сб.» — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдий-
ского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР»,
Л., 1934.

СОН — Серия общественных наук.

СОПС — Совет по изучению производительных сил.

Станюкович, Кунсткамера — Т. В. Станюкович, Кунсткамера Петер-
бургской академии наук, М.—Л., 1953 (Институт этнографии АН СССР).

СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.

СЭ — «Советская этнография», М.

СЯ — «Советское языкознание», М.

ТААН — «Труды Архива АН СССР», М.—Л.

ТБАН — Таджикская база Академии наук СССР (Сталинабад).

ТБГУ — Тбилисский государственный университет.

ТВИИЯ — «Труды военного института иностранных языков», М.

ТВОРАО — «Труды Восточного отделения имп. Русского Археологического
общества», СПб.

ТИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этногра-
фии АН Таджикской ССР», Сталинабад.

ТИВАН — «Труды Института востоковедения АН СССР», Л.

ТИВАН УзССР — «Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР»,
Ташкент.

ТИЯЗ — «Труды института языкознания АН СССР», М.

Т[М]ИВ — «Труды [Московского] ИВ».

ТМКВ — «Труды международного конгресса востоковедов».

ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государ-
ственного Эрмитажа», Л.

ТТБАН — «Труды Таджикской базы Академии наук СССР», Стали-
набад.

ТТБГУ — «Труды Тбилисского государственного университета», Тбилиси.

ТТФАН — «Труды Таджикского филиала Академии наук СССР», Сталина-
бад.

ТУРК — Туркологический кабинет.

ТФАН — Таджикский филиал Академии наук СССР, Сталинабад.

ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.

Труды СТАЭ — «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспеди-
ции», М.—Л.

Труды ЮТАКЭ — «Труды Южно-Туркменистанской археологической ком-
плексной экспедиции», Ашхабад.

УзГНИИ — Узбекский государственный научно-исследовательский инсти-
тут.

УЗИАН I и III отд. — «Ученые записки имп. Академии наук по I и III от-
делениям», СПб., 1853—1855.

УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР»,
М.—Л., М.

УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного универси-
тета», Л.

УЗМГУ — «Ученые записки Московского государственного универси-
тета», М.

УЗСПГИ — «Ученые записки Сталинабадского государственного педагогиче-
ского института им. Т. Г. Шевченко», Сталинабад.

УЗТГУ — «Ученые записки Таджикского государственного университета»,
Сталинабад.

УЗТИ — «Ученые записки Тихоокеанского института», М.—Л.

УзФАН — Узбекский филиал АН СССР.

УС — Ученый совет.

- ф.— Фонд.
 ФАН — Филиал Академии наук СССР.
 ФБОН — Фундаментальная библиотека общественных наук.
 ФВЯ — Факультет восточных языков.
 ФИЛ — Факультет истории и лингвистики ЛГУ.
 ФИСЗАА — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета ЛГУ. 1964/65 учебный год (11—14 мая), Л., 1965.
 ХВ — «Христианский Восток», изд. имп. АН, СПб., Пг.
 «Хинди и урду» — «Хинди и урду. Вопросы лексикологии и словообразования», М., 1960.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
 ЦКНА — Центральный комитет нового алфавита.
 Чтения АН — Чтения имп. Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отделение наук исторических, филологических и политических, СПб., 1831.
 ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
 ЮОНИИ — Южноосетинский научно-исследовательский институт.
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
 ЯИ — Яфетический институт (позднее — ИЯМ).
 ЯМ — «Язык и мышление» (сборники), Л.
 ЯС — «Яфетический сборник», Л.
- AAn ASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
 Actes CIO VI — Actes du sixième Congrès international des orientalistes tenu en 1883 à Leide, Leide, 1884.
 «Aegyptiaca» — «Aegyptiaca» Festschrift für Georg Ebers, Leipzig.
 Aegyptus — Rivista italiana di egittologia e di papirologia, Milano.
 AZ — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde, Leipzig.
 AO — «Acta orientalia». Ediderunt societatis orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica), Leiden.
 AO Bud — Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae, Budapest.
 AOr — Archiv Orientalni. Journal of the Czechoslovak Oriental Institute, Prague.
 APF — Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete, Leipzig — Berlin.
 ASA — Annales du service des Antiquités de l'Égypte, Le Caire.
 BASP — Bulletin of the American Society of Papyrologists.
 BB — Bibliotheca Buddhica. Собрание буддийских текстов, издаваемых имп. Академией наук, т. I—XX, СПб.—Пг.
 BCO — Bibliotheca classica orientalis, Dokumentation der altertumswissenschaftlichen Literatur der Sowjetunion und der Länder der Volksdemokratie, Berlin.
 BFC — Bulletino di Filologia classica, Torino.
 BGU — Ägyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden, Berlin.
 BIE — Bulletin de l'Institut égyptien, Le Caire.
 BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, Le Caire.
 BM — British Museum, London.
 BSLP — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, Paris.
 BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London).
 Bull. de l'Acad.— Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. I—XXXII, St.-Pbg., 1860—1888.
 Bull. de l'Acad. Nouv. sér.—Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. Nouvelle série. T. I(XXXIII)—IV(XXXVI), St.-Pbg., 1890—1894.
 Bull. hist.-phil.— Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie

- mie impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. I—XVI, St.-Pbg., 1844—1859.
- Bull. sc.—Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. I—X, St.-Pbg., 1837—1842.
- BVSf — Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen. Hrsg. von A. Kuhn und A. Schleicher, Berlin, 1858.
- BZ — Byzantinische Zeitschrift, München.
- Collections scientifiques — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministre des affaires étrangères. T. I—VIII, St.-Pbg., 1877—1897.
- Comment. Acad. — Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae (1726—1746), T. I—XIV, St.-Pbg., 1728—1751.
- Commentationes Philologicae — Сборник в честь И. В. Помяловского, СПб., 1897.
- ChE — Chronique d'Égypte. Bulletin périodique de la Fondation égyptologique Reine Elisabeth, Bruxelles.
- CHM — Cahiers d'histoire mondiale, Geneve.
- Compte-rendus — Comptes-rendus de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, St.-Pbg., 1850—1858.
- Gnomon — Zeitschrift für die gesamte klassische Altertumswissenschaft, Berlin.
- DI — «Der Islam», Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Strassburg — Berlin.
- DLZ — Deutsche Literaturzeitung, Berlin.
- Dorn, As. Mus. — Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Von dem Director desselben B. Dorn, St.-Pbg., 1846.
- Eos — Eos.— Commentarie Societatis Philologiae Polonorum, Vratislaviae — Varsaviae.
- Ethnographia — Ethnographia. A. Magyar néprajzi társaság folyoirata, Budapest.
- Festschrift W. Schubart. — Festschrift Wilhelm Schubart zum 75. Geburtstag. Leipzig, 1950.
- GAF — Göttingen Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Sprache und Literatur der Völker Süd-, Ost- und Zentralasiens, Wiesbaden.
- GIPh — Grundriss der iranischen Philologie. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.
- HR — The Hindi Review. Englisch organ of the Nagari Pracharini Sabha, Varanasi.
- IHQ — Indian historical quarterly, Calcutta.
- JA — Journal asiatique, Paris.
- JAOS — Journal of the American Oriental Society, New Haven.
- JEA — The Journal of Egyptian Archaeology, London.
- JJP — Journal of juristic papyrology, Warszawa.
- JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
- JUI — Journal of Urusvati Himalayan Research Institute, Kulu.
- LOPh — Literaturblatt für orientalische Philologie, Leipzig.
- LSI — G. A. Grierson, Linguistic Survey of India, Calcutta.
- Mél. as.— Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. T. I—XVI, St.-Pbg., 1852—1892 (T. XI—XVI собраны, но не напечатаны; имеются только в библиотеке ЛО ИВАН СССР).
- Mém., VI sér.— Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. VI série. Sciences politiques, histoire et philologie, t. I—IX, St.-Pbg., 1832—1859.

- Mém., VII sér.—Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. VII série. T. I—XXXVII, St.-Pbg., 1859—1897.
- Mem. de div. sav.—Mémoires présentés à l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg par divers savants. T. I—IX, St.-Pbg., 1831—1859.
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig — Berlin.
- PrOr — Przegład Orientalistyczny, Warszawa.
- PSI — Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei Papiri greci e latini in Egitto. Papiri greci e latini, Firenze.
- RA — Revue archéologique, Paris.
- Rac. Lombroso — Raccolta di scritti in onore di G. Lombroso (1844—1925), Milano, 1925.
- RE Arm.— Revue des études arméniennes, Paris.
- Rec.d.actes — Recueil des actes des séances publiques de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg (1827—1857), St.-Pbg., 1828—1858.
- REEg Champ.— Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J.-Fr. Champollon, Paris, 1922.
- REI — Revue des études islamiques, Paris.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Lwów (Kraków).
- ROC — Revue de l'Orient chrétien, Paris.
- RROAS — Research Review of the Osaka Asiatic Society, Osaka.
- SAO — Studia et Acta Orientalia, Société des sciences historiques et philologiques de la RPR. Section d'études orientales, Bucarest.
- SB — Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, Strassburg — Berlin — Heidelberg — Wiesbaden.
- SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie des Wissenschaften», Berlin.
- «Studies B. Landsberger» — Studies in Honor of Benno Landsberger on his seventy-fifth Birthday, Chicago, 1965.
- SBAW Wien — Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И. 325, 363, 364
Абдаррахман 342
Абдулкадир Багдадский 312
Абдурезак 388
Абель-Ремюза Ж.-П. 83
Абих Г. В. 478
Абовян Х. 397
Абрамзон С. М. 364
Абрамишвили А. З. 498
Абу Дулаф 291, 297
Абу Саид Мейхенейский 351
Абу Ханифа ад-Динавари 286, 287, 291
Абу-л-Гази 461
Абул-Гази-Баядур-хан см. Абу-л-Гази
Абу-л-Фарадж Харун 549, 556
Абу-л-Хасан Харакани 351
Абулгази см. Абу-л-Гази
Абулхазе Хане см. Абу-л-Гази
Абхидхарма Васубандху 158, 243
Авалиани Ю. Ю. 391, 398
Аванесян А. И. 369
Авалишвили Г. 475, 480
Авиценна (Ибн Сина) 290, 358
Агапий Манбиджский 278
Агафонов А. С. 142, 143
Агван-пундог 150
Аделунг Ф. 236
Аджян А. А. 418, 429, 431, 432
Азария де Росси 551
Айни С. 372, 385
Акимушкин О. Ф. 304, 378, 380, 382, 384, 464
Аксаков З. 417
Аксельрод 288
Александр (Македонский) 519, 520
Алексеев В. М. 29, 31, 35, 44, 60, 65, 84, 86—95, 97, 99—102, 104—106, 108—116, 118—123, 130, 141, 144, 179—181, 188, 239
Алексеев Д. А. 230—232
Алексеева Н. М. 501
Алексеева Т. К. 227, 228, 233
Али ибн ал-Джахм 303
Али-заде А. А. 363, 367, 451, 491, 494
Алиев Р. М. 375
Алимов А. А. 51, 418, 422, 429, 430, 432
Алькаева Л. О. 419
Алявдин А. П. 561, 562
Амантаев 416
Амари М. 21
Амидов Д. 363
Амоголонов Д. Д. 227, 228
Амун (Амон) 500, 517
Амусин И. Д. 533, 534, 540, 554—558
Анан ха-Наси 549
Анвары 340, 348, 349, 380
Андо Сёэки 198
Андреас Ф. 314
Андреев М. С. 60, 313, 315, 335—337, 369, 423
Андреева М. 485
Ансари Абдаллах 349, 351, 357, 380
Антов см. Калининков А. Д.
Антонова К. А. 368
Араби-паша 291
Аракел Тавризский 479
Аргун, ильхан 222
Арендс А. К. 317, 331, 332, 363, 367, 368, 451
Арешян С. Г. 485, 492
Аристотель 564
Аронет М. 172
Артемов К. Н. 227, 229
Арунова М. Р. 445
Архангельский Н. П. 423
Аршама 542

- Арья Шура 252
 Асанга 170
 Атиша 171
 Аттар Фарид ад-дин см. Фарид ад-дин Аттар
 Аухад ад-дин Кирмани 349
 Афанасий Александрийский 520
 Ахмад ибн Маджид 298, 299, 303
 Ахмад Югнаки 420
 Ахмад-и Джам 380
 Ахмед Осман 398
 Ахмед Хани 389
 Ахура-Мазда 542
 Ашрафян К. З. 445
 Ашурбаналпал 540
- Баба Кухи 351, 357, 373
 Баба Тахир 351, 380
 Бабаянц И. Р. 296—298
 Бабур 378
 Багиров Л. 363
 Багратиони Иоанэ 491
 Багратиони Теймураз 471—475, 477, 479, 480
 Бадараев Б.-Д. 176
 Бадж Э. 522
 Баевский С. И. 325, 330, 331, 338, 340, 376, 379, 383, 385
 Байер З.-Т. 8, 81, 210, 235, 270, 400, 403, 469
 Байков И. П. 251, 264
 Бакаев Ч. Х. 389, 391, 394
 Баклан В. И. 398
 Бакрадзе Д. 481
 Балами 462
 Балашова Г. 363
 Балдан С. 227—229
 Балига А. В. 257
 Банг В. 410
 Банзаров Дорджи 22
 Баньковская М. В. 130
 Барабанов А. М. 292, 293
 Баради С. 269
 Барадийн Б. Б. 29, 31, 155—158, 168, 223, 227
 Баранников А. П. 35, 57, 65, 172, 249—252, 258, 261—266, 268, 563
 Баранников П. А. 267, 268
 Баранов Х. К. 285, 290, 293, 294
 Баратаев М. (Бараташвили) 476—478
 Барзани С. А. 398
 Бартоломей И. А. 476, 478
 Бартольд В. В. 9, 12, 31, 37, 39, 40, 42, 43, 45, 46, 145, 220, 283, 290, 294, 302, 308, 315, 319, 348, 385, 407, 411—414, 428, 435, 438, 441, 445, 446, 448, 451, 457, 466, 467, 486, 554
 Бархударов А. С. 266
- Басё Мацуо 187
 Басили 490
 Батюшков 15
 Бахмутова Е. К. 325
 Бахрам-гур 489
 Бациева С. М. 270, 300—302, 304, 536, 541
 Башинджагян А. Г. 484, 485, 492—494
 Башкиров А. В. 60, 363, 368, 369, 454
 Бедье 213
 Бейер А. П. 362
 ал-Бекри 278
 Белгородский Н. А. 332, 363
 Беленицкий А. М. 286, 450, 460
 Белл Ч. 169
 Белоусов Р. С. 140
 Бельчиков А. Т. 86
 Беляев В. И. 71, 271, 283, 286, 288, 291—299, 301, 303, 374, 450, 554
 Бендер И. Г. 292, 550—553
 Бенешевич В. Н. 484, 562
 Бенкендорф К. Х. 474
 Беннингсен А. 398
 Бергштрессер Г. 285
 Березин И. Н. 220, 420, 428
 Берже А. П. 475
 Берлев О. Д. 500, 508, 512, 536, 537
 Бернштам А. Н. 294, 423, 455
 Бертельс А. Е. 375
 Бертельс Д. Е. 361
 Бертельс Е. Э. 35, 54, 57, 64, 305, 317, 319, 325, 330—332, 334, 337, 354, 357—360, 362—365, 367—369, 372, 373, 375, 413, 416, 419, 420, 451, 453, 455
 ван Бершем М. 21
 Бескровный В. М. 71, 172, 261, 263—267
 Бётлингк О. Н. 23, 152, 154, 237, 238, 403, 404
 Бжшкян М. 478
 Бидлиси, Шараф-хан 386, 389, 396, 398, 444
 Бильге-каган (Могилян-хан) 407
 Бируни (ал-Бируни) 298, 303
 Бичурин Н. Я. 82, 83, 93, 94, 96, 118, 122, 130, 153, 177, 220
 Блейк Р. 487
 Блок Г. П. 549
 Блэк В. Б. 498
 Богданов Л. Ф. 315, 343
 Богданова-Березовская 291, 292
 Боголюбов А. С. 300, 302, 304
 Боголюбов М. Н. 72, 73, 323, 325, 326, 330, 333, 336—338, 364, 369, 376, 377, 385, 462
 Бойко К. А. 300, 302, 303

- Бок В. Г. 518, 524
 Бокщанин А. Г. 565
 Болдырев А. Н. 59, 62, 298, 325, 331, 332, 334, 357, 359, 363, 364, 368—372, 424, 453, 461
 Большаков О. Г. 301, 302, 304
 Бонгард-Левин Г. М. 254
 Бонч-Бруевич В. Д. 33
 Борисов А. Я. 286, 549, 550, 553, 554, 562, 563
 Боровков А. К. 60, 62, 65, 335, 417, 423—425
 Борщевский Ю. Е. 302, 304, 374, 381, 382
 Брагинский И. С. 3/1, 3/5
 Бретшнейдер Э. В. 83, 84, 131
 Брэнлих Е. 285
 Брокельман К. 285, 289
 Броневский С. 470, 484
 Броссе М. И. (Броссе М.-Ф.) 23, 24, 83, 187, 277, 471—475, 477—483
 Броссе М.-Ф. см. Броссе М. И.
 Будда 236
 Бузург Алави 385
 Бузург ибн Шахрийар 286
 Булгаков П. Г. 297, 298
 Булич С. 210
 Бунаков Ю. В. 90, 96, 108—110, 113, 114, 116
 Бурдуков А. В. 227, 229
 Бурдукова Т. А. 115, 225, 226, 229, 233
 Буриан У. 519, 520, 522
 Бурнашев С. Д. 469
 Буров М. П. 264
 Бутенев К. Ф. 439
 Бутков П. Г. 469
 Бхасе 254
 Быков А. А. 286
 Быков Ф. С. 104
 Быкова Е. М. 264, 265
 Бэлл Х. И. 531
 Бюлер Г. 240, 243

 ал-Вава 279
 Вавилов С. И. 66, 506
 Ваганова Т. А. 119, 140
 Валле-Пуссэн, де Ла 157, 158, 242
 Валлезер М. 157, 242
 Ван Би 103
 Ван Го-вэй 92
 Ван Ман 98
 Ван Тун-чжао 139
 Ван Цзин-жу 179
 Ван Чун 103
 Ван Ян-мин 103
 Вандуй Э. 233
 Варадараджа 249
 Василий Иванович (...?) 209
 Васильев А. А. 562
 Васильев Б. А. 89, 91, 92, 95, 97, 99, 101, 104—108, 110—114, 160, 191
 Васильев В. П. 26, 82, 83, 94, 109, 122, 142, 143, 154, 155, 159, 163, 164, 173, 176, 220, 238
 Васильев К. В. 125, 129, 134, 136
 Васильева (Дементьева) Е. И. 392, 396, 398, 444, 453, 498
 Васильевский В. Г. 277
 Васильков Я. В. 255
 Васафи см. Зайн ад-дин Васафи
 Вахидов С. Г. 54
 Вахтин Б. Б. 124—128, 130, 132, 137, 139, 141
 Вачаспатимишра 243
 Векилов А. П. 495, 498
 Векслер Л. Ф. 363
 Веллер 169
 Вельгаузен Ю. 551
 Вельгус В. А. 112, 125, 140
 Вельяминов-Зернов В. В. 22—25, 387, 403, 405, 441—445
 Верховский Ю. П. 362, 363, 367, 451, 452
 Веселовский Н. И. 428, 429, 440—441, 445, 446
 Ветюков Н. И. 90, 100
 Видеман Ф. И. 23
 св. Виктор 518, 519, 521, 522, 526
 Виленчик Я. С. 283—288, 290—292, 298, 300, 552, 553, 557
 Вильбур 513
 Вильскер Л. 562
 Вильчевский О. Л. 363, 388, 397
 Винер С. Е. 29, 547, 548
 Винников И. Н. 288, 290, 294—296, 298, 553—555
 Виноградов Е. А. 125, 131, 135
 Виноградов И. В. 508, 513
 Виноградова (Шпейер) Г. И. 200
 Вишакхадатта 254
 Вишнякова В. В. 119
 Владимирцов Б. Я. 35, 44, 91, 169, 213—216, 218, 220, 222, 229, 242, 409, 413
 Владыкин А. М. 142, 143
 Вогишара 157, 158, 242
 Войтинский Г. Н. 113
 Волгин В. П. 59, 173
 Волин С. Л. 292, 295, 368, 417, 419, 449, 450, 451
 Волков М. Г. 19, 23, 272, 275, 340, 386
 Волкова М. П. 142, 148
 Волкова О. Ф. 252
 Вольская В. 566
 Вольф Ф. 375
 Вопадева 237

- Воробьев М. В. 125, 128, 129, 135, 200, 201
 Воробьев П. И. 145, 146
 Воробьева А. И. 226, 230
 Воробьев-Десятковский В. С. 174, 175, 253, 258, 266, 328
 Воробьева-Десятковская М. И. 125, 127, 131, 140, 149, 175, 254, 328
 Ворожейкина З. Н. 340, 364, 373, 380, 383—385, 464
 Востриков А. И. 49, 160, 165—169, 171—174, 245—247
 Вронченко Ф. П. 19
 Вуллерс И. 375
 Вюстенфельд Ф. 21
 Вяземский 14
- Г**
 Табидуллин Х. З. 421, 422
 Гаван-Шараб 226
 Гаврил, архангел 518
 ал-Газали 283
 Газан-хан 466
 ал-Газмини 324
 Газов-Гинзберг А. М. 555—558
 Галстян А. Г. 485, 492
 Гамберг В. 100
 Гамлет 521
 Гаммерман А. Ф. 170
 Ганди Индира 251
 Ганковский Ю. В. 445
 ал-Гарнати 291
 Гасан-заде 416
 Гафуров Б. Г. 69, 74, 80
 Гвиди И. 521
 Гевонд 479
 Гейгер А. 314, 544
 Гейдекен 477
 Гейкель 407
 Гельб И. 537
 Генко А. Н. 363, 412, 484, 486—488, 492—494
 Георгий Лаш 473
 Герасимова К. М. 176
 Гербер И. Г. 115, 117, 469
 Гете В. 12
 Гильденштедт И. А. 401
 Гинцбург Д. Г. 271
 Гинцбург И. И. 59, 552, 553
 Гинцбург Я. М. 559
 Гиргас В. Ф. 276
 Гириллович Т. Н. 265
 Гирс М. М. 25, 49
 Гладышев П. В. 265
 Глазер Э. 558, 566
 Глускина А. Е. 60, 192, 194, 196—198
 Глускина А. И. 534
 Глускина Г. М. 555, 562
 Глюк И. 7
 Гмелин С. Г. 401, 469
- Г**
 Гобиль 82
 Гоголь Н. В. 372
 Голенищев В. С. 509, 518, 519, 521
 Голстунский К. Ф. 212
 Голубева Л. Б. 297, 298
 Гольдберг Д. И. 193, 195, 197, 198
 Гольдберг Н. М. 60
 Гольдман Д. М. 263
 Гомбоджаб-Мэргэн 227—229
 Гомбоин Л. 229
 Гондза 189
 Горбачева З. И. 90, 93, 97, 98, 110, 114, 115, 118—120, 122—124, 126, 130, 134, 140, 183, 184
 Горбунов Н. П. 54
 Гордлевский В. А. 289
 Горегляд В. Н. 186, 199, 201
 Горегляд Т. П. 230
 Горелик В. С. 90
 Горский В. В. 142, 143, 163
 Горький М. 35, 57, 88, 372
 Готвальд И. 479
 Готье Р. 28, 313, 315
 Гошкевич И. А. 186
 Граф Г. 551
 Гребенщиков А. В. 90, 146—148
 Грек Т. В. 384
 Греков Б. Д. 220
 Григорий IV Антиохийский 281
 Григорьев А. В. 156
 Григорьев В. В. 25, 211, 220, 273, 275, 403, 406, 428, 435, 438, 443, 445, 446
 Григорьев Н. 442
 Гришаев Р. И. 296
 Громковская Л. Л. 200
 Гроссе В. Ф. 86
 Грубе В. И. 26, 84
 Грум-Гржимайло А. Г. 155
 Грум-Гржимайло Г. Е. 155
 Грунтфест Я. Б. 301, 304
 Грюнберг А. Л. 325
 Грюнведель А. 28, 158
 Грязневич П. А. 296, 298, 299, 301—303
 Губайдуллин Х. З. 298
 Губер А. А. 68
 Гудзенко А. Н. 83
 Гузев В. Г. 425, 426
 Гульбин Г. Г. 59, 286, 419
 Гуляниц В. 363
 Гулямов А. 423
 Гумилев Л. Н. 369
 Гургани 489
 Гуревич И. С. 124—126, 131, 132, 136
 Гусейнов Р. А. 498, 564
 Гуссейн-заде А. 485
 Гюзальян Л. Т. 363, 364, 375
 Гюльденштедт И. А. 469, 474

- Дагин Е. Г. 195
 Даль В. И. 322
 Дамдинсүрэн Ц. 230—233
 Дандамаев М. А. 329, 330, 515, 535—537, 540, 542
 Дандарон Б. Д. 176
 Дандекар Р. Н. 252, 257
 Дандин 256
 Данилова С. Д. 125, 130, 131
 Дарий I 504, 542
 Дасгупта 243, 244
 Дас С. Ч. 152, 159, 169
 Даулатшах 344
 Даурский В. см. Якимов В. Д.
 Дашевский В. Л. 550, 552, 553
 Дегинь 220
 Деманж Ж.-Ф. 14, 270, 271
 Демезон П. И. 404, 479
 Дементьева Е. И. см. Васильева Е. И.
 Демидова М. И. 132, 133, 140
 Денбей 6
 Дервиш Дихаки 371
 Джавахишвили И. А. 490
 Джал-цаб Дхарма-ринчен 162
 Джала Ал-е Ахмад 385
 Джалал ад-дин Руми 349
 Джалилов Дж. 392, 396, 397
 Джалилов О. 392, 397
 Джамал Мир Садки 385
 Джами Абдаррахман 340, 359
 Джамилинский 418
 Джамьян-шадпа Нгагбанг-дзон-дуй I 168
 Джанашвили М. Г. 482
 Джардин Р. 390
 Джевдет-заде Х. 418, 423
 Джедоринкхампо 164
 Джикня С. С. 423
 Джоши Лакшман-Шастри 257
 Джуллаби 351
 Дзиппэнся Икку 194
 Дигнаги 243
 Диманштейн С. 34, 50, 51
 ад-Димишки 17
 ад-Динавари см. Абу Ханифа ад-Динавари
 Дионисий Ареопagit 520
 Дмитриев Н. К. 412, 414, 422, 423
 Дмитриева Л. В. 425, 433
 Дмитриевский П. А. 130, 131
 Дондуа В. Д. 485, 493
 Дондуа К. Д. 484, 489—491
 Дорн Б. А. 20—26, 275—277, 305—308, 314, 377, 340—343, 361, 381, 386, 403, 436—439, 441, 443, 445, 479, 480, 517, 544
 Доссетер Э. 519
 Драгунов А. А. 54, 60, 89, 92, 93, 95, 99, 104—107, 110, 113—121, 167, 179, 180, 183, 188
 Драгунова Е. Н. 90, 105—107, 121
 Дрешер К. 501
 Дубровин Н. Ф. 22
 Дуганов 172
 Дулат Мухаммад-Хайдар 444
 Дугаров 169
 Дулина Н. А. 425, 433, 434
 Думан Л. И. 90, 93, 97—99, 110, 113, 114, 140
 Думбули Абдарраззак 399
 Дун Хуэй 91
 Дунаевская И. М. 536, 537, 541, 543
 Дхармакирти 158, 162, 243
 Дыльков С. Д. 146, 147, 219, 224, 229, 232
 Дыренкова Н. П. 413
 Дьяконов И. М. 72, 325—327, 536, 537, 539—543
 Дьяконов М. М. 327, 329, 363, 364
 Дьяконова Н. В. 60, 369, 423
 Евгений, экзарх 475
 Евгенова В. И. 59, 62, 503, 504
 Егназаров С. 390
 Егоров А. В. 419
 Екатерина II 544
 Еланская А. И. 508, 512, 516, 521, 525, 526
 Елизарова М. М. 555—557
 Елисеев Д. Д. 202, 205—207
 Елисеев С. Г. 86, 187
 Елисеева Н. В. 356, 357, 376, 383—385
 Елкина А. Ф. 59
 Ельяшевич Б. С. (Эльяшевич) 548, 549, 550
 Еремян С. Г. 485, 490—492
 Ерзнкянц А. 476
 Ериг И. см. Иериг И.
 Ернштедт В. К. 530
 Ернштедт П. В. 243, 328, 501, 507, 508, 523—525, 527, 528, 530—532
 Ефимов Г. В. 113, 140
 Ешке Х. А. 152, 169
 Жабa А. Д. 387
 Жамцарано Ц. Ж. 29, 158, 218, 222—224, 226, 229
 Жебровский В. А. 90, 146, 147
 Желтяков А. Д. 427, 428
 Жирмунский В. М. 423, 460
 Жуков Д. П. 190, 192, 193
 Жуков Е. М. 190, 192, 193, 198
 Жуковский В. А. 22, 305, 311, 315, 317, 331, 333, 347—352, 357, 365, 366, 435, 447, 448
 Жуковский Вас. А. 15

- Журавлева В. П. 133
 Жюльен Ст. 21, 83, 132
- Забилов В. 54, 415, 416
 Завадовский Ю. Н. 303
 Завистович А. А. 369
 Завьялова В. И. 325
 Зайн ад-дин Васифи 370, 453
 Закиров С. З. 425, 426
 Залеман К. Г. 26, 27, 29, 278, 279, 305, 308—316, 320, 330, 335, 341, 343—345, 347—349, 382, 387, 403, 408—411, 419, 445, 500, 519, 546, 547
 Залкинд Е. М. 227, 228
 Заратуштра 542
 Зарифов Х. Т. 423, 460
 Зарре Ф. 28
 Зарубин И. И. 28, 60, 313, 315, 319, 336, 363, 369, 547
 Захаров И. И. 142, 143, 147, 148
 Захау К. 21
 Заходер Б. Н. 294
 Заяпандит 219
 Зенон 501
 Зимин А. С. 263
 Зислин М. Н. 555, 556
 Зограф Г. А. 260, 266, 267, 268
 Зограф (Бабнева) И. Т. 123—125, 128, 131, 137, 138
 Золоева 363
 Зуев В. Ф. 469
 Зу-р-Румма 283
 Зюзин А. Г. 113
- Иакинф**, арх. см. Бичурин Н. Я.
 Ибн ал-Асир 277, 296
 Ибн Мискавейх 279
 Ибн ал-Му'таз 285, 290
 Ибн Фадлан 273, 278, 291, 292, 294
 Ибн Хазм 285, 290
 Ибн Халдун 285, 300, 304
 Ибн Хамдис 282
 Ибн Хаукаль 274
 Ибрагимов М. И. 485
 Ибрагимова Г. М. 136, 140
 Ибрахим бен Абдулхейр 547
 Иваненко Н. Г. 195
 Иванов А. А. 384
 Иванов А. И. 85, 91, 178—180
 Иванов В. А. 28, 31, 279, 283, 315, 317, 343, 351—353, 559
 Иванов В. В. 183
 Иванов М. С. 363, 453, 454
 Иванов П. П. 363, 417, 448, 449, 452, 456—460
 Иванова Г. Д. 199, 200
 Иванова О. В. 226, 227, 229
 Иванова Р. Д. 426
Иванова-Шацкая (Шацкая) О. И.
- Ивановский А. О. 84, 131, 143
 Игумнов А. В. 209
 Иериг И. 10, 150, 151, 210, 211
 Иехуда Халеви 554
 Илария 501
 Ильина К. Д. 311, 362, 363
 Ильминский Н. И. 406
 Илюшечкин В. П. 122
 Иностранцев К. И. 435
 Инояттов Х. Ш. 62
 Иоанн Филопон 566
 Ионов В. М. 411
 Иориш И. И. 209, 232
 Иоселиани П. 475, 476, 480
 Иосиф, хазарский царь 548
 Иоффе Т. П. 140
 Ирредж-Мирза 384
 Исаев М. И. 325
 Исихама Дзюнтарс 91, 95, 103
 Искандер Мунши 364
 Искандеров А. Ф. 285—288, 290, 296, 297, 300
 Исмет-паша (Исмет Иненю) 421
 ал-Истахри 296, 342
 Исхаков 416
 Итальянский А. Я. 271
 Ито Тогай 198
 Ихара Сайкаку 195
- Ияхйя Антиохийский** 277, 278
 Ияхйя ибн Адам 292
- Казакевич В. А. 218, 229
 Казакова Л. Г. 125, 132
 Казем-бек А. К. 405, 454
 Казин В. Н. 90, 116
 Каим Макам 384
 Кай-Кавус 375
 Кайбагарова Ш. 416
 Какабадзе С. С. 495—497
 Калантар А. А. 484
 Калидаса 257, 258
 Калининков А. Д. 227, 228
 Каль Е. Ф. 313
 Кальянов В. И. 172, 235, 249, 251, 264
 Камада Рюкю 198
 Каменский П. И. 82, 83, 130, 142, 143, 186
 Кане П. В. 252, 257
 Канева И. Т. 537, 542
 Кано Наоки 91, 93
 Кантемир Дмитрий 7
 Каплан Г. Х. 537, 542
 Капранов В. А. 325
 Карев 53
 Карлина Р. Г. 196, 197, 199
 Кармасидха 170
 Карская Л. Н. 376
Кастельская Э. Д. 416, 449

- Касторий 492
 Кастрен М. А. 404, 405
 Катанов Н. Ф. 22, 409
 Катенина Т. Е. 265
 Катре С. М. 256, 257
 Каутилья 254
 Кауфман К. В. 325, 326, 338
 Кафаров П. И. 94
 Кафаров П. Я. 82
 Кафтан К. Н. 397
 Кашгари Мухаммед Садык 463
 Казтан Ж. 289
 Кебадзе Петрзэ 475
 Кепинг К. Б. 125, 130, 184
 Кеппен П. И. 480
 Кер Г. Я. 8—10, 12, 400, 401, 403
 Керн Г. 157
 Кестнер Ю. 478
 Кильберг Х. И. 288, 291
 Ким Инсэп 203
 Кинк Х. А. 508, 511, 512
 Киприан Антиохийский 520
 Кириак Иерусалимский 562
 Киселев С. В. 455
 Кислаковская Н. В. 423, 424
 Киссен И. А. 423
 Клапрот Г.-Ю. 11, 12, 80, 142, 401—403, 469, 470
 Клапрот Ю. см. Г.-Ю. Клапрот
 Клеменц Д. А. 223
 Клеменц Е. Н. 407
 Клетной А. Л. 193
 Климма О. 565
 Климчицкий С. И. 325, 326, 334, 336, 418
 Кляшторный С. Г. 425, 426, 463
 Князева 363
 Кобахидзе А. Г. 489—491, 493
 Ковалевский А. П. 287, 288, 291, 292, 294
 Ковалевский О. М. 212
 Коваленкова А. А. 264
 Козегартен И. 21
 Козеровская Е. Р. 160, 169, 172
 Козин С. А. 65, 90, 94, 115, 220—222, 229, 230, 232, 233, 563
 Козлов П. К. 85, 89, 93, 132, 155, 177, 253
 Козьма Индикоплов 566
 Козырева Т. З. 325
 Коковцов П. К. 59, 487, 535, 545—549, 551, 553—556, 558, 561, 562
 Колесников А. И. 567
 Колобков И. С. 265
 Колоколов В. С. 124, 126, 131, 135, 184
 Колпакчи Е. М. 194—199
 Комаров В. Л. 44, 61
 Коменский Я. А. 201
 Комиссаров Д. С. 363, 372
 Конаков А. П. 230, 231
 Кондаков Н. П. 479
 Кондратьев А. А. 123, 124, 131, 136, 464
 Кононов А. Н. 11, 71, 73—76, 400, 419, 423—425, 429, 431, 433, 434, 461
 Конрад Н. И. 35, 63, 65, 90, 103, 113, 125, 126, 140, 183, 188—198, 202, 203
 Корганов Ф. 476
 Кореян Л. К. 202, 203
 Коростовцев М. А. 503, 504, 515
 Корсун А. И. 489
 фон Корф И. 8
 Косаев В. 363
 Коссович К. А. 237
 Костанян К. 484
 Котвич В. Л. 35, 37, 144, 145, 178, 210, 213, 222, 223, 229
 Кочарянц Г. Г. 60
 Чочетова С. М. 119, 120, 122
 Крайнов В. М. 90
 Крам В. 521, 523
 Краснодембский В. Е. 263
 Крауш О. А. 292, 293
 Крачковская В. А. 283, 363
 Крачковский И. Ю. 6, 9, 12, 16, 23, 26, 27, 31, 35, 37, 42, 58, 60, 63—65, 145, 239, 271, 274, 275, 278—299, 302, 303, 322, 345, 347, 363, 438, 441, 451, 486, 487, 548, 551, 553, 554, 557, 563
 Кренков Ф. 289
 Кривцов В. Н. 90, 93, 110, 113, 114, 125
 Кримеци О. 476
 Кристенсен 366
 Кришна 262
 Кроль Ю. Л. 125, 127, 128, 129, 132, 134, 138, 140
 Кротков Н. Н. 83, 144, 316
 Круг Ф. И. 13
 Крымский А. Е. 289, 303
 Крюгер О. О. 527
 Крычинский Л. 289
 Ксеркс 541
 Кудрин В. И. 140
Кузнецов Б. И., индолог 268
 Кузнецов Б. И., тибетолог 176
 Кукс М. И. 172, 193
 Кулакова Н. М. 125
 Кумадзава Бандзан 103
 Кун А. Л. 547
 Куник А. А. 277, 480
 Курбатов Г. Л. 566
 Курдогли Хасан 398
 Курдоев К. К. 369, 386, 390—396, 398, 498

- Кушев В. В. 325, 337, 338, 364, 376, 381, 385, 438
 Кычанов Е. И. 123, 125, 126, 128, 135, 140, 141, 177, 184
 Кюль-тегин 407
 Кюнер Н. В. 90, 122, 204
 де Ла-Валлэ Пуссен см. Валле-Пуссэн
 Лавров Л. И. 498
 Лагард П. 345
 Ладыженский М. В. 82, 83
 Лаллу джи Лал 262
 Ламсден М. 375
 Лангле Л. 12
 Ланглуа В. 479
 Ларин Б. А. 251
 Ластивертцы А. 497
 Лауфер Б. 178, 218
 Лебедева Е. П. 226, 229
 Леви С. 28, 92, 157, 158, 242
 Левицкий М. 104
 Лейпольдт И. 519
 Леманов И. Н. 292, 419
 Лемешева И. П. 425
 Лемм О. Э. 27, 29, 31, 278, 345, 500, 501, 516—524
 Лен-Пуль С. 21
 Ленин В. И. 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 83
 Ленц Р. X. 236, 260
 Леонтьев А. Л. 81, 82, 131, 142, 143
 Леонтьевский З. Ф. 82, 83, 142, 143
 Лепехин И. И. 401
 Лепсиус Р. 517
 Лерх И. Я. 469
 Лерх П. И. 386, 397, 435, 448
 Лехно Д. 553
 Ли Бо 111, 119, 137
 Ли Цзы-чэн 98
 Ливотова О. Э. 133
 Лившиц В. А. 323, 325—329, 333, 336—339, 376, 385, 462, 536, 537
 Лившиц И. Г. 60, 503, 506, 508, 509, 536
 Липовцов С. В. 83, 142, 143, 186
 Литвинов М. М. 42
 Литке Ф. П. 24
 Литтман Э. 289
 Лихачев Н. П. 524, 531
 Ло Фу-чан 178, 179
 Ло Чан-пэй 104
 Ло Чжэнь-юй 92
 Логунова В. В. 198
 Лозинский М. 347
 Ломонсов М. В. 9, 10
 Лоример 366
 Лорис-Мелик-Калантаров А. А. 29
 Лу Синь 112, 139
 Лу Цзя 134
 Лубо-Лесниченко Е. И. 123, 125, 140
 Лувсанвандан Соном 233
 Луконин В. Г. 328
 Лундин А. Г. 555, 557, 558, 566
 Луцкий Б. В. 288
 Лю Бан 134
 Лю Сяо 117
 Лю Фу 96
 Любарский А. 511
 Любин Н. И. 90, 105, 110, 114
 Люстерник Е. Я. 264
 Лян Ци-чао 124, 126
 Магазинер Я. М. 541
 Маггид Д. Г. 559
 ал-Магриби 289
 Магруфов З. М. 423, 424
 Майсурадзе Г. 475
 Майтрейя Бодхисатва 248
 Макан Т. 375
 Макаш Гуго 389
 ал-Макин 277
 Максимов М. К. 115
 Максимова Г. П. 125, 127
 Малов С. Е. 85, 157, 174, 408, 409, 412—415, 423
 Мамедназаров А. 397
 Мамедова Ф. 497
 Манандян Я. А. 491
 Манефон 503
 Манзгур Б. И. 192
 Манн О. 391
 Мао Дунь 112
 Маретин Ю. В. 140
 Марк 518
 Марков А. К. 273
 Маркс К., миссионер 159
 Марр Н. Я. 28, 34, 39, 42, 49, 108, 145, 319, 387, 388, 397, 413, 420—422, 471, 482—484, 486, 491—496, 499, 552
 Марр С. М. 357
 Марр Ю. Н. 35, 317, 318, 332, 351, 354—357, 367, 384, 385, 484
 Мартынов А. С. 125, 127, 129, 131, 136, 141, 175
 Маршал фон Биберштейн Ф. К. 469
 Масперо А. 92
 Масперо Г. 520
 Массон В. М. 464
 Массон М. Е. 423
 ал-Мас уди 287, 291, 294
 Матвеев З. Н. 193
 Матье М. Э. 513, 534
 Махмуд ал-Кашгари (Кашгарский) 296, 414
 Махмуд Чурас 464

- Махортов 416
 Махтумкули 420
 Мацулевич Л. А. 423
 Мегвинетхусесов Д. (Мегвинетху-
 цишвили) 476, 478
 Мегрелидзе И. В. 357, 490
 Медведева Л. Я. 425
 Медников Н. А. 281, 447
 Медовая Е. Н. 90, 107, 114
 Мейе А. 213, 310
 Мела Баязеди 396
 Меликова З. 485
 Меликсет-Бек Л. М. 491, 493
 Мелиноранский П. М. 409
 Мелконян Г. 565
 Мельгунов Г. В. 306, 307
 Мельников А. М. 265
 Меньшиков Л. Н. 81, 123—133,
 137—139, 141, 205
 Мессершмидт Д. Г. 7, 210, 235, 401
 де Местр Ж. М. 12
 Меши, царь 545
 Мещанинов И. И. 422, 493
 Миклухо-Маклай Н. Д. 368—370,
 374, 378, 383, 385, 445, 465
 Микоян А. И. 68, 69
 Миллер Б. В. 388, 397
 Миллер В. Ф. 315, 321
 Миллер Г. Ф. 81, 150, 151, 210, 401
 Минаев И. П. 171, 238—240, 242,
 260, 404
 Минчжун Хутухта 159
 Минови М. 373
 Минорский В. Ф. 28, 559
 Мир Халь ад-дин 463
 Мирза Ансари 342
 Мирза Мухаммед Шафи 306
 Миронов Н. Д. 29, 242, 261, 268
 Миртов А. В. 423
 Михаил, архангел 518, 521, 526
 Михайлов М. С. 423
 Михайлова А. И. 295—297, 302,
 303
 Михайлова И. Б. 301, 302, 304
 Михновская Т. В. 59
 Моисей Каланкатуйский 479, 492
 Моисей Хоренский 479
 Моль Ж. 375
 Монгаку-сёнин (Эндо Морито)
 186
 Монзелер Г. О. 90, 110, 113, 114,
 195
 Мотоори Норинага 200
 Мочанов А. Е. 418, 429, 431, 432
 Мугинов А. М. 60, 333, 363, 368,
 374, 378, 419, 424, 425, 433
 Муллокандов А. Э. 368
 Мункуев Н. Ц. 140
 Муравьев П. Е. 113
 Муратов С. Н. 425, 433
 Муратов Х. И. 419, 429, 430, 432
 Мусаэлян Ж. С. 392, 396, 398, 498
 Мустафа Камил 291
 ал-Мутанаббиде 288
 Мухаммад Казим 383
 Мухаммад Тахир ал-Карахи 291
 Мухарджи А. 172, 246
 Мухлинов А. И. 140
 Мухлинский А. О. 289, 428
 Мухтари 380
 Мэй Лань-фан 101
 Мюллер Ф. В. К. 310
 Набонид 540
 Навои А. 57, 358, 359, 419, 420
 Наделяев В. М. 233
 Назаров И. 475
 Накано Сигэхару 200
 Накаэ Тёмин 196
 Накаэ Тодзю 103
 Наполеон II, 12
 ан-Насави 296
 Насир-и Хосров 380
 ан-Наубахти 301
 Нафиси С. 375
 Невелева (Левина) С. Л. 255
 Невский Н. А. 28, 86, 89, 91, 92,
 105, 171, 180—184, 188—192, 194,
 203
 Ненароков В. В. 192
 Неру Джавахарлал 244, 251
 Несим Абу Бешарит ан-Никкас
 517
 Нефрет (Нефертити) 511
 Низами 318, 355, 358, 359, 380, 389,
 420
 Низами Арузи 383
 Никитина М. И. 205, 206
 Николаева Л. И. 297, 298, 302, 303
 Николаева О. С. 200
 Ни'матулла 437
 Нисидла Тацуо 184
 Ниязмухаммедов Б. Н. 325, 334,
 369
 Ниязов Х. Н. 376, 380, 384, 385
 Новикова В. А. 265
 Новичев А. Д. 418, 419, 421—424,
 429—432
 Норзунов О. 155
 Нотик 363
 Нури Ихсан 398
 Нуриахметов А. Х. 425
 Нушин А. 375
 Обермиллер Е. Е. 157, 160—162,
 167, 169, 170, 172, 245—247, 254
 Обручев В. А. 155
 Оде-Васильева К. В. 286, 288
 Ольденберг Г. 242

- Ольденбург С. Ф. 22, 27, 29, 32—39, 41, 42, 45, 47—49, 53, 54, 56, 85, 92, 131, 145, 155—157, 159, 166, 167, 176, 180, 214, 223, 224, 233, 238—240, 242—244, 246, 247, 250—253, 258, 260, 269, 279, 308, 316, 318, 345, 347, 354, 355, 361—363, 367, 412, 413, 417, 453, 484, 527
 Оно Гэммё 91
 Оранский И. М. 305, 325, 329, 330, 335, 337—339, 376, 385, 537
 Орбели И. А. 28, 37, 68—74, 131, 319, 354, 363, 364, 388—390, 392, 397, 435, 451, 471, 484, 493, 495—499
 Орбели Р. Р. 468, 485, 492, 494—498, 555
 Осипов П. И. 90, 97, 114
 Османов М. Н.-О. 375
 д'Оссон 220
 Остерман А. И. 8
 Островский А. Н. 113
 Отто Э. 504
 Оуян Сю 111
 Ошанин И. М. 118—120

 Павел Алеппский 300
 Павловская Л. К. 125, 129, 130, 131, 133, 138—140
 Пайкова А. В. 555, 562, 564
 Паластров 416
 Палкина И. Е. 425
 Палладий, арх. см. Кафаров П. Я.
 Паллас П. С. 150, 151, 210, 400, 401, 468
 Пальмов Н. Н. 448, 449
 Панини 237
 Панкратов Б. И. 92, 108, 119, 120, 122—124, 135, 137, 138, 146—148, 174—176, 225, 229, 230, 232, 254, 452
 Пападопуло-Керамевс А. И. 517
 Папаян Г. К. 89, 95, 98, 99, 105, 169, 172
 Пёбель А. 542
 Певзнер С. Г. 300—303
 Паренин 82
 Патанджала 249
 Патканов К. П. 479, 482
 Паузе И. 7
 Пахалина Т. Н. 325
 Пашкова М. К. 113
 Певцов М. В. 115
 Пекарский Э. К. 410, 411
 Пеллио П. 85, 91, 92, 94, 96, 213
 Перваленко В. Ф. 476, 478
 Перейра 82
 Перепелкин Ю. Я. 503—505, 507, 508, 510, 511, 536, 537
 Периханян А. Г. 308, 327, 532, 536, 566
 Перовский В. А. 442
 Петр I 5—8, 10
 Петрашевский 440
 Петров А. А. 90, 92, 93, 97, 102, 103, 110, 113, 114
 Петров В. В. 125
 Петров Г. М. 363, 369, 454
 Петров Д. К. 284
 Петров Н. А. 90, 103, 112—114, 123, 124, 126, 130, 131, 140
 Петров П. Я. 236
 Петрова (Соловьева) О. П. см. Соловьева-Петрова О. П.
 Петровский Н. С. 503, 506
 Петровский Н. Ф. 253, 254, 417
 Петросян Ю. А. 76, 78, 79, 425, 426, 433, 434
 Петрушевский И. П. 64, 71, 364, 369, 374, 377, 385, 423, 445, 451, 459, 446, 467, 491, 494
 Пещерева Е. М. 337
 Пигулевская Н. В. 58, 59, 63, 72, 114, 292, 300, 498, 552, 554, 555, 557, 558, 560, 562—566
 Пинус Е. М. 195, 198
 Пиотровский Б. Б. 498
 Пиотровский М. Б. 304
 Писаревский Л. З. 294, 464
 Писарчик А. К. 336
 Позднеев А. М. 143, 212
 Позднеева Л. Д. 104, 115, 118, 119
 Позднеева В. Д. 190
 Покровская Л. Н. 464
 Половцев А. А. 353
 Поляков А. С. 89, 93, 97—99, 105
 Пономарев А. И. 448, 449
 Попов А. В. 212
 Попов Д. Д. 411
 Поппе Н. Н. 218
 Потанин Г. Н. 155
 Потанина А. В. 159
 Потемкин П. С. 469
 Прасад Дж. 269
 Премчанд 264, 265
 Пржевальский Н. М. 155
 Привалов М. П. 195
 Прим Э. 387
 Прозоров С. М. 301, 303
 Птицин Г. В. 450
 Пу Сун-лин 87—89, 119
 Пубаев Р. Е. 176
 Пунцог см. Агван-пунцог
 Пурандара 249
 Пучковский Л. С. 115, 222, 229, 230, 233, 234
 Пушкин А. С. 14, 372
 Рабинович И. С. 173, 265

- Рагоза А. Н. 325, 326, 328, 337, 338, 376, 385
 Рагхаван В. 252
 Радимов И. Н. 62
 Радлов В. В. 26, 27, 157, 403, 406—411, 413—415, 445
 Радуль-Затуловский Я. Б. 60, 192—198
 Радхакришнан С. 251, 257
 Рази 351
 Разумовская Е. А. 60, 292
 Разумовский К. И. 90, 102, 110, 113, 114, 116
 Рай Санъё 192
 Райнов Т. И. 60, 423
 Ракитина К. А. 484, 485, 492, 498
 Рамсес IV 505
 Расмуссен Л. 274
 Расторгуева В. С. 319, 325
 Расул Парвизи 385
 Рафиков А. Х. 424, 433
 Рахим 381
 Рашид-ад-дин 364, 367, 370, 451, 452, 466
 Резанов Н. 201
 Рерих Ю. Н. 140, 174, 175, 248
 Ринчен Б. 224, 233
 Рис Дэвидс Т. 242
 Риттер К. 441
 Рифтин А. П. 535, 536
 Рифтин Б. Л. 125, 132, 133, 140
 Роборовский В. И. 155
 Рогинская 288
 Рогова Л. Г. 125
 Розен В. Р. 22, 25, 271, 274—281, 283, 347, 348, 435, 445—447, 454, 520, 545
 Розенберг О. О. 86—89, 109, 157, 158, 187, 188, 242
 Розенберг Ф. А. 27, 29, 36—37, 278, 315, 316, 319, 345—347, 354, 362, 384
 Розенфельд А. З. 325, 333, 334, 363, 369, 372, 418, 424
 Розов Г. М. 142, 143
 Рокхил В. В. 159
 Романенко В. П. 204
 Романов А. Д. 86
 Ромаскевич А. А. 31, 35, 284, 315, 317, 332, 351, 354, 363—368, 419, 420, 450, 451
 Ромеш Бхандари 257
 Ромодин В. А. 376, 378, 385, 427, 435, 464
 Росс Д. 157, 158, 242
 Росси 521
 Россохин И. К. 81, 82, 94, 96, 142, 143
 Ростопчин Ф. Б. 362, 363, 389, 452, 453
 Рот Р. 238
 Ротштейн 288
 Рудаки 373, 380
 Рудаков А. В. 131
 Руденко Б. Т. 485, 489, 490, 493, 494
 Руденко М. Б. 392, 395, 396, 398, 498
 Руденко С. И. 412
 Руднев А. Д. 213, 223, 224, 409
 Рудов Л. Н. 90, 109, 110, 112—114, 116
 Рудова (Пчелина) М. Л. 125, 140
 Руже 566
 Румянцев Г. Н. 218, 229
 Румянцева Н. П. 14, 17
 Русинова Э. С. 496
 Руссо Ж.-Л. 16, 17, 270, 272, 340
 Руставели 355, 389, 489, 490
 Рылова Р. Г. (Бикмухаметова) 555, 564
 Рычков П. И. 401
 Саади 340, 371
 Савельев П. С. 11, 12, 273—275, 403, 435
 Савельева Л. В. 267—269
 Савицкий Л. С. 149, 175
 Саган-Сэцен (Санан-Сецен) 211, 217—219
 Салахетдинова М. А. 325, 378, 383, 463, 464
 Салим Сулеман 398
 Салимов Т. У. 423
 Салман Саваджи 349
 Салье М. А. 286, 291
 Сам-Мирза 344
 Самандар Термези 383
 Самарканди Абдарразак 364
 Сами-паша-заде Сезаи 420
 Самойлович А. Н. 35, 42, 44, 54—56, 59, 203, 239, 363, 409, 412—418, 421, 422, 448, 449, 451
 Санаи 380
 Санжеев Г. Д. 211, 215, 229
 Санскритъяна Рахула 249
 де Саси Сильвестр 14, 270, 471
 Саха Мегхнат 252
 Сверхевская А. К. 433
 Световидова И. А. 267, 268
 Себеос 479
 Сеид-заде А. А. 418
 Сейид-Мухаммед-хан 458
 Сейфи 466
 Семанов В. И. 140
 Семенов А. А. 60, 335, 343, 353, 369, 423, 424, 445, 451, 460, 461
 Семенов Д. В. 58, 59, 62, 286, 287, 288, 291—293

- Семичов Б. В. 160, 167, 169, 170, 176, 245—247
 Сен-Мартен А. 471
 Сенковский О. И. 19, 270, 274, 275, 405, 439, 477
 Сергиенко П. Х. 89, 99
 Серебряков Е. А. 125
 Серебряков И. Д. 173, 265
 Серкина А. А. 140
 Сетхой I (Сети I) 506
 Симоновская Л. В. 90, 97, 98
 Синаххериб 540
 Сиратори К. 84
 Сняки Д. 375
 Скачков К. А. 83
 Скачков П. Е. 54, 89, 93—95, 105, 125, 131, 133, 141, 239, 269
 Склярлов Д. М. 190, 192, 202
 Смирнов Б. Л. 125, 126, 128, 129, 131, 136
 Смирнов В. Д. 412, 420, 428, 429
 Смирнов П. 150
 Смирнов С. Р. 60
 Смирнов Я. И. 315
 Смирнова И. А. 392, 394, 397
 Смирнова И. Н. 269
 Смирнова Л. П. 325, 331, 334, 376, 385, 465
 Смирнова О. И. 323, 325, 326, 333, 334, 338, 363, 367—370, 374, 375, 378, 385, 450, 451, 462, 463
 Смолин Г. Я. 140
 Смыкалов Г. Ф. 90, 110, 113, 115, 117—119, 121, 122, 131
 Снегирев И. Л. 503
 Содза 189
 Соймонов Ф. И. 7
 Соколов М. Н. 549—552
 Соколов С. Н. 325
 Соколова В. С. 319, 325
 Соловьева-Петрова О. П. 62, 195—199, 201, 205
 Солодухо Ю. А. 292, 328, 550—554
 Соломон Ибн Габироль 549, 554
 Солт (Salt) 513
 Солтанов С. В. 119
 Сонхбара 235
 Сорокоумовская Г. В. 425, 426
 Сотников М. Н. 263
 Софронов М. В. 184
 Социн А. 387
 Спасский Г. И. 402
 Спирин В. С. 124, 126, 128, 130, 131, 136, 140, 141
 Сталь-Гольштейн А. А. 243
 Стариков В. С. 140
 Старкова К. Б. 293, 294, 296, 464, 541, 544, 554—558, 563
 Стеклов В. А. 35
 Стефаннда 518, 521, 522, 526
 Стратанович Г. Г. 115, 117
 Строганов С. Г. 436
 Строев П. М. 474
 Струве В. В. 56, 58—60, 65, 72, 73, 251, 329, 364, 458, 501—504, 507, 508, 513—515, 525, 527—529, 533, 535—539, 541, 542, 551, 552, 554
 Студенецкая Е. Н. 498
 Стулова Э. С. 125, 126, 128, 129, 131, 132, 137
 Суави Али 430
 Сулейкин Д. А. 250, 264
 Сулеймани А. 565
 ас-Сули 283, 288, 291, 292, 294, 297, 300
 Султан Велед 409
 Сумпахханло 164
 Сунь Ят-сен 92, 100
 Сухотин В. К. 286
 Сухтелен П. П. 474, 516
 Сыкун Ту 87
 Сыма Цянь 97, 118, 127, 134
 Сэ У-мэн 102
 Сюй Бэй-хун (Жю Пэон) 92, 114
 Сян Юй 134
 Сяо Пин 139
 Сяо Хун 139
 ат-Табари 296, 300, 462
 Табидзе С. 475
 Тагирджанов А. Т. 325, 331, 333, 369, 372—375, 374, 375
 Тагор Рабиндранат 160
 Таджиев Д. Т. 325, 334
 Таланов Н. Г. 415, 416
 Тантави, шейх 287
 Тао Юань-мин 111
 Таранатха 154
 Таранович В. П. 90, 94, 131
 Гаркаджвал 248
 Татаринов А. 200, 201
 Татищев В. Н. 401
 Тауфик ал-Хаким 286, 290
 Таха Хусайн 286, 290, 297
 Ташназаров 416
 Тверитинова А. С. 418, 419, 423—425, 429, 431—433
 Темкин Э. Н. 254
 Тер-Аветисян С. В. 485, 491
 Тер-Матевосян Р. 485
 Терентьев-Катанский А. П. 125, 128, 130, 131, 140, 141, 184
 Тизенгаузен В. Г. 23, 273, 275, 368, 403, 435, 436, 445, 450
 Тимофеев П. Ф. 369
 Тихвинский С. Л. 118, 119
 Тихонов Д. И. 60, 72, 115, 117, 122, 124, 136, 423, 424, 449
 Тишендорф 518, 519

- Тихсен О.-Г. 14
 Тишков А. 112
 Тогано Сёун 91
 Тоё Дэёсукэ 186
 Толстов С. П. 326, 455
 Толстой Л. Н. 372
 Томас Ф. 155
 Томашевский Б. В. 315
 Томсен В. 407
 Тонков В. Н. 36
 Тоньюкук 408
 Торопов А. А. 125, 126, 129, 132, 133, 137
 Тревер К. В. 60, 319, 325, 335, 363, 364, 369, 423, 496, 498
 Троицкая А. Л. 60, 335, 369, 376, 385, 412, 423, 424, 461
 Троицкий М. С. 172, 249
 Троцевич А. Ф. 205, 206
 Тубьянский М. И. 35, 42, 90, 94, 160, 162—165, 227, 245
 Тугван 170
 Тугушева Л. Ю. 425, 426
 Тулси Дас 262
 Туманович Н. Н. 376, 381, 385
 Тураев Б. А. 500—503, 507, 517, 521
 Турсун-заде М. 371
 Тутов И. И. 140
 Тшасковский А. Ф. 476
 Тюрин В. О. 329
 Тянь Хань 139
- У**
 У Гуан 134
 Уваров С. С. 12—17
 Угад 159
 Улановский В. Д. 200
 Ульдзейту (Улджайту), ильхаг: 222
 Ульман М. И. 125, 130, 133, 140
 Ульянов А. И. 33
 Ульянова О. И. 33
 Умэхара Суэдзи 91
 Уньковский 416
 Урукагина 538
 Усама ибн Мункиз 283, 290, 303
 Ухтомский Э. Э. 158
- Ф**
 Фалев П. А. 31
 Фазылов М. Ф. 325
 Фальк И. П. 401
 Фань Чжэнь 103
 Фань Чун 122
 Фарид ад-дин Аттар 340, 349, 357, 365, 378, 380
 Фархадян А. И. 333
 Фасмер Р. Р. 273, 284
 Фахри Г. 363
 Федоренко Н. Т. 111, 117, 119
 Федоров И. 363
 Фейзханов Хусейн 405
- Фельдман Н. И.** 193
Ферран Г. 298
Ферсман А. Е. 35
Фирдауси 344, 346, 347, 355, 356, 358, 367, 373, 375, 389
Фиркович А. С. 546, 549, 553
Фитрат 363
Фихман И. Ф. 527, 533, 534
Фишер И. Э. 210, 401
Фишман О. Л. 112, 119, 125, 127—130, 137—140
Флитнер Н. Д. 501
Флуг К. К. 59, 89, 90, 92—95, 110, 114, 116, 130, 180, 188
Фокин А. Г. 199
Фолькман Е. А. 189, 192
Франке О. 84, 155
Фрейман А. А. 35, 60, 65, 291, 305, 310, 311, 315, 319—325, 332—335, 337, 338, 354, 363, 364, 369, 389—392, 451, 462, 547
Френ Роб. Х. 23, 26, 275
Френ Х. Д. (Х. М.) 7, 9, 12, 13—20, 23, 83, 220, 236, 270—276, 278, 280, 281, 340, 341, 386, 403, 435, 436, 438, 441, 470, 471, 475, 477, 480
Фридланд Л. П. 547, 548, 551, 553, 558
Фридланд Б. Л. 419, 423, 424
- Хазнадар М.** 395—397
Хайаг Омар 349, 380
Хайдар Рази 444
Хайкаль Мухаммад 287
Хакани 344, 349, 355, 380
ал-Хаким, халиф 277
Халдар Аруна 258
Халидов А. Б. 296—298, 300—304
Хамгашалов А. М. 227—229
Хамдаллах Казвини 465
Хаммер-Пургсталь И. 21
Хамоян М. 392, 397
Ханин З. Я. 131, 199, 200
Ханьков А. В. 440
Ханьков Н. В. 22, 306, 404, 435, 438—443, 448, 476, 478, 480
Ханьков Я. В. 440
Харибхадра 162
Хартман Р. 285
Хасдан Ибн Шафрут 548
Хафиз 340, 349
Хафиз-и Абру 342
Хафиз-и Таныш 443, 463
Хашан-джалпо 159
Хашимов 415, 416
Хашаб А. Ф. 343
Хвольсон Д. А. 448, 544—546, 559, 561
Хедайат С. 372

Хелк В. 504
Хетачандра 237
Херма ван Вос М. С. Х. Г.
(М. S. H. G. Heerma van Vos)
509
Хетагуров Л. А. 324, 325, 332, 333,
336, 338, 363, 367, 368, 389, 451
Хирт Ф. 84
Ходзько И. И. 478
Холодович А. А. 193—196, 203, 204
Хондемир 378
Христос 518
Ху Ши 96
Хуан Цзунь-сянь 124
Худобашев А. 477
Хусейн (Хюсейн), Ходжа 433
Хут Г. 159

Цаболов Р. Л. 325, 392
Целуева (Ли) Ю. А. 425
Церетели Г. В. 288, 290
Церетели Г. Ф. 527, 530, 531
Церетели С. И. 530
Цзи Юнь 138
Цзонкхава 162, 164
Цзян Тин-фу 91
Циперович И. Э. 112, 119, 125, 130,
140
Цискаров И. 484
Цовикян Х. М. 419, 423, 429, 431,
432
Цукерман И. И. 390—396, 398, 498
Цыбиков Г. Ц. 155, 156
Цыденов Д. Ц. 169
Цэнд 233

Чайкин К. И. 356, 367, 384, 385
Чанд Бардаи 260
Чаттерджи Сунити Кумар 257
Чаттопадхья 172
Чебанова Л. А. 374
Черемисов К. М. 146, 147, 174, 175,
219, 229, 230
Черкасский Л. Е. 140
Черман Т. П. 418, 419, 423, 424,
429, 433
Чернов 168
Чехов А. П. 372
Чжан Цзай 102
Чжанчжа Ролли-дордже 157
Чжао Шу-ли 139
Чжоу Дун-и 102
Чжоу Сун-юань 107, 119
Чжу У-шан см. Осипов П. И.
Чигринский М. П. 125
Чижикова К. Л. 239, 267, 269
Чильдерс Р. 242
Чингисхан 224
Чонгор Б. 104
Чоттопадхья Бонким Чондро 265

Чубак С. 385
Чубинов Д. 475, 479
Чугуевский Л. И. 81, 123, 124, 128,
130—133, 140
Чураков М. В. 291
Чэнь Шэ 134

Шакьямуни 153
Шама А. М. 286, 288, 289
Шамилов А. Ш. 390
Шамзини С. А. 392, 397
Шампольон Ж.-Ф. 506
Шамс ад-дин Абу Абдаллах Му-
хаммад ибн Талиб (ал-Ансари
ас-Суфи ад-Димишки) см. ад-
Димишки
Шамс-и Фахри Исфакхани 312, 373
Шандровская В. С. 567
Шанидзе А. Г. 484, 487
Шантаракшита 249
Шаракшинова Н. О. 231, 232
Шарма Рам Шаран 252
Шармуа Ф.-Б. 14, 387, 404, 471
Шастина Н. П. 231, 232
Шастри Дхармендранатх 247, 257
Шаумян Р. М. 484
Шафрановская Т. К. 140
Шахатуния О. 476
Шацкая (Иванова-Шацкая) О. И.
415, 416
Шенуте 519
Шёгрэн А. М. 469, 470
Шилейко В. К. 535
Шиллинг П. Л. 82, 83, 131, 152,
154, 157
Ширяев М. А. 172, 250, 256, 263
Шитов Г. В. 362—364, 376, 383,
385, 454
Шифман И. Ш. 176, 555, 556, 558,
566
Шифнер А. А. 23, 153, 154, 173, 176,
277, 403, 404
Шишкин В. А. 423
Школяр С. А. 123, 124, 126, 127,
129, 131, 135, 140, 141
Шмидт А. Э. 281, 289, 294, 298,
414, 435
Шмидт Я. И. 151—153, 173, 176,
210—212
Шобер Г. 401, 469
Шпейер Г. И. см. Виноградо-
ва Г. И.
Шпревитц 477
Шпринцин А. Г. 53, 89, 104, 105,
106, 110, 112, 125, 140
Шривастав Равиндранатх 258
Штейн А. 547
Штейн В. М. 71, 90, 98—100, 102,
110, 113—115, 118, 119, 121, 123—
126, 128, 133, 140

Штейндорфф 521
Штернберг Л. Я. 554
Штукин А. А. 90, 92, 111, 112
Шуберт Ф. И. 15
Шудраки 253
Шумовский Т. А. 281, 289, 298,
299, 301—304
Шеглова О. П. 376, 381, 383
Щерба Л. В. 412
Щербатской Ф. И. 35, 39, 42, 59,
155—163, 165—170, 173, 174, 176,
238—251, 255, 256, 258, 260, 262,
263
Щуцкий Ю. К. 89, 91—93, 95—97,
102, 103, 105, 107—111, 113, 114,
130, 188

Эберман В. А. 282—284, 290, 346
Эберс Г. 517
Эвлия Челеби 432
Эйдлин Л. З. 118, 119, 122, 125
Эйюби К. Р. 392, 394, 397
Ельяшевич Б. С. см. Ельяше-
вич Б. С.
Эми Сяо (Сяо Сань) 90, 105, 113
Эмир Пазевари 342
Эрдени Очир см. Калининков А. Д.
Эрккерт Р. 484
Эрлих Р. Л. 286
Эрман А. 521
Эрман В. Г. 254, 256, 303
Эхнейот (Эхнатон) 505, 510, 511

Юань Мэй 138
Юань Тун-ли 91
Юзбашян К. Н. 495—498

Юдахин К. К. 412—417, 423
Южаков С. Н. 242
Юлдашбаев Х. Х. 265
Юлдашев М. Ю. 464
Юнкер Г. 313
Юсти Ф. 387, 390
Юстов В. К. 110, 114
Юсупова З. А. 392, 397, 398
Юшманов Н. В. 284, 286, 290, 557

Ябуки Кэйки 85
Ядринцев Н. М. 407, 410
Языков Н. Д. 469
Якимов В. Д. 219
Якоби Г. 240
Якобсон А. Л. 498
Якобсон В. А. 537, 541
Якуб-бек 424
Якубов Х. Я. 423, 424
Якубовский А. Ю. 60, 214, 220, 232,
294, 301, 364, 416, 417, 423, 445,
446, 449—451, 456—458
Якут 274
Ян Сюн 103
Ян Хин-шун 104, 140
Ян Чжу 103
Янковская Н. Б. 541
Янсен И. 509
Ярославцева Н. П. 168, 169, 172
Ярцов Я. О. 403
Ясеми Рашид 396
Яхонтов С. Е. 125, 140
бр. Яхуда 559
Яхья Антиохийский см. Пахья
Антиохийский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. <i>Д. Е. Бертельс</i>	5
Китаеведение. <i>Л. Н. Меньшиков и Л. И. Чугуевский</i>	81
Маньчжуроведение. <i>М. П. Волкова</i>	142
Тибетоведение. <i>М. И. Воробьева-Десятовская и Л. С. Савицкий</i>	149
Тангутоведение. <i>Е. И. Кычанов</i>	177
Японоведение. <i>В. Н. Горегляд</i>	186
Корееведение. <i>Д. Д. Елисеев и М. И. Никитина</i>	202
Монголоведение. <i>И. И. Иориш</i>	209
Санскритология <i>В. И. Кальянов</i>	235
Новоиндийская филология. <i>Г. А. Зограф</i>	260
Арабистика (1818—1917). <i>С. М. Бацеева</i>	270
Арабистика (1917—1968). <i>Т. А. Шумовский</i>	281
ИРАНИСТИКА	
Древнеиранская филология и иранское языкознание.	
<i>И. М. Оранский</i>	305
Новоиранская филология. Литературоведение. <i>С. И. Баевский</i>	
и <i>З. Н. Ворожейкина</i>	310
Курдоведение. <i>К. К. Курдоев</i>	386
Тюркология. <i>А. Н. Кононов</i>	400
Изучение истории Турции. <i>А. Д. Желтяков</i>	428
Изучение истории Ближнего и Среднего Востока. <i>В. А. Ро-</i>	
<i>модин</i>	435
Кавказоведение. <i>Р. Р. Орбели</i>	468
Египтология. <i>О. Д. Берлев</i>	500
Коптология. <i>А. И. Еланская</i>	516
Папирология. <i>И. Ф. Фихман</i>	527
Ассириология. <i>М. А. Дандамаев</i>	535
Гebraистика. <i>К. Б. Старкова</i>	544
Сириология. <i>Н. В. Пигулевская</i>	560
Список директоров и заведующих АМ — ИВ — ЛО ИВАН	
СССР <i>А. Ф. Сергачев</i>	568
Список сокращений. <i>Л. Н. Карская</i>	569
Именной указатель. <i>Е. И. Васильева, Н. В. Елисеева</i>	580

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор З. Д. Кагельская
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор М. М. Фридкина
Корректоры В. М. Кочеткова
и Г. В. Стругова

♦

Сдано в набор 1/VI 1971 г.
Подписано к печати 18/II 1972 г.
А-05556. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 2
Печ. л. 37,25. Уч.-изд. л. 41,85
Тираж 2000 экз. Изд. № 2223. Зак. № 624
Цена 3 р. 16 к.

■

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	2 сн.	ИРКА	ИРКСА
131	4 св.	ИБ	АВ
257	4 св.	1964	1954
257	13 сн.	прим. 111	прим. 75
285	5 сн.	АН	АМ
306	5 сн.	Paşo	Paşto
348	4 сн.	Аме Аухадэддин Энвери	Али Аухадэддин Энвери
349	9 сн.	E. D. Koss	E. D. Ross
403	7—8 св.	«Абу-л-Гази- Шаджара-и Тюрк»	Абу-л-Гази «Шаджара-и Тюрк»
477	6 сн.	géorgInnes	géorgiennes
500	2—3 сн.	Aegyptioruni	Aegyptiorum
584	26 св.	Джала Ал-е Ахмад	Джалад Ал-е Ахмад
585	19 св.	Исихама Дзюн- тарс	Исихама Дзюн- таро

30.167.